

**Валерий
ЧЕРЕПИЦА**

**... НЕ ПОТЕРЯТЬ
СВЯЗУЮЩУЮ НИТЬ**

**ИСТОРИЯ ГРОДНЕНЩИНЫ XIX–XX СТОЛЕТИЙ
В СОБЫТИЯХ И ЛИЦАХ
(исследования, документы, комментарии)**

Гродно 2003

УДК 947.6(476.6)
ББК 63.3(4Бел)
Ч60

Рецензенты: кандидат исторических наук, доцент Э.С.Ярмусик;
кандидат исторических наук, доцент В.А.Хилюта

Рекомендовано советом исторического факультета ГрГУ им. Я.Купалы.

Черепица В.Н.

... Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX
столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии):
Ч46 Монография. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 420 с.

ISBN 985-417-502-2.

В монографии повествуется о связях с Гродненщиной П.А.Столыпина, Н.М.Карамзина, Л.Рейснер, А.Л.Чижевского, В.В.Богдановича и других деятелей ушедших столетий, публикуются и комментируются ценные документы, имеющие отношение к истории приаманского края XIX – XX столетий. Материалы исследования адресуются историкам и широкому кругу читателей.

Ил. 83, библиогр. 172.

УДК 947.6(476.6)
ББК 63.3(4Бел)

ISBN 985-417-502-2.

© Черепица В.Н., 2003

ВВЕДЕНИЕ

*Нет ничего более человеческого
в человеке, чем потребность
связывать прошлое с настоящим.*

Ф.И. Тютчев.

Среди множества определений, имеющих отношение к истории, наиболее удачным следует признать высказывание В.О.Ключевского, предваряющее его замечательный «Курс русской истории»: «На научном языке слово история употребляется в двояком смысле: 1) как движение во времени, и 2) как познания этого процесса». Понимая под т.н. историческим процессом – ход, условие и этапы развития человеческого общества в тесной взаимосвязи с природой, авторитетный ученый рекомендовал будущим историкам «не упускать в волнистом потоке исторической жизни» то твердое и устойчивое в характере общественного развития, что он назвал «известным житейским порядком, строем людских отношений, интересов, понятий и нравов». По мнению Ключевского, этого сложившегося порядка люди, как правило, долго и упорно держатся, пока непрерывное движение человеческой драмы не заменит его порядком другим, более новым. Такого рода перемены в жизни народов и поколений весьма часто имеют глобальный характер, но даже при этих часто драматических коллизиях «нить исторического развития никогда не прерывается».

Прочность этой «нити» поддерживается двумя средствами: общением и преемственностью. В жизни человеческого общества чрезвычайно важно, чтобы люди понимали друг друга и чтобы нуждались друг в друге, чувствовали потребность один в другом. Благодаря обмену действий, люди, обладающие разумом и волей, становятся способными к большему и полезным делам. «Устаиваясь и твердея от времени», эти людские связи превращаются в нравы и обычаи. В силу этих условий общение становится возможным не только между отдельными людьми, но и между сменяющимися поколениями: это и есть историческая преемственность. Она состоит в том, что достояние одного поколения, как материальное, так и духовное, передается другому. Средствами передачи этого народного достояния служат наследование и воспитание. Время закрепляет усвоенное наследие новой нравственной связью, историческим преданием, которое, переходя из поколения в поколение, претворяет наследуемые от отцов и дедов заветы и блага в наследственные свойства и склонности потомков¹.

Наиболее полно ход исторического процесса вскрывается в явлениях человеческой жизни, известие о которых сохранились в разнообразных исторических памятниках или источниках. Вот почему предметом и смыслом данной работы нами избраны как известные исторические деятели (Н.М.Карамзин, П.А.Столыпин), так и менее известные (Л.Рейснер, А.Л.Чижевский), а то и вовсе неизвестные (В.В.Богданович, С.П.Белайц и др.). Такое соотношение

нисколько не принижает суть постулатов В.О.Ключевского, а наоборот, расширяет их, позволяя проследить действие т.н. исторической преемственности на различных этапах истории Гродненщины. С большинством из героев очерков, включенных в данную книгу, историческая связь за последние время практически прервалась, а их имена оказались в определенном смысле преданны забвению, а потому нам не оставалось ничего иного как находить места этих разрывов и сплести их воедино. В этих скромных усилиях нет ничего удивительного, ибо такова естественная потребность людей, как тех, кто творит историю, так и тех, кто пишет о ней. И если в будущем какое-либо стихийное событие – будет ли то внешнее изменение нашей планеты, или внутреннее изменение человеческого мира – разрушит нашу цивилизацию, все равно можно быть уверенным в том, что будущее поколение столь же усердно будут раскапывать ее следы, как и мы ищем связь с героями нашей книги.

Один из них - Н.М.Карамзин – почти два столетия тому назад дал достаточно образное объяснение этим человеческим устремлениям: «История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слова в уста, из тления вновь созидавая царства... расширяет пределы нашего собственного бытия, ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их...»². Наша избирательность по отношению к тем, кого мы хотим, «видеть и слышать», вполне объяснима, так как каждый из нас ищет в истории, в ее действующих лицах свою собственную сущность, свое собственное человеческое «Я». «Какую правду знали они, ушедшие, и почему этой истиной не обладаю Я?» - спрашивает современный белорусский философ и историк Б.М.Лепешко, и тут же, не дожидаясь ответа, вполне резонно замечает, что единственный выход в сложившейся ситуации видится лишь в том, чтобы нырнуть опять в ту же реку, из которой мы вышли, в реку истории: «Каждый ныне живущий – это Ихтиандр, у которого не только «настоящие» легкие, но и жабры «прошлого». И еще неизвестно, какая среда обитания нам более привычна: та, что кажется единственно реальной и возможной, или же та, которая есть на самом деле и из которой мы вышли и в которую неизбежно уйдем?». И далее: «История действительно подобна океану. Здесь все: и безмолвие, и яркость, и ясность, и таинства, и загадки, и непредсказуемость, и простор, и бесконечность и горизонт, и небо над головой. И, благодарение Творцу, это единственная возможность понимания истории. В том прежде всего смысле, что нет для нас ответа ни сейчас, ни в будущем. Точно так же, как не было ответа для тех, кто шел перед нами. И все, что нам остается, это муки мысли – но как же сладостны эти муки»³...

Выбор в качестве героев наших очерков именно этих, а не других людей, конечно же, не случаен. И дело здесь не только в том, что их имена незаслуженно предавались забвению или трактовались односторонне. Исключительно важен здесь еще и гродненский историко-краеведческий ракурс жизни, и деятельности тех, о ком мы повествуем. И эта близость не только возвышает нас, гродненцев, в собственных глазах, но и позволяет более предметно рассматривать сложнейшие коллизии нашего прошлого, включая не только политические, личностные, но и этно-конфессиональные аспекты темы. Осозна-

ние духовной близости с теми, кто жил до нас, потребность разобраться в тех проблемах, которые они разрешали, и над разрешением которых бьемся мы, были для меня одним из самых важных побудительных мотивов в работе над книгой. В понимании всего исследуемого в этой книге существенную роль сыграли многие факторы, в том числе и личная потребность высказать свое отношение к затрагиваемым вопросам. Важно было учесть особенности как изучаемой эпохи, так и той, в которой протекает наша жизнь, и, естественно, сложившийся авторский «угол зрения» в подходе к прошлому, а также неотделимое от всего этого единство чувственного и рационального в познании. Нам приходилось учитывать не только события и факты из жизни интересующих нас исторических личностей, но и глубоко погружаться в мотивы их поступков и мышления, делать их своими.

Вторую часть книги составляют выявленные нами в последнее время архивные и другие документы. Все они, разумеется, – результат целенаправленного поиска. Случайные находки представляют собой исключение, лишь подтверждающее правило: находят то, что ищут. Большая часть публикуемых документов впервые вводится в научный оборот. Комментарии к ним могут кому-то показаться субъективными, но по-другому и быть не может, ибо они, как и все мои исторические исследования – продукт все тех же исканий: я хочу знать, что было, не только потому, что моя человеческая природа идентична природе героев моей книги, но и потому, что предпосылкой моего собственного существования является история, и что я, как и все люди, не мыслим вне истории не только как социальное, но и как природное существо. Что же касается содержательной стороны моей новой работы, то здесь уместен лишь один совет: смело открывайте эту книгу и вы найдете в ней для себя много нового и интересного. Его осмысление не только возвысит и обогатит вас, но и позволит участвовать в образовании огромной силы общественного развития – духа времени, стремительно наполняющего и формирующего исторический процесс.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ГЛАВА I. П.А. СТОЛЫПИН (1862-1911) – ГРОДНЕНСКИЙ ГУБЕРНАТОР И ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР РОССИИ

**«Счастлив был задушевному привету
из родной гродненской губернии...»**

П.А. Столыпин и гродненское духовенство

Можно по-разному относиться к эпохе столыпинских реформ и к самому Петру Аркадьевичу Столыпину, однако не может быть очевидным одно – именно в этот период (с 1906 по 1911 годы) началось триумфальное движение России к мощной экономике и общественной стабильности. По злой воле людей, не желавших процветания нашему Отечеству, это движение было грубо остановлено, но опыт столыпинских преобразований и сегодня нуждается в своем глубоком осмыслении. Есть в этой сокровищнице исторического опыта и небольшая гродненская страничка. И нам интересно все, что запечатлено на ней, вплоть до внешне незначительных мелочей.

Будущий реформатор родился в 1862 году в семье, принадлежащей к старинному дворянскому роду. Раннее детство его прошло в имении Средниково под Москвой. Когда-то в нем жил великий поэт и гродненский гусар М.Ю.Лермонтов – дальний родственник Столыпиных. Из множества своих имений (больших и малых, красивых и не очень) Столыпины отдавали предпочтение Колноберже, что находилось недалеко от Ковно. Желая жить рядом с полюбившимся имением, отец семейства генерал Столыпин купил себе в Вильно дом, где семья стала проводить долгие зимы. Здесь же Столыпин учился в гимназии, отсюда поехал учиться в Петербургский университет, так что северо-западные губернии страны ему были знакомы не понаслышке. Окончив университет, Столыпин служил в Министерстве финансов, а затем и внутренних дел. Карьера его продвигалась в целом успешно, но когда ему было предложено стать уездным предводителем дворянства в Ковенской губернии, то он его принял.

Молодой, энергичный и деятельный Столыпин рьяно принялся за работу с первого же дня своей новой службы, и до последнего дня он с тем же интересом предавался ей, кладя все свои силы на то, чтобы создать в своей сфере все, от него зависящее, для процветания края. Здесь, в Литве, на посту уездного, а затем губернского предводителя Ковенского дворянства, Петр Столыпин прослужил более десяти лет. Зимой в Ковно, а летом в Коноберже, в окружении добрых и чутких людей проходило время. Вне служебных дел, со Столыпинскими были особенно близки: священник Антоний Лихачевский, доктор Иван Иванович Евтуховский, лесничий Повилайтис, владелец магазина «колонияльных» товаров Шапиро. Теплые, дружеские отношения были у них и с соседями по даче – генералами Тотбеленом, Кардашевским, Люшкаревым, графом Крейцем, помещиками Кунатом, Комаровским, Кудревичем,

Дулевичем и др. Большинство прислуги было уроженцами этих мест: кучер Осип, лакей Казимир, пастух Матутайтис, птичница Евка, повара Ефим и Станислав, конюх Игнашка, садовник Антон, многочисленные кормилицы, няни и гувернантки. Все они со временем стали почти членами этой большой и доброй семьи и спустя десятилетия разделили со Столыпиным печальную и трагическую участь.

В середине мая 1902 года Петр Аркадьевич вывез всю свою семью на так называемые «воды» в небольшой немецкий городок Эльстер. Спустя десять дней этой семейной идиллии наступил конец. Пришла телеграмма от министра внутренних дел В.К.Плеве, только что сменившего убитого революционером Д.С.Сипягина, с предложением срочно прибыть в Петербург. Через три дня причина вызова стала известной – П.А.Столыпин неожиданно для себя был назначен гродненским губернатором. Инициатива при этом исходила от Плеве, взявшего курс на замещение губернаторских должностей местными землевладельцами. Столыпин к этому времени им фактически и был. Высочайший указ, данный правительству сенату в Петербурге 30 мая 1902 года и собственный подписанный императором Николаем II гласил: «Ковенскому Губернскому Предводителю Дворянства, Двора нашего в звании Камергера, Статскому Советнику Столыпину всемилоостивейше повелеваем быть исправляющим должность Гродненского Губернатора с оставлением его в придворном звании».

Вот как сообщали «Гродненские Епархиальные Ведомости» о приезде в город первого чиновника губернии: «21 июня в 3 часа пополудни изволил прибыть в г. Гродну к месту новой службы в должности губернатора Гродненской губернии бывший губернский предводитель дворянства Ковенской губернии, камергер Двора Его Императорского Величества Петр Аркадьевич Столыпин. С вокзала его превосходительство проследовал в кафедральный Софийский собор, где был встречен кафедральным протоиреем Н.Диковским, ключарем собора М.Белиной и церковным старостой. Приложившись к местным святыням, г. губернатор изволил поинтересоваться историей собора, его святынями, его средствами и материальным обеспечением соборного причта. В этот же день его превосходительство посетил Преосвященного Иоакима, Епископа Гродненского и Брестского. Затем Его Преосвященство нанес визит г. губернатору в 5 часов вечера.

22 июня в 11 часов г. губернатор изволил принять православное духовенство во главе с кафедральным протоиреем и редактором «Гродненских Епархиальных Ведомостей» Николаем Диковским. В 12 часов того же дня в губернаторском доме состоялось представление его превосходительству инославного духовенства и служащих в гражданских учреждениях г. Гродны».

С первых дней пребывания в Гродненской губернии Столыпин со свойственной ему энергией и деловитостью взялся за работу. По свидетельству его старшей дочери Марии (по мужу – Бок), письма его из Гродно в Колноберже, где какое-то время еще проживала семья губернатора, «дышали энергией, были полны интереса к новому делу». По душе пришлось ему и ближайшее окружение из числа сотрудников и подчиненных. Столыпину было особенно

приятно, что губернским предводителем дворянства Гродненской губернии был ближайший друг юности П.В.Веревкин.

Сошелся он во взглядах и с вице-губернатором В.Д.Лишиным и был очень доволен работой своего правителя канцелярии князя А.В.Оболенского. Гордился он и своими чиновниками по особым поручениям. Лучшим среди них был, по его мнению, Вейс. О нем губернатор вспоминал почти в каждом письме.

Ко времени губернаторства П.А.Столыпину исполнилось сорок лет. У него уже было пять дочерей, сын родится через год. Отныне к его должности добавляется эпитет «самый молодой»: губернатор, затем министр, затем – председатель Совета Министров. На первых порах имя его в России было мало кому известно. Да и что такое – гродненский губернатор? Некоторые на сей счет рассуждали так: «губерния незначительная», в углу. Разве что болот много, а в самом Гродно много евреев и поляков. История Гродно пестрая. От киевских князей до шведов. Отсюда Стефан Баторий целился на сердце Руси, но не угадал. Теперь от его замка – одни развалины». Сам новый губернатор, прекрасно зная прошлое и настоящее приеманского края, думал о своем предназначении несколько по-иному.

Однако обратимся вначале к тому, что составляло быт и окружение Гродненского губернатора. Вот как описывает эту сторону губернаторской жизни спустя десятилетия старшая дочь Петра Аркадьевича: «Мама съездила в Гродно на несколько дней распределить комнаты, дать указания для устройства дома и вернулась в Коноберже в полном восторге от нового местожительства. Осенью мы все переехали в Гродно. Папа встретил нас в губернаторской форме, окруженный незнакомыми чиновниками. Проезжая по улицам тихого Гродно, я почувствовала, что мне нравится этот город, а когда я попала в губернаторский дом и увидела окружающие его сады, мое предубеждение против Гродно совсем пропало. И действительно, трудно представить себе что-нибудь лучше этого старого замка короля польского, Станислава Понятовского, отведенного губернатору. В одном нашем помещении шли анфиладой десять комнат, так что бывший до моего отца губернатором князь Урусов ездил к нам на велосипеде. И что за комнаты! Не очень высокие, глубокие, уютные комнаты большого старинного помещичьего дома, с массою коридорчиков, каких-то углов и закоулков (согласно «Ведомости о расходах на отопление дома, занимаемого гродненским губернатором в 1903 году» во дворце имелось 67 покоев, которые в холодную пору года обогревались 67 печами, 6 каминами и 3 кухонными плитами, на что расходовалось 154 сажени дров; на поддержание тепла в 1902-ом году было уплачено 2700 рублей, а 1903 – 3696 рублей. Это отнюдь не означало, что Столыпины были излишне теплолюбивы, последняя сумма отражала скорее рост цен на топливо. В целом Столыпины не позволяли себе ничего большего, чем то, что требовалось губернатору по его должности и положению в обществе. – В.Ч.). Кроме нашего помещения, находились в этом дворце еще губернское присутствие, губернская типография и много квартир чиновников. В общей сложности в сад выходило шестьдесят окон на один ряд. Под той же крышей был и городской театр, устроенный

в бывшей королевской конюшне и соединенный дверью с нашим помещением. У папы, как губернатора, была там своя ложа, и Казимир приносил нам, когда мы бывали в театре, чай, который мы пили в аванложе.

Сад наш был окружен тремя другими садами: городским, князя Чарторийского и еще каким-то. Князь Чарторийский, эlegantный поляк с манерами и французским языком доброго старого времени, часто бывал у нас. Часто, запросто, бывали у нас и некоторые из чиновников папа и их жены, так что, хотя не было уже семейно-патриархальных ковенских вечеров, все же это не была еще жизнь последующих лет, когда почти не оставалось у папа времени для семьи.

В этом старом замке было столько места, что у меня одной было три комнаты: спальня, очень красивая, овальная, вся голубая с белым гостиная и классная. Последняя и частный кабинет папа составляли верх дома и были самыми его красивыми комнатами: кабинет со стенами резного дуба, обрамлявшего оригинальную серую с красным ткань, и моя классная с потолком и стенами полированного дерева. Хорошо было в ней учиться: три окна в сад, тихо, спокойно... даже нелюбимая математика - и та легко укладывалась в голове, когда я занималась тем. Вечером в свободные минуты я заходила к папа, но всегда не надолго - всегда мешал кто-нибудь из чиновников, приходивших с докладами или за распоряжениями. В деловой кабинет внизу мы уже не входили, как в Ковно, и видали папа лишь за завтраком, за которым всегда бывал и дежурный чиновник особых поручений, и за обедом.

По воскресеньям в большой белой зале с колоннами бывали танц-классы, как и раньше в Ковно. Я, как «большая», уже не училась и лишь смотрела на «детей». Эти друзья моих сестер, со страхом делая большой круг, приходили в передней мимо чучела зубра. Громадный зверь, убитый в Беловежской Пуще, был, действительно, страшен на вид и своими размерами, и густой черной шерстью и угрожающе наклоненной тяжелой головой. Беловежская Пуща, гордость Гродненской губернии, была почти единственным местом на свете, где еще водились эти звери, и охота в этом заповедном лесу бережно охранялась. Размеры Пущи грандиозные - 2500 кв. верст, и, несмотря на это, все зубры были на учете. Очень красивый дворец и вся Пуща оживлялись лишь в те годы, когда государь и весь двор приезжали на охоту.

Особенностью Гродненской губернии было еще то, что губернский город в ней был меньше двух ее уездных городов: Белостока и приобретшего в истории России столь печальную известность Брест-Литовска. Эти большие торговые центры были настолько значительных размеров, что в каждом из них было по полицмейстеру, полагававшемуся, обыкновенно, лишь по губернскому городу.

Мой отец, самый молодой губернатор России, очень увлекся своей новой работой. Не удовлетворяла она полностью лишь потому, что он в ней лишен был полной самостоятельности. Это происходило потому, что Гродненская губерния с Ковенской и Виленской составляли одно генерал-губернаторство, и, таким образом, губернаторы этих губерний подчинялись генерал-губернатору Виленскому. Хотя в то время и был таковым крайне мягкий

администратор и очень хороший человек князь Святополк-Мирский, работа моего отца под начальством которого ни одним трением не омрачалась, все же она не была совершенно самостоятельной, что претило характеру папа.

Конечно, с первых дней губернаторства моего отца стали осаждать просьбами о получении места. Даже я получила письма с просьбами о заступничестве. Мой отец терпеть не мог этих ходатайств о “протекции”, и не родные, ни знакомые не получали просимого, кроме очень редких случаев, когда были этого действительно достойны.

Кажется, так до конца жизни и не простили моему отцу добрые старые тетушки того, что он, и то не сразу, дал лишь очень скромное место их протекже, одному нашему родственнику. На доводы папа, что он не мог иначе поступить, они лишь недоверчиво и неодобрительно качали головой. Мне это напоминало, как в детстве приходили к папа крестьяне просить, чтобы он освободил их сына или внука от воинской повинности, и когда им мой отец отвечал, что не может этого сделать, что это противозаконно, повторяли:

- Не может быть, не может! Если пан захочет, то все может сделать.

Я той зимой кончала курс гимназии, который в 1902 году, из-за болезни, кончить не могла и была так поглощена уроками, что жила совсем обособленно от семьи, проводя почти весь день за книгами или с учителями в своей классной. Из-за этого мало знаю о деятельности моего отца и жизни семьи в это время. С папа бывала я очень мало. Хотя и сохранились частью ковенские старинные привычки, но жизнь настолько изменилась, что все принимало другой оттенок.

Ходили мы с моим отцом по-прежнему в церковь, но какой-то иной отпечаток клало на все окружающее, - вытягивающиеся в струнку, козыряющие городовые, в соборе полицейский, расчищающий дорогу; почетное место, совсем впереди, перед алтарем. Младшие сестры теперь тоже учились, но еще мало. Ведь старшей из них, Наташе, было всего одиннадцать, а маленькой, Аре, пять. Недолго прожили мы в милом Гродно, с которым только начали свыкаться. Не пробыв и десяти месяцев губернатором этой губернии, уже в марте 1903 года мой отец был назначен саратовским губернатором».

* * *

Чем занимался новый губернатор? Естественно, текущими административными делами: приемами посетителей и просителей, назначениями и увольнениями, поездками по губернии. Немало внимания он уделил церкви, ее заботам и нуждам, исполнением личного христианского долга. Прочитируем лишь некоторые строки из губернской периодики тех лет, касающейся этой темы: «Накануне праздника Святых Апостолов Петра и Павла и в сам праздник 29 июня 1902 года епископ Гродненский и Брестский Иоаким совершил в Крастостокском монастыре Божественную литургию, а затем было отслужено благодарственное молебствие...».

В храме присутствовал г. Гродненский губернатор П.А. Столыпин и представители некоторых гражданских частей». «Заметим, что тогда же при монастыре (годом раньше переведенном из Гродно) была открыта двухклассная

школа для подготовки учительниц для церковных школ. Не исключено, что именно из числа ее 22 выпускниц была взята губернатором в качестве няни для своего единственного сына Аркадия воспитанница Красностоцкого монастыря Людмила Останкович, погибшая впоследствии во время взрыва на Аптекарском острове, защищая своим телом младенца.

Хроника губернской жизни тщательно фиксирует присутствие губернатора на Божественных литургиях по случаю тезоименитства царствующего императора и всех представителей Дома Романовых, а также по случаю «чудесного избавления государя Александра III и его семьи от грозившей опасности при крушении царского поезда у ст. Борки» и др. Как человек, воспитанный в духе Православия, в традициях благоговейного отношения к семье, Отечеству и любви к людям, П.А.Столыпин постоянно бывал в расположенной рядом с губернаторским домом Александро-Невской церкви. «Каждое утро, – признавался он впоследствии своим друзьям, – я начинаю с того, что благодарю Бога за то, что Он даровал мне еще один день жизни...».

Лишенный бюрократического усердия, склонности к парадности, властолюбию и чинопочитанию, гродненский губернатор, судя по всему, избегал официальных визитов и приемов, но иногда он вынужден был это делать. 27-28 января 1903 г. в Гродно находились Министр народного просвещения Г.Э.Зенгер и попечитель Виленского учебного округа В.А.Попов. Министр и сопровождающие его лица посетили епископа Гродненского и Брестского Иоакима, а вечером в доме Столыпина состоялась продолжительная беседа, касающаяся «согласованности действий двух учебных ведомств (церковного и министерского. – В.Ч.) в области начального школьного дела. В ходе ее губернатор приложил максимум усилий для гармонизации на практике усилий Синода и Министерства в деле народного образования. Вместе с министром, епископом и попечителем он посетил ряд гродненских церковно-приходских школ. Эти посещения позволили ему доказать, что все подозрения «космополитического общества» относительно прав православного духовенства распространять в народе начала грамоты лишены серьезных оснований. Подтверждением тому были ответы учеников Гродненской церковно-приходской школы имени графа М.Н.Муравьева на вопросы учителей и гостей этого учебного заведения. Этими ответами после посещения высоким начальством уроков гражданской русской истории, географии, пения и Закона Божьего, а также выставки рукодельных работ учениц школы. Необходимо заметить, что только осенью 1902 г. по инициативе Столыпина в г. Гродно были открыты: еврейское двухклассное народное училище, оборудованное всеми техническими приспособлениями, а также женское приходское училище с третьим профессиональным классом. В училище преподавались, кроме общепринятых предметов, еще рисование, черчение и рукоделие. Училище такого типа стало первым в губернии. В 1903 году началась подписка на учреждение именных стипендий супругов Столыпиных для лучших учащихся Гродненской мужской гимназии. Отмеченные усилия Столыпина в области народного образования были замечены, да и в целом визит министра для губернии оказался полезным. Чего нельзя сказать о тех плановых осмотрах губернии, которые дважды

осуществлял в бытность Столыпина гродненским губернатором тогдашний генерал-губернатор Северо-Западного края князь П. Д. Святополк-Мирский. Изматывающая подготовка к ним, строгие требования ко всему тому, что касалось официальной части приемов, по мнению губернатора, лишь отвлекало от реальных и неотложных дел, рассчитанных во многом на перспективу.

К числу главных своих дел в губернии Столыпин относил земельные дела. В это время во всех губерниях России создавались местные комитеты, призванные позаботиться о нуждах сельскохозяйственного производства. Был создан такой комитет и в Гродненской губернии. На одном из первых его заседаний 16 июля 1902 года Столыпин, будучи его председателем, выступил с сообщением, в котором подчеркнул, что «главнейшими факторами улучшения экономических условий губернии вообще и сельскохозяйственной промышленности, в частности, следует считать расселение крестьян на хутора, переход их от так называемого пользования надельными землями к хуторному хозяйству, устранение чересполосности земель, разверстание сервитутов». Много внимания губернатор уделял внедрению на Гродненщине искусственных удобрений, улучшенных сельскохозяйственных орудий, многопольных севооборотов, мелиорации. Старые способы землеустройства и земледелия, считал он, могут кончиться экономическим крахом и полным разорением страны».

Устремления Столыпина не встречали явного противодействия на заседаниях губернского комитета, его поддерживали и в Гродненском товариществе сельского хозяйства – общественной организации во главе с князем С. К. Святополк-Четвертинским. Взять, к примеру, отчет совета этого товарищества за 1903 год. В нем есть подтверждение согласия с линией Столыпина: «в учреждении хуторного владения и в расселении многодворных сел должен находиться центр тяжести мероприятий, направленных для развития сельскохозяйственного производства в крестьянском мире. Без этого все остальное будет только рядом полумер, имеющих чисто паллиативный характер». Вместе с тем в позиции местных земельных магнатов нельзя было не заметить приверженности к уже привычному строю отношений с крестьянами. Однако свое нежелание радикально решать аграрные проблемы они неуклюже маскировали рассуждениями в духе – «а поймут ли нас крестьяне?».

Подобное поведение вызывало в голосе губернатора и административные нотки: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы... это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых нет ни подъема доходности земли, ни спокойного владения земельной собственностью». А на выступления князя Святополк-Четвертинского. «Нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд, а не образование, которое ведет к «государственному перевороту, социальной революции и анархии» Столыпин дал резкую ответь: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не приведет его к анархии... Распространение сельскохозяйственных знаний зависит от общего образования. Развивайте его по широкой программе... и вы дадите большую обеспеченность землевла-

дельческому классу, самому консервативному в каждой стране». Для Столыпина крестьянин – хозяин и хранитель земли, он верил в него и доверял ему.

Работа в сельскохозяйственных комитетах, личный опыт помещика сделали для Столыпина понятными крестьянские нужды. Еще до приезда в Гродно он организовал в Ковно сельскохозяйственное общество (своеобразный кооператив), работа которого вполне оправдала его надежды. Был при обществе и склад сельскохозяйственных орудий, устройство которого особенно увлекало молодого администратора. Эти и другие новшества принес Столыпин и на гродненскую землю. Здесь они получили свое дальнейшее развитие. Впоследствии он очень дорожил этим опытом: «Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужна продолжительная черновая работа. . . Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать» (из выступления в Думе 10 апреля 1907 года).

В западных губерниях Столыпин вплотную познакомился с национальным вопросом. Еще в Ковно, бывая среди лиц разных сословий, национальностей и конфессий, «он научился, как обращаться с теми и другими, чтобы их удовлетворить, утихомирить ссоры». Наблюдая за деятельностью чиновников из местного населения, Столыпин не мог не заметить их показной демократизм и явное заигрывание с крестьянами, хотя в реальной жизни все как раз было наоборот. Причиной тому было преобладание среди господствующего сословия польских помещиков. Их отношение к власти Столыпин характеризовал как «вежливое недоверие, корректное, но холодное, с примесью лукавства». Поэтому естественной опорой администрации он считал православных крестьян белорусов, которые составляли большинство населения Гродненской губернии. Поддержка крестьян-белосусов и недоверие к полякам-дворянам – такой была традиционная политика русского правительства в западных губерниях России. В объединяющем значении православного населения для многонационального государства Столыпина убеждали не теоретические рассуждения, а сама действительность. Впоследствии, незадолго до своей трагической гибели, он первый раз в своей жизни взял отпуск на шесть недель, потому что сердце начинало слабеть, и будучи у себя, в своем имении в Литве «он составил план управления Россией на десять лет вперед, с тем, чтобы полное отделение Польши от России должно было произойти в 1920 году. Он считал, что Польше должна быть дана самостоятельность. Но это был трудный вопрос, потому что часть польских земель принадлежала Австрии, другая часть – Германии и так далее. Так что это замедляло осуществление этого его намерения, но к этому шел». Этот план предусматривал объединение всех польских земель в одном государстве с учетом его этнографических границ. Вполне естественно, что белорусские и украинские земли Столыпин исключал из этих границ, так как считал их население вместе с велико-русскими, триединым русским народом, насильственно разделенным злой волей политиков и превратностями судьбы.

Подтверждая наличие подобного плана в отношении Польши и пограничных территорий, единственный сын Столыпина Аркадий незадолго перед смертью (он умер в 1990 году во Франции и там похоронен) говорил следу-

ющее: «Этот план мой шурин, муж моей сестры (Б.И.Бок. – В.Ч.), видел в ящике письменного стола моего отца в нашем имении в Литве. Но на следующий день нагрянула государственная комиссия (речь идет о комиссии, созданной по указу императора Николая II для просмотра после смерти Столыпина всех его бумаг, имеющих государственное значение. – В.Ч.) и все это увезла, и план этот исчез...».

В Вильно, Ковно и Гродно Петр Аркадьевич познакомился с еврейским вопросом. На переломе XIX и XX веков в Гродно проживало около 80 % евреев. Ограничения против них, вводимые в административном, а не в законодательном порядке, а также рост политического правосознания русского общества, формирование крупного еврейского коммерческого капитала революционизировали еврейство. Вместе с тем поднималась и волна антисемитизма. Еврейская молодежь составляла 70-80% террористов боевой эсеровской организации. Вся тяжесть ограничений ложилась на плечи среднего и беднейшего еврейства, но это совсем не мешало состоятельным евреям делать карьеру, ворочать крупными капиталами и делать большую политику. Одновременно эти ограничения оборачивались постоянным источником взяточничества для части администрации. У Столыпина не было сомнений, что при всей сложности национально-религиозных противоречий необходимо постепенно уравнивать евреев в правах с другими подданными российской империи. Однако сделать это ему не дали ни реакционные дворяне, ни еврей-революционеры. Характерно, что в годы столыпинского губернаторства в Гродно нелегально проходили I съезд еврейской организации ППС (Польской социалистической партии) и II съезд еврейских рабочих Польши и Литвы, имели место политические демонстрации под лозунгом «Долой царизм!», в лесу за деревней Пышки отмечался рабочий праздник 1 мая. Однако большого значения этим эпизодическим фактам тогда в городе не придавалось, хотя впоследствии среди покушавшихся на жизнь Столыпина в 1907 г. значилась «мещанка Аделя Габриелевна Коган, отец и сестра ее Ревекка проживали в Гродно, но Аделя ускользнула». Скудность документов, имеющих отношение к гродненскому периоду жизни П.А.Столыпина, не позволяет целостно показать все грани его административной деятельности, но очевидно одно: служба в Принеманском крае способствовала формированию его политического кредо – государственного порядка и мира в стране. И хотя Столыпин пробыл в Гродненской губернии всего девять с небольшим месяцев, в Петербурге успели по достоинству оценить способности молодого губернатора, поручив ему управлять Саратовской губернией, большей по размерам и не подчиненной генерал-губернатору. Учитывалась также традиционно большая степень революционного брожения в Поволжье. Перспектива управлять такой губернией очень привлекла Петра Аркадьевича, а то, что его деятельность в Гродно была оценена, сильно его ободряло. 22 февраля он получил уведомление министра внутренних дел о том, что именным высочайшим указом правительствующему сенату 15 февраля 1903 года ему всемилоостивейше «повелено быть Саратовским губернатором с оставлением в придворном звании».

21 марта в 2 часа в Гродненском благородном собрании состоялось про-

щение П.А.Столыпина со столь полюбившейся ему губернией. На этой церемонии присутствовали представители от всех государственных учреждений, а также духовенства. Епископ Иоаким совершил напутственный молебен, по окончании которого обратился к Петру Аркадьевичу и его супруге Ольге Борисовне с краткой речью. В этой речи епископ Гродненский и Брестский высказал им «свои благожелания, между прочим отметив такую высокосимпатичную черту непродолжительной административной деятельности Петра Аркадьевича – верность ее основным началам государственного строения в Западном Крае – Православию, Самодержавию и русской народности. Отъезжающих Владыка благословил св. иконой Спасителя».

* * *

Отъезд П.А.Столыпина из Гродно не разорвал навсегда его связей с губернией. С ним в Саратов, а затем и в Петербург, вместе с семейством поехала многочисленная прислуга, корнями своими связанная с приеманским краем. Была среди помощников семьи Столыпиных и упомянутая выше Людмила Останкович. Мы почти ничего не знаем о ней, кроме тех строчек, что запечатлелись в воспоминаниях дочери Столыпина Марии относительно покушения на ее отца (уже министра внутренних дел), совершенного террористами 12 августа 1906 года на даче на Аптекарском острове. Сам Столыпин от взрыва чудом не пострадал, однако среди просителей (он и на даче вел их прием) и служащих потери огромны – 27 человек убитыми, много раненых. Среди них оказались и дети министра – 14 летняя дочь Наталия и сын Аркадий трех лет. В момент взрыва Наташа, Адя и его няня Людмила находились на балконе прямо над подъездом, куда подъехало ландо с террористами в жандармской форме. Взрывом все находившиеся на балконе были выброшены на набережную. Наташа попала под ноги раненых и бесновавшихся от боли лошадей убийц. Спасти жизнь ребенку удалось с большим трудом. У Ади были раны на голове, перелом ноги и сильное нервное потрясение, несколько дней выражавшиеся в криках по ночам: «Падаю, падаю». Няня, стремившаяся прикрыть собой малыша, пострадала сильнее. Как сообщает М.Бок, «она лежала рядом с Адей на земле и безостановочно жалобно, со стоном повторяла: «Ноги, ноги...». Мы ее подняли, переложили на диван, и я, расшнуровав ей ботинок, стала бережно его снимать. Но каков был мой ужас, когда я почувствовала, что нога остается в ботинке, отделяясь от туловища. Положили несчастную девочку (ей всего было семнадцать лет), насколько можно удобнее и вышли...». Вскоре она умерла. Среди погибших просителей, кроме прочих, значилась отставной чиновник из Гродненской губернии М.Т.Вербицкий и крестьянин Ковенской губернии Ф.К.Станилюс, приезжавшие в Петербург со своими делами в расчете на память Столыпина о местах бывлой службы. Петр Аркадьевич невыносимо тяжело переживал случившиеся, косвенно приписывая себе вину за смерть и мучения невинных людей, а потому, как мог, стремился облегчить горе их родным и близким.

Несмотря на то, что в местной печати о трагедии на Аптекарском острове писать было запрещено, гродненцы выражали своему бывшему губернатору искренние соболезнования в связи со случившимся. Поддерживали жи-

тели города П.А.Столыпина и в будущем на всех этапах его нелегкой работы. Всего на Столыпина было совершенно одиннадцать покушений. И последнее все же унесло его жизнь. И это при том, что вся его деятельность была направлена на укрепление страны и улучшение жизни народа. Таков был непростой и неблагодарный удел реформатора. Когда в феврале 1907 года председатель Совета министров Столыпин объявил на заседании Государственной Думы правительственную программу преобразования в стране и по всем направлениям, включая решение земельного вопроса, обеспечение свободы личности, укрепление начал веротерпимости и т.д., а его перебили отдельные ретивые думцы возгласами: «Долой! У Вас руки в крови!», ему ничего не оставалось, как выступить вторично с речью, которую он закончил поистине историческими словами: «Не запугаете!». Эта речь произвела огромное впечатление в России и за границей. Всем стало понятно, что будущее страны покоится на плечах Столыпина. Уж через несколько дней на его имя поступило множество телеграмм, в том числе и от членов Гродненского Софийского православного братства: «С отрадным чувством глубокого нравственного удовлетворения приветствуем исполненное разума и государственного опыта выступление Ваше в Государственной думе с предложениями правительства о мирном законном, во благо Родины выполнении предначертанных Монархом великих преобразований, а также удивительное мужество и твердость, проявленные Вами при отражении в собрании Думы дерзких попыток призыва к мятежному сопротивлению мирной законодательной деятельности и нынешней Думы. Братство крепко верит, что за Вами и с Вами вся трудящаяся спокойная Россия. Братство убеждено, что эти надежды разделяет все русское православное население Гродненской губернии. Да укрепит и сохранит Вас Господь! Подписали: Почетный председатель Братства, Епископ Гродненский и Брестский Михаил и председатель Совета Лебедев». В своей ответной телеграмме Братству П.А.Столыпин сообщал: «Счастливы были задушевному привету из родной Гродненской губернии высоко мною чтимого Братства и любимого Архипастыря».

Выражением глубокого уважения гродненцев к своему бывшему губернатору, а затем и главе российского правительства было решение от 5 октября 1907 года об избрании П.А.Столыпина и его супруги О.Б.Столыпиной почетными членами Гродненского Софийского Православного Братства. Ими тогда же стали гродненцы, прославившие свой город добродетелями и науками: А.Ф.Пигулевский, И.И.Будзилович, Н.Р.Диковский, И.И.Остроумов, А.С.-Цветков и Е.Ф.Орловский.

10 мая 1907 года Столыпин выступил в Думе с речью, в которой были слова, ставшие ключом к реформированию России: «Богатство народа создает могущество страны». Аристократ и дворянин Столыпин поворачивал круто в будущее. План его был достаточно прост: государство закупает продаваемые участки земли, затем, давая ссуды через Крестьянский банк, продает в кредит землю крестьянам. Оплату кредита должно было взять на себя государство, все налогоплательщики, т.е. им предлагалась постепенная, кропотливая работа без «волшебных средств». А закончил он свою знаменитую речь поистине проро-

ческими словами: «Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!».

В этих условиях нашли свое отражение не только твердость политической линии Столыпина, но и неустойчивость своего положения. Он не верил, что большинство депутатов поймет его. Возможно, что он обращался и к нам. Обращением к потомкам вероятнее всего было его выступление при обсуждении в Думе нового избирательного закона, по которому представительство из национальных окраин в законодательном органе значительно сокращалось. Историки не без оснований считают, что этот шаг нельзя признать демократическим, но пускай кто-нибудь скажет, что этот шаг не был шагом подлинного государственника, человека, думавшего о благе не только своей страны, но и каждого ее человека. Столыпин видел в русской национальной идее опору державе, ибо разделял мнение историка С.М.Соловьева, что «Россия больше чем народ – она есть народ, собравший вокруг себя другие народы...». Тогдашняя социал-демократия смотрела на эту идею как на помеху своим планам. Столыпин в национальном вопросе занимал особую позицию. Осуждать его за это было бы странным. Одобрять – тоже. Очень существенными в понимании позиции Столыпина могут быть уже упомянутые свидетельства сына реформатора об отцовском проекте изменения границ между некоторыми уездами Холмского края и Гродненской губернии с тем, чтобы «окатолические и ополяченные уезды остались в Польше», а «русские» соединились с общерусской стихией». Мера эта имела своей целью «установление национально-государственной границы между Россией и Польшей на случай дарования Царству Польскому автономии». Как уже отмечалось, полное отделение Польши от империи Столыпин намечал на 1920 год. Что же касается либеральной Думы, то она действовала по плану и, несмотря на возражение правительства, расширила пределы будущей Холмской губернии, включив в ее состав такие местности, где русских (православных) была едва ли треть. Об уступке же Польше уездов Гродненщины депутаты не захотели и говорить. Так что и это свидетельствует о гармоничном слиянии у Столыпина идеи национальной с позицией подлинно государственной.

1909 год стал временем наивысшего взлета, но одновременно и началом заката эпохи Столыпина. Справившись с революционными потрясениями, победив левую оппозицию, Столыпин столкнулся с правой реакцией со стороны ряда влиятельных лиц в Государственном Совете, обвинявших его в опасном либерализме и заигрывании с Думой. Особенно сильное сопротивление Госсовета Столыпин встретил позднее при обсуждении законопроекта о введении земства в западных губерниях. Столыпинский вариант закона, обеспечивавший перевес на выборах русских (православных) кандидатов над поляками (которые составляли 2-3 % населения этих губерний), достаточно легко прошел в Думе, но был отвергнут Госсоветом. Результаты голосования в этой инстанции поразили Столыпина, придававшего огромное значение этому закону, который по его замыслу, должен был служить прообразом новых госу-

дарственных и межнациональных отношений. Впервые Петр Аркадьевич не смог сдержать чувств, тотчас уехал и подал прошение об отставке. Впоследствии по просьбе Николая II он вернулся к исполнению своей должности, добившись, однако, выполнения всех своих условий. Это был неслыханный триумф, он победил по всем пунктам (закон о западных земствах без помех приняли уже после смерти Столыпина, значит, ранее его не утвердили из политических соображений). В общественном мнении Петр Аркадьевич превратился в «диктатора». Все силы реформатора были отданы Отечеству. Теперь от него можно было потребовать только одно – жизнь».

Трудно сказать, насколько действенной была поддержка Столыпину со стороны общественных кругов белорусских губерний при обсуждении законопроектов о новой избирательной системе и земствах, но эта поддержка ему оказывалась. Об этом свидетельствует следующий факт. 2 апреля 1909 года в Гродно под председательством епископа Гродненского и Брестского Михаила в присутствии губернатора В.М.Борзенко, члена Государственной Думы В.К.Тычинина состоялось собрание представителей православных братств Гродненской губернии (Софийского из Гродно, Николаевского из Брест-Литовска, Петропавловского из Волковыска, Друскенинского) и местных помещиков по вопросу об увеличении квоты представительства в Думе от русского (православного) населения 9-ти западных губерний. С этой целью решением общего собрания была избрана депутация для поездки в Царское Село в составе епископа Михаила (Ермакова), протоиерея Иоанна (Корчинского), помещика А.Д.Орлова и депутата Думы В.К.Тычинина. Такие же депутации были созданы и в остальных белорусских губерниях. 22 апреля 1909 года они отбыли в Петербург, где приняли участие в совместном предвыборном собрании по вышеуказанному вопросу. 26 апреля депутации от Гродненской и Минской губерний были приняты в Елагинском дворце председателем Совета Министров П.А.Столыпиным, который выступил перед избранными губернскими и пообещал доложить императору «о их желании выразить ему свои чувства». Вечером того же дня состоялось собрание депутатских северо-западных и юго-западных губерний, на котором был составлен текст челобитной на имя императора. Окончательная редакция этого документа была завершена 30 апреля. Тогда же было поручено Архиепископу Виленскому Никандру зачитать ее при встрече с императором Николаем II. 1 мая во время встречи представителей от западных губерний с известным писателем и публицистом из суворинской газеты «Новые времена» М.О.Меньшиковым стало известно, что свое обещание Столыпин сдержал. 2 мая объединенная депутация в составе 39 человек после молебна в Казанском соборе отбыла поездом в Царское Село. Встреча с императором проходила во второй половине дня в Малой библиотеке Дворца. После троекратного «ура» при выходе императора к депутации архиепископ Никандр произнес свою речь. Николай II ответил на нее достаточно кратко: «Я был рад принять сегодня у себя представителей северо-западных и юго-западных губерний. Благодарю Вас искренне, а в вашем лице все население края за его любовь и преданность Престолу и Отечеству. Я приложу все заботы и меры, от меня зависящее, для удовлетворения Вашего

ходатайства». Затем флигель-адъютант пригласил всех присутствующих в «специальную залу, где депутации была предложена легкая закуска, чай и вино».

По прибытии в Петербург депутация последовала на Елагинский остров к Столыпину, с нетерпением уже ее ожидавшему. Он горячо поздравил всех ее членов за содействие ему в важном государственном деле, и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество. В конце приема «один из членов гродненской депутации выразил благодарность Столыпину за твердую политику в отношении русского населения Западного края».

* * *

Почему с таким упорством, не считаясь ни с каким риском, боролся Столыпин за реформирование выборов для западных губерний? Опираясь на достижения тогдашней историко-политической науки и личный опыт, Столыпин считал население упомянутых губерний русским (великоросы, малоросы, белорусы), в этой связи его не могло не удивлять, что в Государственный Совет избирались только поляки, численность которых составляла лишь 2-3 процента. Понимая, что при разрешении этого вопроса трудно рассчитывать на успех, Столыпин считал, что он не в праве быть равнодушным к историческим судьбам русских окраин.

На западе, где Россия держала стратегическую оборону, положение русских отличалось от положения во внутренних губерниях тем, что там русские соперничали (хотя и мирно) с другими народами, преимущественно с поляками. Внутри империи они такого соперничества не испытывали. При столыпинской перемене курса несоответствие демократизации жизни и подчеркнуто аристократически узконациональной практики выборов в западных губерниях бросалось в глаза. Русские (белорусы и малоросы) здесь явно становились людьми «второго сорта», и подобное положение в государственном плане было непродуктивно и даже опасно. Таким образом, Столыпин, ратуя за реформирование выборов, фактически выступал против польских помещиков и аристократии, привычно занимавших ранее места в Госсовете, а это значит, и против дворянского монархического принципа. Вот почему дворянская бюрократия, как русская, так и польская, была первым противником преобразований. Именно она после смерти Столыпина привела страну к первой мировой войне и последовавшей за ней катастрофе.

Впрочем, обратимся к речи Столыпина 7 мая 1910 года, отразившей не только его теоретические, но и практические познания по истории белорусских, литовских и малороссийских (украинских) земель: «Западные губернии, как вам известно, в 14-м столетии представляли из себя сильное литовско-русское государство. В XVIII столетии край этот перешел опять под власть России, с ополяченным и перешедшим в католичество высшим классом населения, с низким классом, поработанным и угнетенным, но сохранившим вместе со своим духовенством преданность православию и России. В эту эпоху русское государство было властно вводить свободно в край русские государственные начала. Мы видим Екатерину Великую, несмотря на всю ее гуманность, водворяющую в крае русских земледельцев, русских должностных людей, вводящую общие учреждения, отменяющую Литовский статут и Магдебургское

право. Ясно стремление этой государыни укрепить еще струящиеся в крае русские течения, влив в них новую русскую силу для того, чтобы придать всему краю прежнюю русскую государственную окраску.

Но не так думали ее преемники. Они считали ошибкой государственное воздействие на благоприятное в русском смысле разрешение процесса, которым бродил Западный край в течение столетия, процесса, который заключался в долголетней борьбе начал русско-славянских и польско-латинских. Они считали эту борьбу просто законченной.

...Русские люди, которые были поселены в крае, были опять выселены; был восстановлен опять Литовский статут, были восстановлены сеймы, которые выбирали маршалов, судей и всех служилых людей. Но то, что в великодушных помыслах названных государей было актом справедливости, на деле оказалось политическим соблазном. Облегчали польской интеллигенции возможность политической борьбы и думали, что в благодарность за это она от этой борьбы откажется!

Немудрено, господа, что императора Александра Первого ждали крупные разочарования. И действительно, скоро весь край принял вновь польский облик. Как яркий пример я приведу вам превращение старой православной митрополитской церкви в анатомический театр при польском Виленском университете. Везде гнездились заговоры, в воздухе носилась гроза, которая и разразилась после смерти Александра в 1831 году вооруженным восстанием.

Это восстание, господа, открыло глаза русскому правительству. Государь император Николай Павлович вернулся к политике Екатерины Великой. Своей целью он поставил, как писал в рескрипте на имя генерал-губернатора Юго-Западного края: “”Вести край сей силой возвышения православия и элементов русских к беспредельному единению с великорусскими губерниями». И далее: «Дотоле не перестанут действовать во исполнение изъясненных видов моих, пока вверенные вам губернии не сольются с остальными частями Империи в одно тело, в одну душу».

...Политика в царствование Николая Павловича вращалась вокруг униатского вопроса, что привело к воссоединению униатов (с православной церковью), вращалась вокруг школьного дела, причем польский университет был перенесен из Вильно в Киев. Местным обывателям не была даже окончательно заграждена возможность поступать на государственную службу; дворянским собраниям было лишь вменено в обязанность принимать на дворянскую службу лиц, беспорочно прослуживших не менее десяти лет на военной или гражданской службе. И мало-помалу, без особой ломки, планы и виды императора начали проходить в жизнь».

Надо отметить, что Столыпин указывает только исторические верхи этого болезненного и до сих пор еще не завершившегося процесса. Но и сами волны истории, приливы и отливы различных тенденций, крайне поучительны для нынешнего смутного времени, когда национальные вопросы в бывших союзных республиках заставляют нас искать ориентиры в решении прошлых конфликтов. Впрочем, не будем забывать столыпинского намерения дать независимость собственно Польше.

«Но, господа, судьбе было угодно, чтобы опыт, единожды уже произведенный после смерти Екатерины второй, повторился еще раз. По восшествии на престол, император Александр Второй, по врожденному своему великодушию, сделал еще раз попытку привлечь на свою сторону польские элементы Западного края. Вместо того, чтобы продолжать политику проведения русских начал, которые начали уже получать преобладание над польскими стремлениями и влияниями, поставлено было целью эти стремления и влияния обезвредить, сделать их одним из слагаемых государственности в Западном крае. И, тривиально говоря, поляки были попросту еще раз сбиты с толку; поляки никогда не отказывались и не стремились отказаться от своей национальности, какие бы льготы им предоставлены ни были, а льготы эти со своей стороны питали надежды и иллюзии осуществления национального польского стремления – ополячивания края.

... В это время пробудились у поляков все врожденные хорошие и дурные стремления; они проснулись, пробужденные примирительной политикой императора Александра Второго, политикой, которая, как и 30 лет перед этим, окончилась вторым вооруженным восстанием.

Вот, господа, те исторические уроки, которые, я думаю, с достаточной яркостью указывают, что такое государство, как Россия, не может и не в праве безнаказанно отказываться от проведения своих исторических задач».

Дальше Столыпин приводил примеры, как в годы революции в Западном крае столкновения на национальной почве приводили к попыткам насильственно сменить всех православных волостных должностных лиц, школьных учителей. В Северо-Западном крае римско-католический епископ Рооп заменял ксендзов-литовцев и белорусов ксендзами-поляками, призывал к формированию воинских частей из местных обывателей по религиозному принципу и т. д. На польских съездах провозглашалось, что польская культура выше русской и что поляки имеют здесь особое положение.

Столыпин открыто призвал к защите русских государственных интересов: «Необходимо дать простор местной самодеятельности, поставить государственные грани для защиты русского элемента, который иначе неминуемо будет оттеснен».

Для решения этого вопроса он предложил создать национальные избирательные курии, русскую и польскую. Через неделю в краткой речи в Думе Столыпин снова возвращается к этой теме и подчеркивает, что больше всего боится «равнодушия закона к русским». Законопроект был принят со значительными поправками, но сохранился принцип курий и понижение имущественного ценза.

Как ни странно, спустя восемьдесят лет в наши дни русские в прибалтийских республиках тоже требуют для защиты своих интересов создания отдельных избирательных курий. Это, бесспорно, свидетельствует, что в понимании национальной государственной идеи наше общество не продвинулось никуда дальше прошлого.

Справедливости ради необходимо заменить, что земства западных губерний сделали по сравнению со старыми распорядительными комитетами во мно-

го раз больше. Это стало особенно очевидным в годы первой мировой войны. Как говорил Столыпин: «Пусть из-за боязни идти своим русским твердым путем не остановится развитие богатого прекрасного края». И далее: «Я знаю, что отказ от мечты о западном земстве – это печальный звон об отказе Петербурга в опасную минуту от поддержки тех, кто преемственно стоял и стоит за сохранение Западной России Русской». «Это чистейший национализм», – скажут сегодня одни. «Нет, это понимание природы нашего государства как русоцентристско-го», – возразят другие. «Оставим споры тому времени, – заметят третьи».

А, те, кто любит искать во всем уроки истории, пускай вспомнят о сегодняшнем сложном положении русских людей во всех бывших советских республиках, кроме Белоруссии, и о беспомощном, равнодушном молчании сегодняшней Москвы.

* * *

Читая речи и выступления Столыпина, имеющие отношение к Гродненщине, нельзя не заметить их значительной близости с идеями видного философа и публициста Ивана Лукьяновича Солоневича (1891-1953), чьи труды со значительным опозданием, лишь сегодня возвращаются к нам. Кроме всего, в его трудах и воспоминаниях имеются интересные сведения, касающиеся данной темы: «Мой отец, в детстве свинопас, потом народный учитель, потом статистический чиновник в Гродно, потом редактор «Гродненских губернских ведомостей» при П.А.Столыпине, потом издатель газеты «Северо-Западная жизнь» на деньги того же П.А.Столыпина, тогда уже премьер-министра. Мой политический опыт начинается с 1910 года, то есть лет с восемнадцати. Именно этот опыт, столыпинский опыт, определяет и сейчас мое мировоззрение и мою политическую тактику...»

Политическая расстановка сил в довоенной Белоруссии (до первой мировой войны – В.Ч.) складывалась так. Край, сравнительно недавно присоединенный к империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика, русско-го там не было ничего. Наше белорусское дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа, и интересы России. Тышкевичи, Мицкевичи и Сенкевичи – они все примерно такие же белорусы, как и я. Но они продались. Народ остался без правящего слоя. Без интеллигенции, без буржуазии, без аристократии, даже без пролетариата и без ремесленников. Выход в культурные верхи был начисто заперт польским дворянством. Граф Муравьев не только вешал. Он раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции. Наша газета («Северо-Западная жизнь», затем переименованная в «Белорусскую жизнь» – В.Ч.) опиралась и на эту интеллигенцию, на тогдашних народных учителей, волостных писарей, сельских священников, врачей, низшее чиновничество... Это масса была настроена революционно... Было очень трудно доказать читателям Чернышевского, Добролюбова... и Милюкова тот совершенно очевидный факт, что ежели монархия отступает, то их, этих читателей, съедят...

Вот губернатор. Он обязан поддерживать русского мужика против польского помещика. Но сам-то он - помещик. И поместный пан Заглоба ему

все-таки ближе белорусского мужика. У пана Заглобы изысканные манеры, сорокалетнее венгерское и соответствующий палац, в котором он с изысканной умилностью принимает представителя имперской власти. Губернатору приходится идти или против нации, или против класса. Петербург давил в пользу нации. Все местные отношения давили в пользу класса. Польский Виленский земельный банк с его лозунгом “Ни пяди земли холопу” запирали для крестьянства даже тот выход, который оставался в остальной России. Белорусское крестьянство эмигрировало в Америку. Вы подумайте только: русский мужик, который сквозь века и века самого жесткого, самого беспощадного угнетения донес до Империи свое православие и свое национальное сознание, он, мужик, вынужден нынче бросать свои родные поля только потому, что еврейство (неравноправное еврейство!) и Польша (побежденная Польша!) не давали ему никакой возможности жить на его тысячелетней родине. И еще потому, что губернаторы были слишком бездарны и глупы, чтобы организовать или землеустройство, или переселение. На просторах Российской Империи для этого мужика места не нашлось”.

Сравнивая деятельность Столыпина в бытность его гродненским губернатором и «отцов губернии», метко охарактеризованных Иваном Солоневичем в упомянутом отрывке, можно со всей определенностью утверждать, что Петр Аркадьевич был последним государственным человеком правящего слоя в тогдашней России, с болью в сердце относившимся к прошлому, настоящему и будущему белорусского и украинского народа⁴.

* * *

Данное исследование, впервые опубликованное на страницах «Православного Вестника» (Гродно, № 2-3, март-апрель 1998 года. – с. 14-23), неожиданно для ее автора получило свое дальнейшее развитие. Волею судеб эта статья оказалась в Париже, в руках у внука великого реформатора, 64-летнего литератора Дмитрия Аркадьевича Столыпина, о существовании которого, к своему стыду, автор совершенно не знал. Ознакомившись со статьей о гродненском периоде в жизни своего деда, Дмитрий Аркадьевич написал мне письмо со словами благодарности за труды в «познании дел и жизни П.А.Столыпина». Кроме того, по своей инициативе копию данной статьи он отправил в Саратов, где в 1997 году был открыт «Культурный Центр имени П.А.Столыпина». При любезном участии директора Центра Г.П.Сидоровина этот труд в новой редакции был опубликован в альманахе «Правда Столыпина». Так завязалась переписка между мной и внуком бывшего гродненского губернатора. В своих письменных посланиях он рассказал о том, что ему удалось издать воспоминания своего отца на французском и польском языках. Польское издание мемуаров (1998 г.), написанное при участии Дмитрия Столыпина, он прислал в знак нашего сотрудничества в Гродно. На титульном листе – написанные рукой внука реформатора строчки: «Многоуважаемый Валерий Николаевич, надеюсь что мемуары моего отца дадут Вам новый материал для Вашего внимательного изучения прошлого. Пусть эта работа будет полезной. Шлю Вам самый сердечный поклон. Дмитрий Столыпин. Париж. 3 апреля

1999 г.». Вместе с книгой Д.А.Столыпин прислал мне на память о себе несколько своих фотографий в семейном кругу. Его жена – француженка, у них трое детей. Все взрослые, зрелые люди. Старший сын Аркадий работает в автомобильной отрасли, дочь София – радиожурналистка, младший сын Александр является художником-декоратором. Радуют старшего Столыпина и несколько внуков. Сам он специализируется в самых различных литературных жанрах, пишет, разумеется, преимущественно по-французски. Является вице-президентом международной литературной организации «ПЕН-Клуб», автором нескольких книг о литературной жизни в СССР в 70-е годы, а также о своих поездках по стране, по-прежнему остающейся для Столыпиных родиной. Весной 2000 года намечался приезд на Гродненщину внука гродненского губернатора (приглашение для визита ему было выслано тогдашним губернатором А.И.Дубко через белорусское посольство во Франции). Дмитрий Аркадьевич хотел побывать в Литве, в бывшем имении Колнобереже, а на Пасху прибыть в Гродно. К сожалению, по ряду обстоятельств этот визит не состоялся, однако есть надежда, что он все-таки состоится, ибо этого искренне хотят как в Гродно, так и в Париже.

«Разрешить этот вопрос нельзя, его надо решать...»

П.А.Столыпин о нуждах сельского хозяйства Гродненской губернии

Непродолжительное пребывание П.А.Столыпина на посту гродненского губернатора (с 21 июня 1902 года по 21 марта 1903 года) было вместе с тем и временем вызревания у него устремлений, направленных впоследствии на реформирование России, на превращение ее в государство мощной экономики и общественной стабильности. Важную роль в становлении будущего реформатора сыграло его участие в работе Гродненского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Этот орган, созданный на основании мартовских 1902 года решений Особого совещания, был призван наряду с другими губернскими и уездными комитетами, наметить конкретные пути по подъему сельскохозяйственного производства с учетом местных особенностей. Материалы работы этих комитетов впоследствии стали основой для проведения Столыпиным аграрных преобразований в стране.

Изучение журналов заседаний Гродненского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности⁵ убедительно свидетельствует о том, что гродненский губернатор исполнял обязанности председателя данного комитета не только по должности, но и по душе. Первое заседание губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности (или в нынешнем понимании - производства) состоялось 16 июля 1902 года под председательством Столыпина. К этому времени не истек еще месячный срок его пребывания в должности губернатора, но это не помешало опытному администратору, бывшему до приезда в Гродно губернским предводителем Ковенского дворянства, сразу овладеть непростой ситуацией. На заседание, кроме крупных губернских чиновников, а также уездных предводителей дво-

рянства, были приглашены самые могущественные в губернии земельные магнаты, включая князя Святополк-Четвертинского, Глиндзича, Скирмунга, Пусловского, Рошковского, Микульского и др. Последние отличались одновременно как неприступным шляхетским консерватизмом, так и безудержным стремлением к переменам по западноевропейским стандартам. Столыпин же был жестким прагматиком, не позволявшим себе и своему окружению не учитывать конкретной ситуации, реальных шансов на реконструкцию сельского хозяйства Гродненщины⁶.

Открывая заседание губернского комитета, Столыпин охарактеризовал в общих чертах его задачи и предстоящую деятельность, обратил внимание на то, что «главными факторами улучшения экономического положения губернии в целом и сельского хозяйства, в частности, следует считать расселение крестьян на хутора, переход их от так называемого шнурового использования наделными землями к хуторскому хозяйству, устранение черезполосности земель, разверстания сервитутов и мелиоративный кредит»⁷. Вслед за этим он остановился на основных пунктах программы, которая должна стать предметом обсуждения и разработки губернского и уездных комитетов. Главными из них были: распространение сельскохозяйственных знаний, улучшение и развитие опытного дела, борьба с вредителями сельского хозяйства (оврагами, песками, болотами, заболеланиями сельхозкультур, скота и т.д.), пожарами, охрана собственности, устройство и содержание местных дорог, организация народного мелкого кредитования, подъем всех отраслей животноводства, повышение доходности сельского хозяйства, упорядочение внутренней и внешней торговли продукцией села, учреждение хозяйственных союзов (кооперации) и т.д.

Выделив из программы предстоящей деятельности эти и другие вопросы, председатель-губернатор особое внимание обратил на расселение крестьян на хутора. Он подробно осветил всю предысторию этого процесса в губернии, начиная с первых шагов по реализации переселенческого закона от 13 июля 1889 года. Неудовлетворительное состояние его он связывал с тем, что на Гродненщине, как и в других западных губерниях России, крестьяне владели землей подворно, по так называемой шнуровой системе, требующей, чтобы каждый домохозяин в селении имел столько полос земли, сколько усматривается в крестьянском наделе видоизменений в качестве почвы, пахотных земель и покосов. По этой причине подворный участок состоял из многих десятков узких полосок, разбросанных по всем направлениям надела чересполосно с полосками других домохозяев. Такой способ образования подворных участков, по мнению Столыпина, лишал возможности крестьянское хозяйство развиваться, обрекая его на трехполье без травосеяния. В прибалтийских губерниях, где крестьяне тоже владели землей подворно, шнуровое деление между домохозяевами к этому времени было устранено уже почти во всех селениях: подворные участки превращены в хутора, земли которых включены в большинстве случаев в один отруб при усадьбе домохозяина. Сославшись на это, председательствующий подчеркнул, что к такому же переустройству подворных участков следует приступить и в Гродненской губернии, ибо только при этом условии подъем крестьянского хозяйства станет возможным.

Столыпин рассказал о первых попытках в этом направлении со стороны крестьян деревень Горбачи и Сыроежки Волковысского уезда, а также Досиняны, Бобровники, Яриловичи и Грибовцы Гродненского уезда в феврале-марте 1898 года. Последние хотя и составили приговоры о расселении, но реализовать их по всей бедности и несовершенстве системы государственной помощи на составление планов хуторных владений, перенос построек, рытье колодцев и т.д., к сожалению, не смогли. В 1899-1902 году приговоры на переустройство подворных участков были составлены в примерно 50-ти селах губернии, однако по тем или иным причинам выход на хутора также не состоялся, за исключением 3 деревень Слонимского уезда (Пересудовичи, Пузы и Мостыки), крестьяне которых достигли намеченной цели. В связи с этим Столыпин предложил изучить этот опыт расселения и разослать его по всем уездам.

Другим вопросом, при обсуждении которого председательствующий высказал особое мнение, был вопрос о кооперативных союзах. Здесь Столыпин, в частности, выразил желание, чтобы такие союзы были признаны кредитоспособными юридическими лицами, а для этого им должно быть обеспечено пользование кредитами Государственного банка, ибо до сих пор кооперации имеют здесь прав во много раз меньше, чем их имеет любой мелкий торговец⁸.

Первое заседание губернского комитета закончилось постановлением, что все уездные комитеты должны прислать свои соображения по поднимаемым Особым совещанием вопросам в срок не позднее 15 октября 1902 года. С этим поручением все уездные комитеты успешно справились, предоставив в губернский комитет как коллективные, так и персональные записки и предложения. Их обсуждение состоялось на его заседаниях 26, 27, 28, 29 ноября 1902 года во дворце гродненского губернатора. Открывая первое из них, Столыпин отметил ту тщательность, с которой отнеслись уездные комитеты к разработке почти всех вопросов, представленных на обсуждение Особым совещанием. Свою личную признательность за проделанную работу он высказал всем председателям уездных комитетов, а также совету Гродненского Общества сельского хозяйства в лице его председателя, губернского предводителя дворянства П.В.Веревкина за предоставленные ими записки о нуждах сельского производства Гродненщины. Вслед за этим, с разрешения председателя губернского комитета, выступил князь Святополк-Четвертинский, который вкратце остановился на законодательных препятствиях, мешающих развитию местного сельского хозяйства, а именно - «отсутствии свободной купли-продажи земли в западных губерниях, что безусловно отражается на всех, к какой бы народности или среде населения ни принадлежали».

При всей справедливости замечаний князя, председатель не мог не заметить желания придать обсуждению аграрных проблем политическую окраску, поэтому он сразу же заметил, что хотя «всякое политическое ограничение и вносит экономическое стеснение, но в данном случае не настолько значительное, чтобы не заниматься вопросами, с решением которых можно добиться реального сдвига в существующем положении сельского хозяйства, тем более, что отмена тех или иных ограничительных законов составляет prerogative верховной власти». В связи со сказанным Столыпин предупредил,

что «не только вопрос, возбужденный князем Святополк-Четвертинским, но и всякий вопрос, связанный с политическими соображениями, будет им по праву председателя снят с обсуждения, как не входящий в область занятий комитета». Что же касается самой записки князя Святополк-Четвертинского, то такая была приобщена им «к делу для отправления по принадлежности»⁹.

По вопросу о распространении сельскохозяйственных знаний и развитии опытных участков были заслушаны обстоятельные доклады председателя Гродненского сельскохозяйственного общества П.В.Веревкина и землевладельца И.И.Глиндзича. Резюмируя эти выступления, Столыпин отметил, что оба были сведены к идее необходимости расширения народного образования вообще и специального агрономического, в частности, однако они не дают ничего нового в сравнении с уже разработанными министерствами проектами, до сих пор остающимися «под сукном» ввиду отсутствия в стране денежных средств. Свои сомнения в отношении финансирования предлагаемого Столыпин дополнил постановкой вопроса: насколько оправдываются затраты на открытие в Вильно высшего агрономического заведения для края (за это ратовали крупные землевладельцы) и принесут ли выпущенные из ее стен лица немедленную пользу краю при полном отсутствии здесь низших сельскохозяйственных школ, необходимых для крестьян и экономов небольших имений? «Положим, – продолжил председатель комитета, – что необходимо как высшее специальное училище для края, так и сеть низших училищ для губернии. Подобные школы не новость, но во что обойдется открытие таких школ?» Выступивший сразу же после Столыпина советник губернского правления В.В.Ярошенко обратил внимание на необходимость учреждения средней сельхозшколы, которая могла бы стать подготовительной базой для поступления ее учащихся в высшее агрономическое заведение, равно и учреждением для подготовки учителей для низших сельскохозяйственных училищ. Подобное учебное заведение, по мнению выступающего, могло бы быть открыто при Свислочской учительской семинарии, и затраты на осуществление этого предложения не были бы очень велики.

Такой поворот в прениях, вероятно, не удовлетворил крупных помещиков, которые тотчас же перевели обсуждение этого вопроса в сторону разговоров о состоянии начального образования в губернии вообще. Помещик А.Ф.Микульский, в частности, заявил об «охотном посещении начальных школ крестьянскими детьми», сводя всю аргументацию к имеющемуся антагонизму между министерскими школами (всего 299 на губернию) и церковно-приходскими (1200), явно преобладающими на Гродненщине. «Если создать один тип школы без политической окраски, – подчеркнул выступающий, – то дело образования выиграет много и только тогда можно будет говорить об обязательности школьного обучения... во всяком случае, следует заботиться об увеличении числа министерских школ».

Уловив в словах выступавшего нотки, характерные для определенной части католиков губернии, недовольных укреплением позиции православия, благодаря поддержке властями церковноприходских школ, председательствующий тонко парировал последнего следующим образом: «Все дело сводится

к недоразумению. Господину Микульскому, по-видимому, неизвестно, что церковноприходские школы дети римско-католического вероисповедания могут посещать лишь с разрешения родителей, и, таким образом, обязательности их посещения иноверческим (т.е. неправославным) населением не существует... Желательность же увеличения числа министерских школ находится вне всякого сомнения, но народится такое обучение само собою не может, для этого нужно время»¹⁰.

Замечание Столыпина в адрес тайно и явно фрондирующих землевладельцев князь Святополк-Четвертинский понял напрямую, а потому признанный лидер местных магнатов сразу же заявил: «Нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд и способность к нему, а не образование. Образование должно быть доступно обеспеченным классам, но не массе, нравственные и государственные взгляды которой таковы, что с введением обязательного образования или с расширением доступа в школы она, несомненно, будет стремиться к государственному перевороту, социальной революции и анархии». Такая позиция вызвала резкую отповедь со стороны губернатора: «Едва ли возможно смотреть на вещи так, как князь Четвертинский. Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведет его к анархии... Для губернии и всей страны нашей необходимо женское образование; на обучение грамоте женщин обращено чересчур мало внимания, и поэтому сеть женских школ так же необходима, как и увеличение числа мужских училищ. Для начала желательно учреждение хотя бы одной женской сельскохозяйственной школы для губернии. Распространение сельскохозяйственных знаний, без которых земледельческая страна существовать не может и мало-помалу приходит к разорению, зависит от общего образования. Развивайте его по широкой программе, в связи с преподаванием сельскохозяйственных знаний, и вы дадите большую обеспеченность земледельческому классу, самому консервативному в каждой стране: он будет применять к земле полученные им научные знания, будет более обеспечен, и при этих условиях немыслимо развитие социализма, который лишь охватывает массу, когда воспитательно-образовательное дело обставлено неудовлетворительно, когда преобладает безземельный пролетариат, которому бесцельно преподавать те знания, которые могут быть применимы только к земледелию и служат для подъема культуры земли»¹¹.

После этого, признав, что вынесенные на обсуждение вопросы достаточно рассмотрены, Столыпин поставил на голосование вопрос о том, какое учебно-агрономическое заведение (высшее или среднее) следует признать более полезным для края. 15 голосов было подано за открытие в Вильно высшего политехнического училища с отделами по агрономии и сельскому хозяйству и 14 - за среднее сельскохозяйственное училище (предположительно в Свислочи), но поскольку Столыпин как председатель присоединил свой голос в пользу среднего учебного заведения, то вопрос о желательности открытия его решился положительно. Было признано необходимым учреждение при учительских семинариях курсов по садоводству, пчеловодству и культуре ивняка, а также открытие по одной низшей сельхозшколе в каждом уезде губер-

нии. Вводились должности (по одной на губернию) инструкторов по молочному хозяйству и по организации торфяного дела, кроме того, учреждалась при государственном субсидировании на базе Гродненского общества сельского хозяйства опытная станция. Не были оставлены без внимания и энтузиасты передового опыта на местах: была признана безусловно полезным делом организация показательных наделов с наиболее целесообразной в данной местности системой севооборота, огнестойкими и наиболее практичными постройками. Они могли быть учреждены как на частных, так и на казенных землях со сдачей по дешевым ценам в аренду местным крестьянам с возложением на них обязательства вести хозяйство по установленному учредителем наделу и одобренному инструкторами плану¹².

На ноябрьских заседаниях были приняты важные решения по борьбе с оврагами и летучими песками, признав здесь наиболее важным делом лесопосадки. Одной из важнейших и грандиознейших задач государства для края «было признано системное осушение болот, организация ветеринарной помощи и введение общегосударственного и общедоступного страхования крупного рогатого скота». Много внимания было уделено мерам по уменьшению сельских пожаров. Самым радикальным разрешением этой проблемы было признано расселение крестьян на хутора, поощрение строительства глинобитных построек и огнеупорных крыш, поддержка развития черепичных и кирпичных заводов, нормирование цен на их продукцию в расчете на доходы среднего крестьянского хозяйства. Признавалось также крайне важным в ближайшем будущем «уменьшение или совершенное снижение таможенных пошлин с локомотивов, паровых молотилок, других сельхозорудий, а также удобрительных туков и чилийской селитры, которые в России не производятся», уменьшение железнодорожных тарифов на их перевозку. Одновременно губернский комитет ходатайствовал перед правительством о мерах по ограничению вывоза из губернии за границу отрубей и жмыхов и других кормов для скота, были намечены конкретные действия по улучшению качества поголовья. Часть решений затрагивала сельское дорожное строительство, возведение элеваторов, складских помещений и т.д.

Но более всего беспокоило членов губернского комитета и его председателя Столыпина все возрастающее обезземеливание крестьян и как следствие его - отток сельского населения в города, а также нелегальный выезд на заработки за границу. В этой связи предлагалось вместо безуспешных запретов временной трудовой эмиграции дать ей правильную организацию через учреждение справочных контор и налаживание приемлемой паспортной системы. Вместе с тем Столыпину удалось убедить членов комитета, что все их решения являют собой лишь ряд, хотя и нужных, но полумер, сердцевина же всех стоящих перед ними проблем - это переход от так называемого шнурового пользования наделами к хуторному, и что «вне этого изменения землепользования поднятие уровня культуры крестьянских хозяйств невозможно». Исходя из признания, что «дробление надельной земли стало принимать угрожающий общему крестьянскому благосостоянию характер», польза от расселения крестьян на хутора была признана комитетом «не подлежащей

сомнению). Для успеха этого дела было признано «настоятельно важным издание закона, в силу которого приговоры сельских сходов о переходе к хуторному пользованию наделом могли бы получать обязательную силу». Кроме того, для предотвращения распыления земельной собственности на такие малые части, которые не в состоянии прокормить крестьянскую семью, предлагалось законодательным путем установить размер необходимого минимального участка земли, который не мог быть делим ни при каких условиях.

Так на гродненской земле вырабатывались и закладывались Столыпинными основы важнейших аграрных преобразований, направленных на то, чтобы крестьянин по-настоящему стал хозяином и хранителем своей земли. Работа в губернском комитете, тесное политическое общение со всеми категориями земледельцев сделали для Столыпина понятными нужды сельских хозяйств не только Гродненщины, но и всей страны¹³. Последнее заседание губернского комитета состоялось 28 января 1903 года. На нем князь Святополк-Четвертинский от имени присутствующих попросил председателя комитета П.А.Столыпина принять сердечную благодарность членов комитета «за умелое, беспристрастное, всецело направленное на пользу дела умиротворяющее ведение прений». Столыпин со своей стороны, выразив искреннюю признательность членам комитета за плодотворную и дружную работу по всестороннему обсуждению нужд сельскохозяйственного производства верной Гродненской губернии, объявил работу комитета завершённой. После чего добавил, что надеется на успешную реализацию всего задуманного, несмотря ни на какие трудности¹⁴.

Между тем, трудности не заставили себя ждать. После того, как материалы Гродненского комитета были опубликованы в составе 58 томов, полученных из 300 уездов всех губерний империи, для их изучения была создана специальная научная комиссия «с целью систематизации и выяснения общественного значения работ местных комитетов» во главе с либеральным историком П.Н.Милюковым. В составе ее работали такие видные ученые (юристы, агрономы, землеустроители, экономисты, статистики), как К.К.Арсеньев, В.М.Гессен, И.В.Гессен, М.И.Ипполитов, А.А.Леонтьев, В.А.Розенберг, И.М.-Страховский, Н.В.Чехов, Г.И.Шредер. Результатом этой работы стало издание большого сборника статей, озаглавленного «Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (СПб, 1904 г. - 439 стр.). Во введении к нему П.Н.Милюков, обобщая «итоги» работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и его местных комитетов, в частности, писал, что воспринимать их можно лишь в качестве «мнения», которое «теперь есть также и сила, способная устранить тлетворное влияние сил, ему противоположных»¹⁵.

Наибольшее количество критических замечаний в адрес Гродненского комитета и его председателя П.А.Столыпина сделал либеральный публицист, юрист, литературовед и общественный деятель К.К.Арсеньев. В основном разделе сборника «Сельскохозяйственные комитеты в не земских губерниях» он высказал недоумение по поводу преобладания в составе комитетов чиновников и отсутствия крестьян. Следует заметить, что Столыпин добивался присут-

ствия на заседаниях комитета крестьян, но последние в силу разных причин уклонялись от участия в работе последних. Другое замечание со стороны Арсеньева было вызвано тем, что на одном из заседаний «председатель Гродненского губернского комитета снял с повестки дня рассмотрение вопроса о земской реформе, ограничившись лишь приобщением к делам комитета». «В том же комитете не было допущено обсуждения записки князя Святополк-Четвертинского о неудобстве постановлений, регулирующих землевладение в Западном крае». В этом смысле, заключал автор, постановления комитетов Северо-Западного края «отличаются вообще меньшей решительностью и определенностью, чем в юго-западных губерниях... Иногда, как например, в Гродненском губернском комитете, ограничительные постановления, касающиеся поляков и евреев, навлекали на себя председательское (т.е. П.А.Столыпина. – В.Ч.) вето»¹⁶.

Оказала ли критика Арсеньева какое-то воздействие на позицию Столыпина в те годы и какова была его реакция на нее, доподлинно неизвестно. Но то, что нападки либералов закаляли его в борьбе за рациональное разрешение аграрного вопроса, является реальным историческим фактом. Впоследствии, уже на посту председателя совета министров России, Столыпин не раз обращался к своему гродненскому опыту, приходя к глубокому убеждению, что «в деле земельного устройства нужна продолжительная черновая работа... Разрешить этот вопрос нельзя, его надо решать»¹⁷. Думается, что эти слова выдающегося реформатора и сегодня во многом звучат актуально.

Впечатление от встреч с П.А. Столыпиным было неизгладимым...»

Великий реформатор в воспоминаниях гродненцев.

Покушение на П.А.Столыпина в Киеве и его смерть 5 сентября 1911 года буквально потрясла всю Россию. Несмотря на резко полярные характеристики его деятельности на высших государственных должностях, тогдашнее общественное мнение было единодушно в одном: страна потеряла, несомненно, крупного государственного деятеля, который видел гораздо больше и глубже, чем все те, кто олицетворял тогда старую дворянскую Россию, с которой тысячу нитей был связан и он сам. Эту Россию Столыпин пытался приспособить к новым временам. Трагическая смерть помешала ему это сделать. Многочисленные гродненцы в ту пору искренне скорбели по случаю его безвременной утраты. Один из них, В.К.Стукалич, выступил 24 сентября 1911 года в Витебске на торжественном заседании, посвященном памяти П.А.Столыпина и приуроченном к 20-му дню его кончины, с содержательным докладом, в котором нашла свое освещение его многосторонняя деятельность.

Прежде чем перейти к анализу его содержания, следует отметить, что Владимир Казимирович Стукалич (1858-1918) являлся выпускником Петербургского университета, много лет проработал налоговым инспектором в Слониме, Гродно и Витебске. В описываемое время был одним из известней-

ших историков и краеведов Беларуси. Целый ряд его работ о местной истории и историках публиковался на страницах столичных и провинциальных газет и журналов. По некоторым сведениям, Стукалич был дружен с выдающимся живописцем И.Е.Репиным и неоднократно при своих встречах с художником много рассказывал ему о Беларуси¹⁸. Он был лично знаком и с П.А.Столыпиным в период службы последнего на посту гродненского губернатора. Это обстоятельство позволило докладчику достаточно ярко обрисовать образ Столыпина «как человека с великой верой в бога и Россию».

По мнению В.К.Стукалича, П.А.Столыпин принадлежал к людям крупных дарований, он обладал крепкой волей и великим даром красноречия; его прекрасной внешности и мощной фигуре соответствовало «богатое внутреннее содержание». Характеризуя деятельность Столыпина и на посту председателя совета министров, докладчик вероисповедания преобразование суда, гражданская и уголовная ответственность должностных лиц, поднятие народного образования, но главною заботою его было содействие экономическому возрождению крестьянства». Дав детальный анализ всех сторон аграрной реформы П.А.Столыпина, докладчик констатировал: «можно смело утверждать, что Россия после освобождения крестьян от крепостной зависимости не видела такого расцвета в области крестьянского законодательства, как в эпоху этого реформатора». Много внимания в своем докладе В.К.Стукалич уделил связям председателя правительства с белорусским губернатором. По его мнению, «Столыпин один вынес на своих плечах издание закона от 13 июня 1907 года, значительно усилившего представительство белорусских крестьян в государственном строительстве, а также указ от 14 марта 1911 года в шести западных земских учреждениях: такое глубокое внимание главы правительства к неотложным нуждам Беларуси Стукалич объяснял тем, что «почивший был близок к нам уже тем, что практически сам являлся уроженцем этого края, так как с раннего детства проживал в Литве, здесь он получил первоначальное образование (в Виленской гимназии), здесь он губернаторствовал, сюда он приезжал для отдыха из Петербурга в свое имение, находившиеся в Ковенской губернии».

Отметил выступавший и другие стороны всеобъемлющей деятельности почившего премьер-министра. В заключение же своего доклада он сказал: «Все мы видели, с какой широты мысли и с каким талантом Столыпин решился обеспечить гражданам России мир, порядок, собственность и возможность обеспечить своим трудом себе безбедное существование ..., а потому нам нельзя допустить того, чтобы мученическая кровь его пошла на пользу врагам России... Наша задача - лишить террористов этих стимулов, облить их ядом презрения и выйти из состояния преступного равнодушия, противопоставив коварной силе врагов сплоченность честных людей»¹⁹. Яркая речь В.К.Стукалича, проникнутая искренним патриотическим чувством, была завершена дружными аплодисментами слушателей.

Огромный интерес участников собрания вызывало и выступление очевидца покушения на П.А.Столыпина – Всеволода Антоновича Кадыгробова. Что можно сказать об этом уроженце Борисовского уезда Минской губернии.

В 1911 году ему исполнилось 34 года, но за плечами был уже юридический факультет Казанского университета, служба в судебных учреждениях Вильно и Витебска, увлечение белорусской историей, сотрудничество с местными периодическими изданиями. С 1905 по 1911 годы он служил товарищем (или по-нынешнему заместителем) прокурора Витебского окружного суда, одновременно возглавлял губернскую ученую архивную комиссию, объединявшую местных историков и краеведов. В качестве делегата от Борисовского уезда он участвовал в печально известных киевских торжествах. В конце 1911 года он был назначен прокурором Гродненского окружного суда, а вскоре возглавил и Гродненский церковно-археологический комитет, в состав которого входили лучшие историки и краеведы города. Удачно баллотировался в IV Государственную думу, был избран ее депутатом, но по неизвестным причинам от депутатства отказался²⁰.

Свое выступление на вышеупомянутом собрании В.А.Кадыгробов начал с воспоминаний о заботливом участии Столыпина в делах местных любителей истории. Так, в ноябре 1910 года он назначил Кадыгробову специальную аудиенцию и с полным сочувствием встретил идеи последнего об открытии Московского археологического института, о сооружении здесь же памятника в честь 100-летия Отечественной войны 1812 года. В связи с отмеченным Кадыгробов упомянул такой факт: когда отпущенную на сооружение памятника сумму особое совещание решило наполовину сократить, то премьер-министр настоял на утверждении ассигнованной суммы в полном объеме. «В таком горячем участии Петра Аркадьевича в деле постановки памятника, – заявил докладчик, – некоторые могут увидеть проявление его личного интереса, ибо в сражении под Витебском 26 октября 1812 года во главе 14 Ямбургского уланского полка (длительное время дислоцировавшегося в Гродно) стоял Николай Алексеевич Столыпин. Но, как заявил тогда мне премьер-министр, он сам даже не знает, какое родственное отношение к нему имеет этот герой 1812 года, и что во всяком случае это не его предок по прямой линии». Полную поддержку обещал Столыпин и в других инициативах, разрешив при этом обращаться к нему напрямую, если в том встретится надобность. При представлении В.А.Кадыгробова в числе других делегатов от белорусских губерний на киевских торжествах председатель Совета Министров обещал лично приехать на закладку памятника и открытие филиала археологического института (такой институт был открыт, и в нем учились многие гродненцы. – В.Ч.) однако, это желание осталось неудовлетворенным. В.А.Кадыгробов отмечал, что его «личное впечатление от встреч с П.А.Столыпиным осталось неизгладимым. И неудивительно. Этот выдающийся человек, мощь которого высказывалась во всем, сразу же располагал к себе каждого соприкасающегося с ним». Несправедливыми считал докладчик имевшие место обвинения в адрес главы правительства в т.н. узком национализме. Напротив, это был человек всеобъемлющего ума и широких взглядов, что хорошо подтверждается словами Столыпина, сказанными им при приеме в Киеве делегации западных губерний. Отметив вклад ее членов в поддержку законодательства о земельном самоуправлении, он, в частности, подчеркнул: «Я счастлив лично поблагода-

рить вас, впервые вдохнувших жизнь не племенной (национальной. – В.Ч.) ненависти и политической вражды, а делом земского, т.е. государственного устройства».

Далее докладчик в своих воспоминаниях пришел к событиям, разыгравшимся в Киеве. По его словам, Столыпин чуждался охраны и мало заботился о своей безопасности. Обрисовав атмосферу Киевского театра в преддверии долгожданного появления в почетной ложе императора Николая II, Кадыгровов перешел к мысли о том, что до этой минуты «даже среди самого высокопоставленного и изысканного общества Столыпин выделялся своей осанкой, фигурой, в которой как бы воплощалась та великая государственная идея, носителем которой был этот доблестный кормчий державного корабля – высокий, широкоплечий, спокойный, джентльмен с головы до ног. . .». Затем Кадыгровов рассказал о том подъеме, который пережил зал, когда в театре появился царь, о тех возвышенных чувствах, которые рождало дивное исполнение оперы Н.А.Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» – «сказки, которая вскоре в антракте омрачилась потрясающей драмой. . .» Далее он передал слушателям тот неопишуемый ужас, который охватил весь театр, «когда раздались предательские выстрелы и когда все очевидцы покушения как бы оцепенели на мгновение, не отдавая себе полного отчета в том, что произошло. . .»

Хотелось думать, что злодей промахнулся, что свершилось чудо. . . Потом Столыпина увезли в больницу; преступника допрашивали в буфете. . . И все это время у всех на устах был один тревожный вопрос – выживет ли раненый, но никто на этот вопрос ответить не мог. Было известно одно: ранение очень серьезное и произошло сильное кровоизлияние»²¹. Несколько капель этой крови В.А.Кадыгровов привез для местного музея, вытерев своим носовым платком часть кровавых сгустков на кресле, на которое опустился смертельно раненный П.А.Столыпин. Сюда же докладчик передал программу спектакля, а также ряд приглашенных билетов и пропусков, полученных им во время киевских торжеств, столь неожиданно обернувшихся трагедией.

Свой интересный доклад-воспоминание автор закончил предложением к собравшимся выразить двумя телеграммами соболезнования вдове покойного О.Б.Столыпиной и его брату А.А.Столыпину. Предложение это было принято единодушно. После переезда в Гродно В.А.Кадыгровов неоднократно выступал со своими воспоминаниями о Столыпине перед членами городского Софийского православного братства и церковно-археологического комитета, возглавляемого им вплоть до начала оккупации Гродно кайзеровскими войсками в годы первой мировой войны.

По инициативе В.А.Кадыгровова в городе и губернии происходил также сбор средств на сооружение памятника бывшему гродненскому губернатору.

«Нет, весь я не умру...»

История о том, как гродненцы увековечивали память о П.А.Столыпине

Имя Петра Аркадьевича Столыпина – великого реформатора, а в 1902-1903 годах – гродненского губернатора, еще при жизни было легендарным. О его уме, деловитости, стойкости и мужестве, как, впрочем, и его реформах, «стольпинских вагонах» и «стольпинских галстуках» и т.д. говорили не только в правительственных сферах, но и в народных низах. Одна из легенд, отражающая любовь и привязанность Столыпина к городу над Неманом, жива и поныне. Местные старожилы из поколения в поколение передают твердое убеждение, что если бы не бывший гродненский губернатор, то вряд ли нынешний гродненский Свято-Покровский собор находился бы на том месте, где он ныне находится. Именно об этом месте для строительства храма ходатайствовать перед городскими властями члены Гродненского Софийского православного братства, всесторонне обосновывая правильность своего выбора. Но этому решению братчиков чинили всяческие препятствия высокопоставленные чиновники, ссылавшиеся на неопределенную позицию в этом вопросе святейшего синода. В этой ситуации инициаторы строительства в городе новой церкви вынуждены были обратиться к Петру Столыпину, и он оказался первым, кто не на словах, а на деле поддержал гродненцев: за предельно короткий срок Свято-Покровский храм-памятник уже в 1909 году поднялся ввысь всеми своими куполами, как выражение молитвенной памяти горожан о воинах местного гарнизона, павших на полях Маньчжурии в годы русско-японской войны.

Другая легенда имеет отношение к памятнику Столыпину в Гродно. Известно, что в течение первых месяцев после гибели главы правительства по всей России начался по подписке сбор средств на строительство памятников ему в нескольких городах страны. По свидетельству дочери убитого Марии Бок, «уже через год после кончины моего отца ему были воздвигнуты памятники в Киеве (месте убийства. – В.Ч.), Гродно и Самаре (городах, где Столыпин был губернатором. – В.Ч.)»²². К сожалению, других документальных подтверждений существования памятника великому реформатору в Гродно долгое время обнаружить не удалось. И лишь совсем недавно (в начале февраля 2002 года) в рукописной «Летописи Софийского собора в гор. Гродно»²³, хранящейся в библиотеке Жировичского Свято-Успенского мужского монастыря, мною была обнаружена запись, подтверждающая факт открытия в городе над Неманом памятника бывшему губернатору. А вообще в этом интереснейшем документе имя П.А.Столыпина упоминается дважды. Первый раз в связи с его кончиной – «6 сентября 1911 года, в 12 часов дня, Преосвященный Епископ Владимир Белостокский совершил в Софийском соборе панихиду по убитому в Киевском театре Председателе Совета Министров Петре Аркадьевиче Столыпине (бывшем гродненском губернаторе)». И во второй раз в связи с интересующим нас вопросом – «15 июня 1914 года (воскресенье) в Софийском соборе торжественно совершена Архиепископом Михаилом

Божественная литургия, а затем крестный ход к Свято-Александровской церкви, у которой была совершена панихида по бывшем Председателе Совета Министров Петре Аркадьевиче Столыпине. После сего состоялось открытие ему памятника в сквере с северной стороны Свято-Алекса́ндро-Невской церкви».

Настоящая запись достаточно убедительно опровергает сведения о том, что памятник Столыпину (небольшой бюст) был установлен сразу же после смерти его (в конце 1911 – начале 1912 годов) рядом с губернаторским дворцом. Существовало также мнение о возможном нахождении бюста-памятника в вестибюле дворца. Теперь благодаря «Летописи Софийского собора» нам известны и время, и место открытия памятника великому реформатору. Остается пока загадкой – кто был создателем памятника, как он выглядел, кем осуществлялся сбор пожертвований на его сооружение и т.д.? Многое здесь смогли бы «сказать» публикации об этом на страницах «Гродненских губернских ведомостей» и «Гродненских епархиальных ведомостей», но, как нарочно, этих номеров в подшивках газет не оказалось. Долго не попадались сведения об открытии памятника бывшему гродненскому губернатору и в местных архивах. Были бедны информацией и воспоминания гродненских старожилов о событиях того времени. Не исключено, что последнее связано с тревожной предвоенной атмосферой в Гродно. Ведь до начала первой мировой войны со времени открытия памятника оставалось не более месяца. Кроме того, в сентябре 1915 года в ходе боев у стен города кайзеровские войска в результате артиллерийского обстрела и бомбардировок с воздуха разрушили и сожгли дворец Тизенгауза (губернаторский дом). Возможно, пострадала и территория рядом с ним. Все это, несомненно, не могло не воздействовать на прочность запечатления и самого памятника Столыпину в глазах и памяти горожан. Еще в начале 1960-х годов некоторые из них упоминали не только о существовании самого памятника, но и о его печальной судьбе. В частности, утверждалось, что, как только немецкие войска вошли в город, они демонтировали памятник и отправили в Германию в качестве боевого трофея. Другие старожилы уничтожение памятника Столыпину в Гродно увязывали с традиционной жадностью захватчиков, с первых же дней оккупации города начавших вывозить в Германию все подряд, включая и цветные металлы (есть сведения, что бюст был изготовлен из бронзы).

Так это было или нет, мы пока не знаем, но есть надежда, что со временем все былое обретет для любознательных потомков свою необходимую завершенность.

Поиски, однако, не затянулись. Спустя неделю после обнаружения «Летописи» со сведениями об открытии памятника Столыпину в Гродно, ко мне в руки попало пухлое дело с перепиской гродненского губернатора о всевозможных сборах пожертвований (на храм в Петербурге в честь 3000-летия Дома Романовых, на поддержку экспедиции Г.Я.Седова на Северный полюс, на усиление военно-воздушного флота России и т.д.), включая 180 листов текста, касающегося вопросов, связанных с увековечением памяти Столыпина²⁴. Впрочем, повествование об этом начнем с соблюдения необходимой последовательности.

Как православный человек Петр Аркадьевич Столыпин постоянно посещал расположенную рядом с его губернаторским дворцом в Гродно Александро-Невскую церковь. Любил он здесь бывать и в праздники, и в будни, но больше, конечно, в будни, когда не было излишней помпезности, козыряющих городовых, заискивающих чиновников, а в самом соборе – полицейского, расчищающего дорогу к почетному месту, совсем спереди, у самого алтаря. Как приятно было ему, когда чуть забрезжит рассвет, идти сюда, молча ставить свечку и думать о чем-то своем. «Каждое утро, – признавался впоследствии он своим друзьям, – я начинаю с того, что благодарю Бога за то, что Он даровал мне один день жизни...».

В этой христианской молитве губернатора было все: надежда, тревога и тяжкое предвидение необратимого. Покушение на П.А.Столыпина в Киеве и его смерть 5 сентября 1911 года буквально потрясли Россию. Многочисленные гродненцы в ту пору искренне скорбели по поводу гибели из жизни великого реформатора. И уже 19 сентября того же года гродненский губернатор В.М.Борзенко обратился к местному предводителю дворянства А.И.Ушакову с посланием, в котором, в частности, говорилось: «Среди чиновников различных ведомств и жителей города Гродны возникла мысль о сооружении памятника-бюста без временно погибшему от руки злодея статс-секретарю Петру Аркадьевичу Столыпину в городе Гродне на площади против губернаторского дома, в котором Петр Аркадьевич жил, будучи гродненским губернатором. Образовав вследствие сего Особый под моим представительством комитет по сбору пожертвований с вышеозначенной целью и сообщая об этом Вашему высочородию, имею честь просить войти в число членов означенного комитета, а также не отказать о своем содействии к успешному сбору пожертвований...»²⁵.

По инициативе членов Особого комитета уже 27 сентября вся информация о порядке его работы ушла по инстанциям. Но буквально через месяц, 18 октября, губернатор был вынужден признать, что «мысль об увековечении памяти незабвенного П.А.Столыпина, в осуществлении своем представившей значительные затруднения (вероятно, речь шла о тайных происках врагов реформатора в Петербурге, не желавших прославления даже ушедшего из жизни премьера – В.Ч.), а потому считаю своим долгом просить... временно прекратить начавшуюся кампанию, предложив вместе с тем лицам, уже внесшим пожертвования, обратиться их на учреждение стипендии имени П.А.Столыпина в учебных заведениях Гродненской губернии...»²⁶.

Судя по всему, борьба за место Столыпина в истории изначально принимала ожесточенные формы: в Петербурге активизировались сторонники реформ, кроме того, выяснилось, что стипендия имени супругов Столыпиных уже была учреждена в Гродненской губернии еще в 1903 году, т.е. сразу после отъезда Петра Аркадьевича в Саратов²⁷. Наконец, 13 февраля в Гродно пришло из Петербурга известие, что «постановка памятника Столыпину в г. Гродне разрешена»²⁸.

Следует заметить, что сбор денег на памятник осуществлялся как через квитанционные книжки, так и посредством традиционных подписных листов. Все собранные деньги ответственными за это лицами направлялись на адрес

губернатора В.М.Борзенко. Первый свой вклад в благородное дело в размере 25 рублей внес 25 февраля 1912 года предводитель уездного дворянства А.И.Ушаков, получивший за это искреннюю благодарность председателя Особого комитета. Вскоре такую же сумму прислал из Петербурга кавалерийский генерал К.К.Штардман. А уже 29 июня 1912 года в комитет по установке памятника поступила первая крупная сумма денег - 284 рубля 78 копеек, в сборе которой принимали участие не только знатные особы (Г.И.Александрович, С.И.Корецкий, Т.А.О'Бриен де Ласси, П.А.Писарев, С.Н.Павлюкевич, И.М.Корицкий, М.В.Турцевич, О.В.Ширма, Н.А.Бюфонов, А.Е.Курлов, М.Е.Богданович, А.Ф.Братцен, И.Батраков, П.Громов, М.И.Левкович, К.М.Шульгин, В.А.Тимонович, Ф.Ф.Авдеевич, И.Гофунг, М.А.Деконская, Л.Луленский и др.,) но и чиновники, представители духовенства, военнослужащие, рабочие и крестьяне. Среди последних особенную активность проявили жители Мало-Берестовицкой, Крынской, Гольнской, Лашанской, Индурской, Горницкой, Соболянкой, Берштовской и Озерской волостей. Второй крупный взнос был внесен в конце августа 1912 года в размере 161 рубль 58 копеек. В результате общей суммы пожертвований гродненцев – 446 рублей 36 копеек - оказалось вполне достаточно для выполнения всех необходимых работ по изготовлению памятника²⁹.

В материалах Национального исторического архива г. Гродно среди лиц, первыми откликнувшихся на сбор средств для увековечения памяти П.А.Столыпина, упомянуты следующие имена: священники В.Жиромский, С.Кречетов, псаломщик К.Корнелюк, церковный староста С.Леончук, волостной писарь Н.Грико, волостные старшины И.Крюк, М.Домбровский, пунктовой стражник П.Карпуть. Крестьяне, как правило, своих фамилий в подписных листах не указывали, их заменяла стандартная запись «от лица, пожелавшего остаться не известным». Молитвы этого в полной мере еще не выяснены, но на квитанциях в подписных листах имена крестьян все же остались зафиксированными. Именно они, в первую очередь и верили в П.А.Столыпина – инициатора аграрных преобразований в стране, доверяли ему и откровенно его жалели. Остается только назвать их имена: И.Костюкевич, С.Садовничий, С.Авдейчик, Ф.Шакоць, Ф.Колесник, Ф.Авдейчик, А.Сковко, М.Новик, И.Вашкевич, М.Нелепко, В.Казакевич, В.Якубчик, Г.Ермоловский, Ф.Солоневич, М.Ханюта, В.Колесник, А.Леончук, М.Адамчук, В.Бондарик, К.Лашевич, М.Соловей, И.Кузьма, К.Ермолик, Я.Панасевич, Ф.Шукайло и др. Среди населенных пунктов упоминаются чаще всего деревни Жукевичи, Каменка, Алекшицы, Падбагонники, Гольнка, Индура, Озеры, М. Берестовица, Горница, Лаша и др.

Очередным ключом к разгадке этих вопросов могла стать ссылка Б.Г.Федорова³⁰ (автора нового исследования о реформаторе) на то, что снимок открытого в Гродно памятника П.А.Столыпину был помещен в журнале «Искры» №25 за 1914 год. Сразу же написал письмо в Москву к Борису Григорьевичу с просьбой прислать мне хотя бы ксерокопию этого фотоснимка. Сделал он это достаточно оперативно с припиской: «По Вашей просьбе посылаю ксерокопию фотографии памятника П.А.Столыпину в Гродно. К сожалению, качество плохое, но если Вам удастся найти фото лучшего качества, то буду признателен за копию для меня». В этой ситуации, я не придумал

лучшего решения, как связаться с давним другом белорусских историков, петербургским профессором Н.В. Николаевым, работающим в Российской национальной библиотеке (бывшая публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина). Ответ Николая Викторовича, любезно согласившегося помочь мне, был следующим: «Уважаемый Валерий Николаевич, я нашел фото памятника Столыпину в Гродно, помещенного в журнале «Искры». К сожалению, сделан он невыразительно, композиция такая, что привязать его к какому-либо месту очень трудно. Однако не в этом дело, журнал огромного формата, в ксерокс из-за переплета не помещается. Можно заказать фото, но сейчас мы выполняем огромный финский заказ . . . Может быть так сделать, взять Вам и написать о своей просьбе в адрес нашего начальства, подписав ее всеми титулами, которые Вы на сегодня нажили: они для Вас как для иностранца, сделают исключение и выполнят заказ . . .» Поблагодарив Н.В. Николаева за предложенный вариант, я тотчас же послал в Петербург свой новый заказ, продолжаю поиски других изображений названного памятника, но, к сожалению, пока безрезультатно.

«Всякое искажение науки есть святотатство...»

А.Д. Столыпин (1820-1899) – отец реформатора

Негативное отношение к исторической роли бывшего гродненского губернатора, а впоследствии великого реформатора России П.А. Столыпина, длительное время культивируемое в общественном сознании советской наукой, вольно или невольно переносилось на весь этот древний дворянский род, включая, разумеется, и отца реформатора – Аркадия Дмитриевича Столыпина (1820-1899). Исследователи той поры или не уделяли внимания этому человеку, или писали о нем лишь как о баловне судьбы, бездумном прожигателе жизни, картежнике, а к концу жизни – как о реакционном генерале. Наша задача состоит отнюдь не в том, чтобы доказать обратное, облагородить облик этого представителя семейства Столыпиных: значительно важнее показать, каким был на самом деле отец человека, взявшегося без революционных потрясений преобразовать Россию и сделать ее процветающей и свободной.

Аркадий Столыпин был единственным сыном генерал-майора Д.А. Столыпина, в свое время близкого к декабристам. Последние предполагали даже ввести его в состав Временного правительства. Но восстание было разгромлено и начались аресты. В это время Д.А. Столыпин скоропостижно скончался в своем имении Средниково под Москвой. Аркадий воспитывался под влиянием своей матери, урожденной Анненковой – женщины богатой и властной. Он получил типичное для большинства дворянских детей образование. В домашнем архиве Столыпиных сохранился распорядок дня 12-летнего мальчика: подъем в шесть часов утра, гимнастика, затем уроки. . . и полное отсутствие свободного времени. Воспитатели, учителя французского, английского и немецкого языков от него практически не отходили. В юношеском возрасте у него появился интерес к математике, что не удивительно для человека, решившему, как и его отец, посвятить себя карьере военного. В молодости Аркадий

увлекался сочинением стихов, но после дружеского совета своего дальнего родственника М.Ю.Лермонтова («...прежде всего не сочиняй стихов»), решил дальше этим делом не император. В конце спектакля, когда Аркадий Дмитриевич вышел на сцену, чтобы поклониться публике, Николай I вдруг неожиданно бросил ему реплику: «Вместо того, чтобы шута строить, возвращался бы ты в армию». Что последний не замедлил сразу же исполнить. Когда началась Крымская война, он вместе со своим родственником заниматься.

Рано поступив на военную службу, он вдруг в чине поручика бросает ее и предается светским развлечениям. Как-то он участвовал в любительском спектакле, на котором присутствовал император. В конце спектакля, когда Аркадий Дмитриевич вышел на сцену, чтобы поклониться публике, Николай I вдруг неожиданно бросил ему реплику: «Вместо того чтобы шуту строить возвращался бы ты в армию». Что последний не замедлил исполнить. Когда началась Крымская война, он вместе со своим родственником Львом Толстым выехал в действующую армию, где был адъютантом у командующего князя М.Д.Горчакова. В осажденном Севастополе Столыпин и Толстой еще более подружились; оба писали статьи – репортажи в один из петербургских журналов.

О жизни Аркадия Столыпина в период его офицерской молодости известно немного, за исключением нескольких случаев, свидетельствующих о его рыцарском облике. Однажды Столыпин вместе с друзьями по полку проводил время в гостинице в компании барышень с сомнительной репутации. Случайно увидев среди них растерянную, невинную девушку – дочку какого-то провинциального гречкося, прибывшую в Петербург вместе с матерью чтобы познакомиться со всеми прелестями жизни высшего света, Аркадий Дмитриевич сразу подошел к ее матери со словами: «Что вы здесь делаете, сударыня? Здесь не место для приличных барышень. Очень прошу вас обеих отсюда уйти». Друзья смеялись: дескать, Столыпин разыгрывает из себя Дон Кихота, однако в глубине души понимали, что последний имеет все основания так поступить... В другой раз во время службы в одном из периферийных гарнизонов он пришел на помощь какой-то неизвестной певице, которая, будучи достаточно талантливой, не вызвала симпатий у публики и находилась в полной растерянности. Молодой офицер за свой счет взял в аренду помещение городского театра, привел туда полковой оркестр, а сам взялся за дирижерскую палочку. Имя молодой певицы было прочитано в афишах. К началу концерта театр оказался переполненным, успех был необыкновенным. В результате девушка не только поверила в себя, но и получила весь доход с концерта.

В ранней молодости Аркадий Дмитриевич вступил в супружескую связь с некоей Устиновой, от которой имел сына Дмитрия (1846-1899), ставшего впоследствии крупным книговедом и общественно-культурным деятелем. Характерно, что отец и сын умерли в один и тот же год. Что касается самой госпожи Устиновой, так она умерла спустя два года после рождения сына. После этого Аркадий Дмитриевич достаточно быстро повторно женился на дочери князя М.Д.Горчакова – Наталье Михайловне. Она не блистала красотой, но отличалась умом и образцованностью, была знакома со многими выдающимися людьми

ми. Однажды, еще до замужества, на заграничном курорте ее подруги были шокированы тем, что она ежедневно прогуливалась по парку, беседуя с каким-то плохо одетым человеком странного вида. Пришлось объяснить, что это Гоголь. Вместе с тем, Наталья была достаточно равнодушна к музыке. Когда в соседней комнате ее сестра Ольга начинала играть в четыре руки с Ференцем Листом, она, как правило, говорила: «Закройте двери, а то делается невыносимо шумно». У супругов родилось четверо детей и среди них будущий реформатор России.

Аркадий Дмитриевич не отличался хозяйской жилкой. Его наследованные владения год от года уменьшались. После освобождения крестьян в 1861 году, он, как и все помещики, вынужден был приспособляться к новым условиям жизни. Половину большого дома в Москве он подарил сыновьям своего управляющего имением, затем приобрел фабрику по производству шикарных керосиновых ламп, но их никто не хотел покупать. Однако эту непродуманность семейство Столыпиных переносило спокойно. Наталья Михайловна унаследовала имение Акчино: тысячу двести гектаров в Пензенской губернии, в Поволжье. Имелись доходы и из источников совсем неожиданных. Как-то Аркадий Дмитриевич, совершенно не рассчитывая на возврат, одолжил крупную сумму денег своему близкому другу и дальнему родственнику адмиралу Кушелеву. Не имея возможности вернуть долг, совестливый адмирал предложил Столыпину взамен свою недвижимость (восемьсот гектаров) в Колноберже, в Ковенской губернии. По некоторым сведениям, это имение Аркадий Дмитриевич выиграл в карты у того же Кушелева. Но факт остается фактом: Колноберже настолько понравилось всем, что Столыпина обосновались в нем на долгие годы. Средниково же, где, подобно Лермонтову, Аркадий Дмитриевич провел свою молодость, было продано.

Так благодаря отцу семейства Столыпина породнились с Литвой. Летом жили в Колноберже или выезжали в Швейцарию. Когда детям пришла пора учиться, купили дом в Вильно. Известно, что будущий реформатор окончил Виленскую гимназию. Именно здесь, в столице Северо-Западного края, он под мягким влиянием отца приобщился к общественно-просветительской деятельности. Интересы А. Д. Столыпина не замыкались на военном деле. Он сочинял музыку, играл на скрипке, увлекался скульптурой, интересовался богословием и историей. В каждой из названных областей он мог бы достичь чего-то большего, но ни одно из этих увлечений не стало для генерала основополагающим, ибо стремился своим умом и темпераментом одновременно охватить все. В области политики, по свидетельству своего внука А. П. Столыпина, он был либералом. «Мои сыновья, – впоследствии говорил он, – имеют взгляды значительно правее моих». Произошло это во многом благодаря личному благоволению к нему императора Александра II и воздействию проводимых им реформ³¹.

Польское восстание 1863 года на территории Литвы и Белоруссии заставило его вновь возвратиться к былому здоровому консерватизму, о чем свидетельствует одно из его сохранившихся публичных выступлений. Его история напрямую связана деятельностью генерал-майора А. Д. Столыпина. В 1864 году сразу же после завершения прокатившегося по краю мятежа владелец имения Кол-

нобереже по предложению попечителя Виленского учебного округа И.П.Корнилова был избран почетным членом Виленской археологической комиссии, созданной для сбора и изучения памятников древности на территории Белоруссии и Литвы. К своим новым обязанностям Аркадий Дмитриевич относился отнюдь не формально. Будучи автором книги «История России для народного и солдатского чтения», написанной при содействии Л.Н.Толстого, он оказывал достаточно сильное влияние на деятельность этой комиссии, о чем свидетельствует следующая публикация в журнале «Вестник Западной России» (Вильна, 1865, Т.2, с. 234-241). Ввиду исключительной важности этой публикации и для разума мировоззрения А.Д.Столыпина помещаем ее почти в полном объеме: «11 февраля сего 1865 года в зале музея древностей, в 7 часов пополудни, происходило обыкновенное ежемесячное заседание виленской археологической комиссии. Обыкновенное заседание началось действительно довольно обыкновенно: ученым секретарем был прочитан протокол прошлого заседания и список предметов, пожертвованных музею в минувшем месяце разными учеными обществами и лицами. Один из членов комиссии господин Коротынский прочел очень остроумное исследование отсутствующего действительного члена комиссии господина Тышкевича о свинцовых кружках, найденных около Дрогичина и якобы принадлежащих исчезнувшему племени ятвягов. В этом исследовании автор не соглашается с мнением выдающихся в этих кружках печати, которые привешивались к пергаментам и заключающих из этого (и из сходства уцелевшего гербового рисунка на свинцовых кружках с некоторыми геральдическими изображениями), что предполагаемые печати могут быть первообразом некоторых шляхетских гербов. Автор очень логично замечает, что у ятвягов письменности не могло быть, так как никакого следа этой письменности не осталось, что ятвяги в дикости своей не могли иметь понятия о гербах и ощущать в них потребность (принадлежности рыцарства и феодализма), что кружки найдены на обмелевшем русле реки, а класть рукописи в реку, для хранения, даже дикарям не могло придти в голову, что, наконец, их можно признать за кружки, употребляемые идолопоклонниками-ятвягами при богослужении, тем более, что знаки, уцелевшие на этих кружках, сходны со знаками, находящимися на некоторых предметах капищной утвари, уцелевших от ятвягов.

С автором статьи, кажется, более или менее соглашались все присутствующие члены, потому что не оппонировали ему. И так все шло очень мирно и обыкновенно, как это бывает на обыкновенном заседании. Но вот просит слова А.Д.Столыпина для выслушивания предложения и, из обыкновенного заседания, это заседание превращается не только в необыкновенное, но и в чрезвычайное и небывалое, потому что, смело можно сказать, своды по-иезуитского здания, в зале которого происходят заседания археологической комиссии, никогда еще не оглашались такой скромной речью, по понятиям латино-польским.

Читатели, которым мы, с позволения А.Д.Столыпина, передаем его речь целиком, могут сами вывести заключение о впечатлении, какое произвела она на присутствующих, как на сих, так и на оных:

«Наука есть святая, как и религия: религия есть вера в Истину, наука есть путь к оной. Следовательно: всякое искажение науки, равно как и религии,

из личных выгод и для политических целей, есть святотатство. К несчастью, такое святотатство постоянно совершается в мире. Археология и история более всех других наук служат политическим оружием, потому, что в них удобнее всего искажается истина.

Чтобы убедиться в этом, раскроем историю западной части России и пред нами развернется картина систематического ополячивания этого несчастного края посредством искажения исторической истины; перед нами восстанут тени иезуитов, которые первые научали обращаться с религией и наукой, как с политическим оружием, тени целого ряда историков под предводительством Стрыйковского, которые из политических видов, внесли басни в летописные сказания; наконец, и тени людей русских и литовских, введенных в обман этими баснями, а во главе их одного, который с фанатизмом неопита, душою преданного учению своих предшественников, успел обратить все учебные заведения западной части России в рассадники польской пропаганды. . . Я говорю про князя Чарторыйского. Он, как и Лелевель, и Мицкевич, был жертвою лжи, введенной в науку предшествующими поколениями политикующих ученых. Правда, Чарторыйский перед смертью утратил веру в свои идеалы; Лелевель тоже избегал политических разговоров, а Мицкевич впал в мистицизм, близкий к умопомешательству. . . Не потому ли это, что у смертного их ложа грозно восстала историческая истина и она требовала удовлетворения?

Если я назвал Чарторыйского, то это только потому, что последний период систематического ополячивания западной части России посредством искажения истины в науке может вполне носить его имя. Действительно, период от 1810-го года до последнего польского мятежа в отношении к народному образованию можно назвать периодом Чарторыйского. Упраздненный Виленский университет не был ли университетом Чарторыйского. Гимназии Северо-западного края и другие школы, не были ли учебными заведениями Чарторыйского? Все они были пропитаны его духом; система его ополячивания края посредством искажения исторической истины царствовала повсюду, начиная от народных школ до высших учебных заведений. Дошло до того, что целый слой общества, обучавшийся в них, заговорил речью иноземной, вследствие чего и думать начал по иноземному, по иноземному и молиться! . . . Родное слово было исключено из программы школ Чарторыйского, а веру, которая имеет притязание называться католической, т.е. вселенской, против ее же собственных догматов, учили там называть польской верой.

Мы были накануне торжества лжи! Отуманенные ею толпы людей русских и литовских подняли руку на мать-отчизну! Другие, что еще хуже, впали в индифферентизм: «Разве один язык не равносителен другому?» – говорили они; «разве не все равно, от кого мы исходим? В правительственный расчет должно входить только то, чем мы есть в настоящую минуту!» Даже в центре России ополячивание Северо-западного края многие начали считать совершившимся фактом. Мы подлинно были накануне торжества лжи. Но вот блеснула заря дня приснопамятного! . . . девятнадцатого февраля (1861 г. – В.Ч.). Перед лицом смущенных учеников, как и у смертного ложа учителя, грозно восстала историческая истина. Выразилась она миллионы людей, по про-

званию – хлопов (крестьян-белорусов – В.Ч.), не входивших дотоле в исторический расчет, но с этого дня призванных к политической жизни. Выразилась она речью, именуемой – хлопскою, на которой до той поры лишь жаловались да стонали, но которая с этого дня весело раздалась по всей Западной Руси. Выразилась она молитвою, молитвою – хлопскою, молитвою преданною поруганию, но которая, однозвучная с молитвою Царевой, в этот день бодро вознеслась к небесам!

Речь хлопская и молитва хлопская отозвались родными звуками в самом сердце России. Люди же русские и литовские, воспитанные в этой лжи, с ужасом увидели, что они разучились уже понимать родное слово, что они остались без отечества.

Вы все были свидетелями того судорожного пароксизма, которым был потрясен, вследствие всего этого организм западного края России; раны, нанесенные ему, слишком еще свежи, чтобы я их растревлял; скорбь увлеченных лживым учением еще слишком велика, чтобы я ее не уважал: пройду молчанием этот трехлетний период, который, к несчастью, история не вычеркнет из скрижалей своих!

Мы уже пережили ужасный кризис: восстало общество с болезненного ложа; атмосфера, окружающая его, очистилась от польского тумана; в западно-русском крае пошла работа русская, работа спорая, работа, восстанавливающая свое родное, сметающая все иноземное... и, на развалинах учебных заведений Чарторьского, воспрянули школы русские, с кафедр, воздвигнутых иезуитами, раздалось слово русское!

Должны ли мы этим удовольствоваться? Нет! Далек еще не все прилажено в механизме как политического, так и ученого мира западного края: многие колеса этого механизма еще вертятся вспять. Патриотическая и ученая деятельность западно-русских людей должна еще быть неусыпна: каждый из них внимательно должен следить за делом, к которому он приставлен, чтобы подвинуть оное по одному общему направлению, к одной общей цели. Примемся же и мы за работу. Обратим и мы внимание на то учреждение, которого имеем честь быть членами и приложим старание к его усовершенствованию. Но для этого разберем предварительно: соответствует ли оно современным требованиям?

Музеи, эти хранилища исторической и научной истины, имеют, кроме того, назначение быть зеркалами современного состояния науки в известной местности: полонизм, царствовавший в ученом мире Северо-западного края, отражался, следовательно, в Виленском музее. Это ничуть не умаляет достоинства его в общенаучном отношении. Скажу более, если бы Виленский музей шел в разлад с нашим ученым миром, руководствуясь различными системами и имея противоположные тенденции, то это было бы аномалией; точно так же, как было бы анахронизмом продолжить теперь этому зеркалу современного состояния науки отражать развеявшийся польский туман, когда уже в него смотрится восстановленная историческая истина.

Наша святая обязанность не допускать такого анахронизма: чтобы Виленский музей из важного подспорья к народному образованию, куда юно-

шество стремилось бы любоваться на русскую и литовскую старину времен Гедимина, Ольгерда и Витовта, не превратился бы в памятник иноземного ига, который, со стыдом, обходили бы возрожденные западнорусские люди. С этой целью вхожу я ныне с предложением, которое и подвергаю на благоусмотрение почтенных членов Археологической Комиссии. Предложение мое состоит в следующем:

Виленская Археологическая Комиссия пусть составит из среды своих членов комитет, во-первых, для пересмотра своего устава; во вторых, для приведения в известность и систематический порядок всех своих драгоценностей: рукописей и книг периода русско-литовской истории, то есть, преимущественно периода до Ягайлы; в-третьих, для составления программы будущих своих действий в духе родном русско-литовском; в четвертых, для соображений о соединении в одно целое: музея, центрального архива и имеющей открыться публичной библиотеки, во избежание раздробления ученых сил края и излишних издержек; в-пятых, для составления свода актов и сказаний всех летописцев и историков русских о Литве и о западно-русском крае (это необходимо для учителей и священников западного края, которые хорошо должны быть знакомы с историей оного, но не имеют достаточных средств приобрести для сей цели дорогих изданий русских летописцев, собрания исторических актов и других сочинений, по которым разбросаны известия о западном крае); в-шестых, для разбора всех древностей, рукописей и книг, уцелевших еще в православных и бывших униатских монастырях западного края.

Комитет должен состоять: из председателя (ученого специалиста по истории и археологии), дающего должное направление работам оного; из секретаря-редактора (также специалиста в этом деле), который не должен быть отвлекаем другими занятиями и из двух писцов, хорошо читающих, как в печати, так и в рукописи, по-славянски, по-польски и по-латыни. К комитету, кроме того, необходимо прикомандировать несколько действительных членов и членов-корреспондентов Виленской археологической комиссии по ее избранию, а для сообщения – необходимых справок и ученого секретаря оной.

Излишним было бы, с моей стороны, доказывать всю пользу, которую принесет предлагаемый мною комитет: она очевидна. Не могу, однако же, пройти молчанием те особенности Виленского музея, которые возродили во мне мысль о необходимости коренного его преобразования.

Странствовал много я по белому свету. Был я во многих музеях. В некоторых изумляло меня знание дела, с которым они составлены; в других детская наивность, с которой группированы разнородные предметы, что заставляло их более походить на дамскую этажерку редкостей, чем на ученое учреждение, но ни в одном из них, начиная от колоссального Британского музея до самого скромного, провинциального французского, не заметил я отсутствия патриотического начала, ни в одном не видел я даже отдела, напоминающего не только ига, но и нашествия неприятельского.

Вы можете себе вообразить, какое тяжелое впечатление испытал я, свежий русский человек, когда в первый раз вошел в русско-литовский Виленский музей: на самом видном месте его бросились мне в глаза изображения и

доспехи угнетателей русско-литовской народности; в витринах увидел я акты и документы, свидетельствующие об иноземном владычестве над краем; наконец, надписи, даже и в зоологическом кабинете, прочел я на языке, который западно-русские люди в былые времена считали вражьем! Неужели, подумал я, остатки русско-литовской древности не нашли места в родном хранилище? Нет, они тут, но приотпились по темным углам, как бы стыдясь былого польского величия. Мне даже при первом моем посещении музея не показали первого издания на русском языке Литовского Статута, этого метрического свидетельства русской Литвы.

Тут начали в голове моей бродить разные идеи: о неустойчивости русской натуры, о космополитизме, в котором нас обвиняют!.. Утешила меня только мысль, что на востоке России нигде нет хранилищ, служащих прославлением ига татарского. Отчего же, подумал я, такая разница между западом нашим и нашим востоком? Недоумение мое разъяснилось следующим параграфом устава Виленской археологической комиссии: истребование в комиссию исторических актов и рукописей, принадлежащих упраздненным римско-католическим монастырям..., равным образом доставление в комиссию подобных же актов из библиотек штатных монастырей и церквей сего исповедания... , а о русской, православной, коренной древности – ни полслова.

Я бы мог еще указать на некоторые недомолвки в уставе комиссии, на некоторые необходимые улучшения в музее, но это уже будет делом, предлагаемого мною комитета. Теперь остается мне только просить почтенного председателя нашего повергнуть мое предложение на просвещенный суд господ членов археологической комиссии и затем представить оное на утверждение высших властей»³².

Судя по всему, речь А.Д.Столыпина произвела на членов комиссии и власти края глубокое впечатление, вынудившее их к принятию административных мер. Последние не замедлили себя ждать. Весной 1865 года, по распоряжению генерал-губернатора края М.Н.Муравьева, археологическая комиссия прекратила свое существование, а предложения, высказанные Столыпиным по созданию специального комитета, были взяты на вооружение властями при налаживании работы вновь созданной Виленской археографической комиссии. Сам же инициатор реформирования вошел в состав вновь образованного объединения.

Кроме участия в работе Виленских археологических и археографических комиссий, А.Д.Столыпин состоял членом Северо-Западного отдела Русского географического общества. Мало того, к общественно-культурной и историко-краеведческой работе он привлекал и своих сыновей. Его первенец от брака с Устиновой – Дмитрий Аркадьевич Столыпин после окончания Петербургского университета на протяжении пяти лет (1871 – 1876) являлся членом Временной комиссии по улучшению работы Виленской публичной библиотеки. В 1872 году он был командирован для отбора и принятия книг самых закрытых на территории Виленской, Ковенской и Гродненской губерний католических монастырей, в результате чего библиотечный фонд Виленской «публички» пополнился на 167 древних рукописей и 317 томов старинных книг.

Одновременно он участвовал и в реорганизации Виленского музея древностей. В частности, им был подготовлен и издан в 1879 – 1880 г. двухтомный «Систематический каталог книг русского отделения Виленской публичной библиотеки»³³.

В связи с началом русско-турецкой войны 1877-1878 годов отец и сын Столыпина (вероятнее всего, Дмитрий. – В.Ч.) написали пьесу патриотического содержания. По свидетельству мемуариста А.Гене, «эта пьеса шла несколько раз в Виленском театре и имела успех. Особенно нравилось публике пение последних слов: «И Белоруссия, Литва не будут Польшей никогда»³⁴. Глядя на старших, стал увлекаться культурно-просветительской деятельностью и Петр Столыпин. В отличие от отца, он не имел музыкального слуха, но литературу и живопись любил, любил книги по истории искусства. По некоторым данным, будущий гродненский губернатор и премьер-министр России читал в Виленском дворянском клубе лекции по истории музыки.

При всем разнообразии занятий и увлечений делом всей жизни А.Д.Столыпина было военное дело. Пика своей военной карьеры Аркадий Дмитриевич достиг в годы освобождения Балкан от османского ига. Рассказывают, что после победоносного вступления его во главе русских войск в Фелиополь, император Александр II, ожидавший генерала Столыпина в главном штабе, увидев его, первым делом произнес: «Ждал тебя, чтобы вместе засесть за стол». В качестве генерал-губернатора Восточной Румелии он многое сделал для создания гражданской и военной администрации этой провинции. Аркадия Дмитриевича по праву считали одним из творцов возрожденного Болгарского государства. В Софийском историческом музее ему посвящен специальный стенд. Когда генерал возвратился в Россию, болгары в знак признания его заслуг и глубокого уважения прислали ему два штандарта. . . В последующие годы он занимал ряд должностей в военном министерстве. Будучи свитским генералом, Столыпин участвовал в коронации последнего императора России Николая II. Незадолго до своей кончины он являлся комендантом Кремлевского дворца. Проживал в том его крыле, которое позднее занимали Ленин и Троцкий. Чувствуя, что жизнь подходит к концу, генерал попросил посадить его в кресло, чтобы, как солдату перед боем, посмотреть смерти в глаза. Последними его словами были: «Света! Больше света!». Слуги зажгли все свечи. Перед тем, как испустить дух, он угасающим голосом произнес свою последнюю молитву Всевышнему. Так жил и ушел в небытие глава семейства, на родовом гербе которого был помещен девиз: «Укрепи меня, Господи»³⁵.

ГЛАВА II. ГРОДНЕНЩИНА В ЖИЗНИ ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ XIX-XX ВВ.

«История» как средство против забвения...

Н.М. Карамзин (1766-1826) и Гродненщина

В истории российской науки ни одно масштабного объема сочинение не оказывало столь сильного воздействия на общественное сознание, как многотомная «История государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766-1826). Это издание, по словам Пушкина, «произвело сильное впечатление», книги расходились в один месяц – «пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, доселе им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Русь, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом». Такое восприятие томов «Истории государства Российского» первыми читателями объяснялось и обстоятельствами времени. Недавно победоносно завершилась война с Наполеоном, и победители возвратились домой, преисполненные сознанием всемирно-исторической роли России. Потому-то такой успех в обществе имело передаваемое из уст в уста сравнение Карамзина с Кутузовым. П.А.Вяземский, в частности, писал: «Карамзин – это Кутузов двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни...».

Разумеется, кроме восторженных поклонников 12-томной «Истории государства Российского», было немало и тех, кто критически относился к этому труду по соображениям не только научным, но и политическим, общекультурным. Среди сторонников исторической концепции Карамзина, как, впрочем, и ее противников, было немало и наших земляков. К числу последних относился историк-славист Зориан Яковлевич Доленга-Ходаковский. Первую осторожную попытку критически выступить против «Истории» Карамзина Доленга-Ходаковский предпринял в 1819 году. Появление своих заметок на сей счет в печати он объяснял происками завистников автора «Истории»: «Напечатание моего письма в «Вестнике Европы» – это без сомнения их, а не мое дело». Обращаясь к Н.М.Карамзину с письменным посланием, Доленга-Ходаковский не без лицемерия писал: «Вот мое оправдание. Теперь зависит от Вашего Превосходительства и в моем личном деле произнести такой суд, какой произвели Вы о веках и народах». Получив после этого при поддержке Карамзина субсидии от Министерства народного просвещения на организацию археологического обследования России, он временно отказался от участия в полемике, вплоть до 1823 года, когда экспедиция вдруг неожиданно была прекращена. Необоснованно считая Карамзина одним из виновников крушения своих планов, Доленга-Ходаковский сразу же по получении «сведений о коварстве историографа» обратил все «бремя своих критических стрел» на Карамзина. Подобного же рода тактику критики «Истории» применяли в разворачивавшейся полемике Лелевель и Булгарин. Выступления Доленги-Ходаковского не прошли мимо сторонников Карамзина. Один из них –

известный в те годы историк С.В.Руссов весьма скептически отнесся к планам критика «Истории» на основе археологических источников установить территорию расселения славян и определить границы конкретных славянских племен. Руссов обвинил Даленгу-Ходаковского в некритическом использовании польских источников и вообще в неверном методе исследования. Если Карамзин, утверждал он, вначале всесторонне анализирует источники и даже сверяет их данные путем запросов «местных начальников», чтобы после этого включить тот или иной факт в свой труд, то Доленга-Ходаковский, наоборот, «событие прежде всего вносит в историю или на карту, а потом требует его рассмотрения»³⁶.

Полемика вокруг главного труда Н.М.Карамзина и участие в ней Даленги-Ходаковского, несомненно, способствовали уточнению представлений тогдашней исторической науки об историческом процессе и методах его познания. Кроме того, она активизировала изучение истории народов тогдашней России, включая и белорусов, побудила многих к занятиям местной историей – краеведением, к изучению народного быта и фольклора. В этом заключалась важнейшая положительная роль «Истории государства Российского» и развернувшейся вокруг нее полемики. Почти одновременно с выходом первого издания «Истории» Карамзина в Россию стали поступать проспекты ее переводов на немецкий, французский и польский языки. Несколько позже начались переводы этого труда на греческий, итальянский и английский языки. «Не знаю, куда деваться от переводов моей «Истории»...», – писал Карамзин в августе 1818 года одному из своих друзей, – Я их не искал»³⁷. В Гродненской губернии, наряду с русским изданием «Истории», имело место распространение ее и на польском языке. В Национальном историческом архиве Беларуси в г.Гродно хранится дело «Об объявлении подписки на «Историю государства Российского», сочиненную Карамзиным и переведенною на польский диалект Бучинским». Содержание его вкратце сводится к следующему. Летом 1826 года «служащий по части польских войск дежурный генерал Григорий Бучинский, издававший перевод на польский язык «Истории государства Российского», сочиненной Карамзиным, обратился за содействием к командиру Литовским отдельным корпусом великому князю Константину к умножению пренумератов (подписчиков. – В.Ч.) посредством рассылки подписных билетов на сие сочинение в губерниях, состоящих под надзором цесаревича».

В связи с отсутствием великого князя «на осмотре полков Литовского отдельного корпуса» прошение генерала-переводчика Бучинского было рассмотрено начальником штаба названного корпуса генерал-лейтенантом Куртуй. Последний не только дал согласие на увеличение подписчиков на переводной труд, но и обратился 6 июля 1826 года к гродненскому губернатору М.Т.Бабятинскому с посланием, в котором, в частности, писал: «Принимая во внимание, что многие из дворян, не знающие российского языка, пожелают воспользоваться переводом сего отличного сочинения и чрез то доставить господину Бучинскому способ привести к окончанию производимый им перевод, коего шесть книг уже напечатаны, а последний ожидает токмо покрытия нужных на сие издержек, я покорнейше прошу Вас принять на себя труд

раздать прилагаемые при сем письме девять билетов ценю за каждый на полное сочинение, заключающееся в одиннадцати книгах, по сто рублей ассигнациями с доставкой шести сих книг, а последующие поступят в свое время пренумератам; собранные за сии книги деньги не оставьте (т.е., не забудьте. – В.Ч.) отослать в канцелярию цесаревича для доставления господину Бучинскому в Варшаву». Как следует из материалов дела, усилия гродненского губернатора в названном направлении были успешными: в числе подписавшихся на 11 томов «Истории» Карамзина в польском переводе значились местные землевладельцы – Токажевский, Павловский, Остроменцкий, Верещако, Рдултовский, Морачевский, Бржецкий, Пусловский, Сивицкий³⁸. Одной из причин, побудивших этих людей откликнуться на объявленную подписку, было не только желание угодить начальству, но и преклонение перед именем великого писателя и историка, проявление уважения к памяти недавно скончавшегося Н.М.Карамзина (22 мая 1826 года по старому стилю. – В.Ч.).

Об уважительном отношении на Гродненщине к автору знаменитой «Истории» говорит и другое архивное дело, озаглавленное «О сборе добровольных пожертвований на сооружение памятника Карамзину в г.Симбирске. Начато 28 июля 1833 года, окончено 3 февраля 1834 г.». Именно в эти сроки, как следует из дела, и проходила в губернии эта благородная акция. В названной пухлой папке, помимо обширной переписки, касающейся названного сбора, имеется и «Именной регистр лицам, учинившим добровольные приношения российскому историографу Н.М.Карамзину». Возглавляет этот список-регистр тогдашний Гродненский губернатор генерал-майор, граф М.Н.Муравьев, внесший на памятник Карамзину 25 руб. ассигнациями. Столько же передал в фонд строительства и председатель губернского правления князь Давыдов. 10 рублей ассигнациями пожертвовал полицмейстер Болдырев. Остальные чиновники, торговцы и мещане города вносили денег кто сколько мог. В списке значатся – Новицкий, Стычинский, Корпиловский, Радовицкий, Сутковский, Каптилович, Груздев и др. Всего горожане собрали 82 руб. ассигнациями и 3 руб. 50 копеек серебром. Жительствующий в своем имении Озеры помещик Корнелий Валицкий дал на памятник 20 руб. ассигнациями. В г. Новогрудке список добровольных пожертвователей возглавил городничий Бенецкий, а за ним еще тринадцать человек (Глинский, Николай Керсновский, Иван Маркевич, Заборский, Врублевский, Туповский, Третьяковский, Кондратович и др.), собравших 3 руб. 45 коп. серебром. 30 человек составили список пожертвователей в уездном городе Бресте, 8 человек – в Пружанском уезде. Всего по Гродненской губернии на сооружение памятника историку было собрано 9 руб. 35 коп. серебром и 175 руб. 96 коп. ассигнациями³⁹. По тем временам это была немалая сумма.

В 1839 году все жители губернии приглашались к покупке качественных рисунков сооруженного в г. Симбирске памятника историографу Карамзину, а также барельефов на оном, в том числе и изображающего покойного историографа, читающего свою «Историю» императору Александру I⁴⁰. Продажа рисунков осуществлялась с целью выручки денег, которые также приобщались к уже поступившим пожертвованиям на памятник.

Таковы основные из сохранившихся в гродненском архиве сведений, имеющих отношение к данной теме. Разумеется, все они затрагивают лишь внешнюю сторону сюжета. Главное же – воздействие на гродненцев содержания и идей главного труда Н.М.Карамзина – еще пока практически недосягаемо для исследования. Но несомненно одно: его «Историю читали на Гродненщине и по-русски, и по-польски, расширяя и углубляя свои представления об исторической науке, которой великий историк дал такое возвышенное определение: «История... есть священная книга народов, главная и необходимая, зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил, завет предков к потомству, дополнение и изъяснение настоящего и пример будущего...»⁴¹. В «Каталоге Гродненской публичной библиотеки», составленном и изданном в 1908 году в Гродненской губернской типографии Иваном Григорьевичем Остроумовым, «История государства Российского» Н.М.Карамзина была отнесена к разряду наиболее читаемых книг. Один из томов этого издания (1833-1835 годов), ныне хранящийся в фондах научной библиотеки Гродненского госуниверситета, – яркое тому свидетельство: прекрасно сохранившийся, он между тем изобилует закладками и карандашными пометками, сделанными в процессе изучения книги в те далекие годы неизвестным нам читателем-гродненцем.

В годы советской власти к «Истории» Карамзина подходили с сугубо политико-идеологической точки зрения. Не только широкий читатель, но и студенты-историки, по существу, были отлучены от этого фундаментального труда: дескать, чему может научить молодое поколение автор – сторонник монархизма. Изучали творчество Карамзина как реформатора русского литературного языка, мастера художественной литературы, но не как историка. Много потрудился для возвращения историка Карамзина к нынешнему поколению людей известный московский профессор А.Ф.Смирнов, неоднократно бывавший на Гродненщине и посвятивший ей ряд своих трудов. Будучи глубоким знатоком творчества Н.М.Карамзина, он приложил немало усилий для того, чтобы в 1989 году в журнале «Москва» была начата после почти столетнего перерыва публикация «Истории государства Российского». Первый номер журнала с автографом А.Ф.Смирнова летом прошлого года я передал в дар библиотеке Государственного архива Гродненской области (ГАГО). «История» Карамзина вновь обретает читателей на Гродненщине.

* * *

Прилагаемые к данной статье письма, хранящиеся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), значительно расширяют наши представления о полемике и взаимоотношениях между Н.М.Карамзиным и З.Я.Доленгой-Ходаковским, а также последнего с Н.А.Полевым, К.А.Полевым и И.Н. Лобойко. Все эти документы находятся в фонде М.П.Подолина.

З.Я.Доленга-Ходаковский к Н.М.Карамзину, 21 ноября 1819 года
(Санкт-Петербург)

«Николай Михайлович!

Небезызвестно, может быть, Вашему Превосходительству, письмо мое, которое 29 месяца июля писал я из Гомеля к князю Александру Николаевичу Голицыну. В нем я желал обратить внимание сего знаменитого покровителя наук на занятия мои по части славянской и русской истории, и не имел никакой другой цели, отправляя к нему помянутое письмо мое.

Дабы лучше воспользоваться советом Его сиятельства – изъясненным в ответе на письмо мое, касательно отношений моих, по сему предмету с Вашим Превосходительством, я прибыл в Санкт-Петербург, пред лицо Ваше с той надеждою, что найду в особе Вашей и беспристрастного судью и милостивого покровителя моим занятиям. Уже надежда сия начинала обращаться в событие по мере благосклонного приема, сделанного мне Вашим Превосходительством. Я даже столько был счастлив, что удостоился получить от Вас на первый случай весьма лестное для меня поручение доставить Вам объяснение исторического происшествия, относящегося до Викторина, или, по польской геральдике, Викторинского – и писал о том, что в Царство Польское от 8, сего ноября. Больно бы для меня было, если бы сие поручение Ваше было для меня последним.

К удивлению моему, кто-то из здешних еще до приезда моего в Санкт-Петербург, как видно из последствий, сообщил в Москву письмо мое о Славяннизме и замечания на Вашу карту России IX века. Оно напечатано в последнем номере «Вестника Европы». Неудовольствие мое посему случаю я обнаружил уже пред Его Превосходительством Василием Михайловичем Поповым, ибо, адресовав письмо на имя одной особы, я не давал чрез то никому право печатать оное – тем паче, что оно по некоторым обстоятельствам не во всей полноте и исправности писано, и совсем не для издания в публику.

Если Ваше Превосходительство найдет в оном письме некоторые места несообразными с теми моими видами, какие я имел честь объяснить Вам лично то покорнейше прошу не приписать того какому-нибудь скрытному моему умыслу. Я не утаил перед Вами моих замечаний, но никогда бы не решился без Вашей воли делать их всем известными. – Зависть есть неотлучная Сопутница Великих писателей; и напечатания письма моего в «Вестнике Европы», есть без сомнения ее, а не мое дело.

Вот мое оправдание. Теперь зависит от Вашего Превосходительства, и в личном деле произнести такой суд, какой изрекли Вы о веках и народах.

С совершенным почтением и преданностью
Честь имею быть Ваш _____ (подпись)

Н.А.Полевой к З.Я.Дойленга-Ходаковскому
(без даты)

...Где Вы? И что с Вами? - К нам возвратился наш офицер Тернберх и ему поручено сделать маршрут для похода во Кострому – почему и просил он, навестить с ним ея: отдолжите на малое время вашего атласа большого – хоть при Вас сделает он выписку. – Сегодня иду к Елагину – Ваш Н.Полевой.

К.А.Полевой к Доленге-Ходаковскому,
24 сентября 1824 года (Москва)

Не странно ли, что лишь через четыре месяца, ответствовали Вы на письмо приятеля и друга! Что подумать? Пусть думает что хочет, а что до Вас, то, мой добрый, почтенный Зориан Яковлевич, вы, конечно, столько убеждены в моей к вам привязанности и дружбе, что, конечно, на меня не сердитесь, а и думаете, что молчанию моему были причины - и важные и не суть важные к сожалению: не ошибаетесь.

Вот Вам часть моей биографии: весь этот год... [...]

Благодарю за Ваше письмо. Вас все помнят и любят как прежде. С Елагинскими у меня дружба – они у меня, и мы у них часто бываем. Петербургские знакомые наши много говорят о Вас... Вы как знаете? Сразу о Вашей книге – напечатана и принята с уважением. Заметили слова Ваши о множестве географических ошибок у Карамзина. Булгарин, думаю, к Вам обратится с просьбами: он с Гречем будут издавать вместе три журнала... .

Пожалуйста, скажите – каковы труды графа Потоцкого? Сказывают, что в СПб издан его..... (неразборчиво – В.Ч.).

Жена моя Вам кланяется и доброй Елене Леонтьевне. Право, все любим и вспоминаем Вас. Напишите к нам, как Вы поживаете – это обрадует меня – Ваш, усердно Вас обнимающий Н.Полевой

Старую квартиру мы вновь наняли на 4 года. Помните: 1-ая Мещанская, дом доктора Поля.

Не забудьте вспомнить и обо мне, который помнит и любит Вас - Ксенофонт Полевой.

И.Н.Лобойко к З.Я.Доленге-Ходаковскому,
февраль 1822 года (г.Вильно)

Милостивый Государь Зориан Яковлевич!

Я имел удовольствие получать почтеннейшее письмо Ваше от 29-го Января и приношу сердечную благодарность за приветствие.

Известия Ваши о путешествии всегда для меня драгоценны. . . По поводу письма ко мне господина государственный канцлера графа Николая Петровича (Румянцева – В.Ч.) Марциновский (редактор «Виленского Вестника» и «Литовского курьера» – В.Ч.) сделал воззвание к здешней публике об открытии им объявленных памятников исторических и древних бумагах, если у кого они находятся. . . Следствием сего было то, что все здешние архивы для меня могут быть открыты. Теперь у меня в руках то мы, что по смерти Догеля остались в рукописи. В одном из них собраны все государственные акты относительно России в 1470-1745 годах. Петр Иванович Кегген пишет ко мне, между прочим, что он выслал из Киева Константину Федоровичу Калайдовичу собранные им памятники по отечественной палеографии. Если Вы знакомы с господином Калайдовичем, познакомьте и меня с ним. В следующем номере «Денника» напечатано будет путешествие ксендза Бобровского по славянским землям. Весьма замечательная статья.

Я читал статью Ширмы, в коей помещены им две малороссийские песни, у вас выпрошенные, и восхищался чувствами его к Вам и уважением.

С Лелевелем я позабыл поговорить о Мазепе. По поводу Вашего вопроса, до которых мест простираются русские наречия, постараюсь Вам написать попозже. . . Я живу в квартире Сандерса противу церкви святого Яна. Для компании пустил к себе студента Малиновского родом из Подолии.

Ваш покорный слуга Иван Николаев сын Лобойко.

И.Н. Лобойко к З.Я. Доленге-Ходаковскому
от 5 ноября 1822 года (Вильна)

Извините, что два месяца не писал не только по причине отсутствия (был с матушкой в Харькове), но и занятостью в связи с чтением лекций в университете; много времени уходит и на переписку с графом Н.П.Румянцевым. Относительно Ваших рукописей, то мы напечатаем во всех здешних, а также варшавских газетах, возвания с целью оказания Вам помощи.

Что касается Вашего предположения, что линия, разделяющая литовский язык от русского, или как Вы называете ее линия кривицкого диалекта, идет от Друи, чрез озеро Дрисвяты, Десну к окрестностям Вильно и Ковно. . . , то с этим все соглашаются. Относительно пределов литовского языка в Августовском воеводстве или Запуцанском крае, то об этом хорошо осведомлен ксендз Богданович. Он родился в тех краях и много об этом знает. . .

Ваш покорнейший слуга Иван Николаев сын Лобойко.

И.Н. Лобойко к З.Я. Доленге-Ходаковскому
от 8-го декабря 1822 года (Вильна)

« . . Я заглядывал в Радзивилов архив, он занимает четыре комнаты и почти третья часть актов его писаны по- русски. У меня побывало в руках до 50

пергаментных документов с печатями. Содержание их – пожалованные королем литовским князем и епископам виленскими именениями, продажа оных, уступки... Язык тот же, что и Литовского Статуса. Большую часть из них я переписал для графа Румянцева.

Лелевель занимается рецензией «Истории» Карамзина. Скажите, в каком номере «Вестника Европы» напечатана Ваша рецензия на первый ее том. Господа Лелевель и Данилович ездили в Варшаву и будто бы исполнили Ваше поручение.

Ваш покорный слуга
Иван Николаев сын Лобойко

Письмо И.Н. Лобойко к З.Я. Доленге-Ходаковскому
от 20 февраля 1823 (Вильна)

Я с большим удовольствием получил от Вас подарок господина Грамматина - издание о полку Игорева при почтеннейшем Вашем письме. Вы замечаете, что противу Вас восстает буря: и не думаю, что Карамзин был этому один причиной; по крайней мере, это не от зависти и злости, а от пристрастия к своим мнениям. Приглашен в гости к князю Хребтовичу. Благодарю за знакомство с Иваном Михайловичем Снегиревым, которому прошу вручить прилагаемое письмо.

Ваш покорный слуга
Иван Николаев сын Лобойко

И.Н. Лобойко к З.Я. Доленге-Ходаковскому
от 12 октября 1823 (Вильна)

... Будучи в Варшаве, наш военный губернатор А.М.Римский-Корсаков предложил за обедом Линде вопрос: «Чем можно объяснить то, что в Литве все старинные акты и документы писаны по-русски?» Линде отозвался, что этот предмет весьма еще не исследован. Всего надежнее все это можно объяснить историей Литовской иерархии; но Вам известно, что мы весьма недалеко от церковной нашей истории. Для меня это неожиданно, что белорусское наречия входит в Волынскую губернию, как Вы говорите, по черте от Ротна через Новгород-Волынский до Житомира. Кривицкому наречию (из его образовалось белорусское) назначаете Вы пределами на восток губернии-Калужскую, Московскую и Ярославскую; губернии же Псковскую, Новгородскую и Тверскую причисляете к лингвистически отличным от Белоруссии. Это весьма важные наблюдения... Прочитав и переписав множество пергаментов в Литве, писанных по-русски, я пришел к такому заключению, что этот пергаментный и вообще здешний письменный язык ничем не отличаются от польского, как только грамматическими формами и русскими буквами. Читал Литовские статуты на польском и белорусском и вижу, что они идут слово за словом. В Петербурге я хотел поведать это заключение, но встретил от Рылева (новгородского уроженца) сопротивление. Он утверждал, что все, что на-

писано не русским, а польским, находится и теперь в Новгородском просторечии; того же мнения был и Панаев. Это подтверждают и Ваши наблюдения, что во владениях бывших Пскова, Новгорода и Твери те же наречия, как и в губерниях бывших под Литвой.

Далее, – на изменение наречий в бывшей Литве в сторону русского во многом играет армия...

При сем посылаю для профессора Каченовского с засвидетельствованием моего высокопочитания биографию Линде, напечатанную Кеппенем в Вене; желал бы, чтобы и Вы ее посмотрели и дали почитать господину Снегиреву.

Ваш покорный слуга Иван Николаев сын Лобойко

Письмо И.Н. Лобойко к З.Я. Доленге-Ходаковскому
без указания даты (Вильна)

Я давал профессору Лелевелю почитать Ваши письма и просил его по приезде в Варшаву узнать от Раковецкого, что он по поручению Вашему для Вас сделал. Не сердитесь за это, почтенный друг.

Мне весьма лестно было познакомиться с господином Калайдовичем. В «Соревнователе просвещения» я напечатал краткий отчет о моих изысканиях относительно русского языка в Литве, хотя сии известия и не весьма важны.

Прощайте, почтенный друг,

Ваш покорный слуга Иван Лобойко»⁴².

«Прошу не отказать в своем содействии...»

О пожертвованиях гродненцев в пользу известных российских деятелей во второй половине XIX века

Необыкновенный подъем русской культуры второй половины XIX века находил свое проявление в самых разнообразных формах. Одним из показателей развития просвещения, литературы и искусства (не только вширь, но и вглубь) было то, что имена наиболее известных художников, писателей, ученых и композиторов этой поры были в широком потреблении не только у образованной публики, но и у простого народа. В известной мере это выражалось в том, как именно народ реагировал на призывы о содействии в увековечении памяти тех или иных деятелей культуры, в организации подписки на их произведения и т.п. В Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ) в г.Гродно хранится несколько дел, в которых нашло свое отражение отношение гродненцев к увековечению памяти ряда деятелей русской культуры. В первом из них (по хронологическому принципу) собрана переписка между юбилейным Ломоносовским комитетом и гродненскими губернскими учреждениями (лицами) по вопросу о сборе пожертвований на мероприятия, связанные со 100-летней годовщиной памяти выдающегося российского ученого М.В.Ломоносова (1711-1765). Начало этому делу положило письмо правления юбилейного комитета на имя гродненского губернатора И.Н.Скворцова от 15 декабря 1865 года, в котором, в частности, говорилось:

«Милостивый государь, Иван Николаевич, с Высочайшего разрешения 6 апреля сего года в Санкт-Петербурге происходило празднование столетнего юбилея М.В.Ломоносова. Высылаемое в Ваш адрес «Описание» этого праздника составлено распорядителем юбилейных торжеств прежде всего с той целью, чтобы деньги, которые будут выручены от продажи этого сочинения, поступали на учреждаемый Ломоносовский капитал (фонд. – В. Ч.), предназначенный на выплату стипендий учащимся из бедных семейств, издание трудов самого ученого и сочинений о нем. Уверенный в просвещенном внимании Вашего Превосходительства к памяти знаменитого русского деятеля, обращаюсь к Вам, милостивый государь, от имени распорядительного комитета, с покорнейшей просьбой – не отказать в своем содействии в распродаже посылаемых при сем 20 экземпляров помянутого сочинения. Продажная цена за экземпляр назначена в 1 рубль, всякая прибавочная плата будет принята комитетом с искренней благодарностью, а имена жертвователей будут объявлены в газетах. Вырученные деньги покорнейше прошу адресовать в Санкт-Петербург на имя нашего председателя князя Григория Алексеевича»⁴³.

Судя по содержанию дела, губернское правление не пошло по пути уже закрепившейся традиции распродажи «Описания юбилейных торжеств» среди своих чиновников, а «спустило» ее в уезды, ближе к народу. Именуемая в деле квитанция об отправке в феврале 1865 года из Бреста в Ломоносовский капитал (фонд) 3 руб. 46 коп. серебром, вырученных за присланные книги, свидетельствует о том, что деньги эти жертвовали простые люди буквально по грошам. Подтверждением тому является и отсутствие по данной причине и т.н. списка жертвователей «для объявления в газетах».

В октябре 1868 года Ф.Ф.Павленков (1839 – 1900) – убежденный просветитель, издатель «Научно-популярной библиотеки для народа», завещавший использовать все его состояние на открытие на селе 2 тыс. бесплатных народных читален, – предпринял подписку на устройство памятника публицисту и общественному деятелю Дмитрию Ивановичу Писареву (1840- 1868). Вероятнее всего, эта подписка осуществлялась не по официальным, а по книгоиздательским каналам. По этой причине петербургский обер-полицмейстер считал это мероприятие незаконным и потребовал со стороны губернских властей изъятия на подвластных им территориях приглашений на участие в данной подписке. Сделать это было достаточно сложно, тем не менее в Гродненской губернии несколько потенциальных подписчиков было определено. Одним из них оказался артиллерийский поручик К.Е.Гук⁴⁴.

В связи с празднованием осенью 1889 года 50-летнего юбилея известного композитора, дирижера и пианиста Антона Григорьевича Рубинштейна (1829 – 1894), почитатели его таланта объявили через Императорское Русское музыкальное общество подписку на сбор средств в «распоряжение юбиляра»⁴⁵. По распоряжению гродненского губернатора объявление об этом с приглашением о приеме взносов было сделано в «Гродненских губернских ведомостях» (№ 30, от 29 июня 1889 года). И в данном случае нашлись гродненцы, которые откликнулись на знаменательную дату в жизни любимого музыканта.

В начале февраля 1894 года от Н.И.Стояновского – председателя комиссии по сбору пожертвований в память композитора Петра Ильича Чайковского (1840–1893 в адрес гродненского губернатора Д.Н.Батюшкова пришло письмо с информацией об открытии «повсеместной подписки на составление капитала для увековечения памяти П.И.Чайковского посредством постановки статуи недавно усопшего композитора во вновь строящемся здании Санкт-Петербургской консерватории» и с просьбой об «оказании содействия в скорейшем осуществлении указанных целей как сбором пожертвований, так и путем устройства спектаклей, концертов и т.п.»⁴⁶. Здесь же сообщалось о составе упомянутой комиссии: председатель – Н.И.Стояновский; члены – контролер министерства императорского двора В.И.Мерцалов, директор императорских театров И.А.Всевожский, заведующий канцелярией В.С.Кривенко, управляющий конторой С.-Петербургских театров В.П.Погожев, директор С.-Петербургского отделения Русского музыкального общества А.С.Танеев, член дирекции Русского музыкального общества Э.Ф.Направник, брат покойного композитора Модест Ильич Чайковский и товарищи П.И.Чайковского по учебе в Императорском училище правоведения – А.А.Герке, В.Н.Герарди и А.Е.Молчанов.

Полученные сведения о сборе пожертвований для увековечивания памяти П.И.Чайковского гродненским губернатором были направлены для сведения всем уездным предводителям дворянства. Последние собрали немалую сумму на эти цели. Точный размер ее, к сожалению, неизвестен, так как почтовые отправления шли с мест прямо по назначению и губернатору об этом чаще всего не сообщалось. Но зато в данном архивном деле имеются сведения об отправке в Петербург 44 руб. 84 коп., пожертвованных в память П.И.Чайковского членами основанного в 1884 году преподавателем местной гимназии К.В.Добровольским Гродненского музыкального общества. Названные средства были собраны не только за счет продажи билетов на концерты членов общества для горожан, но и благодаря добровольным пожертвованиям гродненских поклонников музыки выдающегося композитора.

Эти и другие благотворительные акты гродненцев применительно к юбилеям ряда российских деятелей культуры носили лишь характер сопричастности и косвенного отношения к памяти отечественных знаменитостей. Другое дело – 100-летний юбилей великого поэта А.С.Пушкина. Участие гродненцев в подготовке его выразилось не только в пожертвованиях на общероссийские мероприятия, связанные с чествованием памяти А.С.Пушкина, но и в сборе средств на строительство в Гродно 4-классного Пушкинского училища (ныне одно из зданий Гродненского педагогического колледжа по ул.Ленина). Вся постройка (вместе с расходами на мебель и оборудование) обошлась г.Гродно около 30 000 рублей, однако более трети его стоимости оплатили сами горожане в форме пожертвований⁴⁷. Таким образом, Пушкинское училище в городе стало подлинно народным. Широко праздновался здесь и сам юбилей. Вот как, к примеру, отмечали его 26 мая 1899 года в Гродненской мужской гимназии. Торжество началось с панихиды по великому поэту; перед ее началом законоучитель гимназии, священник Николай Диковский сделал краткое выступле-

ние, в котором обрисовал личность безвременно ушедшего талантливого поэта «с нравственной и религиозной точек зрения». Свое поучительное выступление отец Николай заключил призывом ко всем присутствующим «помолиться о рабе Божиим Александре, который скончался в тяжких муках как истинный сын Православной Церкви, принесший искреннее покаяние перед Богом, примиренный с Церковью и Христом». Вскоре после этого в гимназии состоялся торжественный молебен в присутствии почетных в городе лиц, родителей и родственников выпускников 1899 года. На сцене актового зала гимназии, с правой стороны был установлен бюст поэта (в 1999 году, спустя столетие, этот бюст был подарен старожилами города кафедре русской и зарубежной литературы Гродненского государственного университета. – В.Ч.), украшенный зеленью, цветами и увенчанный лавровым венком; слева над кафедрой, с которой произносились речи, помещался портрет поэта в красивой раме. Началось чествование гениального поэта. После гимна Пушкину (слова К.Случевского, музыка А.Главача) преподаватель гимназии И.И.Остроумов прочитал доклад «А.С.Пушкин как национальный поэт». Затем хор учеников гимназии исполнил «Перелетную птичку» (на стихи А.С.Пушкина, музыка Н.И.Воротникова) и песню «Память Поэта» на музыку Лисицына. Преподаватель Н.В.Скляров свое выступление посвятил воспитательному значению произведений Пушкина. Это выступление сопровождалось чтением учениками гимназии отрывков и произведений поэта («Поэт», «Памятник», «К тени полководца», отрывок из «Медного всадника», монолог «Достиг я власти», «Сцена у фонтана», «Сцена в подвале», «Перед памятником» и др.). В завершение чествования гимназический хор исполнил «Пир Петра Великого», а в самом конце торжества – гимн «Боже, Царя храни». Вечером 28 мая для учеников младших классов гимназии были устроены чтения со световыми картинками и пением избранных произведений поэта. После этого ученик Холщевников прочитал стихотворение поэтессы Льдовой «Ко дню открытия памятника А.С.Пушкину», была прочитана «Сказка о рыбаке и рыбке». Последним аккордом юбилейных торжеств явилась раздача выпускникам гимназии вместе с аттестатами зрелости по экземпляру «Сочинений А.С. Пушкина» в красивом твердом переплете, на верхней обложке которого был вытиснен золотой портрет поэта с надписью «Гродненская гимназия. Юбилейный подарок»⁴⁸.

В тесной связи со знаками преклонения гродненцев перед памятью российских деятелей науки и культуры находится их участие в подписке для сбора пожертвований на сооружение памятника выдающемуся русскому флотоводцу Павлу Степановичу Нахимову (1802 – 1855). 21 января 1889 года товарищ (помощник. – В.Ч.) министра внутренних дел, сенатор В.К.Плеве выслал в адрес гродненского губернатора циркуляр, в котором, в частности, говорилось: «Государь Император в 19-й день декабря минувшего года Всемилостивейше соизволил открытие повсеместной по империи подписки на сооружение в г.Севастополе памятника адмиралу Нахимову, командовавшему в Синопском бою эскадрой и прославившемуся героическим самоотвержением при защите одного града». Сообщая о таком соизволении, Плеве уведом-

лял гродненского губернатора о том, что «министерству финансов дано распоряжение о беспрепятственном приеме его казначействами пожертвований для указанной цели и высылке пожертвованных средств в распоряжение главного командира флота и портов Черного и Каспийского морей вице-адмиралу Чихачеву». 6 февраля 1889 года канцелярия гродненского губернатора, помимо рассылки копии этого циркуляра по уездам, обнародовало его в «Гродненских губернских ведомостях». 17 марта того же года виленский губернатор, дополнительно напоминая о такого рода высочайшем соизволении, приложил к своему письму популярную брошюру «Адмирал Павел Степанович Нахимов».

В скором времени эта брошюра была размножена в Гродненской губернской типографии и вместе с подписными листами на нее была отправлена в уезды для ответственных за данные сборы местных полицейских и других государственных чинов. Наибольшей активностью в сборе средств на памятник герою-флотоводцу отличались жители г.Слонима и Слонимского уезда, собравшие 34 руб. 36 коп. Среди внесших здесь пожертвования были упомянуты: Осип Ставровский, Никита Щербаков, Мария Колодная, Берко Берестовицкий, Янкель Шерешевский, Казимир Воллович, Николай Брайчук, Леонтий Пачковский, Авдей Ахрамович, Константин Джебелей, Петр Тихомиров, Абрам Шерешевский, Александр Брюханов, Михаил Веденянин и др. На втором месте по сумме пожертвований на это дело шли жители губернского города и Гродненского уезда. Ими было собрано 29 руб. 65 коп. Среди первых в списке жертвователей-гродненцев были: Казимир Котелл, Лев Соловейчик, Викентий Коллонтай, Станислав Матеевский, Михаил Борковский, Феликс Поповский, Георгий Куликовский, Самуил Хазан, Антоний Кернахович, Петр Кулаковский, Иосиф Жуковский, Омелия Божовская, Лев Веллер, Андрей Панасик, Ицко Эйгорн и другие. На третьем месте, по неофициальным подсчетам, шли жители г.Волковыска и одноименного уезда (Алексей Зуров, Степан Ходаковский, Алексей Цыбулин, Вера Повенцкая, Григорий Лукин, Антон Немирович, Николай Теляковский, Игнатий Толлочко, Героним Тарасевич, Иван Мойсевич, София Каленкевич и др.). Ими на памятник Нахимову было собрано 20 руб. 75 коп. Немало потрудились на ниве благотворительности жители Пружанского (25 руб. 11 коп.), Кобринского (20 руб. 53 коп.), Сокольского уездов (7 руб. 72 коп.). Всего же жители Гродненской губернии только по подписным листам перечислили в фонд адмирала Нахимова 350 руб. 73 коп.⁴⁹. Что не говори, а чтили в былые времена наши земляки славные деяния соотечественников.

**«Мастер исторического жанра...»
Академик живописи И.П. Трутнев (1827-1913)**

Замечательные памятники истории и культуры Гродненщины с давних пор манят к себе взоры многочисленных художников. Во второй половине XIX – начале XX века им посвятили свои работы художник, историк и этнограф Н.Орда, исторический живописец М.Кулеша, краевед и рисовальщик В.В.Грязнов, преподаватель рисования из Гродненской мужской гимназии К.Зенкевич. Часто навещал свои родные края для сбора материала исторической и бытовой направленности живший в Варшаве К.Д.Альхимович. Неоднократно бывал в приеманском крае уроженец Вильно, художник и график, итальянец по происхождению М.Э.Андриолли. В летние месяцы любил приезжать на родную Новогрудчину ученик И.Репина – К.А.Стабровский. Много работал с натуры в Беловежской пуще наш земляк А.И.Каменский. Большой вклад в развитие историко-этнографического жанра в живописи внес академик живописи, график и педагог Иван Петрович Трутнев (1827 – 1913). Произведения Трутнева при его жизни пользовались широкой известностью в Белоруссии. Многие из них были написаны на материале, собранном во время поездок художника в Гродненскую губернию.

И.П. Трутнев родился в 1827 году в Калужской губернии в крестьянской семье. Художественное образование получил в Строгановском училище в Москве, а затем продолжил его в Петербургской академии художеств. Уже в стенах академии он проявил склонность к историческому жанру в живописи. Первая его работа, появившиеся перед публикой на выставке 1852 года, – «Большой солдат и французы у огня» – принесла ему серебряную медаль и известность. В этом же роде были выполнены и последующие его картины: «Игра в носки», «Игра в жмурки» (последняя картина была приобретена императором Николаем I) и «Крестьянин благословляет своего сына, идущего в ополчение». За «Крестьянина» И.П. Трутнев получил малую золотую медаль, а в 1857 году за картину «Крестный ход в деревне» удостоен большой золотой медали.

Получив звание художника первой степени и право на заграничную командировку, Трутнев посещает Вену, Дрезден, Антверпен, Брюссель, Рим. Прожив два года в Италии, где писал этюды из народной жизни, художник стал хлопотать перед академией о досрочном возвращении на родину. Вскоре после этого в 1866 году Трутнев принял на себя обязанности директора Виленской рисовальной школы. По существу, Трутнев все время оставался здесь единственным педагогом, остальные же его коллеги работали вместе с ним, как правило, непродолжительное время, приезжая как бы на смену друг другу. На должности директора рисовальной школы и главного педагога он оставался до самой смерти. За более чем 40-летний период своего существования школа Трутнева подготовила несколько поколений местных художников.

Несмотря на то, что школа была призвана готовить чертежников и рисовальщиков применительно к потребностям ремесленного и фабричного производства, деятельность ее выходила далеко за пределы первоначального на-

значения. При школе существовал класс живописи, который имел целью «дать средство любителям изящного искусства развить и усовершенствовать свои дарования»

Система обучения в школе основывалась на принципах реализма. Благодаря настоятельным хлопотам И.П. Трутнева, Петербургская академия художеств выделила для Виленского музея древностей и рисовальной школы ряд произведений известных русских художников. Живопись преподавалась следующим образом. Вначале ученики маслом копировали с оригиналов пейзажи, фигуры и лишь затем переходили к писанию с живых людей. Школа находилась в ведении академии и получала от нее денежную субсидию на содержание преподавателей и обслуживающего персонала.

Ученики школы после ее окончания успешно конкурировали на соискание золотых и серебряных медалей по живописи. По установившейся традиции, достигнув определенных успехов в изобразительном искусстве, бывшие ученики присылали свои лучшие работы в родную «альма матер» на выставку. В 1976 году, к примеру, на выставке было представлено около ста работ, среди которых выделялись картины Комара, Дашкевича, Гутаровича и др. За работы, представленные выпускниками Виленской школы на выставку 1891 года, устроенную в связи с 25-летием школы, оргкомитетом было вручено 25 серебряных медалей и 40 поощрений. Таких высоких наград выпускники школы удостоились в значительной степени благодаря заботам и вниманию своего учителя И.П. Трутнева, который принимал деятельное участие в устройстве их дальнейшей творческой судьбы. Используя свои личные связи в Петербургской академии художеств, он способствовал зачислению на «казенный счет» в число ее студентов многих выходцев из Белоруссии. Большинство выпускников рисовальной школы после завершения обучения в ней работали учителями рисования в уездных и губернских городах Литвы и Белоруссии⁵⁰. Следует заметить, что директор и почти все художники, преподававшие в школе, имели так называемые «часы» в школах Виленского учебного корпуса. В одном из «циркуляров» его, в частности, значится: «В октябре 1865 года учителю рисования в Виленской гимназии Трутневу назначена сверх жалования 50-процентная надбавка»⁵¹.

Свою педагогическую работу на посту директора Виленской рисовальной школы художник успешно сочетал с разносторонней творческой деятельностью. Когда в 60-е годы XIX века возникла настоятельная необходимость спасения от разрушения древнейшей в принеманском крае Борисо-Глебской (Коложской) церкви, И.П. Трутнев сразу же приехал в Гродно, где вместе с художниками Д.М. Струковым, С.А. Покровским, В.В. Грязновым и др. делал зарисовки этого и других памятников православной культуры⁵².

В 1889 году за картину «Литовская пограничная корчма» И.П. Трутневу было присвоено звание академика. Остается только сожалеть, что до сих пор в самых серьезных трудах белорусских авторов присуждение этого звания ошибочно присваивается другим картинам художника: «Народные школы» и «Внутренность портерной в Антверпене» (1868 год). С непонятным упорством этими же авторами отстается дата кончины художника в 1912 году, хотя на

самом деле это печальное событие произошло в феврале 1913 года. Это убедительно подтверждает столь информированное издание тех лет, как «Нива» (1913, №13, с.258), с прискорбием известившая своих читателей о кончине в Вильно «одного из отцов исторического жанра и талантливого воспроизводителя быта народа...»⁵³.

В конце 80-х годов XIX века Трутнев создал значительное историческое произведение – «Виленские мученики Антоний и Иоанн». Сюжетом для картины стала история жизни воителей за православную веру виленских горожан братьев Антония и Иоанна, зверски замученных язычниками в XIV веке (впоследствии они вместе с казненным с ними Евстафием Русской Православной Церковью были причислены к лику святых). В картине изображен момент прощания Иоанна с Антонием в подземелье виленского Свято-Николаевского храма перед уводом одного из братьев на казнь. При всей тенденциозности изображенной сцены произведению присущ высокий гражданский пафос. Силой своего мастерства художник поднимает готовность братьев ради веры принять мученическую смерть до уровня большого обобщения. Красота подвига во имя идеи вдохновляла Трутнева в его работе над этой картиной. Высокую оценку критики получила и одна из последних значительных работ художника – картина «Деревенские похороны», которая экспонировалась на XIX выставке Петербургского общества художников незадолго до смерти автора.

Кроме бытовых и исторических произведений, кисти Трутнева принадлежит ряд портретов деятелей культуры местного края, а также многочисленные зарисовки и акварели памятников православного зодчества прошлых столетий, сделанных в Полоцке, Витебске, Мстиславе, Вильно, Гродно, в других городах и весях. Эти поездки художник совершал как по своей личной инициативе, так и по поручению Северо-Западного отделения Русского географического общества. Большую работу по росписи местных церквей осуществлял И.П. Трутнев вместе со своими учениками и по соглашению с Гродненским губернским церковно-строительным комитетом в 60-70-е годы XIX века, о чем свидетельствуют протоколы заседаний данного учреждения⁵⁴. В этой связи интересные открытия могут дать изыскания непосредственно внутри старейших православных храмов Гродненщины. Не исключено, что в некоторых из них хранятся иконы, к которым приложил свою кисть замечательный мастер.

Будучи учредителям и членом Виленского художественного кружка (1901), в состав которого входили многие белорусские мастера изобразительного искусства, И.П. Трутнев в остальном сторонился какой бы то ни было общественной деятельности, вполне справедливо полагая, что «каждый человек должен быть самоотвержен в деле, к которому чувствует свое природное влечение. Этим он прежде всего полезен и интересен обществу». Как писала в некрологе, посвященном художнику, петербургская «Нива», И.П. Трутнев скончался, «совершив в пределе земном все «земное...». Но совершил он немало, и родное искусство должно быть ему благодарно за это»⁵⁵.

Будем помнить и мы большого мастера историко-бытовой живописи и талантливого педагога.

«Творения души народной...»
К юбилею выхода в свет «Материалов по этнографии
Гродненской губернии» (1911-1912)

Юбилейные даты, словно веки на долгом историческом пути народа не дают ему заблудиться, сбиться с некогда намеченной и одному ему ведомой цели. У каждой даты есть свой значимый смысл, позволяющий человеку, обществу людей сопереживать то, чем жили и о чем мечтали когда-то наши предки. 90-летие выхода в свет двух выпусков «Материалов по этнографии Гродненской губернии» (Вильна, 1911-1912) под редакцией знаменитого ученого и педагога Е.Р.Романова (1855-1922) – это не только прекрасный повод выразить глубокую признательность составителям этого уникального сборника, но и возможность еще раз с позиций современности осмыслить состояние души народной.

Весьма примечательно, что большой и разнообразный материал, характеризующий быт и народное творчество жителей Гродненщины, собирали на протяжении нескольких лет местные учителя и учащиеся – люди, что называется, из гущи народа. Особенно плодотворно потрудились на этом благородном поприще в 1904–1907 годах учителя народных училищ: Опольского-Кобринского уезда - Д.Снытко, Болотского и Свицовского Пружанского уезда – М.Болбас и А.Савицкая, Поречского и Здитовского Слонимского уезда – М.Романович, Сеньковского училища того же уезда – Н.Пшущкевич, Кньшинского Бельского уезда С.Яковук, Бездужежского и Вульского училищ П.П.Дорогокупец и П.Т.Котар. Большую работу по составлению сборника проделали уроженцы Гродненской губернии, учившиеся в ту пору в Виленской духовной семинарии. Сбором материалов среди крестьян Брестского, Кобринского и Гродненского уездов семинарист занимался П.Харлампович, в селе Кленики Бельского уезда – Е.Хлебцевич, а в Городисской волости того же уезда – А.Самойлович. Принимали участие в названной работе воспитанники Свислочской учительской семинарии, а также грамотные люди – из местных крестьян. Когда основная часть материалов для этой работы была собрана, их принял на хранение с последующей передачей в Виленский учебный округ слонимский учитель М.Романович⁵⁶.

В 1910 году попечитель Виленского учебного округа поручил редактирование и издание собранных материалов Е.Р.Романову – опытному фольклористу, этнографу и краеведу, автору многочисленных трудов в этой области, раньше работавшего в Гродненской губернии инспектором народных училищ. В процессе подготовки собранного материала к печати Романову пришлось проделать огромную исследовательскую работу. Для сверки и дополнения имеющихся материалов он несколько раз выезжал в Гродненскую губернию, где встречался и беседовал с собирателями фольклора и с местными жителями по интересовавшим его вопросам. Тогда же к ранее полученным материалам Е.Р.Романов присоединил свои многочисленные записи, сделанные еще в 1894 году во время своей работы в этой губернии. Немало

пришлось пересмотреть ему и опубликованных источников, имеющих отношение к истории принимаемого края.

К первому выпуску «Материалов» (1911) Романовым был написан серьезный историко-этнографический очерк, в котором давался всесторонний обзор Гродненской губернии, а также описание состава населения, этнографических границ, внешнего быта жителей, их жилья, одежды, питания, занятий, семейных отношений, верований и т.п. Этническую пестроту населения губернии редактор объяснял ее размещением на стыке Белоруссии, Украины и Польши. Он внес некоторые поправки в этнографическую карту Белоруссии, составленную Е.Ф.Карским, который устанавливал этнографические границы прежде всего на основании своих маршрутных экспедиций. При этом Романов подчеркивал, что для того, чтобы установить точные этнографические границы и безошибочно определить древний коренной состав населения губернии, а также степень воздействия на него позднейших пришельцев, необходимо прожить в данной местности длительное время, изучить до деталей быт и язык народа. При анализе внешнего быта и занятий местных крестьян автор обзора обращал внимание на недостаточное количество в губернии лошадей, низкий уровень сельскохозяйственных орудий, слабо развитую промышленность. Еще в 70-е годы, писал он, «нередкими были целые волости, где не было ни одной мельницы. Крестьяне мололи свой хлеб исключительно на ручных жерновах, которые были в каждой хате». Значительную ценность представляли разделы, посвященные планировке сельского двора, одежде, питанию, внутрисемейным отношениям, обязанностям всех членов семьи, разделению труда.

Большое место в первом и втором выпусках «Материалов» было уделено духовной культуре крестьян Гродненской губернии (старинным религиозным представлениям, народным календарям, обрядам, верованиям и предрассудкам). И все-таки основное содержание «Материалов по этнографии» – это народное творчество наших земляков: описание главных обрядов, многочисленный песенный материал – песни рождественские (калядные), пасхальные, весенние, юрьевские, летние, купальские, сенокосные, урожайные, крестильные, свадебные и др. (всего 1200 разного рода песен); пословицы и загадки; тексты духовных стихов, записи преданий, легенд и сказок. Наибольшее внимание, уделенное в сборнике песням, Е.Р.Романов объяснял тем, что «песни легче всего даются для записи, а многие из них, кроме того, известны и самим собирателям». По этим же причинам среди этнографических материалов имелось много данных по народному мировоззрению и описанию обрядов, пословиц и загадок, а вот духовных стихов в сборник вошло немало. Этот факт редактор объяснял «не достаточным развитием профессионального нищенства в православном населении губернии и слабым распространением народных стихов, которые заменяются виршами «Богогласника»; католические же нищие поют кантычки».

По мнению Романова, «слабее всех других отделов в сборнике отдел сказок. Произошло это, по-видимому, оттого, что хорошо записывать сказки

чрезвычайно трудно». Он обращал внимание на то, что собиратели народного фольклора «не обладали достаточной подготовкой для строго направленных записей, а потому не следует удивляться некоторой непоследовательности принятой ими транскрипции белорусских и малорусских (украинских) говоров губернии. Одни из них предпочитали записи фонетические, другие – этимологические; одни резко подчеркивали дзеканье, другие игнорировали его и т.д. Некоторые собиратели заявляли, что в отношении транскрипции они находились в затруднительном положении, так как в одной и той же местности, вследствие исторических причин и позднейших влияний, наблюдалось несколько говоров, и уловить их особенности представлялось делом нелегким». Эти замечания Романов относил как на счет северных – белорусских уездов губернии, так и южных – малороссийских или украинских. Следует иметь в виду, что границы Гродненской области и Гродненской губернии не совпадают; последняя простиралась далеко в западном и юго-западном направлении, включая Белосток, Брест и их окрестности. Несмотря на величайшую требовательность к содержанию, и подлинность опубликованных материалов и завидную самокритичность, Е.Р.Романов не мог не признать огромной значимости для науки и жизни результатов работы их собирателей (всего в двух выпусках помещено 1527 произведений фольклора). В своем предисловии ко второму выпуску материалов автор писал: «Не подлежит не малейшему сомнению, что настоящий сборник представляет довольно крупный вклад в сокровищницу этнографии»⁵⁷. Спустя столетие мы можем эти слова, сказанные известным этнографом и краеведом, лишь подтвердить и воздать должное заслугам в этом деле всех авторов сборника. Этот труд получил высокую оценку научной общественности военности и печати. «Заслуживающими внимания ученых» назвал «Материаль» Е.Ф. Карский. Журнал «Исторический вестник», давая оценку опубликованных в сборник этнографических материалов признал их «в высшей степени ценными для Белоруссии».

Несмотря на то, что сегодня многое в жизни гродненцев изменилось, они по-прежнему питаются родниками живой мысли и слова своих предков, загадочности и неповторимости их души. Знакомство с «Материалами» дает возможность обогатиться не только эмоционально-эстетически, но и открыть что-то новое в познании своей малой родины и даже родословной. К своему глубокому удивлению, я обнаружил в сборнике ряд песен, обрядов и поговорок, записанных в деревне Мостихе Маковлянский волости Сокольского уезда (ныне находящийся в Белостокском воеводстве Польской Республики) – родине моего отца. Одна из них, правда, в измененном виде, в 60-е годы XX века имела в репертуаре наших знаменитых «Песняров». Помните - «Ой ляцелі гусі з броду...». В оригинале же односельчане моего отца и пели ее так:

Вьяцелі гусі с-пад белага броду,
Паселі над Дунай, памуцілі воду.
Бадай тья гусі марносцю прапалі,
Як мы любіліся, тэрас перасталі.
Як мы любіліся, як верабье у стрэсі,

Як разышліся, як ягадкі у лесе.
Як мы любіліся, нас матка не знала,
А як разышліся, як цемная хмара.
С тае цемнай хмары дробный дожджык будзе,
А з нашай любосці нічога не будзе...

Огромный успех ансамблю «Песняры» принесло исполнение и другой песни, записанной некогда вы родной нам Мостихе:

Ай, дзеванька – рыбанька, дзе ідзешь?
Скажы, скажы праўдачку, дзе жывешь?
- На тым боку рэчанькі ля вады;
- Збудавала хатаньку з лебяды...

Другие тонкие, мелодичные песни моей родины, как мне кажется, со временем будут еще востребованы творческими коллективами республики. Вот начальные строки некоторых из них:

На полі дожджык, а у сеньях слізка,
Падсунся, дзячынанычка, та да мне блізка.
- Не падвінуся – маткі баюся,
Пасцельку сцялю, спаць кладаўлюся...

* * *

Учорай была суботанька,
А дзісяй нядзеля, -
Чаму у цябе, кавалер,
Кашулька не бела?...

* * *

Густы гаю, густы гаю,
Да ужо не прагляну,
Упусціла галубанька,
Да ужо не спаймаю...

* * *

Рана пташка невялічкая
Па дарожке скача,
Дурна дзеўка, не разумная,
Па кавалеру плача...

* * *

Лецяць, лецяць дай дзве гусанькі,
Да абедзве бялосенькі.
Станьце, станьце, не ляціце
Дай са мной пагаварыце...

Песня пра гусей напомнила мне рассказ отца, услышанный им в детстве от своей матери, о том, что их деревня в дальние времена славилась на всю округу своими породистыми гусями, которых в Мостихе умели разводить и растить. Сейчас всего этого там уже ничего нет: само название деревни сохранилось, но ее жителей разбросали по свету войны, лихолетья и другие беды, а их песни, благодаря стараниям авторов «Материалов», остались, живут и будут жить.

Всего в Мостихе было записано авторами сборника 16 песен и несколько припевок, которые исполнялись парнями во время танцев на пирушках, свадьбах, игрищах. Такие припевки сопровождалась присвистом и гиканьем. Вот начало одной из них:

Муку сею, крупу тачу,
Я за Гріца замуж хачу.
Крупу сею, апалаю,
Гріца люблю і кахаю...

Самыми поющими по количеству сделанных записей для сборника следует признать по Гродненскому уезду – Великую Берестовицу, Котру, Некраши; по Волковыскому уезду – Верейки, Занцевичи, Изабелино, Подозераны, Романовцы, Свислочь; по Слонимскому уезду – Алексеевку, Здитово, Заполье, Климовичи, Охоново. Немало таких сел было и западных уездах губернии⁵⁸.

В заключение хочется пожелать гродненцам самим полистать странички выше упомянутых «Материалов». Интересные находки гарантирую. Ознакомиться с ними можно в отделе редкой книги Гродненского историко-археологического музея. Думается, что этот замечательный научный памятник, как и прочие, затрагивающие историю Гродненщины, должны быть переизданы.

**«Быть верными своему прошлому...»
По страницам «Курса русской истории»
Е.Ф.Шмурло (1853-1934)**

Сегодня имя нашего земляка – гродненца, бывшего приват-доцента Санкт-Петербургского и профессора Юрьевского университетов (в дореволюционные годы), организатора и первого председателя Русского исторического общества в Праге (в период изгнанической послереволюционной жизни) Евгения Францевича Шмурло (1853 – 1934) мало что говорит современному читателю. Чаще всего своей нерусскостью, странностью и забавностью – Шмурло – оно вызывает легкую и недоуменную улыбку. Но разве не столь же веселой казалась нам и фамилия Глинки, когда мы впервые ее услышали. Так же трудно до знакомства с трудами Е.Ф.Шмурло убедить людей в том, что он – это действительно выдающийся историк, который волею судеб длительное время находился в забвении у отечественной науки. Правда, в последние годы наблюдается некоторое оживление интереса к его научному наследию в связи с переизданием самого крупного произведения историка эмигрантской поры –

пятитомного «Курса русской истории», впервые изданного в 30-е годы в Праге – однако до комплексного анализа его жизни и научного творчества пока еще не дошло. Не претендуем на это и мы, ограничившись лишь анализом одного из важнейших аспектов творческого наследия ученика – его видения и разумения понятий «русский народ – русская народность». Интерес к данной теме «подогревался» не только неизменной актуальностью данной проблемы, но и естественным желанием понять, какими глазами смотрел на нее в 1930-е годы вдали от родины наш земляк Е.Ф.Шмурло.

Основополагающей для понимания русского народа историк считал необходимость знания его коллективной души, т.е. культуры. Последняя же, по его мнению, может раскрыться перед нами лишь при условии знакомства с тем, как сам народ творил и выработывал свою культуру, иными словами, с историей самого народа. Полагая, что вне государства мы не знаем ни одного исторического народа, Е.Ф.Шмурло утверждал, что невозможно создание государства как «высшей формы общежития, до которого дожило человечество», если люди не чувствуют в нем потребности. Государственность нельзя принять извне и параллельно с этим «разрушить государство, силой подчинить его другому государству – еще не значит уничтожить у народа чувство своей государственности: оно будет неудержимо kloкотать, вырываться наружу и упорно домогаться утраченной политической свободы». Процесс образования и развития русского государства историк образно сравнивал с «превращением ребенка» во взрослого человека, а потому понимал его как процесс перехода из небытия государственного в государственное бытие.

Давая краткую характеристику понятиям «племя» (главным признаком его служит язык) и «народ, народность» (определяющаяся общностью языка, культуры, характером общественного уклада и происхождения, впрочем, последнее не всегда), Е.Ф.Шмурло достаточно подробно анализировал последовательную смену этапов выделения русской народности из общего конгломерата народов, «прежде чем окончательно сложиться и начать исторически жить». Таких этапов он насчитывал шесть:

1) русская народность как таковая еще не существует; она растворена в славянстве, которое, в свою очередь, еще также «слитно и нераздельно вместе с другими народностями»;

2) с распадом общей арийской семьи, одну из ее частей образовали племена: славянское, литовское и германское;

3) германцы откололись, а славяне и литовцы продолжали жить одной общей семьей;

4) славянство освободилось от литовского элемента и образовало самостоятельную группу, в которой уже существуют «будущие славянские племена» (русские, польские, чешские и др.);

5) русская народность отделилась от остальных славянских племен и образовала самостоятельную группу. Только с этой поры, считает историк, можно говорить о «русском народе» как таковом;

6) русская народность стала распадаться на отдельные мелкие группы (поляне, древляне, кривичи и т.д.) с местными оттенками в быте, нравах, а где-

то и в устной речи. «В таком виде застаёт русский народ (народность) история».

Историк, к сожалению, не даёт хронологического обозначения вышеозначенным этапам, заключая их характеристику лишь общим суждением: «Первый этап заканчивается примерно за 4 тыс. лет до Р.Х.; пятый – начинается в первые века по Р.Х.».

Дальнейшее оформление русского народа историк представлял следующим образом: «Путем внутреннего развития и вследствие влияний уже во время татарского ига из прежних родовых единиц, составлявших единое русское племя, образовались три большие группы: малорусская, великорусская и белорусская, причем, однако, все три продолжали быть простым разветвлением одного народа. Группы эти остались близкими по языку; татарское же иго, а потом соединения под московским скипетром особенно тесно связали их между собой. Все три группы «продолжительно и постоянно имели одно вероисповедание и общую литературу, так что мы не можем не признавать все группы вместе взятые единым русским народом». Соглашаясь с вышеприведенным заключением историка-слависта Любора Нидерле, Е.Ф.Шмурло указывал на известные особенности каждой из этих групп: «наименьшая разница между великоросами и белорусами: она совершенно незначительна; филологи считают белорусов или частью великоросов, или ветвью им очень близкой. Зато разница между великоросами и малоросами гораздо глубже, она наблюдается не только в языке, но и в физической природе, и в психике народа: в характере, темпераменте, в песнях, а также в одежде, привычках и обычаях». Подобно Н.И.Костомарову, эту разницу, по мнению Е.Ф.Шмурло, увеличивали исторические судьбы двух народов. В Галиции единый народ, разрывается на «тех» – москвичей, москалей и на «нас» – малоросов, украинцев. «В старое время, – констатирует историк, – такого деления не существовало». Считая, что на свете не существует народов без примеси чужой крови, историк приводил массу примеров о такого рода смешениях применительно к большинству европейских народов. Что же касается народности русской, то в ней, писал он, «имеется большая примесь финнов (на севере и в центре), немалая – тюркотатар (на востоке и на юге) и литовцев (на западе)».

С тесной зависимостью от разветвления русского племени на отдельные побеги связывал историк и процесс разделения единого русского разговорного языка на отдельные группы. Судьбу этих языковых групп он неразрывно связывал с процессом образования трех русских народностей: малорусской, великорусской и белорусской. А поскольку образовались эти народности сравнительно позже, во всяком случае, на памяти истории, Е.Ф.Шмурло становится на точку зрения А.А.Шахматова, что «нельзя говорить о белорусах, малоросах и великоросах в X или XI веках», и следовательно, нельзя говорить применительно к этому периоду и о наречиях этих народностей». Для этого необходимо было, чтобы малоросы стали жить отдельной от остальных русских племен жизнью, а это произошло не раньше XII века, чтобы северные племена, вместе с восточной отраслью племен среднерусских, образовали Московское государство, а западные племена среднерусской группы примк-

нули к Полоцкой земле, войдя через нее в состав Литовского государства». Только с этой поры, утверждает ученый, «может идти речь о наречии великорусском, белорусском и малорусском. Эти три наречия, три могучие ветви, выросшие из одного общерусского дерева, сохранили и до настоящего времени те русские особенности, которыми они, все три отличаются от остальных славянских языков». Ссылаясь на исследования А.А.Шахматова, Е.Ф.Карского и С.К.Булича (ученик последнего – заведующий кафедрой русского языка Гродненского пединститута П.И.Ковалевский в конце 40-х годов часто вспоминал о том, как в студенческие годы по поручению профессора Булича «собирал по академической программе на Гродненщине особенности фонетики и морфологии белорусского языка». – В.Ч.), Е.Ф.Шмурло приходит к выводу, что «во всех других славянских языках мы находим те или другие отличия от общих русских (великорусских, малорусских и белорусских) звуковых особенностей. Очевидно, стало быть, что в ту эпоху, когда речь поляка, чеха, серба, болгарина, словенца и т.д. представляла в перечисленных отношениях большие или меньшие отличия от русской речи, речь великороса, малоросса и белоруса их не имела, т.е. представляла один русский язык, а все фонетические особенности, отличающиеся в настоящее время малороссийское наречие от прочих русских наречий, возникли уже после отделения общерусского языка от праславянского, стало быть, являются признаками языковой разновидности более нового происхождения».

В изучении русского народа – государства Е.Ф.Шмурло во многом придерживался знаменитой триады С.М.Соловьева («природа страны, природа племени и ход внешних событий», имея в виду его взаимоотношения с соседями), позволявшей ему говорить о том, что «дух Западной Европы более либерален; характерная черта русской народности – консерватизм». Разделяя традиции «государственной школы» в русской историографии, ученый под влиянием политических реалий 20-30-х годов, вносил в трактовку ряда устоявшихся оценок истории России всю горечь своей оскорбленной эмигрантской души. Отмечая, что «нормальный рост преуспеяние каждого государства обусловлено совпадением его этнографических (национальных) границ с границами политическими, он с гневом заявлял, что в этом отношении «политическая грань, недавно, по Рижскому договору, проведенная большевиками между Россией и возрожденной Польшей, снова создает то, что на старом Московском языке называлось Зарубежной Русью. А это значит, что, рано или поздно, суждено появиться новой Екатерине II (события 1939 года были уже не за горами – В.Ч.), чтобы проделать прежнюю работу – снова воссоединить отторгнутые русские земли и смыть оскорбление, нанесенное национальной чести и достоинству народному».

Отдельные высказывания Е.Ф.Шмурло носят пророческий характер, ибо по своему звучанию тесно примыкают к некоторым оценкам нынешнего положения дел на постсоветском пространстве: «потеря отшедших к Польше областей – это оскорбление, но не такой удар, каким может оказаться потеря берегов Балтийского или Черного морей: эти два моря – два легких, которыми дышит Россия. А может ли человек существовать без свободного дыхания?»

Нам грозит образованием «Украинского» государства. Допускать такой исход – значит потерять одно «легкое». Хотят повернуть историю вспять, но это значит вызвать русский народ на новый бой. . . Поступиться Черным или Балтийским морем, или окончательно примириться с нынешней русско-польской границей значило бы не только отбросить себя назад в XVII, XVI век, не только свести на нет работу предшествующих поколений, но и признать ее внутреннюю неправду, в корне ошибочную. . . Это значило бы, наконец, свести с пьедестала многих и многих из тех, чью память мы не только чтим, но и благоговейно храним в своем сердце!»

Значительное место в исторической концепции Е.Ф.Шмурло занимают русско-польские отношения: «Церковная зависимость Польши от Рима, а России от Византии, существенно повлияла на последующие их отношения: два соседних и родственных по крови народа были вовлечены в две разные орбиты духовной жизни; родство племенное постоянно глушилось антагонизмом религиозным, что еще резче обостряло споры политические». И далее: «Состязания с Польшей проходит через всю нашу историю. . . , и «старый спор славян между собой», на радость врагам, не завершен еще и до наших дней». Между тем, автор никогда не терял надежду на гармонизацию русско-польских отношений. Говоря о «раздвоенности русского народа» и вынужденной необходимости вести борьбу с недругами на европейском и азиатском «фронтах», ученый справедливо заявлял: «Ни один русский народ давал отпор «Азии»: эту трудную задачу он делил вместе с поляками, чехами, моравами, южными славянами, которые также на горьком опыте познали – кто иго татарское, кто плен турецкий, кто насилие и гнет мадыарский. Таким образом, славянский мир во всей его совокупности являлся форпостом Западной Европы, принял на себе злые удары и тем самым выполнил почетную миссию, возложенную на него историей. . .»

Как историк Е.Ф.Шмурло исходил из того, что «русский народ и по происхождению, и по культуре, и по своему духовному складу есть народ европейский, но фактически связанный с азиатским востоком». Великодержавие русского народа он считал естественной, исторически обусловленной чертой его бытия: «Великому народу – большая территория», «большому кораблю и плавание большое». Сравнивая великодержавие крупнейших государств мира с великодержавием русского народа, он приходит к выводу об их зависимости от склада характера двух народностей: «Латинский (т.е. западный ум. – В.Ч.) сложился строгий прямолинейный, с преобладанием рассудка; ум славянский (русский. – В.Ч.) – бессистемным, с голосом сердца, доступного увлечениям; один – воспитанный на принципах долга и подчинения; другой – во власти настроения, готовый в дисциплине усмотреть чуть не оскорбление. В результате римская государственность выработала б?льшую устойчивость, и Римская империя, если и пала, то лишь после того, как римский гений уже изжил самого себя, успев сказать свое последнее слово. Русская же империя потерпела крушение в период полного расцвета своих сил, и теперь русскому народу многое начинать заново».

Большое значение в росте и укреплении русского национального государства Е.Ф.Шмурло придавал «единственной хранильнице истинного уче-

ния Христова» – Русской Православной Церкви. В русской истории, отмечал он, «Церковь и государство идут рука об руку, поддерживая друг друга». Весьма своеобразно воспринимается, в свете вытеснения в последние годы слова «русские» словом «россияне», и горячая защита историком тождества понятий «Россия» и «русский народ». «Могут заметить, – пишет он, – что русский народ далеко не определяет собою всей России, и указать на массу иных народностей, входящих в состав Русского государства...». Тем не менее, отождествление этого, доказывает Е.Ф.Шмурло, вполне оправдано: ведь «Русское государство есть та форма общежития, которую выработал, упрочил и придал ей настоящий вид и характер никто иной как русский народ; остальные народности играли и играют в ходе этого построения и развития до настоящей минуты лишь второстепенную служебную роль». Главный завет, который оставил нам русский историк Е.Ф.Шмурло, сводится к тому, чтобы несмотря ни на какие испытания твердо стоять на русской национальной почве, быть «верными своему прошлому» и ни в коем случае не изменять «основным устоям» русской жизни, как они сложились за последнюю тысячу лет; «чувству государственности», просвещения, православия, прогресса, «не исключаящего традиций, и традиций, не исключаяющих прогресса»⁵⁹.

Общественно-исторические представления Е.Ф.Шмурло и схема, лежащая в основе его «Курса русской истории», позволяют отнести его к умеренно-консервативному крылу русской историографии. Либеральные и гуманистические воззрения органично сочетались у историка с чувством государственности и патриотизма, во сто крат еще более обостренным вынужденной разлукой с родиной. Нет сомнения, что «Курс» Е.Ф.Шмурло не только обогатит каждого читателя конкретно-историческими фактами истории Руси, но и облагородит, освежит в известной степени его сердце и душу. Имеется настоятельная потребность переиздать в Беларуси «Курс» нашего земляка, если не в полном объеме, то хотя бы одного из его томов, озаглавленного «Русь и Литва».

«Рядом с Циолковским...»

Из биографии А.Л. Чижевского (1897-1964)

Еще на заре XX века скромный учитель математики и физики Калужского женского епархиального училища Константин Эдуардович Циолковский в минуты раздумий писал: «Основной мотив моей жизни – сделать что-нибудь полезное для людей, продвинуть человечество хоть немного вперед. Вот почему я интересовался тем, что не давало мне ни хлеба, ни силы. Но я надеюсь, что мои работы... дадут человечеству горы хлеба и бездну могущества»⁶⁰. Мечтатель, чудак, Жюль Верн-самоучка, – подобные определения не без иронии сопровождали его имя на всю жизнь. Начиная с 1914 года, Циолковского нередко стали видеть в сопровождении молодого человека; их возраст, манеры, одежда составляли столь резкую противоположность, что было просто удивительно, о чем это так увлеченно могут они вести беседу между собой. «Подружился черт с младенцем», – ворчал обыватель. Миновали годы, десятилетия. Циолковский стал общепризнанным апостолом космической эры,

возвестившим человечеству о неизбежном выходе его за пределы Земли, в просторы Вселенной. Мало того, он приблизил это будущее своими трудами. Ныне каждый новый успех в освоении Космоса напоминает нам о его гениальных идеях и прогнозах. Сегодня рядом с именем Циолковского по праву стоит, хотя и с большим запозданием, и имя его бывшего молодого собеседника Александра Леонидовича Чижевского.

Родился будущий ученый 26 января 1897 года в посаде Цехановец Бельского уезда Гродненской губернии (ныне территория Польши) в семье офицера-артиллериста царской армии, Леонида Васильевича Чижевского позднее ставшего генералом и прославившегося изобретением командирского угламера, позволявшего осуществлять стрельбу с закрытых позиций, а также вести параллельный (верный) артиллерийский огонь по противнику. Мать Чижевского Надежда Александровна, урожденная Невиандт, принадлежала к старинному роду выходцев из Голландии, переселившихся в Россию во времена Петра I. Она заболела туберкулезом легких и через год после рождения единственного сына умерла в Ментоне (Италия), где находилась на лечении. Однако мальчик не был обделен материнской любовью. Родная сестра отца Ольга Васильевна Лесли-Чижевская после развода с мужем переехала на постоянное место жительства к брату в Цехановец и заменила маленькому племяннику мать. До конца своей жизни (1927 г.) она была рядом с ним. Одновременно с сестрой к Леониду Васильевичу переехала и мать Елизавета Семеновна, урожденная Облачинская, внучатая племянница адмирала Нахимова. Бабушка, по словам А.Л. Чижевского, была его первым учителем и наставником. Потерпев в 37 лет горячо любимую жену, отец вторично не женился, посвятив себя изобретательству в военном деле и воспитанию сына. Он оказал большое влияние на нравственное и научное становление будущего ученого.

Александр Чижевский получил хорошее домашнее образование, затем учился в Бельской и Варшавской гимназиях, в Калужском реальном училище. Уже с этой поры он чувствовал одинаковую потребность в познании как гуманитарных, так и естественнонаучных проблем, что и обусловило характер его образования и исследовательской деятельности. Чижевский одновременно учился в Московских археологическом и коммерческом институтах, на физико-математическом и медицинском факультетах Московского государственного университета. Преподавал в Московском университете курс физических методов в археологии и параллельно работал в Биофизическом институте в Лаборатории зоопсихологии Наркомпроса. В 1931 году Совет Народных Комиссаров СССР, отметив важность открытия ученым биологического действия униполярных аэропонов, поручил ему организовать Лабораторию понификации. Здесь Чижевский не только установил факт присутствия электричества, «растворенного» в воздухе, как необходимого фактора благополучного существования любых биологических систем, но и предложил технический способ оживления воздуха закрытых помещений. Где люди проводят большую часть своей жизни. В конце 30-х годов он изобрел методы электроаэрозольтерапии и электроокраски, которые явились предвестниками будущей электронной технологии, получившей в производственной практике признаки лишь два десятилетия спустя.

Война нарушила весь уклад жизни и, соответственно, прервала творческую деятельность ученого. В январе 1942 года он был арестован по нелепому доносу и провел десять лет в местах заключения. Но и там ему удалось продолжить научные поиски, в частности, им были предложены оригинальные способы управления химическими реакциями и сделаны новые открытия в так называемом «электричестве жизни». По возвращении в Москву в 1958 году он организовал лабораторию аэропонификации при Госплане СССР, но, к сожалению, эта деятельность вскоре была прервана тяжелой болезнью, а в 1964 году Чижевского не стало. До конца своих дней он продолжал творческую работу, одним из плодов которой явились и его воспоминания о годах дружбы с Циолковским, увидевшие свет лишь в 1995 году. Уже того, о чем мы упомянули выше, было бы достаточно, чтобы имя исследователя оказалось навсегда вписанным золотыми буквами в историю естествознания и техники, но, нами еще ничего не сказано о том, что составляет его особо выдающиеся достижение, – открытие влияния космических факторов на процессы в географической оболочке Земли. Этому он более всего посвятил все силы своего беспокойного ума и неравнодушного сердца, это и было главным предметом его научных бесед на протяжении 15 лет с Циолковским. По приблизительным подсчетам Чижевского, за это время он имел минимум двести пятьдесят встреч с Константином Эдуардовичем, и каждая из них длилась не менее трех-четырёх часов. Вспоминая об этих часах, проведенных в обсуждении научных проблем, Чижевский отмечал то, что «никто из нас не делал секрета из проводимых исследований, а наоборот, каждый делился всеми подробностями, своими удачами и ошибками. Я знал все, что волновало его, он был в курсе моих экспериментов... Мы с полуслова понимали друг друга – и в радости, и в горе».

О чем бы ни толковали увлеченные ученые, их разговор всегда заканчивался осмыслением связи Земли с Космосом, а также поисками ответа на вопрос, что такое «среда». Чижевский в объяснении этого понятия выходил за границы пространства обитания, за земные рамки, предлагая включить в понятие «среда» околоземное пространство как непосредственное окружение биосферы и весь Космос с его звездными образованиями. Ученый убедительно доказывал, что жизнь на нашей планете чутко отказывается на периодические возмущения со стороны Солнца, что 11-летний цикл процессов преобразования на его поверхности находит свое отражение в 11-летних периодах всплесков массовых заболеваний людей, животных и растений, а динамика этой активности обуславливает характер развития большинства стихийных процессов на Земле на всех уровнях движения материи. «Гнев» Солнца были подмечены еще древними наблюдателями, которые полагали, что это Бог осуществляет свою волю через светило. Циолковский, соглашаясь с Чижевским, размышлял: «В самом деле, Космос один, его законы однообразны, вещества одни и те же. Следовательно, познания жителей планет разных групп также должны быть одинаковы... характер их ума и познаний отражает одну и ту же Вселенную».

Изучая различные проявления жизни в свете солнечно-земных связей, Чижевский обратил внимание на то, что, помимо, зависимости органическо-

го мира от периодических колебаний солнечной деятельности, существует его известное взаимодействие различных областей географической оболочки между собой, регулируемые солнечной периодичностью. Так, например, колебания урожайности, роста древесины, улова рыбы и т.д., хотя и стоят в тесной связи с деятельностью Солнца, для различных местностей обнаруживают различные отклонения от максимумов и минимумов уровня ее активности. Такого рода особенности ученый обнаружил и в распределении эпидемий во времени и пространстве. Если, скажем, в Англии, Шотландии, Ирландии, Пруссии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Румынии, Австрии, Италии всплески массовых заболеваний дифтерией приходились на максимумы солнечной активности, то во Франции, Швеции, Дании картина оказывалась противоположного характера – эпидемические максимумы совпадали с минимумом солнечной активности. Нужно ли говорить, как это важно для медико-биологического прогнозирования? Сам Чижевский понимал, что его работы в этом направлении намечают лишь общие тенденции дальнейших разработок, к которым должны подключаться научные коллективы самых разных специальностей⁶¹.

Вершиной творчества Чижевского можно назвать открытие им влияния солнечной активности на динамику исторического процесса. Собственно говоря, с этого и началось его «космическая» деятельность. В 1915 году он сделал свой первый доклад о подмеченной им связи резких изменений в поведении человеческих масс с пятнообразовательными процессами на Солнце. Потом была докторская диссертация на эту тему, а в 1924 году при поддержке Циолковского вышла в Каире его монография «Физические факторы исторического процесса». Основные положения ее сводились к тому, что поступательный всемирно-исторический процесс, обусловленный политико-экономическими факторами, в значительной степени «моделируется» внеземной, преимущественно солнечной активностью. Он статистически обработал большой массив исторических источников и по собственной методике фиксировал происходящие в стране и за рубежом события. В результате ему удалось не только отметить замечательное совпадение земных и солнечных явлений, начиная с 500 года до нашей эры и включая революционные события начала XX века, но и изучить их. Нездоровый ажиотаж, подогреваемый интригами, намекавшими даже на сведение Чижевским к нулю усилий большевиков в событиях, «перевернувших мир», привел автора в Кремль к А.В.Луначарскому. Хотел ознакомиться с его трудом и В.И.Ленин, но тяжелая болезнь помешала это сделать. Много лет спустя Чижевский писал, предостерегая против вулгаризации выводов своего труда: «Конечно, не следует преувеличивать факты и неверно их трактовать! Солнце не решает планеты оно, безусловно вмешивается очень активно»⁶². По мнению ученого, Солнце, вторгаясь в режим функционирования человеческого организма, вызывает изменения не только в крови, в мембранных структурах, но и в центральной нервной системе, сознании человека. Он считал, что если сказанное справедливо в отношении индивидов, то подобное может быть зафиксировано и в массах. Любые повороты в настроениях масс, динамика социальной активности, и ее подъемы и спады – все это, исходя из теории Чижевского, заслуживает внимательного

изучения и оценки с целью прогнозирования неблагоприятных или желательных (смотря по тому, какие интересы преследуются) событий⁶³.

Вопросы, связанные с воздействием солнечной активности на обострение «социальной раздражимости», волновали и Циолковского, озабоченного судьбой будущих космических полетов, когда экипажем придется действовать, преодолевая экстремальные ситуации. Надежность их работы, конечно же, зависит и от гелиофизических факторов. Тем, более важно, когда на околоземных орбитах разворачивается разнообразная коллективная деятельность. Вынесение в межпланетное пространство научных лабораторий, технологических систем, превосходящих структуры будущих космических производств, побуждали выводить на уровень новейших грандиозных задач не только естествознание, но и обществознание. Космизм пронизал науки о природе, внес свои (коррективы и методологию и методическую основу их поисков. Чижевский заставил биологию пойти рука об руку с астрономией. Его усилиям мы обязаны и союзу науки о звездах с наукой об обществе. Можно не сомневаться в плодотворной будущности этого союза.

Научные поиски А.Л. Чижевского не ослабляли его поэтическое творчество серьезные занятия музыкой и живописью. Любовь к классической поэзии привили в юном Чижевском преподаватель Бельской гимназии Яков Густавович Миллер, а вообще писать стихи он начал с шести лет. Совершенство стихов зрелого ученого в начале XX века отмечали многие известные поэты – М. Волошин, П. Флоренский, В. Маяковский, В. Брюсов и др. На художественных полотнах Чижевского природа Земли предстает в философском единстве. Учился живописи он в раннем детстве у художника Гюстава Нодье – ученика известного художника-импрессиониста Эдгара Дега. Играть на скрипке и рояле он также научился в раннем детстве. Уже в зрелые годы Александр Леонидович часто и много импровизировал на этих музыкальных инструментах. Он считал, что, «литература и музыка, живопись и ваение являются истинными двигателями мировой Культуры». Наука, поэзия и искусство – все это было лишь частью души нашего выдающегося земляка.

Феномен Ларисы Рейснер: гродненский ракурс одной из легенд

О литературном даровании Ларисы Рейснер (1895 – 1926), документальную прозу которой сравнивали в советское время с книгой Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», написано немало. Однако еще больше внимания исследователи ее творчества уделяли фактам личной биографии советской писательницы «первого призыва». События, которыми столь богата была ее жизнь, настолько увлекательны, что слава «Дианы-воительницы», как назвал однажды Ларису ее муж Федор Раскольников, затмевала порою в представлениях современников ее писательский труд. Реальные факты жизни Рейснер на самом деле были легендарны. Даже географические вехи ее кажутся невероятными: Польша, Сибирь, Германия (здесь прошло детство Ларисы), литературный Петербург и предреволюционный Петроград, Восточ-

ный фронт гражданской войны, Афганистан и Германия, Урал, Украина и Белоруссия... А если добавить к этому знатность и загадочность происхождения, необыкновенную красоту и талант, широкие знакомства в литературных и общественно-политических кругах, любовный треугольник: (она – Раскольников – Радек), смелость и проницательность, неистребимую страсть к приключениям и странствиям, то следует признать, что устоять от соблазна видеть ее образ только в романтически возвышенных тонах было крайне нелегко.

О Ларисе Рейснер, умершей от брюшного тифа совсем молодой, создано множество легенд, и трудно сказать, что в них было правдой, что преувеличением, а чего, может быть, и не было совсем. В 1918 году она в качестве жены и адъютанта Федора Раскольникова – командующего Красной флотилией, воевавшей против белогвардейцев и чехословацкого корпуса, прошла по Волге, Каме и Белой. И во многом благодаря ее личности и ее перу поход оказался легендарным. Широкая молва о нем породила легенду о том, что именно Рейснер была на «Авроре» в памятную ночь 25 октября 1917 года и по ее приказу был начат обстрел Зимнего Дворца. Рассказывали и о том, как она переодевшись простой бабой, проникла в расположение колчаковских войск и в тылу у белых подняла восстание. С явным преувеличением говорили также о ее побеге из лап белогвардейцев. Именно эта легенда и стала объектом нашего внимания в связи с обнаружением архивных материалов, косвенно имеющих отношение к казанскому побегу.

Что это за материалы? Это следственные дела⁶⁴ и суть их следующая. В августе и декабре 1944 года, т.е. сразу же после освобождения Западной Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов, в г.Гродно за принадлежность к белогвардейской организации «Русский комитет» было арестовано 17 жителей города. Всем привлеченным к делу вменялось в вину, что «путем устройства благотворительных вечеров, они собирали с населения материальные ценности и денежные пожертвования, которые шли на обработку молодежи в духе ненависти к Советской власти и их вербовку в ряды «Русской Освободительной Армии». Несмотря на то, что в деятельности организации ни одного факта вербовки в РОА не было установлено, ибо главной заботой ее было содержание детского приюта, дома престарелых, а также проведение культурно-благотворительных и церковных мероприятий (среди членов РК преобладали люди пожилого возраста из числа бывших чиновников, военных, духовенства), все привлеченные к этому делу были осуждены осенью 1945 года на разные сроки ссылки и исправительно-трудовых лагерей. Следует заметить, что в настоящее время, когда в живых из числа осужденных по гродненскому делу уже никого не осталось, справедливость восторжествовала: все члены «Русского Комитета» реабилитированы, а это значит, что в их деяниях не было состава преступления.

Тогда же, когда велось следствие, одной из центральных фигур, вокруг которой фабриковалось дело, был уроженец села Лососно (что рядом с Гродно), выпускник Петербургского университета Георгий Константинович Литвинов. Главная причина особого внимания следственных органов к 56-летней му юристу заключалась в том, что в 1913-1919 годах он служил в царской, а

затем в белой армиях, а это означало, что от «антисоветчины» ему никак не открутиться. К этому вели следователи, делая ударение именно на «темные» факты его биографии; всю опасность своего положения, вероятно, понимал и обвиняемый. Подтверждает это и динамика одного из первых допросов Литвинова. Вот что «интересовало» следователя: «Где вы находились в период империалистической войны 1914–1917 годов, Февральской и Октябрьской революций?» Из ответов обвиняемого следовало, что службу в царской армии он начал нижним чином сразу же после окончания университета. Служил в Гродненской 26-й артиллерийской бригаде. После сдачи экзамена на прапорщика запаса срок службы ему продлили еще на полгода. А тут подоспела мировая война. Воевал в Восточной Пруссии, командовал ротой крепостной артиллерии при обороне от кайзеровских войск Гродно. Февральскую революцию 1917 года встретил на Румынском фронте в звании штабс-капитана. За участие в боях был награжден знаком Анны двух степеней, орденами Станислава 2-й и Владимира 4-й степени, а за оборону Гродно – Георгиевским золотым оружием (шашкой). Ни в каких политических партиях и комитетах не состоял. Октябрьскую революцию встретил в Петроградском военном госпитале, где лечился от контузии и отравления после того, как батарея, которой он командовал у Дрисвятских озер, попала под обстрел неприятеля газовыми снарядами. Поправившись, он получил 6-месячный отпуск, во время которого преподавал на высших женских курсах в Петрограде. Когда же их в июне 1918 года большевики закрыли, переехал в Казань, где был принят на службу юрисконсультом местных артиллерийских складов.

Вслед за этим Литвинову был задан буквально припирающий «к стенке» вопрос: когда и при каких обстоятельствах он поступил на службу в армию Колчака? И здесь при ответе на него подследственный в целях самообороны впервые косвенно упомянул имя Ларисы Рейснер. Процитируем его полностью: «Примерно в июле месяце 1918 года Казань была занята чехами. Командование чешского корпуса сразу же призвало на службу всех офицеров старой армии в т.н. Народную армию. Так из юристов я опять попал в артиллеристы. В казанских боях против Красной Армии я не участвовал, т.к. артдивизион, в котором я начал служить, находился еще в стадии формирования. В момент первого захвата чехами Казани при моем содействии начальник штаба одной из воинских частей Красной Армии Петров сумел благополучно выбраться из Казани. В этом же я оказал помощь и жене наркома Красного флота Раскольникова». Вероятно, упоминание наркома Раскольникова, ставшего к этому времени уже «врагом народа», а тем более его жены (без указания фамилии и имени) не произвело никакого впечатления на следователя, так как сразу же последовал новый вопрос: «С какого времени вы находились в армии Колчака и где принимали участие в боях против Красной Армии?» Из ответа Литвинова следовало, что артдивизион, в котором он оказался, закончил свое формирование уже после оставления чехами Казани, т.е. при переходе его в ведение Колчака зимой 1918 года. В боях против красных он принимал участие в качестве командира артбатареи, а затем и дивизиона, пока в декабре 1919 года уже в Сибири под Красноярском его не свалил брюшной тиф.

Однако вновь обратимся к Ларисе Рейснер и обстоятельствам ее побега из лап белочехов. Вот как описывала она сама это событие в своей документальной книге «Фронт». Передаем этот фрагмент с незначительными сокращениями: «Зеленый стол, за ним три офицера. – Ваша фамилия? – Возраст? – Общественное положение? – На мои ответы – широкая, почти добродушная улыбка... – А Раскольников вы знаете? – На моем лице отражается невинная и беззаботная веселость прокурора. – Рас-коль-ни-кова? – Нет, а кто это? – Один крупный прохвост. – Господин поручик, нельзя же знать всех прохвостов. Их так много. – Всех не всех, а одного вам все-таки придется вспомнить. Я молчу. И вдруг этот человек, только что выдержавший такие художественные паузы, жеманившийся, как сытый кот с ненужной ему мышью, подмигивавший офицерам на белье, снятое с меня во время предварительного обыска... вдруг треснул кулаком по столу и заорал по-русски, вскочив с места от истерического бешенства: «Я тебе покажу, так твою мать, ты у меня запоешь, мерзавка». И грубо офицерам, имевшим бестактность засидеться на отеческом допросе: «Идите вниз, когда можно будет, позову». И опять заговорил спокойно, со всей прежней мягкой, двусмысленной, неверной улыбкой: «Одну минуту, нам не обойтись без следователя...»

В комнате было три двери. Направо та, через которую вышел офицер; посредине – зимняя, заколоченная войлоком, запертая. И третья, крайняя слева, – в приемную. Возле нее часовой.

Бывают в жизни минуты сказочного, безумного, божественного счастья. В это серое утро, которое я видела через окно, перекрещенное безнадежным крестом решетки, случилось со мной чудо. Как только офицер вышел..., а часовой наполовину высунулся за дверь «прикурить», я успела подбежать к заколоченной средней двери, дернуть ее несколько раз – из последних сил – она открылась, пропустила меня, бесшумно опять захлопнувшись. Я оказалась на лестнице, успела снять бинт, которым было завязано лицо, и выбежала на улицу... Мимо штаба неслышной рысцой проезжал извозчик. Он обернулся, когда я вскочила в пролетку. «Вам куда?» Не могу ничего ему ответить. Хочу и никак не могу. Он посмотрел на мой полупрозрачный костюм, на лицо, на штаб и бешено хлестнул лошадь».

Участвовал или нет в допросе Ларисы Рейснер юриконсульт, штабс-капитан Георгий Литвинов из-за нелюбознательности следователя нам не суждено узнать, ибо последнего больше всего интересовали факты антисоветской деятельности подследственного, но то, что в рассказе писательницы уж слишком много счастливых случайностей, так это определенно не вызывает сомнений. А если это были не случайности (уход офицеров, самого прокурора из помещения, где проводился допрос; задержка с приходом следователя; желание «прикурить» часового; беззащитность заколоченной двери; бесшумность пунктуального, все понимающего извозчика и главное – отсутствие стрельбы и горячей погони)? Право на такое сомнение дает и фрагмент воспоминаний писателя Льва Никулина об одной из его встреч с Ларисой Рейснер в Москве накануне отъезда последней на фронт: «Однажды я сказал Ларисе Михайловне, что видел у знакомого химика в лаборатории цианистый калий, баночку

синильной кислоты запечатанную, с наклейкой – череп и кости, – яд. Лариса Михайловна вдруг встрепенулась: – Можете достать – достаньте. Полезная вещь... Если, например, попадешь в лапы белогвардейцам... Если обезоружат. Я женщина, а это звери. Разумеется, это только на крайний случай. Признаться, как-то не хотелось верить, что такой крайний случай возможен. Год прошел, и Лариса Рейснер в Казани. Город захвачен белыми, она послана в разведку и чудом спасается из лап контрразведчиков. Потом, рассказывая об этом эпизоде, который чуть не стоил ей жизни, она добавила: – Ругала я вас за то, что не достали тогда кали циани. Ведь, в сущности, то и был крайний случай. Эта история имела такое продолжение. В двадцатом году нам в политуправлении Балтфлота очень нужны были агитационные пьески. Я сочинил пьеску под названием «На Волге». В основе пьесы было то, что произошло с Ларисой Рейснер в Казани, и ее дерзкий побег из контрразведки. Как-то рассказал об этом Ларисе Михайловне, и она сердито корила меня: – Как так можно? **Ведь кое-кто это помнит...**» Еще хорошо, что назвали меня по-другому...»

Чего так опасалась писательница? Не разоблачения ли? И мог ли быть этим **«кое-кто»** гродненец Литвинов? Известно, что Рейснер имела особый талант в перестройке людей старой закалки. Всеволод Вишневский в своих воспоминаниях о ней (прототипе комиссара в его «Оптимистической трагедии») отмечал, что она была человеком, «который умел подчинять себе реакционную группу офицеров». А что же двигало 30-летним в ту пору офицером по отношению к молодой красивой, интеллигентной, но принадлежащей к совершенно иному миру женщине? Только ли естественный мужской интерес, а может быть, сострадание, желание понять и помочь? Ответить утвердительно на эти вопросы пока нет веских оснований. Но в то же время, нельзя и игнорировать показания Литвинова в ходе следствия при ответе на вопросы о своей службе у Колчака, вернее, о том, чем она закончилась: «От Новосибирска мы отступали под нажимом красных до Мариинска, что недалеко от Красноярска, и где я заболел брюшным тифом. На ст.Кемчук я был оставлен на излечение. Это было в декабре месяце 1919 года. На этом и закончилась моя служба в армии Колчака. В декабре 1919 или в январе 1920 года ст.Кемчук была занята частями Красной Армии, и я оказался в плену. Приблизительно в феврале, по выздоровлении, мне было предложено со ст.Кемчук выехать и явиться в Томский лагерь для военнопленных, что мною и было сделано. В лагере я содержался около месяца, а затем находился до начала мая 1920 года на излечении в клинике Томского университета в связи с заболеванием возвратным тифом. По ходатайству моего отца, через жену наркома флота Раскольникову и ее отца профессора Рейснера Михаила Андреевича мне было разрешено выехать из Томска в Петроград к своему отцу, работавшему в то время заведующим материально-хозяйственной частью Волховстроя. В г.Петроград я прибыл в июле 1920 года. По случаю плохого состояния здоровья нигде не работал, а затем по рекомендации докторов медицины я возбудил ходатайство о переезде на родину, в Польскую Республику, и в мае 1921 года я прибыл в Лососну, к месту рождения».

После ознакомления с этими показаниями испытываешь приблизительно то же, что и при чтении строчек, написанных Ларисой Рейснер о ее дерзком

побеге из белочешского плена: слишком много счастья выпало плененному колчаковскому офицеру (добровольное следование в лагерь белых военнопленных, помещение в университетскую клинику, благополучное возвращение к месту рождения), и это при том, что в условиях гражданской войны боевой белогвардейский офицер в любую минуту мог бы быть без суда и следствия расстрелян. Кто был ангелом-хранителем его? Кто стоял за ходатайством родного отца, наркома Раскольников и отца легендарной писательницы? Откуда они знали о существовании Георгия Литвинова, его пленении и болезни? Чего ради собирался вокруг белого офицера консилиум красных профессоров, порекомендовавших ему (от греха подальше) убраться в Польшу? Ах, как тут хочется сказать – Лариса, но ведь прямых доказательств тому пока нет. Хотя здесь, как и прежде, поражает обилие удивительных совпадений в судьбах белого офицера и красной писательницы. Как только он пересек границу Советской России и оказался в безопасности, она, так и хочется сказать, выдохнув с облегчением, – тотчас же выехала вместе с Раскольниковым с дипломатической миссией в Афганистан. А этот неумолимый брюшной тиф?

Вопросы, вопросы, вопросы... А казалось бы, чего проще: возьми и расскажи писательница обо всем так, как это было на самом деле. Но ведь Георгий Литвинов – белый офицер, а она – символ красной революции (Лариса по гречески чайка – сильная, смелая птица). Поймут ли? Да и нелегко, наверное, это – взять и перечеркнуть яркую легенду, к созданию которой приложена и своя рука. Так что не будем строго судить никого из людей, имевших отношение к легенде о побеге из плена: такое было время...

Закончить свой рассказ о неожиданно возникшем ракурсе жизни писательницы и удивительной женщины хотелось бы строчками Ларисы Васильевой из ее книги «Кремлевские жены»: «След Ларисы в раскаленном небе революции, похожий на восклицательный знак, был утверждением женской силы. Над чем? Она ведь была всего лишь талантливым подспорьем в мужском деле разрушения, оттого, быть может, и рядилась в «чужие одежды», что не имела своей. Из другого времени, с нашего холма, знак ее восклицания видится знаком вопроса. Но о чем спрашивает она?» Впрочем, Бог ей судья.

**«В 1933 году ей рукоплескала вся Европа...»
Татьяну Маслову – «Мисс России» и первую красавицу
Европы по сей день помнят в Гродно**

Правдивое освещение прошлого без привлечения к проводимому исследованию воспоминаний участников или свидетелей описываемых событий, пожалуй, вряд ли возможно. Зная об этом, я всегда считал своим долгом встречаться и беседовать с гродненскими старожилками, чья память запечатлила множество интересных событий нашей истории. Таких встреч в моей исследовательской работе было немало, и каждая из них по-своему обогащала мысли и чувства.

Не обманула моих ожиданий и беседа с Анастасией Матвеевной Яцкевич. Ее прекрасная память, ровная и культурная речь (в сочетании с просмотром семейного архива, старых фотографий и книг) позволили достаточно образно представить жизнь ее родных и близких, начиная с конца XIX века и вплоть до наших дней. И все-таки главной темой беседы были 30-е годы. Воспоминания Анастасии Матвеевны о жизни и служении тогдашнего православного духовенства Гродненщины (отец ее был священником в селе Лебеда на Лидчине), о своих школьных годах в Дмитровцах, учебе в Виленской русской гимназии и Университете Стефана Батория в Вильно значительно расширили мои представления о том, о чем знал лишь по опубликованным и архивным источникам. С особой увлеченностью рассказывала собеседница о своем участии в гимназических спектаклях, которые, как правило, приурочивались в «Дням русской культуры», тесно связанным с днем рождения А.С.Пушкина. В 1937 году вся гимназия жила подготовкой к 100-летию трагической гибели поэта, и центральной частью подготовки к печальному юбилею должна была стать постановка спектакля «Евгений Онегин». Осознание ответственности за судьбу спектакля усиливалось еще и тем, что попечительницей ее гимназии до смерти в 1935 году была вдова младшего сына поэта Григория Александровича – Варвара Алексеевна Пушкина, урожденная Мельникова. Владелица усадьбы Маркучай (под Вильно) в свое время не только участвовала в основании гимназии, но и учредила для лучших учащихся Пушкинскую стипендию, посещала гимназические вечера, бывала на экзаменах⁶⁵. В силу этого, а также запланированного приглашения на торжества наиболее ярких представителей русской колонии Вильно, репетиции шли почти ежедневно. . .

Вглядываюсь в фотографии, на которых запечатлены моменты репетиции спектакля. . . а вот и коллективное фото, сделанное на память об успешном его завершении под долго неумолкаемые аплодисменты зрителей. «А знаете, кто у нас играл Татьяну?» – вдруг неожиданно с улыбкой спросила меня Анастасия Матвеевна. «Никак Вы?» – вопросом на вопрос ответил я. На что собеседница смущенно заметила: «Ну, что вы, мое участие в спектакле было самое скромное. Я играла одну из петербургских сплетниц. Помните: «Сосед наш неуч, сумасбродит; он фармазон; он пьет одно стаканом красное вино. . .» На роль же главной героини была приглашена тогдашняя виленская знаменитость – «Мисс России» и «Мисс Европы» 1933 года. Опять-таки выпускница нашей гимназии – Татьяна Маслова. Все мы, гимназистки, были без ума от нее, старались походить на нее, гордились ею. Вместе с тем болезненно воспринимали всякие сплетни о первой европейской красавице. Она на самом деле была такой, а в общении с нами у нее не было даже и признаков высокомерия и зазнайства.

Играла она Татьяну Ларину на самом деле замечательно: слава же первой красавицы еще более усиливала впечатления от любимой пушкинской героини. Вместе со всеми она радовалась успеху спектакля, в чем можно убедиться, посмотрев на этот снимок. . . Эта любительская фотография хорошо передает состояние Масловой. »

И пошли расспросы, уточнения, просмотр публикаций и о первых конкурсах женской красоты, и о самой Масловой, бережно хранимых Анастасии

ей Матвеевнoй. В итоге изучения всего этого и был написан рассказ о необычайном взлете скромной русской девушки из Вильно к вершинам европейской славы и ее необычной судьбе.

Разумеется, Татьяна Маслова была уже не первой «Мисс России». Начиная с 1927, года в Париже среди русских красавиц-эмигранток проводились выборы «королев красоты». Первой этот титул получила 19-летняя Кира Склярова. В 1928 году дочь известного русского режиссера, певца и авиатора – Нина Северская. В последующем при редакции парижского журнала «Иллюстрированная Россия» было создано постоянное компетентное жюри, в которое вошли неравнодушные к женским чарам французы и наиболее авторитетные деятели русской культуры: художники А.Бенуа, И.Билибин, К.Коровин, писательница Н.Тэффи, певица М.Плевицкая Лично, Плевицкая, актриса Е.Рощина-Инсарова, балерина О.Клейн, большой поклонник искусства князь В.Баратинский и др. Приветствовали организацию конкурсов красоты среди русских девушек, оказавшихся за границей, известный театральнoй деятель С.Дягилев, писатель И.Бунин и др.

В условиях конкурса, разработанных в 1929 году, подчеркивалось, что «к участию в нем приглашаются русские женщины в возрасте от 16 до 25 лет. Кандидатки должны являться лично, в обычном городском костюме. При условии личной явки к записи будут допущены как иногородние кандидатки, так и проживающие в русских европейских странах, причем в случае, если русское жюри присудит звание самой красивой русской женщины одной из кандидаток, то комитет по организации конкурса возмещает избраннице расходы по приезду в Париж и обратно (вместе с матерью) и по полному содержанию в Париже в течение пяти дней. . . В случае присуждения звания первой красавицы Европы русской кандидатке последняя совершает поездку в Америку и обратно за счет того же оргкомитета. . .»⁶⁶.

Благодаря слаженной работе жюри и оргкомитета, дальнейшие конкурсы в русской эмиграции проводились более тщательно и без накладок, чего не удалось избежать при избрании «Мисс России» 1929 года Валентины Остерман; у нее после завершения конкурса оказался не беженский паспорт, как у всех участниц его, а немецкий. В 1930 году в финале остались две кандидатки, одинаково красивые: белокурая Егорова и «скульптурная» Венцель. Предпочтение жюри отдало Ирине Венцель, ранее получившей приз «самой красивой читательницы» журнала «Иллюстрированная Россия». В 1931 году титулом «Мисс России» владела дочь знаменитого певца Марина Шаляпина, а в 1932-м – Нина Польш. За четыре дня до конкурса 1933 года в редакцию «Иллюстрированной России» из Вильно пришло письмо с фотографиями очередной кандидатки на участие в нем. Автор его, местный фотограф, подлинная фамилия – Дерюга (по некоторым данным он был корреспондентом виленской газеты «Русское слово» - В.Ч.), в частности, писал: «В связи с вашим объявлением относительно конкурса «Мисс России», как русский человек, которому дорого все русское и все, чем могла бы гордиться Россия, прилагаю при сем фотографии Татьяны Александровны Масловой с описанием ее личности. Покорнейше прошу сообщить мне,

какие нужны документы, удостоверяющие ее русское происхождение, а также необходимо ли разрешение матери. Татьяна Александровна – дочь офицера Черноморского флота, расстрелянного во время гражданской войны на юге России. Лет 19; рост 168; владеет свободно пятью языками и представляет собой образец русской классической красоты...»⁶⁷. Редакция растерялась. Оставалось мало времени, чтобы списаться. Сомнения разрешил телефонный звонок претендентки. В субботу Маслова была уже в Париже, а в воскресенье 23 апреля ее избрали «Мисс Россия».

До сих пор россиянки по разным причинам терпели фиаско в конкуренции за звание «Мисс Европа». И вот была предпринята попытка. Татьяна Маслова в компании «Мисс» из других стран поехала в Испанию, где проводился европейский конкурс. На мадридском вокзале Маслову встречали криками: «Виват, Россия». В честь девушек была устроена красочная коррида, их принимал президент республики. 28 мая во Дворце изящных искусств конкурс был торжественно открыт. Сначала девушкам полагалось продефилировать перед публикой в зале. Затем у каждую из них в алфавитном порядке вызывали на сцену, к столу жюри.

Во втором туре, после отсеивая, участвовать в конкурсе остались «Мисс» из Испании, Франции, Венгрии и России. Жюри предлагает «Мисс» из Франции и Венгрии принять несколько разнообразных пластических поз. Маслова в ожидании сидела за столиком и рассеянно просматривала журналы. Вдруг к ней подходит один из организаторов конкурса: «Мадемуазель, поправьте скорее прическу. Сейчас вы должны будете выйти на сцену». Волнуясь, она поднимается на подиум: «Дамы и господа, – торжественно объявил председатель жюри. – удостоивается Татьяна Маслова». На растерявшуюся представительницу России возложили алую ленту с надписью «Мисс Европа». Вот какой недурственный вкус оказался у А.Дугорина (Дерюги).

Дальнейшее напоминало нашей героине сказочный сон: роскошные подарки, банкет, ангажементы, репортеры, поездка, правда, не в Америку, а в Португалию... Как же складывалась жизнь у «королев красоты», когда улетучивался сладкий дым славы? Почти все они вышли замуж, работали манекенщицами, снимались в кино, а иногда, как в случае с Татьяной Масловой, играли в любительских спектаклях. Незадолго до участия в спектакле в Виленской русской гимназии в одной из эмигрантских газет сообщалось, что «большинство из самых красивых русских девушек превратилось в хороших русских женщин. Есть все основания порадоваться за своих «Мисс». В год триумфа они, как правило, выходили замуж, а «Мисс Европа», к удивлению общественности, все что-то медлила. Ее даже «обогнала» «Мисс Россия» 1934 г. Екатерина Антонова. Считалось, что у первой красавицы «еще есть время». Наверное, так думала и сама представительница прекрасной половины жителей Вильно. Во всяком случае, эмигрантская газета «Наша зоря» 7-го июля 1936 года писала об этой заминке в личной жизни красавицы так: «Т.А.Маслова, которая недавно приезжала из своей Вильны в Париж, шутя говорила: – я жду своего прекрасного принца... Мы знаем, что эти прекрасные принцы появляются неожиданно и в самых разнообразных обликах. Будем надеяться, что он

будет достоин избравшей его самой красивой девушки Европы 1933 года. Надо признаться, что Т.А.Маслова носила это звание по праву, как никто»⁶⁸.

Это мнение по сей день разделяет и гродненка А.М.Яцкевич – современница и знакомая виленской знаменитости. Кстати, мимо ее внимания не прошла и такая досадная оплошность: «Комсомольская правда» от 4 января 1933 года в статье, посвященной первым красавицам России, поместила фотографии Марины Шаляпиной (1931 год), Татьяны Масловой (1933 год) и Юлии Курочкиной, выигравшей корону красоты на конкурсе «Мисс Мира» 1992». Недоуменно взглянув на фото с надписью «Татьяна Маслова», помещенное в «Комсомолке», Анастасия Матвеевна неожиданно для меня произнесла: «Простите, какая же это Маслова – первая красавица Европы 1933 года, если это «Мисс Россия» 1936 года Ариадна Геденова?» Стали сличать, перепроверять и в конце концов признали, что она действительно права. Да и как могло быть по-иному, если она знала «Мисс Европы 1933» не только по фото, но и в жизни.

Кстати, в семье Яцкевичей долгое время хранилась одна из нескольких фотографий Татьяны, посланной их общим знакомым А. Дугориним (Дерюгой) в канун конкурса 1933 года в Париж. На фото была дарственная надпись «Мисс –1933», а сама она была снята во весь рост в светлом кимоно. Красоты она была необыкновенной, может быть, потому это фото уже с десятков лет тому назад неизвестно куда исчезло. Хорошо помнит А.М.Яцкевич и удачливого фотографа Масловой, женатого также на выпускнице Виленской гимназии Дине Капустинской; она бывала неоднократно в доме Дугориных.

Как же сложилась дальнейшая судьба Татьяны Масловой? Вот что ответила А.М.Яцкевич: «Я не настолько была знакома с нею, чтобы знать о ней больше, чем другие. Но если это еще кого-то интересует, то обязательно постараюсь узнать об этом у своих гимназических подруг, проживающих в Вильно. Одно мне лишь запомнилось: она носила на левой ноге золотой браслет и вышла замуж за польского офицера, но неудачно. Это было незадолго до начала второй мировой войны ...» Зная обязательность Анастасии Матвеевны, я убежден, что в истории Татьяны Масловой еще рано ставить точку.

«Служение высокой музе...»

У истоков творчества Ю.Н.Мазуркевича

Сегодня Юрий Мазуркевич по праву считается одним из наиболее ярких скрипачей – исполнителей в мире. Его звезда на музыкальном небосводе еще в начале 60-х годов. Родился он в 1941 году в старинном украинском городе Львове. Там же учился в музыкальной школе при консерватории, а затем в музучилище. Большое влияние на развитие у Юрия технических и исполнительных навыков, выработку особой благородной манеры исполнения оказал его педагог А.А.Егоров. Отмечая своеобразие учеников из школы этого мастера скрипки, всемирно знаменитый Д.Ф.Ойстрах писал, что «особенно выразительно эти качества обнаружились у ярко одаренного скрипача Ю.Мазуркевича». Еще будучи студентом музучилища молодой музыкант с успехом

гастролировал по стране и за рубежом, стал лауреатом всесоюзного конкурса исполнителей. Дальнейшее профессиональное образование замечательного скрипача проходило в 1960-1967 годах в Московской консерватории под руководством народного артиста СССР, профессора Давида Ойстраха. В классе этого выдающегося музыканта – педагога Юрий Мазуркевич также совершенствовал свое исполнительское мастерство в аспирантуре.

Он лауреат трех международных конкурсов скрипачей: в Хельсинки 1962 год, 2-я премия), в Мюнхене (1966 год, 3-я премия), в Монреале (1966 год, 6-я премия). В 1967 году Юрий Мазуркевич снова на Украине, куда он был приглашен в качестве солиста Украинского гастрольно-концертного объединения и преподавателя Киевской государственной консерватории. К руководству объединения молодой специалист ехал (тогда это было принято) с рекомендательным письмом своего знаменитого педагога, написанным 23 февраля 1967 года. Сегодня его текст известен. В нем Д.Ф.Острах, в частности, писал: «Это письмо Вам передаст мой питомец, великолепный скрипач и музыкант Юрий Мазуркевич. Я горячо рекомендую его Вам для работы в филармонии. Он может быть использован в качестве солиста-исполнителя камерной музыки, солиста с симфоническим оркестром и т.д. Блестящие виртуозные качества, глубокая музыкальность, красивый звук, уверенное владение собой на эстраде, большой и разнообразный репертуар, исключительная дисциплинированность и ответственность в работе – качества, которыми отличается Ю.Мазуркевич».

Переехав в Киев Мазуркевич много гастролировал, причем не только по родной стране, но и за рубежом (Финляндия, Польша, ФРГ, Болгария, Канада). Пресса тепло отзывалась об игре молодого скрипача, высоко оценивая его исполнительское мастерство, виртуозную технику, красивый и глубокий звук, тонкую интерпретацию исполняемой музыки. Одним словом, отличные данные молодого скрипача позволяли надеяться на его дальнейший творческий рост и совершенствование.

В начале 70-х годов Юрий Мазуркевич вместе с семьей обосновался в Вильнюсе. В составе Литовской государственной филармонии много и успешно гастролировал. В 1973 году талантливый музыкант приехал в Гродно, где блестяще выступил перед педагогами и студентами Гродненского музучилища. Этот приезд филармонией специально не планировался. В Гродно Мазуркевича влекло глубокое ностальгическое чувство к родине своего отца – Макарова Николая Евгеньевича.

Семья Макаровых поселилась на Гродненщине в начале XX века. Глава семейства Евгений Васильевич Макаров (1883 – 1947) был родом из старинного города Боровичи Новгородской губернии. Именно здесь он приобщился к тонкому и возвышенному искусству иконописи, затем освоил ремесло резчика-позолотчика и реставратора. В 1907 году Евгений Васильевич был приглашен вместе с артелью, в которой трудился, для работ по ремонту и реставрации церковью Гродненской епархии. С этой поры не было в округе ни одной церкви, где бы не остались следы творчества уникального мастера. Крепкая творческая и человеческая дружба связывала Макарова с известными грод-

ненскими мастерами - оформителями Вагнером, Качаном, Шишкевичем, Барбарько и др. Любовь к прекрасному унаследовал и первенец мастера — Николай, родившийся в 1913 году. С детства он испытывал тягу к кисти: писал акварельные пейзажи, был прекрасным портретистом. Мальчик рано начал писать стихи, хорошо пел, имел унаследованный от родителей тонкий слух и глубокий голос. Можно сказать, что он прекрасно играл на всех струнных инструментах, но больше всего он любил гитару, его игра на ней была подлинно виртуозной.

Николай учился в Гродненской белорусской школе, а затем в частной торговой школе. Плата за учебу составляла 35 злотых в месяц - по тем временам большие деньги, но родители последнее отдавали, чтобы вывести сына в люди. Учился он хорошо, его математические способности высоко оценивались учителями. Однако молодой Макаров жил только музыкой, все вечера он репетировал, иногда репетиции затягивались за полночь, самостоятельно, с увлечением осваивал богатства русской художественной литературы. Вскоре родители Николая поняли, что торговое ремесло — удел не их сына. Центром тогдашней культурной жизни православной части населения города были мероприятия, которые проводило «Русское Благотворительное Общество», или РБО. На концертах и вечерах, устраиваемых этой культурно-просветительной и благотворительной организацией, Николай Макаров выступал постоянно и с большим успехом.

Когда Николаю подошла пора служить в армии, ему, как и отцу, не имевшему польского подданства, было отказано в призыве. Взамен он получил паспорт иностранца, а вместе с ним и запрет на право проживания в г. Гродно. Тогда он с друзьями из РБО организовал труппу и решил попытать счастья на гастролях по Западной Украине. Начали самостоятельно, а потом влились в состав русского хора «Чайка». Репертуар их концертов составляли русские классические произведения и народные песни, с ними и разъезжали молодые артисты по городам и местечкам Закарпатья. Зрители тепло встречали выступления «Чайки», но по бедности на концерты собирались лишь немногочисленные любители. «Зарботки теперь неважные, - писал Николай, - потому что жатва. Люди измучены полевыми работами, а потому не имеют ни малейшей охоты идти на наши представления».

Наступил 1939 год. Западная Украина вошла в состав Советского Союза. Начались преобразования во всех областях жизни, в том числе и в культуре. В начале 1940 года Николай Макаров написал домой из Львова: «Меня хотели направить в Киев, но до сих пор моя поездка откладывается, потому что здешние комиссары искусств нашли во мне хороший голос и талант, а потом им жаль меня отпускать. Теперь вдет спор за меня между Львовой и Киевом. Считаюсь я певцом на I-м или II-м положении». В конце концов спор завершился тем, что молодой артист из Гродно стал солистом. Академической студии-хора при Львовской филармонии, преобразованной позже в Украинский государственный ансамбль песни и танца «Трембита». В этом ансамбле Николай Макаров познакомился с артисткой Оксаной Мазуркевич, ставшей в 1940 году его женой. В апреле 1941 года «Трембита» после успешных выступ-

лений на Украине выехала на гастроли в Среднюю Азию. Оксана поехать вместе с Николаем уже не могла, так как находилась в декретном отпуске. Расставание было тяжелым: у обоих было предчувствие, что больше они не увидятся. Так оно и случилось. 6 мая 1941 года Оксана родила сына, которому по договоренности с Николаем дали имя Юрий. В это время заканчивались и гастроли, ансамбля, молодой отец с нетерпением ждал возвращения во Львов, к семье. 22 июня война застала «Трембиту» в дороге. Ансамбль расформировали, дав возможность его участникам устраивать свою жизнь, кто как может. Для Николая эта неопределенность закончилась трагически, лишь только за то, что опрометчиво, в печали произнес слова о том, что «была бы возможность — на крыльях бы через линию фронта долетел до дому». Кто-то донес об этом, слова Николая были превратно истолкованы, он был арестован, осужден, так что встретиться отцу с сыном не пришлось. Когда после войны Оксане стало известно о гибели в ГУЛАГе Николая, она из-за опасения неприятностей, а где-то и по-житейски («москалей во Львове не любят») решила дать сыну свою девичью фамилию Мазуркевич и свою национальность — украинец.

Недавно я побывал у гродненских родственников Юрия Мазуркевича. Ими собрана богатая коллекция материалов о жизни двух богато одаренных природой людей: отца и сына. Перелистываю вырезки из старых и новых газет, рассматриваю их фотографии разных лет, вчитываюсь в их богатую переписку с родными и близкими и еще более убеждаюсь в могущественной силе семейного притяжения, отчего дома. Не было бы этого притяжения, вряд ли открылось столь широкое дарование гродненских музыкантов людям. Скоро уже четверть века, как Мазуркевич живет и работает за рубежом. Еще в 1974 году вместе с родителями жены он переехал на постоянное жительство в Канаду, а затем в США. В Бостонском университете профессор Мазуркевич заведует кафедрой скрипки, имеет учеников со всего света, много и успешно гастролирует, выступает на концертах на скрипке Антонио Страдивари. Американской фирмой звукозаписи выпущено много пластинок его концертов. Однако, как бы успешно не шли дела у талантливого музыканта он никогда не забывает о родной земле, давшей ему крылья творческого вдохновения⁶⁹.

ГЛАВА III. НА НИВЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОСТИ

Как спасали Коложу во второй половине XIX - начале XX веков

Для гродненцев Неман и Гродно, Гродно и Коложа – понятия настолько взаимосвязанные, что их и при желании невозможно разделить. Ведь всем известно, что если Гродно возник благодаря Неману, изначально обеспечившему городу относительную безопасность и стабильное материальное развитие, то Коложа (расположенная к западу от Замковой горы, через овраг, на высоком берегу Немана) издревле наполняла жизнь горожан глубокой духовностью, осознанием своей преданности заветам предков. Во второй половине XII века гродненцы построили здесь великолепный Борисо-Глебский храм, позднее получивший от названия местности дополнение к своему имени – Коложский или Коложанский. Об этой древней православной святыне сложно немало легенд, ее современные формы пленяли художников, восторженные строки в разные времена ей посвящали поэты и писатели, несколько поколений историков краеведов заботливо воссоздавали забытые страницы ее восьмивековой летописи. Однако это не означает, что в исследовании истории Коложи нет белых пятен. Думается, что наименее изученной проблемой ее прошлого по-прежнему остается тот период, когда Коложу в буквальном смысле слова спасали от полного разрушения. И было это во второй половине XIX - начале XX века.

Разумеется, подтверждением тому служат материалы гродненских архивов, восстановлением Борисо-Глебской церкви занимались местные ревнители Православия неоднократно после многочисленных пожаров, нашествий неприятеля и стихийных бедствий. Во всяком случае, документы начала XVI века, связанные с тогдашним капитальным ремонтом храма, указывают, что до этого церковь на Коложе «несколько десятков лет стояла обвалившейся и от того опустевшей; службы Божией в ней не было». В конце XVII века разоренная рядом обстоятельств и временем Коложская церковь «вновь была возобновлена, хотя и не вполне». Данные начала XVIII века свидетельствуют, что церковь снова «не имела покрытия, но только четыре стены». Уже в 1720 году размытый Неманом обрыв подошел вплотную к храму, вызвав наклон его стен. Чтобы приостановить оползень, велено было «построить у подошвы горы забор, привалить его навозом, а также посадить разные деревья». Однако Неман продолжал все сильнее разрушать гору. Особенно губительное воздействие на такого рода поведение реки оказало строительство местными лесопромышленниками на противоположном берегу реки плотины, а затем и гавани, что еще более изменило русло реки и направило ее стремительные воды в сторону Коложи. В 1840 году появилась угрожающая трещина в западной стене церкви. Пока тянулась волокита с вопросом об укреплении осыпей, обрыв в 1845 году подошел вплотную к южной стене храма. В связи с этим церковь закрыли, а для богослужений оборудовали одну из комнат покоев насто-

ятеля монастыря. В ночь с 1 на 2 апреля 1853 года южная стена и часть западной стены здания вместе с потолком обрушились в Неман.

В сложившейся ситуации из храма были вынесены иконостас, ризница, другая церковная утварь. Тогда же, наряду с поисками подходящего здания для размещения Коложской церкви и монастыря, стали выдвигаться и различные проекты реставрации Борисо-Глебской святыни. В 1856 год император Александр II, обратив внимание на бедственное состояние древнего гродненского храма, дал указание «отпустить из казны на восстановление его такую денежную сумму, которая только потребуется». В живой же действительности все оказалось значительно сложнее, и это касалось не только денежных средств, но и различных вариантов решения проблемы: первого, частичного, затрагивающего лишь вопросы, связанные с восстановлением храма и второго – комплексного, включающего в себя как реставрацию церкви, защиту от разрушения самой Коложи, так и укрепление берегов Немана.

В конце концов комплексный вариант спасения Коложи был признан наиболее приемлемым. На основании императорского указа Святейший Синод своим постановлением от 10 сентября 1863 года за №3108 выделил Литовской консистории 10300 руб. «на исправление и возобновление Гродненской Борисо-Глебской церкви». В то же время Синод предоставлял митрополиту Литовскому и Виленскому Иосифу (Семашко) право на пополнение недостающей суммы до 12000 руб. «за счет пожертвований на сие любителей древности». Во исполнение этого предложения Литовская консистория поместила в Санкт-Петербургских и Литовских «Сенатских Ведомостях» объявления о сборе пожертвований на восстановление древнейшего гродненского храма. Через непродолжительное время часть недостающей суммы была собрана. Наиболее значительные взносы при этом сделали: уездный судья Савайский из Ковно; супруги Александр и Анна Стаковичи из Петербурга, граф Вадим Н. из Москвы. Много было взносов и без указания имени. «Приглашения» к пожертвованиям на Коложский храм помещались также и на страницах «Литовских епархиальных ведомостей за 1864 год». Здесь, кстати, сообщалось о том, что «Святейший Синод, желая скорее восстановлению сей драгоценной древности и имея в своем распоряжении капитал, пожертвованный купцом Иваном Сорокиным на поминование души его и ныне простирающийся до 10300 руб., отпустил его в счет затребованной купцом Сидоровским суммы в ведение Литовского епархиального начальства».

14 ноября 1863 года Литовская духовная консистория заключила контракт с гродненским купцом первой гильдии Феодосием Ивановичем Сидоровским «на отдачу ему оптом подряда на возобновление разрушенной древней Борисо-Глебской православной церкви, состоящей в городе Гродне на Коложе, а также на укрепление обрушившееся под одной горы и берега реки Немана». Выбор консисторией в качестве подрядчика Ф.И. Сидоровского был неслучаен. Переселившийся из Костромской губернии в Гродно купец являлся искренним ревнителем Православия, известным своим усердием и в восстановлении и постройке церквей в Литовской епархии. Начиная с 1859 года он построил заново и капитально отремонтировал на Гродненщине и Вилен-

щине девять церквей. Причем две из них (Изабелинская церковь и Слонимский собор) были восстановлены им за собственные средства. Свою церковно-строительную деятельность Сидоровский не прекращал даже во времена польского восстания, когда ему «при переездах до церковных построек в лесистых местностях от города Лиды до городов Слонима и Кобрина», приходилось, по его словам, «неоднократно подвергаться смертельной опасности со стороны мятежников». Тем не менее, к чести Сидоровского, все начатые им постройки завершались благополучно и в срок, за что купец был удостоен благодарности со стороны виленского генерал-губернатора К.П.Кауфмана и двух благословений со стороны Святейшего Синода.

В силу важности предстоящих работ на Коложе новый контракт был составлен с особой тщательностью. По нему подрядчик обязывался все «капитальные починки и восстановления» производить в полном соответствии с проектами и сметами, составленными строительным департаментом в Петербурге. Много места в контракте уделялось качеству строительных материалов: «все они должны были быть надлежащего достоинства: камень булыжный – твердый; известь – свежа и хорошо возжена; песок – чистым; бревна, доски; бруски – из живого и здорового дерева; равным образом и все другие материалы должны быть лучшего качества и доброты». Оговаривались в контракте и вопросы, связанные со складированием и расходом материалов, контролем за соблюдением правил техники безопасности, правильностью проводимых работ и порядком их финансирования. В целом же в контракте отмечалось, что «означенную операцию подрядчик Сидоровский должен произвести оптом на объявленную ему духовной консисторией сумму – 12000 руб.». При необходимости он мог получить из казны в задаток денежные средства, за которые он должен был представить туда свой благонадежный залог по принципу «рубль за рубль». Окончательное завершение работ планировалось на лето 1865 года, однако главная задача – предотвратить подмыв горы и обвал церкви – была признана договаривающимися сторонами самой неотложной. Немалое значение придавалось в контракте непосредственным исполнителям проекта: «потребные для работы мастеровые и рабочие люди должны быть здорового и сильного сложения, опытные и совершенно сведущие в своем ремесле». У всех у них должны быть «законные виды на жительство, заявленные в местной полиции». За появления среди рабочих беспаспортных, беглых или бродяг вся ответственность возлагалась на подрядчика. Он же отвечал за устройство стеланий (стеллажей) и подмостков, «если по этой причине произойдет какой-либо несчастный случай». Для должного наблюдения за производственными работами духовное ведомство нанимало «особого техника-производителя работ, которому подрядчик, его приказчики, мастеровые и рабочие люди во всех законных требованиях непременно должны ему повиноваться и без его указания, согласия и без нарядов никаких работ не производить». Подрядчик, со своей стороны, также должен был иметь одного мастера, «понимающего чертежи, которому производитель работ будет давать нужные пояснения и указания, а тот уже обязан все толковать подмастерьям и смотреть за точностью их исполнения».

В течение ноября-декабря 1863 года в районе обвала церкви велись ежедневные земляные работы и только под Рождество вместе с морозами они были приостановлены. Малоснежная зима позволила вновь возобновить начатые ранее работы уже в марте. Тогда же в реализации контракта выявились трудности, о содержании которых частично упоминалось в договоре между Ф.И.Сидоровским и гродненским жителем Ф.Л.Стефановским, подписанном ими 21 мая 1864 года. В этом договоре Сидоровский, в частности, писал: «Милостивый государь Фердинанд Людвикович, приняв на себя почин и постройки разных церквей по Литовской епархии и не имея возможности самостоятельно распорядиться своими работами, поручаю вам полное управление и присмотр за этими постройками...». Одновременно Сидоровский передавал Стефановскому все права на заключение других контрактов и договоров по церковно-строительным делам, контроль за ходом работ на всех объектах, а также возможность писать от его имени различные прошения и жалобы, а также представлять его интересы в различных «судоговорениях», словом, действовал неограниченно по всем без исключения делам так, как бы он сам действовал для своей пользы».

Трудно сказать, какие еще причины, кроме ссылок на традиционную загруженность делами, стояли за этим шагом купца, но, как видно, этот шаг был сделан неслучайно. Спустя два года, 26 мая 1866 года, подрядчик в своем прошении на имя генерал-губернатора Кауфмана невольно прояснил причину своего личного отхода от ведения работ на Коложе следующими обстоятельствами: «В 1863 году, когда предположено было возобновить древнюю разрушенную в г.Гродно Борисо-Глебскую церковь, укрепить берег при оной реки Неман, я принял означенные работы за 12 тыс. руб., но для того, чтоб приступить к ним в 1864 году, к оным потребовались изменения к сметам на дополнительные работы: до наступления зимы необходимо было не только полностью засыпать обрыв горы, но еще, чтобы сберечь от уноса весеннею водою свежей насыпи, необходимо было также на протяжении 50 сажений устроить из большого булыжного камня стену в две сажени; потом в 1865 году прежние проекты найдены были неудовлетворительными, и вместо дополнительных работ был составлен новый проект, от чего все прежние работы само собою приостановились с большими моими убытками...».

Ссылаясь на свои заслуги в церковно-строительной деятельности, Сидоровский просил у Кауфмана предоставить ему возможность продолжить начатые работы уже по новому проекту, чтобы тем самым устранить взаимные претензии (его к казне и казны к нему) и дать ему «отрадное утешение – окончить начатый в восстановлении древнейший памятник Святого Православия в Литве». Судя по всему, ходатайство это на ту пору успеха не имело. Вместе с тем в ходе возникшего разбирательства этого дела в специально созданной комиссии Ф.И.Сидоровский напомнил членам ее о том, что он взялся он за Коложу, при отсутствии достаточного финансирования со стороны духовного ведомства, рассчитывая при этом «пополнить собственными средствами тот недостаток денежных сумм, который вследствие уступки моей и малого размера сметных цен неминуемо должен был оказаться (обнаружить-

ся) при доведении работ «до совершенного окончания». «Таким образом, – заявлял купец, – из изложенного мною комиссия может усмотреть, что не желание извлечь какой-либо барыш руководило мною при согласии принять на себя устройство Каложской церкви, а то нравственное чувство православного христианина, о котором я не желал бы высказываться здесь, и если сейчас намекаю на него, то единственно потому, что поставлен в положение торгаша-подрядчика с обязанностью подлежать совершенно неожиданному для себя расчету и даже начету, когда работы не только не окончены согласно контракту, но и далеко еще не доведены до окончания». Комиссия при изучении конфликта нашла признаки нарушения контракта как с одной, так и с другой стороны. Выход из сложившейся ситуации, как следует из материалов дела, предложил сам подрядчик, заявивший: «Не имея привычки заводить процессы (т.е. судебные разбирательства. – В.Ч.), я и в настоящем случае готов согласиться не иметь претензий за нарушение без моего согласия контракта, но не иначе как на следующих условиях: или чтобы расчет со мною был сделан без уступки со сметной суммы процентов, а по ценам сметным, или чтобы меня освободили от всяких начетов ...».

Обоюдные претензии (заказчика и подрядчика) сдерживали восстановительные работы, ставили их на грань срыва, вынуждали временно или навсегда уходить от дел (случай с Сидоровским) и т.д, но худо-бедно берега Немана укреплялись, и сползание Коложи в сторону реки все же было приостановлено. Имена непосредственных участников акции по спасению Борисо-Глебской церкви в полном объеме нам пока еще не известны, однако некоторые сведения о них и характере восстановительных работ можно найти в тексте уже упомянутого контракта от 8 октября 1864 года между поверенным подрядчика Феодосия Сидоровского Фердинандом Стефановским и жителями Августовской губернии братьями Никифором и Кирьаном Лебедевыми. По этому контракту Лебедевы брали на себя обязательство: 1) «вывести на берегу Немана против древней Борисо-Глебской православной церкви в г. Гродно каменную стену длиною 52 сажени, высотой 2 и три четверти сажени, а всего 43 квадратных сажени из крупного булыжного камня, положенного насухо на мху, согласно утвержденной на сей предмет смете, из камня величиной от одного до пяти футов с грубой ополкою лица и постелей у лицевых камней»; 2) до начала постройки стены «сейчас же на всем пространстве означенного берега подсыпать и утрамбовать крепко от свай берега вверх на 2 и три четвертых сажени землю так, чтобы она образовала правильный косогор, для каковой работы употребить не менее 25 рабочих землекопов, а равно выписать в достаточном числе каменщиков – мостовщиков, опытных в подобных работах»; 3) «понимая всю важность и безотлагательность этого дела, присовокупляем, что камни снизу от свай берега будут самые большие и прилаживаться один к другому они будут плотно и сильно с применением тяжелых трамбовок по всей длине стены»; 4) «за все таковые работы с нашими мастерами, рабочими и всеми прочими необходимыми к тому принадлежностями условились мы, Лебедевы, с поверенным Стефановским по десять рублей за каждую квадратную сажень, а всего за 143 сажени – 1 тысячу

430 руб., в счет коих на усиленную заготовку материалов и доставку по железной дороге известных мастеровых, получим мы, Лебедевы, от Стефановского при заключении контракта 500 рублей, а остальные будем получать от него по мере успеха и хода работ. Означенную каменную стену будем стараться окончить постепеннейшим и прочным образом до наступления холодного времени настоящей осени, в случае же неуспеха, вывести эту стену не ниже полторы сажени до наступления морозов, а остальное пространство по всей линии окончить с наступлением будущей весны 1865 года».

Судя по всему, братья Лебедевы энергично взялись за дело. Согласно квитанции на заготовленные материалы, инструменты, а также за произведенные работы ими было употреблено 163 каменщика, 62 плотника и около двух с половиною тысяч чернорабочих (2434), которым было выплачено за их труд свыше 2075 рублей; использовано большое количество булыжного камня, гашеной извести, песка, кирпича, воды, веревок, др. материалов, а также инструменты: 84 лопаты, 42 колесные тачки, 42 трамбовки и др., на что было израсходовано 1721 рубль. Всего же за рабочих, материалы и инструменты было израсходовано свыше 3796 рублей. Несмотря на это, в силу разных причин сдача объекта заказчику явно затягивалась, тем более, что местным властями все более становилось понятным, что восстановление древнейшего православного памятника по старым проектам и сметам уже практически невозможно. Вместе признанием этого факта, равнозначного оправданию подрядчика Сидоровского, генерал-губернатор К.П.Кауфман сообщал 11 мая 1867 года министру внутренних дел о том, что восстановление Коложи заключается не только в восстановлении храма и укреплении берега Немана, но и в прокладке в церкви проезжей мощеной дороги, а также строительство моста через Городничанку, и что своих средств на это не имеется. По этой причине начальник края просил ассигнования на данные дополнительные объекты «с отнесением их на содержание водных и сухопутных сообщений». Для изучения данного вопроса министерство 4 октября 1867 года приняло решение о командировании в Гродно статского советника, инженера Штукенберга, но из-за ранней зимы такая поездка стала возможной только весной 1868 года. По прибытии в Гродно петербургский чиновник ознакомился не только с проектами и сметами всех восстановительных работ, составленными инженер-капитаном Милашевичем и утвержденными 14 марта 1866 года правлением IV округа ведомства путей сообщения, но и лично побывал на строительных объектах. Сделав заключение, что на укрепление берега Немана, устройство двух шоссежных дорог, ведущих из города к Коложе и строительство мостика через Городничанку понадобится около 130 000 рублей серебром, тогда как на восстановление самой церкви необходимо было по новым сметам не менее 20 000 рублей серебром, Штукенберг высказал мнение о необходимости восстановления здесь «прежде всего самой церкви и неразлучных с нею работ». При этом он в целом положительно оценил сделанное в этой области купцом Сидоровским и его поверенным Стефановским. Он, в частности, полагал, что «из береговых работ присыпка к откосу принесла им большую пользу, так как остановила дальнейший обвал берега, имевшего против самой церкви почти

отвесной обрыв». Правильным было признано и то, что «подсыпки к берегу, состоящие из красной каменной глины, брались наверху с площадки, что слева от церкви, так как местность тут была выше подошвы церковного здания, которое казалось как бы в яме, что теперь устранено...». В качестве недостатков при проведении береговых работ было названо «неудовлетворительное устройство сплошного ряда шпунтовых свай, не пропускавших как следует вытекающие из под горы весьма сильные ключи, которые растворили синеватую плотную глину, составляющую мощный пласт выше их, и она, потеряв всякий уклон, выперла свайный ряд вперед; не сделалось этого только при начале ряда почти по течению реки, где были оставлены для ключей два прохода». Критические замечания вызвал у Штукенберга и выведенный братьями Лебедевыми фундамент для возведения обвалившейся церковной стены, получивший, по его мнению, значительную осадку даже от собственного веса, хотя стена на нем еще и не возводилась.

Отметив непозволительно высокую стоимость проекта, составленного военным инженером Милашевичем, представитель министерства среди недостатков проекта назвал то, что в него не был включен вопрос об «отводе от правого берега струи высоких вод Немана, способствующей повреждению берега как Коложанской горы, так и Замковой». В конце концов в своем донесении о результатах поездки в Гродно Штукенберг пришел к следующему заключению: 1) «устройство проектированных инженером Милашевичем проезжих дорог к Коложской церкви: около Немана вниз по Замковой улице отложить навсегда, а шоссе в объезд Замковой горы - времени; 2) проектируемый мост через Городничанку вовсе не строить, ибо здесь достаточно перехода из нескольких околоченных брусьев, который весной в виде плота можно отводить в сторону; 3) самый берег Немана против церкви укрепить согласно проекту с некоторыми вышеотмеченными изменениями, того что было сделано по линии духовного ведомства (и купца Сидоровского - В.Ч.), включая новую закладку шпунтовых свай, каменную кладку и посадку по склону берега кустов виргинии по примеру того, как это было сделано на склонах Замковой горы; 4) для ослабления губительного воздействия вод Немана на Коложу следует забить ряд свай, скрепив их сверху и понизу фашинами, продолжив ряд свай в реку от 5 до 7 сажений; 5) при возобновлении разрушенной стены Коложской церкви, фундамент которой нельзя слишком много углубить в откос берега, основать его на чугунных сваях; 6) в устранении могущих возникнуть претензий из-за желания начальника края производить упомянутые работы хозяйственным способом считаю необходимым справиться с контрактом купца Сидоровского; 7) на ключи, вытекающие в изобилии при подошве берега Коложанской горы, где наверху находится древняя церковь, следует обратить особое внимание, исходя из того, что вода их железистая и считается целебною, привлекая сюда и теперь людей, купающихся в их воде с гигиеническою целью. Так как нигде в околоте нет по берегам Немана столь ключистого места, то не было ли это поводом для основания в древнее время именно здесь церкви? Может быть, при исследовании и обнародовании сведений об целебных свойствах этих ключей духовное ведомство устроит здесь ку-

пальни, обделает родники, и они привлекут сюда богомольцев, что принесет обоюдную пользу и даст средства на общественный счет.

Признавая упомянутые работы безотлагательными и важными для Православия края, Штукенберг свой отчет неожиданно завершил теряющими свою логику размышлениями: «Если власти намерены Коложанскую церковь возобновить с совершенной перестройкой, утратив древний вид стен, то не лучше ли перенести ее на другое место, удалив ее от берега на безопасное расстояние? Такое решение сделало бы почти все побочные работы ненужными». По мнению инспектирующего, таким наиболее удобным местом могла бы стать площадка «позади церкви около 60 сажней от берега вод». Технико-строительный комитет МВД, куда передал Штукенберг свое «донесение», в основном согласился с его предложениями. Что же касается вопроса о восстановлении Коложской церкви в прежнем виде или ее переносе на новое место с потерей древней самобытности, то в данном случае министерские чиновники отдавали его решение на откуп местного светского и духовного начальства. Вместе с тем в документе указывалось на то обстоятельство, что «на все население г.Гродно в 25,5 тысячи жителей, православных включая и войско, не более 2 тысяч, для которых уже есть в городе две церкви, из которых одна соборная, и еще третья строится в центре города». А это давало чиновникам право с учетом того, что Коложская церковь, имеет незначительные размеры («длины 9 и ширины 6 сажень»), склоняться в сторону решения о переносе церкви на новое место. И тем не менее, линия на сохранение, консервацию и восстановление Борисо-Глебской церкви все-таки победила. Твердую позицию в этом деле занимали архитекторы Чагин и Форбан, проводившие вместе с Штукенбергом освидетельствование данного объекта. Большую роль по привлечению внимания общественности к уникальному памятнику православной духовности сыграла экспедиция Русского археологического общества в составе художников Д.М.Струкова, С.А.Покреолова и архитектора И.И.Горностаева, а также - Северо-Западного отделения Русского географического общества во главе с И.П.Трутневым, В.В.Грязновым и др. Много делал по сохранению Коложи большой поклонник старины и попечитель Виленского учебного округа П.Н.Батюшков.

В 1872 году в уцелевшей алтарной части храма была устроена на пожертвования частных лиц часовня; в связи с этими трудами гродненского губернатора А.Е.Зурова и епископа Евгения разрушенное церковное здание было приведено в некоторый порядок: были заложены кирпичом входы на лестницы в стенах боковых апсид, и главное, «древние, узкие, стройно-фигурчатые окна в отделении алтаря и в некоторых других местах тоже были заложены наглухо, а пробиты новые для окон отверстия, более просторные и прямые». Все это позволило совершать в древней святыне в летнюю пору (по воскресным и праздничным дням) вечерние богослужения. При всем благородстве помыслов верующих реконструкция храма не могла не иметь своих отрицательных последствий. В 1889 году произошли новые разрушения церкви - обвалилась апсида диакониса. Посетивший незадолго до этого Коложу историк-профессор М.О.Коялович, печалась о бедственном состоянии храма, возлагал

великое упование по делу о восстановлении его на образовавшееся в городе православное Софийское братство. В своей статье «Поездка в Западную Россию», помещенной в 1887 году в «Церковном Вестнике» (№10, с. 190), он писал: «Начинает уже рассеиваться русский туман общественный, застилающий Коложские развалины. . . Но наши грехи пред святой древностию так велики, что для полного искупления их не довольно одних местных сил, хотя бы и весьма ревностных. Для этого нужно более дружное участие всей Святой Руси. Пусть от ее щедрости совсем рассеется туман, застилающий эту святыню в русском общественном сознании. . . Пусть старый, исторически-седой Киев просветлеет и его богатая наследница Москва приложит свои заботливые старания воздвигнуть из пагубного уничтожения их ранее дорогое детище - Гродненскую Борисо-Глебскую святыню». И голос М.О.Кояловича был услышан.

В 1892 году по инициативе епископа Иосифа (Соколова) начались переговоры с министерством путей сообщений и непосредственными виновниками губительного для Коложы изменения русла реки Неман - местными лесопромышленниками «о сохранении от дальнейшего разрушения Борисо-Глебской церкви». Последние, приняв во внимание как древность храма, так и религиозные чувства горожан, взяли на себя значительную часть расходов на ее консервацию, ибо о разрушении гавани промышленники и думать не хотели. В конце 1894 – начале 1895 года вопрос об восстановлении самой церкви «без малейшей порчи старинных стен» был, наконец, согласован с Императорской церковно-археологической комиссией, Литовской консисторией и Гродненским церковно-строительным присутствием. Производство работ при этом взял на себя преемник Ф.И.Сидоровского - Арсений Моисеевич Пименов. Наблюдение за консервацией памятника было возложено на губернского архитектора и инженера Н.Б.Романова. Все работы сводились к следующему: на южной половине, с западной и некоторой части восточной сторон церкви были устроены легкие деревянные стены, состоящие из брусчатых стоек и раскосов, обшитые снаружи досками. Для придания большой устойчивости южной стене были сделаны контрфорсы из брусьев. Вся церковь по вновь установленным стропилам была покрыта деревянной крышей. На ней устроили главку с ажурным чугунным позолоченным крестом. С западной стороны были сделаны входные двери с притвором, досками подшит потолок. Закладку работ, ровно как и освящение храма (2 мая – 15 июня 1896 года), совершал, как свидетельствует в «Гродненской старине» Е.Ф.Орловский, епископ Иосиф (Соколов). В 1904 году гродненские ревнители православия из местного Софийского братства поставили вопрос о восстановлении Коложской церкви в первоначальном виде «с возведением недостающих частей по образцу существующих». Над исследованием памятника и проектом его полной реставрации много работал в те годы П.П.Покрышкин. В 1910-1911 годах в церкви были проведены серьезные консервационные работы, заложены ниши и портал северной стороны. В 1934 году в стенах Коложской церкви вновь появились трещины, в связи с чем специальный комитет по укреплению памятника осуществил ряд мероприятий по укреплению берего-

вого откоса и планировке окружающего церковь участка до первоначального древнего уровня. В советское время Церковь Бориса и Глеба на Коложе была закрыта для богослужений. Тогда она являлась с 1948 г. филиалом областного историко-археологического музея, а с 1977 года – Республиканского музея истории религии и атеизма. Начиная с 1967 года, т.е. со времени объявления Замковой горы и Коложской церкви историко-археологическим заповедником, здесь неоднократно проводились ремонтно-восстановительные работы, но справедливости ради следует признать, что наиболее устойчивая база для спасения этих выдающихся исторических памятников была все-таки проведена во второй половине XIX - начале XX веков. В начале 1991 года Борисо-Глебская церковь вновь была возвращена верующим. Исторический опыт реставрации и восстановления Коложского храма, взятого на учет в ЮНЕСКО, был учет в 1992 году, когда ученые забили тревогу, предупреждая об угрожающем состоянии уникального памятника. В создании проекта по спасению Коложи приняли участие белорусские метростроители, специалисты французской фирмы «Фондедиль», а также гродненские строители. Наводнение 1995 года показало, что если не перейти от бумаги к делу, то о знаменитом храме можно будет узнать только из книг. Ответственность за восстановление берега возложили на институт «Гродногражданпроект». Тогда «в тело каложского берега» «всадили» 23 буройнъекционные скважины, на концах которых расположили анкера. С усилием в 26 тонн эти анкера были успешно натянуты и проверены. Первый этап работ завершен, но это не значит, что о судьбе Коложи можно не волноваться.

«Первая в России...»

Из истории Свято-Ольгинской общины сестер просвещения (1912-1914)

В 1854 году, в разгар Крымской войны, по инициативе великой княгини Елены Павловны и выдающегося хирурга Н.И. Пирогова в осажденный врагами Севастополь для оказания помощи раненым и увечным его защитникам был впервые послан отряд сестер милосердия Крестовоздвиженской общины из Петербурга. Их усердие и самоотверженность на войне ставшие достоянием всего просвященного мира, были золотыми буквами вписаны в историю военной медицины. День и ночь, в госпитале и на боевых позициях, они перевязывали, поили, кормили больных и раненых воинов, как могли, облегчали их страдания, гибли вместе с ними от болезней и бомб. Своей верой во Всевышнего, высоким профессионализмом и гражданственностью они развеяли прежние сомнения тех столичных деятелей, кто мало верил в успех предпринятой акции. В последующих русско-турецкой, русско-японской и первой мировых войнах женщины в форме сестер милосердия также снискали любовь и уважение всей страны. Лучший опыт работы «сестричек» пред-революционных лет в определенной степени учитывался военными медиками и в советское время.

Совсем недавно стало известно, что Православная Церковь, кроме основания отрядов сестер милосердия, делала попытки создания и просветительских объединений. Первое такое объединение, получившее название «Свято-Ольгинской общины сестер просвещения», было осуществлено в Гродненской губернии при Красностоком женском монастыре. Основание этой обители тесным образом связано с историей Гродненского Свято-Рождество-Богородичского женского монастыря. Известно, что 25 июля 1900 года состоялось определение Святейшего Синода о перенесении женского монастыря из города над Неманом в урочище Красносток. Среди причин, побудивших епископа Гродненского Иоакима (Левицкого) ходатайствовать об изменении местонахождения обители, были не только «присутствие почти у самых ворот монастыря двух табачных фабрик, окружающие его грязь и зловоние, закрытость его от людских взоров жилищами сплошного еврейского населения», но и потребность в расширении влияния Православной Церкви на запад. Владыку привлекли в Красностоке не только великолепный храм, устроенный в 1867 году во имя Свято апостола Иоанна Богослова, но и помещение бывшего Доминиканского монастыря. Епископом учитывалось и то, что, «находясь на границе католического и православного мира, вновь учрежденный монастырь будет нести высокую миссию Православия среди местного окатоличенного белорусского народа, возбуждая в нем память о былой принадлежности к истинной Православной Церкви и единой великой русской семье».

Около года у церковных властей на капитальный ремонт здания бывшего Доминиканского монастыря, сильно обветшавшего после его закрытия в 1866 году. Сделано это благодаря денежному пособию со стороны Синода, неустанным трудам недавно назначенной игумении Елены (Коноваловой), помощи гродненского владыки и товарища (помощника) обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблера. 6-7 сентября состоялось торжественное перенесение Рождество-Богородичского монастыря на новое место. Этот, акт осуществленный по всем канонам Православной Церкви, при участии духовенства, представителей светских властей и многочисленного православного люда стал одной из важных вех в насыщенной жизни Гродненской епархии. По минимальным подсчетам, не считая войск, торжественное перенесение монастыря из Гродно в Красносток привлекло внимание более 20 тысяч православных его участников. С этого времени Рождество-Богородичский монастырь в Красностоке становится основным, а Гродненская обитель обретала статус приписной. Кроме этого, у обители имелись подворья в Петербурге и Дрогичине. Впоследствии в епархии ежегодно праздновались годовщины акта перенесения обители из Гродно в Красносток.

За короткое время игуменья Елена многое сделала для того чтобы, обитель стала одной из самых образцовых в России. При монастыре были основаны церковно-учительская школа, сельскохозяйственное училище, приют для сирот, открыты аптека, амбулатория, больница, производственные мастерские; образовано православное братство. Вся жизнь обители протекала согласно лучшим обычаям и традициям Православия. В 1912 году в Синодальный типографии был напечатан «Устав Свято-Богородичского Красностоцкого

женского общежительского монастыря». Успехи монастыря были поразительными в развитии как школьного образования, так и практического хозяйствования. На сельскохозяйственных выставках монастырь постоянно отмечали дипломами и медалями⁷⁰. Обер-прокурор Синода В.К.Саблер, стоявший у истоков нового монастыря, оказывал ему особое покровительство, считал его своим детищем. Именно по его инициативе здесь и было решено основать первую в России общину сестер просвещения.

Необходимость учреждения такого рода объединений была вызвана высокой обеспокоенностью Святейшего Синода «падением нравственного уровня подрастающего поколения; повсеместным увеличением разнужданности молодежи, принимающим тревожные размеры хулиганством; чинимыми в городах и весях всевозможными насилиями...»⁷¹. Все это толкало синодальные власти и духовенство на изыскание средств для прекращения такого рода положения, на «упрочение воспитательного влияния учащихся (учителей - В.Ч.) на учащихся в церковно-приходских школах». Для удовлетворения этой потребности было признано наиболее приемлемым создание особой организации, состоящей из лиц, добровольно принимающих на себя «все тяготы самоотверженного подвижнического служения для борьбы со всякой тьмою, грубыми инстинктами невежественной толпы».

Мысль о желательности учреждения просветительных общин была в свое время встречена полным сочувствием выдающимся русским педагогом С.А.Рачинским. Он находил, что общины просвещения принесут церковной школе особую пользу тем, что «создадут более прочные условия для плодотворной деятельности школьных учительниц». Было признано, что общины сестер просвещения смогут быть хороши прежде всего тем, что «они способны придать своей деятельности строгую согласованность действий и единообразие педагогических приемов». Помимо отмеченного, учитывалось и такое немаловажное обстоятельство, что общины в состоянии улучшить нравственное и материальное положение сестер. В.К.Сайблер, имея в виду эту сторону жизни, в частности, отмечал: «учительница по окончании курса обучения нередко находится в крайне тяжелых условиях. Часто одинокая, почти всегда бедная, она нередко испытывает всю горечь своего беспомощного положения. Существовая на гроши, проживая впроголодь в сырых холодных помещениях, она подчас изнемогает, не имея к кому обратиться за помощью или советом. Входя в состав общины сестер просвещения, она входит как бы в родную семью. Ей будет легче жить и трудиться при сознании, что она не одинока, что у нее есть своя семья - родная община, всегда готовая приютить и успокоить ее. С подобным сознанием ей будет легче нести добровольно взятый на себя подвиг».

Всеобщее осознание потребности в просветительных общинах при женских церковно-учительских школах значительно облегчило разработку, а затем и утверждение 19 октября 1911 года Святейшим Синодом их «Правил». В параграфе 1 этого документа подчеркивалось, что главная цель общины состоит в упрочении воспитательного влияния учительниц церковно-приходских школ, в объединении их педагогической деятельности и обеспечении их благополу-

чия в нравственном и материальном отношениях при женских монастырях, где имеются церковно-учительские школы, или при таковых же школах, существующих отдельно от монастырей. На основании параграфа 7 «Правил», общины сестер просвещения формировались из лиц женского пола, желающих посвятить себя обучению и воспитанию детей на христианских началах, согласно учению Православной Церкви. В состав общины просвещения могли входить: а) учительницы церковно-учительских школ, заслуживающие звания сестры просвещения, исходя из их отличных успехов и поведения за время обучения в названном учебном заведении.

С целью облегчения возложенных на сестер просвещения обязанностей для них устанавливалась особая форма одежды: темное серое платье с черным фартуком и белой косынкой на голове. В праздничные дни им разрешалось серое платье заменять белым. Предписания параграфа 11 «Правил» о форме одежды имели глубокий смысл. Имея платье определенного цвета и простой головной убор, воспитательницы не имели нужды в непроизводительном расходовании времени на праздные и суетные заботы о том, как и во что одеваться. Обязательное ношение форменной одежды, по мнению авторов проекта о просветительных общинах, должно было также оградить их от посещения тех увеселительных собраний, которые могли бы вызвать у них соблазн. Главное же предназначенное состояло в постоянном напоминании и сестрам, и их окружению, что «пока они ее носят, они принадлежат не себе, а идее самоотверженного служения народу. На это служение сестер милосердия православные люди должны смотреть как на служение Богу». В силу этого при принятии в общину сестер просвещения возлагался особый деревянный кипарисный крест на синей ленте.

«Прибавления к Церковным ведомостям» (1912. № 38, С. 1524-1528) запечатлели на своих страницах этот торжественный и возвышенный акт. Весьма интересно описание и самой обители: «В 30-ти верстах от города Гродны на высоком и открытом месте стоит видимый издалека Красностоцкий женский монастырь. Величественный храм окружен трехэтажным зданием Алексеевской церковно-учительской школы, сельскохозяйственного училища и вновь сооружаемым домом для монастырской трапезы и келий сестер. К храму примыкает большой старый монастырский корпус. Близ недавно сооруженной базилики помещаются большая больница, электрическая станция, ткацкая мастерская, образцовая прачечная, сарай для изготовления бетонных пустотелых камней и разные монастырские службы. Весь этот школьный городок, за исключением старого храма и корпуса, возник в последние десять лет. В обители ныне проживают до 300 сестер, а в школах разных наименований и приюта- свыше 550 воспитанниц и детей. Все население Красностока с больными, находящимися в больнице на излечении, и рабочими доходит до 1000 человек».

Далее в «Церковных ведомостях» сообщалось о главном событии тогдашней теплой осени в Красностоке: «16 сентября 1912 года останется памятным днем для обители. Из дальних и ближних мест собрались здесь богомольцы, пожелавшие присутствовать при торжестве открытия при монастыре

«Свято-Ольгинской общины сестер просвещения». Из Гродны приехали: командир корпуса генерал-лейтенант Шейдеман с супругой, начальник дивизии генерал-лейтенант Кайгородов, прокурор окружного суда Кадыгробов, председатель Софийског братства Кошелев, секретарь консистории Шелутинский и многие другие лица. Божественную литургию совершали епископ Михаил Гродненский и епископ Владимир Белостокский. На сцене стояли 17 учительниц, окончивших курс в Алексеевской церковно-учительской школе. Все они пожелали получить звание сестер просвещения и накануне исповедовались у духовника училища. Архиепископ Михаил приобщил их Святым Таинством. По прочтении одною из сестер молитв по причащении, владыка сказал им трогательное по глубине чувств слово о значении обязанностей сестры просвещения по отношению к Церкви, школе и детям, вверяемых их руководству. Преподав им благословение на предстоящие труды, архиепископ Михаил зачитал текст обещания, даваемого учительницами перед вступлением их в число сестер. Молодые учительницы с поднятою правой рукой повторили вслед за владыкой слова обещания. Особенно сильное впечатление на присутствующих произвели его слова – «послужить, доколе Богу угодно будет, просвещению на христианских началах отроков и отроковиц, ищущих обучения книжного непринужденно . . . да в день он услышу о себе глас Праведного Судии, свидетельствующий, что тшились я исполнить заповедь: иже научить, сей в вещей наречется в царствии небесном». Памятуя же слова апостола, яко «не слышатели закона праведны перед Богом, но творцы закона (сии) оправдятся», потщуся не словом токмо, но и самим житием нелестно возгревать в себе и учащихся ревность и дому Божию, верность Царю православному и любовь к народу русскому; в чем да поможет мне Бог».

Подписанное учительницами обещание вручалось владыке, который затем возложил установленные Святейшим Синодом деревянные кипарисные кресты на игуменью Елену как на начальницу общины и на всех принятых в общину сестер. По отпуске литургии был соборне отслужен молебен Богоматери и небесной покровительнице общины Святой равноапостольской великой княгине Ольге. По возгласении обычного многолетия из собора двинулся крестный ход в Алексеевскую церковно-учительскую школу. В соловой одна из сестер-учительниц приветствовала архиепископа сердечным словом. От имени всех сестер она поблагодарила владыку, игуменню Елену и всех людей, способствовавших учреждению общины, и заявила, что она и сестры с радостью принимают на себя трудное и ответственное послушание, возлагаемое на них новым званием сестры просвещения.

После этого обер-прокурор Святейшего Синода В.К.Саблер произнес речь, в которой искренне приветствовал всех присутствующих со знаменательным и радостным событием – открытием в Красностоцкой обители первой в России «Свято-Ольгинской общины сестер просвещения». Назвав благородный порыв молодых учительниц «подвигом во имя высоких целей общины», он сделал особое ударение на ее наименование: «Святейший Синод, вверяя нас небесному покровительству Свято Великой княгини Ольги,

призывает их к подражанию этой великой русской женщине, первой принявшей святое крещение и явившей образец удивительной энергии и настойчивости в осуществлении намеченной ею цели. Пример вашей небесной покровительницы да вдохновит вас неуклонно осуществлять добровольно принятый на себя обет, всеми силами ума и сердца служить великому делу просвещения... Помните, что возложенный на вас Крест - божественное сокровище, дорожите им и ради Распятого прощайте наносимые вам обиды. Ношение креста оградит вас от поступков, несовместимых с положением лица, коему присвоено столь высокое для христиан отличие. Кресты, ныне на вас возложенные, присланы наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандритом Товием в благословение вам от этой обители и по постановлению Лаврского Собора. Смотрите на них, как на благословение самого преподобного отца нашего Сергия, Радонежского чудотворца, - великого молитвенника за Русскую землю. В трудных жизненных обстоятельствах молитвенно обращайтесь к его заступничеству и помощи».

Обращаясь к педагогической стороне деятельности сестер просвещения, высокий петербургский гость посоветовал им постоянно заботиться о правильном преподавании всех вверенных общине предметов: «Будьте неустанны в совершенствовании, читайте лучшие педагогические книги и журналы, улучшайте способы преподавания, облегчайте детям усвоение изучаемых ими предметов. Дайте противникам церковной школы возможность убедиться, что школа наша охотно воспринимает всякие улучшения в деле преподавания. Все хорошее новое, не идущее вразрез с религиозными основами школы следует признать желательным для нее».

Вся речь обер-прокурора была насыщена желанием помочь молодым учительницам на избранном ими поприще: «Собственный пример учащихся должен располагать учащихся к тщательному и добросовестному исполнению своих обязанностей. И горе учащим, говорящим одно и делающим другое. При таком отношении их к воспитанникам они, кроме вреда и порчи, ничего им не принесут. С нежной и чистой рукою подходите к душе ребенка, окружайте его заботливой лаской. Никогда не потворствуйте его слабостям, помогайте ему избавиться от дурных наклонностей; приучайте его к чистоте. Решительно воспрещайте ему всякую ложь, обман и лесть... Прививайте детям молитвенные навыки. Тщательно устраняйте всякое лицемерие и искусственную показную сторону. В молитве и вы, и дети должны видеть основание успеха религиозного воспитания».

Показав всю многотрудность обязанностей, возлагаемых на сестер просвещения, В.К. Сайблер успокоил их тотчас же следующими словами: «Если же вам по немощи эти труды покажутся непосильными, или если в образе вашей жизни произойдут изменения, несовместимые со служением вашим, то на основании «Правил» вы можете подать начальнице общины письменное заявление о желании сложить с себя звание сестры с возвращением ей присвоенного вам креста. Надеюсь, что Господь оградит вас от необходимости прибегать к столь крайнему средству и искренно желаю вам пребывать в светлом настроении духа».

Сравнив миссию сестер просвещения с подвигами сестер милосердия на поле брани, оратор в заключение заметил: «Дорогие сестры, будучи строги к себе, однако, в успех благих начинаний. Осмотритесь на окружающую вас обстановку. 12 лет тому назад (т.е. до переноса в Красноток монастыря из Гродно - В.Ч.) на этом месте стояли лишь обреченные на разрушение храм и большой старый дом. Матушка игуменья Елена с верой в успех приступила к обновлению обители, и посмотрите, как преобразилась эта пустыня. Она украсилась новыми храмами, прекрасными зданиями, образцовыми оградами и другими сельскохозяйственными предприятиями по птицеводству, размножению рыбы, улучшению пород скота, изготовлению цементного камня и черепицы. Все это матушка Елена разве смогла бы сделать, не имея веры в успех своих начинаний... И вы, дорогие сестры, верьте в успех святого дела, которому себя посвятили. Надейтесь на помощь свыше, на содействие архипастыря Гродненского и матушки игуменнии Елены, и пребывайте в союзе любви между собою и всеми вас окружающими. Утверждая детей в любви не только к присным, но и к врагам, вы будете воспитывать их как добрых христиан. И в наши дни, когда партийное озлобление и человеконенавистничество делают такие тревожные успехи, противопоставляйте этим разрушительным началом идею христианского всепрощения и братской солидарности. Этим вы покажите, что грядущее поколение нужно путем христианского воспитания готовить к большой мирной работе, единственному основанию прочного благополучия народов и государств».

Напутствие главы православного ведомства сестрам-учительницам не было простым набором дежурных слов. В.К. Саблер верил в успех задуманного дела и в последующем внимательно следил за работой Свято-Ольгинской общины. Его радовало, что учащиеся и родители с любовью и преданностью относились к своим молодым воспитательницам. Их влияние на воспитание в семье и школе неуклонно повышалось, росло год от года и число сестер милосердия; первые опыты деятельности общины были предметом изучения среди православной общественности страны. Обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер проводил целенаправленную работу по подготовке императора Николая II и августейшего семейства к посещению Краснотокской обители и «Свято-Ольгинской общины сестер просвещения», однако война 1914 года сломала все эти планы, как сломала и весь монастырский уклад; сам монастырь прекратил свое прежнее существование. В связи с наступлением кайзеровских войск началась его успешная эвакуация на восток. Как сложилась дальнейшая судьба Свято-Ольгинской общины в это поистине драматическое время нам остается только догадываться. Однако что, «зерна разумного, доброго, вечного», посеянные сестрами просвещения на церковно-педагогической ниве, не пропали даром, а вззошли...

Через полгода мучительных странствий в начале февраля 1915 год Краснотокский женский монастырь вместе с общиной сестер просвещения добирался до Москвы. Монастырю, руководимому игуменией Еленой, (Коноваловой), государь Николай Александрович отдает Александрийский дворец в Нескучном саду. С первых же дней своего пребывания сестры просве-

щение, не покладая рук, трудились в развернутом при дворце госпитале. Затем, уже после революции, гродненские сестры вместе с другими монахинями перебрались в подмосковный Свято-Екатеринский монастырь (пустынь). Первые годы существования Красностоцкого монастыря на новом месте были невероятно трудными: в условиях советской власти монахиням приходилось терпеть холод и голод, но красностокские матушки не опускали рук. «Сестры просвещения», так называли монахини не только в родном Красностоке, но и на новом месте, пилили лес, корчевали пыль, пахали на себе землю. На Бога не роптали, а смиренно трудились и молились. И случилось чудо. Через несколько лет сестры просвещения настолько наладили монастырское хозяйство, что стали кормить всю округу. Красностокские матушки принесли в Екатерининскую пустынь некоторые правила и традиции своего монастыря. Теперь жители окрестных деревень имели возможность прийти на иную Рождественскую или Пасхальную службу всей семьей, даже с маленькими детьми. Мальшей отдавали монахиням, и те укладывали их спать в специально кормили, забавляли, читали им сказки и поучительные книжки. . . Представители новой власти снисходительно наблюдали, как монастырь кормит, лечит всю округу, и в тоже время вели против него, самую грубую антирелигиозную компанию. Пустынь была обречена. Летом 1931 года, в разгар полевых работ, в монастырь пришла бумага из Москвы: в двадцать четыре часа очистить помещение монастыря. Рассказывают, что монахини-сестры просвещения со своими наспех собранными котомками, подгоняемые новыми нетерпеливыми хозяевами, тотчас были отправлены на железнодорожную станцию Расторгуево и там целый день сидели на пироне и плакали: они были в недоумении, за что их гонят, что сделали они плохого? Большинству ехать было некуда. В конце концов большая часть монахинь (вероятно, около ста) двинулась в сторону Гродно. Здесь, уже в стенах Рождество-Богородичного монастыря сестры просвещения бузропотно продолжили свой подвиг служения Богу и людям. Свое повествование об этом периоде жизни монастыря и общины Л.А. Головкова, автор замечательной книги «Свято-Екатерининская пустынь» (Москва, изд-во «Вольф» 1996, с. 18-22), завершила полными уважения к сестрам словами: «Красностокские матушки! Благословенна ваша жизнь, ваши слезы и ваши скитания, незабвенны Ваши труды о Господе. Ведь это о таких, как вы, сказано в Посании: «Аопытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим.5,3-5).

**«Православная вера на Беларуси
всегда была крепка любовью к ней ее сынов...»
В.В.Богданович (1878-1939): возвращение
после долгой разлуки**

Последнее десятилетие явилось временем возвращения обществу, науке и литературе забытых имен. Часто в этом обретении речь шла даже не о забы-

том, а о почти неизвестном. Именно такими были до недавнего времени жизнь и творчество Вячеслава Васильевича Богдановича.

Первый шаг в обретении В.В.Богдановича был сделан совсем недавно, в 1993 году, на страницах первого тома «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі». Именно в ней имя этого замечательного человека оказалось рядом с другими знаменитыми Богдановичами: великим поэтом Максимом Богдановичем, его отцом – этнографом и историком; другими их однофамильцами – публицистом, советским генералом, общественным деятелем. Несмотря на некоторые неточности в освещении основных вех жизни Вячеслава Васильевича, сам факт публикации этой статьи имел большое значение. Через несколько лет, в 1997 году в 3-м номере журнала «Славяноведение» увидела свет обстоятельная статья Ю.А.Лабынцева, посвященная литературному наследию В.В.Богдановича. В ней анализ наиболее значительных литературно-публицистических произведений Богдановича (трактат «Церковно-Славянский Язык как религиозно-культурная данность», опубликованный в Гродно в 1938 году, агнографическое произведение на белорусском языке «Св.Віленскія мучанікі і дзіватворцы Антоній і Іоан і Еўстафій – патроны Беларусі» и др.) был дан через показ его активной церковно-общественной деятельности, направленной против автокефалии Православной Церкви в Польше. При этом в статье нашли освещение и отдельные факты биографии В.В.Богдановича – сенатора II Речи Посполитой. По мнению ее автора, видная роль В.В.Богдановича тогдашней культурной жизни Беларуси заключалась в том, что, «будучи одним из признанных вождей белорусского национального движения», он «оставался сторонником самого тесного белорусско-русского сотрудничества» и во многом «основой для такого единения служило православное культурное наследие, в сбережении и развитии которого его роль была, без преувеличения, выдающейся»⁷². Серьезная обоснованность этого вывода резко контрастирует с попытками авторов сборника «Беларускія рэлігійныя дзеячы» (Мінск-Мюнхен, 1999) тщательно выхолостить из биографии В.В.Богдановича все имеющее отношение к этой стороне его жизнедеятельности и представить его лишь как «дзеяча беларускага хрысціянскага руху»⁷³.

Где-то в начале 90-х г. состоялось и мое знакомство с В.В.Богдановичем. Это имя я встретил на страницах популярного в 20-30-е годы в Польше православного журнала «Воскресное Чтение». Здесь помещались не только его речи и выступления в стенах сената, но и отклики на его церковно-общественную и публицистическую деятельность как внутри страны, так и за ее пределами, включая и СССР. Тогда же, благодаря гродненскому старожилу П.А.Наумюку, ко мне в руки попала весьма редкая книга А.Попова «Гонение на православных и русских в Польше в XX веке» (Белград, 1937), в которой особенно высоко оценивалось выступление В.В.Богдановича в 1929 году в польском сенате, в ходе которого автор с болью в душе поведал о тяжелейшем положении Православной Церкви в стране⁷⁴. Много интересного о других фактах его биографии удалось обнаружить и в книге А.К.Свитича «Православная Церковь в Польше и ее автокефалия», впервые увидевшей свет в Буэнос-Айресе в 1959 году, благодаря издательству «Наша страна», основанному сразу после вой-

ны И.Л.Солоневичем. Автор книги прекрасно знал Богдановича, поэтому сведения, помещенные в ней, следует признать исключительно важными⁷⁵. Большой вклад в познание событий того времени внесла книга современной польской исследовательницы Мирославы Попежинской-Турэк о взаимоотношениях Польского государства с Православной церковью в 1918-1939 годах⁷⁶. Были учтены и другие публикации, имевшие отношение к теме. В частности, учебное пособие П. Лаврица по истории русской литературы Литвы XIX - первой половины XX века⁷⁷.

Вся совокупность опубликованных источников, небольшие архивные находки, касающейся темы, и то, что поведали мне гродненцы, сохранившие память о Богдановиче и его времени, значительно расширили представление об этом выдающемся богослове, педагоге, литераторе и общественно-церковном деятеле. Родился он в 1878 году в Лепельском уезде Витебской губернии в семье православного священника. Учился в Витебской семинарии и в Киевской духовной академии, которую закончил со степенью кандидата богословия. С осени 1903 года он – преподаватель библейской и церковной истории духовной семинарии в Витебске. Преподавательская работа Богдановича увлекала, тянулись к нему и семинаристы, отношения с коллегами были ровными. Все это не могло не заметить начальство, хотя сам молодой преподаватель о служебной карьере всерьез не думал. Тем не менее весной 1907 года он получил назначение на должность инспектора Минской духовной семинарии. Здесь Богданович задержался надолго: в его знаниях и энергии нуждалась и Виленская духовная семинария, куда он переехал осенью того же года в той же должности. Переезд в Вильно – тогдашний духовный и культурный центр края - активизировал литературно-публицистическую деятельность молодого богослова; он сближается с представителями местной творческой интеллигенции, в том числе и с теми, кого интересовали проблемы белорусской национальной жизни. Помимо всего этого, он интересовался историей виленских православных храмов и монастырей, собирал материал о местных достопримечательностях и святынях. Одним из итогов этого увлечения стало назначение инспектора семинарии в 1911 году еще и хранителем древнехранилища при Виленском церковно-археологическом комитете, членом которого он стал с момента приезда в столицу края. В 1915 году вместе с эвакуированной семинарией Богданович переезжает в Рязань, где в полной мере переживает всю горечь революционных потрясений и братоубийственной войны. К этому времени он сложился в виднейшего церковно-общественно-политического деятеля, что обусловило его участие в Священном Соборе Православной Русской Церкви 1917-1918 годов. В числе 299 мирян и 129 пресвитеров В.В.Богданович участвовал в упразднении синодального периода в истории Церкви и восстановлении патриаршества, а также в избрании митрополита Московского Тихона (Белавина) патриархом всея России. Собор завершил свою работу в сентябре 1918 года, приняв ряд важнейших определений по основным отраслям церковной жизни, что не могло не оказать огромного влияния на Богдановича в смысле осознания того, что «Церковь по внутреннему закону своего бытия не может отказаться от своего призвания просвещать, преобразовать

всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами». Спустя десять лет после Московского Церковного Собора 1917-1918 годов он опубликовал несколько специальных статей и воспоминаний о нем, включая и дневник участника Собора. Собор виделся Богдановичу событием огромной важности не только в жизни Русской Церкви, но и всех православных церквей, что позволяло ему быть непримиримым в вопросе об автокефалии Православной Церкви в Польше, что стало причиной гонений на него и его сподвижников как со стороны польских властей, так и высшей иерархии в лице самого митрополита Дионисия (Валединского). Вероятно, сразу после Собора Виленская духовная семинария, а вместе с ней и Богданович возвращаются на родину. Осенью 1919 года на правах ректора он возобновляет занятия в ставшем ему родным за время «хождения по мукам» православном учебном заведении. При всем личном внимательном отношении к белорусскому национальному вопросу, к фактам образования БНР, а затем БССР, В.В.Богданович в эти годы оставался западнорусом, видя в Православии и России гарантии наиболее перспективного развития Белоруссии. Однако неприятие революции и большевизма вынуждали его более детально анализировать общественно-политическую ситуацию в Белоруссии и на Виленщине. Здесь традиционный русско-белорусско-польско-литовский «клубок» был столь запутан, а политические ориентации столь полярны, что установить какую-то выверенную линию поведения в белорусском вопросе ему было чрезвычайно трудно. Советско-польская война, вызванная агрессией Польши на «крэсы востодне» в феврале 1919 года, еще больше разъединили белорусских политиков на сторонников западной и восточной ориентации. Грабеж имущества, террор и расстрелы заподозренных в коммунизме придавали польскому присутствию все черты оккупационной власти. Очагами коммунизма считались православные церкви, которые поспешно и решительно передавались католикам, несмотря на то, что до этого они более века находились в пользовании православных. Шло наступление и на всякие проявления белорусской национальной жизни. В связи с этим весной 1921 года сторонники поисков компромисса с польскими властями основали Белорусский политический комитет, а через год Политическую комиссию, в которую вместе с Б.Тарашкевичем, А.Луцкевичем вошел и В.Богданович. Участие его в этом образовании преследовало сугубо церковные задачи, не исключая также возможности участия в предстоящих парламентских выборах. Действия войска польского и и новой администрации вновь оживили у части белорусского народа веру в торжество идей западнорусизма. Этой линии придерживались многие представители православной иерархии (епископ Гродненский Владимир), духовенства (протоирей Иоанн Корчинский), Богданович, несомненно был с ними. Последние же, будучи противниками как большевизма, так и Польши, вынужденно шли на поддержку правительства В.Ластовского. Все это не могло не вызвать репрессивных мер по отношению к названным лицам со стороны польских властей. В октябре 1922 года «по просьбе митрополита Георгия с Синодом», ректора семинарии Богдановича вместе с архиепископом Елевферием арестовали и выслали в Краков; епархиальный совет, секретарем которого являлся также

Богданович, был преобразован в консисторию, а во главе семинарии был поставлен архимандрит Филипп (Морозов), позднее перешедший в унию. Тогда же из создаваемой консистории В.В.Богдановичу было послано официальное уведомление об освобождении его от должности редактора «Литовских Епархиальных Ведомостей», а также о приостановлении выхода данного издания. При принятии такого решения государственные и новые церковные власти исходили из того беспокоящего их факта, что Виленская семинария была заражена антипольским духом и в целом имела пророссийский характер. Языком преподавания был русский язык, лишь с дополнением в качестве предметов польского и белорусского языков. Влияние на семинарию белорусскости исходило от располагавшейся здесь же определенное время белорусской гимназии. В ответ на это опальный богослов выдвинул свою кандидатуру для участия в парламентских выборах, состоявшихся в ноябре 1922 года. Их результаты для белорусской оппозиции было достаточно впечатляющим: 11 человек из ее числа получили мандаты в Сейме и 3 - в Сенате Речи Посполитой. Первым белорусским сенатором и стал В.В.Богданович. Белорусские депутаты обеих палат польского парламента основали свой посольский клуб, значительную часть которого представляли беспартийные во главе с Богдановичем. Он же возглавил и церковно-религиозную комиссию в ее составе. Одну из своих главных задач эта комиссия видела в «борьбе за внутреннюю свободу церкви», за то, «чтобы она была независимой от влияния государственной власти, чтобы она была исключительно духовным институтом...». Будучи сенатором, решая эти и другие задачи, Богданович многое сделал для защиты Православной Церкви, что способствовало в те годы его широкой известности «среди православных не только в Польше, но и во всем мире».

Особенно непримиримую позицию Богданович занял в вопросе об автокефалии Православной Церкви в Польше. В решении его он предлагал тесно увязывать решения Московского Церковного Собора 1917-1918 годов и волеизъявление от 4 до 5 миллионов православных, неожиданно оказавшихся в границах Нового польского государства. Он смело критиковал двурушничество властей, которые, с одной стороны, признавали каноническим решение патриарха Тихона (Белавина) о назначении на Варшавскую кафедру в качестве временного экзарха архиепископа Георгия, а с другой стороны, отрицали исходящие от патриарха положения о доверии к принимаемым решениям, прежде всего со стороны всего православного народа. Отстаивание канонических принципов Церкви, как это ни странно, привело к его «отлучению от польской православной церкви польской иерархией», хотя он и не принадлежал к новой церкви, всецело оставаясь в лоне русской Православной Церкви. Такое «отлучение» Богданович считал несправедливым, так как «... мы никогда не отлучались от «Московской («Всероссийской») церкви... и, безусловно, мы здесь представляем эту церковь...».

В 1927 году по инициативе В.В.Богдановича было образовано «Православное Белорусское Демократическое Объединение», печатным органом которого стал журнал «Православная Беларусь». Это издание, несмотря на преследование властей, активно боролось за права белорусского народа в

Польше в как религиозной, так и общегражданской сферах. Ратуя за Православие, Богданович - сенатор и публицист всячески защищал белорусов-католиков от религиозных гонений со стороны правительства, которое, по его мнению, «считает каждого католика-белоруса, явно симпатизирующего национальной белорусской жизни или принимающего в этой жизни деятельное участие, – враждебно настроенным против государства». Он возмущлся двусмысленностью действий светских и костельных властей в одно и то же время ратующих за переход белорусов из православия в католицизм, а с другой стороны, попирающих права этих людей за их желание оставаться белорусами. Такая позиция Богдановича, несомненно, сблизала его «[Православное Белорусское Демократическое Объединение] с католическим «Белорусским Христианско-Демократическим Объединением».

Несмотря на наличие у Богдановича тесных контактов с деятелями белорусского национального движения (в 1930 г. православное и католическое объединение вошли в состав «Белорусского Национального Комитета»), в котором также действовала возглавляемая сенатором православная комиссия, он оставался сторонником самого тесного единения белорусов, великоросов и малоросов на основе общности их исторической жизни, традиций и общности. По его мнению, общность выступает как особая сила, определяющий вектор в судьбе всего «православного народа» и отдельных его представителей, таких, например, как патриарх Тихон. «Не только он сам, - писал о патриархе Богданович, - но и могила его служит теперь нашим объединяющим стягом, возле которого группируется вся былая Святая Русь, как возле тех, кто отошел от него – группируется «Русь поганая». . . . И это инстинктивно чувствуют как враги Церкви, так и люди простые, но сильные своей верой. . . ». В 1927 году его усилиями были объединены члены православных комиссий БНК и «Русского Национального Объединения» (РНО) в Вильно, состоявшего из местных жителей, относивших себя к русским в силу своей веры, культуры и специфического восприятия понятия «нация». В.В.Богданович составил «Мемориал» членов этой объединенной церковной комиссии, в котором весьма четко обосновал то, что в тот период времени объединяло всех русских и православных: 1. православный народ считает необходимым безотлагательный созыв Всепольского Православного Собора на основе правил, выработанных на Всероссийском Соборе в Москве в 1917-1918 гг. 2. Православный народ не будет враждебно относиться к Автокефалии Православной Церкви в Польше, если только она будет основана на церковных канонах и призвана на вышеуказанном соборе». . . , т.е. на Всепольском». Богданович сумел установить самые дружеские отношения и с русскими эмигрантскими кругами, благодаря чему он получил их повсеместную поддержку на парламентских выборах 1928 года. «Временный Русский Комитет по выборам в Вильне» в своих листовках призывал «всех русских идти вместе с «Блоком Национальных меньшинств в Польше» (объединившим великоросов, белорусов и малоросов-украинцев - В.Ч.), который в лице своих представителей в прошлом Сейме и Сенате отстаивал общие нам, русским, с белорусами права славянского меньшинства, связанного общностью происхождения, общено родиною, наконец, общено матерью – Русскою Православной Церковью, самоот-

верженно борясь за свободу и независимость последних. Пострадавшие в борьбе за общее благо, они обрели русское национальное доверие. . . Все русские за список № 18, в числе которых значится б.сенатор В.В.Богданович! И да не будет у нас, русских, другого списка! Да здравствует Блок национальных меньшинств! Да здравствует славянское единение белорусов и русских! Да здравствует русская культура!».

Разумеется, подобные призывы появились во многом благодаря внутрицерковной, политической и литературно-публицистической деятельности Богдановича, стремившегося сплотить местное белорусское крестьянство, этнических русских, включая как эмигрантов, так и ту часть местного населения, которая считала себя русскими в силу осознания триединности своей нации и преданности русскому слову и русской культуре. Сам сенатор, несомненно, в этом плане чувствовал себя также русским человеком, как впрочем, и многие другие исконные жители здешних мест из числа духовенства, чиновников и представителей творческой интеллигенции. Среди них наиболее близкими Богдановичу людьми были – талантливый журналист и писатель А.К.Свитыч, священник и публицист Виталий (Железнякович), поэт, литературный критик Д.Д.Бохан, актер и театральный режиссер И.И.Поплавский, писатель В.Д.Хмарин (Корнейчик) – священник и литератор Лука (Голод); служащие Н.Н.Седляревич, А.В.Наумюк, Н.А.Червяковский и многие другие.

Именно благодаря поддержке этих людей, знанию истинного положения дел на местах, стало возможным яркое выступление сенатора Богдановича в 1929 году в защиту Православия в Польше. В своей обширной речи он осветил все стороны подлинного положения Церкви, к которому привело ее незаконное существование в стране в течение десятка лет. Он рассказал о насилиях, о конфискациях имущества, о захватах, разрушениях и опечатывани-ях храмов, о кощунствах над священнослужителями, о национальных притеснениях православных, а также о существенной несогласованности положения Церкви с установлениями польской Конституции. Богданович привел в своем выступлении такие цифры (в печать, правда, они не попали): в СССР, по официальной статистике, к 1929 году было изъято 27 % всех православных храмов, а в Польше к этому же времени – 45 %. Как на выход из создавшегося ненормального положения, сенатор указывал на необходимость немедленно узаконить существование Православной Церкви в Польше на канонических началах, прекратить административный произвол и дать возможность православным собрать Собор. Печать тех лет отмечала, что выступление В.В.Богдановича в 1929 году, как и речь Лаврентия Деревинского на сейме 1620 года с критикой последствий Брестского Собора 1596 года, не имело никаких практических результатов: власти первое и второе проигнорировали. Скорее, выступление Богдановича было протестом историческим, ибо оно вызвало определенный общественный подъем среди православного населения страны. Имя сенатора, основные мысли из его доклада в те годы были, что называется, у всех на устах. Ссылки на речь сенатора В.В.Богдановича давали такие московские газеты, как «Правда» и «Известия» от 18 и 19 марта 1930 года, по поводу сообщений о том, что в Польше римско-католическая церковь организовала акции

протеста против религиозных притеснений в Советской России, между тем, когда православные в Польше также подвергаются давлению со стороны властей. Исходя из этого, советская печать объяснила, почему православная церковь и все русские православные организации в Польше отказались от участия в этих акциях.

В 1930-е годы Богданович продолжал оставаться одним из выдающихся православных деятелей в Польше. К его мнению прислушивались православные люди при решении вопросов об открытии русских и белорусских школ, театров, кооперативов, спортивных объединений и т.д. Но особенно авторитетным был его голос при решении вопросов внутрицерковной жизни. Это касалось не только проблем выборности в Польше высшей духовной власти, но и переписи населения, введения нового церковного календаря и польского языка в православное богослужение и т.п. Ни одну из перечисленных проблем Богданович не оставлял без своего внимания. Особенно близка ему была проблема взаимоотношения языков в среде православного народа Польши, включая и церковно-славянский язык. По вопросу о существовании русского и белорусского языков он писал: «Этими двумя языками пользуется православное население в своей домашней и церковно-общественной жизни. Два эти языка понятны населению. . . Существование двух языков в нашем быту не поселит в народе православном распри. . . ». Более того, Богданович подчеркивал существенную роль белорусов и особенно украинцев в развитии русского языка и культуры.

Тема церковно-славянского языка и его значения для славянских народов стала одной из главных в литературном творчестве Богдановича. Важное место в нем занимал его трактат «Церковно-Славянский Язык как религиозно-культурная данность». Весьма примечательно, что труд этот был издан в Гродно в 1938 году в издательстве местного отдела «Русского общества молодежи (РОМ) в Польше», во главе которого находился тогда еще начинающий русский общественный деятель и публицист Н.Н.Седяревич. От имени издательства он предварительно сообщал читателям о том, как появился в Гродно этот труд и к какой дате приурочен его выпуск: «Все русские православные люди в настоящем году празднуют 950-летие Крещения Руси. Единодушный отклик в праздновании этой знаменательной годовщины свидетельствует о том, что, несмотря на прошедшие девять с половиной веков историческая связь с нашими пращурами не прерывалась. Сегодня мы, как и наши предки, исповедуем и чувствуем радость Св.Православия. Эту историческую связь поддерживало не только присущее нашему народу стремление к Божественной Правде, но и тот литургический язык, бывший живой речью наших предков и продолжающий быть живым источником Русского Языка на всем пути его исторического развития. Это обстоятельство и побудило нас отметить 950-летнюю годовщину Крещения Руси выпуском в свет труда о религиозно-культурной ценности церковно-славянского языка известного поборника традиций Св.Православной Церкви Вячеслава Богдановича. Гродненский отдел Русского Общества Молодежи в Польше, взявший на себя труды по издательству, приносит сердечную благодарность глубокоуважаемому автору и всем содействовавшим

изданию настоящей брошюры. Гродно, июль 1938 года». Сам автор в предисловии еще более расширил ответ на вопрос об актуальности своего труда: «Целый ряд юбилеев, пережитых за последние годы русским обществом, рассеянным ныне по всему миру, повелительно внушает нам мысль – вспомнить о том, что является связующим звеном всех этих юбилейных годовщин. Разумею: 225 лет со дня рождения М.В. Ломоносова, исполнившееся осенью 1936 года; столетие со дня смерти А.С.Пушкина в 1937 году; 1075 лет со дня изобретения славянской азбуки и первых переводов священно-богослужебных книг в том же году и, наконец, в текущем – 950-летие Крещения Руси и, следовательно, начало христианской культуры среди славянских народов. То, что объединяет эти юбилейные воспоминания, есть Христианская вера и Церковно-Славянский Язык. Неожиданно и, думаем, не случайно (для верующих нет на свете ничего случайного), вопрос о церковно-славянском языке стал, как теперь говорят, актуальным, это и побудило нас выпустить настоящую брошюру. Мысли, а отчасти и слова этой брошюры представляют в некоторой степени повторение того, что же было высказано на страницах русских газет в Польше».

Указав на актуальность темы своего исследования, а также на то, что оно всего лишь квинтэссенция высказанных им в разные годы мыслей относительно языка богослужебного в Церкви, Богданович, разумеется, не мог из соображений безопасности открыто сказать о том, что же все-таки было причиной издания его труда именно в Гродно, а не в Вильно или в Варшаве. Однако косвенный ответ на этот вопрос можно найти, прежде всего, в той реальной поддержке, которую оказывали церковнославянскому языку на Гродненщине не только местные русские культурно-просветительные организации («Русское Благотворительное Общество» (РБО), «Русское Национальное Объединение» (РНО), отдел РОМа и др.), но и крестьяне близлежащих от Гродно деревень. В 1935 году по инициативе уполномоченного гродненского округа РНО А.В.Наумюка среди русского населения города было проведено несколько собраний с целью организации протеста против отмены польскими властями преподавания Закона Божия в школах на русском языке. Текст протеста за подписями свыше 600 гродненцев был направлен министру исповеданий и народного просвещения, однако и эта акция, как и борьба за русскую школу, за сохранение церковно-славянского языка в богослужении, желаемой цели не достигла, если не считать того, что в Гродненской гимназии учащимся было дозволено отвечать на экзамене по этой дисциплине на русском языке. В 1936 году православные гродненцы из русских общественных организаций участвовали в общепольской акции протеста с требованием к главе автокефальной Церкви отказаться от тактики уступок правительству в вопросах, имеющих отношение к русскому меньшинству и православной вере. Важным пунктом этих требований была просьба «приостановить исполнение богослужений на разговорных языках до принятия по этим вопросам решения Церковного Собора и принять меры к введению вновь преподавания Закона Божия на родном языке учащихся, как это предусмотрено Конституцией». В 1937 году сельские жители Гродненщины через печатный орган РНО «Новая

Искра» обратились к светским и церковным властям со следующими словами: «В Священный Синод Православной Церкви в Польше. Мы, нижеподписавшиеся жители деревень Коптевка, Полоткова, Горница, Кореневицы, Колпаки, Соломенка и Гривки, настоящим протестуем против посягательства на церковно-славянский язык в нашей Святой Православной Церкви и заменил его языком польским. . . ». Это письмо-протест подписали 847 человек, такие письма, посланные крестьянами Гродненщины, исчислялись десятками. По свидетельству сына А.В.Наумюка – П.А.Наумюка, в 30-е годы В.В.Богданович неоднократно приезжал в Гродно, встречался с его отцом, многому беседовал с членами местных русских православных организаций по наиболее насущным вопросам жизни Церкви и православных людей. Не исключено, что при этом обсуждалась и возможность издания в Гродно работы Богдановича.

Упомянутый труд состоял из следующих глав: 1) Подвиг Св. братьев Мефодия и Кирилла; 2) Церковно-Славянский язык в отношении к живым славянским и особенно славяно-русским языкам; 3) Церковно-Славянский язык как язык богослужебный. В качестве приложения к основной части в брошюре В.В.Богдановича были помещены: стихотворение Тамары Соколовой «Святые Кирилл и Мефодий», «Гимн Святому Равноапостольскому князю Владимиру», «Тропарь Святому Равноапостольскому князю Владимиру», «Тропарь Святым Равноапостольским Мефодию и Кириллу», «Гимн Святым Равноапостольским Мефодию и Кириллу» с нотами на слова М.П.Розенгейма и музыку В.И.Главаго, а также краткая историческая справка о древней Каложской церкви в Гродно. В отпечатанной в типографии С.Мейлаховича брошюре имелись вклеенные изображения Святых Кирилла и Мефодия, великого князя Владимира, а также фотография Коложской Борисо-Глебской церкви (1938 г.).

В решении вопроса о богослужебном языке в Церкви у автора не было никаких колебаний, ибо он всегда оставался верен завету патриарха Тихона об искоренении попыток введения русского языка в литургическую практику вместо церковнославянского, как нововведения, могущего вызвать смущение среди верующих и гибельное разделение в Церкви. . . ». В ответ на одно из нелепых обвинений с польской стороны в москвофильстве и даже большевизме в связи с отстаиванием церковнославянского языка Богданович писал: «В том, что мы стоим за славянский (церковно-славянский – В.Ч.) язык в богослужении, нет ни особого русофильства, а ни тем более большевизма, ни демагогии. Славянский язык употребляется в Церкви не только в России, но и у многих славянских православных народов. Употреблялся он некогда и поляками, которые вначале приняли Христову веру от учеников Святых братьев Кирилла и Мефодия. Для нас, белорусов, церковно-славянский язык является исторической основой нашей культуры. . . пристало ли нам начинать вести борьбу с этой мощной основой нашего литературного языка? Борьба с ц.-славянским языком как раз и является одним из большевистских лозунгов. Большевики не только выгнали его из школы и из светской жизни, но и поддерживают с ним борьбу в церковной жизни через те церковные группы (обновленцы, живоцерковники), которые склонились к большевистской идеологии. К сожалению, отсюда эта борьба с ц.-славянским языком перекинулась и в Польшу, на Запад-

ную Украину и поддерживается правительством, что внесло в гущу украинского православного народа нежелательный для них раскол. . . Этого мы не хотим для белорусского народа. Кое-кто утверждает. . . , что всю белорусизацию церкви мы ограничиваем только проповедями в церкви на белорусском языке. Это неправда, ибо мы стоим за родной язык и в духовной школе и во всей административной жизни церкви. Не исключаем и так называемого «дополнительного богослужения» на белорусском языке, которое в свое время разрешил (вернее, разъяснил, так как это и ранее не запрещалось) патриарх Тихон еще в 1921 г. А когда славянский язык останется в основном богослужении белорусского народа, то это ничуть не помешает его национальному возрождению и росту его родной культуры, даже поможет этому. Не помешало же национализму польского народа употребление латинского языка в костеле. . . Однако же латинский язык для поляков как славян чужой, а славянский для нас – свой».

В брошюре, изданной в Гродно, Богданович как бы подвел итог своей деятельной полемики с многочисленными оппонентами в защиту церковнославянского языка: «. . . политиканствующие из наших украинцев и даже белорусов (реже) воюют против церковно-славянского языка, да еще как «русификационного средства», забывая, что он лег в основу их собственной так же, как и культуры великорусской. Политические мотивы и предубеждения заставляют умалчивать о том, что их знаменитые родичи, эти Епифании Словинецкие, Мелентии Смотрицкие, Симеоны Полоцкие, Феофаны Прокоповичи и пр. не менее потрудились над развитием даже, и того же «великого, могучего, свободного и правдивого языка», как и Ломоносовы и внесли в дело выработки его филологического содержания и форм много украинских слов и оборотов.

Отсутствие чутья к прекрасному мешает таким людям преодолеть на пути к красоте малейшие политические воспоминания и заставляет их часто находить политику там, где ее нет и быть не должно – в сфере религиозной. Недаром такие отрицатели выходят большею частью из среды малоцерковной и мало религиозной, даже часто антирелигиозной, т.е., по существу, малокультурной, а следовательно, и далекой от народной души. Народные массы никогда не обманывающиеся в своем национальном инстинкте, твердо стоят за церковно-славянский язык (здесь автор, вероятно, имел в виду и гродненцев – В.Ч.); и слава Богу, идя за ними начинают, кажется, отказываться от гонения на родной богослужебный язык. . . даже и этого рода деятели.

Мы ничуть не думаем насиловать ничьей свободной воли. Если украинцы и белорусы, хотя и сами вложили много труда и сокровищ своего языка в литературный русский язык, теперь все-таки желают создать свой отдельный, более близкий к разговорному народному языку литературный язык, - пусть создают, Это их воля. Но невольно здесь хочется им дать совет в этой их национальной работе не отрываться от культурных основ своего своего языка, т.е. «от языка церковно-славянского, чтобы тем не «обобрать» – самих себя. . . , обрекая свой народный язык на неизбежную необходимость развиваться в узких рамках обыденщины».

В своем анализе культурной значимости церковнославянского языка автор опирался не только на опыт прошлого близкого ему времени, но и смело

заглядывал в будущее: «Прекрасное должно быть величаво», - вспомним изречение Пушкина. Пока молодые народы (украинский и белорусский - В.Ч.) находятся еще в периоде своего политического рождения и поэтому еще живут этими родовыми муками, т.е. воспоминаниями о своих политических обидах или своей неволе, тогда плач для них естественен, тогда они могут обходиться без этого «величавого», оставаясь в границах старого горя и «беременея» (от слова «бередить») старых ран. Но когда они, завоевав себе независимое положение, получают тем самым право возжечь и свой светильник среди независимых народов, тогда, несомненно, это пренебрежение культурными основами своего языка даст себя знать; тогда почувствуется эта жажда «величавого», но тогда светильник этот – увы! – может оказаться, как у известных евангельских немудрых дев, – без «елея»!

Любопытно, что изучение отношений церковно-славянского языка к живым славянорусским (т.е. великорусским, белорусским и малорусским. – В.Ч.) языком Богданович начинал с эпиграфа «А словенский язык и русский – одно есть» (Лаврентьевская летопись), то начиная речь о церковно-славянском языке как языке богослужебном, он прибегал в качестве эпиграфа к поэтическим строчкам князя П.А.Вяземского: «На нем мы призываем Бога, Им братья мы семьи родной, И у последнего порога. На нем прощаемся с землей». Автор здесь убежден, что вопрос о церковнославянском языке как языке богослужебном является вопросом отнюдь не догматическим и даже не каноническим (с принципиальной точки зрения), а только вопросом церковной практики: «Православие вопрос о богослужебных языках принципиально разрешило раз и навсегда в том смысле, что не только не запрещает молиться и совершать богослужение на всех языках мира... , но всегда настойчиво стремится и старается по примеру и завету Св.равноапостольных братьев Мефодия и Кирилла переводить священные и богослужебные книги на языки тех народов, среди которых оно впервые проповедуется».

Здесь очень кстати будет вспомнить, что то русское правительство и та русская православная церковь, возглавляемая до собора 1917-18 гг. правительствующим синодом, которую так теперь часто, а иногда справедливо обвиняют в русификаторских намерениях, несмотря на это переводили (когда нужно было) православное богослужение на всевозможные языки народностей, населявших бывшую Российскую империю и соседние страны (на языки: латышский, литовский, эстонский, финский, вотяцкий, карельский, татарский, алтайские наречия, китайский, японский), однако никогда не пытались переводить книги для богослужебного употребления ни на литературный русский, ни на разговорный велико-русский язык. Более того, частные попытки в этом направлении встречали всегда сопротивление со стороны и светской, и духовной властей.

По мнению автора трактата, в подобных своих действиях власти, если отобрать некоторые крайности, «поступали совершенно правильно, ибо введение богослужения или даже просто употребление текстов молитв и богослужения на русском языке могло бы не только оттолкнуть от православия украинцев, белорусов, но и внести раздоры и раскол в среду самих русских.

Отсюда ясно, что вопрос о введении в богослужбное употребление какого бы то ни было языка следует рассматривать не с точки зрения можно или нельзя (конечно, можно! – здесь не может быть решительно никакого спора), но с точки зрения – нужно или не нужно, т.е. полезно или вредно это для данной Церкви. Тут всегда должно помнить вечно и неизменно верные слова Св. Писания (ап. Павла): «Все мне можно, но не все полезно».

«Полезность» церковнославянского языка для восточных славян в богослужбном отношении Богданович видит в возможности молиться не только «умом», т.е. вполне сознательно, с разумением сигнала молитв, но и «духом», т.е. с возбуждением молитвенного чувства. При этом его не смущают стечения некоторых оторванных от Церкви людей на непонятность некоторых церковнославянских слов, удаленность их от живой разговорной речи восточных славян. Свое неприятие этих жалоб он объяснял следующим образом: «Во-первых, на какой бы язык мы не перевели богослужбные книги, - все равно в них найдутся некоторые слова или места, требующие разъяснений. . . Во-вторых, в церковно-славянском языке не так уж много непонятных слов, а (в-третьих), если они и есть, то язык этот заслуживает того, чтобы ему немножко поучиться. В-четвертых, именно в том, что язык этот хотя и понятен нам, но все же не тождествен с обычною житейскою речью, отличен от нее, - в том и заключается его особое значение как языка богослужбного. Это именно свойство его и поможет нам в моменты, когда Церковь требует от нас «отложить всякое житейское попечение» – действительно оторваться от всего, связанного с обыденною жизнью и молитвенно унести «духом» в потусторонний мир.

Тут нет ничего страшного даже в недостаточной рассудочной ясности и понятности некоторых церковно-славянских слов. Напротив, эта недостаточная ясность, символизирующая как бы близость к какой-то тайне и помогающая нам возбуждать в себе то безотчетное религиозное чувство, во время которого человек забывает себя. . . и безраздельно отдается Богу Известный элемент «тайного». . . , как в вероучении, так и в богослужении является психологически необходимым элементом; и это особенно справедливо в отношении «малых сих», - людей простых, живущих в религиозной жизни больше чувством, нежели умом. . . .

Наконец, в богослужбном (церковно-славянском – В.Ч.) языке есть много таких слов, выражений и понятий, которые не только не переводимы вполне точно на обыденный язык, но которые прозвучали бы кощунственно и неприятно, будучи названы и выражены обычными словами. Поэтому перевод богослужения на «живые» языки бывает необычайно труден, и нужно быть именно конгениальным св. равноапостольским проповедником, нужно долго готовить себя духовными подвигами, чистою жизнью и молитвенными переживаниями, чтобы браться за это святое, но вместе с тем трудное и ответственно дело. Там, где это необходимо, где богослужение переводится для новопосвященных бывших язычников, магометан и т.д., говорящих на совершенно ином, неславянском языке, там это сделать нужно. Но там, где богослужение совершается на столь дивном, прекрасном и вообще понятном цер-

ковном языке, там посягать на этот не веками, а уже тысячелетием «наполненный, а потому ставший священным язык – прямое преступление. Вот почему мы выступаем равно против перевода богослужения на все «живые» славянские языки, и прежде всего, на языки «русские», т.е. на великорусский, украинский (малорусский), белорусский и на литературно-русский. Пропандисты и защитники перевода больше всего руководствуются тут не церковными, а политическими мотивами, стараясь даже и в церковном отношении отгородиться от «русских». Великорусский народ многое перенял, принял как свое и нам родное от украинской, белорусской и даже польской народности, и от этого не только ничего не потерял в своей национальной физиономии, но многое приобрел. Потерял ли что-либо Ломоносов от того, что учился по грамматике Смотрицкого или великорусское богослужение, что приняло киевские распевы? Это в политических войнах «горе побежденным». Но в религиозно-культурной жизни... , там по Евангелию, «и сеющий, и жнущий (и тот кто дал, и тот кто взял, позаимствовал), - вместе будут радоваться (Иоанн. 4.36) и мы призываем всех славян не отрекаться от своей величайшей культурной ценности, именно, чтобы иметь возможность «вместе радоваться» у алтаря Христа! Вот почему даже полякам, принимающим православие, мы, хотя и не желали бы стеснять их свободу, но все же во имя чисто культурной пользы, посоветовали бы не вводить богослужение на языке польском, а оставаться при церковно-славянском, на котором слышали первое евангельское благовестие их предки. Исторически свершившееся удаление поляков от первоначальных основ их культуры и принятия в стол древнее время культуры латино-немецкой, очень вредно отозвалось на их языке, творчестве... и всей исторической жизни...»⁷⁸.

Последняя реплика Богдановича, касающаяся т.н. «движения православных поляков», иницируемого польскими властями, достаточно убедительно подтверждают твердость его принципов в отношении к вере и подлинный демократизм. Мысли В.В.Богдановича о церковнославянском языке в русской культуре и в жизни Церкви были положительно восприняты в Польше среди т.н. русского нацменьшинства. Весь тираж его гродненской книжки разошелся мгновенно, а сами книжки до сих пор в семьях городских старожилов хранятся как самые драгоценные реликвии. Эх, если бы знали об этом нынешние реформаторы политической, да и церковной жизни... В те же годы у белорусского сенатора было много последователей, подвижников и единомышленников, которые еще более категорично высказывались о значении церковно-славянского языка для белорусской национальной жизни: «Славянский язык должен быть сохранен в церкви как одно из средств культурного развития белорусского языка» (протоиерей Лука Голод)⁷⁹. Мысли Богдановича о Православной церкви становились близкими и родными для всех простых людей, живущих больше чувством, нежели умом. Именно им он посвятил большую часть своих проникновенных призывов: «Православная вера на Беларуси всегда была крепка любовью и привязанностью к ней ее сынов. Воспитывали эту любовь, эту силу чистое, правдивое сердце белоруса, его вековечное горе и недоля, его безрадостное, тяжелое житье, когда человеку остается

только одна утеха – обращаться со своей мольбой, своей тоской к небу... И на протяжении веков не было веры сильнее, слез горячее. Усерднее молитв, как вера, слезы и молитвы к своим родным небесным покровителям и заступникам – св.мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию из родной, близкой и дорогой белорусам Вильны... Вспомним житие и страдание св.мучеников, дабы их крепкое стояние за православную церковь поддержало бы тех, кто под тяжкими ударами жизни готов соблазниться, надломиться и оставить «богатство», унаследованное от отцов и дедов»⁸⁰.

Помимо гродненского трактата, Богданович - большой знаток церковной истории, писал об церковной унии («Божеское и человеческое в истории Церкви», 1939), взаимоотношения Церкви и государства, в частности, во времена правления Александра II (1931), выступал с публицистическими статьями о жизни русского студенчества («Тогда и теперь», 1939). Опытный преподаватель и лектор, Богданович читал лекции перед русскими студентами Виленского университета Стефана Батория о русской литературе екатерининских времен (1925), о современной русской жизни с особым разбором творчества Блока, Бальмонта, Севфянина (1926). Будучи одним из основателей Литературно-художественной секции (вначале Литературно-артистической) при Виленском Русском Обществе» (ВРО), В.В.Богданович много выступал на ее заседаниях. В частности, в 1925 году он сделал большой и запоминающийся доклад «Кризис современной культуры», ставший своеобразным откликом на книгу Бердяева «Новое средневековье»⁸¹. В 1927 году Богданович читал на вечере варшавского «Союза Русских Организаций» (СРО), посвященном 75-летию кончины автора «Мертвых душ», свой доклад «Трагедия Гоголя», в котором особенно подчеркнул актуальность непонятого современниками религиозного порыва писателя для переживающей катастрофу Руси. Даже фрагменты этого доклада, приведенные в статье Ю.А.Лабынцева, свидетельствуют о необычайно глубоком понимании автором души страдающего великого писателя: «У Гоголя, как у настоящего романтика, была своя «дама сердца». Было одно существо, которое он любил всею своей душой, любил до конца безраздельно и без оговорок, ради которой он мечтал и о подвигах и о жертве, и этою его «прекрасною дамою» была – Русь!... «Из своего прекрасного далека», из Италии, он хорошо видел свою прекрасную даму с ее честью и достоинствами... но больше с недостатками... которые так и просились под его сатирическое перо... Но этого уже последнего не выдержала его душа, не выдержала томительных непонятных предчувствий... Его переписка с друзьями еще как будто мечтает о возвращении и задержании скачущей тройки, но уже объяснение божественной литургии как будто говорит об одном: вернуть уже поздно, дело сделано и России суждено испытать тяжелые потрясения, теперь уже не предотвратить их, а нужно лишь каяться и молиться... С этими мыслями умер Гоголь. Современное русское общество не поняло ни пророческих ужасов, ни этого религиозного порыва Гоголя... но мы, последующие поколения, кому судьба судила стать свидетелями того, что видел Гоголь в своих пророческих видениях – должны не только оправдать и возвеличивать Гоголя, но и поклониться ему как писателю и человеку... Давая Руси опасное,

но нужное лекарство (сатиру – В.Ч.), он указал и то сдерживающее средство, при условии наличия которого обеспечивалось его действие. Это средство – вера и церковь. Трагедия Гоголя не окончилась. Она окончится тогда, когда окончится трагедия Руси»⁸².

В своем докладе на вечере памяти Достоевского, проводимом в 1931 году Литературно-художественной секцией, Богданович подчеркивал пророческий характер творчества и этого выдающегося писателя, усмотрев в романе «Братья Карамазовы» историю России от нападения крепостного права до наших дней», а в каждом из членов «случайной семейки» – олицетворение ведущих сил тогдашнего и нынешнего русского общества. В виленских русских газетах «Наше время», «Русское слово» и др. он помещал свои содержательные и актуальные статьи о русских писателях XIX века: «Гоголь и революционная стихия», «Чехов и Гоголь» (1934), «Н.С.Лесков (по поводу 100-летия со дня рождения)», «А.Н.Островский», «Н.А.Добролюбов» (1936), «Сатиры русской цвет и соль. О Салтыкове-Щедрине» (1939), о записных книжках Достоевского (1931), о последних днях жизни Лермонтова (1939) и др. По мнению П.Л.Лавринца, «место писателя в истории русской литературы Богданович определяет, исходя из глубины поднятых проблем, меры проникновения в них и художественного мастерства»⁸³. С этим нельзя не согласиться, добавив лишь еще удивительную способность Богдановича-литератора «переносить» наследие лучших русских писателей из дня вчерашнего в день сегодняшний.

Как историк, философ и богослов В.В.Богданович много внимания уделял анализу творчества таких мыслителей как К.Н.Леонова, В.С.Соловьева, В.В.Розанова, Н.О.Лосского, Д.С.Мережковского и др. Весьма ценной следует признать его объемную работу «Учения Софии и софианство» (1936). Будучи прирожденным педагогом, литератора и богослов всю свою жизнь был связан с детьми и школой. Кроме семинарии, где он преподавал библейскую и церковную историю, он являлся также законоучителем Виленской белорусской гимназии, ... епархиального училища, а также учителем русского языка и литературы в Виленской русской гимназии имени А.С.Пушкина.

Высокая художественная одаренность Богдановича проявлялась в том, что он являлся автором музыки для нескольких популярных романсов и на либретто А.Пицелки. По данным А.Климовича, в 1920-е годы Богдановичу приписывалось авторство романса «Зорка Венера» на слова Максима Богдановича. Активная жизненная позиция В.В.Богдановича сделала его чрезвычайно уязвимым. В конце 1930-х годов он был арестован польскими властями и заключен в Березо-Картузский концентрационный лагерь. После освобождения Западных областей Белоруссии и Вильно Красной Армией в сентябре 1939 года он печатался в «Виленской правде». В октябре того же года Богданович был арестован органами НКВД и пропал без вести.

Выявленные и обобщенные мною материалы о жизни и творчестве В.В.Богдановича, скорее всего, так и остались бы где-нибудь на полке, если бы ни знакомство с гродненкой Анастасией Матвеевной Яцкевич, которая свои-

ми воспоминаниями значительно оживила академический облик выдающегося виленского интеллигента. Ознакомившись с моей книгой, посвященной Православию на Гродненщине и встретив там имена своего отца-священника Матвея (Яцкевича) и первого белорусского сенатора II Речи Посполитой, Анастасия Матвеевна позвонила ко мне на кафедру и сказала, что хорошо знала Вячеслава Васильевича как своего учителя русского языка и русской литературы в пору учебы в Виленской Русской гимназии имени А.С.Пушкина, и любезно пригласила меня к себе в гости.

Несмотря на почтенные годы, Анастасия Михайловна оказалась человеком чрезвычайно энергичным и памятьливым. В ее манерах и речи легко угадывалась виленская гимназистка 30-х годов. А началась наша встреча с того, что моя собеседница показала мне брошюру В.В.Богдановича «Церковно-Славянский Язык как религиозно-культурная ценность» (Гродно, 1938 год) со следующей дарственной надписью на титульном листе: «Дорогой ученице Анастасии Яцкевич от автора-учителя. 14/IX 1938». С волнением гляжу на красивый рукописный почерк Вячеслава Васильевича, листаю странички его трактата и слышу прерывистый от нахлынувших воспоминаний голос его ученицы: «Эта книжка, да несколько групповых фотографий с Вячеславом Васильевичем, пожалуй, самое дорогое, что осталось у меня на память о нем...». Затем она уверенно находит в семейном альбоме несколько фотографий и подает их мне. В центре одной из них, сделанной во время гимназического праздника древонасаждений (21 апреля 1934 года) стоит легко узнаваемый благодаря классической интеллигентной внешности В.В.Богданович. Чуть впереди его, справа – видный виленский деятель и адвокат, председатель Виленского Русского Общества (ВРО) А.Н.-Крестьянов, а слева – только что назначенный директором гимназии Никанор Григорьевич Дулич. Несколько поодаль, как бы в смущении, теснится группа преподавателей, и среди них на первом плане – бывшая до этого директором Русской общественной гимназии в Вильно Любовь Ивановна Поспелова. Фотография хорошо передает приподнятое весеннее настроение педагогов: посажено лишь первое дерево и только что привязано бечевкой к опорному колу; другой саженец Богданович держит в правой руке, но из-за спины Крестьянова видна лишь его крона. В усах, бороде и за очками в тонкой оправе прячется легкая улыбка Вячеслава Васильевича...

На другой фотографии, помещенной в русском детском журнале «Родное Слово» (Вильно, 1934, №3) вместе с письмом в его редакцию, широко улыбающийся В.В.Богданович сидит среди расположившихся вокруг столь же веселых гимназистов. Рядом с ним – моя нынешняя собеседница. В письме, составленном при ее участии, говорится: «Пятый класс Виленской Русской Общественной гимназии им. А.С.Пушкина при любезном посредстве редакции «Родного Слова» шлет сердечный привет всем пятым классам русских гимназий в Польше и пожелания им успехов в науке. Откликнитесь, дорогие наши друзья и сверстники, на наше письмо и сообщите нам, как вы живете и работаете. Наша гимназия находится в наемном помещении, но зато на самой видной улице города (улица Мицкевича, 23). В нашем классе двадцать пять человек, 18 девочек и 7 мальчиков (на снимке не все). У нас

есть классное самоуправление (председательница А.Яцкевич, вторая слева внизу) и несколько кружков: литературный, исторический, кружок краеведения, любителей немецкого языка... На этой карточке мы снялись вместе со своим классным воспитателем В.В.Богдановичем. Еще раз шлем привет своим коллегам-сверстникам. Классное самоуправление. 5 ноября 1934 года»⁸⁴. К прочитанному вместе Анастасия Матвеевна добавляет: «Журнал «Родное Слово», благодаря Вячеславу Васильевичу, приобщившего нас к его чтению, все мы очень любим. Он был, по-видимому, приложением к вилениским газетам «Русское Слово», «Наше Время», с которыми сотрудничал Богданович. Это был двухнедельный иллюстрированный журнал Союза русских меньшинственных организаций (СРМО) в Польше. Редактировала его М.Я.Белявская при постоянной помощи нашего учителя». Просматриваю два номера журнала, сохранившихся здесь: И.А.Бунин «На чужой стороне», А.А.Кизеветтер «День царя Алексея Михайловича», маленькие рассказы М. Белявский и И. Белявского «Обо всем понемногу», «Письма в редакцию»; в отделе для младшего возраста – рассказ местного литератора А.Ковальчука «Христос Воскрес», стихотворения А.Майкова, А.Фета, русские народные сказки «Теремок», «Черная курица» и др. На последней странице каждого номера – филологическая игра «Слоговица», развивавшая познание читателей в русском языке. Вел эту рубрику некий Илларион Многодумцев. Анастасия Матвеевна не исключает, что под этим псевдонимом мог быть их любимый учитель Вячеслав Васильевич, часто прибегавший на своих уроках к таким же играм по русскому языку.

На третьей фотографии, сделанной весной 1938 года уже в выпускном классе, Богданович, в меховой высокой шапке и пальто, сидит среди своих учеников, уже явно тяготеющих своим полужимним одеянием: идет весна, впереди большая жизнь... Эти слова будто написаны на лицах классного воспитателя и его воспитанников:

«Молодость – все в этом слове!
Молодость – жизни весна.
Мощь, красоту и веселье –
Все воплощает она...
Лишь бы она не теряла
Силы в неравной борьбе.
Рано иль поздно – Победа...
Молодость! Слава Тебе»⁸⁵.

Вспомнив во время просмотра фотографий Л.И.Поспелову, моя собеседница взяла со стола в прекрасном старинном переплете «Евангелие». Открыла обложку и дала прочитать мне автограф: «Сие есть заповедь Моя, да любите друг друга, как я возлюбил вас; нет больше той любви, как сам кто положит душу свою за друзей своих». Ев.Иоанна гл.15, ст.12-14. Дорогой Анастасии Яцкевич на добрую память о Русской Пушкинской гимназии в Вильно. Июнь 1938 г. Л.Поспелова». А потом добавила: «Евангелие» вручалось после

окончания гимназии лучшим ученицам. Это была награда, что подтверждает краткая печать: «Русская Общественная гимназия им. А.С.Пушкина с правами правительственных гимназий в Вильно». В педагогическом деле Любовь Ивановна и Вячеслав Васильевич, несомненно, являлись соратниками. Они гордились тем, что им не только удалось основать гимназию, поддерживать в ней здоровый дух, но и тем, что она носила имя великого поэта. Но это уже отдельная история... Прервав свое повествование, моя собеседница быстро просмотрела лежащую перед ней стопку разных бумаг и несколько из них положила передо мной. Первая из них оказалась рукописной копией заметки из «Русского Слова», сделанной Яцкевич много лет назад и озаглавленной «Торжественные похороны В.А.Пушкиной». Читаем ее: «Вчера в 9 часов утра в Варшавской церкви в имении «Маркутье», отслужена была по В.А.Пушкиной заупокойная литургия. Служил кафедральный протоиерей о.Иосиф Дзичковский с городским монашествующим духовенством. Пел хор монахинь женского монастыря. Многочисленная публика, которую не могла вместить маленькая церковь, плотной стеной стояла вокруг фамильного склепа Пушкиных и у дверей церкви. Могилу окружала молодежь – учащиеся гимназии А.С.Пушкина и русской начальной школы № 36. Были все виднейшие представители Виленского Русского Общества во главе с его председателем А.Н.Крестьяновым. В 11 часов после окончания Божественной литургии и панихиды Высокопреосвященнейший Феодосий, архиепископ Виленский и Литовский, прочел разрешительную молитву. Затем трогательную речь произнес А.Н.Крестьянов, охарактеризовавший покойную Варвару Алексеевну Пушкину как прекрасного русского человека, сделавшего немало для блага русской культуры. Затем директор гимназии им. А.С.Пушкина Н.Г.Дулич отметил заслуги покойной перед гимназией и то, что Варвара Алексеевна сделала для молодежи. Преподаватель гимназии В.В.Богданович подчеркнул роль покойной в деле воспитания учащейся молодежи в духе русской национальной культуры. Представитель Литературно-Артистической Секции ВРО Д.Д.Бохан, отметил заслуги покойной и выразил пожелание, дабы молодое поколение, верное ее заветам, шло по тому же пути служения русской культуре. Сердечно и тепло говорил А.Н.Соколов, ученик 8 класса гимназии, выразивший чувства молодежи к Варваре Алексеевне. Речи закончились выступлением члена Пушкинского Комитета В.С.Байкина, который указал, что Варвара Алексеевна была почетной председателем Комитета и последний понос в лице ее также невознаградимую потерю. Гроб с останками покойной был поставлен в фамильном склепе рядом с гробом мужа покойной, сына великого поэта Г.А.Пушкина. В 12 часов дня все было кончено. Медленно расходилась публика, унося в душе память еще об одном ушедшем от нас хорошем русском человеке».

Мне, писавшему ранее о связях рода Пушкиных с Гродненщиной, несомненно, было известно в общих чертах об литовской линии знаменитой фамилии, но в связи с русской гимназией, ВРО и В.В.Богдановичем – все это приобретало несколько иное звучание. Как бы превосхитив возникшие у меня в связи с прочитанным вопросы, Анастасия Матвеевна сказала: «Для

меня все это происходило как будто бы недавно, вчера. Отрадно, что о жизни Варвары Алексеевны, о людях, провожавших ее в последний путь, в том числе о глубоко чтившем ее Вячеславе Васильевиче помнят в Вильно и сегодня. Вот прочтите». И она подала мне целую страницу газеты «Литовский курьер» (2000. № 45, с.4-5) со статьей Ирины Арефьевой «Владелица «Пушкинского гнезда». Настроившись на разговор о Вячеславе Васильевиче, я не мог не понимать, что главная тема нашей встречи постепенно начинает уходить на второй план, но нарушить ход нашей беседы, ее предварительную продуманность наперед со стороны любезной хозяйки, у меня не было ни сил, ни желания, ибо Пушкин – это всегда интересно, а упоминание при этом, пускай и редкое, имени Богдановича – это разве мало. Я с большим удовольствием ознакомился с этой статьей, но здесь остановлюсь лишь на некоторых ее фрагментах, преимущественно связанных с Вячеславом Васильевичем, а также с его коллегами по ВРО и Русской гимназии.

«Гений русской поэзии А.С.Пушкин в Вильно никогда не был, Пушкинский музей в Маркучай, как известно, - это усадьба его младшего сына, который не помнил своего отца, погибшего, когда ему не было и двух лет. Григорий Александрович Пушкин был последним владельцем села Михайловского под Псковом, где муза Пушкина витала особенно привольно. Из Михайловского в Вильно привезены были часть реликвий и обстановки дома поэта и с ними вместе – то атмосфера помещицкой усадьбы XIX века, которую бережно сохраняла последние 30 лет своей жизни вдова Григория Александровича – Варвара Алексеевна Пушкина, урожденная Мельникова.

Ныне здравствующие выпускницы довоенной Виленской гимназии имени А.С.Пушкина помнят, как Варвара Алексеевна посещала гимназические вечера, бывала на экзаменах. Помнят, что некоторые девочки из провинции получили образование благодаря Пушкинской стипендии, которую учредила Варвара Алексеевна». Как оказалась она в Литве? Автор статьи сообщает, что В.А.Пушкина была дочерью министра путей сообщения генерал-инженера А.П.Мельникова, который строил, между прочим, железную дорогу из Петербурга в Вильну, а брат его, Павел Петрович, прокладывал такую же дорогу из Петербурга в Москву. В молодости Варвара Алексеевна блистала на великосветских балах, танцевала с будущим императором Александром II... Ее первый брак, заключенный в 1875 году с офицером лейб-гвардии Конного полка В.Н.Машковым, складывался неудачно и вскоре был расторгнут. Вторично Варвара Алексеевна вышла замуж за Г.А.Пушкина, с которым познакомилась в Петербурге. Венчание совершено было в Вильно в Покровской церкви детского приюта. Связано это было с тем, что еще в 60-е годы А.П.Мельников приобрел неподалеку от города имение Маркучай. Когда же его дочь вышла в 1883 году замуж за сына поэта, она получила от отца это имение в наследство, правда, тогда оно называлось Маркутье. Молодая хозяйка в течение десяти лет привела имение в образцовое состояние, а не имея детей, активно занималась благотворительностью, возглавив местное отделение общества «Доброхотная копейка». Общество помогало бедным, призывало стариков, больных, калек, детей, не различая их вероисповедание. И далее:

«... Еще при жизни Григория Александровича Пушкины заказали проект часовни в византийском стиле. Скромный замысел впоследствии изменился, и проект приблизился к традиционному плану церкви. Строительство ее было закончено через год после смерти младшего сына поэта, на похоронах которого, кстати, присутствовал Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор А.А.Фрезе. В 1906 году церковь была освящена во имя святой великомученицы Варвары. Интересно, что к изготовлению внутреннего убранства храма своей святой покровительнице приложилась сама Варвара Алексеевна: вышивала, делала эскизы интерьеря. По ее рисунку было изготовлено надгробие из шведского гранита на могиле Григория Пушкина».

Во время военных действий 1915-1918 годов В.А.Пушкина уезжала из Вильнюса в Петербург. Когда в Литву пришли кайзеровские войска, они не тронули ни одного предмета в «Пушкинском гнезде». Пришедшие же сюда в 1919 году большевики расхитили значительную часть библиотеки и коллекцию старого охотничьего оружия покойного Г.А.Пушкина – страстного охотника. Горячим желанием В.А.Пушкиной в последний период жизни было сделать сохранившиеся еще пушкинские реликвии достоянием русского народа. Она писала об этом в Советскую Россию к Бонч-Бруевичу, прося в обмен за это сравнительно небольшую сумму, но предложение ее осталось непринятым. Тогда хозяйка музейной усадьбы связала свои надежды с Виленским Русским обществом, оставшимся в условиях польской власти в Вильно единственным активным носителем памяти поэта. В Маркутье русская общественность той поры отмечала все важнейшие даты отечественной истории, дни рождения и смерти поэта, здесь звучали слова благодарности в его адрес от почитателей его таланта, звучали пушкинские стихи и романсы... Перед своей кончиной Варвара Алексеевна завещала усадьбу и парк в собственность ВРО.

При описании отпевания и похорон В.А.Пушкиной автор статьи указала на детали, которые отсутствовали в первой заметке об этом печальном событии. В какой-то степени они касались ранее неизвестной нам общественной должности В.В.Богдановича – главы Пушкинского комитета. Вот эти строки: «Отпевали Варвару Алексеевну снежным декабрьским днем, в построенный ею же Варваринской церкви... Литургию совершал кафедральный протоиерей Иосиф Дзичковский, ему сослужили иеромонах Никодим, духовник усопшей, и священник В.Беляев. Литургию совершал сам архиепископ Виленский и Литовский Феодосий. В прощальном слове протоиерей Иосиф назвал Варвару Пушкину «истинной христианкой, любившей Бога и ближних...». У могилы держали слово председатель Виленского русского общества адвокат А.Н.Крестьянов, глава Пушкинского комитета В.В.Богданович – все говорили о том, как много Варвара Алексеевна делала для поддержания русской культуры».

После прихода в Вильно советской власти, 27 декабря 1939 года Виленское Русское Общество (ВРО) направило душеприказчику В.А.Пушкиной В.Л.Назимову приглашение прибыть 2 января 1940 года «для переговоров по делу о ликвидации имения Маркутье». Но... вместо подписи многолетнего председателя ВРО А.Н.Крестьянова приглашение было подписано главным куратором по делам ВРО. Адвокат Крестьянов, ведущий юридичес-

кие дела Пушкиной, был уже арестован органами НКВД, как и многие видные члены ВРО... Выступавший с прощальной речью преподаватель Пушкинской гимназии, бывший сенатор Польского Сейма В.В.Богданович уже был расстрелян по приказу Деканозова во дворе тюрьмы белорусской Вилейки...⁷⁸⁶. Далее автор повествует о светлых и печальных вехах в жизни пушкинского имени, Варваринской церкви..., но я мысленно – уже с Богдановичем.

Анастасия Матвеевна, будто почувствовав мой настрой, тотчас же откликнулась: «Конечно же, все описанное в этих статьях еще живо в моей памяти, памяти гимназистки. О размахе творчества и общественной жизни Вячеслава Васильевича я могу судить лишь по тому, что это был очень крупный человек в культурной жизни тогдашнего русского меньшинства; уважение к нему со стороны людей было просто огромным. Мы же, его ученики, своего классного воспитателя и преподавателя всего русского, просто обожали. Он был верным чадом Православной Церкви, знал прекрасно ее историю, был близок ко многим ее иерархам, сражался за ее достойное место в условиях тогдашней Польши, и это мы не могли не видеть. Его блестящее знание русского языка, увлеченность русской классической литературой (Пушкиным, Гоголем, Достоевским) не могли оставлять у нас равнодушными к этому богатому миру духовности и русскости. Вячеслав Васильевич был очень похож на Федора Михайловича Достоевского. Вероятно, он и сам знал это; в беседах с нами он не раз упоминал о белорусских корнях великого писателя, постоянно жил его творчеством. И это передавалось нам, гимназистам. Помню, на матуре (на экзамене по русской литературе за курс гимназии) нам предложили несколько тем для сочинений, в том числе, и «Мой любимый писатель», так я, не задумываясь, стала писать о Достоевском. Писали о нем и другие, конечно же, думая о Вячеславе Васильевиче, о его отношении к этому писателю...».

Обрадовавшись, что беседа с Анастасией Матвеевной приняла нужную мне направленность, я тут же спросил ее: «А каким был Вячеслав Васильевич вне школы, в повседневной жизни?». И в ответ услышал то, о чем не мог даже и мечтать: «Человеком он был мягким, интеллигентным, хорошим семьянином. Я знаю об этом, потому что жила у Богдановичей, как сейчас говорят, «на квартире», хотя это было и не совсем так. Впрочем, начнем по порядку...». После чего моя собеседница рассказала следующее: «В 1930 году после окончания повшехной (начальной) школы в Дмитровцах – это возле Лебеды на Лидчине, где мой отец служил православным священником, – родители мои решили везти меня в Виленскую Русскую гимназию. Поступали они так потому, что сами были воспитаны в лоне Церкви, русской культуры, и эту связь ощущали не только они, но и все тогдашнее духовенство, также стремившееся дать своим детям достойное образование. Года полтора я жила на квартире у преподавательницы Виленской белорусской гимназии Елены Кирилловны Соколовой-Леконт, где имела возможность увидеть и общаться с многими видными белорусскими деятелями, включая Радислава Островского, тогдашнего директора гимназии. Затем родители снимали мне комнату у одной женщины на улице Остробрамской. В начале же 1934/35 учебного года мои родители решили поселить меня в частном интернате у В.В.Богдановича. Я не

помню, какие мотивы преобладали у них при этом, но факт тот, что стала я жить в доме Богдановичей. Их двухэтажный деревянный особняк стоял на берегу Вилии. Это в районе Жверинес, а в быту по-русски – Зверинца. Интернат для учащихся занимал лишь часть большого дома и имел отдельный вход. Внизу жили мальчишки (4-5 человек), а наверху, на втором этаже, обитали девочки (6 человек) – все гимназисты. Хозяйева интерната обеспечивали нам проживание и трехразовое питание. Уход за нами, питание обеспечивала, разумеется, прислуга. У нас были все условия для прилежной учебы и хорошего отдыха. Богдановичи на нашей половине почти никогда не бывали, разве что приходила иногда по хозяйским делам супруга Вячеслава Васильевича – тихая, невысокая, невзрачная женщина, во всяком случае, она мне такой тогда казалась. Богдановичи питались отдельно, но по большим праздникам приглашали к себе и нас. Дома он был такой же, как и в гимназии – добрый, открытый, грустный и улыбочивый. У него были взрослые сыновья, а потому он был особенно внимателен к их поведению по отношению к нам, девочкам. Хочу сказать, что они были воспитанными молодыми людьми.

Несмотря на то, что в нашем интернате отсутствовали какие-либо официальные правила проживания, все у нас шло по четкому распорядку: “делу – время, потехе – час”. Мои подружки по интернату были из священнических семей (Надя Павлюковская и Таня Сегюк с Гродненщины), у сестер Капустинских отец был в Сморгони адвокатом. Жили мы дружно, в церковь ходили самую ближайшую (за мостом на горке), где сразу же занимали свое место на левой ее половине. При встрече с Вячеславом Васильевичем мы желали ему здоровья, а он, как правило, спрашивал: “Что, в церковь?”, и довольно улыбался. В другие же дни его интересовало наше настроение, что читаем, пишем ли письма родителям, что у них и т.д.? Но никогда он не спрашивал об уроках. Мы, гимназисты, очень ценили эту его деликатность и полное отсутствие морализаторства, желание поучать и воспитывать. Он был очень естествен в общении с нами. Любил беседовать с нашими родителями, особенно с моим отцом: внутренне они были очень похожи.

Незадолго до прихода в Вильно Красной Армии Вячеслав Васильевич был арестован поляками и посажен в Каргуз-Березу. Его домашние, друзья и все мы очень переживали о его судьбе там. Когда же его выпустили, он рассказывал нам о пережитом. В частности, о том, как надзиратели заставляли его вместе с другими заключенными переносить кучу камней из одного угла тюремного двора в другой. Это на языке надзирателей называлось “физзарядкой”. К этому времени я уже закончила гимназию и поступила на гуманитарный факультет Виленского университета Стефана Батория. Будучи студенткой, я узнала об его аресте и трагической гибели. Как все было на самом деле, об этом никто, наверное, уже не скажет. По некоторым сведениям, его расстреляли в конце сентября 1939 года, перед тем, как Вильно отошло к Литве. За пару недель нахождения здесь войск НКВД были расстреляны многие русские деятели. По мнению моих ровесников, которые сейчас проживают в Вильно, Вячеслав Васильевич и вся редакция “Русского Слова” были вывезены в Старую Вилейку и там на тюремном дворе расстреляны, а затем тайно преданы

земле. Из Вильно неоднократно обращались в КГБ с запросами по поводу судьбы В.В.Богдановича, но оттуда всякий раз сообщали, что его “дела” там нет. Наверное, его на самом деле нет, ибо учителя нашего не судили, а просто убили. Не могу передать, как жалко мне этого доброго и талантливого человека...”.

Уже после этой нашей встречи моя собеседница написала письмо своей бывшей однокласснице в Вильно с просьбой рассказать, есть ли какие-либо новые данные о В.В.Богдановиче и его семье. Ответ пришел достаточно быстро, но об их учителе информация была все той же. Что же касается его семьи, то Вера Борисовна Пашкевич, давняя подруга Анастасии Матвеевны, об этом написала так: “Дорогая Настенька! Отвечаю на твое письмо. О детях В.В.Богдановича. У него, как ты помнишь, было трое детей. Старший сын Глеб, дочка Людмила (Дима) и Олег (Алик). Глеб был в советских лагерях, вернулся оттуда и вскоре умер, о Диме ничего не знаю, Алика ты хорошо знаешь, он на два класса старше нас. Сразу после гимназии он женился на Леночке Романович (она училась в польской гимназии). У них было два сына: Алексей – астроном, Павел – физик. У Алексея дочка юрист. У Павла сын не знаю, где работает. Алик умер от рака года четыре тому назад, Леночка умерла года на два или три раньше. Он жил с внучкой. У нее родились двойнята, и он, больной, уже лежал, любовался ими. Еще раньше я тебе писала, что он перед смертью написал воспоминания о своем отце (постараюсь их для тебя найти). Внучка наследовала дом В.В. на Солтанишской улице, она параллельна нашей, но выше. Этот дом внучка Алика сдала под магазин. Во дворе этого дома находится деревянный флигель, который купила у В.В. моя знакомая Елена Александрович. В нем я часто бывала в последние 15-20 лет...”.

Нашего латиниста звали Генрих Францевич Лукашевич: “Твой табак дрань, трапкой воняет”. Помнишь его белорусский акцент? Если бы профессор В.Н.Черепица приехал к нам в Вильно, то он нашел бы здесь для себя массу интересного. Знаю, что сегодня с финансовой стороны (виза, проезд, гостиница и т.д.) это очень накладно, но чем сможем, тем будем помогать ему по почте. Целую тебя крепко. Вера».

Я не теряю надежды побывать в Вильно. Искреннее желание Анастасии Матвеевны и Веры Борисовны помочь мне в моих скромных изысканиях воспринимаю с огромной благодарностью. Их помощь вселяет уверенность, что связующая нить истории никогда не прервется, не затеряется. На их воспоминания о Вячеславе Васильевиче Богдановиче откликнутся другие люди, и тогда о жизни и творчестве замечательного человека и мыслителя нам станет известно больше.

**«Я был и остаюсь страстным защитником
церкви и религии...»
Протоиерей Сергей Белайц (1908 - 1985) –
литератор и публицист**

Имя этого одаренного человека впервые попало в поле моего зрения при ознакомлении с уникальным православным журналом «Воскресное чтение», еженедельно выходившим в Варшаве с 1924 по 1939 год. Это издание очень любили и ценили православные читатели не только в Польше, но и во многих других странах, особенно там, где жили эмигранты из России. В нем, наряду с маститыми писателями, делали первые шаги в литературном творчестве и многие из наших земляков, считавших себя русскими, а русский литературный язык – своим родным языком. В те годы в Западной Белоруссии отождествляли себя с русскими многие уроженцы этих мест. Причем не только в силу своей принадлежности к Православной Церкви, но и в связи с длительно культивируемым в сознании широких народных масс представлением триединства русского народа. По мнению О.А.Платонова, до 1917 года, как это было принято, к русскому народу относили все его географические части, в том числе украинцев и белорусов. «Еще в XIX веке, - писал он, - ни у кого не возникали сомнения в принадлежности их к русской нации. Официальная статистика считала всех их русскими и подразделяла их на великороссов, малороссов и белорусов, по чисто географическому, а не национальному признаку. Подобно Сибири или Уралу, Украина и Белоруссия составляли единую географию русского народа, целостный братский организм». Некоторые языковые, этнографические различия Украины и Белоруссии О.А.Платонов объяснял «особенностями их исторического развития в условиях многовековой польско-литовской оккупации», а все попытки провозглашения русских этих регионов особенными народами – «результатом подрывной работы западных спецслужб» и возвращенных ими самостийников – незалежников он назвал «злейшими врагами Украины и Белоруссии, предателей «русского народа»⁸⁷.

Невиданной в истории фальсификацией считал процесс превращения великороссов в русских самобытный исследователь Н.И.Ульянов⁸⁸. Такого рода «торжество ленинской национальной политики» он считал миной замедленного действия, которая в свое время взорвется и потребует переосмысления допущенной в годы советской власти ошибки. В «Большой советской энциклопедии» (М., 1975, т.22, с.404-405) русские - «это нация в СССР», представители которой «говорят на русском языке, который вместе с украинским и белорусскими языками входит в восточнославянскую группу славянских языков». Неопределенность этой трактовки еще более затемняется указанием на то, что «наряду с древним самоназванием «русские» в XIX - начале XX веков употреблялось название великорусы или великороссы». Еще более запутан ответ на вопрос – так кто же такие русские? - в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (Мн., 2001, т.6, кн. 1, с. 143 - 144). Здесь они прямо трактуются как «адзін з буйнейшых этнасаў свету», і найбольшая этнічная група ў Рэспубліцы Бела-

русь – 1142 тыс.чал. (перапіс 1999). Вместе с тем авторы посвященного этому вопросу материала, не могли проигнорировать особую его специфику для Белоруссии: «Паводле тагачаснай афіцыйнай канцэпцыі, якую адстойвалі асобныя вучоныя гісторыкі, беларусы і украінцы разглядаліся як галіна адзінага рускага народа; тэрмін «рускія» выкарыстоўвае афіцыйная літаратура, перапісах, бытавой і этнічнай свядомасці як назва трох народаў. У найбольшай ступені працэс атаясамлівання сябе з рускім этнасам закрунуў (пасле восстання 1863 – 64 г. – В.Ч.) прадстаўнікоў сацыяльнай эліты, гарадскога насельніцтва. Паводле перапісу 1897 года, у 5 беларускіх губернях жыло 492 921 чал. рускіх (дакладней, асоб, якія назвалі вялікарусскую мову роднай). Рускія (велькарусы) складалі 13 % патомных дваран, 10 % купецтва, 54 % праслаўнага духавенства 60 % ўсіх рускіх былі сяляне. Вялікія групы рускіх жылі ў большасці павеатаў Віцебскай губерні, Віленскім павеце, Беластоцкім і Брэсцкім павеатах Гродзенскай губерні, Бабруйскім і Мінскім павеатах Мінскай губерні, Гомельскім павеце Магілёўскай губерні. Рускія мелі даволі высокі ўзровень пісьменнасці, а па колькасці асоб з адукацыяй «вышэй за пачатковую» яны займалі 1-е месца». Между тем, и эта сама по себе интересная информация не проясняет, а еще более запутывает поставленный вопрос. У авторов этого материала, как мы видим, русские – это одновременно и представители трех ветвей единого народа, и великорусы. Что же касается содержания самоназвания «русские» на западно-белорусских землях в условиях польского владычества в 20-30-е годы, то его трактовка здесь совершенно не затрагивалась. При рассмотрении же этой проблемы применительно к БССР и современному периоду РБ в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», то русские представлены в ней лишь как выходцы из РСФСР или Российской Федерации. Между тем, согласно переписи населения Польши, проведенной в 1931 году, более 100 тысяч считали своим родным русский литературный язык⁸⁹. Что же касается сферы церковного общения, то он занимал здесь лидирующее положение, на нем издавалась большая часть православной литературы. На русском литературном языке писал и главный герой нашего повествования.

Интерес к литературному творчеству пришел к Сергею Белайцу прежде всего благодаря глубочайшему воздействию на него русской художественной литературы, личному обостренному восприятию жизни. У него не было альтернативы при решении проблемы, - куда послать свои первые рассказы: только решение было однозначным - в «Воскресное Чтение», ибо это был его любимый журнал. К удивлению молодого и неуверенного в себя автора, уже первые его работы были положительно приняты как редакцией, так и читателями. Причиной успеха, по-видимому, было то, что Сергей Белайц и его читатели в постановке и восприятии сюжетов большинства публикуемых им рассказов практически были единомышленниками. 1929-й год был вершиной творческой активности молодого литератора. Почти в каждом номере журнала публиковались его рассказы и очерки нравоучительного содержания: «Проклятие странника», «Стрелочник», «Божья кара», «На пароходе», «Отшельник», «Нападение на механика»... Удачный был и следующий, 1930-й год,

отмеченный выходом в свет фантастического рассказа «Клад» и двух очерков из советской жизни - «Без креста, без молитвы» и «Грустная пасха». О причинах исчезновения произведений Сергея Белайца со страниц «Воскресного Чтения» нам трудно судить, не дает на это ответов и он сам. Во всяком случае, вряд ли здесь можно говорить о потере интереса к его творчеству. Свидетельством, тому что это было далеко не так может быть служить то, что в конце 20-х - начале 30-х годов его многочисленные произведения рассказы издавались Синодальной типографией в Варшаве в специальной серии «Народные рассказы». По мнению известного специалиста в области изучения православной литературы в Польше (1918 - 1939) Ю.А. Лабынцова, «Сергей Белайцу являлся, пожалуй, самым издаваемым в этой серии автором». Примечательно, что писали в эту серию не только духовные, но и светские лица. «Уход» начинающего литератора со страниц тогдашней русско-православной периодики был непонятен. Некоторая надежда на то, что в основе происшедшего лежит элементарное отсутствие под руками номеров журналов «Воскресное чтение» за последующие годы, со временем начинала таять. Дело в том, что после присоединения Западной Белоруссии к БССР все изданные «при Польше» общественно-политические, народно-религиозные и даже детские журналы подлежали уничтожению. Считалось, что они не могли не содержать антисоветских высказываний. В значительной степени так оно и было, что отнюдь не означало, что эти издание носили про польский характер; в большинстве случаев своей русскости они никогда не теряли. Повторное уничтожение этих печатных изданий в западных областях Белоруссии последовало уже после изгнания с территории республики гитлеровских войск. Нельзя не согласиться с В.Н.Тумиловичем - автором интересной работы о старшей современнице Сергея Белайца православной писательнице Софии Прорвич (1860 - 1937), заметившим, что «советская государственная машина в этом направлении работала исключительно эффективно; итог ее «работы» состоит в том, что до нас дошли только чудом сохранившиеся отдельные номера «В.Ч». Уничтожать «польскую» периодику должны были сами владельцы журнала. Неисполнение этого распоряжения органов безопасности могло повлечь за собою самые тяжкие последствия, приравненные к уголовным преступлениям»⁹⁰. К нашему счастью, что-то из этой коллекции все-таки сохранилось. Не будь таких счастливых случаев, и литератор Сергей Белайц мог бы исчезнуть из истории западно-белорусской культуры навсегда. Впрочем, вероятнее всего, что имя его постоянно улетучилось бы из нашей памяти, но, как это часто бывает, его величество случай не только не допустил этого, но и открыл нам, спустя годы, образ некогда начинающего писателя во всем его драматизме.

Работая над «Очерками истории Православной церкви на Гродненщине», в 1998 году я получил доступ к материалам архива Управления КГБ по Гродненской области. И вот там, просматривая дела православных священников, арестованных органами госбезопасности в 1945–1961 годах по разным статьям уголовного кодекса БССР, я опять уже вторично, встретился с именем священника – литератора и публициста, но в данной ситуации уже... на страницах уголовного дела. Познакомимся с некоторыми его фрагментами, в час-

тности, с выписками из постановления УКГБ г.Гродно (о прекращении уголовного дела) от 21 ноября 1961 года;

«Рассмотрев материалы уголовного дела №8 на Белайца Сергея Павловича, 1902 года рождения, уроженца г.Либавы, - [УКГБ по Гродненской области] нашел, что настоятель Озерницкой церкви Слонимского района Гродненской области Белайц Сергей Павлович в течение 1958 - 1960 годов изготовил и направил в адрес ряда лиц, порвавших с религией, несколько анонимных писем, порочащих их честь и достоинство». В связи с вышеотмеченным 6 февраля 1961 года против С.П.Белайца прокурором Слонимского района было возбуждено уголовное дело по признакам статьи 239-б УК БССР (1928 г.) По этой статье ему было предъявлено и обвинение. Однако в связи с тем, что 25 апреля 1961 года в письмах С.П.Белайца были обнаружены отдельные выражения клеветнического характера в отношении советской действительности, это уголовное дело через Прокуратуру БССР опять поступило в УКГБ по Гродненской области для рассмотрения по признакам статьи 67 УК БССР.

Проведенным расследованием было установлено, что «С.П.Белайц действительно допустил отдельные клеветнические измышления в своих анонимных письмах, касательно статей в светской печати о положении церкви и системы народного образования. Но, как видно из содержания этих писем, других материалов дела, а также из показаний самого Белайца, он не преследовал при этом цели подрыва или ослабления Советской власти. Единственной целью написания им анонимных писем было стремление отомстить лицам, порвавшим с религией и выступившими в печати с антирелигиозными статьями.» В связи с выше отмеченным обвинение по статье 67 УК БССР Белайцу не предъявлялось, а 10 мая 1961 года его уголовное дело из УКГБ было передано прокурору Гродненской области. 14 мая 1961 года прокуратуру области это уголовное дело дальнейшим производством прекратило. Между тем, прокуратура БССР 2 октября 1961 года отменила постановление о прекращении дела и вновь направила его для производства расследования по статье 67 УК БССР. Однако дополнительным следствием, проведенным УКГБ Гродненской области, в действиях С.П.Белайца состава преступления, предусмотренного статьей 67 УК БССР, а также установлено не было. Учитывая вышеизложенное, уголовное дело Белайца было прекращено из-за отсутствия состава преступления и сдано на хранение» в учетно-архивную группу УКГБ по Гродненской области.

Итак, с момента возникновения «дела» и до его ликвидации прошло около шести месяцев. Нетрудно представить, насколько тяжелыми и тревожными они были для уже немолодого С.П.Белайца. Но нет худа без добра, как это ни парадоксально, но долгое время материалы следствия по этому делу оставались единственным источником для изучения нелегкого жизненного пути литератора, публициста, священника. Кто он? Как он шел к своему признанию и священническому служению? Об этом лишь косвенно говорят сухие материалы «дела».

Из «объяснений», данных 31 января 1961 года в г.Слониме С.П.Белайцем (1903 года рождения, белорусом, образования духовного, женатого, не судимого, настоятеля церкви Слонимского р-на, проживающего в д.Озерница):

«Родился я в семье крестьянина, но отец мой тогда находился на военной службе. В 1914 или 1915 году я с матерью эвакуировался в г. Ленинград (Петроград), где жил до 1921 года. Там я окончил городское училище. В 1921 году я, мать и отец, который к тому времени возвратился с войны, выехали на родину, в д. Милевцы (ныне Щучинского района Гродненской области). До 1929 года я учился заочно в Брестской русской гимназии; окончил ее. В 1933 году поступил на должность псаломщика в Гродненскую епархию и был в разных приходах. В конце 1941 года, во время немецкой оккупации, я держал экзамен на священника в Жировицком монастыре. 22 июня в том же монастыре епископом Афанасием (Мартосом - В.Ч.) я был рукоположен в сан священника. Тогда же епископом Афанасием был назначен настоятелем церкви в д. Явор, ныне Дятловского района. Здесь я служил семь с половиной лет. . .»

Примечание: по делу С.П.Белайца было допрошено 15 человек из числа жителей деревень Явор и Озерница. Все они отзывались о Белайце как человеке и священнике только с положительной стороны: «Как прибыл отец Сергей в Явор, сразу же организовал хоровой кружок, в который ходили и продолжают ходить много людей. . .»; «в годы оккупации священник Белайц во всем помогал прихожанам, а также и тем, кто нуждался в его помощи; партизаны только потому во время войны сожгли дом священника, что немцы хотели разместить там полицейский участок»; «во время оккупации все мы смотрели на батюшку, как на своего заступника. . .»

. . . В 1950 году я был переведен на должность настоятеля церкви в д. Дворец того же района. С 1952 года являлся настоятелем Озерницкой церкви Слонимского района. В период заочного обучения в Брестской русской гимназии бывшей Польши, я сотрудничал в церковном журнале «Воскресное чтение» (в деле вещественных доказательств имеются отдельные номера журнала за 1929-30-годы с рассказами подследственного - В.Ч.), куда посылал свои рассказы на религиозные темы. Основная цель писания - заработать себе средства на учебу и одежду. Отец мой имел тогда одну десятину земли, и средств на мое обучение у него не было. Примерно в 1931 году я прекратил посылать в «Воскресное Чтение» свои статьи (эта наивная аргументация не вызвала у следствия никаких уточнений, к примеру, неужели Белайц так быстро разбогател, что у него отпала необходимость в такого рода подработке? - В.Ч.). Все свои статьи и рассказы я подписывал «Белайц С.П.».

Примерно два года назад, когда в газетах и журналах стали появляться статьи священнослужителей, которые отказались от сана, у меня появилась досада на этих людей. . . Я рассматривал это так: если разочаровался в церкви, то уйди спокойно и не делай шума. Питая обиду на этих людей, я и стал писать им письма. Так, например, я был возмущен поступком П. Дарманского, который был священником в Ленинграде а затем отказался от сана. Ему я направил два года тому назад анонимное письмо, в котором я упрекал его за неблагодарное отношение к церкви. Такие письма я посылал и бывшим семинаристам – Иванченко, Крачко, бывшему священнику Трунину (Брестская область), а также Знамеровской Дануте из Радуньского района, которая в областной газете оскорбила своих верующих родителей. . . Письмо Иванченко я отправил

из Гродно, куда ездил к своей матери. Обнаруженное у меня во время обыска письмо в 1957 году я намеревался послать в «Журнал Московской Патриархии» в связи с тем, что в нем постоянно печатались статьи о благополучном положении Церкви, но на самом деле я видел - что это не так . . . Не отослал его потому что решил, что такое мое письмо вряд ли изменит направление журнала. Должен заявить, что все, что я делал, есть результат полученного мною еще в молодые годы воспитания в условиях бывшего польского государства. Среди имеющийся у меня дома литературы преобладающие старые учебники, по которым когда-то учился, . . . тех же лет и др. Храню это все для памяти. Излагая в своих писаниях вопросы взаимоотношения между властью и церковью, я не имел намерения выступать против самой советской власти. Знаю, что своим брюзжанием я советской власти вреда не принес и не принесу, а почему писал все это, я ответить затрудняюсь».

Из протокола допроса священника Сергея Белайца от 8 мая 1961 года в г.Слониме. Вопрос: «Что побудило Вас писать в адрес разных лиц анонимные письма?» Ответ: «Все свои лучшие годы я отдал служению Церкви, поэтому для меня явилось оскорбительным то обстоятельство, что в последние годы, особенно в газетах и журналах, стало появляться много статей антирелигиозного содержания. Причем этим статьям, написанным бывшим священником и семинаристом, стал придаваться особый пропагандистский характер. Их заданность вызывала у меня досаду. . . Как церковнослужитель я был и остаюсь страстным защитником Церкви и религии. Поэтому статьи Иваченко, Крачко и Дерезы мне показались оскорбительными, унижающими, честь и достоинство истинных церковнослужителей. Кроме Дарманского, я послал анонимное письмо в адрес бывшего священника Трунина, проживающего в Брестской области. Лично я с ними знаком не был, но встречал его в 1937 году в Жировичах. После его статьи о том, как он отрекся от сана, я написал ему письмо с упреком в богоотступничестве. Признаю, что в своих анонимных письмах я иногда допускал оскорбительные для авторов антирелигиозных статей выражение вроде - и непутевые людишки», «предатели» и т.п. Теперь я об этом сожалею. «Относительно неотправленной в «Журнал Московской Патриархии» статьи и допущенных мною в ней критики советской действительности, поясняю, что меня толкнуло на это. . . Так, например, я считаю, что незаслуженно был подвергнут критике бывший настоятель Гродненского собора Петровский, в отношении которого я слышал только положительные отзывы со стороны духовенства и прихожан. Незаслуженно был подвергнут критике два года тому назад в Слонимской районной газете и я. В этой статье говорилось о том, будто бы я окрестил мертвого ребенка моих прихожан и похоронил его. В действительности этого не было. . .».

Примечание: по-видимому, не желая затрагивать тему о своем литературном творчестве (часть его рассказов, написанных в условиях юрисдикции Польского государства, носила явно выраженный антисоветский характер), отец Сергей сознательно обошел вниманием фельетон «Христов воитель», опубликованный в «Гродненской правде» как раз накануне ареста священника. Автор статьи, твердо убежденный в правоте научного атеизма, особенно

больно «давил» именно на эту сторону его жизни; «Склонность к «журналистике» у отца Сергея появилась еще в 30-х годах. Молодой и энергичный священнослужитель тогда успешно сочетал службу в церкви с сотрудничеством в журнале «Воскресное чтение», который выходил в Варшаве и весьма изоцирлялся в клевете на молодую страну Советов и на ее народ. . . Может, не стоило бы обо всем этом вспоминать, если бы отец Сергей не взялся снова за перо после трех десятков лет молчания. Настоятеля Озерницкой церкви весьма встревожило то обстоятельство, что за последние годы в печати все чаще и чаще стали появляться письма, в которых бывшие верующие разоблачают роль религиозного учения. . . В анонимных письмах настоятель Озерницкой церкви выступает то в роли смиренного старца, наставляющего людей, то в роли разгневанного пророка. В одном случае он убеждает, в другом - угрожает. Но прошли те времена, когда угрозы церковников действовали на людей. Сама жизнь наша действительность все больше убеждает верующих в несостоятельности религии. И они смело и решительно рвут пути религиозных предрассудков. И ничто не остановит этого процесса торжества разума. Белайцы и им подобные бессильны в своем яростном стремлении остановить бег времени, рост самосознания людей. Не пора ли воздать должное злобствующему анониму, избавить честных тружеников от его грязной стряпни».

Ну что тут можно сказать. Конечно же, молодому Советскому журналисту нелегко было понять истоки такого рода поступков человека, которого он гневно осуждал. Ему просто казалось, что время Белайцев ушло, и он, по видимому, не понимал всех последствий своей публикации для человека, страдающего много лет от жесткой несправедливости по отношению к Церкви.

. . . «Относительно вздорных обвинений, якобы допущенных мною в своих письмах. Я считал, что несколько лет тому назад был незаслуженно арестован и осужден священник церкви городского поселка Козловщина Алексей Яновицкий. Я знал его как порядочного человека, который, как мне кажется, никому никакого вреда не сделал. . . ».

Примечание: Уголовное дело на Яновицкого Алексея Авксентьевича (1891 года рождения уроженца с.Майдан Винницкой области, украинца образования средне-духовного, служившего священником Козловщинской православной церкви Гродненской области) было возбуждено 24 января 1957 года в связи с тем, что 28 августа 1956 года он изготовил и направил по почте из г.Гродно одно письмо «в адрес редакции Винницкой областной газеты, а второе – в газету «Радянске Подилле» в г.Хмельницке. . . Оба документа по своему содержанию были националистическими. В конце августа - начале сентября 1956 года Яновицкий послал анонимные письма в адреса журналов «Новое время» (Москва) и «Наше Слово» (Польша), в которых он высказывал антисоветские суждения и клеветнические измышления в отношении советской действительности». В ходе следствия Яновицкий сознался в изготовлении анонимных писем, а также в том, что сознательно искажал почерк (писал печатными буквами), «ибо боялся ответственности, одновременно признав, что «не писать я не мог. . . ». Уже в ходе суда Яновицкий, в частности, показал: «На Украине я не был 40 лет. Летом 1956 года я был проездом в городах Хмель-

ничком и Виннице, и у меня сложилось впечатление, что там не осталось ничего украинского. ... За время нахождения в тюрьме я осознал свои заблуждения». 5 марта 1957 года состоялся суд, приговоривший священника Алексея Яновицкого к 7 годам исправительно-трудовых работ. Реабилитирован он был посмертно 21 сентября 1998 года. «Дела» С.П.Белайца, А.А.Яновицкого, М.В.Гапоника и др. священников Гродненщины имели в своей основе много типичного. Будучи натурами творческими, людьми пишущими, глубоко выдавшими пороки тогдашнего общества, перегибы в политике советских властей по отношению к духовности общества, в области межнациональных отношений и т.д., они, не имея возможности высказываться по этому поводу официально, «прорывались» в изложении своих мыслей и чувств в формах, не совсем традиционных. Главным же фактором, объединявшим в названных действиях всех упомянутых священников, была их глубокая вера во Всевышнего, а также в свой народ, заслуживающий лучшей доли.

Продолжим показания С.П. Белайца:

«... В одном из писем я допустил выражение - «навязываемая казенная идеология». Это я понимаю так: во-первых, я, например, не могу поместить в газете свою статью, в которой хотел бы защитить Церковь со своих позиций, т.е. религиозных. Им можно, а нам нельзя. И второе - под «казенной идеологией» я понимаю атеизм. Посылая анонимные письма, я не преследовал цели нанести вред Советскому государству, я просто хотел выразить свое несогласие с позицией авторов антирелигиозных статей, в большинстве своем вышедших из духовной Среды». Как мне кажется, здесь комментарии излишни.

Несмотря на то, что С.П.Белайц сразу же, еще на первом допросе, признался в составлении анонимных писем (дескать, в печати мне не дают выступить), органами госбезопасности была назначена криминалистическая экспертиза его почерка. Для этого в адрес специализированного НИИ были направлены все вещественные доказательства, включая протоколы допроса, с подробной целевой установкой. К этим материалам была приложена следующая справка: «Белайц Сергей Павлович, 59 лет, родной язык русский (пишет по-белорусски и понимает польски), образование духовное, священник имеет звание протоиерея, носит очки, пишет правой рукой, при переносе слов ставит две параллельные черточки, свободных образцов почерка Белайца С.П. более не добыто».

Понимая, что материалы следственного дела не позволяют составить полный портрет отца Сергея Белайца, я пытался, насколько это было возможно, получить дополнительную информацию о нем у его современников - бывших читателей «Воскресного чтения». Как правило, люди имя его помнили. Говорили, что читали его рассказы, но чего-то нового сказать о нем не могли. Долгое время не было известно, как сложилась судьба священника после завершения «дела». Спрашивал о нем у знакомых служителей Церкви. Те имя его помнили но не более, и, как правило, давали советы, где и что можно узнать. Однажды обратился к студентам, которые были родом со Слонимщины, в расчете на их помощь в этом деле. Один из них оказался из Озерницы. К сожалению, он слышал, но ничего не знал об отце Сергии, но пообещал

щал порасспрашивать о нем у нынешнего молодого батюшки, как только появится возможность съездить домой. Приехал как-то, нашел меня и сказал, что священника Белайца все старики помнят, хорошо отзываются о нем, но сказали, что он давно из села уехал и вроде бы уже умер. В дополнение к своей скромной информации студент передал мне небольшой список с именами священников и прихожан, похороненных у стен Свято-Николаевской церкви села Озерницы. Привожу его здесь, будучи уверенным, что отец Сергей постоянно созерцал это надгробие, читал надписи на них и молился. Первым в списке был настоятель церкви, еще униатской поры, Антоний Оллифилович. Примечательно, что его имя и священнический сан были выбиты по-польски, а все остальное по-русски: «умер 10 июня 1853 г. на 77 году жизни. 52 года на этой парафии». Тут же погребена его дочь Вера Антоновна Оллифович, которая прожила 85 лет и была похоронена 29 августа 1879 года. Далее в списке значились: «священник Езерницкой церкви Никанор Иванович Святовосков. Жил 28 лет. Умер 23 августа 1859 года на 6 году священства»; его супруга – «Александра Антоновна Святовоскова. Жила 77 лет. Похоронена 21 августа 1911; Настоятель Озерницкой церкви священник Александр Данилович Голочинский. 1850 – 1899»; «Священник Онуфрий Иоаннов Калиский. Родился 1872. Умер на 74 году жизни»; «Псаломщик Озерницкой церкви Емельян Николаевич Касперский. Жил 69 лет. Умер 1899 г.»; «Псаломщик Роман Онуфриевич Мукосей. 1877 – 1948»; «Вера Степановна Мукосей. 1878 – 1942»; «Анна Павловна Теодорович. Скончалась 13 декабря 1892 на 72 году жизни»; «Софья Михайловна Позовская»; «Жилич Иван Михайлович. 1888 – 1953»; «Младенец Ольга Ивановна Щербина». 11.05.1900 – 11.06.1900»; «Младенец Ольга Ивановна Гегершетет». 12.07.1888 – 12.08.1888..

От молодого батюшки стал известен адрес в Слониме невестки отца Сергея – Валентины Тимофеевны, она дала мне координаты его дочери Лидии Сергеевны, живущей в Минске. Сразу же позвонил ей, потом написал письмо, а вскоре пришел и ответ, который привожу здесь с небольшими сокращениями:

«Уважаемый Валерий Николаевич, хочу поделиться с вами воспоминаниями о своем отце. То, что он избрал такую жизненную стезю, было providимо, предначертано Всевышним. Когда я как-то в юности спросила его, почему он решил стать священником, то он мне ответил, что уже с самого раннего детства у него возникло это желание, и когда его, маленького мальчика, спрашивали взрослые кем он будет, когда вырастет, то он уверенно говорил, что будет «ценником» (священником). Так оно и вышло. Человеком он был исключительно эрудированным. Особенно любил литературу и историю. Память у него была феноменальной. Прекрасно знал Библию, его интересовали все сферы жизни. И на любые наши детские вопросы он с ходу давал исчерпывающие ответы. Всю свою жизнь, сколько я помню, он постоянно читал, делал какие-то выписки. . .

Отец неоднократно рассказывал нам о своем детстве, проведенном в Петрограде. В ту пору наш дед служил унтер-фейерверкером Его Императорского величества артиллерийского полка. Это значит, что он имел отношение к фейерверкам, или «потешным огням», устраиваемым в сервной столице по

поводу наиболее крупных государственных торжеств. Бабушка растила детей и старалась учить сына всему доброму. Уже на склоне лет отец пару раз ездил в город своего детства, чтобы еще раз увидеть это прекрасное творение великого Петра. Побывал он и на квартире, где жила их семья. Квартира была большая, с удобствами. Новые жильцы его там тепло встретили.

После революции и нескольких войн, когда Польша открыла границу и можно было уехать из советской России, его родители решили вернуться на родину, купить землю и заняться крестьянским трудом. Папа всю жизнь очень огорчался этим поступком своего отца, который привез тогда своих детей практически в рабство. Приходилось от случая к случаю заниматься тяжелым, непосильным трудом, а зарабатывали гроши. Ни о какой нормальной учебе в те годы не могло быть и речи для бедного человека, а тем более православного. Его отцу было безразлично будущее детей, а может, и некогда было об этом думать. Главное – полоска своей земли. В этом крошечном аду папа старался не погрязнуть, как мог занимался самообразованием, стремился общаться с грамотными, культурными людьми, чтобы хоть что-то почерпнуть для себя. Экстерном сдал за курс Брестской русской гимназии, хотя уровень требований к знаниям там был очень высок. Всегда, когда папа рассказывал о своей молодости, о том, что ему пришлось преодолеть, он, не стесняясь, плакал.

Был хорошим семьянином и любящим отцом. Никогда не поднимал на нас, детей, руку, ни разу не слышали от него ни одного скверного слова. Всегда действовал силою убеждения, воспитывая нас на десяти заповедях Господних, за что я по сей день ему благодарна. Никогда силой не навязывал никому своих религиозных убеждений. Помню травлю, особенно в школьные годы, когда над нами издевались, глумились, как могли. И это некоторым доставляло поистине садистское наслаждение. Все это происходило только потому, что наш отец был священником, истинно верующим человеком. В этой невероятно тяжелой атмосфере у меня никогда, даже в мыслях, не возникало желание отречься от своего отца и стать на одну доску со своими сверстниками. Я всегда гордилась своим отцом, его преданностью своему делу, вере, его светлым умом.

В быту он был очень нетребовательным, довольствовался тем, что есть. Не был стяжателем, меркантильным человеком. Ему были присущи порядочность, доброта, искренность и доверчивость. В трудные минуты всегда старался облегчить боль человека своим вниманием и добрым словом. Любил людей, особенно хороших и умных собеседников. В общении с ними он отдыхал душой. Все образованные люди, в разное время встречавшиеся с папой, поражались его познаниям и эрудиции. На комплименты в связи с этим, он обычно замечал, что человек он маленький и образование у него в связи с этим малое, чтобы о нем так лестно и высоко отзываться.

Прошло 15 лет дня его смерти, но до конца дней моих у меня останутся светлые воспоминания о нем. Мне ежедневно, ежечасно не хватает общения с ним, его мудрых советов и ответов на самые сложные вопросы жизни, его утешения в моей очень непростой, горькой судьбе.

Буду Вам очень признательна и благодарна, если Вы примлете написанное Вами о моем отце. Он заслуживает доброго слова.

Высылаю фотографии, фельетон, некролог. Возврат обязателен. Для меня это реликвия. По фотографиям видно, в каких условиях мы жили; своего личного угла не было, но папа никогда не роптал, все принимал со смирением.

P. S. То, что теперь возрождаются храмы, это хорошо. Но это своего рода бум: больше количество, чем качество. По возможности бываю в храмах. Сравниваю молодую церковную поросль со своим отцом. И только лишь единицы из них истинные пастыри. Много, к сожалению, среди духовенства людей случайных, для которых на первом месте не служение Богу и людям, а меркантильная сторона, помпезность, комфорт и тщеславие. Это особенно характерно для сельской местности. Общество наше слишком долго было лишено духовной пищи, и необходимо еще много времени, чтобы все вернулось на круги своя. С уважением Л.С.»

Душевное и доброе письмо прислала мне Лидия Сергеевна. Вглядываюсь в простые, любительские фотографии отца Сергея, то тревожно-настороженное, то мягко-улыбчивое. Вот он с матушкой, а сзади стоят дети – Лида и Гена (село Озерница, начало 50-х годов). А здесь уже батюшка и матушка с кошкой «на крыльце своей хижиньки» в селе Голдово – последнем месте служения отца Сергея. И наконец, снимок надгробия на могиле почившего там же священника. С него всматривается в нас уже узнаваемый добрый и светлый человек, а внизу надпись: «Протоиерею Белайцу Сергей Павлович. 12.VI.1908 – 2.IV.1985. Помним, любим». Относительно даты рождения, С.П.Белайца – его дочь Лидия Сергеевна пояснила: «По всем документам год рождения отца 1903 год, но это не так. Когда после войны выдавали паспорта, то с отцовскими документами произошла путаница. На самом деле он родился в 1908 году. И потому именно эта дата указана на памятнике ему». Эта же, правильная, дата указана и в некрологе, помещенном в «Журнале Московской Патриархии» (1985, №9) – в издании, в которое литератор и публицист написал, но не послал в 1957 году свое полное боли за судьбы веры и Церкви письмо. В некрологе, помимо общеизвестного, было и указание на то, что с 1969 года до выхода за штат в 1984 году, т.е. почти до самой кончины, протоирей С.П.Белайц являлся настоятелем Рождество-Богородицкого храма в с.Голдово Лидского района Гродненской области. Здесь же была дана и характеристика покойному: «Отец Сергей был добросовестным и исполнительным пастырем, ревностным проповедником слова Божия. Его отличали глубокая вера и любовь к Богу, ближним и святому храму. Этими качествами он снискал любовь и уважение своих собратий и прихожан. За многолетнее усердное служение Церкви Божьей Святейшим Патриархом Пименом ко дню Святой Пасхи в 1983 году он был награжден митрой. Будучи за штатом, отец Сергей по мере сил посещал храм и принимал участие в богослужениях. Весть о кончине его со скорбью была воспринята прихожанами, которые пришли на отпевание отдать ему последний долг. Чин отпевания совершил благочинный Новогрудского округа священник Леонтий Близнюк в Рождество-Богородичном храме в с.Голдово в сослужении клириков благочиния. Он же произнес надгробное слово. Погребен протоирей Сергей Белайц на кладбище в с.Голдово».

На этом повествование о протоиерее Сергее Белайце – литераторе и публицисте, можно было бы и закончить, если бы не осознание его односторонности без анализа его литературно-публицистической деятельности. Однако говорить о ней было бы беспредметным, понимая, что даже то, что из его произведений известно нам, в то же время является тайной за семью печатями для большинства наших читателей. По этой причине признано наиболее оправданным до выхода в свет избранных произведений раннего С.П.Белайца (судьбу его зрелого творчества еще предстоит выяснить) поместить здесь два его небольших произведения. Первое из них – рассказ-фантазия «Отшельник» – было опубликовано в «Воскресном чтении» 5 мая 1929 года, другое (под псевдонимом священник Сергей Желудков) – открытое письмо к бывшему священнику П.Дарманскому по поводу статьи последнего в советской печати «Почему я порвал с религией», озаглавленное «Почему Вы порвали с религией», нелегально ходившее по рукам в 1958-1961 годах.

С.П. БЕЛАЙЦ «ОТШЕЛЬНИК» ФАНТАЗИЯ

При княжении Мономаха жил в Киеве старичок-священник с двадцатилетним сыном, которого он готовил себе в преемники. Однако молодой человек не очень хотел быть мирским священником: ему больше по душе было пустынножителство, он мечтал удалиться куда-нибудь в лес подальше от людей и мирских соблазнов и там в посту, молитвах и благочестивых размышлениях совершенствовать себя; в то же время он с болью сердца сознавал, что это неисполнимо: родитель не позволит; а послушаться ему даже и в голову не приходило.

Однажды старый священник, прибираясь один пешком по лесу из далекой деревушки, где напутствовал умирающего, был под вечер поломан нападшим на него медведем. К счастью, случился близко бортник, возвращавшийся с осмотра своих дупел с медом в лачугу, построенную среди густого орешника, услышав стоны, он бросился на помощь и убил медведя топором. Помощь, однако, оказалось бесполезной: старый священник умер на глазах лохматого бортника, с усилием вымолвив только: «Спасибо»...

Долго горевал сын, похоронив старика; наконец одним летним утром он вышел с заткнутым за пояс топором, с ножиком, трупом, кремнем и огнивом в сумке, закинутой за плечи, и направился на север. Ничто уже не могло помешать осуществлению его заветной мечты: в своем городе он не оставлял никого родных и отцовской последней воли, чтобы он стал священником, не было; и шел поэтому молодой человек со спокойной душой.

Долго шел он дремучим бором; повалил трех напавших на него медведей, чуть было не увяз в трясине и пришел, наконец, на обширную поляну, где росли молодые елочки на месте сожженных когда-то лесным пожаром старых деревьев; вокруг поляны тянулась непроходимая топь, через которую молодой человек еле и с большой опасностью для жизни пробрался.

Понравилось место молодцу, и он решил остаться там. Не медля долго, он принялся рубить деревья и катить их колыями к месту, избранному им на избу; много дней он работал, проводя ночи под открытым небом, и небольшая избушка, наконец, была готова. С радостью и крестным знамением занял свое жилище молодой отшельник, и одинокая жизнь его среди глухого бора потекла мирно и без волнений. Из дома он принес с собой дорогую памятку – большой медный крест с цепью, который принадлежал его покойному отцу; он повесил его на шею и никогда с ним на расставался.

Каждый день, как только всходило солнце, отшельник выходил из избушки и восклицал радостно: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» и своим громким, звучным голосом пел Великое славословие; после этого шел на работу, которая состояла либо в собрании орехов, грибов, ягод и корней сладкокорника, которыми он питался и которые запасал на зиму; кроме того, он рвал с корнями высокую крапиву и мочил ее в болоте, чтобы потом выпрять себе нити и сделать одежду. . . Когда солнце садилось, молодой отшельник пел «Свет тихий» и, поев, ложился спать с молитвой на устах на постель из мха и листьев.

И так прошли лето с осенью и наступила зима. Часто стали собираться и выть голодные волки около избушки отшельника, который, сидя у разведенного посредине жилища огня, от которого дым выходил через дыру в крытой травой крыше, занимался прядением из волокон крапивы толстых ниток. Когда это было сделано, отшельник смастерил себе крючок из веточки можжевельника и после нескольких неудачных проб связал части платья и длинный балахон. Окончив заботы об одежде, он принялся плести лапти из можжевельного лыка. . .

И потекли годы за годами. Отшельника не тянуло назад в мир и он был доволен своей жизнью; постоянно трудясь, он молился, размышлял или пел духовные песнопения – и лесное эхо вторило ему. . . Каждый летний день вокруг убежища отшельника звучали песни разнообразных птичек, а ночами громко щелкали и заливались тысячи соловьев. Зимой плакала и завывала вьюга, а отшельник, погасив костер и заткнув дыру, лежал и размышлял в темноте. И он чувствовал себя совершенно счастливым – как в раю. Смотря иногда на усыпанное звездами или заволоченное темными тучами ночное небо, отшельник думал о загробном мире, который почему-то казался ему далеким, чуждым и ненужным; он тогда испытывал приливы грусти оттого, что придется когда-нибудь расстаться навек с любимым убежищем своим; однако он силою воли прогонял от себя невеселые мысли, и мир вновь приходил в его душу, а жизнь становилась все привлекательнее. Отшельник находил даже какую-то прелесть в вое волков, которые во множестве собирались зимой вокруг его избушки. . . Бог же знал мысли отшельника и определил ему весьма долгую жизнь. – Отшельник постарел, поседел, как лунь, но был все время и жизнерадостен и постоянно славил Бога. Долгими размышлениями он умудрил себя и начал постигать тайны Божии.

И так проходили за годами годы, за ними десятки и сотни, а отшельник все жил и жил; долгая жизнь его ничуть не удивляла: считая себя праведником, он тем не менее находил вполне естественным то, что Господь дает ему насы-

титься жизнью... Деревья вокруг избушки отшельника, которую он несчетное число раз подновлял и перестраивал, старели, падали, гнили и заменялись новыми, а отшельник все жил, питаясь только кореньями, травами, ягодами, грибами и орехами, постоянно работая для себя, молясь и размышляя, и был счастлив.

А на свет люди родились и умирали, строили города и селения, открывали новые земли, вели торговлю, войны между собой и вырубали понемногу девственные леса... Селения начали появляться недалеко то убежища отшельника, и давно оно было бы открыто, если бы не страшная, непролазная топь, поглощающая каждого смельчака, который пробовал пройти по ее обманчивому зеленому ковру... Но, наконец, и топь начала подсыхать, и Бог тогда перенес отшельника во время его сна в сибирскую тайгу... Проснувшись на мягком моховом ковре при свете восходящего солнца, которое золотило вершины поднебесных деревьев, старец долго изумлялся, видя незнакомую местность, и недоумевал, где это исчезла его хижина; но, увидя на себе свой крест, а за поясом топор, который от долгого, хоть нечастого, употребления почти совсем истесался, успокоился. Вынув из сумы, висящей на боку, два кремешка и трут, он высек огня, развел костер и отправился поискать себе пищи... Через месяц стояла уже новая хижина, и жизнь отшельника на новом месте опять потекла спокойно.

И так прошло опять много лет. Отшельнику Бог открывал многое; и вот однажды наступил день, когда старик почувствовал, что постиг все, и жизнь вдруг потеряла для него всю прелесть; тут только он заметил, как следует, что он жил слишком долго, и многое за это время должно было перемениться на белом свете: ему припомнилось, что он не один на свете, а есть другие люди, о существовании которых он почти совсем забыл. Захотелось старику посмотреть на жизнь своих ближних, и однажды ясным морозным утром, обув новые лапти, одев рукавицы из толстых крапивных ниток, перекрестясь и в последний раз взглянув на свое жилище, он отправился, подпираясь дубовой суковатой палкой, и выбрал себе дорогу на запад. Шел он по скрипучему снегу сугробов, навешанных пургой, и в душе у него не было прежнего, безмятежного покоя, а пустота и что-то в «роде» раскаяния; он чувствовал себя очень старым и дряхлым, – а это чувство недавно было ему незнакомо, – и молился в душе, чтобы Всевышний удостоил его хоть раз взглянуть на людей, а потом принял душу его к Себе и упокоил ее... Под вечер вышел он на полянку, где было зимовье остяков. Из вершин десяти юрт струйками выходил дым. Несколько больших собак бросилось с лаем на старика, но вылезший из юрты человек подозвал их к себе и с удивлением смотрел на приближавшегося к нему отшельника. Тот, увидев человека, пал на колени и, сорвав колпак с головы, воздел руки к небу, горячо «благодаря» Бога. Он испытал прилив какой-то слабости: в глазах потемнело, голова закружилась, и ему казалось, что он уже умирает... Подошедшие остяки взяли его, ввели в юрту, усадили на шкурах, накормили, напоили старика, рассказывая ломаным русским языком, что они занимаются звероловством, а живя в соседстве с русскими, научились от них хлебопашеству. Старик был как во сне; добродушная болтовня остяков, кото-

рую он очень мало понимал, казалось ему похожей на жужжание диких пчел... На другой день старик двинулся дальше, провожаемый толпой остяков, которые сильно дивились, что он таким сильным морозом одет так легко. Отшельник же не чувствовал холода – его тело было достаточно закалено... Под вечер перед отшельником открылось большое русское село с церковью. Тут старика приняли очень радушно, хоть и с большим изумлением. – Сидя в красном углу одной из лучших изб, отшельник разговаривал с собравшимися крестьянами, и его старинная речь была почти без затруднения всеми понята. Крестьяне, хоть спросить не смели старика, кто он и откуда, смекнули, однако, что он должен был долгое время жить в лесу, если обо всем, что происходило на свете, не знает ничего, и рассказывали ему, что творилось на Руси. С ужасом узнал отшельник об пришедших тиранах, о их неистовом глумлении над святыми и спросил крестьян:

–Что есть безбожие и какая причина ему? Неужели нашлись люди, что не верят в Бога?

Никто не мог дать отшельнику ответ на его первый вопрос. Тогда он решил идти и посмотреть – что это за люди, которые осмеливаются отвергать существование Творца вселенной. На другой день крестьяне, снабдив своего гостя лучшей одеждой и пищей, рассказали ему про дорогу и отпустили его. Но долго в селе не прекращались разговоры про неведомого старца: его облик и речи врезались каждому в память... А отшельник шел и все думал о странной для себя вещи – безбожии.

Когда отшельник перевалил через Уральские горы, то мог в городах и селениях видеть страшное насилие над совестью человеческой и видел самих гонителей. Вид согбенного старичка с посохом, в лаптях, в сыром армяке, с крестом на груди и его хоть редкие, но проникновенные слова, которыми он разъяснил самые запутанные вопросы, над разрешением которых великие мудрецы годами ломали бы головы, производили неизгладимое впечатление. Часто его брали, заключали в тюрьму, требовали каких-то неизвестных ему предметов – документов, грозили смертью. Но отшельник очень мало отвечал на предлагаемые вопросы, и те, которые арестовали его, не добившись от древнего старикашки ничего путного и считая его помешанным, отпускали его на все четыре стороны. И ходил отшельник из деревни в деревню, из села в село, из города в город, ночуя где попало, присматриваясь к проявлениям безбожия и размышляя над его причинами. И понял он, странствуя, что ничем в человеке зло так скоро и легко не овладевает, как разумом его, хоть он и является великим и святым даром Божиим души человека, и что помраченный разум производит безбожие; а так как Господь дал старику зреть своим духовным взором все творящиеся в душе каждого человека, то видел он, что безбожники не имеют счастья, что дрязги житейские крепче опутывают их, чем людей верующих, и что им недоступны те утешения в скорбях и тихие радости, которыми пользуются верующие.

Прошли зима, весна с летом и наступила грязная, холодная осень. Лапти старика давно изорвались и он ходил босиком, старенький армячишко, данный ему крестьянами сибирского села, сильно износился и начал рваться.

Всем было холодно и невесело – но только не старику; он понял, что Всевышний не напрасно дал ему такую долгую жизнь: Он сохранял его в простоте душевной для служения Себе спустя много веков, чтобы видом носимого креста и словами он возбуждал святое беспокойство в душах заблудших, ведущее к раскаянию в грехах, и укреплял борющихся с воплощениями демонов; а ради этого старика радостно двигал свои измученные, изморенные ноги и терпел холод и голод... Раз, проходя городом, встретился с таким, как сам, стариком, который имел на шее такой самый, как у него, крест; осенясь крестным знаменем, старики-исповедники гонимой веры разошлись. Возрадовался бывший отшельник; он вспомнил, что встреченный им человек когда-то приютил его ночевать в своей избе и усердно слушал то, что он говорил.

Прошла, наконец, студеная зима и опять пришла весна. Отшельник почувствовал, что исповеднический подвиг его приближается к концу. Он начал испытывать страшную слабость; все тело его дрожало; ноги не двигались; глаза уже почти ничего не видели; голос сделался тихим и глухим. Он молил Бога, чтобы принял его душу к Себе...

...Была теплая, тихая и ясная безлунная пасхальная ночь... Отшельник, измученный ходьбой, сидел на нерастаявшем еще снегу под кустом можжевельника на опушке соснового бора и был погружен в сон. И снилось ему, что светлый ангел взял его за руку, и они вместе поднялись высоко над огромной равниной, покрытой густым мраком, среди которого сверкали, дрожа и переливаясь, бесчисленные огни и огоньки; и сказал ангел: «Эта равнина – твоя родина, а огоньки – люди, работающие для духовного воскресенья ее; и много этих святых огней зажжено тобой».

Затрепетало от невыразимого восторга усталое сердце отшельника, и душа его вознеслась к престолу Всевышнего, а тело его мгновенно рассыпалось в прах; крест же расплавился, обратился в тонкий пар и пар рассыпался бесследно в ночном воздухе...

Донесся первый удар колокола от белеющей невдалеке церкви, за ним второй и третий, и полился звон – могучий, как клич свободы, торжественный, как песня победы, и, как рокот моря в тихую погоду, радостный и нежный... Колокола пели о победе света над тьмою, добра над злом и о воскресении:

«Христос воскрес!»⁹¹.

СВЯЩЕННИК СЕРГЕЙ ЖЕЛУДКОВ «ПОЧЕМУ ВЫ «ПОРВАЛИ С РЕЛИГИЕЙ»

Открытое письмо бывшему священнику Дарманскому по поводу его статьи «Почему я порвал с религией» 1958

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ. Не знаю, с чего начать, как к Вам обратиться... Недавно я услышал разговоры, что вот выступал по радио молодой священник из Ленинграда: он был неверующим, а служил священником, говорит, что все – обман, и т.п. ... С тоской и возмущением верующие передавали мне это. Когда я попросил припомнить фамилию бывшего священника и узнал, что это

– Вы, Дарманский, я очень удивился. Ведь я Вас помню, вы были на II и III курсах академии, когда я занимался там же в семинарии. Вы производили тогда на меня, да и на всех хорошее впечатление. Что с ним случилось, кто его обидел, что было истинной причиной этой страшной душевной катастрофы? – думал я. Это было загадочно. И вот я достал наконец Вашу статью, читаю – и снова не могу взять в толк ничего. Ну, что из того, например, что в неканонической книге «Эсфирь» ни разу не упоминается слово «Бог»? – БОГ – с теми, кто проявляет смирение, самоотвержение, верность: это и видно в книге «Эсфирь»... Считают, что это – отрывок из персидской летописи? Тем лучше, значит, это – подлинная история.

Не нравятся Вам «Песнь Песней» и «Экклезиаст» – и пусть Ваши недомыслия искренни и серьезны. Но любые недостатки Ветхого Завета – какое они могут иметь значение для Нашей веры в Христа Спасителя? Мы смотрим на Ветхий Завет ретроспективно, ОБРАТНО из христианства – и многое в нем отвергаем, например, кровавые жертвы. Апостол Павел пишет, что Бог чрез Христа «ДАЛ НАМ СПОСОБНОСТЬ БЫТЬ СЛУЖИТЕЛЯМИ НОВОГО ЗАВЕТА, НЕ БУКВЫ, НО ДУХА, ПОТОМУ ЧТО БУКВА УБИВАЕТ, А ДУХ ЖИВОТВОРИТ» (2 Кор. III, 6).

Далее Вы приводите пример разноречия Евангелий в сказаниях о Рождестве Христовом. Но и это, и многие, многие разноречия Евангелий – драгоценное свидетельство их подлинности и святости Церкви, принявшей Евангелия в том виде, как они были записаны, без всякой подгонки. . . Апостол Павел пишет: «Вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, ОБНИЦАЛ ради нас, дабы мы обогатились Его нищетою» (2 Кор. VIII, 9). Христос ОБНИЦАЛ ради нас, чтобы не ослепить, не подавить нас Своей сверхъестественной славой, не СВОБОДНО ПРИВЛЕЧЬ нас к Своей божественной ЖИЗНИ.

Он обнищал непритворно, Он – ЧЕЛОВЕК нас ради, – и слово Его, и слово о Нем находятся в обычных исторических условиях передачи человеческого слова. Евангелия – не протоколы и стенограммы, а воспоминания и сказания. Разноречия Евангелий могут быть для нас источником не уныния, а благоговейного подъема духа: ведь это и есть спасительная, благословенная НИЩЕТА Иисуса Христа! Неужели я именно поэтому перестану ЛЮБИТЬ Его, неужели посмеюсь над бедной одеждой моего Спасителя?

И святыми отцами Вы недовольны: почему у них разногласия между собою. Не могу поверить – неужели Вы серьезно думаете, что все они должны были твердить одно и то же? Ведь Вы знаете, что и у апостолов были разногласия. Полное единодушие, сказал кто-то, царит только на кладбище.

Вас возмущает, что Библия называет небо шатром, и что в видениях Апокалипсиса звезды падают на землю. . . Но с таким же успехом Вы можете порицать любого современного нам писателя: «Солнце восходит»: «Луна сияет»; и т.п. – все это, по Вашему, противоречит науке?

«БРАТИЯ! НЕ БУДЬТЕ ДЕТИ УМОМ: НА ЗЛОЕ БУДЬТЕ МЛАДЕНЦЫ, А ПО УМУ БУДЬТЕ СОВЕРШЕННОЛЕТНИ» (1 Кор. 14, 20). Когда читаешь Ваши рассуждения о науке и религии, то приходится колебаться между заклю-

чениями либо о Вашей, извините, необразованности, либо Вашей, извините, неискренности. С начало XX века не один раз проводились АНКЕТЫ среди выдающихся УЧЕНЫХ всего мира по вопросу об их отношении к религии. Оказывалось каждый раз, что подавляющее большинство ученых – ВЕРУЮЩИЕ люди. Это же можно установить, если взять УЧЕБНИКИ естествознания и справиться о личных убеждениях ученых, сделавших крупные вклады в науку: большинство из них – ВЕРУЮЩИЕ люди. Некто наглядно изображал дело так: если бы вырвать, говорил он, из учебников астрономии, математики, физики, химии и т.д. страницы, которые вписали туда своими открытиями ВЕРУЮЩИЕ ученые – у нас остались бы едва ли не только обложки. . . Мне особенно запомнилось, что отец современной астрономии КОПЕРНИК был, оказывается, СВЯЩЕННИК – отец Николай Коперник. Он принял священство уже в пожилом возрасте и служил ревностно. Он не потерял веры от того, что Библия называет небо шатром. . . А вот ИСААК НЬЮТОН, по слову Лагранжа – «величайший из гениев и самый счастливый, ибо система мира одна, и открывать ее можно было только однажды», этот Великий из великих Ньютон имел такую живую ВЕРУ в Бога, что благоговейно снимал шляпу всякий раз, когда ему случалось в разговоре произносить имя Божие. Он пробовал толковать Апокалипсис и не смущался, что в видениях его звезды падают на землю. . .

Великий КЕПЛЕР заканчивает ученый труд по астрономии благодарственной МОЛИТВОЙ. В связи с этим именем известно, что в 1603 году появилась новая звезда, необычайно яркая это был спаренный блеск Юпитера и Сатурна, ставших почти в одну линию. И вот Кеплер сделал обратные вычисления и нашел, что такое же сочетание этих планет БЫЛО около времени РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА, – вероятно, это и была РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА Евангелия: «ибо мы видели Звезду Его на востоке, и пришли поклониться Ему» (Мф. II, 2). . .

Отец микробиологии ЛУИ ПАСТЕР писал: «Чем больше я изучаю природу, тем с большим удивлением останавливаюсь перед делами Творца. Я МОЛЮСЬ во время работы в лаборатории». « Я много изучал, и потому ВЕРУЮ, КАК ПРОСТОЙ КРЕСТЬЯНИН». . . Ленинградцы помнят, что наш русский физиолог Павлов ходатайствовал, чтобы не закрывали храм, в котором он молился. Ваш земляк знаменитый окулист ФИЛАТОВ был верующим человеком. . . Это – ничтожная, ничтожная часть того, что известно. Таковы живые свидетельства истинных представителей науки.

Верующий ученый понимает, что Божество неприступно для научного познания. Нельзя «открыть» Бога в природе, ибо Бог, выражаясь весьма условно, ВЫШЕ природы. Да и сама природа бесконечно таинственна. Великий Ньютон говорил, что самому себе он представляется мальчиком на берегу неведомого ОКЕАНА ИСТИНЫ. Безграничность познания есть вечная граница непознаваемого, и чем больше расширяются теперь пределы науки, тем более ВОЗРАСТАЕТ это иногда невыносимо волнующее нас чувство ТАЙНЫ мира. Простой пример – звездное небо:

«Открылось бездна, звезд полна:

Звездам числа нет, бездне – дна».

(Ломоносов).

Всякий раз, когда мы пытаемся ПОНЯТЬ, что эта бездна действительно БЕЗ ДНА, бесконечна – мы просто чувствуем недоступность нашему рассудку самых основ бытия. Не к Богу ли обращена эта вечно невидимая нам сторона природы во всех областях знания?...

Что и говорить: жизнь – ТАЙНА, которую никто не разгадает до смерти, и это одинаково ТАК и для самого ученого человека.

Нельзя научно ДОКАЗАТЬ бытие Божие. Но нельзя НАУЧНО доказать и обратного. Какая СВОБОДА для нашего выбора! Но вот мы решили – заметете, НЕ РАССУДКОМ, А ВОЛЕЮ – решили, что Бога «нет», и пробуем дать себе отчет – что же это такое, мир без Бога. МИР? – это вечная пропасть бесконечности, пустота мрака и смерти, слепой процесс без начала и без конца, без цели и смысла. Может быть, «ЭТО» все же куда-то «развивается»? – НЕТ: ведь этот процесс уже совершается вечно, вечно, и следовательно, всякое развитие в нем уже совершилось и только повторяется вечно, вечно... Невозможно до конца осознать этот кошмар, невыразимый ужас такого, с позволения сказать, решения мировой тайны.

НЕВЕРИЕ В БОГА ЕСТЬ ВЕРА В БЕЗУМИЕ МИРА, – и с ТАКОЙ верой никогда не примирится свободный разум человека: нет, нет, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, чтобы сущность жизни была отчаянна, нелепа!

«Сказал безумец в сердце своем: нет Бога» (Пс. XIII, 1)... Вот атеизм педер судом разума.

Вы написали

«... Спасение души? От чего или от кого спастись? И зачем спастись, если, по учению церкви, Христос всех спас? А если приходится спастись каждому своими силами, значит, Христос не спас никого. Почему вера должна быть выше рассудка? Если бог создал человека «по образу и подобию» Своему, значит рассудок, знания – выше веры, ибо Бог, как учит церковь, все знает, а не всему верит»...

Я отвечу Вам от души, своими словами.

Христос спасает меня от подлости, если я свободно захочу этого. Христос дарует нам вечную, божественную ЖИЗНЬ, если мы проявим свободную ВОЛЮ к божественной жизни. Эта воля есть деятельная ВЕРА – «ВЕРА, ДВИЖИМАЯ ЛЮБОВЬЮ» (Гал. V, 6). Бог – все знает, и человек способен знать, постигать рассудком, все, что НИЖЕ его самого. Высшая, Божественная деятельность не открывается без любящей веры. Я вижу, что Вы совсем не понимаете идеи СВОБОДЫ, центральной в христианском мировоззрении.

СВОБОДА – вот образ Божий в человеке. Мы СВОБОДНЫ – веровать нам или не веровать, поклоняться нам Богу или не поклоняться. С этой позиции мы можем не понять, что ОТКРЫТЬСЯ нашему рассудку без веры – для Бога значило бы умертвить нашу свободу, ПРИНУДИТЬ нас к поклонению Себе. Казалось бы, это и хорошо: «пусть бог ДОКАЖЕТ СЕБЯ – и мы Ему поклонимся»!

Но Бог не рабства, а величия, СПАСЕНИЯ нашего ищет. Он изволит сделать нас «ПРИЧАСТНИКАМИ БОЖЕСТВЕННОГО ЕСТЕСТВА» (2 Петра 1, 4), «УСЫНОВИТЬ нас Себе чрез Иисуса Христа» (Еф. 1, 5). Сын Божий приходит

к нам без славы, без всякого внешнего принудительного могущества, но во всем страшном величии Своей духовной красоты. Во Христе божественная любовь обращается к нашей Свободе и страдает от нашей злобы. Христос является нам в полнейшем человеческом уничтожении – и однако же, и именно благодаря этому, приобщает нас к самой СУЩНОСТИ божественной ЖИЗНИ – к Своей ЛЮБВИ. «Через Христа Бог стал родным и близким человеку» (Н.А. Бердяев). . .

Я ВЕРЮЮ, – это значит: я Люблю Бога, то есть я свободно ХОЧУ, ЧТОБЫ ОН БЫЛ И ЦАРСТВОВАЛ НАД МИРОМ. Царь небесный чтит нашу свободу и вызывает к нашей любви, Он не хочет царствовать над нами иначе, как по свободному избранию нашего сердца. . . Вот – СВОБОДА! «Блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ио. 22, 29). По силам ли нам это? – ДА, ибо сама божественная благодать помогает нам на пути свободной веры. БОГ ЕСТЬ, и бытие Божие определяет наше религиозное сознание. Но это совершается не принудительными доказательствами рассудка, а неисповедимыми путями, в сокровенном опыте жизни, в таинственных движениях души, ВНУТРИ нашей свободы. . . «ЖАЖДЕТ ДУША МОЯ К БОГУ КРЕПКОМУ, ЖИВОМУ» (Пс. 41, 2).

Еще место из Вашей статьи:

«... Нет возможности в рамках газетной статьи раскрыть перед читателями широкую картину всего, что довелось мне услышать, увидеть, пережить и передумать за три года пребывания в числе служителей религиозного культа. С уверенностью могу только сказать, что христианства, каким его тисцатся изобразить церковники, в практической жизни человека нет и, как свидетельствует история, никогда не было. Христианство живет только в богословских книгах и в устах церковных деятелей. Слова же и дела расходятся абсолютно» . . .

О духовенстве: если мы ведем себя недостойно, то это обратным способом показывает глубочайшую жизненность и правду святых, которая не умирает в душе народа вопреки нашему недостойнству.

Но я лично знаю и Вы лично знаете многих священников, которых Вы незаслуженно оскорбили этим заявлением.

Об истории: Вы сами знаете, что пишете НЕПРАВДУ, отрицая христианство мучеников и подвижников всех времен и народов. . .

О современном христианстве: ОНО ЖИВЕТ И ДЕЙСТВУЕТ! Христос – ЧЕЛОВЕК, и христианство есть истинная ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ, и где она проявляется, мы видим Божественный свет. Христианство не вмещается в книгах, оно – в самой ЖИЗНИ, – в святом материнстве, в безвестном будничном подвиге простого человека, в мужественном страдании, в самозабвенной любви, в смирении, в верности, в искренности, в неумирающем и неистребимом стремлении человека к духовной красоте и свободе, в человеческих законах, – во всем, что дорого и свято нам в жизни! Все священные идеи человечества – из христианства, они не мыслимы и нелепы без христианства; христианство – соль земли, кислород в воздухе, которым мы дышим, сами не замечая того.

В ваших словах я почувствовал горечь сознания, что христианство во всей силе и полноте далеко не проявляется в практической жизни отдельного человека. Иначе и быть не может, это-то как раз и показывает, что христиан-

ство – БОЖЕСТВЕННО... Но есть ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗА ВСЕХ НАС осуществил в Себе божественную человечность, – ИИСУС ХРИСТОС.

Те, кто свободно ПОЛЮБИЛИ Христа в Его человеческом унижении, в Его страданиях и смерти, те сроднились с Ним навеки. Любовь же не знает границ и расчетов, она живительна, она чудотворна, – и божественная СЛАВА Сына Человеческого становится ОБЩИМ ДОСТОЯНИЕМ Верующего в Него человечества.

Так, в хорошей семье мы страдаем друг за другом, и радуемся друг за друга, бесконечно прощаем друг другу, духовно исцеляем друг друга... Эта спасающая во Христе семья человечества есть ЦЕРКОВЬ. «которую ОН ПРИОБРЕЛ СЕБЕ КРОВИЮ СВОЕЮ» (Дн. 20,28), таинственное бессмертное Тело Христово (Еф.1, 23). Кто в Церкви – тот не погибнет для вечной жизни. АМИНЬ!... Вот глубочайшая тайна религии, которую Вы отвергли.

... Почему Вы «порвали с религией»? Вчитываясь в Вашу статью, я сделал открытие: ДА ВЕДЬ ВЫ И НЕ БЫЛИ В ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ. Вы верили, что Христос – не Человек, и что человек – не свободен, что Ветхий Завет – не отменен; что Библия – учебник естествознания; что небо – шатер; что диавол – с хвостом и т.д. Это была религия страха и невежества. Понятно, она стала быстро разваливаться от посещения лектория. Но каковы бы ни были заблуждения Вашего рассудка, если бы христианство действительно обитало когда-нибудь в Вашем сердце, оно оставило бы по себе воспоминание бесконечно заветное и святое. Можно потерять веру, иногда это нужно бывает по ходу нашего духовного развития, но никогда, никогда не станет человек поносить и оплевывать то, что действительно БЫЛО ЕГО СВЯТЫНЕЮ. А Вы это сделали.

Вы утверждаете, что христианство калечит душу, а сами являете живой пример души, искалеченной атеизмом. Мы знаем много людей неверующих, заслуживающих всяческого уважения. Я убежден, что Ваше выступление было и для них оскорбительно. Ведь Вы действуете теперь как представитель атеизма, атеистической морали. Посмотрите же на Ваше поведение со стороны, как оно представляется по Вашей собственной газетной исповеди... Вот он уже окончательно решил, что он – АТЕИСТ; он испытывает, как сам пишет, не просто разочарование, а прямо-таки НЕНАВИСТЬ К РЕЛИГИИ и... продолжает СЛУЖИТЬ СВЯЩЕННИКОМ В ХРАМЕ, воистину народ обманывать, не в силах оторваться от церковного пирога, – и он делает это с начала 1957 года по февраль 1958 года, то есть каждый день в продолжении целого года... Он мог бы сделать это как-то более или менее прилично, стыдясь верующих и неверующих – поступить на гражданскую работу, уехать и т.п. Нет, он устраивает всенародный скандал, исповедуется в газете, выставляет на всеобщее обозрение не только свою бедную душу, но и посторонних неповинных людей, имевших несчастье с ним встретиться – девушку, которая любила его шесть лет, с именем и фамилией, преподавателей, духовников, свою жену... Он смеется над святыней родного народа, которая была и его святыней с детства. Он хвастает, что его посвящали в кафедральном соборе, что он закончил академию успешно, что ему «присудили» кандидатскую степень, сообщает даже название своего кандидатского сочинения, – все это с единственно объяснимой целью: набить цену своему отступничеству. Разве это МОРАЛЬНО?

Русский верующий народ Вас приютил в церковной школе, кормил и одевал ВОСЕМЬ ЛЕТ; никто не принуждал Вас идти в священники, Вы сами этого просили, хотя нужно было Вам, по совести, не спешить, посомневаться вволю и найти себе прочное мировоззрение; Вам поверили, народ, Вы пишите, хорошо Вас обеспечил... И за все это Вы НАПЛЕВАЛИ в душу этому народу – и верующим и неверующим, – да и неверующим, ибо это позорит Вас уже не в качестве священника, а в качестве АТЕИСТА.

Все равно, как если бы Вы попросились в приличный дом и, извините, на роляе нагадили. И ведь, выступая в роли обличителя Церкви, Вы заранее знали, что Церковь будет молчать, что не выступит вслед за Вами по радио златоустый митрополит Николай, или негодующий любящегневный протоиерей Козлов, или другой кто-либо из Ваших бывших учителей и товарищей. Воображаю, что бы это было!... Эта черта заведомой безнаказанности в Вашем поругании безмолвствующей Церкви была особенно отвратительна. Конечно же, неверующие осудят эту, извините, пропаганду подлости, с которой Вы выступили от имени атеизма: как же будем мы строить лучшее ОБЩЕСТВО, если каждый из нас будет так низок!

... А верующим было очень, очень больно. Вот «человеческий документ» – письмо, которое получил некто по поводу Вашей статьи:

«... В городе я услышала об этой статье, а вчера передавала Москва его выступление по радио, но я не слушала вчера радио. Обегав деревню, нашла, наконец, эту газету и прочитала. Вы, наверное, этого мерзавца знаете? Вот уже целый вечер, как я плачу. Родной друг мой, что бы ни случилось с нами, мы всегда с Богом»...

Это одна капля в море возмущения народа!

Ах, молодой человек, что Вы наделали, страшно подумать, какие душевные муки испытаете Вы, когда поймете уродство Вашего несчастья.

Променять Христа на Дулмана! Одна мысль об этом – тошнотворна...

«БОЖЕНЬКА ВСЕ ВИДИТ», «БОЖЕНЬКА НАКАЖЕТ», – так, смеетесь Вы, учили Вас Ваши родители. Они были правы, Вы это увидите.

Только не понимайте, пожалуйста, наказание Божие в смысле кары или мести. По-гречески «Бог наказывает» значит – «Бог ВОСПИТЫВАЕТ».

Боже, избави меня посмеяться над Вашей бедою, в которой несомненно, повинна отчасти и дурная система нашей церковной школы.

Я Вас хорошо помню, я надеюсь, что на ЭТОМ Ваше развитие не остановится. Я призываю Вас не отчаиваться, перестрадать все терпеливо и верить, что у Бога – море любви. В неделю Жен-Мироносиц, 1958»⁹².

Мне, прочитавшему все пока доступные произведения С.П.Белайца, как никому, понятно – насколько еще недостаточно вышеопубликованного для оценки творчества этого замечательного человека и священника, но не сразу и Москва строилась, а потому будем надеяться, что с Божией помощью, жизнь его и духовное наследие вскоре предстанут перед нами во всей своей полноте и многогранности.

ГЛАВА IV. СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

«Если он жив, то позволить ему возвратиться домой...» Французские военнопленные в Гродненской губернии после 1812 года

Невиданный в истории разгром армии Наполеона отнюдь не означал, что на полях России был уничтожен весь ее личный состав. Огромное количество деморализованных и полусамерзших солдат и офицеров было пленено русской регулярной армией, ополчением и партизанами. Значительная часть их сама разбрелась в ходе панического осенне-зимнего отступления по русским и белорусским селам. Крестьяне, еще недавно встречавшие французов как захватчиков, нынче со свойственным им великодушием к побежденным давали этим несчастливым пищу и кров. Именно тогда здесь родилось новое слово «*cher ami*», то есть милый друг; так наполеоновские солдаты обращались к крестьянам за помощью. В помещичьих имениях тоже охотно принимали «шерамыжников», тем более, что многие из местных дворян совсем еще недавно были на стороне Франции, обещавшей восстановление Великого княжества Литовского. Так что тогда редко можно было найти «порядочный» дом, в котором бы не встречалось временно застрявших на Гродненщине французов. Их использовали не только как плотников, кузнецов, садовников, портных, но и как учителей, гувернеров. Сколько таких гувернеров осталось на территории империи, никто точно сказать не мог, но постепеноно вопрос о военнопленных перерос для российского правительства в серьезную проблему. Как с ними быть, дать убежище или выгнать и тем самым укрепить армию Наполеона? В конце концов решили пока держать в России оказавшихся в их власти французов, тем более что еще предстоял поход через всю Европу в Париж.

Постепенно вопрос о французских военнопленных вырастал в серьезную проблему. Те из них, которые этапным порядком были отправлены вглубь России, обычно приписывались к казенным заводам и мануфактурам. Но это было лишь частичное решение вопроса. В ноябре 1813 года министерство полиции внесло на утверждение комитета министров «Правила», коими следовало руководствоваться, принимая военнопленных в подданство России. Согласно им, письменную присягу «на временное или вечное подданство России» мог приносить любой солдат и офицер армии Наполеона и жить затем «вольным человеком» в любом месте Российской империи, исключая Польшу, Прибалтику, Финляндию, Бессарабию, Белостокскую и Тарнопольскую области, а также столицы – Петербург и Москву. В двухмесячный срок новообращенные обязаны были избрать род занятий и состояние (дворяне, мещане, крестьяне); в противном случае с ними могли обращаться, как с бродягами. Особыми льготами при принятии русского подданства пользовались те из французов, кто работал в промышленности или в ремесленном производстве. Следует признать, что размах вступления бывших солдат разнопле-

менной армии Наполеона в русское подданство был достаточно широким. Правда, обещание императора Александра I вернуть всех военнопленных из России на родину, данное временному французскому правительству в апреле 1814 года, несколько замедлило этот процесс, оставив немало лазеек для желающих остаться в России⁹³.

Что касается Гродненской губернии, то здесь ситуация с военнопленными имела свою специфику. Пограничное положение губернии, участие некоторой ее части населения в войне на стороне Франции, вынуждало правительство незамедлительно отправлять военнопленных на восток. Временное исключение делалось лишь для больных и раненых французов. Между тем их число было немалым: военные госпитали и лазареты не справлялись с их лечением, а потому часть проблем, связанных с оздоровлением бывших солдат Наполеона, по согласованию с местными властями взяли на себя католические монастыри. Положение еще более осложнилось тогда, когда через губернию стали проходить большие партии военнопленных, поступавших из Западной Европы. Как следует из материалов Национального исторического архива в г.Гродно, «сразу же после изгнания неприятеля из Гродно, в городе была создана Гошпитальная контора (комиссия), состоящая из инспектора Михельсона, штаб-лекаря Шабанова и прочих чиновников». В первых числах января 1813 года смотрителем Гродненского военного госпиталя был назначен титулярный советник Киркевич, но в связи с переходом госпиталя в апреле месяце из прифронтового по внутреннее положение, «он сдал госпиталь и все письменные дела о нем господину Вишневному». Впоследствии упомянутый Киркевич докладывал начальству, что в его бытность смотрителем «в госпиталь иностранцев почти не поступало, ибо все они находились в ведении Гродненского доминиканского кляштора (монастыря) под попечительством ксендза Войткевича, а также чиновников – бывшего уездного казначея Вольмера, гродненского обывателя Маковского, бывшего секретаря Гродненского главного суда Кисловского и чиновника Гродненской казенной палаты Мусницкого», но уже спустя месяц госпиталь оказался переполненным больными и ранеными военнопленными⁹⁴. Для ухода за ними власти были вынуждены привлекать и врачей из числа военнопленных. Один из них, доктор Пейран, даже написал 4 марта 1813 года прошение на имя «правлящего должность гражданского губернатора князя Любецкого» о назначении ему «за пользование больных военнопленных, находящихся в Гродно, приличного вознаграждения». Необычность такого прошения вынудила князя Любецкого «пустить его по военной линии», после чего генерал Корсаков препроводил это прошение на рассмотрение главному доктору коллежскому советнику Гейроту⁹⁵. В сложившейся ситуации смотритель госпиталя изыскивал в поиске врачей даже способ «перехвата», о чем свидетельствует рапорт губернатору лекаря 17-й артиллерийной бригады Ложникова: «Следуя из города Минска по данной мне подорожной за №223, я по прибытию в город Гродно был задержан начальством по причине недостатка медицинских чинов в здешнем госпитале; а так как ныне онный госпиталь уже не терпит недостатка в медицинских чинах, а я обязан следовать в Главную квартиру армии, а затем и к месту своего назна-

чения, то прошу Ваше Высокоблагородие снабдить меня новой подорожной и проездными деньгами. Свидетельство о работе в госпитале имею. Лекарь Ложников. Март 16 дня 1813 года»⁹⁶.

В Петербурге знали и как могли помогали в разрешении многочисленных вопросов по уходу за пленными, о чем свидетельствовал циркуляр министра полиции С.К.Вязьмитинова на имя гродненского губернатора Андржейковича от 19 марта 1813 года. В нем, частности, говорилось: «Управляющий военным министерством, изыясняя мне, с какими затруднениями сопряжено содержание в военных госпиталях больных военнопленных, тем более, что они не имеют вовсе средств к их продовольствию по случаю большого количества воинских чинов, превышающих ассигнованную на них сумму, просит об учинении с моей стороны зависящих по сему предмету распоряжений. Вследствие сего прошу Ваше Превосходительство впредь, если случатся в числе находящихся в губернии, управлению Вашему вверенной, больные военнопленные, то при отправлении их для пользования в воинские госпитали посылать туда же и следующие на их содержание деньги за месяц вперед, требуя оные на основании положения о пленных из казенной палаты, о чем доносить в свое время г-ну министру финансов, а также уведомлять в непродолжительное время и меня»⁹⁷.

Кроме губернского города, военные госпитали и лазареты имелись во всех уездах. Почти везде там существовали проблемы с медперсоналом, лекарствами и продовольствием для больных и раненных. Об особенностях их разрешения убедительно свидетельствует архивное дело «О выдаче денежной компенсации Слонимскому уездному маршалку Гронскому за содержание госпиталя №14 для военнопленных», начатое в мае 1813 года. В этом деле имеется прошение Гронского на имя Литовского военного губернатора А.М.Римского-Корсакова, частично проливающее свет на вопросы содержание военнопленных: «Гошпиталь для пленных австрийцев в Слониме был препоручен моему призрению Гродненским исполнительным комитетом с тем формальным заручением, что все издержки на него без замедления от казны возвращаемы мне будут со сборов за земельные повинности. Я не мог приискать охотников, дабы все нужное для сих несчастных досылаемо было, а потому принужден сам заниматься этим, употребив наличные мне деньги на первый необходимый заклад в госпитале весьма умеренным образом: кормил их собственным хлебом, нанял для их врачевания лекаря, делал услуги и извольной аптеки (за неимением казенной), откуда выдавал медикаменты. Таким образом я содержал лазарет с марта месяца. . . , после чего исправляющий должность гродненского губернатора Андржейкович предписал мне сдать всех больных военнопленных смотрителю военных российских гошпиталей Гусеву, на что последний согласился при условии соответствующего ассигнования со стороны Гродненской казенной палаты. Без этого он принять больных не может. С этой же просьбой я обращался и к приезжавшему в Слоним для осмотра гошпиталю инспектору Гродненской врачебной управы Михельсону, чтобы он уволил меня от этого лазарета и издержек на него. Прошу и Вас об этом». Вскоре после этой жалобы Гронского смотритель военных госпиталей

Гусев по указанию высокого начальства принял на свое попечение всех больных военнопленных «безоговорочно»⁹⁸.

Из-за отсутствия необходимых источников трудно определенно судить об общем количестве военнопленных французской армии, находившихся на излечении в Гродненской губернии. Известно лишь о том, что французских военнопленных хоронили на католических кладбищах (одно из таких захоронений сохранилось и по сей день на Фарном кладбище в Гродно), но все же основная их масса благополучно выписывалась из госпиталей и отправлялась по утвержденному в Петербурге плану вглубь России. Несмотря на разрозненность сведений о количестве отправленных из Гродно военнопленных, в них все же присутствует некоторая динамика в сторону увеличения числа последних. Так, 4 февраля 1814 года из губернского города в Минск была отправлена одна из первых партий военнопленных, состоявшая из 22 обер-офицеров и 177 нижних чинов, на что было отпущено соответствующее количество денег, продовольствия, подвод и т.д. в расчете на 5 дней пути по Гродненскому уезду, 7 дней по Лидскому и Новогрудскому – и так вплоть до Минска. 23 февраля для отправки очередной партии военнопленных в г.Белов Тверской губернии в г.Гродно было оттуда прислано 1,5 тысячи полушубков, рукавиц, панталон, рубашек, фуражек, чулок. 4 марта 1814 года по маршруту на Минск была отправлена группа военнопленных (2 штаб-офицера, 31 обер-офицер и 164 нижних чина), а 8 апреля – 9 обер-офицеров и 232 нижних чина. Некоторое представление о количестве пленных дают сохранившиеся списки выздоровевших солдат Наполеона в Гродненском и Новогрудском госпиталях за первую половину мая 1814 года. К примеру, 2 мая из губернского госпиталя были выписаны: неаполитанец Яков Морон; голландцы – Идок Пронсер, Ербар Камер; поляки – Антоний Зингир, Франтишек Ромински, Антоний Смога, Франтишек Уляшовский. Через несколько дней оттуда же вышли: 6 мая – неаполитанец Жозепе Барни, 8 мая – французы Жозеф Эстрано, Жан Жозеф, Жозеф Блан, Антуан Байо, Пьер Седо, Жозеф Гибо; неаполитанцы – Луиджи Антонелли, Коломбо Анджело, Иоанн Беритани, Клазери Сворца, Антонино Рыбуцио, Камори Доменико, Гольблато Фидель, Петро Коминари, Джузепе Фереро; баварец Генрих Штахо; поляк Ян Ковальский. 12 мая – французы Луи Марме, Ригель Огюст, Самблон Антуан, Николя Григоа, Граш Лазарь, Тотиа Франсуа, Мори Глион; итальянцы – Ремарсю Тадесио, Опеш Филип, Морэ Бенедити, Хосе Брон; неаполитанцы Амануэль Бартоломия, Армени Дильдо; испанцы Франциско Понте, Стефано Жозеф; поляк Томаш Ковальский. Из Новогрудского госпиталя 2 мая было выписано шесть баварцев (фамилии не указаны), а 15 мая – пять голландцев (Жозеф Эрба, Иоган Энклер, Бертран Фонденстейн, Матияс Кридер, Жозеф Нодан и итальянец Фазл Франсуа. Всего 53 человека. 16 мая 1814 года под начальством поручика Витебского гарнизонного батальона Бородавкина из Гродно были отправлены во внутренние губернии России французские и итальянские военнопленные, прибывшие сюда из Белостокского госпиталя. В их числе было обер-офицеров – 11, нижних чинов – 42. Из этих же документов следует, что 21 мая из Гродненского военного госпиталя были выписаны 56 бывших наполеоновских солдат, вклю-

чая голландцев, австрийцев, баварцев, поляков. Все они были взяты в плен в сражениях первых месяцев 1814 года. Возглавляли этот список неаполитанцы – поручик Антони Бюзани и унтер-офицер Каэтано Гио. Организацией их отправки вглубь России ведал гродненский дворянский депутат Франц Дзеонский⁹⁹.

Основным документом, регламентировавшим все вопросы транспортировки и расселения пленных, было предписание министерства полиции от 29 августа 1812 года за №239. Согласно ему «на содержание пленных назначено в сутки: генералам по 3 руб., полковникам и подполковникам по 1 руб.50 коп., майорам по 1 руб. Обер-офицерам - по 53 коп., унтер-офицерам, рядовым и нижним чинам по 5 коп., и сверх того – провиант противу солдатских дач. Следующее им по сему предназначение выдавать впредь на семь дней, а провиант противу солдатского». Но были из этого правила и исключения, обусловленные политической конъюнктурой: как только в начале 1813 года Пруссия из противника превратилась в союзника, прусским пленным не только увеличили выплаты вдвое, но и ускорили их отправку на родину с целью использования как потенциальных солдат антинаполеоновской коалиции. Постепенно такие льготы стали распространяться и на другие категории военнопленных¹⁰⁰. Так, 25 апреля 1813 года петербургское начальство уведомило гродненского губернатора о высочайшем повелении, «чтобы находящиеся в плену у нас саксонские офицеры и нижние чины были освобождены из плена и направлены в Белосток для дальнейшего их препровождения в Дрезден. По собранным сведениям по разным городам здешней губернии имеется 65 пленных саксонцев». 31 мая в дополнение к этому письму из Петербурга в Гродно пришло уточнение о том, что под «саксонскими пленными нужно разуметь не только настоящих саксонцев, но равно саксен-веймарцев и саксен-кобургцев». Бывали случаи, когда некоторые из немецких военнопленных получали право на самостоятельное передвижение по России. Так, 18 июля 1813 года министерство полиции разрешило пленным полковникам баварской армии Корнео и Каланджеру приехать в Петербург, «если таковые находятся в Гродненской губернии»¹⁰¹.

Об активных действиях по формированию из числа военнопленных подразделений для участия их в разгроме Наполеона свидетельствует письмо правителя Белостокской области С.М.Щербатова гродненскому губернатору К.К.Лешерну от 21 ноября 1813 года: «Милостивый государь мой, Карл Карлович. Его сиятельство Главнокомандующий резервной армией г-н генерал от инфантерии и кавалер князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский препроводил ко мне трех человек голландцев (Генриха Сенпейшера, Иоганна Деливдо, Ионаса Абрама), шестерых человек гишпанцев (капитана Дона Мигеля Кастро, унтер-офицера Манделя Рапулеса и рядовых Георга Эскипера, Томаса Нуделя, Антония Бигоего и Гиполита Полиеса), назначенных для определения в формирующиеся иностранные легионы с тем, чтобы я до прибытия командира оных легионов г-на генерал-майора Отто содержал их в моем ведении, а по прибытии его отослал их к нему. Ныне, узнав, что г-н генерал-майор Отто находится по делам во вверенной Вашему Превосходительству губер-

нии, препровождено означенных военнопленных в Гродно с тем, чтобы Вы не оставили отправить их туда, где г-н Отто находится. Три человека голландца удовлетворены провиантом и порцией (вина – В.Ч.) по 26-е число сего ноября месяца, а гишпанцы кормовыми и порционными, по то же самое 27 число. Одежды казенной им никакой куплено не было. Рядовые Георг Эскипер, Антоний Бигоего и Гиполит Полиес остались пока за болезнью в Белостокском военно-временном госпитале, но по их выздоровлении они вслед за сими отправлены будут»¹⁰².

В работе с французами петербургские власти от чиновников на местах требовали, чтобы сведения об имеющихся в губернии военнопленных составлялись по форме: имя и прозвище (на языке военнопленного и по-русски), сколько от роду лет, чей подданный, в каких войсках служил, в каком полку и корпусе, где именно и когда был взят в плен. Однако эти предписания часто не выполнялись, что вносило большую путаницу при поиске тех или иных людей. Об этом свидетельствует письмо министерства полиции от 19 июня 1813 года с требованием контроля за тем, чтобы каждый из военнопленных «собственною рукою ясным почерком против русского имени написал на природном ему языке свое имя, фамилию, какой нации и в каком полку служил»¹⁰³.

При отправке первых крупных партий военнопленных на восток имели место и другие недоразумения, включая и случаи прямого препятствия этому со стороны отдельных помещиков и покровительствующих им властей. Об одном из них Гродненский военный комендант полковник Кленовский 23 марта 1813 года докладывал губернатору: «Отправленный от меня в январе месяце текущего года для препровождения военнопленных до города Речица Выборгского полка прапорщик Риттер сего числа возвратился обратно и показанным рапортом мне донес, что при проходе его партии через Новогрудок оные военнопленные были там задержаны по предписанию правившего ранее должность гражданского губернатора князя Любецкого; и как г-н генерал-адъютант начальник Главного штаба князь Волконский в присланном ко мне повелении именно предписал, чтобы военнопленные отнюдь задерживаемы в Гродненской губернии не были, а отсылаемы во внутренние губернии по изданному положению; по которому и ныне я отправил еще таковую партию военнопленных с прапорщиком Перекрестовым, которые, без сомнения, также будут задержаны в Новогрудке, для чего Ваше Высочородие предваряю и прошу предписать таможенному уездному маршалу и земскому суду, чтобы они не только сих пленных, но и прежних при проходе через Новогрудок сдали означенному Перекрестову – сколько их именно сдано будет, равно из-за болезни оставлено – немедленно доставить мне список; равным образом, когда прибудет туда прапорщик Перекрестов, то его нисколько не задерживать, но тем паче оказывать должное пособие, в противном случае я вынужден буду представить все это высшему начальству»¹⁰⁴.

23-им мартом оказалось датированным и предписание министерства полиции, присланное гродненскому губернатору, которое также касалось отправки именно этой партии в военнопленных. В нем, в частности, говорилось: «Сделав распоряжение к равному по внутренним губерниям распределению

военнопленных штаб- и обер-офицеров, поручаем Вашему Превосходительству приступить с получением сего к отправлению всех таковых во вверенной Вам губернии находящихся, по приложенному при сем маршруту в Тамбов, к таможенному гражданскому губернатору, который нами снабжен дальнейшими по сему предмету наставлениями. Причем наблюдать неупустительно следующее: 1) военнопленных штаб- и обер-офицеров отправлять за благонадежным конвоем, одних за другими, не более 30 человек вдруг, снабдив их в случае нужды необходимого сообразно годичному времени одеждою и обувью; 2) на каждых двух человек приказывать давать но по одной пароконной обывательской лошади, за указанные прогоны уплачивать строжайше причитающееся крестьянам, сию повинность имеющим; 3) отправляющимся таким образом офицерам отпустить вперед по примерному исчислению следуемые им на время проезда порционные по положению деньги, сообщив о том Тамбовскому гражданскому губернатору для охранения порядка в расчете; 4) по мере отправления сих именных извещать о том тех губернаторов, чрез губернии которых им следовать должно и кои нам о сем уже будут предуведомлены; 5) в случае разных во время следования встретиться могущих остановок, беспорядков или других приключений, требовать препровождающим пленных вспомоществования градских и земских полиций, коим поставить в обязанность безоговорочно им оное оказывать; 6) когда кто из офицеров на пути занеможет, то такового оставить в первой же на дороге больнице на особое попечение местного того же начальства, уведомив о том в то же время и Ваше Превосходительство; 7) наконец, для избежания затруднений при бесперывно встречающихся справках, и дабы министерство полиции всегда оставалось в известности, когда и куда именно какие пленные офицеры препровождены, то прошу Ваше Превосходительство уведомлять нас каждый раз, когда Вами сколько пленных отправлено будет с приложением именного списка»¹⁰⁵.

Следует заметить, что губернские учреждения достаточно скрупулезно исполняли вышеупомянутое предписание касательно обеспечения пленных питанием, деньгами, прогонными лошадьми с приложением их именных списков и маршрутов. Вот так, к примеру, выглядел маршрут военнопленных от Гродно до Тамбова: Новогрудок, Мир – Гродненской губернии; Несвиж, Слуцк, Глуск, Поречье, Речица – Минской губернии; Чернигов, Березна, Королевец, Сосница, Глухов – Черниговской губернии; Рыльск, Льгов, Курск, Щигры – Курской губернии; Липецк, Тамбов – Тамбовской губернии¹⁰⁶.

Судя по рапортам полковника Кленовского, он внимательно следил за тем, «чтобы военнопленные ни под каким предлогом не задерживались в Гродне как в пограничном городе», а также чтобы не было их задержек по пути следования, причем не только в Новогрудке, но и в Мире. Сообщая о трудностях формирования очередных партий военнопленных в Новогрудке, Слониме, Кобрине, Бресте, Волковыске, Лиде и др. городах для их дальнейшей отправки в Гродно, он, в частности, отмечал, что ему приходилось требовать у своих подчиненных «взятия у местных помещиков подписки, что если они не отдадут прижившихся у них в имениях военнопленных, то все они будут подвергнуты заемному суду». Наибольшие трудности по изъятию у помещи-

ков военнопленных, используемых ими «в разных хозяйственных и приусадебных работах», имели место в Волковыском и Лидском уездах. Среди удерживаемых преимущественно были военнопленные из числа уроженцев Варшавского княжества (герцогства). Вот имена некоторых из них: Иосиф Олеховский, Иоахим Прусак, Ян Вогчинович, Вавринец Енашевский, Иосиф Гаевский, Николай Храпчинский, Войтех Едамент, Иосиф Доброговский, Иосиф Ковалевский, Николай–Адам Самсонский, Валенты Щавинский, Павел Матеевич, Якуб Зардзавшил, Войтех Прашилович, Базылий Рубашинский, Петрук Недружил, Иосиф Ванатович и другие. Среди последних были также: Иоганн Пиер, немец, служивший в гвардии Наполеона; Фердинанд Ферра, голландец из Роттердама, служивший при французском военном госпитале, Гонеч Поль, уроженец Италии и др.¹⁰⁷.

В Национальном историческом архиве в г.Гродно сохранилась переписка должностных лиц, имеющая отношение к проходу через Гродненскую губернию одной из самых крупных групп французских военнопленных. Она дает достаточно полное представление об уровне организации подобных операций. Из Варшавского военного округа гродненскому губернатору К.К.Лешерну от 9 января 1814 года: «Милостивый государь Карл Карлович! Начальник штаба корпуса, командуемого генералом от кавалерии герцогом Александром Виртембергским, генерал–майор Вельяминов уведомил меня, что город Данциг покорен оружием Его Императорского Величества и часть находившихся в оном гарнизоне, состоящая из польских войск возвращается по домам своим, а французов до 9000 здоровых и 1500 калек отводится в Россию до Киева. Из них первые пойдут четырьмя колоннами тотчас, а остальные через несколько времени за конвоем полков Донского казачьего войска Грекова и Тульского конно-казачьего ополчения, всех числом не более 850 человек, под командою Тульского ополчения полковника Афросимова.

Я предписал начальникам департаментов, чрез кои сии военнопленные следовать будут до Бреста и далее, о заготовлении нужного продовольствия и подвод; всем им производить выдачу денег на основании постановления главнокомандующего Польской армии генерала от кавалерии графа Бенигсена: каждому генералу выдавать в день по 5 руб., штаб-офицерам – по 1 руб., обер-офицерам – по 50 коп. ассигнациями; нижних чинов довольствовать из магазинов, а где оных нет – от обывателей наравне против нижних членов российских; подвод выдавать по одной для двух офицеров и по одной для 25 рядовых, для генералов же и слабых служителей – сколько надобность потребует. Уведомляя о сем Ваше Превосходительство, привосокупаю, что дальнейшее назначение следования от Брест-Литовска оным колоннам будет зависеть от Вашего Превосходительства, С истинным почтением и преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга (подпись неразборчива – В.И.)».

Судя по имеющимся в данном деле документам, весь названный корпус военнопленных был разделен для движения в направлении Клева на четыре колонны: 1-я под командованием подполковника Сухотина; 2-я – подполковника Албычева; 3-я – майора Татищева и 4-ая – майора Фохта. Каждая из колонн проходила через обозначенные в маршруте следования населенные

пункты через два дня, чтобы им можно было обеспечить питание и ночлег. Из счетов о расходах на содержание пленных в Брест-Литовске следует, что 25 января 1814 года, в день прохода через город 1-й колонны военнопленных, им было выдано 2175 порционных питания и 71 подвода для перехода от Бреста до Мокран; 27 января 2-я колонна получила 1751 порцион и 50 подвод; 29 января 3-я колонна – 846 порционных и 38 подвод и 31 января 4-ая 1677 порционных и 74 подводы. В каждый порцион входило по 1,5 фунта хлеба, по полфунта мяса, по 1/30 соли, по одной чарке горячего вина; на каждую лошадь выделялось по одному гарнцу фуража. Все это по существующим в то время в Бресте ценам составило стоимость в 600 рублей серебром и 42625 руб. ассигнациями. Жалоб на содержание военнопленных ни со стороны конвоя, ни со стороны самих пленных не поступало. Наоборот, командир Тульского конно-казачьего ополчения подполковник Беклемишев, осуществлявший координацию действий конвоя, в своем донесении на имя гродненского губернатора от 3 февраля 1814 года сообщал, что «вверенные его командованию 4 колонны французских военнопленных прошли через Гродненскую губернию надлежащим образом, как в отношении их продовольствия, ночлега, равно и в подводах. Остановок не имели, благодаря расторопности и разумной деятельности Гродненского земского исправника и кавалера Терминского, заслуживающего высшей похвалы»¹⁰⁸.

Разумеется, что пребывание в плену не было для большинства французов чем-то подобным нахождению в санатории: плен есть плен, а потому некоторые из них решались на побег (само пограничное расположение Гродненской губернии способствовало этому). О мерах, предпринимаемых правительством против этого, свидетельствует письмо министра полиции С.К.Вязмитинова гродненскому губернатору от 10 июня 1813 года: «Разных губерний господа начальники сообщают, что из находящихся в оных на жительстве французских военнопленных, некоторые штаб и обер-офицеры и даже один генерал, невзирая на попечение правительства в обеспечении участи их, забывают правила чести и благородства, званию их должныствующие, и делают побег, в коих им постыдным образом споспешествуют обличенные товарищи их. Во уважение сего и с одобрения на то комитета министров поручаю Вашему Превосходительству на основании пункта 7 циркуляра моего от 29 августа прошлого 1812 года о содержании военнопленных предписания объявить всем им во вверенной Вам губернии находящимся и впредь прибывающим военнопленным, что за побег одного они будут отвечать все, а потому они должны, находясь в одном городе, селении или пути, наблюдать за поведением друг друга и о таковых, которые к чему-либо вредному покушаться вознамерятся, в собственное себе спасение извещать тотчас же правительство, в противном случае подвергнутся отсылке в отдаленные сибирские города и крепости для строжайшего за ними наблюдения».

В фондах Гродненского исторического архива имеется лишь одно дело о побеге. Суть его такова. 20 июля 1813 года из Белостока в Гродно была направлена небольшая партия военнопленных под надзором прапорщика Горюлько. Среди них находился лекарь-француз Ленар Деклер, ранее делавший попытку

сбежать из Супрасльского госпиталя для военнопленных. По прибытии 21 июля партии пленных в Гродно они были размещены в Бернардынском монастыре на отдых. Для караула лекаря прапорщик Горулько назначил рядового Егора Денисова, отданного в рекруты в мае 1812 года. Из показаний рядового Денисова: «Для несения караула в отдельной квартире военнопленного французалекаря (по имени и прозванию мне неизвестного) я прибыл в полдень. А в часу третьем по просьбе того же лекаря вышел с ним на базар. Во время нахождения на базаре он ни с кем не разговаривал, никуда не заходил, только купил себе калач. Пробыв на базаре не более получаса, мы возвратились обратно. По приходе на квартиру, означенный лекарь, раздевшись, положился спать, а я, выйдя в сени, тоже прилег у дверей. В скором времени пробудившись, я увидел, что того лекаря в комнате уже нет, почему начал с сотоварищами его искать, но нигде не нашел. Показал все по справедливости, будучи верным присяге и готовый понести по своему поступку и наказание» (по неграмотности рядового Денисова вместо подписи под его показанием стоит крестик – В.Ч.). Следственное дело «Об упуске рядовым Егором Денисовым военнопленного французского лекаря Деклера», которое вели чиновник Рызепка и майор Томашевский никаких конкретных результатов не дало. Рядовой Денисов был посажен на гауптвахту, а само дело закрыто¹⁰⁹.

Совершались побеги из плена и из других мест. В период с 20 марта по 18 июля 1813 года находились в розыске следующие наполеоновские офицеры: из Минска бежали капитаны Иванчиц и Карбер; из Игумен – отставной поручик Скриповский (служил в корпусе Домбровского), а также его коллеги Антоний Лесновский и Матвей Вербицкий; из Пружан – капитаны Владислав Дзерговский и Матвей Гротовский; из Вильно – генерал Серан; из Кобрина – подпрапорщик француз Антон Лон, австриец Павел Урач; из Бреста – французские капитаны-артиллеристы Сержан Дисс и Анатолий Борба¹¹⁰.

Среди архивных документов, имеющих отношение к военнопленным, немало и таких, которые связаны с поисками отдельных из них по запросам высокопоставленных особ. Так, 16 марта 1813 года главнокомандующий в Петербурге запрашивал у гродненского губернатора – «не находится ли в числе пленных, во вверенной Вам губернии пребывание имеющих, вывезенный французами из Москвы молодой человек Генрих Ланге, который приметамы: долговяз, волосов светлорусых и имеет одну ногу длиннее другой, от роду 12 лет; говорит по-русски, по-немецки и несколько по-французски. Ежели же между пленными его нет, то не оставьте приказать кому следует осведомиться, не живет ли он где-нибудь под другим видом. Причем считаю нужным известить Вас, что 11 октября, когда означенный Ланге был увезен из Москвы, при нем имелось 3000 рублей ассигнациями и несколько серебряных монет»¹¹¹. 12 августа 1813 года гродненский губернатор извещался об императорском повелении «возвратить свободу военнопленному французскому офицеру Артригу, бывшего секретарем при убитом французском генерале Коленкуре». Одновременно запрашивалось и о судьбе Жан-Жака Бертрена, племяннике некоего Фрере – камердинера французской императрицы Жозефины¹¹². В феврале 1814 года особая канцелярия военного министра запрашивала у

гродненского губернатора о судьбе военнопленного Эрнеста де Шамуа, служившего офицером в 3-м полку французских кирасиров и взятом в плен 8-10 декабря 1812 года в местечке Ошмяны, одновременно ходатайствуя о том, что, «если он жив, то позволить ему возвратиться домой»¹¹³.

Оказывали помощь пленным и высокопоставленные особы из царской семьи. Так, племянница Фридриха Великого, урожденная принцесса Вюртембергская София Доротея, ставшая российской императрицей Марией Федоровной, имела среди пленных немало родственников и знакомых и по мере возможности пыталась им помочь. Циркулярное предписание главнокомандующего в Петербурге за №666 от 28 февраля 1814 года: «Ее императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне благоугодно, дабы Ваше Превосходительство учинили вернейшую выpravку: не находятся ли или же не находились ли в числе пленных на жительстве в губернии, Вам вверенной, расположенных: 1) капитан 13 легкого пехотного полка Жизанкур; 2) брат его драгун французской гвардии Флоримон де Жизанкур. Буде они окажутся в живых оба или один из них, то выдать им 200 руб., которые по извещении имеют быть возвращены. Для лучшего удостоверения, что они точно те, которые отыскиваются, спросить у них, как зовут их сестру, имя которой Шарлотта, а в малолетстве называлось Лолотта». Помогала пленным и жена Александра I – императрица Елизавета Алексеевна, урожденная принцесса Баден-Баденская Луиза. Ее помощь преимущественно состояла в переправке писем в обход запретов и выборочной перлюстрации. На протяжении 1819 года по запросу генерал-лейтенанта Ф.Ф.Эртеля велись поиски испанского военнопленного Карла Раймонда, служившего поручиком в гвардии Наполеона и находившегося в 1812-1813 годах на излечении в Гродненском военном госпитале¹¹¹. В августе 1815 года особая канцелярия министерства полиции собрала на территории Гродненской губернии о пленных сардинцах и моденцах, служивших в армии Наполеона – об Александре и Карло Пинто, Жуани (Трияни) Жемини, Муссати Гаэтано, Мартиньелли, Персонелли Винченцо, Басамии Балтауаре, Жиеварини Яци, Марцини Франсоа, Жибелинии Луи, Баизи Шарме, Канова Пьеро, Монтесори Шарме, Монтесори Жозефа, Малиорами Павле, Греко Антинове и др¹¹⁴. В августе 1815 года особая канцелярия министерства полиции собирала на территории Гродненской губернии собирала сведения о пленных сардинцах и моденцах, служивших в армии Наполеона – об Александре и Карло Пинто, Жуани (Триени) Жемини, Муссати Гаэтано, Мартинелли, Персонелли Винчецо, Басами Балтаваре, Жиеварини Луи, Марцини Франсуа, Жибелини Луи, Баизи Шарме, Канова Перо, Монтесори Шарле, Монтесори Жозефа, Малиорали Пабле, Греко Антинове и др.¹¹⁵

Во время нахождения в плену отдельные французские офицеры влюблялись в белорусских девушек, что не могло не повлиять на их дальнейшую судьбу. Среди изученных в гродненском архиве материалов имеется дело «О запрещении жениться французскому военнопленному Карье Жоржу на мещанке Прокопович Катерине», начатом 5 февраля 1817 года и оконченном 10 марта того же года. Суть этого дела такова: 4 февраля 1817 года к гродненскому полицмейстеру пришел на прием следовавший по паспорту, выданному 3

июля 1812 года за №3873 виленским гражданским губернатором Лавинским, военнопленный — французский уроженец Жан-Луи Жорж Карье, который попросил содействия в его следовании на родину вместе с мешанкой Катериной Прокопович из местечка Радошковичи. Помимо этого, он пояснял, что сам он имеет 27 лет, католического исповедания, холост, родился во Франции в департаменте Луар и Шер, местечке Сендюиз, из дворян. Отец его служил поручиком в французском 24 пехотном полку. В сражении при Сарагосе в Испании он был убит. Сам же он в местечке Сендюизе в 1812 году был определен подпоручиком в 9-й гусарский полк, из которого затем был переведен в конно-карабинерский полк. Находясь вместе с ним, он при отступлении из Москвы, между Смоленском и Могилевом, из-за усталости лошадей был взят в плен казаками, от которых в том бою получил 25 ран. В плену находился в Могилеве, откуда по болезни был увезен в Москву. По выздоровлению был доставлен в Вильно, где какое-то время был учителем у местного военного коменданта Гопена. После чего с другими военнопленными он был отправлен в Ярославскую губернию. При проходе в Минской губернии местечка Радошковичи он познакомился с дочерью тамошнего жителя Прокопович Катериной. Полюбил ее и захотел жениться, но местный ксендз отказался их повенчать по причине отсутствия у француза документа, подтверждающего, что он холост. Тем не менее молодые влюбленные вместе поехали в Ярославскую губернию. Пробыв там четыре месяца, француз добился разрешения на возвращение в Вильно. Здесь в июне 1816 года он получил разрешение на возвращение в Вильно, где он выхлопотал паспорт от тамошнего губернатора на проезд в Варшаву «для дальнейшего следования на родину с высочайшего повеления с поименованной женой». Но когда перед самым отъездом во Францию Катерина отказалась следовать вместе с ним за границу, то он решил по этому же разрешению отвезти ее домой к родителям в Радошковичи, что и сделал. Однако там из-за всего пережитого он заболел «нервической горячкой» и пробыл у Прокоповичей около пяти месяцев. За это время Катерина одумалась и согласилась ехать с ним, куда он захочет; смилоствился и местной ксендз: в конце концов молодожены были обвенчаны. За это время срок действия паспорта, выданного в Вильно, оказался просроченным, но при теплом участии гродненского губернатора Немцевича проблема военнопленного француза Жан-Луи Жоржа Карье и его жены Катерины был решен положительно. Влюбленная пара была не только снабжена прогонными деньгами, но и отправлена в Варшаву под опекой гродненского чиновника Жуковского¹¹⁶.

К настоящему времени изучена лишь часть общего корпуса источников, касающихся пребывания солдат Наполеона в гродненском плену, но мы надеемся, что расширение источниковой базы позволит выявить еще немало интересных фактов о последствиях войны 1812-го года для противоборствующих сторон. Пока же найденные документы ставят перед исследователем больше вопросов, чем дают ответов.

**«Герой легендарной Шипки...»
Прах генерала Г.А.Зметнова (1859-1913)
покоится на гродненской земле**

Русско-турецкая война 1877-1878 годов – одно из наиболее значительных событий второй половины XIX столетия. Эта война оказала огромное влияние на внешнюю политику большинства великих держав, а также на исторические судьбы многих славянских народов. Она началась в условиях мощного подъема национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова и небывалого в истории России общественного движения в их поддержку. И этот благородный братский порыв наложил свой несомненный отпечаток на характер войны с Турцией. В результате победы русского оружия освободилась от пятивекового османского ига Болгария, обрели полную национальную независимость Румыния, Сербия, Черногория.

Большой вклад в достижение победы в этой войне внес белорусский народ. В честь победоносного ее завершения добровольные пожертвования жителей нескольких губерний на Минском военном кладбище в 1898 году была построена церковь имени Святого князя Александра Невского. На стенах внутри храма установили мемориальные доски, на которых золотыми буквами были высечены имена воинов-белорусов, геройски павших в боях на Балканах. Спустя годы нашли упокоение на белорусской земле и многие из тех, кто в молодые годы воевал за освобождение южных славян от османского ига. Могила одного из героев русско-турецкой войны находится в Гродно на старом православном кладбище по улице Антонова. На строгом черном граните надгробия выбита надпись «Генерал от инфантерии Зметнов Георгий Александрович. Сконч. 20 ноября 1913 г. на 54 году жизни. Мир праху твоему». Недавно проведенные в Российском государственном военно-историческом архиве (Москва) изыскания позволили узнать значительно больше о воинских подвигах генерала. Из его послужного списка, в частности, следует, что Георгий Александрович Зметнов родился 5 мая 1859 года в Петербургской губернии в дворянской семье. Учился во 2-ой Петербургской военной гимназии и Константиновском военном училище, после окончания которого в чине подпоручика в начале июня 1877 года был направлен для прохождения службы в лейб-гвардии Измайловский полк. В составе этого прославленного полка он участвовал в переходе российской границы и во вступлении в пределы дружественной Румынии. Так случилось, что молодой офицер оказался в составе передового отряда, который первым форсировал Дунай в районе селения Зимница. Как только русские переправились на высоты противоположного берега, они были атакованы с флангов и тыла. Тогда измайловцы бросились в штыковую атаку, чем спасли не только себя, но и обеспечили подход резервов, а затем и основных сил армии. Операция по форсированию Дуная, по всеобщему признанию специалистов, явилась значительным достижением военного искусства. Ее опыт длительное время служил примером при изучении методов преодоления войсками крупных водных преград. Весьма примечательно,

что посетивший незадолго до этого данный район главнокомандующий турецкой армии Абдул Керим-паша, показав на ладонь, заявил окружающей его свите: «Скорее тут у меня вырастут волосы, чем русские здесь переправятся через Дунай». Тем не менее русские воины сумели это сделать благодаря правильному выбору района форсирования, обеспечению внезапности операции, мужеству и героизму солдат и офицеров. Кроме того, воины осознавали, что от их действий зависит своевременная помощь братьям-славянам. Эти чувства испытывал и подпоручик Зметнов.

12 октября 1877 года при Горном Дубняке под командованием уроженца Белоруссии генерала И.В.Гурко Зметнов вместе с другими воинами отряда участвовал в горячем штыковом бою, который длился около получаса. Противник не выдержал удара и сдался. Турки потеряли около 1,5 тыс. человек убитыми и ранеными и около 2,5 тыс. человек были взяты в плен. В последующем вплоть до 3 ноября рота Георгия Зметнова принимала участие в блокаде города-крепости Плевны, а затем (с 18 ноября по 6 декабря) в перестрелке с турками на позициях против Шандорника.

Довелось Зметнову участвовать и в знаменитом зимнем переходе русских войск через Балканы под командованием генерала Гурко. Этот героический переход носил подлинно творческий характер. Так же, как и при форсировании у Зимницы, здесь расчет командования строился на достижении внезапности. Переход проходил в тяжелейших горных условиях: буран, сильный мороз, постоянная перестрелка с противником. Тем не менее отряд достиг поставленной цели. Преодолев горный хребет, Георгий Зметнов в составе отряда Гурко участвовал в освобождении Софии. Измайловцы входили в город вслед за казаками. Болгары восторженно встречали своих освободителей. Обращаясь к войскам по случаю одержанной победы, генерал Гурко в своем приказе по отряду писал: «Занятием Софии окончился переход через Балканы, в котором не знаешь, чему удивляться: храбрости ли и мужеству вашему в боях с неприятелем или же стойкости и терпению в перенесении тяжелых трудов в борьбе с горами, морозами и глубокими снегами. Пройдут года и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: «Здесь прошли русские войска и воскресили славу суворовских и румянцевских чудо-богатырей». В этих словах воины-гвардейцы Измайловского полка, воевавшего когда-то под командованием Суворова, чувствовали непосредственное обращение к себе и гордились своей принадлежностью к питомцам знаменитого полководца.

После освобождения Софии Георгий Зметнов участвовал в сражении под Филиппополем, затем их полк был отведен в Сан-Стефано, где и находился вплоть до отправки 12 августа 1878 года морским путем на родину. Через три дня, казавшиеся вечностью, измайловцы высадились в Севастополе.

В сентябре 1878 года лейб-гвардии Измайловский полк прибыл к месту своей постоянной дислокации в Петербурге. Отличившемуся в боях Зметнову было предложено учиться в Николаевской академии Генерального штаба, куда он и поступил в 1880 году после успешной сдачи вступительных экзаменов. После окончания академии способный офицер служил в Омском военном округе: командовал ротой, батальоном, несколько лет был начальником

штаба войск Семиреченской области. В 1896 году Зметнов становится начальником штаба 35-й пехотной дивизии, в 1899 – командиром 138 Волховского пехотного полка, а в 1901 году он взял под свое командование 1-ю бригаду 35 пехотной дивизии. 20 ноября 1903 года 44-летний офицер был произведен в генерал-майоры с назначением на должность начальника штаба 2-го армейского корпуса, части которого дислоцировались в Вильно, Ковно и Гродно. В этот период по служебным делам он бывал в Гродно и даже успел его полюбить. Здесь, в частности, он возглавлял военно-медицинскую комиссию по переосвидетельствованию новобранцев при местном военном лазарете. В 1904–1907 годах Зметнов служил начальником штаба Ковенской крепости и комендантом Очаковской крепости. 30 июля 1907 года был произведен в генерал-лейтенанты с назначением на должность начальника 6-й пехотной дивизии. С апреля 1910 года генерал Зметнов командовал 9-й пехотной дивизией, временно исполнял должность командующего 10-м армейским корпусом, который дислоцировался на Украине.

Ратный путь участника войны на Балканах был отмечен многими наградами. Он был кавалером орденов Св. Станислава 2 и 3 степеней с мечами и бантом, св. Анны 2, 3 и 4 степеней с надписью «за храбрость», Св. Владимира 3 и 4 степеней; имел он также светло-бронзовую медаль в память войны 1877–1878 годов, румынский железный крест за военные заслуги, серебряную медаль в память императора Александра III, медаль общества «Красного Креста» и академический знак Константиновского военного училища. Как боевой офицер и опытный специалист в военном деле генерал Зметнов пользовался заслуженным авторитетом у командования. Постоянно требовательный к себе и подчиненным, он отличался исключительно уважительным отношением к солдатам. Зметнов всегда воспитывал у воинов чувство товарищества, человеческого достоинства, заботился об здоровье и военной выправке, опрятности и нравственности солдат, выступал против бессмысленной муштры и жестокого обращения с ними. Всячески поощрял инициативу, предприимчивость и храбрость своих подчиненных, постоянно заботился о высоком морально-боевом духе войск. В этом общении с подчиненными генерал постоянно прибегал к своим воспоминаниям периода балканской войны.

Между тем ранения, полученные в годы войны, последующие тяготы и лишения армейской службы, подорвавшие здоровье воина, давали о себе знать. В 1909 году он серьезно заболел. Интенсивное лечение не принесло какого-либо видимого улучшения. 10 июня 1912 года генерал-лейтенант Зметнов подал прошения на имя императора Николая II следующего содержания: «Расстроенное здоровье лишает меня возможности продолжать военную службу и потому всеподданнейше прошу уволить меня со службы с награждением мундиром и полным пенсионом»¹⁷. Болезненная слабость не дала возможности Зметнову самому написать это прошение. К последнему он приложил лишь дрожащую руку, которая неуверенно вывела лишь букву «З». Прошение генерала было удовлетворено, а спустя две недели после этого один из героев Шипки тихо ушел из земной жизни. Несмотря на то, что с тех скорбных ноябрьских дней прошло много лет, тропинка к могиле генерала Георгия Александровича Зметнова не заросла травой забвения.

Его блистательные атаки содействовали полному разгрому турецких войск...» Генерал –лейтенант В.А.Гейман (1820 – 1878) – наш земляк

В период русско-турецкой войны 1877-1878 годов имя уроженца Гродненской губернии генерал-лейтенанта Василия Александровича Геймана было чрезвычайно популярным. Немалую роль в этом сыграла телеграмма театра военных действий императору Александру II о взятии 5 (17) мая 1877 года Ардагана – первой крупной победе русских войск в данной войне. В телеграмме, тотчас же напечатанной во всех русских и зарубежных газетах, в частности, сообщалось: «Имеем счастье поздравить Ваше Императорское Величество со взятием Ардагана. . . Не можем нахвалиться неустранимостью наших солдат, распорядительностью офицеров; героем дня был генерал-лейтенант Гейман». Прекрасно проявил себя генерал и в других сражениях. Не случайно его портрет в роскошном петербургском издании «Герои и деятели русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов» был помещен рядом с портретом легендарного полководца М.Д.Скобелева. К сожалению, начавшееся в начале XX века деление всех деятелей прошлого на «реакционных» и «прогрессивных», исходя из социально-политических, возрастных и прочих мотивов, привело к полному забвению имени нашего земляка. Сейчас подошла пора для восстановления по отношению к нему исторической справедливости.

По свидетельству близких к В.А.Гейману людей, он относился к тем военачальникам, которые свою известность в армии и блестящую карьеру заслужили «исключительно благодаря своим боевым достоинствам». Точное место рождения генерала пока неизвестно. Мало мы знаем и о его юношеских годах. Все сведения этого порядка ограничены лишь следующей информацией: «Гейман был уроженец Западного края России, православного вероисповедания. Сын небогатых родителей, он получил образование в Гродненской губернской гимназии». Судя по всему, стесненность в денежных средствах не позволила молодому человеку продолжить свое образование, а потому после нескольких безуспешных попыток устроиться в местных казенных учреждениях «чиновником по письменной части», он решил посвятить себя армии. Весной 1839 года Гейман поступил на службу в Нижегородский пехотный полк. Его старания, дисциплинированность вскоре были замечены, и в 1844 году он был произведен в прапорщики с переводом в Кабардинский егерский полк, которым в ту пору командовал герой кавказской войны генерал А.И.Бяргинский. Начав свою боевую службу в этом славном полку, Гейман с тех пор не покидал Кавказа, участвуя в течение свыше тридцати лет в войне с горцами. Находясь все время в боевом строю, он прошел все ступени карьеры от младшего офицера до генерала; командовал ротой, батальоном, полком, дивизией. За свои боевые подвиги тех лет он был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени, а также золотой саблей с надписью: «За храбрость». Глубокое знание воинской службы и заботливое участие в жизни солдат и офицеров вырабатывали у него ту способность к командованию войсками, то умение напрягать

их силы до наивысшей ступени и, наконец, ту решительность, которыми впоследствии столь ярко были отмечены его боевые действия. Произведенный в 1864 году в полковники, Гейман сразу же был назначен командиром 75-го Севастопольского полка, а в 1864 году за покорение Западного Кавказа и занятие Черноморского побережья от Псезуапе до реки Сочи был произведен в генерал-лейтенанты и награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Вскоре после этого генерал-майор Гейман был назначен помощником начальника 21-й пехотной дивизии, а в 1872 году, будучи произведенным в генерал-лейтенанты, получил под свое командование 20-ю пехотную дивизию. В течение этого периода своей боевой службы Гейман был два раза ранен: в 1854 году – ружейной пулей в левое плечо, а в 1855 году, также ружейными пулями, – в правый бок и в правую руку навывлет.

К началу русско-турецкой войны, начатой Россией с целью освобождения от многовековой неволи народов Балканского полуострова, генерал-лейтенант В.А. Гейман имел уже заслуженную известность, а потому был назначен в 1876 году в состав корпуса, действовавшего на кавказской границе с Турцией. С началом военных действий он в составе пехотного корпуса, вместе с другими войсками, был направлен в сторону Карса, а затем во главе отдельного отряда – к Ардагану для совместных действий с колонной генерала Девеля, двигавшегося сюда же со стороны Ахалцыха. Следует заметить, что по тому времени крепость Ардаган была одной из наиболее мощных турецких твердынь на Кавказе, прикрывавшая пути на Батум, Эрзерум и Карс. Учитывая важное стратегическое значение Ардагана, Турция не жалела средств на его укрепление. Большую помощь туркам оказывали английские инженеры. Ключевыми позициями в системе обороны Ардагана являлись высоты в 2-3 км к востоку от города, на которых было построено укрепление бастионного типа, носившее название Эмир-Оглы, а на горе Манглас располагалось самое сильное укрепление крепости Рамазан, откуда противник держал под огнем все подступы к городу с севера и севера-востока. Главный удар предполагалось нанести по крепости с южной стороны, откуда турки менее всего ожидали наступление. Но прежде чем начать общую атаку, необходимо было овладеть бастионом Эмир-Оглы. На рассвете 4(16) мая началась его атака. Русские солдаты быстро захватили два ряда неприятельских окопов и начали подступать к Эмир-оглы, откуда противник сильно обстреливал атакующих. Как потом выяснилось, турецкие артиллеристы упорно сопротивлялись по той причине, что были прикованы к своим орудиям. Возбравшиеся на гребень вершины солдаты от усталости были уже не в силах штурмовать Эмир-Оглы. На помощь им прибыли подкрепления во главе с генералом Гейманом, и бастион был взят. После этого, 5(17) мая, воспользовавшись замешательством противника, Гейман начал стремительное наступление своего отряда ранее назначенного срока. Артиллерийские батареи, склеившись с позицией, пошли на помощь пехоте. Противник в панике отходил. В 20 часов весь город был в руках русских. К утру 6(18) мая турки оставили без боя и свое самое грозное укрепление на подступах к Ардагану – Рамазан. При штурме крепости русские потеряли одного офицера и 48 солдат, ранеными 6 офицеров и 245 солдат.

Потери турок составили 3 тысячи человек. В числе трофеев были 92 орудия и 6 млн. патронов, а также множество боевого снаряжения и припасов. Разгром турецких войск был полный. Остатки Ардаганского гарнизона спасались бегством по дороге в Батум. Двухдневные бои за Ардаган показали морально-боевое превосходство русских солдат, а генерал Гейман был назван подлинным героем этого сражения.

После столь убедительной победы над турками отряд Геймана был присоединен к главным силам армии, расположенным у Карса, а затем направлен за Саганлуг для совместных операций с отрядом генерала Тергукасова против турецкого корпуса Мухтар-паши. 13(25) июня произошло сражение при Зивине, в котором все мужественные усилия отряда Геймана разбились о крепкие позиции превосходящих сил противника. Тем не менее в результате этого упорного сражения часть турецких войск была отвлечена от отряда генерала Тергукасова, что дало ему возможность благополучно освободить от турецкой осады русскую крепость Баязет. Отличился генерал Гейман и во время Авлиар-Аладжинского сражения в октябре 1877 года. Его блистательная атака 3(15) октября на центр неприятельских позиций у Авлиара, по свидетельству специалистов, содействовала полному разгрому турецких войск. После вторичной осады Карса вновь сформированная колонна генерала Геймана была двинута к Эрзеруму и, быстро совершив трудный осенний переход, разбила в конце октября – начале ноября войска Мухтара-паши и Измаила-паши на горах Девебойну. Успешно начавшееся наступление на Эрзерум, к сожалению, провалилось. После этого русские войска приступили к длительной осаде крепости... За совершенные в течение войны боевые заслуги генерал-лейтенант Гейман был награжден орденом Св.Георгия 2-й степени, золотой шпагой, украшенной бриллиантами и надписью «За храбрость», а также пожизненной пенсией в 5 тыс. рублей. Под стенами Эрзерума и закончилась боевая деятельность генерала Геймана, выходявшего до этого живым и невредимым из многочисленных и кровопролитных боев, а здесь ставшего жертвой эпидемии тифа. Один из современников генерала в связи с этим вспоминал: «Болезнь косила людей направо и налево. Более половины офицеров лежала без памяти и в бреду. Людей в ротах осталось так мало, что некого было наряжать на службу... Тифозная эпидемия похитила у нас 900 человек». Тяжело болел и генерал Гейман, но поправился. После этого решил съездить в Карс и посмотреть, как содержится в госпитале его сослуживцы. Посетил он и полкового доктора, у которого после тифа началась гангрена («сделался антонов огонь») обоих ног. Одну ногу ему ампутировали и готовились отрезать другую, так как она уже разлагалась. Генерал присел на кровать больного и стал его утешать, а тот ему в ответ: «Не велите, ради Бога, резать другую ногу, я ведь сам знаю, что умру к утру, зачем же напрасно делать операцию». Гейман же уверял страдальца, что доктора знают свое дело и найдут средства спасти его. Вскоре после этого у генерала начался возвратный тиф, и через шесть дней его не стало. Вскоре все российские газеты поместили на своих страницах некрологи, начинавшиеся со слов: «Русская армия понесла тяжелую утрату. В апреле 1878 года скончался в Карсе герой Авлкара, Ардагана и Девебойну генерал-

лейтенант Василий Александрович Гейман». Отмечая боевые заслуги покойного, все газеты подчеркивали его серьезный вклад в теорию военного дела. В.А.Гейман периодически делился своими познаниями в этой области на страницах «Военного сборника», «Русского Инвалида» и других изданий в таких статьях, как «Об офицерском обозе», и «Об передаче приказаний в бою и в боевых дневниках» и т.д. Последняя его теоретическая работа называлась – «Боевые заметки об образе действий турецких войск и предложения о соответствующем способе действий для наших войск». Все офицеры и солдаты, скорбевшие в те дни в связи с кончиной своего командира, были уверены в том, что «доблестное имя генерал-лейтенанта Геймана займет свое почетное место в истории русского оружия, которая оценит по достоинству его заслуги и сохранит для потомства отличительные черты его характера: энергию и решимость, хладнокровие и распорядительность в бою».

Мы же, гродненцы, несомненно, можем гордиться именем своего некогда знаменитого и незаслуженно забытого земляка. Будем помнить его, а также других гродненцев, солдат и офицеров, павших 125 лет тому назад за свободу и независимость братских славянских народов Балканского полуострова. Вот имена некоторых из них:

Василий Данилович Левчук, рядовой 54-го Минского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Кобринского уезда, села Степанок;

Антон Станиславович Малышко, унтер-офицер 117-го Ярославского пехотного полка, уроженец г. Гродно;

Кондратий Дмитриевич Вельчин, рядовой 74-го Ставропольского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда.;

Дмитрий Викентьевич Вершицкий, рядовой 74-го Ставропольского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Ошмянского уезда, Волчанской волости, Луканского общества;

Войцех Казимирович Залевский, рядовой 74-го Ставропольского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда, д. Крипки Балокунки;

Осип Андреевич Рыбаченок, рядовой 74-го Ставропольского полка, уроженец Виленской губ., Ошмянского уезда, Юратишковской волости, Токарзамского общества;

Лука Филлипович Шамилка, рядовой 74-го Ставропольского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., д. Дубно;

Емельян Степанович Яхимок, рядовой 74-го Ставропольского полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда, Райской волости, д. Плюски;

Адам Осипович Лужинский, рядовой 74-го Ставропольского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Ошмянского уезда, Воложинской волости, Сухволидовского общества;

Иван Игнатьевич Олиндский, рядовой 74-го Ставропольского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда, д. Олендска;

Симон Петрович Селивеструк, рядовой 74-го Ставропольского полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда, д. Городка;

Ян Гурский, рядовой 53-го Вольнского пехотного полка, уроженец Гродненской губ.;

Иван Пуздазин, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Гродненской губ.;

Герасим Пулиш, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ.;

Осип Андреевич Дубравский, рядовой 17-го Архангелогородского полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда и волости;

Егор Егорович Автукевич, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда и волости;

Михаил Симонович Шишко, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Щучинской волости;

Фома Феликсович Боровский, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Ошмянской волости;

Фома Осип Русанович, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губернии, Лидского уезда, Заболотской волости;

Александр Варфоломеевич Новицкий, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., г. Лиды;

Викентий Станиславович Рыбак, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Василишской волости;

Феликс Казимирович Кознодей, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Щучинской волости;

Адам Мартынович Шавлюк, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Гонгаровской волости;

Казимир Михайлович Юхно, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Заболотской волости;

Августин Иванович Васевич, рядовой 17-го Архангелогородского полка, уроженец Виленской губ., г. Лиды;

Викентий Иванович Ренгевич, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, с. Жирмуны;

Влас Николаевич Кашиницкий, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Белицкой волости;

Иван Антонович Кудла, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Гончаровской волости;

Осип Яковлевич Трацкий, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, с. Александровичи;

Михаил Матвеевич Вошчило, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Василишковской волости;

Степан Андреевич Поварго, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губернии, Лидского уезда, Лебедской волости;

Станислав Устинович Борткевич, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, д.Подовряны;

Кузьма Михайлович Пуйдак, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда и волости;

Михаил Матвеевич Басязюн, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского пехотного полка, Радунской волости;

Франц-Ксаверий Иосифович Волк, рядовой 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., г.Лиды;

Михаил Иванович Жулук, унтер-офицер 17-го Архангелогородского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Желудковской волости, Клискульского общества;

Антон Игнатъеич Кочан, рядовой 18-го Вологодского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Ошмянского уезда, Лукшанского общества;

Антон Андреевич Танюкевич, рядовой 18-го Вологодского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Ошмянского уезда, Войштовского общества;

Викентий Францевич Ясевич, рядовой 18-го Вологодского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Ошмянского уезда, Грасуловской волости;

Яков Семенович Окулов, унтер-офицер 62-го Суздальского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Волковьского уезда, д. Рудни;

Григорий Фомич Радзишевский, рядовой 62-го Суздальского пехотного полка, уроженец Гродненской губернии, Бельского уезда., д. Вонновыпихи;

Франц Станиславович Вальчук, рядовой 62-го Суздальского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда, д. Горбаки;

Михаил Лаврентьевич Лепешкин, рядовой 62-го Суздальского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Слонимского уезда., д. Старин;

Карл Греневецкий, рядовой 62-го Суздальского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда, д. Малые Гриневици;

Степан Иванович Васильчук, рядовой 62-го Суздальского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Брестского уезда, д. Турно;

Иван Доминикович Дорошко, унтер-офицер 64-го Казанского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Волковьского уезда, Росской волости, д. Новоселки;

Викентий Августиневич Ковалевич, унтер-офицер 64-го Казанского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Волковьского уезда, Саморовицкой волости, д. Подболоть;

Яков Емельянович Казимиров, унтер-офицер 64-го Казанского пехотного полка, уроженец Гродненской губ. Бельского уезда, Дубаринской волости, д. Сухаваленки;

Адам Викентьевич Толочко, унтер-офицер 64-го Казанского пехотного полка, уроженец Гродненской губ и уезда, Жидаменской волости, д. Заполье;

Василий Иванович Мисовский, рядовой 64-го Казанского пехотного полка, уроженец Гродненской губ, Слонимского уезда, Песковской волости, д. Воженца;

Григорий Алексеевич Хованский, рядовой 64-го Кавказского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Слонимского уезда, Песковской волости, д. Пересувовичи;

Осип Иванович Масевич, рядовой 19-го Костромского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Ошмянского уезда, Сморгонской волости, Сукневского общества;

Станислав Антонович Пронюк, рядовой 19-го полка Костромского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Белицкой волости;

Иосиф Станиславович Авдей рядовой 121 –го Пензенского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Сокольского уезда, Зубрицкой волости, д. Кнышавичи;

Варлам Иосифович Дмитрюк, рядовой 123 Козловского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда, д. Теневичи Дальние;

Семен Францевич Нагорный рядовой 132-го Бендерского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Слонимского уезда, Дворецкой волости, д. Бартошеки;

Андрей Михайлович Петрашко, рядовой 132-го Бендерского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Брестского уезда, д. Донова;

Иван Григорьевич Лахнюк, рядовой 132-го Бендерского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Слонимского уезда, Косовской волости, д. Молдзяны;

Петр Осипович Гоголик, рядовой 132-го Бендерского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда, д. Каменка;

Болеслав Игнатьевич Мазур, рядовой 132-го Бендерского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда, д. Кнарьеды;

Адам Николаевич Сосновский, рядовой 129-го Бессарабского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Белостоского уезда, д. Новодворки;

Павел Дмитриевич Рой, рядовой 125-го Курского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Кобринского уезда, д. Строчев;

Яков Игнатьевич Кравчук, рядовой 125-го Курского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Кобринского уезда;

Александр Иосифович Начипорук, рядовой 125-го Курского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Кобринского уезда, д. Толковы;

Адам Антонович Парменюк, рядовой 125-го Курского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Волковыского уезда, д. Махиричи;

Данило Романович Лагодюк, унтер-офицер 126-го Рыльского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Кобринского уезда, д. Деревной;

Якуб Федорович Харута, рядовой 126-го Рыльского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Волковыского уезда, д. Ерутичи;

Василий Онуфриевич Бондарук, рядовой 126-го Рыльского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Кобринского уезда, д. Белины;

Владимир Казимирович Понятовский, рядовой 126-го Рыльского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Кобринского уезда, д. Мажохи;

Иван Петрович Козловский, рядовой 126-го Рыльского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Пружанского уезда, д. Светиличи;

Михаил Иванович Иванюк, рядовой 126-го Рыльского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Пружанского уезда, д. Тумешни;

Петр Иванович Савчук, рядовой 126-го Рыльского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Кобринского уезда, д. Клешев;

Иван Николаевич Гумен, рядовой 126-го Рыльского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Пружанского уезда, д. Линово;

Максим Григорьевич Кусеминов, рядовой 126-го Рыльского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Кобринского уезда, д. Критатина;

Иван Иванович Курила, унтер-офицер 13-го Эриванского лейб-гвардии полка, уроженец Гродненской губ., Слонимского уезда, М. Дворец;

Артемий Плева, рядовой 13-го Эриванской лейб-гвардии полка, уроженец Гродненской губ., Бельского уезда;

Михаил Михайлович Бештен, рядовой 35-го Брянского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Жирмунской волости;

Герасим Яковлевич Курочка, рядовой 35-го Брянского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, д. Леуна;

Казимир Антонович Чернявка, унтер-офицер 35-го Брянского пехотного полка, уроженец Виленской губ., Лидского уезда, Васишишковской волости;

Антон Михайлович Сильванюк – рядовой 20-го Галицкого пехотного полка, уроженец Виленской губ., г. Лиды;

Викентий Фомич Рощевский, канонир 9-й артиллерийской бригады, уроженец Виленской губ., Ошмянского уезда;

Кондратий Антонович Мозг, рядовой 44-го Камчатского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Пружанского уезда, д. Козлова;

Александр Константинович Бак, унтер-офицер 61-го Владимирского пехотного полка, уроженец Гродненской губ. и уезда, Голынской волости;

Антон Михайлович Шабаев, вольноопределяющийся 61-го Владимирского пехотного полка, уроженец Гродненской губ.;

Николай Викентьевич Бочка, рядовой 61-го Владимирского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Слонимского уезда, д. Дорогомяны;

Иосиф Игнатьевич Волосовский, рядовой 61-го Владимирского пехотного полка, уроженец г.Ошмяны;

Петр Семенович Никон, рядовой 61-го Владимирского пехотного полка, уроженец Гродненской губ., Слонимского уезда, д.Отманецы¹¹⁵.

«Во имя добра и справедливости...»

Гродненский «Гражданский комитет помощи жертвам войны». Лето – осень 1941 года

История принимаемого края запечатлела на своих скрижалях немало печальных событий во взаимоотношениях верующих православного и католического вероисповедания. О причинах такого противостояния написано немало. Однако же реальная жизнь знает и другие примеры, когда в тяжелую годину испытаний люди разной веры и национальности, забывая о былых

обидах, чаще всего иницинируемых «сверху», шли друг другу на помощь ради самой великой цели – сохранения жизни на земле.

20 июля 1945 года, спустя год после освобождения г.Гродно от немецко-фашистских захватчиков, органами госбезопасности по подозрению в измене родине был арестован ксендз-настоятель фарного (приходского) костела г.Гродно Альбин Ярошевич. На первом же допросе о себе арестованный показал следующее: «Я, Ярошевич Альбин Матвеевич, родился в 1879 году в д. Яса – Новая Долина Сокольского уезда Гродненской губернии в семье крестьянина-середняка, поляк, гражданин СССР, беспартийный, образование высшее. Окончил русскую гимназию в Петербурге, духовную католическую семинарию в г. Вильно и богословский факультет университета в г. Фрибурге (Швейцария). Являлся деканом римско-католических костелов и приходов Гродненского региона, а в период ареста – ксендзом настоятелем фарного костела г. Гродно»¹¹⁸.

Проведенным по делу расследованием было установлено, якобы Ярошевич А.М., являясь ксендзом-настоятелем фарного костела в г. Гродно и района «с первых же дней оккупации немцами территории Белоруссии установил преступные связи с немецкими властями, полевой жандармерией, гестапо и сотрудничал с последними по день их изгнания из пределов Советского Союза. Ярошевич А.М. информировал немецкие власти как в устной, так и в письменной форме о политических настроениях католического духовенства и населения в отношении СССР и Германии. Кроме того, он сообщал клеветнические сведения о советской деятельности и католической церкви и духовенства при советской власти. Будучи враждебно настроенным по отношению к советской власти, в августе 1941 года при содействии немецких оккупационных властей организовал антисоветскую организацию «Гражданский комитет помощи жертвам войны», затем руководил деятельностью последней вплоть до периода ее ликвидации. Будучи руководителем данной организации, он проводил активную пособническую работу среди населения. Собирал среди граждан г.Гродно и Гродненской области денежные средства, значительная часть которых ушла на укрепление немецкой власти. Оказывал помощь семьям врагов, репрессированных органами Советской власти. 2 октября 1941 года составил контрреволюционные воззвания к населению, которых клеветал на Советское государство и на существующий в Советском союзе социальный строй. Эти воззвания были размножены и расклеены на улицах г.Гродно».

Допрошенный по существу предъявленных обвинений арестованный священник признал себя виновным полностью. Иначе в то время, вероятно, и быть не могло. Идеологическое клише послевоенных лет позволяли отделить черное от белого, а вернее, белое от красного. Именно с таких позиции воспринимались следствием показания многочисленных свидетелей, а также содержание вещественных доказательств (воззвания, переписка и т.д.). Спустя полтора месяца после ареста настоятеля Гродненского фарного костела его следственное дело было направлено на рассмотрение Военного Трибунала Минского Военного округа. После незначительной доработки 24 декабря 1945 года военный трибунал в открытом заседании заслушал данное дело «по об-

винению Ярошевича А.М. в измене Родине». После зачитания заключительного заключения и вопроса, ответ на который был уже заранее отрепетирован (признает ли подсудимый себя виновным и желает ли суду дать дополнительные показания), подсудимый неожиданно для трибунала ответил: «Обвинительное заключение мне понятно, виновным признаю себя частично, показания суду давать желаю».

В своих показаниях в ходе суда ксендз Ярошевич, в частности, отметил, что изменником себя не считает, ибо его родина – Польша. Враждебной настроенности по отношению к советской власти у него не было, т.к. «по католическим законам мы ни к кому не должны иметь враждебное отношение. Не доволен советской властью я был за выселение в Сибирь и Казахстан людей и налоги, которых раньше не было». Тот же факт, что он представлял немецким властям сведения о рождении, браке и смерти своих прихожан, данные о деятельности местных ксендзов, так это, показал обвиняемый, он делал и раньше по требованию польских и советских властей. Когда же по требованию гестапо у него пытались выяснить отношение советской власти к костелу, то он отвечал, что в целом эти отношения были хорошими. Тогда же он сказал немцам о том, что «крестьяне неохотно шли в колхозы, поскольку их не было».

Кроме этого, обвиняемый в свое оправдание рассказывал, как дважды – в октябре 1942 и в сентябре 1943 годов – подвергался арестам гестапо. Вместе с ним арестовывались и другие ксендзы из приходов Гродненского региона. После одного из них, 16 июля 1943 года в г. Гродно (на Фортах), за связь с польским антигитлеровским подпольем немцами были расстреляны: Юльян Соколовский – настоятель женского монастыря назаретянок; Казимир Шепилло – ксендз Фарного костела; игумен Францисканского мужского монастыря (фамилию его Ярошевич не мог вспомнить). Вместе с ними были расстреляны в тот же день служащие Фарного костела: сторож Бонарский вместе с женой и 17-летним сыном, а также прачка и служанка ксендза Ярошевича. Всего в то время были расстреляны около 600 человек.

Ничего преступного не видел обвиняемый и в тех контактах, которые он имел с немецкими военными ксендзами и капелланами из испанской «Голубой дивизии». В этой связи он показал следующее: «С установлением немецко-фашистского оккупационного режима в начале августа 1941 года ко мне на квартиру пришел немецкий дивизионный ксендз с просьбой разрешить ему исполнять молебны в фарном костеле г.Гродно, на что я дал свое согласие. Такие молебны с участием немецких военных ксендзов проходили с августа 1941 по январь 1944 года. Все они носили военную форму и имели чин капитана немецкой армии. Мое общение с ними сводилось к разговорам на бытовые и религиозные темы. По вопросам теологии мы часто беседовали с немцем Эка (человеком лет 25, из г.Бохума в Германии окончившего технологический факультет университета), служившим в немецкой армии рядовым солдатом в хозяйственной части. В армию он был взят, поскольку не успел пройти рукоположения во священники. Эка интересовали исключительно вопросы теологии, и он нашел во мне этих беседах единомышленника. В связи со сказанным мы с этим немцем часто читали вслух религиозные книги по теологии. В сен-

тябре 1942 года ко мне обращались также с просьбой разрешить служить молебны в моем костеле и капелланы испанской «Голубой дивизии». Такое разрешение я им дал, и они служили 4 раза в моем костеле, а затем выехали с немецкими войсками на фронт».

И все-таки главным вопросом, вокруг которого строились обвинения против ксендза Ярошевича в измене Родине, был вопрос об его участии в деятельности «Гражданского комитета помощи жертвам войны». Следствие и суд интересовало: как возникла эта организация, какие цели и задачи она ставила перед собой, как и какой форме осуществлялась ее деятельность. Уже на первых допросах отец Альбин показал, что решение создать «Гражданский комитет» возникло у него еще до нападения фашистской Германии на СССР. На вопрос о том, что побудило его обратиться к этой деятельности, он сообщил следующее: «Еще в 1939 году, т.е. с установлением Советской власти на территории Западной Белоруссии и, в частности, в Польше, у меня сложилось политическое убеждение, что пришедшая сюда новая власть не является настоящей, рассчитанной на длительный период владычества. С приходом немецких войск в Гродно я уверовал в то, что Советский Союз скоро будет разбит и его власть здесь больше существовать не будет. Кроме того, проводившиеся в 1939 – 1941 годах аресты поляков и выселения польских семей вглубь страны я считал незаконными репрессиями по отношению к ним в чем не повинным людям. В силу сложившихся у меня таких убеждений и была создана организация «Гражданский комитет помощи жертвам войны», главной целью которой являлось оказание материальной помощи полякам, репрессированным советскими органами и членами семей, вывезенным в Казахстан и Сибирь. Объектами такого же внимания комитета были и люди, пострадавшие в начальный период войны от бомбежек и пожаров.

Тогда же, в связи с выше сказанным, ксендз Ярошевич признал, что инициатором и организатором «Гражданского комитета» являлся именно он. Однако сильную поддержку он получил и от православного духовенства в лице протоиерея Георгия Боришкевича. 14 августа 1941 года, после предварительного обсуждения идеи о создании данной организации с православным духовенством общественностью города, он обратился к оккупационным властям о поддержке этого благого начинания. Последние, дав такое согласие, тем не менее настороженно отнеслись уже к первым шагам «Гражданского комитета». Официального открытия его не было, и о рождении новой организации жители города узнали, лишь благодаря объявлению, вывешенным в наиболее людных местах в 20-х числах августа 1941 года. В первом из них, вместе с сообщением об основании комитета, его управление обращалось к жителям окрестных деревень с просьбой организовать «сбор добровольных пожертвований в натуре для жертв войны». В последующих воззваниях организации, кроме указания места расположения ее (ул. Нарutowича, 4, здание «Красовия»), содержались призывы к гражданам «записываться в особый список жертвователей, давая от себя деньги, одежду, обувь». Более подробная информация о деятельности комитета содержалась в переписке его правления с немецкими властями. В ряде писем, датированных сентябрем – октябрем 1941

года и подписанных Ярошевичем, конкретизировались цели общества («оказать помощь наиболее пострадавшим от войны- в первую очередь преследовавшимся советскими властями, политическим заключенным и их семьям, погорельцам и всем, оставшимся без средств к жизни и работы, всего около 900 семей»). Сообщался состав правления: председатель ксендз-декан Альбин Ярошевич, зам. председателя Рей Иван, секретарь Вавюрский Иосиф, члены – Савицкий Роман, Вагнер Леопольд, Раплицкая Мария, Гальская Янина, Шафалович Антон, Богдан Эдвард, Боришкевич Георгий. Двое из них – Иван Рей и Георгий Боришкевич были православными священниками. Также предлагались пути осуществления задуманного («разрешить произвести сбор вещей и денег по торговым предприятиям; повисить с целью обеспечения постоянных доходов комитета оплату в городе за пользование электричеством, водой и хлебными карточками; выделить 1000 кубометров дров для разделения таковых для населения; установить для ориентировки нормы отчисления на нужды комитета из зарплаты трудящихся») и т.д.)

Судя по всему, эффективность работы «Гражданского комитета» была невысокой. Несмотря на усилия его правления, посильную помощь ему со стороны католического и православного духовенства, занимавшегося сбором денежных и материальных средств по поддержанию нуждающихся горожан, социальные катаклизмы и сопутствующие им голод и холод делали свое дело, ввергая людей в состояние угнетенности и скорби. Руководству правления комитета уже с самого начала была видна двойственность политики оккупационных властей: вместе со стремлением показать, что в Гродно привнесены «новый германский порядок», рассчитанный на сотрудничество с духовенством, общественностью, в их отношениях к комитету, сквозили подозрительность и внутренняя потребность «победителей» посорить поляков и белорусов, стравить католиков и православных, чтобы затем, с полным правом разделяя и усмиряя то одних, то других, властвовать на захваченных территориях. С крушением надежд на осуществление «блицкрига», т.е. молниеносной войны с СССР, оккупантам становилось ясно, что ставка на общественные комитеты, подобные гродненскому, мало что им даст. Более того, сотрудничество католических и православных священников, их желание работать в массах городских и сельских жителей Гродненщины, явно оттеняли козачьи цели оккупантов, их неспособность наладить в городе нормальную жизнь. В связи с этим уже 3 октября 1941 года, спустя» 45 дней с момента образования «Гражданского комитета», гродненский гебитскомиссар письменно уведомил председателя правления о своем решении прекратить деятельность благотворительного объединения.

Вот текст этого послания: «Священнику-декану господину Ярошевичу Альбину в Гродно. На основании проведенной сегодня с вами беседы и вашего заявления (речь в нем шла о расширении задач комитета – В.Ч.) сообщаю, что я уполномочил бургомистра г.Гродно провести одноразовый сбор денег в пользу пострадавших жителей города, которые они получают в виде материальной помощи дровами и т.д. Однако это не означает, что я считаю дальнейшую деятельность комитета необходимой. По-моему, деятельность Комитета

не может быть достаточной, т.к. у него нет для этого достаточных мер. Для этого существует государственный строй, который должен устранять все недоразумения... Я прошу вас распустить Комитет. Я всегда в вашем распоряжении, как и в распоряжении остальных ответственных деятелей других религиозных обществ. В мероприятия же, не входящие в чисто церковный круг действий, прошу как до сих пор, так и в дальнейшем, не вмешиваться, а в свои жалобы и заявления представлять мне лично». Показания ксендза Альбина Ярошевича о деятельности «Гражданского комитета» не смягчили суд в отношении степени его виновности, тем более, что в ходе следствия и дознания стало известно о существовании подобного комитета во главе с Ярошевичем еще в советские времена (в период с осени 1939 до весны 1940 года). Объединение это нелегально помогло семьям репрессированных советскими органами горожан и носило название «Общество милосердия святых Винцента и Павла». Когда члены его почувствовали угрозу раскрытия, объединение самораспустилось, документация была уничтожена, а деньги розданы нуждающимся. Под обнаруженным следствием документом от 13 апреля 1940 года, подтверждающем этот акт, стояли подписи ксендза Ярошевича и членов правления М.Мазновой, М.Шиманской и К.Ковалевской. Приговор суда был несправедлив и жесток: «подвергнуть гражданина Альбина Ярошевича лишению свободы сроком на 8 лет с поражением в правах на 3 года и конфискации имущества без права кассационного обжалования». Обвиняемый выслушал приговор спокойно, в полном соответствии со своим священническим саном, несмотря на то, что для человека, обремененного годами и серьезными хроническими заболеваниями, это было подобно смертному приговору. Собственно, так оно и было. Спустя полгода, 18 июля 1946 года, ксендз Альбин Ярошевич умер в местах заключения. Не менее трагически сложилась судьба и у других членов правления «Гражданского комитета помощи жертвам войны». Все они, за исключением настоятеля православного Покровского собора Георгия Боришкевича, покинувшего Гродно в июле 1944 года, подвергались в разное время преследованиям и репрессиям.

С той поры, как вершился суд над «Гражданским комитетом», прошло более полувека, и казалось, что скромные, благородные порывы католиков и православных, протянувших во время войны в Гродно друг другу руку помощи, канули в лету, но память людская имеет обыкновение высоко ценить добро, а сердце — устремляться к правде и справедливости.

И она восторжествовала. 25 сентября 1992 года Президиум Гродненского областного суда приговор военного трибунала от 24 декабря 1945 года в отношении Альбина Ярошевича отменил за отсутствием в его действиях состава преступления; а сам осужденный по данному делу был реабилитирован. Так закончилась история «Гражданского комитета помощи жертвам войны», в лоне которого во имя высоких христианских заповедей нашли взаимопонимание и согласие католики и православные.

ГЛАВА V. ИЗ ИСТОРИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И БЫТА

С ветерком на «Мерседесе» и на «Немане»... Первые гродненские автомобили и мотоциклы

Первые автомобили в г. Гродно появились в начале XX века. К сожалению, у нас нет сведений о том, каких марок были эти машины, кто были их владельцы, но то, что к этому времени автотранспорт уже стал составной частью достопримечательностей города, свидетельствует тот факт, что Гродненская городская управа «на основании Высочайше утвержденного 20 января 1903 г. мнения Государственного Совета и постановление Гродненской городской думы от 28 апреля того же года за №58 установила в пользу города денежный сбор по 2 руб. 50 коп. с каждой силы автоматического движения»¹¹⁹. Судя по всему, первые гродненские владельцы авто не сильно стремились к уплате данного сбора, считая сам факт своего существования солидной рекламой губернскому городу, но, разумеется, такие «вольности» не могли продолжаться до бесконечности.

И вот спустя десятилетие грянул в городе настоящий «автомобильный гром». Именно благодаря им, этому мы имеем сегодня возможность судить о первых гродненских автомобилистах, таксистах и многом другом, имеющем отношение к автотранспорту.

7 января 1913 года гродненский городской голова (так назывался тогда мэр города) обратился к гродненскому полицмейстеру (или начальнику полиции) с просьбой «о сообщении в возможно скорейшее время сведений о владельцах автомобилей в г. Гродно с указанием силы каждого автомобиля». Естественно, переписка о количестве лошадиных сил была не столько проявлением любознательности главы города, сколько стремлением заполучить в городскую казну причитающийся по закону сбор. Следует признать, что полиция достаточно оперативно отреагировала на вышеуказанную просьбу, и уже в начале февраля список всех автомобилистов Гродно лежал у главы города на столе. В их числе значились: губернский инженер С.Л. Пинаев (автомобиль в 6 л.с., грузоподъемность 10 пудов; местожительство – Почтовая ул., дом Кошевеника); доктор А.К. Тальгейм (автомобиль в 12 л.с., грузоподъемность 20 пудов; местожительство – Софийская ул., собственный дом); техник А.-Ч.С. Гордеев (автомобиль в 12 л.с., грузоподъемность 20 пудов); местожительство – Городничанская ул., дом Эпштейна); инженер путей сообщений И.Г. Тиминский (автомобиль в 5 л.с., грузоподъемность 10 пудов; местожительство – Саперная ул., дом Семашко); владелец механической мастерской П.А. Боровский (автомобиль в 12 л.с., грузоподъемность 20 пудов; местожительство – Дворцовая площадь, здание губернской типографии).

Кроме частных владельцев автомобилей, в названном списке указывалось также и то, что в распоряжении Управления строительством Гродненской крепости находилось 10 автомобилей (4 легковых по 14 л.с. каждый и 6

грузовых по 24 л.с.), один грузовик принадлежал 10-й шоссевой дистанции ведомства министерства путей сообщений и одна легковушка находилась в распоряжении 5-й воздухоплавательной роты, располагавшейся на Иерусалимской улице. В этом же списке упоминались и первые гродненские мотоциклисты. Ими были: мещанин А.А.Боровский (мотоцикл в 2 л.с., местожительство-Александровская ул., дом Лапина) и капитан 101-го Пермского пехотного полка К.И.Буцкий (мотоцикл в 2,5 л.с.). От бдительного ока полиции не скрылись и владельцы автомобилей в Гродненском уезде. Здесь на 1 февраля 1913 года имелось 4 автомобиля, из которых три принадлежали правлению акционерного общества Друскеникских минеральных вод (для перевозки пассажиров между м.Друскеники и одноименной станцией железной дороги), а еще один – владельцу имения Войцеховщина Д.Р.Корыбут–Данкевичу. На основании полученных сведений городская управа направила всем владельцам частных и служебных автомобилей в городе и уезде уведомление уплаты с требованием денежного сбора с каждого из них в пользу городской казны, исходя из лошадиных сил автомобиля, плюс пеня за просрочку платежа в размере одного процента в месяц от неуплаченной суммы. В большинстве случаев эти суммы оказались достаточно внушительными, однако несмотря на это все владельцы внесли в срок до 1 апреля в пользу города начисленную им сумму. Исключение составили лишь губернский инженер Пинаев и техник Гордеев. Первый, получив уведомление «считал своим долгом заявить», – что Гродненская городская управа начисляет взнос в нарушение тех правил, какими руководствуются по всей России и в Петербурге (т.е. по формуле «Германского Автомобиль-Клуба»), в связи с чем его личный взнос должен составлять не 15 руб., а в два раза меньше, «однако местные власти с доводами губернского инженера не согласились, и ему все-таки пришлось раскошелиться. Второй около полугода уклонялся от уплаты начисленной суммы сбора, ссылаясь на то, что еще за месяц до получения присланного ему уведомления он переехал в город Борисов Минской губернии к новому месту службы. В конце концов городская управа пошла навстречу технику Гордееву, значительно сократив для него сумму сбора.

Весьма интересный способ уклонения от уплаты налога придумал инженер-дорожник Тиминский, подписавший свое оправдательное письмо в управу достаточно своеобразно – «всегда готовый к Вашим услугам...». Во-первых, он попытался разжалобить власти ссылками на то, что «назначенный на мой служебный автомобиль шофер Смирнов (в то время еще смирно существовало написание этого слова с одним и двумя «Ф» – В.Ч.) службу оставил 10 апреля и впредь до принятия нового шофера, этот автомобиль будет находится в сарае дома Каменских на Акцизной площади. Бывший же мой собственный автомобиль уже давно стоит в разобранном виде, и я им не пользуюсь, да и пользоваться не имею намерения». Во-вторых, Тиминский выслал в адрес управы красочные рисунки, рекламные фото, а также описание своего служебного автомобиля «Бенц и К» в 20 лошадиных сил, приобретенный в Петербурге всего лишь год назад со все тем же намеком – к Вашим услугам». Кстати, «рекламному описанию» его авто могут в известной мере

позавидовать и современные рекламодатели автомобилей. Опуская технические характеристики «Мерса» 1912 года выпуска, где речь идет о комфортности автомобиля или о т.н. «прибабасах»: «внутри кузова расположены четыре сидения, которые расположены следующим образом: два сидения установлены позади, их подушки обиты кожей темного цвета и лучшего качества, причем последние снабжены большим числом пружин; тут же два стула с откидными спинками, легко поднимаемыми и опускаемыми. При сидениях имеются передвижные опоры для ног. Впереди, рядом с шофером, находится еще одно сидение. Перед сидением шофера находится переставное стекло в металлической оправе, которое легко поднимается и опускается».

Автомобиль снабжен американским верхом с боковыми застежками, которые закрывают его как сзади, так и с боков, чем образуют род закрытой кареты. Боковины, а также задняя часть американского верха снабжены целлюлоидовыми окнами. Внутри кузова пол покрыт резиновыми и плюшевыми ковриками. Пол у сидения шофера, а также подножки автомобиля покрыты алюминием. Автомобиль снабжен полным комплектом инструментов для текущего ремонта, комплектом мелких запасных частей по прилагаемому списку а также насосом для накачивания воздуха. Шины будут поставлены из лучших фабрик «Мишлен» или «Континенталь» (плюс запасные), по желанию. Позади кузова находится решетка для 3 – 5 пудов багажа. На хорошей дороге автомобиль развивает скорость 60 – 70 верст в час...». В этом случае, если судить по материалам данного архивного дела, консенсус между властями и предприимчивым владельцем был, вероятно, найден.

Летом 1913 года все гродненские автомобили прошли технический осмотр и проверку готовности шоферов к управлению транспортными средствами. Технико-проверочную комиссию возглавили член Гродненской городской управы С.И.Цыбульский и заведующий городской электростанцией инженер М.И.Маркевич. Составленные ими «Акты освидетельствования автомобилей» содержали, помимо чисто технической информации, и ряд сведений о том, что на автомобиле доктора Тальгейма (получившего для своей машины №1) шофером был не сам владелец, а П.А.Боровский; машиной техника Гордеева под №3 управлял шофер К.К.Мартиневич. И лишь один из высокопоставленных владельцев губернский – инженер С.Л.Пинаев, автомобиль под №2 сам управлял им, что является вполне серьезным основанием для того, чтобы считать его первым гродненским автомобилистом. Самостоятельно управлял собственным автомобилем под №4 инженер путей сообщений И.Г.Тиминский. Что касается братьев Антона и Александра Боровских, то они занимались автомобильным делом на вполне профессиональном уровне не только как владельцы собственной автомеханической мастерской, но и как люди, первыми в городе заявившие о желании заняться пассажирской перевозкой жителей Гродно в пределах городской черты.

29 июня 1913 года братья Боровские подали в городскую управу заявление с просьбой о разрешении им перевозить пассажиров по улицам губернского города на 4-местном автомобиле. Однако по ряду формально бюрократических причин желаемого разрешения Боровские тогда же не получили.

Первым же патент «на право постановки в г.Гродне таксомотора» (несмотря на то, что это заявление было подано позже братьев Боровских) получил шофер-механик Б.Б.Городко, жительствовавший в городе Гродно, по Полицейской улице, в доме Гершулько. Одной из причин, склонивших городскую думу в пользу этого решения (24 августа 1913 года – В.Ч.), являлось и то, что было зафиксировано в акте освидетельствования автомобиля. Бронислава Городко марки «Gaggeman» в 8 л.с.: «автомобиль отличается высокой технической готовностью, а сам владелец авто Городко показал себя ответственным шофером, что, кроме всего отмеченного, подтверждается» предъявленным им свидетельством об окончании полного курса обучение в «Школе шоферов в Петербурге». Справедливости ради следует заметить, что и братья Боровские – владельцы автомобиля фирмы «La Vuire» в 14 л.с., также проявили себя «ответственными шоферами», показавшими надлежащее умение управлять автомобилем», но, к сожалению, такого солидарного свидетельства, как у Городко, у них не было.

Гродненская городская управа осуществляла контроль и за уплатой денежного сбора со стороны владельцев транзитного транспорта. Так, 2 апреля 1913 года городские власти «ввиду неуплаты «Сувалковским обществом автомобильных сообщений» установленного в пользу города сбора за 1912 и 1913 годы за два пассажирских автомобиля потребовали от гродненского полицеймейстера «сделать немедленное распоряжение о воспреещении названному обществу вплоть до уплаты указанного сбора производить движение и стоянку городского сквера двух автомобилей ему принадлежащих». В этом в архивном деле имеется расписка одного из шоферов Сувалковского общества Владислава Муравского, а также кондуктора его автомобиля с обещания что они «впредь до уплаты городских сборов по городу ездить и останавливаться не будет, в противном случае – готовы отвечать по закону».

25 апреля 1913 года военный комендант г.Гродно сообщил гродненскому голове, что «приказом по гарнизону от 24 апреля с.г. за №75 предписано всем чинам, имеющим собственные автомобили, немедленно уплатить причитающийся сбор, а на казенных автомобилях иметь дощечки с обозначением частей войск или управления». А начальник управления строительства Гродненской крепости генерал-майор М.Н.Кайгородов 30 апреля того же года уведомил гродненскую управу, что «во исполнение «Обязательных постановлений для езды на автомобилях в г.Гродне и его предместьях», изданных гродненским губернатором 16 апреля 1910 года, но «приказал всем ему подведомственным чинам неукоснительно исполнять упомянутые обязательные постановления». Кроме того, им были даны распоряжения о том, чтобы «на каждом автомобиле его ведомства на самом видном месте (спереди и сзади) были прикреплены таблички с номерами для грузовых автомобилей и литерами для легковых автомобилей с начальными буквами управления. В ночное время эти таблички должны освещаться фонарями». Дополнительно к этому генерал Кайгородов просил расширить список улиц для движения по городу автомобилями его управления, при этом включив в него улицы Пушкинскую, Загороднюю, Гордничанскую, Сенную, Варшавску, Подольную (с выездом от нее на Ски-

дельское шоссе), Софийский и Жандармский переулок и др., столь необходимые для подъезда к квартирам господ офицеров управления». Что же касается грузовых автомобилей, то генерал заверял управу, что «таким мною запрещено движение по Муравьевской и Соборной улицам, исключая случаи подвоза грузов к зданию управления, помещающегося на Муравьевской улице».

Распространение автомобилей в Гродно и окрестностях тормозилось некоторыми обстоятельствами, характерными для тогдашнего уклада жизни. Одно из них – большое количество лошадей в городе. Они боялись всего того, что быстро двигалось, гремело и сверкало. Поэтому при встрече с «железным чудовищем» лошади переставали слушаться кучеров и мчались от страха, не разбирая дороги. Экипажи переворачивались, калеча людей и портя грузы. Отношение к владельцам автомобилей со стороны городского населения становилось все более враждебным. Не добавляли взаимных симпатий и встречи автомобилей за городом со стадами скота. Испуганные коровы и овцы разбегались в стороны, и пастухи долго собирали их обратно, а это нарушало привычный ритм жизни животных. Крестьяне жаловались на уменьшение надоев молока. На погашение подобных конфликтов автолюбители тратили значительные суммы.

Эксплуатация машин в те годы обходилась достаточно дорого. В 1910 году бензин стоил 4 руб. 50 коп. за один пуд (16 кг). Одна покрывка – 80 руб., камера – 20. К тому же их качество оставляло желать лучшего – за две поездки из Гродно в Лиду и обратно покрывки полностью изнашивались. В среднем за один сезон выходило из строя 5-6 покрывок и до 10 камер. Причина была не только в плохой резине. Очень часто автомобилистам сознательно вредили жители города и окрестностей. Битое стекло, гнутые гвозди и другие режущие и колющие предметы попадались на дорогах повсеместно. Всего за сезон на автомобиль мощностью в 12 л.с. уходило 1000-1200 руб. Напомним, что пуд ржи в Гродно в начале века стоил 80 коп. По климатическим условиям «самостоятельный экипаж» работал примерно с 15 мая по 15 октября, то есть в течение пяти месяцев. Для зимнего времени по-прежнему содержали лошадей.

* * *

Привычный нашему глазу двухколесный велосипед, что в буквальном переводе с французского означает «быстрые ноги», был создан в Англии в 1893 году. Тогда же началось и промышленное производство новейших средств передвижения, стали возникать по всей Европе объединения любителей велосипеда. Не обошла эта мода и Гродно.

В губернском городе уже в конце XIX – начале XX века имелось общество велосипедистов, состоящее более чем из двух десятков человек. Наличие такого количества любителей быстрой езды вынуждало городские власти переходить от восхищения новой модой к строгим запретам, что в конечном итоге потребовало разработки для велосипедистов правил дорожного движения. Первым вариантом их стали предписания гродненского полицмейстера от 21 мая 1899 года, суть которых состояла в следующем:

«Езда на велосипедах разрешается в любую пору года по всем улицам, как и по дорогам для конной езды; управлять велосипедам может osoba,

достигшая 17 лет, при условии сдачи при обществе велосипедистов экзамена, состоящего в демонстрации умения быстрой посадки на велосипед и такого же соскакивания с него; а также умения делать повороты; во время езды каждый велосипедист обязан иметь разрешение на управление велосипедом, регистрационный номер, звонок, а с наступлением темноты – зажженный фонарь; при езде надлежит придерживаться правой стороны, а скорость движения не должна превышать границ, определенных для обычной дорожной езды; при встрече похоронной процессии, марширующих солдат и т.п., а также по требованию полиции надлежит незамедлительно остановиться».

В последующее годы предписания полиции стали касаться и других прав и обязанностей велосипедистов. В фондах главного исторического архива в Гродно хранятся некоторые документы, отражающие взаимоотношения городских властей и местных поклонников новомодного транспорта. Весьма характерным в этом плане следует признать объявление от 22 марта 1913 года: «Гродненская городская управа сим объявляет, что установленные обязательными постановлением Городской Думы, изданным 5 июля 1900 года, номера для велосипедов на текущий 1913 год заготовлены Управою, где и должны быть приобретаемы велосипедистами. Означенные номера должны прикрепляться к велосипеду на видном месте, но отнюдь не на колесах. Член Управы А. Восинский. Делопроизводитель Саванчук».

В мае того же года городская дума обратилась к гродненскому полицмейстеру с просьбой «не допускать владельцев велосипедов ездить по городу без номеров, а также обязать лиц, содержащих велосипеды на прокат, снабдить каждый велосипед номером». Следует заметить, что в начале века в Гродно имелось три пункта проката велосипедов: на складе Гониозского по Ивановской улице, при магазине «Проводник», улица Муравьевская, дом 3, что у Михайловского моста, при здании архива Гродненского губернского правления.

До начала первой мировой войны в Гродно было несколько спортивных сооружений и площадок, включая и велосипедный трек неподалеку от нынешнего городского стадиона. Здесь ежегодно проводились соревнования велосипедистов, причем как наперегонки, так и по фигурному вождению «железного друга». Широко практиковались велосипедные экскурсии по историческим местам, велопробеги Гродно – Скидель, Гродно – Индура, Гродно – Друскиникай, Гродно – Озеры и другие. Интерес к быстрой езде оставался у гродненцев неизменным и в последующие годы.

Как-то, просматривая в областном архиве краеведческий журнал, изданный в Гродно в 1939 году, обнаружил объявление о том, что частное предприятие Н. Старовольского предлагает покупателям широкий выбор велосипедов, мопедов и даже... мотоциклов. Там же помещалось изображение последней новинки промышленности города – мотоцикла «Немэн» («Неман»). Последнее особенно удивило, ибо датой рождения первого мотоцикла в республике значится 1951 год (модель М-1А минского производства). Стал просматривать другие материалы и вскоре убедился, что гродненский мотоцикл «Немэн» существовал в реальной жизни.

Собственно, что такое мотоцикл? В современных энциклопедиях ответ на этот вопрос обычно ищут в расшифровке самого названия слова (мото – от латинского «мотор», что значит «приводящий в движение»), и цикл – от греческого «циклос» – круг, колесо). Не случайно велосипедистов и мотоциклистов в начале века долгое время называли «циклистами». А вот в энциклопедии Тшаски, Эверта и Михальского, изданной в Варшаве в 1920-е годы, читаем следующее: «Мотоцикл – это ровэр (велосипед), двигающейся с помощью мотора». Столь лаконичное определение вполне соответствовало духу тогдашнего времени, когда параллельно с велосипедом и автомобилями, мотоциклы вырвались на дороги Европы и Америки, пугая все живое и восхищая подростков страшным треском и бешеной скоростью. Именно тогда и получили мотоциклисты зловеще-горделивое прозвище – «смертники».

Первые мотоциклисты (в быту – мотоциклетки) появились в Европе вместе с автомобилями в конце XIX века. В СССР опытные образцы мотоциклов начали выпускаться в 1924-1932 годах, а с 1933-го началось их серийное производство в Ленинграде и Ижевске (модели Л 300 и ИЖ –7). В послевоенный период массовый выпуск разных классов и типов мотоциклов осуществляется в Киеве, Ирбите, Коврове и Минске. К середине 70-х годов по их производству СССР занимал второе (после Японии) место в мире.

Производство опытных моделей мотоциклов в Польше начиналось в 1928-1930 годах на базе заграничных конструкций (двигатель – «Индиана», ходовая часть – «Харлей Дэвидсон»). В 1934 году в Варшаве увидела свет первая серия мотоциклов «Сокол 1000». В конце 30-х годов, кроме Варшавы, мотоциклы с небольшими партиями стали выпускаться в Катовице, Познани и Понятове. Особой популярностью пользовалась выпускаемая с 1939 года малолитражка «Подкова» с английским двигателем «Виллис». Судя по всему, сборка этой модели и осуществлялась в Гродно на базе предприятия «Немэн» Н. Старовольского. От названия предприятия пошло и название мотоцикла.

Цеха фирмы Старовольского располагались в центре города на месте бывшего завода «Электроприбор». Из ворот предприятия вышло несколько сотен «Немэнов», преимущественно по заказам армии. С началом второй мировой войны их производство прекратилось. Впрочем, о судьбе «Немэна» известно пока крайне мало.

Под сенью «Голубого Креста». **Из истории пожарного дела на Гродненщине**

Организованная борьба с пожарами в Гродненской губернии берет свое начало с середины 60-х годов XIX века. Подтверждением этому могут быть сведения, помещенные в «Журнале присутствия Гродненского губернского правления за 1865 год», хранящиеся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь в г.Гродно. В одной из записей журнала под номером 406 от 16 марта 1865 года зафиксированы первые целенаправленные организационные меры гродненских губернских властей, направленные на борьбу с огнем: «Слушали: об устройстве по городам Гродненской губернии пожар-

ных команд и обозов. Пришли к мнению, для городов Гродно, Бреста и Белостока МВД от 18 апреля 1853 года утвердило штаты пожарных команд и обозов, а также перечень обязательных инструментов: труб разных размеров – 3; линейек с летними и зимними ходами – 1; топоров – 25; ломов – 12; лопат железных – 9 и деревянных – 9; крюков с веревками – 4; бочек на летних и зимних ходах – 9; ведер и черпаков – 20; багровых ходов на колесах и с зимними полозьями – 1; коробов железных – 2; багров – 12; вил – 6; лестниц – 8; лошадей – 33. В пожарные команды названных городов назначены должности брандмейстера, унтер-брандмейстера и младшего брандмейстера и рядовых пожарных: в Бресте и Белостоке по 36, а в Гродно – 34 человека». На устройство этих команд с полными штатами и инструментами, а также на покупку лошадей было ассигновано из суммы страхового сбора и городских доходов для каждого из сих городов по 3.927 рубля. В Гродно по получении необходимых средств пожарные инструменты тотчас же были изготовлены, а закупка лошадей и набор людей по штату не были начаты из-за недостаточности городских доходов, о чем 31 мая 1860 г. было донесено МВД с просьбой отнести все расходы на страховой сбор, но разрешения на это не последовало. А потому на 1 марта 1865 года в Гродненской пожарной команде состояли в штате: 1 старший брандмейстер и 11 человек рядовых пожарных из числа нижних или внутренней стражи и 6 – лошадей.

В прочих же городах губернии штаты предусматривали: в г.Слониме – унтер-брандмайор и 10 рядовых пожарных, а во всех других городах только рядовые; в Кобрине – 8, в Волковыске и Пружанах – по 5, а в Сокулке и Белостоке – по 3 человека. Соответственно и инструмента в выделялась в два раза меньше. Такие же пропорции сохранялись и при оборудовании необходимых помещений для размещения пожарных команд. После получения этой и другой информации губернское правление постановило: в «Гродно к имеемым 6-ти лошадям купить еще 27 лошадей и истребовать из внутренней стражи из внутренней стражи необходимое по штату число людей; в Слониме было решено заменить негодных по старости 4-х лошадей»¹²⁰. Проведение мероприятий требовало больших денег, включая средства на питание и обмундирование пожарных, а также закупку фуража для лошадей. Как правило, размещались пожарные команды в частных помещениях. В 1890-е годы в связи с финансовыми затруднениями губернские власти вынуждены были наряду с созданием штатных пожарных команд идти на встречу городской обществу, ратовавшей за создание добровольных пожарных дружин. Их главное преимущество состояло в том, что в отличие от наемных команд и комплектование последних не требовало значительных денежных средств. Несмотря на это добровольные пожарные общества в своем становлении сталкивались с противодействием властей, живших по принципу «как бы ничего не вышло». Вся ненормальность такого положения дел в полной мере видна на примере г.Слонима. Сведения эти почерпнуты из журнала «Пожарное дело» (1897, №10), в котором один из местных корреспондентов писал: «Еще несколько лет назад здешняя Дума постановила ходатайствовать об учреждении у нас пожарного общества, но устав его не был утвержден по той причине, что городской голова озаглавил его термином «вольный флот» (?) и от губернато-

ра был получен ответ, что в учреждении «вольного флота» нет надобности. Ввиду этого за дело взялись частные лица, отнесли с Главным советом соединенного «Русского пожарного общества», которое и взялось хлопотать утверждение устава... Когда же он был готов, то в это дело опять вмешался городской голова, высказавший мнение, что не подобает, минуя губернскую администрацию, посылать на утверждение устав сразу в Петербург. Послушали его, но «по представлении устава генерал-губернатору, он не нашел возможным дать ему ход». И вот город с населением в 22 тыс. душ остается совершенно не обеспеченным в пожарном отношении. Ввиду такого положения энтузиасты пожарного дела были вынуждены просто просить об ассигновании небольшой суммы денег на устройство летнего сарая и приобретение некоторых инструментов, но и эти просьбы часто оставались без исполнения»¹²¹.

29 мая 1898 года в Гродно параллельно со штатной пожарной командой стало функционировать и Гродненское добровольное пожарное общество. Представителей его правления был избран городской голова И.С.Михальский, начальником дружины – К.Л.Штегер. Освещение знамени общества совершил епископ Иоаким (Левицкий) после молебствия на Александро-Невской площади (ныне площадь Тызенгауза – В.Ч.). Первое свое крещение добровольное пожарное общество получило 22 июня 1899 года. Начавшийся в этот день на Фабричной улице пожар грозил уничтожить весь город, но благодаря грамотным действиям гродненских пожарных огонь удалось остановить, хотя ущерб был великим: сгорело 14 каменных и 76 деревянных построек, древняя еврейская Синагога, военный летний лазарет... и помещение пожарной команды (штатной и добровольной). От пожара пострадало 250 семейств горожан. И все-таки это была победа, ибо летний пожар 1885 года буквально опустошил город¹²². В последующие годы гродненские штатные и добровольные пожарные продолжали сражаться с огнем, часто жертвуя при этом жизнью, ставя в тяжелое материальное положение свои семьи.

В этой связи в 1896 году на Всероссийском пожарном съезде в Нижнем Новгороде, на котором присутствовали и делегаты от пожарных команд Гродненской губернии, было решено образовывать специальный фонд взаимопомощи пожарных, обеспечив его пополнение путем индивидуальных взносов и страхование. Для разрешения этого вопроса тогда же была образована комиссия под председательством представителя МВД Е.В.Богдановича и членов – князя А.Львова, графа В.Татищева, петербургского брандмайора А.Паскина, управляющего страховым отделом М.Островского и др. Работу этой комиссии благословил протоирей Иоанн Сергиев – знаменитый Иоанн Крошадский. Через два месяца результатом работы комиссии явился устав общества взаимопомощи пожарных, названного обществом «Голубого креста». Весной 1897 года устав общества был представлен на утверждение правительства, а летом – утвержден. Разработчики устава сразу же обратились с призывами примкнуть к обществу всех заинтересованных лиц, а также учреждения, имеющие отношение к пожарному делу. Для развития общества «Голубой Крест» потребовался запасной капитал в 10 тыс. рублей; часть его (2 тыс.) образовали

«Императорское Техническое общество» и Российское пожарное общество, остальную часть необходимой суммы собирали всем миром... Согласно уставу, общество имело целью «обеспечивать пожарным и их семьям известное вознаграждение за последствия несчастных с ними случаев, происшедших во время исполнения ими обязанностей пожарной службы».

Суммы вознаграждений были различны в зависимости от размера несчастного случая, размер же членских взносов для простых пожарных практически был невелик. Благодаря деятельности общества «Голубого Креста» каждый пожарный приобретал уверенность, что в случае беды ему дадут не милостыню, а то, что ему причитается как непосредственному участнику в деле взаимопомощи своих же собратьев по борьбе с огнем.

В 1902 году общество «Голубого креста» объединяло 105 коллективных своих членов (региональные его филиалы, отдельные дружины и пожарные команды). Главная резиденция правления общества располагалась в Петербурге, Дворцовая набережная, 22. Его председателем был князь А.Д.Львов, а членами протоирей Иоанн Кранштадтский, Е.В.Богданович, граф П.Ю.Сюзор, граф С.А.Апраксин, полковник М.А.Карликов, капитан. Д.М.Струнов, инженер-механик Т.О.Фракман и др.¹²³

Общество «Голубой крест» действовало в Гродненской губернии вплоть до начала первой мировой войны, оставив о себе добрую память как у профессиональных пожарных, так и у добровольных помощников.

«Положить конец безудержному пьянству...»

Как зарождалось трезвенное движение на Гродненщине

Новый век «взял» у старого прежние проблемы. Одна из наиболее актуальных – это безудержное пьянство. Сейчас, когда потребление алкоголя в Беларуси неизбежно влечет за собой полную деградацию народа, когда алкоголики на каждом шагу, а количество преступлений на почве пьянства почти удвоилось, – общество должно, наконец, выработать эффективное противодействие страшному злу. А для этого необходимо вспомнить, как с ним боролись наши предки.

Бурное индустриальное развитие нашего региона в конце XIX – начале XX веков, стремительное приобщение его к ценностям цивилизации неизбежно влекли за собой укоренение в народном организме присущих многим развитым странам пороков, в том числе, разумеется, и пьянства. Было бы несправедливым утверждать, что до этого наши земляки не знали спиртного, но его потребление именно в тот период начало приобретать устрашающие размеры. В начале XX века известный общественный деятель профессор Чельшев, говоря о том, что водка сделала с народом России, отмечал: «40 процентов новобранцев не годятся в военную службу. За год от опоя погибает свыше 200 тысяч человек. За год пропивается около двух миллиардов рублей, а весь урожай также приносит около двух миллиардов... Крестьяне переходят на отруб, затем продают землю, а деньги пропивают. По некоторым деревням до 90 процентов школьников пьют». Немногим лучше было и в городах. Здесь, согласно

социологическим исследованиям, на заре века употребляли спиртное 67 процентов мальчиков и 45 процентов девочек школьного возраста. В этой ситуации перед здоровыми силами страны встала насущная задача – положить конец безудержному господству алкоголя, предприняв для этого активные действия на различных уровнях: от государственного регулирования проблемы и формирования в обществе негативного отношения к пьянству до спасения от этого недуга отдельных людей. У истоков столь благородной деятельности в Гродненской губернии стоял православный священник, писатель, историк и фольклорист Дмитрий Булгаковский. Будучи священником в Свислочи, а затем в Волковыске, он одновременно исполнял обязанности законоучителя, преподавателя русского и церковнославянского языков в Свислочской учительской семинарии и в Волковыском уездном училище. Серьезные занятия Булгаковского, общение с простым народом сделали его имя популярным на Гродненщине¹²⁴.

В 1889 году под влиянием деятельности сторонников здорового образа жизни Гродненское губернское по крестьянским делам присутствие опубликовало на страницах «Гродненских губернских ведомостей» любопытную и на сегодняшний день инструкцию для волостных и сельских старост по преследованию пьянства среди крестьян. Ознакомимся лишь с некоторыми статьями, сохранив при этом особенности ее стилистики: «Правительство всегда стремилось и стремится к уменьшению в народе пьянства, которое отражаясь на самом здоровье, в то же время приводит его к грубому и жестокому обращению в семье, к уголовным преступлениям, к расстройству имущества, к полному разорению хозяйства, к нищете, а самое главное – от пьянства в народе уменьшается страх: страх Божий, покорность детей к родителям и повиновение властям».

Закон предоставил крестьянам право составлять приговоры о недопущении открытия литейных заведений, а на их содержателей возложил обязанности: «не производить в селениях торговли во время крестных ходов и в праздничные, воскресные и табельные дни до окончания Божественной литургии, а после этого торговать только до 10 часов вечера; не продавать крепких напитков в долг; на счет урожая, под заклад платья, посуды или других вещей; а также не платить за произведенные работы вином вместо денег (сегодня эту операцию повсеместно называют «жидкой валютой» – В. Ч.); не допускать в своих заведениях) недозволённых увеселений или игр, бесчинств и беспорядков; не допускать малолетних или видимо пьяных к распитию крепких напитков в их заведениях».

За несоблюдение этих требований содержатели питейных заведений подвергались штрафу и аресту, возвращению незаконно принятых вещей и продуктов, а при повторении – само заведение закрывалось. Тому же лицу, которое заявит властям о нарушении правил питейной торговли, выдавалась половина штрафа, взысканного с провинившегося торговца.

Карая содержателей питейных заведений, власти считали необходимым преследовать и самих пьянствующих, возлагая при этом дополнительные обязанности на сельских старост. К их числу, в частности, относились следующие: «наблюдать, чтобы крестьяне являлись в церковь и в другие места, где совершается богослужение, непременно в трезвом виде; воспрещать крестьянам собираться в питейных заведениях до окончания Божественной литургии; не

допускать при проведении сельских сходов присутствия на них крестьян в нетрезвом виде, а явившихся пьяных привлекать к ответственности; смотреть, чтобы крестьяне не покупали крепких напитков в долг, в счет будущего урожая, а равно бы не пили вина вместо причитающейся платы от содержателя питейного заведения за произведенные для него работы». Виновные подвергались следующим взысканиям: общественным работам до двух недель, денежному штрафу в 1 рубль или аресту до 2-х дней¹²⁵.

Организатор борьбы за народную трезвость Булгаковский с 1898 года жил в Петербурге как вольный священник. Здесь активно включился в антиалкогольное общественное движение. Был одним из организаторов «Санкт-Петербургского попечительства о народной трезвости». В 1900 году на Парижской всемирной выставке его наградили серебряной медалью за литературно-художественный альбом «Эхо. Пьянство и его последствия». По проблеме пьянства им было опубликовано несколько книг, в том числе «На помощь», «Вино на Руси», «Как я перестал пить», «Горькая правда о пьянстве», «Как отказаться от спиртных напитков» и другие. Длительное время Булгаковский издавал журнал «Всероссийский вестник трезвости»¹²⁶.

Неутомимым сторонником народной трезвости являлся секретарь (впоследствии редактор) «Гродненских губернских ведомостей», автор «Краткого исторического очерка Гродненской губернии за сто лет ее существования» Л. Солоневич. С инициативой создания приходских обществ трезвости выступал гродненский протоиерей Иоанн Корчинский. Большую роль в народно-православном движении за трезвый образ жизни играло Гродненское православное Софийское братство. Член братства Ф. Маркович ряд лет возглавлял «Гродненское попечительство о народной трезвости». На счету братства и попечительства – множество благородных дел по спасению людей от пьянства.

Под влиянием подвижников антиалкогольной кампании крестьяне Гродненской губернии неоднократно выступали (через составление приговоров) за закрытие винных лавок в их селах. Но одного антиалкогольного движения снизу было недостаточно. Пьянству необходимо было создать мощную правовую преграду. В ее разработке огромную роль сыграл император Николай II, начертавший на приветственном адресе одного из обществ трезвости: «Желаю всемерного распространения по всей Русской земле трезвенного движения». Итогом многовекторных усилий стало введение в стране в 1914 году «сухого» закона, то есть запрещения производства и продажи спиртных напитков, который продолжал действовать до 1925 года. В результате этого уже к началу 1915 года производительность труда возросла на 30 – 50 процентов, число пожаров в сельской местности уменьшилось в два раза. Количество прогулов снизилось на 27 процентов.

Это лишь первые благотворные последствия «сухого» закона. Его принятие сказалось бы просто невозможным без активной гражданской позиции здоровых сил общества. И как знать, выжили бы мы в невероятных испытаниях XX века, если бы не годы трезвости, отчет которым дал август 1914 года?

РАЗДЕЛ II. ДОКУМЕНТЫ, МАТЕРИАЛЫ, КОММЕНТАРИИ

«Собирал из официальных бумаг учитель Гродненской гимназии Федор Гарц...»

Публикуемые ниже «Записки», иногда называемые «Сведения» хранятся в Национальном историческом архиве Беларуси в г.Гродно и, несомненно, известны некоторым исследователям, начиная с момента их появления на свет. Однако при всем богатстве содержащихся в этом историческом документе сведений он никогда в полном объеме не публиковался¹²⁷. В большинстве случаев историки, работавшие с этим источником, «выбирали» из него лишь то, что имело отношение к их индивидуальным исследовательским интересам. Фрагментарное использование «Записок» о войне 1812 года на территории Гродненской губернии, разумеется, не способствовало выяснению вопроса об истории появления на свет этого интересного документа, искажалось и его авторство.

В феврале 1836 года император Николай I поручил генерал-лейтенанту Александру Ивановичу Михайловскому-Данилевскому (1790 – 1848) начать работу над «Описанием Отечественной войны 1812 года». Выбор данной кандидатуры для выполнения столь ответственного задания, естественно, был не случаен. Михайловский-Данилевский был широко образованным человеком, с явно выраженными еще в юности способностями к историко-литературному творчеству. В двадцать лет он окончил Геттингенский университет и сразу же поступил на службу в министерство финансов. Гроза 1812 года разбудила Россию, и падающий надежды чиновник добровольно вступает в Петербургское ополчение, а вслед за этим получает назначение в адъютанты к главнокомандующему действующей армии генералу М.И.Кутузову. Молодому офицеру было поручено ведение журнала боевых действий и секретной переписки. Вместе с армией он пережил и Бородинское сражение, и оставление Москвы, тяжелое ранение под Тарутино. После смерти М.И.Кутузова будущий историк был прикомандирован к штабу начальника главной квартиры П.М.Волконскому, а вскоре переведен в распоряжение самого императора Александра I.

Весной 1814 года союзные армии вступили в Париж. На глазах у молодого полковника проходили и Венский конгресс, и заключение Священного союза. Он живо интересовался тогдашними политическими событиями. Впечатления просились на бумагу. Его очерки и публицистика о недавних событиях охотно публиковали в «Сыне Отечества», «Русском вестнике» и «Отечественных записках». Поход с русской армией на Балканы и к берегам Босфора в 1829 году, заключение Андрианопольского мира между Россией и Турцией стали еще одной страницей в жизни 39-летнего генерала. Он не был лишен честолюбия, и его привлекала военная карьера. Но в следующей кампании – Польской (1831 года) тяжелое ранение серьезно повлияло на его судьбу... Как способный литератор Михайловский-Данилевский оказался наиболее подходящим кандидатом на авторство официального «Описания похода во Фран-

цию в 1814 году». Блестящее изложение материала в сочетании с публикацией малоизвестных документов, сопровождаемое воспоминаниями участников компании, обусловило успех книги¹²⁸. И поэтому новое предложение императора Николая I было вполне обоснованным.

Для выполнения государева заказа перед генералом-историком открывались все архивы, ему стала доступна любая литература, с ним активно сотрудничали многочисленные корреспонденты из числа участников событий 1812 года. В ход были пущены и административные каналы, по которым интересующие автора сведения поступали к нему из всех уголков империи. 20 июля 1836 года виленский генерал-губернатор выслал на имя гродненского гражданского губернатора письмо с вопросами, касающимися тех сведений, которые было необходимо собрать в подвластной ему губернии. Вслед за этим, 8 августа того же года, генерал-адъютант Бенкендорф напомнил гродненскому губернатору, что «означенные сведения должны быть сколько возможно поспешнее доставлены сенатору генерал-лейтенанту Михайловскому-Данилевскому» с припиской о требовании «уведомить о времени отсылки оных для всеподданнейшего доклада Его Императорскому Величеству»¹²⁹.

Столь высокое покровительство Михайловскому-Данилевскому не оставляло тогдашнему гродненскому губернатору генералу Н.Х.Коптеву ничего иного, как поручить столь ответственное задание директору Гродненской губернской гимназии и опекуну всех местных училищ Ивану Максимовичу Ястребцову (1797 – 1868). Выпускник Московской духовной семинарии и медицинского факультета Московского университета, доктор наук в области физиологии нервной системы человека, И.М.Ястребцов был, несомненно, одним из образованнейших людей России. Он находился в числе активнейших корреспондентов «Московского телеграфа» Н.А.Полевого. Его книга «Об умственном воспитании человека детского возраста» (Москва, 1831) получила высокую оценку со стороны М.П.Погодина, П.А.Вяземского и И.И.Дмитриева. За новый труд «О системе наук», опубликованный в 1833 году Российская Академия наук единогласно присудила И.М.Ястребцову престижную Демидовскую премию. В связи с открытием в 1834 году в Гродно губернской гимназии тогдашний министр просвещения С.С.Уваров посчитал, что лучшей кандидатуры, чем Ястребцов, ему на этот пост не найти. И последний старался оправдать оказанное ему высокое доверие. Уже через год за отличное «оснащение» Гродненской гимназии он получает министерскую благодарность, вписанную в его служебный формуляр, а к Рождеству 1836 года «за отличную службу и старательность» директор гимназии был награжден орденом Св.Анны 3-й степени. К этому времени И.М.Ястребцов являлся еще и председателем Гродненского губернского статистического комитета, образованного осенью 1835 года. И хотя почетным его председателем являлся сам губернатор, вся черновая работа новообразованного комитета лежала на плечах доктора наук И.М.Ястребцова. А поэтому нет ничего случайного в том, что вся работа по сбору сведений для труда А.И.Михайловского-Данилевского была возложена на него. По получению

высочайшего предписания директор губернской гимназии сразу же дал ответ в министерство народного образования: «Имею честь сообщить о своей готовности использовать свободное от непосредственной моей службы время для занятий, к которым Ваше Превосходительство пригласить меня сделало милость»¹³⁰. Сроки на выполнение этого задания были достаточно жесткие.

Следует, однако, заметить, что тогдашняя административно-бюрократическая система позволяла всякому начальнику безболезненно перепоручать часть возложенных на него обязанностей своим подчиненным: И.М.Ястребцов в этом смысле не был оригинален. Тотчас же по получении задания выше он вызвал к себе молодого преподавателя вверенной ему гимназии Ф.К.Гартца, которому в краткой дружелюбной, но одновременно не вызывающей возражений форме, рассказал о всей важности возлагаемых на него обязанностей. У исполняющего «без году неделя» должность помощника старших учителей гимназии не оставалось иного выхода, как с благодарностью согласиться с оказанным ему доверием. В «Формулярном списке учителей Гродненской гимназии за 1833-1836 годы» о главном исполнителе высочайшего поручения начальства имеются следующие краткие сведения: «Состоящий по установлению в 10-м классе (табеле о рангах – В.Ч.) кандидат Федор Карлов сын Гартц, помощник старших учителей в Гродненской губернской гимназии, имеет 24 года от роду, греко-российского исповедания, из подушного оклада уволен указом Правительствующего Сената от 20 апреля 1836 года №28888. После окончания курса наук в Гродненской гимназии поступил в 1829 году в число студентов бывшего Виленского университета. По его закрытии он продолжил науки в Московском университете, в коем и был удостоен степени кандидата. 18 декабря 1835 года определен помощником старших учителей в Гродненской губернской гимназии. Способен и достоин к исполнению возложенных на него обязанностей. Холост»¹³¹.

Возложение директором гимназии Ястребцовым столь ответственного поручения на преподавателя Гартца было вызвано не только установившейся традицией, но и большим объемом работ, осуществляемых в ту пору губернским статистическим комитетом. Дело в том, что Гродненское губернское правление, начиная с 1833 года, по требованию Министерства внутренних дел выполняло большой объем работ (переложенный в 1835 году на статистический комитет) по сбору сведений и описанию церквей и монастырей в г.Гродно и других населенных пунктах одноименной губернии. В числе исполнителей этого поручения правительства значились: заседатель Гродненской уголовной палаты И.Г.Кулаковский – составитель «Исторического описания г.Гродны» и отставной капитан Ф.Е.Нарбут – автор «Исторических записок о городах Литвы», инспектор Гродненской гимназии В.С.Покровский, писавший об исторических достопримечательностях Гродненского уезда, и др. И.М.Ястребцов в качестве председателя губернского статистического комитета, судя по всему, исполнял в этой трудоемкой работе обязанности ответственного редактора. В деле «Об составлении краткого исторического описания г.Гродны», кроме писем И.Г.Кулаковского, Ф.Е.Нарбута и др., хранится и письмо директо-

ра училищ Гродненской губернии И.М.Ястребцова к гродненскому губернатору Г.Г.Доппельмайеру, в котором он сообщал о возвращении Кулаковскому и Нарбуту их трудов «по минованию в них потребности, необходимой мне для статистического описания города Гродно, которое было возложено на меня постановлением Гродненского статистического комитета»¹³². Так что привлечение к такого же рода ответственной работе преподавателя Ф.К.Гартца было мерой не только привычной, но и вынужденной. Объем возложенных на И.М.Ястребцова обязанностей был столь значителен, что летом 1836 года он был вынужден обратиться к губернатору с просьбой об освобождении его от «обязанности составления исторического описания г.Гродны». Эта просьба была сочтена обоснованной, а потому губернатор посчитал справедливым облегчить обязанности Ястребцова таким образом, чтобы он впредь совместно с инспектором Покровским и членом того комитета Лиорко занимался обработкой поступающих в статистический комитет сведений. Впрочем, сочувствие к И.М.Ястребцову со стороны губернатора Г.Г.Доппельмайера было столь значительным, что он без согласования с директором гимназии включил «во временную комиссию для разбора губернского архива с целью открытия там древних грамот и документов», кроме чиновника губернского правления Гренберга и др., еще и двух учителей – кандидатов философии Кловоского и Гартца. Однако в силу загруженности в гимназии оба учителя не проявляли особого рвения в работе и зачастую не являлись в архив, в связи с чем председатель временной комиссии Гренберг просил директора гимназии Ястребцова «о понуждении их к исполнению возложенных на них поручений», причем предлагал последним работать в архиве даже в воскресные и табельные дни. 18 февраля 1837 года осмотр губернского архива учителями был закончен, после чего Гренберг попросил их заняться разборкой архивов уездного суда и магистрата. Кловоский и Гартц вначале пытались уклониться от этой работы, но после того, как им на помощь прислали учителя Ф.М.Кургановича, согласились ее продолжить. 27 сентября 1837 года изучение названных архивов было завершено, причем, как свидетельствовал учитель Кловоский, в них они «не нашли ничего замечательного...». Вообще на учителей Гродненской гимназии губернское начальство возлагало самые разнообразные поручения. Например, однажды губернатор Доппельмайер прислал директору гимназии Ястребцову статистическое описание Пружанского уезда (составленное на французском языке) и такого же рода описание города Новогрудка (в то время находившегося в составе Гродненской губернии) «с просьбой поручить кому-либо из подведомственных ему людей первый труд – перевести на русский язык, а второй – пересмотреть и, в чем найдется необходимым, исправить...». Это непростое задание было возложено на учителя Н.П.Пиульского. Последний его выполнение обставил, вероятно, такими условиями-просьбами, что Ястребцов после этого вынужден был просить губернатора «впредь не отвлекать учителей посторонними занятиями от их прямых обязанностей». Но тем не менее учителя и в последующем участвовали в выполнении подобного рода поручений. В 1838 году они занимались разбором старинных бумаг и книг (294 экз.), поступавших в продажу после конфискации их у участника

восстания 1830 года князя Сапеги. В 1840 году учитель А.Г.Либеман отобрал для гимназической библиотеки 193 экз. книг, изъятых у имевшего связь с повстанцами князя Карла Немцевича¹³³. Вероятнее всего, конфликты ученого с губернским начальством на «литературно-исторической» почве стали причиной того, что по ходатайству Доппельмайера Ястребцов был переведен на менее престижную должность директора Динабургской гимназии в Витебскую губернию. Как это ни странно, но главной причиной понижения Ястребцова по службе явилось то, что он, как писал губернатор, «все свое время проводит за литературной работой... и мало занимается гимназией и пансионом»¹³⁴. Сам Ястребцов предчувствовал такого рода исход своих трений с губернатором и 19 сентября 1839 года, наверняка, говорил об этом своим давнишним знакомым Н.В.Гоголю и М.П.Погодину, останавливавшимся у него в доме для отдыха по дороге из Рима в Петербург¹³⁵.

Одним словом, все вышесказанное достаточно убедительно свидетельствует о том, что доктор медицины И.М.Ястребцов как только мог избегал поручений чисто исторических, оставляя за собой лишь право ненавязчивого редактирования такого рода трудов. Зато всей душой отдавался занятиям, близким к его основной профессии. К примеру, когда весной 1837 года в селении Фоллош, что в окрестностях Гродно, обрушился берег речки Лососянки, впадающей в Неман, и там были обнаружены кости мамонта, Ястребцов не только осмотрел вызвавшее всеобщий интерес место, но и сделал подробнейшее описание неожиданной находки. Через непродолжительное время он лично представил губернатору обширный доклад по этому поводу, который впоследствии был опубликован в одном из столичных журналов. По свидетельству его автора, останки мамонта были найдены местным мельником, который обратил внимание на торчавшие из-под обвала зубы чудовища. Вооружившись топором, он выломал несколько зубов, чем значительно повредил череп мамонта. Из оставшихся костей часть их (череп, зуб из верхней челюсти с левой стороны, правая лопатка и тазовая кость с левой стороны) была куплена у мельника управляющим Гродненской таможней Кулаковым и принесена им в дар Гродненской гимназии. Другая часть скелета была приобретена соседним помещиком О'Бриен де-Ласси; один зуб и несколько костей были куплены каким-то любителем старины из Царства Польского. Ястребцов, в частности, отмечал, что «в том месте, где был найден мамонт, внизу под ним оказался значительный слой торфа». Известно также, что директор гимназии приложил немало усилий по созданию естественнонаучного кабинета во вверенном ему учебном заведении. Спустя годы, в 1855 году, принадлежащая гимназии часть останков мамонта по распоряжению попечителя учебного округа была передана в Виленский музей древностей¹³⁶.

Что же касается поручения, данного И.М.Ястребцовым Ф.К.Гартцу, то последний его добросовестно выполнил. Им были изучены буквально все материалы губернского архива, архивов уездного суда и магистрата, имевшие отношение к войне 1812 года. В ссылках к сведениям, собранным им, имеются указания на то, что «наиболее замечательные исторические события» были заключены в книгах присутственных мест, другие были взяты из донесений

Лидского предводителя дворянства, Слонимского исправника и других источников. Все сведения, относящиеся к истории о войне 1812 года на территории Гродненской губернии, Ф.К.Гартц изложил на 39 рукописных листах. Большая часть из них (24 листа) была посвящена периоду оккупации Гродненской губернии наполеоновской армией, а другая часть, из 15 листов, – «событиям чисто историческим». В первой части нашли свое освещение вопросы, связанные с образованием «Конфедерации» и деятельностью т.н. «Верховного Литовского Правления», изложенные в разделе «А. Правительственная часть» (6 листов); в «В. Военной части» получили свое освещение усилия оккупационных властей, направленные на формирование на территории Гродненской губернии воинских и жандармских частей в помощь Наполеону (5 листов); в разделах «С. Продовольственная часть» и «Д. Злоупотребления войск» речь шла о мероприятиях оккупационных властей и их приспешников из числа местной шляхты, связанных с оказанием продовольственной помощи французской армии и тех злоупотреблениях, которые наносили местному населению оккупанты (соответственно – 8 и 3 листа); и еще 3 листа являлись заключением к первой части сведений о событиях 1812 года. Все же остальное было посвящено описанию военных действий на территории Гродненской губернии в начальный период кампании, а также во время изгнания неприятеля русской армией из принимаемого края.

В изложении событий войны 1812 года Ф.К.Гартц полностью придерживался официальной точки зрения на события тех лет. Его антипольские настроения были столь очевидными, что И.М.Ястребцов вынужден был смягчать их в пользу т.н. линии Адама Чарторыйского, направленной на сохранение в западных губерниях польско-католического влияния. Это выражалось в перечеркивании Ястребцовым наиболее очевидных антипольских высказываний автора, а также в замене слова «Записки» в заголовке документа на слово «Сведения». Практическое только в этом и выразилось «авторство» директора гимназии в составлении названного документа. Сам же составитель его свое отношение к написанному выразил достаточно скромно, но точно на последней странице «Записок» убористым почерком в следующих словах: «Собирал из официальных бумаг по поручению господина директора училищ Гродненской губернии доктора Ястребцова учитель Гродненской гимназии Федор Гартц»¹³⁷. Сказано это, казалось бы, и ясно, и понятно, но почему-то до сих пор автором этого документа по-прежнему считают Ястребцова. Что в этом сыграло свою решающую роль: несопоставимое положение начальника и подчиненного, редактора и составителя, а может быть, что-нибудь иное? Во всяком случае первое обнародование этого документа в сборнике Русского Исторического Общества (РИО), озаглавленном «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года» (т. 128, СПб., 1909, с. 433-451) повлекло за собой внесение ряда неточностей как в название документа, так и в установление его авторства. Кроме вольной трактовки название документа (в сборнике он – «Историческая записка о событиях в Гродненской губ., в 1812 г., составленная в 1836-1837 гг. Гродненским Гражданским Губернатором»), его публикаторы произвольно вписали подзаголовки к каж-

дому из разделов «Сведений» (например, раздел «Правительственная часть» получил подзаголовок «Организация гражданского управления», и так сделано по отношению ко всем разделам, а вот так называемое «Заключение» вообще потеряло при публикации свое название), а так же несколько весьма ценных комментариев, касающихся персонального состава органов гражданского управления губернии, а так же представителей французского военного командования. При этом были устранены все авторские примечания к документу.

Еще большее недоумение вызывает публикация, вероятнее всего, дубликата этого документа из фондов бывшего ЦГИА Лит. ССР (ф. 378, оп. 44, д. 15-16, лл. 15-37) в сборнике «Белоруссия в эпоху феодализма», т. 4 (Мн., 1979 с. 54-71). В нем, кроме исключения всех авторских суждений (т.е. Ф.К.Гарца), опущено пол листа текста о пребывании императора Александра I в мест Эйшишки, а попутно – в имениях Карла Лясковича и Клары Александрович, что в Лидском уезде; допущена масса опечаток в написании имен собственных, географических названий и т.д. И самое непростительное для столь солидного издания это то, что автором его назван опять таки ...гродненский губернатор, естественно, без указания, как и прежде, его имени. А сам документ озаглавлен – «1837 г. апреля 23. – Записка гродненского губернатора о событиях войны 1812 года в губернии». Разумеется, что здесь отсутствуют всякие упоминания не только об И.М.Ястребове, но и тем более о Ф.К.Гарце. О причинах подобного отношения к атрибуции, т.е. к установлению авторства произведения, определено говорить нелегко, но одно бросается в глаза – это желание составителей сборника унифицировать этот тип документа, придав ему официальное происхождение. К примеру, такого же рода «Записка» по Минской губернии имела подпись – «Гражданский губернатор Давыдов». Под гродненской «Запиской» такой официальной подписи не было, но составителем сборника уж очень хотелось, чтобы автором ее также был губернатор. Искать же его фамилию, судя по всему было недосуг. Впрочем, разве так делалось впервые? К примеру более чем полвека книга «Ядро российской истории», написанная секретарем русского посольства в Швеции А.И.Манкиевым, считалась произведением его начальника – посла князя Хилкова. К счастью, в мире все устроено так, что правда рано или поздно находит дорогу к людям. Наш случай – убедительное тому подтверждение. Как сложилась дальнейшая судьба составителя «Записок», нам пока неизвестно. Последнее известие о нем, запечатленное Е.Ф.-Орловским в «Очерке истории Гродненской гимназии» (Гродна, 1901), состоит в том, что сразу же по представлении своего труда директору гимназии Гартц был переведен в Крожское дворянское училище Ковенской губернии на должность преподавателя русской истории¹³⁸. Чем была вызвано столь оперативное администрирование остается только догадываться.

И последнее. Наше знакомство с сочинением А.И.Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны в 1812 году», часть 1-4 (СПб, 1839) по части, касающейся Гродненской губернии, со всей очевидностью показало, что «Записки», составленные Ф.К.Гартцем, нашли в знаменитом труде лишь косвенное отражение. То же можно сказать и о последующих ра-

ботах отечественных историков и краеведов. А это значит, что этот ценный документ и на сегодня не потерял своей научной значимости. Практически не упомянул о них и «гродненский летописец» Е.Ф. Орловский в своем юбилейном труде «История Гродненской губернии в 1812 году» (Гродна, 1912). Пришло время ознакомить современных читателей с ценным историческим документом о событиях тех давних лет.

Текст документа дается в современной транскрипции с заменой вышедших из употребления букв, по орфографии подлинника, с сохранением всех стилистических особенностей текста. Пунктуация – в соответствии с современными правилами, за исключением тех мест, которые передают колорит документа в первоизданном виде. В квадратных скобках помещены фрагменты документа, вычеркнутые его редактором, директором Гродненской гимназии И.М. Ястребцовым.

СВЕДЕНИЯ [ЗАПИСКИ], ОТНОСЯЩИЕСЯ К ИСТОРИИ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

А) Правительственная часть

2-го июня вступил в Гродно корпус Вестфальского короля. Назначенный сим королем губернатор генерал Рожнецкий, собрав польских дворян, образовал Конфедерацию – Совет Конфедерации, состоявший из предводителя Панцержинского и 12-ти членов, был разделен на 4 отделения:

- а) провиантское;
- б) полицейское;
- в) финансовое;
- г) политическое.

Управление всей губернии зависело от Совета Конфедерации, который постоянно сносился с французским начальством с магазинов и госпиталей. Наполеон уничтожил этот образ правления и приказом, данным в Вильне 1 июля, учредил там временное Верховное Литовское Правление, а по губерниям – Администрационные Комиссии. Верховное Правление разделялось на Комитеты (Министерства). Каждый Комитет состоял из председателя и нескольких советников. Дела сперва рассматривались в Комитетах, а после поступали на рассмотрение в общее собрание председателей (Министерств). В Комитете Юстиции председателем был Франц Бельский, внутренних дел – граф Александр Потоцкий, полиции – Осип Сераковский, провиантском – Тизенгауз. Кто председательствовал в Комитете финансов, военных дел, духовного и народного просвещения, из бумаг не видно. Князь Антон Гедройц, уполномоченный от Верховного Литовского Правления, прибыв в Гродно, 17 июля закрыл с приличной церемонией Совет Конфедерации. Поэтому она существовала только 15 дней. Образовавшиеся по уездам Гродненской губернии Конфедерации тоже после издания Наполеонова декрета уничтожились; чиновники распущены, и распоряжения Конфедерации по большей части не приведены в исполнение. Членами Гродненской Администрации назначены были Декретом 1 июля Панцержинский, Ляхницкий и Немцевич. По образу

действий Административная комиссия сходствовала с нашим Губернским правлением; она наблюдала за всеми гражданскими ведомствами, сама же зависела от Державного Литовского Правления. По составу разделялась на 3 отделения: а) юстиции, внутренних дел и полиции, б) провиантского и военного дела, в) финансов, духовных дел и просвещения. При Административной комиссии 8 марта был назначен директор казенных имений доходов. От нее также зависела рекомендация, и выбор большей части чиновников. Каждое отделение комиссии состояло в ведении одного члена. В помощь ему придавались помощники, с которыми он предварительно обсуждал дела. Члены и их помощники не получали жалованья. Заседаний ежедневно было два. Месячное содержание канцелярии стоило около 1500 рублей. Из бумаг Комиссии видна готовность и необыкновенное усердие состоявших в ней чиновников. Кроме Административной Комиссии в Гродно существовало муниципальное правление (городское). Оно состояло из четырех отделений: 1) полицейского, 2) финансового и провиантского, 3) квартирмейстерского и 4) богоугодных дел. Муниципальное правление было устроено наподобие Административного. Члены его также имели своих помощников. В нем председательствовал мэр Мучинский. В полицейском отношении Гродно было разделено на кварталы, из коих каждый имел своего надзирателя, а квартальные надзиратели состояли под ведением главного надзирателя. Штат муниципального правления был довольно многочислен. Месячное его содержание стоило 1000 рублей. Муниципальное правление гораздо хладнокровнее было в своих действиях. Впрочем, Административная Комиссия не могла так устроить полицию, чтобы она содействовала к возбуждению духа граждан. По уездам место комиссий заступали префектуры. Они состояли из подпрефектов, предводителя дворянства и двух советников. Гораздо после, постановлением Верховного Правления, позволено подпрефектам принять известное число помощников. Советник с помощниками рассматривали дела первоначально частным образом, а потом докладывались в присутствии. Подпрефект отвечал за всех членов и даже мог доносить военному губернатору об исполнении комендантом своих обязанностей. Одни служители канцелярии получали жалованье. Подпрефекты не уступали в усердии членам комиссии. Касательно дел полиции уезд разделялся на округа, которые вверялись, говоря словами Верховного Правления, «знатным и надежным помещикам». Уездные города управлялись муниципальными правлениями, находившимися в зависимости от подпрефектов. Этим ведомствам в помощь назначены были разные комиссии. Примечательнейшие из них следующие: 1) комиссия призрения Военного госпиталя в Гродно, 2) комиссия Гродненских госпиталей, в ведении коей состояли все богоугодные заведения и их капиталы – это приказ общественного призрения, 3) интендантство, присмотру которого вверены были имения, оставленные русскими. 4) комиссия провиантская для продовольствия войска и комиссия для ускорения сбора податей, 5) комиссия для приема водки, 6) жандармская комиссия, 7) верификационная комиссия для рассмотрения убытков и потерь Гродненского Департамента, 8) комиссия, рассматривающая, какие

предметы должен город доставить для военного госпиталя и какие департаменты сюда можно отнести; 9) казначейства, 10) лесные комиссии и 11) таможенное правление (граница между Литвою и Польшею 28 июля была уничтожена. Со стороны Пруссии велено было взимать ту же пошлину, какую собирало Княжество Варшавское. Таможенные доходы неизвестны).

Уголовные суды были открыты в целой губернии; дела решались по польским правам; судьи не получали жалованья. Гражданские суды (14 сентября) приостановлены; только с позволения Верховного Правительства Административная комиссия и префекты могли рассматривать и решать гражданские споры, однако окончательное решение зависело от Верховного Правления. Маловажные дела предоставлялись полиции. Говоря о судах, нельзя умолчать, что тогдашнее правительство употребило, по крайней мере, 400 помещиков к разным должностям и поручениям. [Прибавим к этому, что тогдашняя служба была сопряжена с неприятностями и убытками (все служили бесплатно). После этого нельзя не удивляться усердию здешних жителей для Наполеона, которого они считали благодетелем и который, впрочем, не выполнил их желаний].

Повелением 1 июля Наполеон назначил членов Верховного Правления, предоставив над ними надзор Военному генерал-губернатору всей Литвы графу Гогендорпу [Hogendorp] 27 августа для того, как сказано в Декрете, чтобы приговоры Верховного правления имели больше силы, ему помогал императорский комиссар. В Административных Комиссиях председательствовали интенданты. Обязанность интенданта состояла в наблюдении за ходом дел. Французские начальники очень надменно обходились со своими сочленами. Гродненский интендант Шассенон [Chassenon] рвал протоколы заседания, ставил экзекуции членам, брал из казны деньги; и споры, происходившие по этому поводу, обыкновенно оканчивались в его пользу – он получал жалование из Гродненского казначейства. 3 июля Князь де Неушательский [de Neuchatel] объявил о назначении комендантов по городам. 9 июля назначен губернатором всей Литвы и губернаторы по департаментам (губерниям). В Гродно исполнял эту обязанность Ле Брюн [Le Brun]. Ему давались столовые деньги. В распоряжении французских чиновников находились все военные команды и потому-то постановления Верховного Правления и Административных Комиссий часто оставались без исполнения. Сам Наполеон или не мог, или не хотел оградить Гродненскую губернию от грабежа и бесчинства своей Армии.

В) Военная часть.

В этом отношении Гродненская губерния столько же усердствовала как и в первом случае, с той разницей, что здесь ярче обнаруживается мысль о восстановлении, в случае общей независимости Литвы и Польши; доказательства этому следующие:

а) 25 июля Верховное Правление приказало с Гродненского департамента выставить 2500 кантонистов (рекрут) – природных уроженцев; людей испытанных, без телесных недостатков; кроме того, внести за каждого

28 рублей, обмундировать и дать на 15 дней провианта. В конце войны назначенное число кантонистов почти было доставлено.

б) владельцы всякого звания, светские, духовные, даже арендаторы обязаны с 75-ти домов поставить кавалериста и доставить ему лошадь и амуницию; а особо с 50 домов – 205 руб. 60 коп. Срок службы для кавалериста назначался 6 лет. Таким образом, со всей губернии приходилось 1228 человек.

в) Декретом Наполеона предписано по губерnskим городам образовывать народную гвардию и милицию. Образователем ее был назначен Шостаковский. Гвардия состояла из компании волонтеров и волтижеров: каждая из 119 человек. Компания разделялась на 4 сержантства и 8 капральств. Третья часть гвардейцев обмундирована была за счет города. Образователь обязан был по праздничным дням учить солдат военным эволюциям. 25 сентября роздано гвардейцам 238 рублей, взятых у русских.

г) особым Декретом положено собрать 1000 человек из дворян для Императорской Литовской Гвардии в полк генерала Красинского, организатором которого был генерал Конопко. По этому случаю издана прокламация к здешнему дворянству. Гвардейцы обязаны были обмундировываться на свой счет, однако с тем условием, что казна удовлетворит их после. Определенное число гвардейцев было вполне собрано.

д) особо Верховным Правлением было предписано образовать из лесных сторожей шесть батальонов стрельцов (внутренняя стража), оставив только третью часть при первой обязанности. Хотя стрельцов обязывали одеться на свой счет, однако впоследствии им было дано 1,316 аршина самодельного сукна на обмундировку. Стрелец получал 20 коп. в сутки и провиант. Доставленное число стрельцов простиралось до 240. Начальником этой стражи был майор Курчевский.

е) Декретом 1 июля Наполеон приказал в каждом уезде образовывать отряд жандармов из 107 человек; следовательно, во всей губернии считалось 856 жандармов. К этой службе назначалась оседлая шляхта, на 56 домов приходилось по одному жандарму. Каждый из них обязан был сам одеться на свой счет. Впрочем, в действительной службе только состояло 57 человек; остальные оставались дома до первого востребования. Жандарм получал в сутки 60 коп. жалованья и фуражу 15 фунтов соломы и 10 фунтов сена. Содержание жандармов выплачивалось на целый уезд; жандармерия употреблялась для экзекуции. В Гродне была особая комиссия, в ведении коей состояла жандармерия, в ней присутствовал гродненский губернатор. Правда, определенное число солдат не вполне было доставлено. Однако, если принять в соображение, что, кроме вышесказанных случаев, многие из жителей Гродненской губернии добровольно поступали, и причем в значительном количестве, в полевые полки, которые образовались посредством вербовки независимо от гражданского ведомства, а с другой стороны, подпрефекты Гродненского, Лидского и Новогрудского управ делали представления об ощутительном недостатке по округам в молодых людях, которые, по всей вероятности, уже вступили в военную службу, то число вооруженных людей было показано слишком мало.

Наконец, приняв в соображение донесение новогрудского исправника, что из одного только его уезда поступило 3000 человек разного звания в польскую службу, хотя это число действительно увеличено, но положив 800 человек в среднем пропорциональным для каждого уезда, составили с целой губернии 6400 человек, которые без всякого сомнения поступили в армию: число доставленного войска относится к числу народонаселения мужского пола губернии как 16 к 701. [Легко теперь представить как далеко простиралась пожертвования здешних жителей].

Выше сказано, что каждый из поступающих в военную службу должен был обмундировываться на свой счет, а кавалеристы, кроме того, должны были иметь и лошадь. Без сомнения, были такие, которым недоставало денег; в этом случае правительство прибегало к налогам; 18 августа велено брать самодельное сукно везде, где бы оно ни находилось. Впоследствии доставляющим обещано было его принимать в зачет податей по установленной цене (36 коп. за четверть). Помещики охотно согласились на условие и в четыре месяца доставили 6000 аршин. 25 октября предписано с 8 шляхтичей собрать по одному тулупу, а с целой губернии пришлось 1365. Починка оружия и другие военные требования производились тоже на счет города Гродно или целого департамента. [Результат сего очень ясен: польское правительство хотело вооружить значительное число войска за счет жителей губернии, которое вернее могло содействовать при выполнении неосновательных его планов].

Ведомость о количестве войска, доставленного Гродненской губернией, и об издержках, понесенных по этой части

Уезды	Пехота		Кавалерия		жандармы	гвардия	стрельцов	народная гвардия	Амунция		число охотников
	число отданных в рекруты	число доставленных денег	число	число доставленных денег					сукно	тулупы	
Гродненский	293	8204	142	62835	107	100	108	-	1737	403	35
Слонимский	317	8876	130	57525	107	130	-	54	-	64	35
Новогрудский	411	11508	204	90270	107	170	-	-	-	85	35
Волковоский	265	7420	104	46200	107	-	-	-	1121	81	35
Лидский	293	8344	128	56640	107	84	-	-	-	524	35
Пружанский	214	5992	83	25665	107	-	-	-	784	36	35
Кобринский	373	10444	173	76401	107	-	-	-	2252	90	35
Брестский	329	9212	139	63604	107	20	-	-	-	55	35
Гродно	-	-	-	-	-	-	-	-	236	-	34
Итого	2495	70000	1103	479140	856	1000	212	290	5894	1365	314

С) Продовольственная часть.

Величайших усилий для губернии стоило продовольствовать войско Наполеона, Для примера выписываются здесь важнейшие требования тогдашнего правительства.

В начале войны Гродно и Гродненский уезд доставляли продовольствие для правого крыла наполеоновской армии, в особенности для корпуса Короля Вестфальского.

а) 22 июля по приказанию Короля учрежден в Гродно магазин на 5000000 порций, состоящих из хлеба, говядины, водки и зелени. Для снабжения оного 24 и 31 июля велено взять запасные магазины в шести помещичьих имениях (подобные меры очень часто употреблялись) и оставленные нашими войсками в местечке Стволовичи, Любче и других местах. В Новогрудском в местечке Грудки по приказанию Князя де Нейхателя и в г. Лиде назначены тоже большие склады съестных запасов. Гродненская губерния по требованию Генерального Интенданта Даммаса и другими, доставляла значительное количество провианта и фуража в посobie Виленской губернии, в особенности в местечки Неречь и Слиту. 8 августа Верховное Правление предписало в заштатных городах Скиделе, Берестовице, Щучине, Белице, Новогрудке и приготовить магазины, каждый на 10000 порций. Для содержания этих магазинов назначено собрать от каждого дома 40 гарпцев ржи, 40 гарпцев овса, 2 гарнца гороха, 80 фунтов сыра и 80.фунтов соломы; этот тягостный налог назван пожертвованием; половина сбора назначалась для Гродно, а другая – на местные нужды.

13 августа это распоряжение переменено: приказано возможным образом усилить магазины в Гродно, Лиде и Новогрудке, а в прочих магазинах – в Скиделе, Щучине, Желудке, Белице, Кореличах и велено только иметь в готовности сено, солому, водку и скот. На содержание дорожных магазинов определено собрать (отдельно от складки, известной под названием пожертвования) с каждого уезда по 5000 пудов сена и столько же соломы, 400 гарнц водки и 60 волов.

Военный комиссар, высланный для приготовления дорожных магазинов, полагал, что каждому из них придется ежедневно продовольствовать 800 или 700 лошадей и 2000 человек. По этому во всяком местечке следует заготовить на 4 месяца 3400 берковцев сена и столько же соломы, 13 бочек водки и на каждый день трех волов. Если всякий заштатный город ежедневно продовольствовал такое число людей и лошадей, то справедливо административная комиссия требовала 27 сентября, чтобы из опасения недостатка в хлебе запрещено было курение и водка.

29 октября сообщено повеление Наполеона собрать в самом скором времени с Гродненского департамента для резервного магазина 50000 четвертей ржи, 73072 овса, 6500 берковцев сена, 6500 берковцев соломы, а с Новогрудского уезда особенно 12500 четверти ржи, 16814 четвертей овса, 625 берковцев сена. Резервный магазин содержался в целостности. Замечательно, что эту тяжесть несли 3 уезда, потому что прочие были заняты русскими. Итак, с каждого дома в трех уездах приходилось 1 $\frac{2}{3}$ четверти ржи, по 2 четверти овса, по 2 пуда сена и соломы. В течение месяца доставлена почти половина всей провизии, особо 22 и 29 ноября предписано собрать с каждого дома по одному гарнцу водки, по 2 гарнца пшеницы и по 1 пуду сена.

В) Французская армия употребляла весьма большое количество мяса, по этому урон здешней губернии в рогатом скоте немаловажен.

Гродненская конфедерация определила доставить с 20 волов по одному; особо Административная комиссия несколько раз предписывала взять с 50 домов по одному. В другое время с Гродно доставлено в Вильно 400 быков. Самое большое требование последовало 19 ноября. Наполеон велел доставить с целой губернии 8000 быков каждый весом в 500 фунтов; по мелкости же породы скота Административная Комиссия положила собрать 16000 волов (с пяти домов по одному волу). Не полагаются в это число те, которые ежедневно издерживались. Если бы употребить весь скот Гродненской губернии на продовольствие французской армии, сказано в отчете Административной комиссии, то и тогда она чувствовала бы недостаток; это тем справедливо, что в то же самое время из Герцогства Варшавского отправлено через Гродненскую губернию к действующей армии слишком 10000 волов. Гродненская губерния в 5 месяцев лишилась третьей части своего скота; сверх того от значительного скопления оного в губернии скот начал повсеместно падать.

С) То же можно сказать и о лошадях; 700 доставлено в Вильно, около 2000 лошадей для народной кавалерии. В Пружанском и Новогрудском уездах Шварценберг и Реньс разновременно брали по 100, по 200 и 300 лошадей. Много брали насильно, много требовалось и для нашей армии. Из официальных бумаг видно, что в разные времена в важнейших случаях требовалось 10000 подвод; многие из них назначались даже на месяц. 10 дней, неделю и сутки. Если прибавить к этому ускользнувшие от сведения Административной комиссии (число коих без преувеличения можно положить в 4 раза больше упомянутого количества), то легко представить, сколько от этой тяжести потерпело земледелие. Были случаи, когда одновременно употреблялось слишком 300 лошадей для провоза аммуниции, пушек. 12 сентября употреблено 220 лошадей для свозки провианта. В одном Гродно ежедневно требовалось 150 подвод. При переходе 3-го полка Литовской гвардии (состоявшегося только из 444 человек), употреблена 121 подвода); приняв это за среднюю меру для прочих войск, каждый убедиться, что сказанное выше не преувеличено. Бывали случаи, когда в целом уезде нельзя было найти 15 подвод. Слишком 30 перевозочных судов, забранных у помещиков, употреблено в разные времена для этой же цели. Замечательно, что в Царстве Польском всякий транспорт оплачивался, в Литве же это почитали обязанностью жителей.

Д) Дрова. В летнее время в одном г. Гродно ежемесячно издерживалось слишком 4500 возов на печение хлеба (для этого в Гродно нарочно устроено было 100 печей, в коих выпекалось ежедневно 100000 порций), отопку госпиталей и пр. Гродненская администрация предписала доставить дрова из Гродненского уезда 3000, Лидского – 4000, Новогрудского – 4500, Слонимского – 4000, а Волковысского – 3500 кубических сажень, всего 19000 сажень. Правительство вынуждено было во многих случаях покупать дрова на деньги, или насильно брать у помещиков.

26 октября предписано с Гродненского, Волковысского, Лидского, Слонимского и Новогрудского уездов доставить в Гродно с каждой души по 1 возу. 15 декабря с Бреста потребовано 12000 возов.

Е) по определению Короля Вестфальского, 2 июля в Гродно велено устроить на 1200 человек госпиталь; число больных иногда увеличивалось до 2000, но никогда не было менее 700. На этот предмет были назначены 3 огромных здания; размещали даже больных по монастырям и домам частных лиц. Верховное Правление, видимо, хотело, чтобы город и уезд содержали госпиталь без пособия со стороны казны и поэтому не отпускало суммы, потребной на содержание больницы, аптеки и штата; гораздо позже французское правительство взяло в свое ведение госпитали и тогда поставку белья и мебели приняла под себя Административная комиссия, а город – прочие предметы. Для прислуги при больницах использовали наших пленных. Солюн (Solun) – частный поставщик хотел взять (22 ноября) госпиталь на откуп с тем, чтобы ему платили по 2 1/2 франка за каждого больного; начальник госпиталя и интендант давали по 1 1/2 франка. Основываясь на этом и других известиях, содержание госпиталя, его обзаведение и починку, можно положить 500000 рублей. 22 июля Административная комиссия издала прокламацию, в коей приглашала видных сынов отечества помочь страждущим своим защитникам. 5 декабря предписано собрать по губернии всех лекарей для этой же цели. Кроме главной больницы, были еще в селе Станиславово (отстоящем на 1 версту от города) на 200 человек саксонцев, в Щучине – для Австрийского войска, в Новогрудке – на 600 человек для вестфальского и польского войска, а также в Волковыске, Изабелино, Слониме, Бресте и других местечках.

З) значительная часть медикаментов бралось в частных аптеках; много привозили из Пруссии; немало захвачено у наших войск. Кроме того, Административная комиссия велела собирать здешние лекарственные травы и доставлять оные в Гродно.

Д) к числу важнейших требований надобно отнести и следующие: постройку трех мостов на Немане (по приказанию Наполеона), казарм, починку строений, оружия, снарядов, содержание почт, доставление обуви для войска; печатание объявлений, выжигание угля, ковку лошадей; освящение больниц и присутственных мест; доставку бумаги, соли, стекла, посуды для госпиталей, съестных припасов для различных генералов и проч.

Е) Верховное правление предписало взять с каждого дома по 60 коп. на военные издержки, с целой губернии приходилось 54000 руб. Присоединив к вышеказанным случайным тягестям обыкновения повинности, личные подати, акцизные, питейные, таможенные пошлины, гербовую бумагу, которой продано слишком 5000. Лист ценой от 1 руб. за лист, продажу календарей и проч., нельзя не удивляться терпеливости здешних жителей. Значительные суммы денег отсылались в Вильно. Заметим, что русская медная монета в эту войну имела высокий курс; русские гроши ходили за три гроша, а пятаки за семь грошей.

Д) Злоупотребления войск.

На притеснения французских войск беспрестанно подавались жалобы Подпрефектам в Административную Комиссию и Верховное Правление,

и почти всегда оставались неудовлетворенными. Французские власти постоянно извинялись не определительностью жалоб. Сам Наполеон или не хотел или не мог пресечь злоупотреблений своей армией. Причина этого зла заключается или в составе войска или в цели начальника. В книгах Административной комиссии насчитывается до сорока таких происшествий. Грабежи часто сопровождались убийствами и величайшими насилиями. Часто нужны были целые команды для обуздания беспорядков войска и для преследования мародеров. Целые уезды претерпевали всеобщее разорение. Вот важнейшие случаи.

18 июля из в Казенную деревню Бершты прибыл отряд французского войска. Солдаты изранили казенных крестьян, взяли с собою большую часть их имущества; и отправились в другие деревни.

26 июля Лидский Подпрефект жаловался на Вестфальского Генерала Гандате, который посылал солдат с повелением грабить жителей.

28 июля отряд Вестфальского войска, состоявший из 500 человек, под командою, остановился в М.Щучине, и хотя солдатам дано все, чего они требовали, сена, говядины, хлеба, водки и пива; однако они с согласия своих офицеров варварски начали грабить дома и с 11 часов вечера до самого почти утра стреляли по жителям, так что, по справке, оказалось убитыми 3, раненных ружейными пулями двое, изувеченных и избитых множество; в доказательство сему в Гродно представлены один убитый, два простреленных и 12 раненных. Кроме этого, вестфальцы взяли с собою около 60 человек.

6 августа Волковысский подпрефект донес Административной комиссии, что 7 корпус большой армии, предводительствуемый генерал-аншером требовал от учителей города и уезда съестных припасов, а Комиссионер этой армии отправил в разные деревни солдат Саксонской, которые вооруженною рукою, брали все, что попадалось.

8 августа в 12 часов утра 25 человек саксонцев с обнаженными саблями и штыками напали на село Кобедзичи (в Волковысском уезде). Владелец оног Оскирко от испуга умер; саксонцы, разграбив село и взяв с собою 9 лошадей и 7 быков, удалились в другие поместья.

Подобные же опустошения производились и в уездах Гродненском, Новогрудском, Лидском и т.д.

26 октября Лидский подпрефект донес Административной комиссии, что отряд французов, состоящий из 70 человек, проходя по пути в Гродно, через местечко Каменку, расположился там на два дня и в продолжение этого времени до того простер свое буйство, что повсеместно замки разломал, расхитил возможные вещи, молоко, сыр, масло, сало, овес в снопах, лошадей и прочее. Французы били саблями крестьян, стреляли по ним и ранили 20 человек, при выходе взяли с собою 23 лошади. Гродненский губернатор обещал отнятое возвратить.

На заседании 14 декабря рассуждали о мерах против саксонских и французских войск, польстившихся в Слониме, которые до того были обременительны для города, что Административная комиссия назначила Новогрудскому уезду вспомоществовать Слониму.

Подобного рода беспорядки случались в самом Гродно. Солдаты, поставленные в здании бывшего, разломали шкафы, в которых хранились бумаги; в другое время напали на госпиталь, прибили прислужников и растащили дрова, привезенные на продажу, и пр.

13 декабря в Гродно отобрано от небольшой австрийской команды 20 лошадей; от французского отряда 30 быков, 15 лошадей; из доставленных 150 подвод для провоза амуниции 16 октября возвращено только 49.

В облегчение участи жителей запрещено покупать без позволения полиции от военных какие-либо похищенные вещи. Правительство содержало при главных генералах своих поверенных. По временам они назначали помощь из уездов разоренным деревням. 12 декабря Верховное правление приказало шестую часть похищенного имущества принять в число податей. Бедным крестьянам дозволено платить подати хлебом. Все это немного принесло пользы.

Заключение

Трудно определить, насколько торговля и земледелие пострадали от этой войны. Несомненно, однако, что первая пострадала от ненадежности рынка и дорог, произведения второго во многих местечках были смяты и стравлены лошаадьми. Подпрефекты доносили, что по уездам есть много таких деревень, жители коих не собрали с полей; что солдаты по местечкам разбивают погреба, лавки, разные склады, грабят рынки; военные начальники не вникают в это (новогрудский исправник пишет, что это делалось в глазах короля Вестфальского). Благосостояние целой губернии сильно пострадало. За пять с половиной месяцев ценность похищенного движимого имущества и доставленного по требованиям в течение войны 1812 года простирается, по подсчетам Главного Комитета военных нужд, до 28823640 руб. ассигнациями убыток, причиненный падежом скота (случившегося в конце 1812 и начале 1813 годов), оценен в 3711976 руб. Главную причину одного приписывают войны двенадцатого года. Гродненская губерния немало потеряла и в народонаселении. Более прочих пострадал класс земледельцев и мещан. С точностью нельзя определить число, на которое уменьшилось народонаселение. Главную причину упадка оногo также приписывают войне 1812 года (в самую войну погибло около 4000 жителей, домов разорено 650). Класс евреев был в особом гонении у тогдашнего правительства. «Коварные евреи», неблагоприятные стране, «их питающей, преимущественно занимаются шпионством в пользу неприятеля» (русских), по сему поручению подпрефектам обращать на них особое внимание, так, чтобы без паспорта никто из евреев не смел см одного места переселиться на другое, а паспорта позволено выдавать только таким, за которых поручится и обяжется отвечать Кагал. О других притеснениях и неприятностях, нераздельных в войне, не нужно упоминать, они каждому известны.

События чисто исторические

В книгах присутственных мест мало заключается событий чисто исторических; замечательнейшие из них следующие: Русская армия, состоявшая из

60000 человек, до вторжения французов в наши пределы квартировала в Лидском уезде, в окрестностях местечка Эйшишкек. Корпусными командирами в ней были генералы Бахметьевы 1-й и 2-й. Государь Император Александр 1-й, осматривая оную в первых числах мая, пробыл целые сутки в этом местечке. В бытность свою Государь посетил пешком имение Карла Лясковича, кушал у владельца чай, завтракал и слушал игру на арфе, исполняемую дочерью хозяина. При отъезде Император изволил пожаловать ей бриллиантовую.

Государь посетил также имение Вереново Клары Александровой – 70-летней помощницы. Хозяйка по незнанию называла Августейшего гостя поручиком. Государь кушал у нее чай; причем она с жалобой сообщила, что Предводитель насильно взял у нее 6 лошадей под проезд Государя. Высокий посетитель, не открыв себя, приказал возвратить взятых лошадей хозяйке.

Русские войска быстро двинулись назад. Гродно без боя отдано французам; перед выходом только 4000-й отряд казаков стеснил несколько город. Наши войска, отступая, сожгли три моста на реке Неман.

2 июня вступил в Гродно корпус Вестфальских войск. 16 июля Гродненскому коменданту доставлено 300 ружей, отбитых помещиком Павлом Рафиновичем у наших войск близ Зельвы, в селе Вишневка. В одно время с этим доставлены в Гродно мундиры Сумского гусарского полка и отправлен чиновник в с.Мосты с поручением достать из реки Немана амуницию, брошенную туда нашими войсками.

15 июля произошло сражение между русскими и саксонцами при Кобрине. Генерал Клинкер, командуя 4000 отрядом, был окружен генералом Торнасовым, и хотя Клинкер занимал выгодную позицию в замке, однако был вытеснен; при этом сгорело 348 домов, осталось 82. Разоренное имущество, для этой комиссии, оценено в 270000 рублей серебром.

Жителям, Верховное Правление позволило брать в Каменных лесах дерево, нужное на постройку домов, а для своза оного определено доставить из уезда нужные подводы. Граждан освободило от платы податей. Одни евреи не смогли пользоваться этими льготами. Наше правительство подарило в пользу жителей надаточную сумму акцизного сбора с 1815 по 1819 годы (3200 руб. ассигнациями). Кроме того, из найденных документов оказалось, что генералы Тормасов и другие генералы пособляли разоренным деньгами. Главнокомандующий нашими войсками генерал Тормасов, по сожжении Кобрина, жил в имении Брилево помещика Зальница в трех верстах от города.

15 июля дворяне и жители Слонимского уезда, прежде чем вошли французские войска, по призыву Генерала Ренье составили акт Конфедерации, в котором, восставая против России, изъявляя готовность всеми силами содействовать неприятелю, отправили на Варшавский сейм делегатов; то же сделали и другие уезды.

В бытность свою в Слонимском уезде князь Багратион квартировал в местечке Молчади в доме Владимира Булгака.

19 июля Наполеон возвел Бишпинга и Обуховича в полковники.

20 июля скончался в Гродно генерал-майор Николай Ланской, которого по приказанию генерала похоронили с почестями.

Тогдашнее правительство иногда оказывало вспоможение россиянам, лишившимся средств к пропитанию; оно назначило квартиры и провиант: духовенству, землемерам, женам российских чиновников, отправившихся с нашей армией. Многие из наших оставили обширные поместья. Ценность недвижимого имущества оставленного русскими, в одном Гродненском уезде простиралась до 1339519 рублей.

Вот имена владельцев, оставивших свои имения: генерал Рубанов, генерал де Ласси, Алексеев, Ллашкарев, Муравьев, Овчинников, генерал Дивов, Кутузов, Генерал Брискорн, Тернер, Ланской, Душен, Павловский, Борщев, советник правления Приженцев, Тихоновский, Гресевицкий, Энгельгард, советник Иовен, советник Котович, Вульмер, граф де Брохли, Янкович, Мандрикин, де Поливеанн, Суалетень, Дельвиг, Потулов, граф и другие.

23 июля приехал в Гродно Вестфальский король Иероним Бонапарт; под проход его требовалось 60 лошадей. Король был встречен за городом городским мэром. Дворянство же и прочие чиновники приветствовали его в квартире. Гродненский исправник доносит, будто бы в июле Вестфальский король Иероним пробыл 3 дня в имении помещика Данкевича (в 35 верстах от Гродны). В один день Иероним, забавляясь, бросал пустые бутылки из окна, стоявшие на дворе офицеры ловили их и выбрасывали опять в комнату через другое окно дело кончилось тем, что у хозяина перебили множество стекол в окнах.

В другое время, гуляя по саду, Иероним рубил саблею молодые деревья, и когда сын владельца Ромуальда Данкевич, просил короля оставить это занятие. Иероним, обратясь к нему, сказал: «А пусть все чувствуют, что здесь война!».

Король Вестфальский прожил в Гродно 5 дней в Каменном доме бывшего вице-губернатора Максимовича. В октябре время жил в Гродно князь Иосиф Понятовский в доме гражданского губернатора. Главный штаб короля Иеронима помещался в доме графа Валицкого. Король Вестфальский, главный комендант его генерал Аликс и другие генералы содержались на счет города, даже прислуга освещения и прочие потребности давались от города. Из Гродно король Вестфальский отправился в Новогрудок по путям корпуса генерала, князя Багратиона при нашей армии находилось значительное число казаков под командой генерала Платова. Поступки короля Иеронима была несообразна с его достоинством; войско его грабило по деревням и городам. Уверяют даже, что Вестфальский король, занимая дом купца Арьевича на площади в Новогрудке, был очевидцем, как его войска, разбивая погребя, брали вино и другие вещи для него, и хладнокровно смотрели, когда слушатели наносили побои жителям, искавшим у него защиты. Говорят, что генерал Вандатис, служивший в корпусе короля Неаполитанского, провел целое лето в имении Лебеда, помещика Горского в 30 верстах от г.Лиды. Наполеон велел ему возвратиться в свое Государство за то, что он прожив в Гродно: 6 дней, не воспрепятствовал переходу Русской Армии под начальством генерала Багратиона. Это обстоятельство противоречило первому.

Рассказывают также, что Вандатис имел при себе несколько адъютантов и полтора десятка солдат, занимался сельским хозяйством и решал крестьянские дела, как самый заботливый помещик.

«23 июля захвачено у русских в окрестностях села Зельвян 10 возов различных медикаментов, которые сперва настраивались отправить в Варшаву, но впоследствии задержаны в Гродно.

27 июля главнокомандующий нашей армии князь Багратион был в городе Волковыске и жил в церковно-служительском доме римско-католического исповедания.

28 июля произошло сражение между войсками генерала Платова и бригадою генерала Доржецкого при Мире, на момент битвы сталося 1000 человек и 500 скотских трупов.

30 июля Наполеон велел объявить о подвигах и храбрости капитана французского. В объявлении сказано, что он отличился в сражении с 50 полком русской кавалерии; взяли много в плен. В последних числах июля князь Шварценберг вторгся со своей армией на Белостокскую область, через местечко Высоко-Литовское в наши пределы и прожил 11 дней в местечке Каменец-Литовск, принадлежащем графам Вельберкским в доме доктора Штырха. Потом через Пружаны пошел в Слуцк. Лишь только русские войска удалились, Генерал польских войск, французский полковник Грабовский и другие дворяне Пружанского уезда составили акт Конфедерации и напечатали его в газетах.

Между Австрийскими, Саксонскими и Русскими войсками была ошибка в первый раз на землях староства Шерешевского; Австрийскими войсками под предводительством Шварценберга командовали Фрейлих, Мауер и Саксонцами – Редниер, русскими предводительствовал граф де Ламберт. В другой раз также войска сразились в окрестностях Городечной, Поддубного, Речицы, Вежной и Тевелей. Битва продолжалась двое суток. В третий раз около Великого Села и Лихосельцев. В этом деле командовали войсками из корпуса Тормасова князь Щербатов и Войнов. После сражения зарыто 1150 человек и 450 скотских трупов. В конце июля месяца князь Багратион из Волковыска двинулся из Средиземной губернии; место его занял Саксонский генерал Ренье, корпус его состоял из 20000. Спустя немного показался в Волковыском уезде отряд генерала Кологривова, командовавшего арьергардом 2-й Западной Армии. Князь Багратион поставил его в засаде для пересечения неприятелю сообщения.

В конце этого месяца австрийский генерал Мадер занял Брест.

5 августа вторично доставлено Гродненскому Коменданту разного рода оружия, собранное в разных местах по приказанию военного комиссара барона. Оно роздано вновь образовавшимся Литовским полкам. Здешные жители не могли сами располагать оружием. Наполеон запретил торговать оным по всем пространствам, занятым его войсками.

8 августа курьеры, отправленные из Магдебурга к саксонской армии, пропали без вести.

12 и 13 августа произошло сражение на границах Пружанского и Кобринского уездов. В объявлении Гродненского губернатора генерала бригады барона Бриина сказано, что в этом деле взято у русских две пушки.

15 августа в Гродно праздновали самым торжественным образом день тезоименитства Наполеона. Торжество началось пушечною пальбою. В 11

часов утра весь гарнизон поставлен был в две линии, от старого замка вдоль по Доминиканской улице, до губернаторского дома. Чиновники, собравшись в зале заседания Административной Комиссии, слушали речь, в которой изъяснялась благодарность «восстановителю отечества». Засим отправились в церковь, где у подножия престола, нарочно по этому случаю приготовленного, вторично произнесена была речь: оттуда чиновники отправились на обед к Губернатору. В 4 часу вечера началось народное увеселение: музыка играла на улицах. На рынке поставлен был столб: тому, кто взберется на него, обещана награда; стол и напитки в этот день раздавались даром. Дома освещены были всевозможным образом, словом, употреблены все средства для того, чтобы украсить это торжественно. В тот же день объявлено о победе французов при Смоленске. В объявлении сказано, что в ту минуту, когда курьер отправлялся из армии, 3000 русских и 90 пушек достались победителям.

23 августа город был освещен по случаю вступления Наполеона в Москву.

В сентябре при Луцке Саксонская армия соединилась с Австрийской, и они ретировались через местечко Владавку, село Руду, город Брест Литовский к Высоко-Литовску. При переправке через реку Лесну, около имения Кленики (помещика Красовского), Таребуны и Вистицы (помещика Шелиота), произошло сражение с нашими войсками; при сем погибло 2000 неприятелей и 1000 наших. Деревни же во время сражения сгорели со всем инвентарем. Неприятель преследования снял мост с реки. Русские войска по понтонным мостам перешли и прогнали неприятеля в Белостокскую область.

С 26 по 28 сентября адмирал Чичагов, командующий Западною Армией, расположившись лагерем около села Булькова (в Кобринском уезде) жил в доме помещика Райского.

С 28 сентября главная квартира перенесена в имение помещика Пекарского в село Ямно (в Брестском уезде); а 30 сентября – Брест-Литовский. Генерал Чичагов с главною квартирою пробыл в этом городе (квартируя у купца Винограда) 15 дней. При нем было 25 тысяч человек. Скопление войск в Брестском уезде причинило значительный урон жителям, несмотря на то, что генерал Чичагов делал все возможное вспомоществование, и на требования свои постоянно давал квитанции. Жители Брестского уезда, оставляя свои жилища, скрывались в лесах, от этого наши войска встречали затруднение в отыскании продовольствия, тем более что подвижные запасные магазины нашей армии не могли следовать за ней по быстроте движений. Отставной штабс-капитан Казанович, узнав об этом от дежурного генерала, обязался продовольствовать армию, что и исполнял с 29 сентября по 15 октября, но за это не получил никакого вознаграждения. В это время русские с одной стороны примыкали по Слониму и Белостоку, с другой стороны к Варшаве и Люблину.

9 октября губернатор де Брюн приказал объявить, что г.Гродно достаточно защищен и что опасение жителей неосновательно.

Того же числа русские одержали победу при Слониме. Здесь надобно заметить, что по выходу наших войск этот город был занят австрийцами или саксонцами. Сии последние принуждали жителей присягнуть Наполеону. Генерал Конопко, присланный для образования Литовской гвардии, собрав

разных местах 700 человек, частью из окрестных дворян и вольных людей, остановился в первых числах октября в Слониме. Генерал Чичагов, узнав об этом, отрядил генерала Чаплица, который, рассеяв эту толпу, взял в плен самого Конопку. Со стороны русских убит один казак. Остатки Литовской гвардии, спасаясь, разобрали мост на Немане, и содержали стражу по берегам этой реки. Известие о поражении Литовской гвардии навело ужас на жителей Гродно. Это опасение еще больше увеличилось, когда донесли, что наши войска двинулись к Ружанам и аванпосты их касаются самого Волковыска. Административная комиссия отправила 22 октября своих лазутчиков, которые, возвратившись в Гродно, объявили, что Московская кавалерия требовала перевоза через Неман. Спустя несколько часов прибывшая в Гродно команда донесла, что русские уже перевезли свою пехоту близ села Мосты. На военном совете, созванном по этому случаю, заключено, что кавалерия, вероятно переправилась вброд. По этому определено объявить чиновникам, что гарнизон намерен встретить русских, хотя он и не имеет столько сил, чтобы отразить целый корпус: а вместе советовали членам Администрации спасаться; бумаги же и казну предположено отвезти в Вильно. Члены Администрации скрылись в лесу по дороге, лежащей в Августово: ибо меречский тракт не был безопасен. Спустя несколько время члены Административной комиссии, узнав, что опасность миновала, возвратились в Гродно.

21 октября французы из Минской губернии перешли в Гродненскую. Навстречу ему отправлен подпрефект Новогрудского уезда Рдултовский. Чичагов в бытность свою в Слониме жил в доме помещика Шукевича, а генерал Чаплиц – в доме Паустовского. Победитель Чичагов из Бреста двинулся с главной квартирой к Борисову, а три отряда его под командою генералов Саккона Булатова и Эссена, отправились в Волковыск. Редниер же и Шварценберг от Белостока двинулись к Свислочи. Навстречу им, по требованию Губернатора де Бриана, отправлены помещики Сильвестрович, Михаил Андрирейкович, ксендз Короженевский и Булгарин с тем, чтобы приветствовать их от всего дворянства, и просить предохранить жителей от насилия саксонских и австрийских войск. Редниер оставался в Свислочи (в Волковысском уезде) по 12 ноября. Он беспрестанно посылал разведывать о наших войсках. Отряды Саксонской армии часто встречались с отрядами генерала Кологривова, Белокопытова и других; в сражениях при Свислочи, Великовщины, Гринкачах и Горностаевичах погибло с обеих сторон до 1000 человек. Со 2 ноября в Гродно лишь генерал-майор князь Гессен Гамбург; ему отпускались даром лекарства.

Ренье узнав, что 1800-й корпус Остен Саккена следует к Волковыску из Кобринского уезда, выслал против него небольшой отряд, а сам пошел в Волковыск. 14 числа Ренье встретился с авангардом корпуса Саккена в местечке Лопенище, где была небольшая перестрелка. Числа ночью генерал Столоскопытов, командовавший авангардом, напал врасплох на Ренье в Волковыске, так что сам Ренье едва спасся через окошко.

15 числа утром корпус Саккена придвинулся к Волковыску, заняв позицию на высоте с стороны М.Шабелина, по которой пролегает почтовая дорога в Слоним. Генерал Редниер хотел отступить, но узнав, что для подкрепления

его следует французская дивизия под командованием Дюрижа; он занял позицию по другую сторону города, по дороге, лежащей в Гродно, на высоте же около Ольшева поставить 30 орудий. Генерал Белокопытов открыл сражение пушечной пальбою; оно продолжалось до глубокой ночи. С обеих сторон было 70 пушек. Неприятель стал ослабевать, однако Саккен не мог воспользоваться этим; узнав, что из Свислочи прибыл в местечко Изабелин корпус Шварценберга, и готовится напасть на него с тылу, и уже заметил обозы одной дивизии. Саккен отступил через Шерстово, Каменец-Литовский, Брест в Ковельский уезд. На месте битвы осталось 700 человеческих, 130 скотских трупов и множество раненных. При этом сгорело 200 домов. Жители города убежали в лес. Разоренное имущество оценено в 269759 рублей серебром. После сражения генерал Ренье из Беловежской пушчи прямо пошел в Гродно. Шварценберг через Струбицу и местечко Пески, Россь и Белосток.

Князь Багратион в бытность свою в Пружанах квартировал две недели в доме Булгарина с генералами Тармассовым и Чаплищем. Они вступили в Волковысский уезд. При перестрелке Тормассова с Ренье, убито 4 человека; 25 ноября назначен новый тракт для союзного французского войска из Гродно в Индру, Куленки, Свислочь, Пружаны и Брест. Пружаны назначены складочным местом для фуража.

29 ноября в Гродно находилось 200 больных.

В декабре было необыкновенное скопление и движение войск. Сообщение с Вильно прекратилось 13 декабря.

16 декабря австрийские войска оставили Гродно, и после никакие неприятельские войска в нем не объявлялись.

Собирал из официальных бумаг по поручению господина директора училищ Гродненской губернии доктора Ястребцова учитель Гродненской гимназии **Федор Гартц**.

НИАБ в г. Гродно, ф. 1, оп. 19, лл 121-140
Копия. Рукопись.

«ВО ИМЯ СОФИИ – ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ...»

В ходе работы над первой частью своих очерков по истории Православной Церкви на Гродненщине мне посчастливилось познакомиться и долгое время общаться со многими гродненскими старожилами, чьи воспоминания и материалы семейных архивов еще более расширились. Поистине неоценимым в научном и человеческом планах можно признать мое знакомство с П.А.Наумюком, А.М.Яцкевич, Т.С.Яковюк и другими гродненцами. В начале февраля 2000 года позвонил ко мне из Жировицкого Свято-Успенского мужского монастыря большой любитель церковной истории и вдумчивый ее исследователь иеродиакон Агапий (Голуб) и сообщил, что в монастырской библиотеке он обнаружил рукописную летопись Гродненского Свято-Софийского Собора. «Хотите посмотреть, приезжайте», – такими словами отца Агапия завершился наш телефонный разговор. Вскоре представилась и возможность побывать в святой Жировицкой обители. Узнав о моем прибытии, отец Агапий тотчас же нашел меня, и уже через какое-то время мы оказались с ним во власти действительно увлекательных документов: рукописей из гродненской, новогрудской и других консисторий, подшивок православных газет и журналов столетней и полувековой давности, пожелтевших писем церковных иерархов и приходских священников... , но вот, наконец, передо мной рукописный большого формата альбом в кожаном черном переплете с тисненным золотыми буквами заглавием на обложке: «Летопись. Софийский собор в гор.Гродне». Открываю его. На титульном листе – заглавные, набранные типографским способом буквы и дополнение в виде записи: «Составлена летопись в месяце январе 1914 года». На следующей странице помещена фотография православного Софийского собора в г.Гродно, каким он был после капитального ремонта в 1897-1899 годах: величественный храм, с маковками и высокой колокольней, за которыми совершенно не видно облика былой Фары Витовта. Есть в летописи и другие фотографии, в том числе и с изображением Софийского собора еще до пожара 1812 года, когда, кроме православного креста на колокольне, у него еще ничего не было во внешнем виде от русского храма.

Большое впечатление произвели на меня подлинные, напечатанные в типографии и вклеенные в летопись объявления об отбытии в 1905 году к новому месту служения архиепископа Гродненского Никанора (Каменского) и прибытии в 1906 году на Гродненскую кафедру нового епископа преосвященного Михаила (Ермакова). Тут же – «Порядок празднования дня столетия Софийского собора в г.Гродне 7 августа 1907 года» и входной билет на собрание членов Софийского православного братства, объявление о прибытии в гродненский собор Жировицкой чудотворной иконы Божией матери и др. С волнением смотрю на фотографию главного алтаря и иконостаса уже несуществующего Гродненского Софийского собора (по окончании росписи алтаря в 1907 году), а также на фотографию Свято-Алекسانдро-Невской церкви, разрушенной польскими властями в 1938 году... Как же все это ценно и интересно и как жаль, что всего этого я не видел прежде. Но главное, конечно

же, текстовое содержание этого документа. С духовным трепетом переворачиваю его страницы и сразу же мысленно отмечаю, что изложение истории собора до 1904 года включительно велось не по годам – годам, а в русле общей истории города; начиная же с 1905 года, повествование приобретает четко выраженный хронологический характер. И таким образом летопись составлялась вплоть до 1940 года. Сведения о соборе в последующие годы (24 страницы текста), судя по всему из-за боязни репрессий со стороны советских властей, кем-то оказались вырезаны. Мотивы такого поступка достаточно очевидны: сразу же после освобождения Гродно от немецко-фашистских захватчиков практически все его священнослужители, якобы за содружество с оккупационными властями и антисоветскую пропаганду, были арестованы. Последние две страницы текста как бы восполняют уничтоженное: на них изложены главные события жизни Гродненской православной епархии в 1941-1942, 1943 и 1944 годах. Кто заполнял страницы данной летописи, определенно установить нелегко, ибо лишь только в одном месте – в записях, охватывающих 1934-1938 годы, имеется подпись составителя – настоятеля Свято-Покровской церкви, ставшей к этому времени собором – митрофорного протоиерея Анания Сагайдаковского. Судя по этому признаку, а также по тому, как менялись характер и почерк записей, как правило, связанных с назначением нового настоятеля собора, можно судить, что именно они и были главными летописцами гродненского собора. С 1804 по 1920 годы миссию главного храма (собора) города исполняла Софийская церковь (бывшая Фара Витовта), а с 1920 года и по настоящее время – Свято-Покровская церковь (бывшая гарнизонная). Их настоятелями-летописцами, вероятнее всего, были известные православные деятели и историки Церкви: протоиереи Николай (Диковский), Иоанн (Корчинский), Виктор (Козловский), Василий (Моисеев), Александр (Лечицкий), Ананий (Сагайдаковский), Георгий (Боришкевич), Федор (Валиковский) и др. Каждый из упомянутых настоятелей был яркой, самобытной личностью, по своему понимавшей свое служение мирянам и Богу. И все-таки, по своим образованности и увлеченности церковной историей, о чем свидетельствуют их научные и богословские труды и непосредственно записи в соборной летописи, наиболее выдающимися среди них были Николай (Диковский), Иоанн (Корчинский) и Ананий (Сагайдаковский).

Первый из них – Николай (Диковский) родился в 1866 году на Слонимщине, учился в Виленской семинарии и в Петербургской духовной академии, в 1892 году был рукоположен в священники Софийского собора, служил законоучителем в Гродненской мужской гимназии, являлся членом Софийского братства, гродненского отделения Литовского епархиального училищного совета, местного Церковно-археологического комитета. С 1901 года (т.е. с момента основания) и до 1907 года являлся редактором «Гродненских епархиальных ведомостей». Именно на страницах этого издания были опубликованы главные труды Николая (Диковского) – «Из летописи Гродненского Борисо-Глебского монастыря», «Борьба Жировицкого монастыря с еврейством», «Базилианский орден и его значение в западно-русской униатской церкви XVII – начала XVIII веков до Замойского провинциального собора 1720 г.». Твор-

чество этого замечательного церковного историка до настоящего времени, к сожалению, недостаточно востребовано.

Талантливым представителем церковного краеведения был протоиерей Иоанн (Корчинский). Родился он в 1864 году, окончил Киевскую духовную семинарию. К числу его наиболее значительных трудов следует отнести «Очерк истории церковно-школьного дела в Гродненской губернии в XIX столетии», «Краткий исторический очерк Православия в границах теперешней Гродненской губернии» и «Житие Св. преподобного Афанасия (Филипповича)». К столетию Гродненского кафедрального собора, которое отмечалось 7 августа 1907 года, Корчинский написал исторический очерк «Православный Софийский собор в гор. Гродне». Тепло была встречена читателями и такая работа отца Иоанна, как «Древняя Коложская церковь во имя святых князей Бориса и Глеба в городе Гродна». Прекрасный публицист и общественно-церковный деятель, Иоанн (Корчинский) в 1917-1920 годах оказался в центре наиболее значительных историко-политических событий, охвативших жизнь Православной Церкви в указанный период. Летописные записи отца Иоанна в сочетании с недавно обнаруженной в Париже рукописью его воспоминаний обещают открыть для нас много ранее неизвестного.

Своего будущего серьезного исследователя ожидают жизнь и творчество протоиерея Анания (Сагайдаковского) – автора знаменитых «Слов», публикуемых из номера в номер на страницах журнала «Воскресное чтение» в 1929-1935 годах. В тяжелые годы наступления на православие польских властей и инициированного ими движения т.н. «православных поляков» отец Ананий был первым среди тогдашних священнослужителей, кто, возглавив и возродив Гродненское Софийское православное братство, повел открытую и непримиримую борьбу против тех, кто выступал за полонизацию православия и денационализации белорусского народа.

Здесь же, в лежащем передо мной ценнейшем источнике по истории Церкви, все настоятели гродненских соборов так или иначе заявляют о своем отношении не только к важнейшим вехам православной жизни города, но и узловым моментам его истории. Хочется тот час же окунуться в чтение летописи, но для этого нужны соответствующие и место, и время, а также разрешение на ее изучение. Получив благословение игумена монастыря, иподиакон Агапий передал мне столь ценный документ для временного пользования, его изучения и возможной публикации, как он сказал, «во славу Божию», что я в настоящей книге и делаю, практически безо всяких купюр, но с полным сохранением всех стилистических особенностей текста и в соответствии с современными правилами русского языка.

Публикацию летописи гродненских соборов, полезно предварить кратким пересказом заметки о значении «дневников церкви», помещенной в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» (1896, №1, с. 17-18).

Безымянный автор заметки, поддерживал указ Святейшего Синода (от 12 октября 1866 года), предписывающего епархиальным архиереям «завести в верховных или епархиях церковные летописи, которые могли бы с течением времени послужить материалом для истории Церкви и Отечества», вместе с

тем, поставил в ней вопросы, через решение которых, как полагал он, летописи могут представить собой знаменательный памятник известного прихода». Вопросы эти следующие: 1) Кому принадлежит почин в построении приходского храма? 2) На чьи средства сооружен храм? 3) Кто благодетели местного храма? 4) Каково материальное положение храма и чем оно обуславливается? 5) Существует ли церковный хор и кем положено его начало? Примечательно, что после каждого из них следует подробное объяснение автором заметки исключительной важности для составления летописи такого рода постановки вопросов. К примеру он пишет: «(6) Очень часто бывает, что священник поступающий на новый приход, начинает свою деятельность, не зная настроения прихожан, их обычаев и нравов, и потому часто разочаровывается в своих благих предприятиях. В данном случае советником и помощником ему может быть «церковная летопись» со своей рубрикой о быте, обычаях и религиозно-нравственном состоянии прихожан. Входя с ними в более близкие отношения, как отец к детям, он может изучить характер каждого из них, узнать их достоинства и недостатки. Конечно, писать в дневнике о каждом из прихожан излишне, но выразить в общем свой взгляд на прихожан и указать на лица, выделяющиеся особыми достоинствами или недостатками, имеет смысл. Такие указания особенно будут важны для вновь поступившего священника при знакомстве его с настроением, нравами и обычаями прихожан при выборах из них на должности попечителей, церковного старосты и т.п. 7) Не бесполезно заносить на страницы церковной летописи и сведения об отношении прихожан к храму и причту, а также о мерах, предпринимавшихся против пороков отдельных из них, о последствиях сих мер, а равно и о судьбе учреждений, имеющих отношение к церкви: попечительств, школ и т.п. Имея под рукой такую всестороннюю по содержанию летопись, вновь поступивший священник в составлении будет тотчас же познакомиться со своим приходом с положением храма, попечительства и сможет в скором времени составить решительный и верный план своей деятельности, что предупредит его от возможных ошибок и разочарований в своей пасторской деятельности».

Такого же рода идеалами и размышлениями о пользе составления церковных летописей проникнуто письмо в протоирея гродненской епархии Ксенофонта (Милькова), опубликованное спустя полвека в журнале «Воскресное чтение» (1938, №18-19, с. 211-212). Актуальность высказанного в ту пору отцом Ксенофонтом не потеряла своего значения и сегодня:

«Всякая вещь имеет свою историю. И церковь, и приход, и епархия – тоже имеют свою историю. Знание истории церкви, прихода в целом и каждого селения в отдельности – весьма необходимо и для высшей церковной власти вообще, и в частности для приходского духовенства.

По этой-то причине предвоенные духовные консистории требовали, чтобы в каждом приходе велись церковные летописи, а на обязанности отцов благочинных лежала проверка: пишутся ли церковные летописи. При сдаче годичного отчета отцы настоятели должны были в числе множества книг и актов представлять отцам благочинным и летопись церковную.

К сожалению, и отцы-настоятели приходов (в большинстве), и отцы-благочинные (некоторые) – не придавали большого значения церковным летописям, и потому последние велись, надо сказать, небрежно. В некоторых летописях за какой-либо год было всего 2-3 записи, обыкновенно писанные в конце года перед представлением отчетности отцу благочинному. Автору этих строк приходилось читать и такие записи «В сем году ничего особенного в приходе не произошло».

Попадались и такие «упорствующие» отцы-настоятели, что «принципально» целыми годами ничего не писали, и только ожидаемый объезд Владыки заставлял их присесть на один-два вечера и «с потолка» хватать материал для записей в церковную летопись.

Такая халатность в ведении летописей объяснялась отчасти тем, что действительно были годы, когда, казалось, «ничего особенного в приходе не произошло». Жизнь текла мирно, тихо и спокойно, а отцы благочинные не настаивали на своевременном писании летописи церковной отцами-настоятелями, – и летописи не писались аккуратно.

Но только малодумчивые отцы-настоятели могли писать, что «в сем году в приходе ничего особенного не произошло». Случалось, и не раз случалось что-либо «особенное», но отец настоятель это «особенное» не заметил или просто поленился записать. К тому же в летописи можно писать не только о том, что произошло в своем приходе, а о том, что случилось «у соседа», или даже в другом благочинии, уезде, епархии.

Есть вещи и события, которые не имеют прямого отношения к данной церкви и приходу, но зато имеют косвенное отношение, иногда очень большое. И о них можно писать в церковной летописи просто «для истории», «в поучение следующим поколениям», в предупреждение, чтобы «это» не случилось у нас, или наоборот – нужно бы взять «с них» пример. Сколько интересных и важных вещей «о своем» приходе узнали бы после военные отцы-настоятели, если бы имели в своих руках «полные» церковные летописи!.. Сколько они (отцы-настоятели) могли бы дать справок (очень важных) из этих летописей для высшей церковной власти: об основании приказа, о постройке церкви, о земельных угодьях и т.п. А для себя: число прихожан, их характеристика, обычаи, обряды и т.п. Обо всем этом ведь писалось в «предвоенных» церковных летописях!

Жизнь «повоенная» – не похожа на «предвоенную». Переживаем очень интересные времена, когда каждый день приносит нам что-либо «особенное» и «в приходе своем», и у «соседа», и в целом государстве. Если об этих новостях теперь не запишем в церковной летописи, то будущие отцы-настоятели приходов будут пенять на нас, их предшественников, что мы многое пережили, а о сем ничего или мало написали. Будущие историки края не будут иметь достаточного материала для своих исторических, этнографических и статистических трудов.

Итак, материала для записей в церковных летописях имеется достаточно в каждом приходе. Самое главное – это чтобы отцы-настоятели приходов имели охоту вести церковную летопись не за страх, а за совесть, не отступая от

указов консистории и не ожидая деликатных напоминаний отцов благочинных. Писать обо всем, не мудрствуя лукаво, что имеет то или иное отношение, прямое или косвенное, к данной церкви и приходу, даже о погоде, от которой зависит посещаемость прихожанами церкви, об урожае, от которого, зависит жертвенность прихожан, и т.п.

И не только писать, а иллюстрировать свои записи соответствующими снимками. Благодаря удешевлению фотографий – «фильмовок» и увеличению числа фотографов, которые имеются почти в каждом местечке или большом селе, можно приобретать снимки разных торжеств, событий и лиц. Обыкновенно фотографы сами ищут для себя заработка и не откажутся прибыть для съемки, если их пригласить. Эти снимки необходимо вклеить в церковную летопись при описании чего-либо, например, закладка новой церкви, освящение новой или отремонтированной церкви, освящение колоколов, крестный ход какой-либо, обновленная икона и т.п. Равно можно вклеить фотографию нового Владыки, настоятеля, фотографию хора, детворы после первой исповеди и т.п. Как будет интересно посмотреть на эти снимки лет через 20, 30 и 50 будущим поколениям! За это время церковь может изменить свой внешний и внутренний облик; дети сделаются взрослыми, отцы-настоятели состарятся или заменятся новыми.

И все это будет записано и иллюстрировано в церковной летописи. Есть еще способ сделать церковную летопись интересной и более полной. Теперь издается много дешевых газет и журналов на разных языках, различных направлений и партий.

В них часто встречаются статьи очень интересные и в общецерковном масштабе, и для местной церкви. Часто эти статьи в газетах иллюстрированы соответствующими снимками, которых на месте достать невозможно. Вот и готов материал для церковной летописи, да еще иллюстрированный; стоит только вырезать из газеты то, что интересно, и вклеить в книгу церковной летописи. Таким путем можно закрепить разные речи, воззвания, обращения; можно иметь подлинные слова высоких особ, представителей церковной и государственной властей, их мнение по церковно-религиозным делам, их распоряжения, законы и т.п.

В заключение нужно еще сказать, что летописец должен в себе воспитать любовь к записыванию, вырезыванию и наклеиванию и надолго не откладывать своих записей: подождать, когда материал соберется, а потом его можно и вписывать в церковную летопись. Откладывая же дело записи надолго, это значит, никогда не записать ее. Интересно всегда то, что записано «по свежему», а «отклад – не идет в лад», как говорит народная пословица.

Если кто сомневается в полезности такого ведения церковных летописей и важности их, пусть прочитает нижеследующую заметку одного высокопоставленного лица (еще живущего), который в так веденной церковной летописи написал следующее: «Простота и искренность в изложении фактов из жизни и самостоятельности прихожан и приходских организаций невольно внушает мысль, что сии летописные сказания в будущем послужат солидным материалом для историка, который захотел бы описать нашу современность, нашу

исповедническую деятельность и самую жизнь, приносимые на алтарь многострадальной Церкви Православной»¹³⁹.

Мысли автора заметки, опубликованной в 1896 году по поводу необходимости составления «дневников церкви», а также слова протоиерея Ксенофонта на ту же тему при всей их старомодности, отражающей дух ушедших времен, по своей сути весьма важны и сегодня, ибо ничто не ново под луной.

Летопись. Софийских собор в городе Гродне

Время основания г.Гродно с достоверностью не установлено. Основателем Гродно называют полоцкого князя Рогволода, жившего в X веке, сын дочери которого Рогнеды родился Изяслав, старший сын великого князя Киевского Владимира. Другие относят основание этого города к более раннему времени, даже к VII веку. Древнее название его «Городня» или «Городень», давшее имя и протекающей через город речке «Городничанка», свидетельствует, что город этот издревле русский и притом основан в раннее время. Быть может, и «Городной» назван он потому, что в целях стратегических огорожено было существовавшее раньше на берегах Немана поселение.

В XI веке Гродно было уже значительным городом. Здесь была крепость русских Киевских князей на северо-западной границе их владений.

«В древности Гродно был городом православным», – говорит известный исследователь и знаток Гродненской губернии Бобровский (Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, часть II, стр.774).

Памятником древности православия здесь служат остатки Борисо-Глебского храма на Коложе, построенного в XII веке при Гродненском князе Всеволоде Давидовиче, зяте великого князя Киевского Владимира Мономаха.

За 1561 годом в Гродно значатся следующие православные церкви: Воскресенская, Крестовоздвиженская, Николаевская, Семеновская, Пречистинский собор (писц. кн. Гродн. экон. т. II, с.87, 88). Кроме того, были еще церкви в предместьях Гродно: Борисо-Глебская монастырская на Коложе, существующая и поныне, и Троицкая, которой в 1511 г. помилована была земля в имении Сусловщина. В 1736 г. архимандрит оставил заметку, что Николаевская церковь находилась над Городницей при королевском фольварке (где ныне архиерейский дом).

На сохранившейся картине, изображающей г.Гродно в 1567 году, значатся четыре православные церкви и два римско-католических костела, причем первые названы «templum Russorum» (русский храм), а последние «templum Polonorum» (польский храм).

Существовавшие в недавнее еще время на берегу р.Немана здания Кармелитского монастыря стояли близ того места, где некогда была древняя Крестовоздвиженская православная церковь.

С возрастанием власти поляков число православных церквей в Гродно постепенно уменьшилось так, что к концу XVIII века в Гродно не осталось ни одного православного храма. Древнейший Борисо-Глебский монастырь на Коложе захвачен был униатами еще в начале XVII века.

В конце XVIII столетия Гродно, после 3-го раздела Польши, вошла в состав русского государства. Но прибывшие сюда на жительство православные русские люди, прежде всего в лице военных и чиновников, за отсутствием православного храма оказались в затруднении относительно удовлетворения религиозных своих потребностей.

В Гродно в это время оставался в запустении полуразрушенный от пожара древний римско-католический храм. Храм этот первоначально был деревянный, он построен был в самом начале XV века литовским князем Витовтом и несколько раз горел. В 1551 г. польской королевой Боной, женой Сигизмунда I, вместо деревянного устроен был здесь храм каменный, также неоднократно подвергавшийся пожарам. Последний пожар в конце XVIII века (около 1775 года) значительно повредил его. Храм оставался полуразрушенным к дням 3-го раздела Польши.

Провидению угодно было, чтобы этот храм стал православным собором.

В 29-й день февраля 1804 года состоялось о сем Высочайшее повеление, причем на возобновление и приспособление храма отпущено было из государственного казначейства 18341 руб. серебром. Работы по возобновлению храма продолжались около трех лет и наконец – 7 августа 1807 года церковь была освящена. В ней было два престола: главный храм (холодный) с престолом во имя Софии – Премудрости Божией и небольшой (теплый) с южной стороны придел с престолом во имя Святителя и Чудотворца Николая. Придел представлял собою невысокую пристройку, не достигавшую и половины высоты главного храма. Снаружи храм имел костельный вид. На середине его купола не было; была только одна высокая башня на передней части храма, где помещались колокола.

Указом же от 29 февраля 1804 года при Гродненской Софийской соборной церкви положен был следующий штат причта: 1) протоиерей с жалованием в 200 руб.; 2) священник – 150 руб.; 3) диакон – 120 руб.; 4) четыре причетника – по 60 руб. каждому; всего 700 руб. в год. Этот штат существовал до 1844 года. Первый состав соборного причта был следующий: «Настоятелем устрояемой в г.Гродно Софийской церкви» (смотри метрич. книги за 1805 год) и приходским той церкви священником» был в течение 1805 и 1806 годов священником Гавриил Соловьевич. При нем состояли: дьячок Василий Конопасевич и пономарь Алексей Пигулевский.

Первые метрические книги для Софийской соборной церкви в г.Гродно выданы были на 1805 год из Минской духовной консистории, в ведении которой Софийский собор состоял до начала 1840 года. Последние метрические книги для собора Минской консистории выданы были на 1840 год. Первая метрическая книга собора озаглавлена так: «Метрическая тетрадь, данная из Минской духовной консистории в устрояемый в губернском городе Гродно греко-российский собор на записку рождающихся, браком сочетающихся и умирающих в 1805 году. Иоанн Белозорь, протопоп Слуцкий». Первые записи в первой метрической книге помечены следующими числами: 1) в I части о родившихся – 30 апреля 1805 года; 2) во II части о бракосочетавшихся – 28 мая и 3) в III части об умерших – 13 мая того же года. Экстракт – «коликое

число в вышепоказанном приходе родилось, браком сочеталось и умерло в 1805 году» – показывает следующее:

родилось муж. п. – 16, жен. – 9 = 25

Супружеств.....10

Умерло муж. п. – 13, жен. – 0 = 13

Из умерших один трех недель от роду, сын рядового служителя Гродненского кадетского корпуса. Остальные от 22 до 39 лет от роду, все военные. Очевидно, приход Софийского собора первоначально состоял из военных и чиновников.

В 1807 году состав причта при соборе был уже полный. В нем значились: протоиерей Даниил Петелькевич, священник Гавриил Соловьевич, диакон Софроний Самборский, дьячок Иустин Минькевич, дьячок Василий Конопасевич и пономарь Лаврентий Заремба. Протоиерей Даниил Петелькевич состоял настоятелем собора в 1807-1809 годах.

С 1810 года по 5 октября 1824 года настоятелем был протоиерей Фома Сосиновский, а после его смерти, с 1825 года до начала 1841 года, место настоятеля занимал протоиерей Василий Попов.

С 1807 года соборный причт помещался в каменном двухэтажном доме на церковной земле по Купеческой (ныне Кутузовской) улице. В 1837 году приобретен от Приказа Общественного Призрения за церковные деньги и находящийся при доме флигель, впоследствии также приспособленный под квартиры членов соборного причта.*

С 1805 по 1840 год Гродненский Софийский собор состоял во владении Минской духовной Консистории под управлением Минских архипастырей. По Высочайшему повелению от 16 октября 1799 г. Минская епархия переименована была в «Минскую и Литовскую», причем в состав ее включены были те немногие православные церкви, которые сохранились в нынешней Гродненской и Виленской губерниях. Возникший в 1804 г. новый православный приход «при устрояемой в г.Гродно соборной Софийской церкви» получил святительское благословение от архиепископа Минского и Литовского Иова.

По Высочайшему повелению от 3 апреля 1833 года Минская епархия стала называться «Минской и Гродненской». Титул архиепископа «Минского и Гродненского» носил архиепископ Никанор и в составе его епархии Гродненский Софийский собор входил до начала 1840 года.**

В этот первый «минский» период Софийский собор оставался в прежнем виде, в каком он возобновлен был в 1805 – 1807 годах. Из документов не видно, чтобы в течение этого времени в нем производим был капитальный ремонт и какие-либо изменения. Состав прихода, если и увеличивался, то главным образом благодаря приливу воинских частей. В 1839 году прихожан собора числилось 1107 мужчин, 306 женщин, всего 1413 обоего пола.

По указу Св.Синода от 22 января 1840 года Гродненская губерния вошла в состав епархии «Литовской и Виленской», образованной из древле православных и бывших униатских приходов губерний Виленской, Ковенской, Гродненской и области Белостокской.

Первые метрические книги из Литовской духовной консистории были выданы для Софийского Гродненского собора на 1841 год (Жировицы, 13 марта 1841 г.). Управление Литовско-Виленской епархии до 1845 года сосредоточивалось в м.Жировицах Слонимского уезда Гродненской губернии, где помещалась и духовная консистория и духовная семинария, в 1845 году перенесенная в Вильну.

26 марта 1841 года архиепископом Литовским и Виленским Иосифом Семашко в настоятели собора назначен был протоиерей Петр Тернава-Борический, занимавший это место до 1850 года, когда по болезни и старости уволен был за штат.

В 1842 году в составе соборного причта состояли: 1) протоиерей Петр Тернава-Борический, 2) священник Григорий Антониковский, 3) диакон Стефан Березовский ;4) дьячек Василий Пигулевский, 5) дьячок Афанасий Таранович, 6) пономарь Яков Крониковский и 7) пономарь Михаил Минькевич.

Указом Св.Синода от 21 сентября 1844 года причту Гродненского Софийского собора положено было увеличенное содержание из сумм государственного казначейства: протоиерею – 350 руб., двум священникам – по 250 рублей каждому, диакону – 150 рублей, двум дьячкам – по 100 руб. каждому, двум пономарям по 70 руб. каждому и просфорне – 50 руб. Всего 1400 руб. в год вместо прежних 700. Вместе с тем штат увеличился одним священником и просфорней.

В 1847 году в главном храме собора произведен был общий капитальный ремонт, после чего отмечено: «церковь была починкою исправлена крепко».

В 1848 году устроена на православном кладбище при Софийском соборе церковь во имя преподобной Марфы «иждивением архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского Нила, тщанием же директора гимназии и училища Гродненской губернии Ивана Павловича Барковского».

В состав прихода в 1848 году входили: 1) г.Гродно – разночинцев – 176 муж. и 99 жен., военных – 1329 муж. и 154 жен., мещан и купцов – 28 муж. и 44 жен.; 2) в д.Чеховщина: штаб офицерских детей ? 4 муж., 3 жен.; 3) в д.Мальщино: казенных крестьян – 13 муж., 11 жен.; 4) в д.Зарица: казенных крестьян – 12 муж., 6 жен.; 5) в д.Переселках – 14 муж., 14 жен.; в д.Чешевлянах – 28 муж., 10 жен.; 7) в д.Грандичах – 7 муж., 5 жен.; и 8) в д.Понемунь – 11 муж., 3 жен. Всего – 1754 муж., 552 жен., обоюго же пола – 2306.

В 1850 году вновь построн был и удлинен теплый Свято-Николаевский собор с сооружением в нем нового иконостаса старанием бывшего председателя Гродненской Казенной Палаты Петра Веленина на сумму 3676 руб.

В том же году настоятелем собора назначен был протоиерей Антоний Шеметилло, состоявший уже с 10 июня 1848 года священником при соборе. Протоиерей А.Шеметилло был настоятелем собора с 1850 года по 1871 год.

Первая опись соборного имущества составлена была в 1837 году по шуровой книге, выданной из Минской духовной консистории в 1836 году. В 1853 г. опись составлена была вновь, по требованию Литовской консистории, по новой форме, согласно распоряжения Св.Синода.

В 1859, 1865 и 1870 годах в соборе произведен был значительный общий ремонт.

В 1867 году по ходатайству настоятеля собора протоиерея Антония Шеметилло, в пользу соборного причта предоставлено Министерством Государственных Имуществ 66 десятин пахотной и сенокосной земли. В 1869 году там же министерством в пользу причта вместо дополнительного земельного надела предоставлена в постоянное владение казенная мельница на р.Россь при д.Ковали. В том же 1869 году причтовый дом капитально отремонтирован на сумму в количестве 6000 руб., отпущенных Св.Синодом.

Материальное обеспечение соборного причта к 1870 году значительно улучшилось. Кроме казенного жалования, причт стал получать следующие постоянные доходы от арендных статей: 1, 215 руб. мельничной аренды, 2,50 руб. земельной аренды, 3,70 руб. аренды с огорода, находящегося при самом соборе, 4.30 руб. с капитала в 1500 руб., пожертвованного Архиепископом Иркутским Нилом. В то же время в 1870 году повышены были казенные оклады пожалования причту. Вместо отпущенных с 1844 года 1400 рублей общий размер причтового казенного содержания был увеличен до 2566 руб. 66 коп., именно: настоятелю – 600 руб., двум священникам – 1000 руб., диакону – 300 руб., четырем причтникам – 616 руб. 66 2/3 коп., просфорне – 50 рублей.

В том же году, впрочем, причт потерпел некоторый ущерб в своем материальном обеспечении от снесения по распоряжению губернатора 27 каменных лавок, состоявших на церковной земле, возле собора. Лавки эти ежегодно давали причту арендной платы с 1815 до 1870 года свыше 350 рублей. Но взамен этой потери с 23 апреля 1874 года по новому контракту, арендная плата за мельницу повысилась с 275 руб. до 550 руб. в год.

4 сентября 1871 года настоятелем собора назначен был протоиерей Алексей Опоцкий, занимавший должность до конца 1891 года (впоследствии экзарх Грузии, потом архиепископ Тверской и Кашинский).

В 1870 году причтислена к Софийскому собору Александро-Невская церковь, оконченная постройкой в 1869 году и освященная 4 апреля 1870 года бывшим епископом Ковенским Иосифом, викарием Литовской епархии. Церковь эта была сооружена в память спасения Государя Императора Александра II от угрожавшей жизни его опасности 4 апреля 1866 года на добровольные пожертвования. Пожертвования собирал особый комитет с благословения Литовского митрополита Иосифа и с разрешения Генерал-Губернатора К.П.фон Кауфмана.

В 1876 году причтислена была к собору церковь во имя Св.Иоанна Предтечи в дер.Пригодичи. Церковь эта построена в 1876 году на средства правительства и крестьян Вертелишской волости.

В 1876 году в составе соборного причта состояли: 1) протоиерей Алексей Опоцкий, 2) священник, он же благочинный, Ф.Ковалевский, 3) священник Иосиф Кончевский; 4) диакон Клеоник Юзвук; 5) псаломщик Василий Высоцкий; 6) псаломщик Александр Соколов; 7) псаломщик Григорий Соколовский и 8) псаломщик Александр Дубровский.

Прихожан в этом году было 1676 муж. и 1346 жен., обоюбого пола – 3022. Из них: 1) в г.Гродно – духовных 16 муж. и 18 жен., военных – 602 муж. и 407 жен., статских – 516 муж. и 362 жен.; купцов, мещан и прочих обывателей – 225 муж.

и 227 жен. 2) в д. Переселках – 12 муж. и 13 жен. 3) в д. Мальщино – 7 муж. и 11 жен.; 4) в д. Каплица – 11 муж. и 4 жен.; 5) в уроч. Островке – 9 муж.; 6) в уроч. Кульбаках – 6 муж. и 16 жен.; 7) в д. Жидовщине – 69 муж. и 59 жен.; 8) в д. Пригодичах – 84 муж. и 106 женщин; 9) в дер. Погоранах – 57 муж. и 70 жен.; 10) в д. Кошевниках – 6 мужчин и 7 женщин; 11) в д. Зарице – 22 муж. и 15 жен.; 12) в д. Лапенках – 4 муж. и 2 жен. и 13) в д. Чещевлянах – 40 муж. и 34 жен.

В 1877 году было устроено отопление в главном храме через устройство в нем двух пневматических печей «Креля» и двух простых железных. На устройство отопления по ходатайству епископа Брестского Ианнуария и с разрешения Министра Внутренних Дел в пособие к местным средствам отпущено было 2000 руб. из сумм Гродненского церковно-строительного Присутствия.

В «клировой ведомости» за 1885 год отмечена была уже следующая назревшая, по мнению соборного причта, нужда. «Здание соборного храма прочное, по своему виду не соответствует значению православного собора и особенно в губернском городе. Снаружи собор больше походит на костел, чем на православную церковь. Бедность внутренней отделки не соответствует красивым формам здания». По признанию властей духовных и гражданских, «собор требует капитальной перестройки и починки, как снаружи, так и внутри; причем настает крайняя нужда в новой ограде на место старой сгнившей». Причт и прихожане входили уже с заявлением о том к епархиальной власти, и Губернское церковно-строительное Присутствие приняло на себя заботы об изготовлении плана и сметы на возобновление собора, равно как и ходатайство об отпуске правительством потребной для того суммы. Этому доброму начинанию причта и прихожан суждено было впоследствии исполниться при особых исключительных условиях – после пожара, постигшего собор в 1892 году. Начинание причта до этого несчастья осуществилось в одной только части – в 1888 году была устроена вокруг собора на собранные по подписке пожертвования новая железная в каменном фундаменте ограда с железными воротами и двумя железными калитками. В 1880 году из холодного сарая, служащего продолжением флигеля в усадьбе причтового дома, на углу Купеческой улицы и Мастерского переуллка, были устроены две квартиры в верхнем и нижнем этажах.

После пожара, повредившего причтовые дома собора 29 мая 1885 года, отпущено было из сумм Св. Синода 1674 рубля 33 коп. и Епархиального Попечительства 1320 рублей на ремонт их.

С 1883 года учреждаются в районе соборного прихода церковные школы. Такие школы учреждены были в 1883 году в дер. Жидовщина, в 1884 году ? в деревнях Чещевлянах, Переселках и Мальщине; в 1885 году в деревнях Грандичах и Яловщине.

В 1884 году окончен был спорный вопрос между соборным причтом и соседним владельцем Л. Брегманом на владение частью соборного участка земли в 786 2/7 кв. сажень, т.н. фруктового огорода, расположенного между соборной оградой и домами Брегмана, который предьявлял на этот участок

право как на свое чиншевое владение. Приговором Гродненской Палаты уголовного и гражданского Суда от 10 января 1882 года, утвержденным Правительствующим Сенатом, на основании исполнительного листа Гродненского Окружного Суда от 5 марта 1884 года участок этот был признан бесспорным владением Гродненского Софийского собора.

13 января 1892 года настоятелем собора назначен был протоиерей Григорий Кудрицкий, состоявший при соборе на вакансии священника с 19 июля 1881 года. Протоиерей Кудрицкий состоял настоятелем собора до конца 1899 года.

9 мая 1892 года пожаром, начавшимся на колокольной башне (причина осталась не выясненной), главный храм был совершенно поврежден. Сгорела верхняя часть высокой каменной башни, где помещались колокола и крыша главного храма. Потолок над солеей главного храма провалился и образовалось в нем большое отверстие до 5 сажен в диаметре. Иконостас и киоты значительно повреждены были. Колокола при падении со сгоревшей башни разбились. Остальное имущество собора было спасено.

Придельный храм во имя Св.Николая мало поврежденный пожаром, по некотором ремонте, вновь освящен был 22 мая 1892 года.

На возобновление сгоревшего собора, согласно проекту и смете, составленных академиком архитектуры Чагиным, отпущено было из сумм Синода 150099 рублей (указ Литовской духовной консистории от 22 октября 1895 года за №11454). Отпуск денег распределен был на три года: на 1893 год 3000 руб.; 1896 – 7000 руб. и 1897 – остальные 50099 руб. 18 ноября 1895 года заключен был контракт с подрядчиком А.Пименовым, за исключением работ художественных, заказанных мастерам Муравьеву и Белоусову.

Весною 1896 года преступлено было к работам, и к концу 1898 года все работы по возобновлению храма были исполнены, за исключением художественных.

По возобновлении, наружный вид храма совершенно изменился. Южный придел увеличен; в согласовании с ним устроен такой же придел (во всю длину храма, с северной стороны) с посвящением престола в последнем памяти первоучителей славянских Св.Кирилла и Св.Мефодия. Храм украсился пятью куполами; кроме того, устроено еще три небольших купола на обоих приделах и на полукруге впереди главного алтаря. В западной части храма устроена величественная колокольня в виде высокой башни со шпилем. Купола деревянные, обшитые листовым железом. Шпиль на колокольне первоначально обшит был листовым железом, а в 1913 году – медью. Стоимость меди с работой около 700 руб.

Все три иконостаса ? дубовые, резные одноярусные с позолотой. В главном храме и Кирилло-Мефодьевском приделе новые иконостасы были устроены ко времени освящения собора; в Свято-Николаевском приделе старый иконостас заменен новым спустя два года, в 1901 году.

28 марта 1899 года храм торжественно освящен Преосвященнейшим Иоакимом, епископом Брестским.

В 1898 году, по Высочайшему повелению было отпущено из сумм капицула орденов 3447 руб. 74 коп. на соборную ризницу и приобретено два пол-

ных архиерейских облачения белого и золотистого цвета и такие же облачения для священника, 5 диаконов и церковнослужителей. В 1899 году на деньги, пожертвованные прихожанами (В.Жилинской – 350 руб., П.Волковым – 100 руб., А.Свидерский – 500 руб. и проч.) в сумме 1165 руб., приобретены ко дню освящения собора: серебряная вызолоченная дарохранительница, три бронзовые вызолоченные паникадила с металлическими свечами. В то же время устроена внутри церковной ограды каменная одноэтажная сторожка на средства подрядчика по постройке собора А.Пименова из оставшихся от работы материалов.

По возобновлению собора особо деятельное участие принимало местное Софийское Братство.

В 1899 году прихожан при соборе числилось: муж. 2101, жен. 1709, всего ? 3810.

Высочайшим повелением от 28 декабря 1899 года Гродненская губерния выделена из состава Литовской епархии с учреждением самостоятельной Гродненской епархии, причем епископу новой епархии Преосвященнейшему Иоакиму присвоен титул «Гродненский и Брестский».

24 января 1900 года Гродненская епархия торжественно открыта. Гродненский Софийский собор наименован «Кафедральным».

Высочайше утвержденным 28 декабря 1899 года мнением Государственного Совета при Гродненском Софийском Кафедральном соборе положен следующий штат священно-церковнослужителей: Кафедральный протоиерей с жалованьем в год 1200 руб., ключарь собора – 800 руб., два священника – 1200 руб., протодиакон – 600 руб., два диакона – 1000 руб., два иподиака – 800 руб. и два псаломщика – 600 рублей. 13 января 1900 года Настоятелем Кафедрального Софийского собора назначен протоиерей Валериан Курганович.

В том же 1900 году, с образованием особого прихода при Александро-Невской церкви, отделена от собора эта церковь. В том же 1900 году открыты при соборе в особом вновь устроенном двухэтажном здании двухклассная женская и одноклассная мужская церковно-приходские школы имени графа М.Н.Муравьева. Школа эта устроилась при ближайшем содействии Гродненского Софийского православного Братства, основанного при Софийском соборе в 1882 году. Одновременно с открытием Муравьевской школы в том же здании Софийским Братством открыт склад икон и других церковных предметов. В 1901 году устроено в соборе электрическое освещение по особому соглашению с электрической станцией при Гродненском военном собрании. В том же году приступлено было к расписанию стеной живописью часовни при соборе; для сей надобности, еще при постройке собора, отделена была некоторая сумма из строительного капитала; работы закончены в 1906 году.

1 апреля 1901 года настоятелем собора назначен бывший ключарь собора протоиерей Николай Диковский.

В 1903 году отделена была от собора церковь Св.Иоанна Предтечи в д.Пригодичах с причислением ее к Св.Владимирскому приходу, что на Занеманском форштадте в г.Гродно.

В 1903 году Софийский собор посещен был архиепископом Алексием (бывшим протоиереем Опочким, настоятелем собора). 27 декабря 1903 года

Преосвященнейший Иоаким трогательно прощался в соборе с Гродненской паствой по случаю отъезда в Оренбург к новому месту службы.

31 декабря 1903 года собор торжественно встречал вновь назначенного архипастыря епископа Никанора (впоследствии архиепископа Варшавского и потом Казанского).

1905 год

В 1905 году в Кирилло-Мефодьевском приделе вместо деревянных полов устроены были изразцовые, на что израсходовано около 1000 руб. из собранной суммы. В том же 1905 году приобретены для собора два полных прибора облачений – архиерейских священнических (по 1), протодиаконских и диаконских (по 4): 1) белое в серебряных вызолоченных колосьях (900 руб.) и 2) голубое (600 руб.); всего до 1 ? тысячи рублей.

В 1905 году правая заклиросная колонна увешана иконами на добровольные пожертвования жителей г.Гродно и губернии в память исполнившегося 1 января 1901 года столетия Гродненской губернии.

К 1 октября 1905 года на надпрестольной арке главного храма помещена с благоволения Преосвященнейшего епископа Никанора икона «Тайной Вечери» работы известного художника Новоскольцева, стоимостью в 400 рублей.

21 декабря 1905 года Высокопреосвященнейший Архиепископ Никанор в соборе прощался с паствой по случаю отбытия в Варшаву к новому месту служения.

К 20-му декабря 1905 года местными художниками Чиненко и Постниковым изображены: первым на сводах главного храма Святые Евангелисты и Бог Отец, вторым по сторонам главного алтаря Рождество и Воскресение Христово.

1906 год

23 февраля 1906 года г.Гродно и Софийский собор при чудной солнечной и теплой погоде встречали нового Свяtitеля Преосвященнейшего епископа Михаила.

В 1906 году приобретено для собора «бирюзового» цвета облачение за 1200 рублей.

В 1906 году 30 ноября имела счастье представляться Его Величеству Государю Императору в Царском Селе депутация от Софийского братства в составе Преосвященнейшего епископа Михаила и протоиерея Иоанна Корчинского.

1907 год

В месяце мае 1907 года, с благословения Преосвященнейшего Михаила, епископа Гродненского и Брестского, и под непосредственным его руководством местный художник Чиненко приступил к расписыванию главного алтаря и к 1 августа 1907 года закончил роспись алтаря, изобразив орнаменты и образы: Спасителя на черном листе, предстоящим; Божью Матерь и Св.Иоанна Предтечу и по сторонам 12 апостолов.

В том же 1907 году, по указанию Преосвященнейшего епископа Михаила в главном алтаре на черном листе устроено возвышение-седалище для епископа, а по обоим сторонам седалища для сослужащих священников. Седалища

устроены дубовые с коричневым бархатом. В окна алтаря вставлены вместо белых желтые стекла.

7 августа 1907 года отпраздновано столетие собора торжественнейшим Архиерейским служением Преосвященнейшего епископа Михаила при множестве собравшегося православного народа, даже из отдаленных местностей Гродненской епархии. Собор и погост украшены были флагами, зеленью и цветами. Прибыло несколько крестных ходов из ближайших к городу приходов. В тот же день, в 6 часов вечера, в зале топографической съемки (Мостовая улица) состоялось торжественное Братское Собрание при участии свыше 12 представителей православных братств Гродненской епархии.

В 1907 году плащаница перенесена из главного алтаря в Кирилло-Мефодиевский придел, где слева за клиросом устроена для плащаницы приличная с куполом гробница на добровольные пожертвования прихожан (около 250 руб.).

В конце месяца октября настоятель собора протоиерей Николай Диковский назначен ректором Ардонской духовной семинарии. 15 декабря Софийский собор и Софийское Братство провожали о. протоиерея Диковского молитвой и поднесением св. иконы по случаю отбытия его к новому месту службы.

14 ноября 1907 года настоятелем собора назначен бывший ключарь собора, протоиерей Иоанн Корчинский.

К концу 1907 года состав соборного причта был следующий: 1) настоятель Иоанн Корчинский. 2) ключарь священник Константин Михаловский; 3) священник Петр Дедевич; 4) священник Николай Гаварин; 5) протодиакон Феодор Балландин; 6-7) диаконы – Сергей Житинец и Адам Шеметилло; 8) иподиакон Петр Ставинский; 9) регент архиерейского хора священник Григорий Баньковский; 10) псаломщики – Василий Железный и Николай Галежа; 11) состоящий сверх штата Гродненский уездный наблюдатель церковных школ, священник Константин Константинович; 12) соборный староста отставной майор Петр Александров (с 1906 по 1909 год).

1908 год

28 апреля 1908 года Собранием духовенства г. Гродно с участием Членов Совета Софийского Братства составлен протокол об установлении на будущее время ежегодного празднования в честь Коложской Чудотворной иконы Божией Матери в день первоугодников славянских – святых Кирилла и Мефодия (11 мая, если это будет воскресенье, или же в первое воскресенье после 11 мая). Протокол утвержден Преосвященнейшим епископом Михаилом 29 апреля 1908-го года за №1426.

Так, установлен в Гродно Коложский праздник с крестным ходом от кафедрального Софийского собора к древней Коложской церкви на берегу Немана с пронесением Чудотворного Коложского образа Божией Матери.

3 февраля 1908 года последовали указы Святейшего Синода от 22 января 1908 года за №845 о Высочайшем утверждении Его Императорским Величеством нагрудного Знака Гродненского Софийского Братства. Рисунок Знака братского составлен Преосвященнейшим Михаилом, епископом Гродненским и Брестским.

23 апреля 1908 года, проездом в г.Холм, посетил Гродно, присутствовал в Софийском соборе с Божественной Литургией и выходил на Царский молебен член 3-й Государственной Думы, Преосвященнейший Евлогий, епископ Холмский и Люблинский.

11 мая 1908 года совершен первый «Коложский» праздник – торжественное богослужение в Софийском Соборе и крестный ход из собора на Коложу. В совершении Божественной литургии и крестном ходу принимал участие прибывший из Санкт-Петербурга Председательствующий в училищном Совете при Святейшем Синоде протоиерей Павел Ильич Соколов. В служении участвовало 18 протоиереев во главе с Преосвященнейшим Михаилом, епископом Гродненским и Брестским.

1909 год

26 апреля 1909 года имела счастье представляться Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю II в Царском Селе депутация от Гродненского Софийского Братства и православнорусского населения Гродненской губернии, совместно с депутациями от православного русского населения десяти западнорусских губерний (по вопросу о выборах в Государственный Совет), в составе: Преосвященнейшего Михаила, епископа Гродненского и Брестского, настоятеля Софийского Собора протоиерея Иоанна Корчинского, члена 3-й Государственной Думы от Гродненской губернии Василия Константиновича Тычинина и члена Совета Софийского Братства Алексея Дмитриевича Орлова.

2-5 августа 1909 года в г.Вильне происходил второй Съезд западнорусских братств (1-й съезд был в г.Минске). От Софийского Братства на Виленском братском съезде были: Преосвященнейший Михаил, епископ Гродненский и Брестский, настоятель Софийского Собора протоиерей Корчинский и член Совета братства Николай Иванович Шелутинский (бывший и в г.Минске на первом братском съезде).

8 октября 1909 года при следовании Его Императорского Величества Государя Императора Николая II в Италию (для свидания в Ракоиджи), на станции «Брест» в числе других депутатий имела счастье представиться Его Величеству депутация от Гродненского Софийского братства в составе: Преосвященнейшего Михаила, епископа Гродненского и Брестского, Преосвященнейшего Владимира, епископа Белостокского, настоятеля Софийского Гродненского Собора Протоиерея Иоанна Корчинского, настоятеля Брестского собора протоиерея Николая Сцепуро и некоторых членов Совета Софийского Братства. 2 августа 1909 года проездом через Гродно посетил Софийский Собор и присутствовал на Божественной литургии Преосвященнейший Евлогий, епископ Холмский и Люблинский.

1910 год

20 января 1910 года последовало Высочайшее разрешение военнослужащим права принимать и носить знак Софийского Братства.

24 января 1910 года истекло первое десятилетие со дня объявления Софийского собора «Кафедральным». 16 мая 1910 года торжественно отпразд-

нован третий Коложский праздник. Торжество было великое. Во главе с Преосвященнейшим епископом Михаилом участвовало в Богослужении и крестном ходе на Коложу 35 протоиереев и иереев; богомольцев было до 15000. Утром, перед началом Божественной литургии, прибыло в Гродно восемь крестных ходов из соседних приходов: Владимирско-Занеманского, Индурского, Коптевского, Лашанского, Деречинского, Вертелишского, Поречского и Житомлянского.

В 1910 году летом в Свято-Николаевском приделе Софийского собора уложены вместо деревянных изразцовые полы (стоимостью свыше одной тысячи рублей из соборных сумм). С конца 1910 года старостой собора избран и утвержден действительный стат. советник Алексей Сергеевич Цветков.

1911 год

14 февраля в 12 часов дня прибыл в Гродно и посетил Софийский собор Высокопреосвященнейший Сергей, архиепископ Финляндский и Выборгский с архимандритом Куприяном. В тот же день в 7 часов вечера Высокопреосвященнейший архиепископ Сергей вместе с Преосвященнейшим епископом Михаилом и Преосвященнейшим епископом Белостокским Владимиром посетили в Народном Доме церковношкольный праздник, устроенный по случаю 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости для учащих в церковных школах г.Гродно. Праздник устроен на средства Гродненского епархиального училищного совета и Гродненского Софийского Братства.

17 мая 1911 года посетил Гродно и собор Преосвященнейший Евлогий, епископ Холмский и Люблинский. 9 июня 1911 года в празднике воссоединения униатства по случаю съезда епархиального духовенства участвовало в богослужении и в крестном ходе из Софийского собора к Свято-Александровской церкви 50 протоиереев и иереев во главе с Преосвященнейшими епископами Михаилом и Владимиром. 14 мая 1911 года Преосвященнейшему епископу Михаилу Высочайше пожалована из кабинета Его Величества украшенная драгоценными камнями панагия.

20 мая 1911 года Преосвященнейший Епископ Михаил по Высочайшему повелению вызван на летнюю сессию Святейшего Синода. Управление Епархией поручено Преосвященнейшему викарию, епископу Владимиру. В 1911 году проделан ход из пономарки в ризницу под полом главного алтаря в Софийском соборе. Работа была очень трудная, так как пришлось пробивать с обеих сторон древний (16 века) 3 аршинный каменный фундамент. Работы производились хозяйственным способом и обошлись недорого – не свыше 300 рублей из соборных сумм. 6-го сентября 1911 года в 12 часов дня Преосвященнейший Епископ Владимир Белостокский совершил в Софийском соборе панихиду по убитому в Киевском театре Председателе Совета Министров Петре Аркадьевиче Столыпине (бывшем Гродненском губернаторе).

1912 год

26 января 1912 года Гродненское Софийское Братство принято под Высочайшее Его Императорского Величества Государя Императора покровительство.

8 марта 1912 года в 1 час дня в Царском Селе имела счастье представиться Государю Императору делегация от Софийского Братства в составе: Преосвященного епископа Михаила, председателя Совета Софийского братства действ. статского советника Василия Васильевича Кошелева, товарища председателя Николая Ивановича Шелутинского, настоятеля Софийского собора протоиерея Иоанна Корчинского и братчика крестьянина Матвея Омельяничика.

23 апреля 1912 года Божественную литургию в Софийском соборе совершал Преосвященнейший епископ Михаил с Преосвященнейшим Фаддеем, епископом Владимиро-Вольнским, посетившим Гродно проездом в Красносток.

6 мая 1912 года Преосвященнейший Михаил, епископ Гродненский и Брестский Высочайше пожалован саном архиепископа. 6 мая 1912 года посетил Гродненский Софийский собор Высокопреосвященнейший Агафангел, архиепископ Литовский и Виленский. 20 мая – Коложанский праздник прошел весьма торжественно; пришли многие тысячи богомольцев, участвовало в крестном ходе на Коложу из Софийского Собора 72 протоиерея и иереев во главе с Высокопреосвященным архиепископом Михаилом. 26 августа 1912 года торжественно отпраздновано столетие Бородинской битвы. Богослужением в Софийском соборе и 7 октября крестным ходом из собора на православно кладбище, где у могилы павших в 1812 году героев совершена панихида. Памятники на могиле героя Ланского и других обновлены на средства Особого Комитета и отчасти на соборные средства под руководством заведующего кладбищем, диакона Василия Железного.

14-го сентября 1912 года архиепископ Михаил по приглашению Государя Императора посетил Беловеж, где участвовал в литургии в Беловежской церкви и приглашен был к царскому столу в Беловежском дворце.

14 октября в Софийском соборе Высокопреосвященнейшим архиепископом Михаилом совершена была литургия и молебен об исцелении от недуга наследника цесаревича Алексея Николаевича.

18 октября 1912 года по Высочайшему повелению архиепископ Михаил вызван в Санкт-Петербург для присутствования в Святейшем Синоде в зимнюю сессию.

18 октября 1912 года закончились выборы в члены 4-й Государственной Думы от Гродненской губернии. Избраны все семь членов – русские православные: 1) П.И.Песляк – крестьянин; 2) А.А.Ознобишин – дворянин-помещик, 3) П.А.Сафонов – Брестский уездный предводитель дворянства – от горожан; 4) Ф.И.Ложкейт – помещик; 5) протоиерей И.И.Гришковский – от духовенства; 6) В.Ф.Сидорук – крестьянин и 7) Т.Я.Тарасевич – крестьянин. Выборную подготовку вел Особый предвыборный комитет Гродненского Софийского Братства под председательством архиепископа Михаила в составе членов: протоиерея И.Корчинского, протоиерея К.Михаловского (ключаря Софийского собора), председателя братства В.В.Кошелева, товарища председателя Н.И.Шелутинского и члена Совета Д.В.Ивашинцева.

Примечание. Предвыборный комитет по выборам в Государственную Думу образован при Гродненском Софийском Братстве в 1906 году и подготовил выборы во 2-ю, 3-ю, 4-ю Государственную Думу от Гродненской губернии.

нии. В Первую Государственную Думу было избрано: 2 еврея, 2 поляка и 3-е русских крестьян. Когда же в 1906 году был образован при Софийском Братстве предвыборный комитет и когда таким образом Софийское Братство приняло близкое участие в выборах, сразу результаты выборов оказались другие, а именно: во 2-ю Государственную Думу избрано 6 русских и 1 поляк; в 3-ю Государственную Думу избрано тоже 6 русских и 1 поляк и, наконец, в 4-ю Государственную Думу избраны все 7 русских православных. Выборы сопровождались торжественными богослужениями в Софийском соборе и соответствующими проповедями.

11-го октября 1912 года исполнилось 25-летие служения в священном сане настоятеля Софийского собора кафедрального протоиерея Иоанна Корчинского. Высокопреосвященнейший архиепископ Михаил и Преосвященнейший епископ Владимир благословили протоиерея Корчинского прекрасным образом Спасителя; духовенство соборное и городское, а также представители соборного прихода, сердечно приветствовали юбиляра.

К концу 1912 года состав причта Гродненского Софийского собора был следующий: настоятель кафедральный протоиерей Иоанн Корчинский, ключарь собора протоиерей Константин Михаловский, протоиерей Петр Дедевич, священник Николай Гаварин, протодиакон Федор Балландин, священник Григорий Баньковский (регент архиерейского хора), диакон Сергей Житинец, дьякон Адам Шеметилло, диакон Петр Ставинский, диакон Василий Железный и псаломщик Николай Галежа. Соборный староста отставной действительный статский советник Алексей Сергеевич Цветков. Представители от прихожан: статский советник Петр Емельянович Добычин и отставной статский советник Иоаким Леонтьевич Белецкий.

1912 год

21 января 1913 года Высокопреосвященнейший Михаил, архиепископ Гродненский и Брестский, присутствовавший в зимней сессии Святейшего Синода, имел счастье представляться в Царском Селе Государю Императору. По случаю 300-летия царствования в России Дома Романовых 21-22 февраля совершались торжественные празднования. Его Высокопреосвященство архиепископ Михаил приносил поздравление Его Величеству Государю Императору 21 февраля. А 22 февраля в Зимнем Дворце, в ряду других депутатий, представлялся Государю Императору депутат Софийского Братства ключарь Софийского собора, протоиерей Константин Михаловский. 12 мая торжественно отпразднован Коложский праздник. Божественную литургию и крестный ход совершал Преосвященнейший епископ Владимир Белостокский, при участии 42 протоиереев и иереев.

14-го сентября 1913 года торжественно отпраздновано в г.Гродно 1600-летие со времени издания Императором Римским Константином Великим Миланского эдикта (о свободе вероисповедания для христиан). В Софийском соборе совершено было весьма торжественное архиерейское богослужение.

10-го октября 1913 года посетил Софийский собор и 2-классную братскую имену графа М.Н.Муравьева школу обер-прокурор Святейшего Синода

Владимир Карлович Саблер. 31 октября 1913 года Высокопреосвященнейшим архиепископом Михаилом совершено освящение вновь устроенного в здании реального училища Гродненского храма в честь святителя Алексия, Московского Митрополита.

4 декабря 1913 года совершено в Софийском соборе отпевание скончавшегося 2 декабря почетного члена Софийского Братства, местного историка, преподавателя Гродненской гимназии Евстафия Филаретовича Орловского.

В 1913 году по прошению ввиду слабости здоровья уволен соборный протоиерей Петр Дедевич, а на освободившуюся вакансию соборного священника назначен священник Петр Смирнов. В 1913 году из-за изменения причта Софийского собора имение «Казимировка» управлением по постройке Гродненской крепости отчуждено для нужд крепости пятнадцать (15) десятин земли. Отчуждено без предварительной оценки, которая будет произведена, очевидно, впоследствии.

В 1913 году окончена перестройка заново принадлежащей причту Софийского собора водяной мельницы на реке Росси и сдана в аренду за 1200 руб. в год. Мельница была закрыта в 1910 году по ветхости и недобросовестности последнего арендатора крестьянина Гробицкого. Перестройка с новым механизмом и турбиной обошлась в 10000 рублей из сумм причтового капитала. Работы производились хозяйственным способом под руководством и наблюдением соборного диакона Василия Железного. Турбина оказалась очень тяжелой («не по воде»), а потому пришлось вынуть ее и приобрести новую турбину. Расходы по приобретению новой турбины приняли на свои средства новые арендаторы в счет следуемой причту арендной платы, почему, согласно расчету, срок внесения аренды отсрочен до 15 августа 1915 года, с какого срока плата должна вноситься арендаторами по полугодию вперед. Таким образом, в течение пяти лет соборный причт не получал дохода от этой крупнейшей своей арендной статьи и, кроме того, лишился получения процентов на затраченный на перестройку мельницы капитал. В 1913 году проведено в собор электричество из городской станции (стоимостью до 1500 руб.) и приобретено на 1200 руб. новое пасхальное (серебряное) облачение.

1914 год

16 марта 1914 года в четвертое воскресенье Великого Поста, по окончании 3-й пастыри в Софийском соборе, Высокопреосвященнейший архиепископ Михаил с соборным духовенством в присутствии многих членов Софийского Братства, совершил в Братском Доме (по Замковой улице) торжественный благодарственный молебен по случаю Высочайшего помилования Софийскому Братству портрета Его Императорского Величества Государя Императора.

18 апреля 1914 года посетил Гродно и Софийский собор Высокопреосвященнейший Тихон, архиепископ Литовский и Виленский, вместе со своим викарием Преосвященнейшим Елевферием, епископом Ковенским. «Встреча» была в крестовой церкви архиерейского дома.

11 мая 1914 года совершен «Коложский» праздник – торжественное богослужение в Соборе и крестный ход на Коложу. На богослужении участвова-

ло 50 протоиереев и иереев во главе с Преосвященнейшим викарием Белостокским, епископом Владимиром. 15 июня 1914 года (воскресенье) в Софийском соборе торжественно совершена архиепископом Михаилом Божественная литургия и крестный ход к Свято-Александровской церкви, у которой совершена панихида по бывшему Председателю Совета Министров Петру Аркадьевичу Столыпину. После этого состоялось открытие памятника в сквере с северной стороны Св.Александро-Невской церкви Петру Аркадьевичу Столыпину.

21 июня 1914 года (суббота) в 1 час дня прибыл из Вильно Высокопреосвященнейший Флавиан, митрополит Киевский и Галицкий, он посетил Софийский собор, где состоялась «встреча». В воскресенье, 22 июня Высокопреосвященнейший митрополит Флавиан в сослужении архиепископа Михаила и епископа Владимира совершил в Софийском соборе Божественную литургию. В тот же день, 22 июня прибыл в Гродно Высокопреосвященнейший Тихон, архиепископ Литовский и Виленский.

18 июля 1914 года пронеслась грозная весть о мобилизации русских военных сил. 20 июля 1914 года последовал Высочайший манифест по поводу объявления войны Германией России. Но уже 19 июля началось бегство жителей из Гродны. На вокзале начало твориться что-то невообразимое. Уезжали семейства служащих, военных, чиновников, духовенства и частных лиц. Станция железной дороги была завалена горами багажа (ящиков, корзин, тюков и т.п.); тысячи людей не только на перроне, но и на полотне железной дороги, по 12 – 20 и более часов стояли, ожидая возможности войти в вагон. Начали прибывать войсковые части. В конце августа месяца все правительственные учреждения были эвакуированы из г.Гродны в уездный город Слоним; таким образом, выехали из Гродно и все чиновники. В начале сентября месяца осталось в Гродно духовенство и немного обывателей-мещан. Немцы подошли к Неману. 12 сентября немцы начали бомбардировать Друскеники, Сопоцин. В г.Гродну доносилась пальба. Войсковые части все прибывали и, проходя через город, вскоре вступали в линию огня.

В Софийском соборе ежедневно Божии службы совершались по обычаю. Храм всегда полон был молящихся воинов. Высокопреосвященнейший архиепископ Михаил во все воскресенья и праздничные дни совершал в Софийском соборе богослужения и неопустительно проповедовал; часто посещал многочисленные лазареты для раненых и неоднократно совершал сами молебны, раздавал раненым воинам святые иконки, назидательные и патриотические книжки. Особенно тревожны были дни 14, 15 и 16 сентября 1914 года, но Бог помог русским воинам, и 16-го сентября пронеслась радостная весть, что германские войска отступают.

Весьма примечательно и достойно благоговейного внимания как чудесное проявление милости Божией то обстоятельство, что отход германских войск начался непосредственно после того, как Высокопреосвященнейший архиепископ Михаил в сопровождении соборного ключаря протоиерея Константина Михаловского объехал с Чудотворным Коложским Образом Богоматери все форты Гродненской крепости с северо-запада и северо-востока, т.е.

со стороны Сувалковской губернии, откуда шли германцы, благословил форты и защитников Чудотворным Образом и святой водой, совершив краткие молебные пения... Слава Богу, благодетелю нам!

С отходом германских войск русские воины продвигались по направлению к Восточной Пруссии; в Гродно стало спокойнее, жизнь налаживалась кое-как по-прежнему. Начали возвращаться понемногу в Гродно уехавшие были жители; возвращаться начали в месяце октябре 1914 года и некоторые правительственные учреждения; возвратилась в Гродно около 10 октября и Гродненская консистория. В ноябре месяце возвратились в Гродно и семьи духовенства – кто из Москвы, кто из Новгорода, кто из других более близких или более далеких мест.

В самом конце октября месяца пронеслась радостная весть о посещении г.Гродно Его Императорским Величеством Государем Императором.

1 ноября 1914 года, в субботу, в 11 часов утра Гродненский Софийский собор посетили Их Императорское Величество Государь Император Николай II Александрович, Государыня Императрица Александра Федоровна и Августейшие дочери – Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Высокопреосвященнейший архиепископ Михаил встретил Августейших посетителей глубоко прочувствованной речью; Преосвященнейший викарий Белостокский епископ Владимир окропил их святой водой. После молебна архиепископ Михаил поднес их Императорским Величествам Св.икону, а также подарил Их Величествам Св.икону от Гродненского Софийского братства и от соборных прихожан. Настоятель собора протоиерей Иоанн Корчинский удостоился поднести Его Императорскому Величеству составленные им книжки: Софийский собор, Коложская Церковь и Гродненский Богогласник.

В 1914 году купол-шпиль над колокольней Софийского собора был покрыт взамен испорченных железных медными листами. Расходы (до 800 рублей) покрыты из соборных сумм.

В 1914 году (летом), в Софийском соборе над хорами было изображено местным живописцем М.И.Чиненко Распятие Господа Нашего Иисуса Христа. Стоимость – 300 рублей из соборных сумм. Конец года прошел в Гродно довольно спокойно. Праздник Рождества Христова и Новый Год прошли почти как обычно. По временам глухо доносилась из Восточной Пруссии артиллерийская пальба, прибывали раненые, проходили войсковые части и обозы, и на сердце было не без тревоги...

Софийский собор всегда полон был молящихся, в особенности много бывало воинов. Хотя летом 1913 года собор заново был побелен (в расцветку), но в течение зимы 1914-1915 года от множества молящихся и от копоти множества (в 3 или 4 раза больше обычного) горящих свечей стены и потолки в соборе совершенно потемнели, покрылись налетом отсыревшей пыли и копоти. Среди молящихся в Софийском соборе в эти месяцы бывали Великие князья (Иоанн Константинович, Дмитрий Павлович) и известные военачальники (Главнокомандующий армиями северо-западного фронта генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский и многие другие).

1915 год

В Гродно сравнительно было спокойно в январе месяце. Русские войска задерживались под Летценом в Восточной Пруссии. 28 января неожиданно разнеслась грозная весть. Германцы прорвали фронт у Летцена. Гродно спешно эвакуируется. 29 и 30 января уезжают в Слоним правительственные учреждения. Жители вновь в страхе бегут. В первых числах февраля месяца германские войска докатились до Гродненских фортов. В течение двух недель (с 7-8 по 20-22 февраля) город дрожал от орудийной пальбы русской и германской. Были дни, когда германцы были в 7-8 верстах от Гродны. После страшных, кровопролитных боев за высоту 100,3 германцы стали отступать. Во все время боев под Гродной архиепископ Михаил объезжал форты, благословлял и подбодрял воинов. Ранеными заполнены были не только лазареты, но и некоторые школы и частные дома. В Софийском соборе непрерывно, почти с утра до вечера, все это время совершались богослужения. Жутко было стоять в храме: стекла в окнах брэнчали, пол под ногами дрожал от непрерывной канонады. Вновь русские войска продвигались к Восточной Пруссии. В Гродне вновь стало спокойнее, но на сердце не было спокойно – чувствовалось, что это тишина перед бурей... Так прошли весна и часть лета. Потом, когда Варшаву заняли немцы, хлынула та страшная волна «беженства», которую описать трудно... Путь «беженцев» – сплошное кладбище!... Люди гибли от снарядов германских аэропланов, гибли от холеры, гибли от воспаления легких, от простуды и ранений... 6 августа архиепископ Михаил пригласил к себе все духовенство города и объявил, что Гродно уже разжаловано из крепости в опорный пункт, защищаться не будет и что нужно в течение 3-4 дней эвакуировать все казенное и церковное имущество, что церковные колокола будут сняты и вывезены внутрь России... Трудно определить то душевное настроение, но оно было ужасное! Началась спешная эвакуация казенного и церковного имущества. 10 августа погрозили имущество консистории, архиерейского дома, кафедрального Софийского собора, прочих церквей г.Гродно и Борисо-Глебского монастыря в шести товарных вагонах, с великим трудом выпрошенных. 11 августа с последним пассажирским поездом уехала часть духовенства, а остальные с архиепископом Михаилом 12 августа выехали с санитарным поездом лазарета Кайгородовой. В Гродно остался один иеромонах Митрофан (в Борисо-Глебском монастыре) и соборный диакон Петр Ставинский... 20 августа немцы заняли Гродно. Церковное и консисторское имущество перевезли в Москву. Церковное имущество поместили в подвале храма Василия Блаженного на Красной площади. Архив консистории – в Андрониевом монастыре, а сама консистория помещена в епархиальном доме (Лихов переулок).

Архиепископ Михаил и епископ Владимир поместились в митрополичьих покоях Чудова монастыря. Около 20 священников Гродненской епархии, в том числе шесть священников города Гродно (протоиерей Корчинский, протоиерей Дедевич, протоиерей Гаварин, священник Баньковский, протоиерей Константинович, протоиерей А.Лечиций, священник Тиминский) поместились также в Москве. В октябре месяце 1915 года образован в

Москве комитет Софийского Братства для помощи «Армии». Комитет получал по 500 рублей в месяц от Татиановского комитета и просуществовал до начала 1918 года.

Архиепископ Михаил и Гродненское духовенство объединились в Москве в церкви Св.Николая на Мясницкой улице, где они совершали богослужения с ноября 1915 года до конца 1917 года, когда по интригам священника Николая Аносова и настоятеля той церкви Семена Уварова служения прекратились. Оставшиеся в Москве священники объединились в университетской Церкви Св.Татианы под добрым покровительством уважаемого профессора протоиерея Николая Ивановича Боголюбского. Весной 1918 года гродненские священники начали возвращаться в Гродно. Первым отбыл из Москвы настоятель Софийского собора протоиерей Корчинский 14 июля 1918 года, также священник церкви м.Зельва Константин Ропецкий и несколько (5-6) других. По прибытии в Гродно 22 июня 1918 года (старого стиля) протоиерей Корчинский нашел безотрадную картину. Богослужения совершал в Борисо-Глебском монастыре иеромонах Митрофан, православных было немного, – они были напуганы и пригнетены, доминировали поляки – католики и евреи. Ни одной русской надписи нигде. Русского слова не слышно было на улицах. Софийский кафедральный собор занят был немцами под «Гарнизонную католическую церковь». Поляки-католики торжествовали; говорили, – собор будет уже наш... Александровская церковь служила складом мебели... В военной церкви на Муравьевской улице был продовольственный склад (картофеля и т.п.). Рядом Богородичская церковь стояла в развалинах после пожара, произведенного русскими снарядами при отступлении русских из Гродно 21 августа 1915 года...

Отрадно было одно обстоятельство. Исполнявший обязанности псаломщика Николай Михайлович Корп – образовал приличный хор, который постоянно пел в Церкви Борисо-Глебского монастыря. Когда не бывало в Гродно о.Митрофана (он выезжал в Германию, а также ходил по приходам), Корп совершал со своим хором богослужения в церкви и таким образом подбодрял мирян и деревенских православных, напоминая им, что жива еще Православная Церковь... Местные римо-католики проявляли крайнюю нетерпимость и вражду, всячески издевались над православными, и где могли, их притесняли. Евреи относились к православным прязненно.

1918 год

Строгость немецких властей была чрезвычайная, но в 1918 году стало легче. К прибывшему в Гродно в июне 1918 г. протоиерею Корчинскому немецкие власти отнеслись внимательно.

В октябре 1918 года с началом революции в Германии, к гражданскому управлению призваны представители городского населения, из которых образован был затем Временный городской комитет. В сентябре 1918 года образован в Гродне был образован русский Комитет, названный «Русской Управой» (польский и еврейский комитеты уже существовали). Комитет был образован при ближайшем участии протоиерея Корчинского Леонтия /.../ и Д.А.Пури-

ховой, который в лице своих представителей вошел в состав Временного Городского Комитета, а равно и в состав других организаций, ведавших теми или другими сторонами общественной жизни.

1-го декабря состоялся съезд представителей русского населения всех уездов Гродненской губернии (кроме Брестского и Кобринского), который утвердил управу, назвав ее «Гродненской губернской Белорусской Управой», пополнив состав ее членов и наметив круг ее деятельности. В конце октября месяца прибыл из Москвы епископ Владимир, а дней десять спустя – протоиерей П.Дедевич.

Епископ Владимир сначала поселился в Борисо-Глебском монастыре, а затем в декабре месяце перешел в архиерейский дом.

В начале месяца декабря 1918 года немцы передали обратно православным Софийский собор с тем, чтобы немцы оставили за собой право совершать в одном из отделений собора богослужения для немцев – солдат римско-католического исповедания (до окончательного ухода из Гродно). Между 4 и 11 декабря 1918 года Николаевский придел собора был приспособлен для православного богослужения. 11 декабря 1918 года епископ Владимир и протоиерей П.Дедевич по окончании Божественной литургии в Борисо-Глебском монастыре совершили торжественный молебен в Николаевском приделе и окропили его святой водой.

18 декабря 1918 года настоятель собора протоиерей Иоанн Корчинский совершил первую Божественную литургию после почти трехлетнего перерыва. После этого богослужения стали совершаться почти во все воскресенья и праздничные дни.

1919 год

В начале 1919 года из Вильно приехали в Гродно несколько белорусских деятелей, работавших раньше в Минске: Езовитов К.Б., Кречевский, Захарко, Заяц, Алексеюк и другие, а также от Литовско-белорусского правительства – министр белорусских справ Иосиф Яковлевич Воронко. На Софийской улице была открыта канцелярия белорусского министра. Стали организовывать Белорусский полк. Число православных в Гродно возрастало – возвращались беженцы. На магазинах и домах появились и русские вывески. Появилась на русском языке газета «Наше утро». Стал периодически издаваться орган белорусского министерства «Белорусский Народ», а также газета «Бацькаўшчына». В январе месяце ксендз Жебровский обратился во Временный городской комитет с письменным протестом с тем, что «москewско-православное духовенство гвалтовне захватило Софийский собор...». Комитет передал это дело в комиссию из двух католиков, двух православных, ксендза Савоневского и протоиерея Корчинского. В комиссии ксендзы и католики стояли, конечно, на своем с упорным упрямством фанатиков...». После этого протоиерей Иоанн Корчинский вынужден был поместить в газете «Наше утро» две статьи, исторически объясняющие возникновение в Гродне Софийского собора. Между тем достопочтеннейший немецкий гарнизонный римско-католический Pfarrer Flock согласился на перенесение из главного отделения в Николаевский при-

дел римско-католического алтаря. Православные с благодарностью должны вспоминать его имя как слушателя христианского алтаря, чуждого вероисповедного шовинизма.

12 марта 1919 года (нового стиля) римско-католический алтарь был перенесен в Николаевский придел, а в главном храме и Кирилло-Мефодиевском приходе поставлены Св.православные престолы и иконостас. 14 марта (в пятницу) совершено освящение по православному чину главного храма и Кирилло-Мефодиевского придела. 15 марта (в субботу 2-й недели Великого Поста) совершена первая литургия на главном алтаре Св.Софии, Премудрости Божьей, с поминовением всех от века скончавшихся праотцов, отцов и братьев наших. Литургия совершена протоиереем Корчинским.

16 марта (в воскресенье) совершена торжественная литургия епископом Владимиром в сослужении протоиерея Иоанна Корчинского и протоиерея Алексия Лечицкого. В малом входе совершен крестный ход внутри храма с окроплением святой водой всего храма. . .

21 апреля Pfarter Flock заявил, что так как немцы уходят из Гродно, то он очищает Св.Николаевский придел. 23 апреля римско-католические принадлежности были унесены из собора и в Свято-Николаевском приделе поставлен престол и иконостас. Таким образом, 23 апреля (нового стиля) 1919 года памятный день для Софийского собора.

30 апреля 1919 года вступили в Гродно части польских войск (польские легионы) как оккупационные. Говорят, что это произошло по распоряжению Антанты, главным образом Франции, по плану главнокомандующего генерала Фоша с целью борьбы с Российским советским правительством («большевизмом»). Православные почувствовали большое удовлетворение, получив Софийский собор в полное свое владение.

Необходимо упомянуть, что со времени ухода русского населения из Гродны и вступления немцев (в августе 1915 г.) при соборе все время оставался сторож Иван Репенчук, который до 1919 года, как мог, охранял собор. Несколько раз немцы, подозревая в нем русского шпиона, подвергали его аресту. Этот простой человек заслуживает упоминания и признательности.

В декабре 1918 года допущен был к исполнению обязанностей церковного старосты при Софийском соборе Антон Иванович Писарь, который 27 апреля 1919 года (в Фомино воскресенье) по окончании литургии в соборе избран был в церковные старосты, а помощниками его – Матвей Амелянчик, Адам Касперович и Павлина Ставель (как полномочные от приходов) по рекомендации настоятеля собора, протоиерея Иоанна Корчинского.

27 марта 1919 года, по предложению протоиерея Иоанна Корчинского образовалось в Гродно особое белорусское общество под названием «Гродненская Белорусская Христианская Громада»; председателем («старшиной») ее был избран протоиерей Иоанн Корчинский. Первым делом «Громады» было учреждение белорусского кооператива, который и открылся 4 мая (нового стиля) 1919 года в доме православного духовенства №4 по Купеческой улице, в бывшей квартире священника Н.Гаварина; эту квартиру затем заняли поляки на том основании, будто бы что дом №4 принадлежал когда-то поизу-

итскому (ныне фарному) костелу. Попытки захватить эту квартиру были предприняты со стороны поляков 9 и 11 марта 1919 года, настойчиво добивалась этого некая Рыздзевская, жена врача, представительница «Кола полек в Гродно» – изуверная фанатичка, позволившая себе в присутствии польского плацмайора оскорблять разными словами протоиерея Корчинского в его же квартире. . . Но страшен сон, да милостив бог. Пока все попытки и угрозы польских фанатиков разбиваются об нашу уверенность в нашем праве владения, так как, по милости Божьей, сохранились в соборном архиве документы о покупке дома. Документы эти случайно найдены протоиереем Корчинским. В начале мая месяца в польском еженедельнике, издающемся в Гродне, «*Nowe Zycie*», была напечатана крайне тенденциозная статья о Софийском соборе. Автор, какой-то «Ясенчик», доказывает, что собор должен быть захвачен римско-католиками, причем высмеивает внешний вид собора, сравнивая его с «ресторанами на больших железнодорожных станциях и с неуклюжими сараями». Отповедь на основании документов изготовлена; нужно требовать напечатания ее в той же газете. Отповедь, составленная протоиереем И. Корчинским на основании документальных данных, вручена для напечатания редактору еженедельника «*Nowe Zycie*» ксендзу Людвигу Савоневскому под его расписку.

Слава Богу! 25 мая нового стиля (12 мая старого стиля) в первый воскресный день после Св.Равноапостольских Кирилла и Мефодия, с разрешения польского коменданта Гродненской крепости генерала Филевича, совершен традиционный Крестный ход из Софийского собора к древней Коложской церкви. Погода благоприятствовала. Народа собралось около 5.000 человек; в крестном ходе участвовала рота 1-го белорусского полка, оркестр музыки этого полка, белорусская школа, Красностокский женский приют (до 60 девочек) и православные учащиеся 1-й Гродненской общественной гимназии. Пело два хора – соборный и красностокский. Торжество прошло весьма удачно, стройно и красиво. Вспомнились прежние крестные ходы, совершавшиеся до этой войны. После четырехлетнего перерыва, после тяжелого немецкого режима, во время которого в течение долгих четырех лет все православное даже как бы замерло, снова блеснул яркий теплый луч, озаривший православные сердца и явилась такая же смутная надежда на лучшие дни. . . Богослужения совершали и в крестном ходе (туда и обратно) участвовали епископ Владимир, протоиерей И.Корчинский, протоиерей П.Дедевич, иеромонах Митрофан и священник Д.Якубсон. Протоиерей И.Корчинский произнес три поучения: два в соборе и одно у Коложской церкви. Во время литургии, перед молитвой «Отче наш», в соборе совершен особый чин всенародного покаяния, а епископ Иоанн после назидательного поучения с призывом к покаянию произнес формулу «Разрешения грехов», содеянных молящимися в истекшие четыре года. Картина была высокотрогательная и потрясающая. . . «Разрешение грехов» произнесено было и для всех сродников молящихся, которые (сродники) почили в истекшие четыре года, так как многие из них почили без напутствия и похоронены без церковного обряда.

На всю седмицу, с 12 по 19 мая старого стиля (от 25 по 31 мая нового стиля) объявлен «отпуст» для всенародного покаяния по тому же чину с ежед-

невыми торжественными богослужениями в Софийском соборе. На этой седмице, в четверг, 29/16 мая, был проведен праздник Вознесения Христова. По возвращении крестного хода в собор весь народ колленнопреклоненно пропел молитву «Под твою милость», и затем Преосвященнейший Владимир сказал поучительное, прочувствованное, трогательное слово. Произнесены диакон о. Сончиком многочувствования и затем народ прикладывался к Св. Кресту. Так прошло и закончилось с помощью Божьей, по предстательству Пречистой Девы Марии, это знаменательное торжество во славу Святой Православной Греко-Кафолической Матери-Церкви.

Протоиерей Иоанн Корчинский по требованию гражданских властей оставил пределы Польши в июле 1920 года и выбыл в Литву, (судя по всему, с этого времени Софийский собор был передан католикам, а функции православного кафедрального собора перешли к бывшей гарнизонной Свято-Покровской церкви. И далее в тексте под собором понимается уже она – В.Ч.).

В ожидании возвращения в Гродно о. Корчинского управляющий епархией викарий епископ Белостокский Владимир никого в настоятели не назначал и фактически сам был настоятелем. С 1 января 1921 года резолюцией от 30 июля числился исполняющим должность настоятеля протоиерей Кирилл Зайц, состоявший фактически настоятелем в селе Рыбалы Пинского уезда. О. Зайц числился настоятелем Собора (в Гродно) по сентябрь 1922 года, когда выбыл в Латвию. В декабре 1922 г. выбыл из Гродно по распоряжению гражданских властей Преосвященнейший Владимир и направился во Францию.

В декабре месяце 1922 года прибыл в Гродно управляющий Гродненской епархией епископ Алексей Громадский и встречен горожанами крайне недружелюбно. Ему прихожане разбирали в Соборе кафедру, чтобы он не служил. 1 ноября 1923 года настоятелем собора в Гродно был назначен уволенный из военного ведомства на эмигрантуру (пенсию) протоиерей Виктор Петрович Козловский. На его долю выпала трудная задача переводить праздники Православия на новый стиль, действуя в этом деле не от имени епархиальной власти, которая в целях мира церковного должна была стоять на стороне народа, отстаивавшего старый стиль, а настоятель от своего имени – по приказу епархиальной власти, служил праздники по новому стилю, принимая во время самой службы ругань по своему адресу. Протоиерей Козловский скончался 2 ноября 1925 года от разрыва сердца после неприятностей – недовольства прихода, когда владыка Алексей, затребовав жалобу, увез ее в Варшаву. Исполняющим должность настоятеля собора 25 декабря 1925 года был назначен епископом Алексием ключарь собора протоиерей Василий Моисеев и резолюцией того же владыки от 22 мая 1927 года освобожден от исполнения должности настоятеля и того же числа настоятелем собора был назначен протоиерей Николай Смольский. Этот смиренный священнослужитель после многих скорбей нашел себе успокоение в интернате богословского факультета в Варшаве в звании гармостера. С 14 октября 1930 года настоятелем собора назначен настоятель Занеманской церкви митрофорный протоиерей Александр Лечицкий, который состоял в этой должности по 1 сентября 1934 года.

С 1 сентября нового стиля 1934 года назначен на должность настоятеля Гродненского Свято-Покровского кафедрального собора бывший капеллан (военный священник) Варшавского военного округа, кандидат богословия Казанской Духовной Академии, протоиерей Ананий Сагайдаковский.

Ко дню храмового праздника Покрова Божией Матери 1 – 14 октября 1934 года православные гродненцы готовились встретить в соборе достойного и редкого гостя, Блаженнейшего Дионисия, митрополита Варшавского и всея Польши, который и посетил наш город и собор в днях 30 сентября старого стиля и 1 октября. Посещение это навсегда запечатлилось в душах православных гродненцев. В эти же дни к храмовым торжествам прибыл из Вильны Высокопреосвященнейший Феодосий, архиепископ Виленский и Лидский. Несмотря на осеннюю погоду, торжества, связанные с высоким посещением собора, были ознаменованы прибытием в Гродно весьма многих крестных ходов с множеством народа, а также приездом благочинных, протоиереев и настоятелей из самых отдаленных уголков Гродненско-Новогрудской епархии. При встрече Его Блаженства в соборе Преосвященнейшим Антонием, епископом Камень-Каширским, управляющим епархией от имени собора, его причта и прихожан, преподнесена была Блаженнейшему митрополиту Дионисию оснащенная аквамаринами и алмазами икона Божией Матери в серебряной ризе. Всенощное бдение украсил своим участием Блаженнейший хозяин Автокефальной Церкви в Польше. Собор, художественно декорированный и иллюминированный, не мог вместить тысяч богомольцев. В день самого праздника митрополитом возложена была митра на новоназначенного настоятеля собора, протоиерея Анания Сагайдаковского. К празднику приобретены в собор: большой ковер перед св. престолом, ценою в 150 злотых; шелковая пелена на св. престол, ценою в 90 злотых; пожертвована также пелена на жертвенник, некоторые аналоги и др. К празднику Рождества Христова сшито несколько новых бархатных облачений красного цвета. Начат сбор пожертвований на приобретение нового большого колокола. В канун воскресных и праздничных дней, после всенощного бдения, настоятелем устраиваются внебогослужбные собеседования, собирающие многих слушателей.

1935 год

В жизни собора 1935 год был ознаменован новыми приобретениями из добровольных пожертвований. Так, куплена новая Св. Чаша – серебряная, золоченная, ценою в 135 злотых. Подарен в соборную ризницу серебряный кувшинчик-молочник с инициалами «М.С.» для теплоты. Восполнен комплект бархатного облачения: сшито полное архиерейское облачение красного цвета, четыре полных священнических облачения. Настоятелем Волковысского собора подарен Гродненскому собору массивный широкорамный, на-престольный, серебряный, позолоченный с эмалью, художественный Св. Крест. К Святой Пасхе закончен шитьем комплект бархатных стихарей и орарей для протодиакона, двух дьяконов, двух иподиаконов, рипидчиков и мальчиков. Весь комплект обошелся около 1.300 злотых, собранных от доброхотных жертвователей.

12 мая 1935 года скончался в г.Варшаве первый маршал возрожденной Польши Иосиф Пилсудский. Кончина его глубоким трауром и скорбью покрыла Отечество наше и особенной болью отозвалась в сердцах православно-го меньшинства Польши. Совершены были народные панихиды в день погребения его в Кракове.

К празднику Покрова Божьей Матери прибыл из г.Перемышля с колоколотейного завода братьев Фельчинских новый массивный колокол, издающий тон «ре-диез». Колокол освящен 30 сентября старого стиля и поднят на колокольню. Ко всеобщей благовестили уже в новый колокол, обошедшийся приходу соборному со всеми расходами на покрытие пересылки бронзы, закупленной в Гродно – в Перемышль, с доставкой колокола, его поднятием, оковкой, подковкой, оплатой особого монтера, выписанного с фабрики, выбивкой потолка и зацементированием его и прочими мелкими расходами всего в семь тысяч пятьсот злотых.

Колоколу сему не дано никакого имени при его освящении. Весит он 100 пудов (без малого).

Внебогослужебные собеседования перенесены на четверги. По-прежнему они охотно посещаются слушателями. Здесь же раздается им бесплатная миссионерская литература и синодальные печатные издания. 30 и 31 декабря состоялся Епархиальный съезд духовенства Гродненской епархии.

В числе скорбных событий сего года необходимо отметить кончину долголетнего священнослужителя Гродненского кафедрального собора, ключаря его, протоиерея о.Василия Моисеева. Скончался он 9 июля нового стиля и похоронен 11-го на местном кладбище. Отпевание совершал сонм Гродненского и окрестного духовенства.

Позолочены Св.сосуды Михайловского придела за цену в 40 злотых.

1936 год

После Святой Пасхи начато устройство (на месте соборной кладовой, при входе в храм с левой стороны) часовни для чтимой гродненцами иконы Казанской Божией Матери, помещающейся в соборе у первой правой колонны. Часовня заново окрашена и освящена 30 июня нового стиля. Перед Святым образом по четвергам совершаются акафисты Покрову Божией Матери с общенародным пением. Посещаемость часовни – большая, т.к. отныне это место молитв и тайных воздыханий открыто ежедневно с утра до позднего вечера. Перед образом горит лампада и в новоотремонтированном большом подсвечнике (работа обошлась в сто злотых) постоянно горят свечи. Сиделками и сидельцами у Св.образа являются случайные лица: женщины и мужчины, братчики и братчицы, простые и интеллигентные особы. На свечной доход, от продажи свечей у образа, оплачены полностью капитальный ремонт, устройство стеклянных вторых дверей (цветные стекла) и тамбура к ним, а также проводка электричества в часовне.

К Пасхе поникелирован за сто злотых семисвечник за главным престолом. Доброхотные вышивальницы расшили две пары художественных пелен на аналой. Куплено траурное облачение на Святой престол, такая же вели-

копостная катапетасма. Приобретен за 50 злотых новый Св.антиминс, а с главного Покровского Креста Св.антиминс, освященный Высокопреосвященнейшим Алексием, архиепископом Вольнским и Кременецким, передан на малый престол в Св.Михайловский придел. Старая Св.Планица обновлена, подшита новым темномалиновым шелком. Старинные образа, потемневшие и рваные, висящие по всему храму – обновлены и подкрашены. К 1-му октября в качестве именного подарка настоятелю поднесено наличными от прихожан двести злотых с тем, чтобы на эти средства сооружен бы был новый киот в часовню для Образа Казанской Божией Матери. В жизни Гродненской епархии год этот ознаменовался уходом на покой управляющего епархией епископа Антония (Марценко) и назначением на его место викария Люблинского епископа Саввы (Советова).

Пожертвовано собору несколько комплектов «воздухов» на св.сосуды. . .

1936 год

Утвержден в должности епископа Гродненского-Новогрудского Преосвященнейший Савва (Советов). К 25 марта с.г. поставлен новый киот и освящен в часовне. Обошелся он в 600 злотых. У образа назначена определенная одна сиделка, т.к. зимой было трудно найти сиделок из публики при морозах, доходивших до 20 градусов. Ко дню Покрова куплено в собор два ковра (дорожки) – один крапивный (индийский) красного цвета, длиной в 16 ? метров, ценой в 113 злотых и второй плюшевый, узорчатый, так называемый «стриженный», в шесть метров длиной, ценой в 140 злотых. Деньги частью получены путем пожертвований, частично – из обычного свечного часовенного дохода. 7-8 и 9 декабря по новому стилю состоялся в Гродно по инициативе военного духовенства съезд духовенства двух уездов епархии (Гродненского и Волковыского), поставивший задачей «научить рядовое духовенство борьбе с коммунизмом». Кроме рефератов, предложенных на государственном языке, вниманию участников съезда «лекторами» – военными батюшками и отчасти гражданскими прелегентами, духовенство обучалось в «Dome Zolnierza» искусству ставить театральные пьесы, а также училось вести кооперацию. Этот бутафорский «съезд» являлся первым пробным шаром (на территории Гродненской епархии) вмешательства в ее церковную жизнь – чуждого ей элемента. В Гродно, по образцу г.Белостока, начались усилия некоторых особ к организации в соборном приходе особой сепаративной группы так называемых «поляков вызнания православного».

1938 год

На территории епархии уже в день Крещения Господня (Райцы) чуть было не возникла уния, вследствие недовольства населения святым настоятелем из-за его линии поведения с администрацией.

Перед Святой Пасхой местный кафедральный протоиерей-митрат Ананий Сагайдаковский отозван с занимаемого «поста распоряжением Министерства «Wyżnan Religijnych i Oswiecenin Publicznych». Это событие вызвало волнение в соборном приходе, выразившееся в бесчисленных делегациях к

местному архиерею, к Блаженнейшему владыке митрополиту и в министерство исповеданий. Интервенция на время помогла, и настоятель как будто бы оставлен на месте, а Преосвященнейший Савва, обращавшийся к помощи органов полиции во время богослужений, торжественно дал обещание гродненцам «отстоять и удержать в Гродно настоятеля о.Анания Сагайдаковского». 3 мая 1938 года по инициативе военного духовенства пущен второй пробный шар в проведение эксперимента по колонизации гродненского прихода: совместно с местным епископом Саввой и группой «поляков вызнанья Православнэго» это духовенство устроило закладку краеугольного камня под будущую церковь, имеющую символизировать «единение востока и запада», служить нуждам религиозным местного православного гарнизона, учащихся и «православных поляков» условия совершения служб церковных и произнесения проповедей на государственном языке. В краеугольный камень епископом Саввой заложены святые мощи. К сожалению, площадь для будущей церкви выбрана не совсем удачно: против казарм, у Скидельского шоссе, на бывшем свалочном и грязном плацу.

12 мая, в день траурной годовщины смерти приснопамятного первого маршала и гения Польши Иосифа Пилсудского, упали первые кирпичи из предназначенной к разрушению художественной церкви Св.Александра Невского. Храм сей был построен на пожертвования населения г.Гродно в 60-е годы прошлого столетия, в память чудесного спасения от руки убийцы царя Александра II, Освободителя, в Париже. Пощаженный временем, не тронутый во время мировой войны оккупантами-немцами, этот храм простоял ровно двадцать лет в возрожденной Речи Посполитой Польской. В нем молились о ея благоденствии не только местные гродненцы, но также воинство польское – православного вероисповедания. Кампания о разрушении сего храма велась на столбцах газеты в течение двух лет. Наконец, в этом году местный магистрат на своем заседании вынес решение, что храм должен быть снесен: 1) по причине нехудожественного вида своего и несоответствия со стилем всего города Гродно; 2) по причине препятствия, какое он представляет во на площади т.н. «Thyzzenhauza»; а 3) «ze jest pomnikiem niewoli». Не помогли никакие просьбы, слезы и петиции народонаселения даже к наиважнейшим инстанциям. Однако это не единичный случай уничтожения святыни Православной. В течение всего лета 1938 года на Холмщине разрушено свыше ста тридцати церквей и молитвенных объектов, не только до того запечатанных со времени великой войны, но даже и таких, которые были недавно совсем построены либо отремонтированы с разрешения властей. Особенным грехом против истории и зодчества являются разрушение прекрасно сохранившегося каменного храма в заштатном городе Щебрешине, возле Замостья, построенного в десятом или начале одиннадцатого века во имя Успения Божией Матери. Единственным мотивом, послужившим к столь тяжелой расправе со множеством христианских святынь, была выдвинута их «ненужность» (zbednosc).

1938 год – есть год юбилейный: исполнилось 950 лет от дня Св.Крещения Св.Благоверным и Равноапостольным Великим Князем Киевским Владимиром – Руси. Повсеместно во всем мире устраиваемые по этому поводу юби-

лейные торжества, проходили в весьма торжественной обстановке. Но печалью покрыва не только Православная Холмщина! На Вольни (Гриньки) начались массовые обращения православного населения из православия в римско-католичество. А гродненский магистрат израсходовал двадцать тысяч злотых на разборку церкви Св.Александра Невского. Юбилейные торжества в Гродно местным старостой сведены к минимуму. Запрещены все крестные ходы к единственной на всю Автокефальную Православную Церковь в Польше – Св.Владимирской, что в Гродно, за Неманом церкви. Даже из местного соборного храма не разрешено идти за Неман крестному ходу. Зато день храмового праздника в Гродненском кафедральном соборе, несмотря на дурную осеннюю погоду (I.X. старого стиля), был ознаменован небывалым наплывом богомольцев из самых отдаленных мест епархии. Привлечены они сюда, в Гродно, были и тем, что ко дню Покрова прибыла в собор святыня обители Жировицкой – Икона Божией Матери. Украсил такое церковное торжество своей службой архиерейской Высокопреосвященнейший Алексей, архиепископ Вольнский и Кременецкий. Ко дню праздника соборный храм по обычаю украсился: старая электрическая проводка была заменена новой, взятой в изолированные трубки, причем эти последние вложены под штукатурку; храм подкрашен, почищен, закрашены все изъязны, не только появившиеся вследствие проводимых работ, но и появившиеся еще от предвоенного времени. Цена работы обошлась свыше 800 злотых, собранных в большей части на добровольные жертвования прихожан собора. Куплено новое голубое (Богородичное) парчовое облачение на Св. Престол, два жертвенника; изготовлена прекрасная нежно-голубая шелковая пелена на Святой Престол и такая же шелковая катапетасма. Приобретена в Почаеве икона Св.Покрова дня для часовни. Куплена электрическая печь и установлен особый электрический счетчик в часовне. Все это – на добровольные пожертвования от прихожан. На все это пошло свыше 500 злотых.

12 декабря 1938 года местным епископом получено распоряжение об окончательном на сей раз переводе настоятеля собора митрополита Анания Сагайдаковского на Вольнь. 28 декабря, в среду, после последнего акафиста, отслуженного на сей раз не в Пречистой часовне, а в соборе, по случаю стечения огромной массы богомольцев, пожелавших проститься со своим настоятелем, с которым молились и трудились вместе в продолжение четырех лет и четырех месяцев, – приход прощался с протоиереем Ананием Сагайдаковским. 30 декабря с гродненского вокзала скорым поездом (на Варшаву) отбудет из Гродно пишущий эти строки митрофорный протоиерей Ананий Сагайдаковский, провожаемый сотнями глаз, собравшихся к поезду жителей г.Гродно и его окрестностей. А ранее сего, ровно в годовщину бутафорского «антикоммунистического съезда» в город Гродно, по инициативе военного духовенства, с участием Гродненского епископа Саввы и двух новохиротонисанных из того же духовенства епископов-преосвященнейших Семашки и Шрейттера – был заложен «Polski Prawoslawny Instytut Naykowo-Wydabriczy». Имейшая стоять под крышей ко дню гражданского праздника 11 листопада 1938 года церковь на Скидельском плацу – не только не начата постройка, но и

кирпич, свезенный сюда к разрушенной Св.Александро-Невской церкви, стал таять. Ползут откуда-то слухи, что якобы церковь здесь стоять не будет, ввиду зыбкости насыпной почвы на бывших «ямах». А кирпич уходит, как передают, в пользование местного Зоологического сада. Детский православный приют, переведенный в здание архиерейского дома из неудобного помещения, продолжал существовать и даже процветать, благодаря поддержке населения и несмотря на лишение его магистратом определенных субсидий. – Митрофорный протоиерей Ананий Сагайдаковский.

1939 год

4 января из города Кременца Волынского воеводства прибыл в Гродно новоназначенный настоятель Гродненского Св.Покровского кафедрального собора (бывшей военной церкви) митрофорный протоиерей Георгий Боришкевич, кандидат богословия Казанской Духовной Академии, выпуска 1914 года, который первое свое богослужение (Всенощное бдение) совершил вечером 6 января нового стиля, а 8 января произнес вступительное слово, в коем призывал прихожан быть в полном единении со своим духовенством, хранить святую веру православную и быть на страже прав Церкви Православной. Дня 19 января, в праздник Крещения Господня, состоялся торжественный выход из Соборной церкви на Иордан к реке Неману для освящения воды. Торжество состоялось при участии около 8 тысяч народу, военного оркестра, музыки (исполнялся гимн «Коль славен...»), почетного войскового отдела, большого числа православных воинов, представителей военных и гражданских властей. 10 февраля состоялся в Гродно духовный концерт православного соборного хора под управлением Орлова. В первой части концерта были исполнены на церковно-славянском языке: «На реках Вавилонских», «Отче наш», «Да воскреснет Бог» (Бортнянского) и др. Был прочитан также реферат о значении декрета г.Президента от 18.XI.1938 г. об отношении государства к православной Автокефальной церкви и значении в жизни Православной Церкви в Польше новоизданного «Внутреннего Статута» церкви. Реферат был прочитан священником магистром теологии Леонидом Касперским. На концерте присутствовал Преосвященнейший епископ Савва, командир корпуса генерал Олшина-Вильчинский, офицеры и солдаты, православные служащие консистории, много польской публики – православных было сравнительно мало. Сильное впечатление на польского генерала произвел концерт и особенно гимн Св.Амвросия Медиоланского, исполненный по-польски («Stebie Bogachuklimu») (муз.Бортнянского). Духовный концерт в Гродно – событие большого значения. Очень жаль, что месяц тому назад, во время интересного чтения писателем Вадимовым, соборный хор представлен был жидко. Преосвященнейший епископ Савва для Гродненского Св.Покровского кафедрального собора пожертвовал маленькую частичку Животворящего Древа Господня, которая была вложена в грушевый напрестольный крест (4-конечный) вместе с небольшим крестом Св.Патриарха Мирона Румынского. 14-го мая по новому стилю был совершен большой крестный ход к Коложанской Церкви во главе с настоятелем собора. В тот же день (проездом из Варшавы) Гродно посетил архиепис-

коп Волынский Алексей, навевывавший могилу своего отца. 8-9 июля архиепископ Алексей вновь наведал Гродно, возвращаясь из Вильно от своего брата протоиерея Стефана Громадского. В том же году высеребрено два больших подсвечника за 200 злотых, собрано 167 злотых на устройство ковчежца для новосооруженного креста со Животворящим Древом Господним, пожертвована белая шелковая пелена на Св.Престол прихожанкой Зинаидой Щербицкой. Великим Постом организовано сестричество при соборе во главе с председательницей и правлением. К празднику Св.Пасхи правление сестричества собрало 237 злотых и устроило разговление на 126 бедных семейств и для детского приюта. Местное Софийское Братство не могло проявить хоть сколько-нибудь заметной деятельности. Во всяком случае, ему не удалось в течение 1939 года созвать ни одного общего собрания для заслушивания даже годового отчета за минувший 1938 год. Гродненское уездное староство (польское) предлагало в апреле месяце созвать общее собрание братства с тем, чтобы реорганизовать его в соответствии с декретом президента Польши от 18 ноября 1938 года, придав характер ему польского православного братства. Однако ни епископ Савва, ни члены Братства не поддались этим уговорам. И дело было окончено тем, что правление братства по настоянию епископа Саввы кооптировало в члены правления объявившего себя православным поляком некоего Артишевича, служащего городского магистрата. Первый раз новый член правления принял участие в заседании в августе месяце. Тогда впервые на заседании правления братства слышна была польская речь; большинство членов правления отрицательно относилось к такому новшеству. На заседаниях в августе месяце настоятель не присутствовал по болезни, так и не познакомившись с новым членом правления. Надо отметить, что Белостокское воеводство в лице воеводы Осташевского в месяце апреле письмом на имя епископа Саввы поставило последнего в известность, что Софийское Братство, возобновившее свою деятельность в пределах польского государства только лишь на основании резолюции Преосвященнейшего архиепископа Алексея 1927 года, для дальнейшего своего существования должно быть надлежаще утверждено и зарегистрировано на основании устава в существующих организациях и союзах. Это требование было выдвинуто в связи с неправильными доносами в воеводское управление и даже в Министерство Исповеданий, будто Софийское Братство начало расширять свою деятельность путем организации широкой благотворительности и привлечением в свои ряды значительного числа новых членов (80 душ). Очевидно, полонизаторов местного белорусского населения стала пугать и организация сестричества при кафедральном соборе в Гродно и особенно устройство разговен для беднейшего православного населения. В сем же году гродненские полонизаторы стали проявлять интенсивную деятельность по полонизации богослужений в местном кафедральном соборе. Они добивались ранних литургий на польском языке для учащихся православного исповедания; особенную ревность в этом деле проявляли: директорша государственной женской гимназии (что находится по улице Доминиканской возле скверика и магистрата) госпожа Недзвецкая и под ее влиянием гродненский староста Валицкий, которые по сему

делу лично обращались к епископу Савве, препятствовавшему введению польской литургии (православной) в кафедральном соборе ввиду крайне отрицательного отношения к сему подавляющего большинства верующих православного исповедания и самого настоятеля. Дело это так ничем и не кончилось, потому что первого сентября по новому стилю началась польско-немецкая война, и уже первого сентября в шесть с половиной часов утра над Гродно пролетело три немецких аэропланов, которые бомбардировали Гродно, сбросив около 40 (сорока) бомб большой силы. Во время первого налета аэроплана немецких сильно были повреждены: по-иезуитский фарный костел на углу Бригитской улицы и плаца Батория. Был пробит насквозь главный купол костела, разрушено каменное крыльцо и часть стены со стороны улицы Бригидской, а внутри полностью разрушен один из важных алтарей, сильно исковерканы с южной стороны железные окна костела. Несколько немецких бомб упало на плацу Батория, одна бомба упала возле стены восточной трехэтажного дома Софийского Братства, много бомб брошено в районе пешеходного моста, но без попаданий. Тогда же разрушены были: заразный госпиталь, один из домов терциарок, фабрика возле штаба корпуса по улице Пилсудского и др. Множество выбито стекол. Убитых и раненных было до 40 душ. Ежедневно после сего до дня 17 сентября над Гродно планировали немецкие аэропланы по два, по три и более раза показывавшиеся на горизонте. 2 и 3 сентября немецкие аэропланы бросали бомбы преимущественно в казармы войсковые, пороховые склады и другие военные поезда. Накануне войны хотя устраивались газозубежища, но они нигде не были окончены или были примитивные в частных домах. От разрушительных же бомб не было спасения в них. Газовых же бомб не бросали немцы. Население Гродно и всей столицы ежедневно было в страшной тревоге. О нормальной деятельности не могло быть и речи. В первые дни войны вся торговля была прекращена. И только из ближайших деревень смельчаки привозили и приносили различные продукты: молоко, яйца, дрова, сметану, картошку. Благодаря неправильному транспорту товары вздорожали в цене. Особенно трудно было с жирами (маслом, салом и олеем) и керосином. Много населения из Гродно выбиралось в ближайшие деревни, опасаясь бомб с немецких аэропланов, Противодействие немецким аэропланам было слабое. Во время налетов немецких аэропланов ни разу не появлялись в небе польские аэропланы для противодействия, а обстреливали вражеские аэропланы только из пулеметов и винтовок, впрочем, и в районе мостов – из зенитных орудий. С первых же дней население почувствовало преимущество немцев в войне, и среди населения стал шириться слух о быстрых победах немцев, несмотря на то, что сводки генерального польского штаба упоминали только об успехах польского оружия и замалчивали неудачи. В польском же войске, по-видимому, не все было благополучно. Вооруженное слабо по сравнению с противником, оно очень рано стало проявлять признаки деморализации. Одна воинская часть, проходя через Неман в районе Гродно, бросала свои винтовки в реку. Впрочем, массового явления сего не наблюдалось. Среди польских войск встречались большие патриоты, но что они могли сделать немцам, которые носили их беспощадно

при помощи танков и аэропланов. Из-под Варшавы доходили самые тревожные известия о ходе военных действий. Уже на шестой день войны было известно в Гродно, что варшавское правительство эвакуируется на восток – в Люблин и далее в приграничный Кременец Волынского воеводства. В Кременце правительство пробыло всего двое суток и когда узнало здесь от французского посла, что союзные Франция и Англия немедленно не могут оказать существенной помощи Польши, решило через местечко Вишневец эвакуироваться в Снятын и дальше в Румынию. 17 сентября, в воскресенье утром, по радио стало известно, что в связи с эвакуацией польского правительства в Румынию на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины (Вольнь и Галиция) вступили русские советские войска, которые уже в первый день заняли на Белоруссии город Барановичи, а в Западной Украине Здолбуново, пункты. Советские войска вступили в Гродно 21 сентября (вечером) после почти двухдневного боя с остатками польского войска и приставшим к ним добровольцами из местной польской молодежи. В промежутке между 17 и 20 сентября в Гродно находился во власти безответственных элементов, добывших себе оружие и терроризировавших все мирное население. Трудно было показаться на улице, каждого могла сразить шальная пуля. Епископ Савва (Советов), можно сказать, панически бежал из Гродно в Литву около 4 часов пополудни еще семнадцатого сентября на епархиальном автомобиле, оставив без всяких распоряжений свою епархию, а служащих духовной консистории без средств. В кассе консистории оставалось на 17. IX всего 100 злотых наличными и мертвого капитала по двум книжкам П.К.О. 1020 злотых, которые неоткуда было получить. Волей-неволей служащие консистории постепенно переставали вовсе являться на службу и начали частью выезжать из Гродно в неизвестном направлении, частью же искать службы у властей советских, особенно после того, когда вступивший в управление Гродненской епархией архиепископ Пантелеймон, бывший до того долгое время на покое в Жировицком монастыре, распоряжением своим от 12 октября ликвидировал весь состав служащих духовной консистории. Объявил о своем вступлении в управление Гродненской епархией преосвященнейший архиепископ Пантелеймон еще первого октября письмом на имя кафедрального протоиерея Георгия Воришкевича, поручив последнему организовать Церковный Совет из гродненского духовенства и наиболее благочестивых представителей мирян, поминать за богослужением имя Блаженнейшего митрополита Сергия Московского наряду с именем митрополита Даниила и имя его, архиепископа Пантелеймона, сообщив при этом, что об утверждении его, архиепископа Пантелеймона, еще в октябре отправлено ходатайство в Москву к митрополиту Сергию. От последнего ответа на это ходатайство не последовало, как видно из слов прибывшего в Гродно 9. XI делегата из Жировиц игумена Серафима, большого почитателя архиепископа Пантелеймона. За несколько дней перед праздником Покрова Гродненская духовная консистория в обширном докладе своем сообщала известные ей сведения о состоянии епархии и духовенства за время войны (т.е. с 1 сентября 1939 года до дня 7 октября). Из этого доклада видно, что в первые дни наступления советских войска несколько священников было убито местными людьми;

например, протоиерей села Шиловичи под Жировицами Андрей Куц – кандидат богословия Киевской Духовной Академии и его жена; протоиерей Якобсон из м.Зельвы, протоиерей Михаил Боровский и его диакон о.Иванов из села Лаши Гродненского уезда, священник Никандр Гаськевич из с.Щары Слонимского уезда и священник Недзведский Слонимского уезда. Немало священников оставили свои приходы и выехали в Вильно либо на территорию, оккупированную немцами. Причина – угроза со стороны местного населения (вернее, некоторой части его), не благосклонного к Церкви и ее служителям. По причине боязни расправы некоторые священники, диаконы и псаломщики перешли на другие, дальние приходы. Все законоучителя оставили свои места в школах, а в Гродно приходское духовенство стало обучать Закону Божию в школах, но к началу месяца декабря и оно вынуждено было постепенно оставлять школы. В бывших государственных организациях и гандлевом лицее Закон Божий совсем не преподавался с начала 1939/40 учебного года, и во второй повшехонской школе, что по улице Пилсудского. Из святых православных во время боев 20-21 сентября пострадала кладбищенская церковь, где выбиты почти все стекла, а от брошенной ручной гранаты между жертвенником и престолом поврежден пол, сгорела пелена на престоле, подгорело Святое Евангелие, дар бывшего архиепископа Громадского Алексия; осколками гранаты поврежден во многих местах образ Воскресения Христова на горнем месте. В кафедральном соборе еще 19 сентября во время уличной перестрелки местных безответственных элементов было выбито несколько стекол. Архиерейский дом с крестовой церковью совершенно уцелел, но за отсутствием архиерея 30 сентября был частично занят пограничным военным управлением (советским), а через месяц спустя занята была и крестовая церковь, после вынесения из нее всех святых. Впрочем, консистория еще до 29 ноября занимала свои помещения на третьем этаже архиерейского дома, а после того вынуждена была перенестись в одну небольшую комнату нижнего этажа, где помещался дворник. Архив метрический со второго этажа был перенесен в день Святого Николая 6/19 декабря тоже в комнату нижнего этажа. Строго говоря, духовная консистория как таковая перестала существовать фактически со дня 17 октября, когда было объявлено служащим ее через настоятеля кафедрального собора распоряжение Преосвященнейшего архиепископа Пантелеимона об увольнении служащих консистории. Вместо консистории архиепископ Пантелеимон учредил «Временное епархиальное управление в Гродно» под председательством настоятеля кафедрального, но это «Епархиальное Управление» фактически просуществовало только до дня 23 ноября, потому что резолюцией Преосвященнейшего архиепископа Пантелеймона от 19 ноября была назначена «Епархиальная ликвидационная комиссия» под председательством кафедрального протоиерея из оставшихся на месте членов консистории Феодора Валиковского, бывшего ранее в г.Лодзи Андрея Туровского, а также протоиерея Лавра Кляевского из Поречья, священника Собора Геннадия Моисеева и протодиакона Филиппа Рубана. Временное же Управление стало действовать в Жировицах, где на первых порах был еще 12.XI назначен единственный член его архимандрит Венедикт (Бобковский) – наме-

стник монастыря и фактический администратор епархиальных дел при престарелом архиепископе Пантелеимоне. Одним из поводов ликвидации «Епархиального временного управления в Гродно» было то, что последнее, т.е. «Временное епархиальное управление», получив распоряжение из Жировиц «помянуть митрополита Сергия Московского» (без упоминания имени митрополита Дионисия), усмотрело в нем тенденцию, посредством подчинения новой юрисдикции, отмежеваться от других иерархов Западной Белоруссии и Украины (архиепископа Александра Пинского, архиепископа Алексия Волынского и их викариев), поминавших за богослужением имя только митрополита Дионисия. Во избежание в будущем осложнившись в церковной жизни, при тяжелом вообще состоянии ее, «Временное епархиальное управление» в обширном докладе, переданном через игумена Серафима, упоминавшегося ранее, просило архиепископа Пантелеимона без согласия всех епископов Западной Белоруссии и Украины не спешить с подчинением епархии Гродненской под юрисдикцию Московского митрополита Сергия, а вопрос о юрисдикции решить «соборно», или по крайней мере в согласии с вышеназванными иерархами. Ликвидационная комиссия в 1939 году дважды заседала: 29 ноября и 6 декабря и о результатах работы 16 декабря отправила обширный протокол о состоянии б.духовной консистории и архиерейского дома в хозяйственном и финансовом отношении. Консистория не имела средств выплатить ликвидационные деньги своим бывшим служащим (числом до 23 душ), а архиерейский дом не имел возможности урегулировать свои счета и долговые обязательства, при полном расстройстве хозяйства архиерейского дома в новых условиях жизни и особенно после трагической смерти (повешение) эконома архиерейского дома Феодосия Бодасюка, последовавшей 26 октября после пережитой черной меланхолии. 8 декабря было получено письмо архиепископа Пантелеимона на имя кафедрального протоиерея с распоряжением о том, что «заведывание всеми архивами, находящимися в Гродно, и выдача метрик, других документов, а также прием денег на сей предмет, возлагаются на кафедрального протоиерея, а в помощь ему назначается протодиакон собора отец Рубан. Преосвященнейший архиепископ Пантелеимон с первых дней своего управления собирался прибыть на жительство в Гродно. С этой целью перед праздником Покрова из Гродно в Жировицы был командирован протодиакон собора о.Рубан, в обязанности которого входило сопровождать архиепископа во время пути по железной дороге. Архиепископа, однако, удерживал в Жировицах наместник монастыря, думая таким способом спасти монастырь от ликвидации. Преосвященнейший архиепископ Пантелеимон, ссылаясь на пример митрополита Иосифа Семашко, писал кафедральному протоиерею, что намерен временно оставаться в Жировицах и оттуда управлять епархией. Когда же стало ясным, что пребывание в Жировицах архиепископа Пантелеимона не спасает монастырь от ликвидации, со стороны архиепископа на имя кафедрального протоиерея стали поступать письма о подыскании квартиры из трех комнат с минимальными хотя удобствами для архиерея, о.Серафима и иеродиакона. Квартиры такой в Гродно найти нельзя было за множеством беженцев-евреев, изгоняемых с территории, занятой немцами. Трудно было уже

достать необходимые продукты для жизни в городе, потому что даже за хлебом нужно было в очередях на стуже простаивать от ночи до утра. Чаю и сахару достать было негде, масло и олей страшно вздорожали (поднявшись от 2 ? злотых за килограмм до 15-ти и даже 20-22 злотых и т.п.). Картофель, стоивший ранее 60 грошей за пуд, продавали на рынке по три злотых за пуд. За воз дров сосновых селяне спрашивали 50 злотых. Дровосеки за один метр дров спрашивали от пяти до семи злотых вместо прежнего одного злотого. Хлеб черный ржаной, стоивший перед войной 18 грошей, к концу ноября поднялся до 85 грошей за килограмм, а белый пшеничный до 2 злотых 80 грошей за килограмм. Дороговизне способствовало, кроме военного положения и расстройств транспорта, приравнение приказом командора Белорусского фронта стоимости польского злотого русскому советскому рублю.

1941 – 1942 годы

В конце 1941 года прибыл из Жировицкого мужского монастыря в Гродно на постоянное жительство архиепископ Венедикт (Бобковский) Белостокский и Гродненский и экзарх Восточной Пруссии с митрофорным протоиереем Евгением Котовичем. Прибывшие разместились в церковных домах по ул. Грандичской, №2. В правом флигеле – владыка, в левом – протоиерей Котович; там же была устроена канцелярия епархиального управления. Первым членом епархиального управления состоял протоиерей Котович, вторым – настоятель собора митрофорный протоиерей Георгий Боришкевич, секретарем Иван Лукич Рей и служащими: М.А.Миловская, О.Г.Стефанова и О.Д.-Водницкая. Личным секретарем Архиепископа – Мещерский. Епархия имела 172 прихода.

1943 год

В 1943 году протоиерей Боришкевич принял монашество с именем Григория и возведен в сан архимандрита. В этом же году состоялась поездка архиепископа Венедикта и архиепископа Григория в г.Вену, где последний был хиротонисан во епископа Гомельского и Мозырского. По возвращении владыки в Гродно, епископ Григорий остался на прежней должности настоятеля.

1944 год

В июне месяце стало ясным, что немцы оставят Гродно. Об этом свидетельствовало их паническое отступление из Белоруссии. Непрерывно днем и ночью по улицам города мчались автомобили с немецкими солдатами и офицерами, отступали конно и пеше изнуренные и запыленные воинские части; везли пушки большого и малого калибра, двигались танки, шли бесконечные обозы с беженцами.

В начале июля с приближением к Гродно Красной Армии, владыка Венедикт и Григорий эвакуировались, наметив себе г.Сосновец. С епископом ехали: личный секретарь владыки Венедикта-Мещерский и служащая епархиального управления М.Миловская. Все гродненские священники и диаконы остались на месте: митрофорный протоиерей Феодор Валиковский (настоя-

тель собора), протоиерей собора Г.Моисеев, регент архиерейского хора священник Федор Выборнов, протодиакон Филипп Рубан, диакон Алексей Ритарчук, член епархиального Управления Е.Котович, священник женского монастыря протоиерей Никита Томчук, настоятель Евгений Занеманской церкви протоиерей Павел Доморацкий и диакон Владимир Амброжейчик.

Немцы, оставляя Гродно, подожгли некоторые здания, повредили машины электрической станции, водокачку, взорвали железнодорожный и пешеходный мосты через Неман. Шестнадцатого июля советские войска вступили в Гродно. Немцы укрепились на другом берегу реки и оказывали упорное сопротивление. Под непрерывным пушечным обстрелом город находился в течение недели, после чего неприятель вынужден был отступить.

В результате военных действий (бомбардировки и артиллерийского огня) некоторые дома были разрушены и повреждены. Из храмов больше всего пострадал Фарный (главный) костел. Бомба попала в главный купол. В гарнизонном костеле обсыпалась черепичная крыша. На кирпиче и Занеманской церкви снарядами повредило колокольни. В нашем кафедральном соборе сорвало несколько листов жести и расщепило 2-3 стропила; выпало много стекол. В кладбищенской церкви снаружи и внутри храма обсыпалась штукатурка, снаряд пробил стену, пулями прорешетило крышу, повреждена наружная дверь, косяки; в окнах не осталось ни одного стекла.

В причтовом доме соборного духовенства (ул. Карла Маркса, 4) бомба разметала значительную часть крыши и образовала в стене отверстие (несколько метров в окружности), после чего б.квартира епископа Григория, в то время свободная, и квартира протоиерея Ф.Валиковского стали непригодными для жилья. (Спустя два месяца протоиерей Валиковский переехал с улицы Карла Маркса на ул. Горького и поселился в церковном доме №2 в бывшей квартире архиепископа Венедикта. В кладбищенском доме (каменном), где жил протодиакон, крыша оказалась в ужасном состоянии.

Благодаря заботам протоиерея Валиковского и церковного старосты И.Шимусевича, собор, кладбищенская церковь и дом на кладбище были приведены в надлежащий вид.

Когда в городе стало спокойно, в соборе возобновились богослужения. В ближайшее воскресенье был совершен благодарственный Господу Богу молебен. Прекратили поминать митрополита Пантелеимона (Рожновского). Минского и Белорусского и архиепископа Венедикта, молились за патриарха Московского Сергия¹⁴⁰.

«ЭТО МОЖЕТ ПОСЕЯТЬ В УМАХ МОЛОДЕЖИ НЕЗБЫТОЧНЫЕ МЕЧТЫ...»

Новое об элизе Ожешко

Книги замечательной польской писательницы Элизы Ожешко известны всему миру. Что же касается ее жизни и творчества, столь тесно связанных с историей приземанской земли, то здесь, несомненно, имеется немало слабоизученного, недосказанного. Еще в 70-е годы мною были выявлены архивные

материалы, косвенно подтверждающие связи писательницы с белорусским народническим и польским социалистическими движениями. При всей актуальности полученных сведений, они не были опубликованы по одной – единственной причине – нежелания разрушать сложившиеся представления об классике польской литературы. В их основе было утверждение, что Элиза Ожешко, будучи писательницей-демократкой, сторонницей идеологии варшавского позитивизма, проповедовала вместе с другими польскими литераторами последней четверти XIX века (А.Свентоховским, Б.Прусом, Т.Сенкевичем и др.) отказ от национально-освободительной борьбы и всякого революционного движения, утверждая при этом, что добиться независимости поляки силой не могут и потому должны думать не о восстаниях и революциях, а об улучшении условий жизни под лозунгом «Знание – сила»¹⁴¹. В связи со сказанным Элиза Ожешко называла социализм «вредоносным призраком», а польскую молодежь, увлекавшуюся его идеями, заблудшей, потерявшей «правильную дорогу в жизни»¹⁴². Архивные дела о «Виленском календаре на 1879 год» и «Литовском календаре на 1882 год», а также содержание записки «О литературных и других изданиях Элизы Ожешко» позволяют увидеть и другие стороны жизни и деятельности нашей землячки.

Спустя годы, летом 2001 года, в фондах Гродненского губернского правления мною был обнаружен документ, проливающий свет на причины потери ею родового имения Мильковщина и последующего переезда в Гродно. Знакомство с ним опровергает мнения отдельных исследователей, что это имение Элиза Ожешко была вынуждена продать из-за преследований со стороны царских властей за участие в польском национально-освободительном движении¹⁴³. На наш взгляд, упомянутый документ, наоборот, свидетельствует о сочувственном отношении к писательнице со стороны гродненских губернских чиновников. Публикация вышеуказанных документов – это не только дань памяти замечательной писательнице, но и отражение естественной потребности восстановить жизненный и творческий путь Элизы Ожешко во всей их динамике и полноте.

Тексты документов даны в хронологическом порядке с заменой вышедших из употребления букв, по орфографии подлинников, с сохранением всех стилистических особенностей документов. Пунктуация – в соответствии с современными правилами.

Названия архивов даны в их современном написании.

Из «Журнала присутствия Гродненского Губернского Правления» от 23 марта 1865 года

Слушали: По ведомости о капиталах римско-католического духовенства, подлежащих оценке в Римско-Католической Духовной Коллегии, присланной при предписании Г.Министра Внутренних Дел от 29 мая 1844 года за №157 для Гродненского монастыря Бернардинок по духовному завещанию Михаила Политальского, составленному 29 января 1791 года, а явленному 1 февраля

того же года в Гродненском Градском Суде, назначено 600 рублей, обеспеченных на имение Мильковщина в Гродненском уезде с 5 % и обозначением, что подлинного завещания в монастыре не имеется. Проценты от сего капитала считаются в недоимке с 21 октября 1842 года, а взыскание каковыми предписываемое было Гродненскому уездному полицейскому управлению, которое, описав движимое имущество в имении Мильковщина за процентную недоимку, следующую с 1862 года от капитала, принадлежащего Гродненскому монастырю Бонифратров (1500 рублей) и отделенному тоже в казну, и за процентную недоимку, следующую с 1842 года Гродненскому монастырю Бернардинок от суммы 510 рублей, отделенного в состав вспомогательного капитала, римско-католического духовенства и подлежащей отсылке в Коллегию в количестве 730 рублей, – опись с оценкой представила на предмет продажи 3 ноября 1864 года.

Между тем, владелица имения Мильковщина помещица Елизавета Ожешко обратилась с ходатайством к Г.Губернатору (Ивану Николаевичу Скворцову – В.Ч.) с просьбой о предоставлении ей рассрочки уплаты нарощих процентов (730 рублей) от суммы, следующей Гродненскому монастырю Бернардинок на три года, приняв во внимание: 1) что накопление сей недоимки произошло не по ее вине, а по вине бывших опекунов во время ее малолетства, которые, пользуясь послаблением полиции, недоплачивали проценты, и 2) что выручаемые доходы с имения преимущественно обращаются на уплату контрибуции (за участие владельцев имения в восстании 1863 года – В.Ч.) и других государственных не терпящих отлагательства недоимок, – от подлежаще же доправляемого капитала ее освободить. За сим по донесению Гродненского уездного суда от 12 сего марта за №292, срок на продажу движимого имущества помещицы Ожешко назначен на 15 апреля сего года.

Приказали: Ходатайство помещицы Гродненского уезда Елизаветы Ожешко о рассрочке уплаты процентов от капитала 510 рублей Гродненского монастыря Бернардинок, отделенного в составе вспомогательного римско-католического духовенства, сообщив на распоряжение в Римско-Католическую Духовную коллегию, прося о последующем уведомлении. А как на имение Мильковщина для Гродненского монастыря Бернардинок по духовному завещанию Михаила Политальского 1791 года показано 600 рублей, но в ведомости г.Министра Внутренних Дел, присланной 29 мая 1844 года за № 1574 обозначено, что духовное завещание в монастыре не отыскано, при взыскании какового капитала и процентов, сходно предписанию г.Министра Внутренних Дел от 31 декабря 1862 года за № 1723 нужно предъявить владелице – долговой документ, то поэтому просить Римско-католическую Духовную Коллегию о присылке Губернскому Правлению подлинного завещания Политальского на означенный капитал для предъявления помещице Ожешко, о чем дать знать Гродненскому уездному суду и Гродненскому уездному полицейскому управлению для объявления помещице Ожешко с тем, чтобы взыскать с нее за употребленную в сем Правлении по настоящему делу вместо гербовой простую (4 листа) бумагу (1 рубль 60 копеек) с обращением денег в казну.

О каковом взыскании Гродненскую Казенную Палату уведомить и отметить по книге Правления.

За Вице-Губернатора расписался
Старший Советник (подпись неразборчива)

26 марта 1865 года

Национальный исторический архив Беларуси (г.Гродно).
Ф.2. Оп.38., Д.626., Лл.754-757.

Дело «О Виленском Календаре на 1879 год» Иосифа Юревича

Из переписки Начальника Варшавского Жандармского Округа с Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором (21 октября 1878 года)

При обыске, произведенном 13 сентября 1878 года в Варшаве, в квартире мещанина Николая Пospelова¹⁴⁴, обвиняемого в принадлежности к социально-революционной пропаганде, в числе вещественных доказательств была отобрана посылка, данная Пospelову Эвелиною Бодовскою для доставки в Вильно.

В посылке этой заключались: рукописи на польском языке (имеется в деле), озаглавленная «Виленский календарь на 1879 год» Иосифа Юревича, с подписью о разрешении печатания этой рукописи цензурою и печатью Варшавского цензурного комитета, а также письмо Э.Бодовской к некоей Данилович, в котором высказывается радость по случаю пропуска цензурой статей календаря, возбуждавших наибольшие опасения Э.Бодовской и насмешки над оплошностью цензора.

Из рассмотрения календаря оказалось, что он составлялся с очевидным намерением познакомить читателей со сведениями, о которых так хлопочут социалисты, так, например: в отделе статистическом встречаются следующие места: на стр.40 – «Во Франции людей, способных к труду, 52,93 % всего населения, в Англии гораздо менее – 47,32 %, что следует приписать дурному устройству фабрик, эксплуатации рабочих и крайней населенности некоторых фабричных городов»; на стр.44 – «средняя продолжительность жизни в Англии для состоятельного дворянина 44 года, а для работника 22 года», и далее – «у нас нет точных сведений о нашей стране, но подобное же отношение должно существовать и у нас, если посмотрим на ремесленников, обед которых в скоромные дни состоит из хлеба и воды, смешанной с травой, а в постные – из селедки, и которые молоко и масло считают лакомством. После дневного труда они отдыхают в сырой и темной комнате, где вдыхают в себя с сырым воздухом чахотку, водянку и отпуск на тот свет».

В отделе о финансах говорится, что долги всех государств простираются до 3-х миллиардов, из коих только 12 % идет на производительные расходы, остальное же поглощено войнами и военными бюджетами.

В отделе беллетристики помещен рассказ под заглавием «Как люди устривают свои дела», развивающий мысль о пользе и необходимости земледельческих и иных ассоциаций.

Ввиду предосудительности календаря производящий дознание о социальной пропаганде в Варшаве постановил выдать его издателю не иначе как через управление Виленского генерал-губернатора. Из расспросов Бодовской оказалось, что упомянутый календарь передан ею Поспелову по просьбе издателя Юревича, находившегося тогда в Париже, для передачи матери последнего, живущей в Вильно, и направлен к книгопродавцу Блюмовичу, предполагавшему заняться печатанием календаря.

Из письма писательницы Эвелины Бодовской к Данилович Вильно (без даты)

Посылаю Вам календарь с великолепной подписью: «дозволено цензурою» и приложенною под этим печатью. Посылаю с радостью, потому что относительно пропуска половины статей я сомневалась. Между тем, если не считать нескольких невозможных даже для умственного развития цензора статистических заметок Юревича и моего стихотворения «О горе», все остальное прошло. Особенно меня радует труд Тэроки – очень радует и хорошо, что ослы встречаются не только в конюшне, – стихи зачеркнуты весьма нахально, а труд Тэроки оставлен...¹⁴⁵.

Из показаний писательницы Эвелины Бодовской, данных в Варшавском жандармском округе (14 сентября 1878 года)

Зовут меня Эвелина Николаевна Бодовская, 35 лет, вероисповедания римско-католического. Живу в Варшаве, средства к жизни: средства мужа, а также литературные занятия. Дворянка. Родилась в Калишской губернии.

Летом этого года я провела 6 недель в имении князя Витгенштейна «Верки», в нескольких верстах от Вильно, у знакомой моей Хелминской, сын которой служит у князя. Была я там ради здоровья детей, до этого в Вильно я ни разу не была. У Хелминских я познакомилась с Юревичем; кажется, технологом, который просил меня выхлопотать в Варшаве из цензуры выдачи одного календаря, который должен был быть издан в Вильно его знакомым книгопродавцом Блюмовичем, и календарь этот передать лицу, которое явится ко мне и перевезет его в Вильно. Потом, когда я уже исполнила эту просьбу, здесь, в Варшаве, на прошлой неделе, дня не припомню, ко мне явился какой-то молодой человек, по-видимому, литвин, дурно говоривший по-польски (Н. Поспелов – В.Ч.) и спросил про календарь, говоря, что лицо, которое

должно его отвезти, скоро уезжает, и потому поскорее ему нужно передать календарь.

Будучи предупреждена, я отдала ему календарь и письмо на имя Васютинского. Адресовала я письмо и посылку на имя последнего – человека мне мало знакомого, потому что Хелминский, на имя которого, собственно, должен был быть отослан календарь, живет в нескольких верстах от Вильно, а потому лицо, отвозящее календарь, которое, как я поняла из слов пришедшего за календарем молодого человека, должно было быть в Вильно проездом, не имело бы возможности передать Хелминскому посылку. Блюмович, лицо, приходившее за календарем, и лицо, долженствующее отвезти последний в Вильно, мне совсем не знакомы [...]

Из показаний Эвелины Бодовской, данных в Варшавском жандармском округе (23 сентября 1878 года)

23 сентября 1878 года в дополнение к предыдущему Бодовская показала, что, будучи у Хелминских, она через молодого Викентия Карловича Хелминского познакомилась с кружком лиц, известных последнему по его литературным занятиям. К кружку этому принадлежали: некто Юревич; Терезия Закревская, проживающая летом у своей матери в Вильно, осенью же собирающаяся ехать в Петербург для занятий медициной; Густав Волк, имеющий в Вильно книжную лавку и осенью собирающийся отправиться в Ригу для поступления в техническое училище; Мария Станишевская, Антуанетта Данилович (Данилевич или Даниловская), как кажется, дочь какого-то обывателя Литвы, служившая приказчицей в одном из виленских магазинов. Со всеми этими личностями она встречалась по нескольку раз, за исключением Густава Волка, которого вовсе не видела, а слышала о нем от других. В издании календаря были заинтересованы все члены кружка, а также писательница Элиза Ожешко. По возвращении Бодовской в Варшаву тот самый человек, который впоследствии взял у нее календарь (Н.Поспелов – В.Ч.), доставил ей из Вильно три статьи за подписью «Тэроки» (псевдоним Терезии Закревской), вошедшие в состав последнего: «Статистические исследования» и статья под заглавием «Беседы с крестьянами в сельском кружке», остальные статьи были составлены уже в Варшаве, частью ею, частью ее знакомыми.

Молодого человека (в письме он упоминается как «Молодой П») она видела в Вильно в магазине, где служит Данилович. Упоминаемый в письме Густав В. и Мария – суть Волк и Станишевская; госпожа М. – есть Миллер, жена плотника, содержащая меблированные комнаты в Риге, и с которой она случайно познакомилась на железной дороге, а потом через своих виленских знакомых рекомендовала Волку. «Корвин», упоминаемый в письме – литературный псевдоним Викентия Хелминского.

Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор
Министру Внутренних Дел (11 октября 1878 года)

Ознакомившись с материалами дела об издании «Виленского Календаря на 1879 год», смею утверждать, что составителем календаря является бывший студент С.-Петербургского университета Иосиф Юревич, который был одним из главных деятелей образовавшегося в Вильно тайного кружка молодых людей, с целью распространения в крае противоправительственной пропаганды, и что с 23 апреля 1875 года он был отдан под бдительный надзор полиции. Кроме него, эти же действия были произведены к М. Станишевской и Т. Закревской. Сколько ввиду этого, столько же и по содержанию предполагаемой к изданию книги, я признаю совершенно неудобным выпуск ее в свет [...]

Центральный государственный исторический архив
Литвы (г. Вильнюс). Ф. 378, 1878, Д. 131, Лл. 7-8, 11-12, 139, 144.

Дело о «Литовском Календаре на 1882 год» писательницы Элизы Ожешко

Начальник Варшавского Жандармского Округа директору
Департамента Полиции (3 ноября 1881 года)

Несколько лет тому назад было замечено, что некоторые сочинения предосудительного содержания в польском патриотическом духе или с социалистическим направлением, предназначавшиеся к распространению в Северо-Западном крае, направлялись для разрешения к печатанию в Варшавский цензурный комитет. Это странное явление, подтвердившееся несколькими фактами, многие объясняли существовавшей тогда строгой цензурой в Вильно. Так, в сентябре 1878 года, во время еще служения Вашего в Варшаве, при производившемся тогда дознании о социалистической пропаганде в здешнем крае, был обнаружен совершенно готовый к изданию и уже разрешенный Варшавским цензурным комитетом к печатанию «Виленский календарь на 1879 год», сочинения Иосифа Юревича, найденный при обыске в квартире у привлеченного к сему дознанию мещанина Николая Поспелова. Социалистическое направление нескольких статей этого календаря было причиной, что производивший упомянутое дознание подполковник Гохфельт передал этот календарь на рассмотрение Виленскому генерал-губернатору, а тот Министерству Внутренних Дел, которое ввиду неблагонадежности составителя календаря и вредного направления этой книги признало необходимым не допустить ее печатания.

Сейчас же, по-видимому, условия цензуры в Вильно изменились. В числе появившихся в Варшаве календарей на будущий 1882 год обращает на себя внимание «Литовский календарь» на польском языке, впервые изданный в

Вильно с разрешения цензуры известной своей литературною пропагандою Элизой Ожешко.

Большая часть этого календаря заключается в его литературном отделе, составляющем, по-видимому, главную цель издания, ибо сведений, обычно помещаемых в календарях, в «Литовском календаре» весьма немного. Все статьи литературного отдела отличаются крайней тенденциозностью, с очевидной целью воскресить понятие о единстве Литвы и Польши и возбудить ненависть против России как посторонней силы, разъединившей две родные нации.

В статье самой издательницы о польской литературе проводится совершенно явно мысль о неразделенности развития умственной жизни литовского (и надо полагать белорусского – В.Ч.) народа с развитием цивилизации польской, что доказывается самым названием этой статьи: «Z dziejow ríwnienictwa» («О нашей письменности»). На стр. 18-й, перечисляя города, в которых зарождалась письменность, Ожешко сопоставляет Краков с Вильно, Пултук с Ковно, Брест-Литовск с Познанью как города одной и той же земли. Существование отдельного литовского языка, по-видимому, совершенно отрицается Ожешко, ибо она признает его однородным с польским и даже утверждает, что польский язык был в Литве народным (национальным) языком. Слово «наше» употребляется госпожой Ожешко одинаково для обозначения всех сторон как литовской, так и польской жизни.

На стр. 33-й некая госпожа Косялковская, говоря о Виленском университете, вспоминает о том духе, который был характерен для молодежи этого заведения в прошлом и который «благодаря Богу, не имел ничего общего с несчастными бреднями, так часто в последнее время нарушающими порядок к несчастью, появляющимися иногда в среде нашей молодежи (социализм – В.Ч.), но как навеянные чужим воспитанием (российским – В.Ч.), ибо человек, как и растение, развивается нормально только на родной почве».

В статье неизвестного автора об общественной жизни под заглавием «Kartka z dziejow spolecznych» («Страницы истории общественной жизни»), посвященной уничтожению рабства, причем после краткого очерка о постыдности рабства сделан длинный перечень польских писателей, общественных деятелей и магнатов, будто бы оказавших благодеяния крестьянам в Литве и Польше. «Эти, хотя и единичные усилия облегчить участь крестьян, – рассуждает далее автор статьи, – говорят и свидетельствуют о том, что Польша вовсе не была адом для крестьян, как это думают некоторые».

Затем, перечисляя основные вехи в уничтожении рабства, автор относит эту эпоху для Польши к 1805 году, для России – к 1861, а о 1864 годе (времени проведения на польских землях крестьянской реформы – В.Ч.) совершенно умалчивает.

Даже стихи, помещенные в календаре, не лишены тенденциозности. В сатире г-на Железняка под заглавием «Nieugktońż zasad» («Твердость убеждений») на стр. 15 автор так изображает убеждения испорченного молодого человека, который и служит предметом сатиры: «Толковал мне дядя, что следует любить отчизну, веру, язык, семейные предания... Низко кланяюсь! Никто

уже теперь в эти глупости не верит! У меня вовсе нет охоты познакомиться с заключением или с изгнанием».

Судя по простому языку (популярному), которым изложены все статьи «Литовского календаря», следует предположить, что эта книга предназначена преимущественно для низших сословий, в среде которых ее влияние может быть особенно вредным, почему я счел долгом сообщить Вам об этом вредном издании¹⁴⁶.

Записка Министерства Внутренних дел «О литературных и других изданиях Элизы Ожешко»¹⁴⁷

В августе 1879 года Виленским губернским начальством было разрешено дворянке Гродненской губернии польской писательнице Элизе Ожешко в компании с дворянином Степаном Романовичем и дворянкою Александрою Монюшко, под ответственность Ожешко, открыть в Вильно книжный магазин и библиотеку для чтения, под фирмою «Элиза Ожешко и К^о» и производить в ней торговлю книгами на всех языках, кроме еврейского, а в библиотеке для чтения держать книги русские и на всех иностранных языках, кроме польского.

Вскоре после открытия означенного заведения Э.Ожешко, не довольствуясь одной книжной торговлей, стала выпускать в свет и собственные издания, исключительно на польском языке, печатаемые в г.Вильно в типографии Блюмовича. Так, в обход местных распоряжений и вследствие цензурных недоразумений, она успела выпустить в свет два польских календаря: Литовский и Виленский, не лишенных по своему содержанию политической тенденциозности; равным же образом ею выпущено литературно-юмористическое издание под псевдонимом «Алфавит». Несмотря на неоднократные предупреждения, она продолжает помещать в витринах магазина объявления на польском языке, разные картинки и экстампы, изображающие известных польских полководцев и других исторических деятелей, а также изображения разных могил, курганов и т.д., имеющих какое-либо польское историческое значение.

Принимая во внимание, что все это напоминает о бывшем польском владычестве в Литве и может посеять в умах польского населения, особенно молодежи, несбыточные мечты, – Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор признает в настоящее время совершенно необходимым книжный магазин и библиотеку закрыть, писательницу Ожешко взять под гласный надзор полиции на три года, а главного руководителя издательской деятельности Викентия Хелминского выселить из пределов Северо-Западного края [...].

Государственный архив Российской Федерации
(г.Москва). Ф.102, 3-е делопроизводство, 1885., Оп.81., Д.996., Лл.10-11, 19.

«В ГРОДНО Я ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ АВТОМОБИЛЬ, УСЛЫШАЛ ГРАММОФОН И ПОЗНАКОМИЛСЯ С ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ ОСВЕЩЕНИЕМ...»

Подготовка к празднованию в 2002 году 200-летнего юбилея основания Гродненской губернии вызвала повышенный интерес не только у историков-исследователей, но и у потомков тех людей, которые донесли до нашего времени воспоминания о нашем городе на рубеже XIX и XX веков. В конце юбилея из столицы Аргентины Буэнос-Айреса на мой адрес пришло письмо следующего содержания: «Многоуважаемый Валерий Николаевич, очень приятно было получить Ваше письмо и открытку с замечательным старинным Коложским храмом. К сожалению о Гродно, я ничего не знаю, если не считать только того, что мой отец мальчиком жил там 3-4 года, когда его отец и мой дед – Сергей Константинович Гершельман был назначен туда начальником штаба 2-го армейского корпуса. К счастью, мой отец Александр Сергеевич написал много автобиографических очерков-воспоминаний; посылаю Вам один из них – «Детство» (полностью), дабы Вы могли сами найти в нем то, что Вас интересует. От души желаю Вам успеха в Ваших изысканиях и в праздновании 200-летнего юбилея Гродненской губернии. Да хранит Вас Господь Бог и да поможет Вам во всех благих начинаниях. Мария Гершельман».

От себя добавлю, что автор письма много лет сотрудничает с выходящей в Аргентине русской газетой «Наша Страна», основанной нашим земляком, замечательным философом и публицистом Иваном Лукьяновичем Солоневичем (1891-1953). Дед Марии Гершельман, он же автор присланных мне воспоминаний, также А.С.Гершельман был офицером, участником первой мировой и гражданской войн, после чего жил в миграции. Он являлся автором ряда публицистических очерков и воспоминаний. Умер в Буэнос-Айресе в 1977 году. Спустя 20 лет, в 1997 году, в Москве была издана его книга «В рядах добровольческой Северо-Западной Армии». В выборочно публикуемых воспоминаниях А.С.Гершельмана упоминаются имена П.А.Стольпина, М.М.Булгак (Бартеновой) и других гродненских исторических деятелей; весьма интересны и бытовые зарисовки из жизни тогдашнего губернского города.

Александр Гершельман. Гродно. Из детских воспоминаний 1898–1903 годов

«Мои первые воспоминания относятся ко времени проживания нашей семьи в Пскове, где отец командовал 93-м Иркутским пехотным полком. Мне было тогда неполных три года, но я помню уже довольно ясно нашу квартиру, казармы полка, церковь, семейные выезды в коляске за город по большой дороге, окаймленной высокими тополями. Помню, как полк отца праздновал свой столетний юбилей: было торжественное богослужение, солдатские игры на плацу. В офицерском собрании было представление фокусника для детей, который, к нашему великому удивлению, вынимал из пустого цилиндра голу-

бя, кролика и т.д. В Пскове родилась моя младшая сестра Лидия. В этот день нас всех собрали в отдаленной от спальни матери комнате, но, наконец, вошел отец и поздравил нас с рождением «лисички-сестрички». Там я болел дифтеритом. Меня отделили от других детей. До сих пор помню, как меня мучил обыденный при этой болезни кошмар: черная кошка бросалась на меня и душила...

Наш переезд в Гродно, куда отец был назначен начальником штаба 2-го армейского корпуса, совершился весной 1898 года. Было мне тогда четыре с половиной года. Наше жилье еще не было приготовлено, и мы все лето прожили в маленьком доме-бараке, расположенном рядом со штабом корпуса. Корпусом командовал генерал-лейтенант князь Щербатов, один из основателей «Священной Лиги» – офицерской организации, возникшей сразу после убийства императора Александра II с целью охраны государя и защиты России от действий революционеров. Отец в этой Лиге тоже состоял. Она была распущена в начале нового столетия. Во время лагерного сбора князь Щербатов жил в усадьбе «Румлевка»: рядом с усадьбой строилось и наше жилище.

Зиму мы прожили в доме, во дворе Казенной палаты (на этом месте ныне находится здание облисполкома – В.Ч.), а летом мы въехали в новый деревянный дом, построенный на высоком берегу Немана. От него, по обрыву спускалась лестница к купальне; с балкона открывался вид на реку. Несколько в стороне были расположены палатки полковых лагерей, перед ними – военно-тактическое поле и форты крепости, вынесенные на левый берег Немана. Нашим излюбленным занятием было лазание по оврагам, копание гротов в их глинистых обрывах, игра в войну в лесах, окружающих наш дом. От парома по реке к нему поднималась песчаная дорога. На ней, помню, застрял автомобиль ехавшего к нам князя Друцкого-Любецкого, имение которого «Понемунь» находилось тут же за рекой. Это был первый виденный мною автомобиль. Подъем был незначительный, но машина взять его не смогла, а потому отцу пришлось вызывать взвод солдат, чтобы втянуть ее до нашего дома.

В Гродно же я впервые услышал граммофон, который привозили наши родственники Пустошкины проездом из Львова, где глава семейства Константин Павлович был русским консулом, в Петербург. Запись производилась на цилиндрических шоколадного цвета валиках. Мы пытались также сделать граммофонную запись, но из этого у нас ничего не вышло.

В бытность нашу в Гродно скончалась от брюшного тифа моя старшая сестра Евгения, которая воспитывалась в Петербурге в Екатерининском институте. В семье ее очень любили, она много занималась нами, младшими, устраивала спектакли с нашим участием и отличалась большой энергией. Утром за чаем пришла телеграмма от матери из Петербурга (выехавшей туда в связи с болезнью дочери – В.Ч.) о ее кончине.

Помню, как отец, прочтя телеграмму, закрыл глаза рукой и крупные слезы потекли между его пальцами; Женя была его любимицей. Когда я осенью 1902 года тоже заболел брюшным тифом, то все крайне встревожились, так как смерть сестры от этой болезни была слишком свежа у всех в памяти. Я болел три месяца, особенно высока была температура на праздники Рожде-

ства, когда к нам в Гродно приехали дядя Федор Константинович Гершельман и брат матери Василий Васильевич Познанский. Дядя Федя был в свое время начальником штаба Кубанского казачьего войска и почетным стариком нескольких станиц. В Гродно на праздник казаки ему прислали огромную бело-рыбицу и бочонок свежей икры. Для меня это было очень кстати, так как выздоравливал я несколько недель, питаюсь исключительно икрою.

В Гродно, как в городе, расположенном в так называемой черте оседлости, жило много евреев. Один из них по нашему приезду сюда тотчас же предложил подыскать нам квартиру. Вначале это была квартира во дворе Казенной палаты, а затем мы жили в доме с садом, принадлежавшим доктору Беклемышеву. Находится он между православным собором и военными казармами (это в районе нынешнего Дома быта – В.Ч.). В городе все лавки и магазины были еврейские, помню лишь один христианский продуктовый магазин русского старообрядца Муравьева, что напротив главного в городе костела (в доме, принадлежавшем Муравьеву, до недавнего времени размещалась областная библиотека имени Е.Ф. Карского – В.Ч.).

Начальницей женской гимназии в Гродно при нас была назначена «Мадам Булгак», как мы ее звали, Мария Михайловна, урожденная Бартенева. «Мадам Булгак» была женщиной очень энергичной и горячей русской патриоткой. Она неоднократно бывала в нашем доме, мы очень любили ее визиты к нам. Иногда после вечернего чая она брала своего любимого автора – графа А.К. Толстого и с увлечением читала нам из него: «Дружно гребите во имя прекрасного против течения...». Мы сидели вокруг стола, широко раскрыв глаза, и, увлеченные ее чтением, живо представляли себе широкий мутный поток вроде Немана после дождя, на нем ладью, сносимую течением, и гребцов, налегающих на весла... Вся раскрасневшаяся, махая своими короткими руками и сползая своим полным туловищем со стула, она с азартом повествовала нам об увиденном и услышанном. Ее рассказы, в том числе затрагивавшие ее начальствование в гимназии, всех нас сильно потешали...

Губернатором в Гродно, после мягкого и милого Батюшкова, был назначен П.А. Столыпин (это не совсем точно, ибо после Д.Н. Батюшкова на протяжении трех лет до назначения Столыпина на этот пост в Гродно губернаторствовали еще Н.А. Добровольский, В.Д. Минин и князь Н.П. Урусов – В.Ч.). Если не ошибаюсь, Мария Михайловна Булгак была назначена начальницей Гродненской женской гимназии не без протекции Столыпина. Весной 1903 года отец был назначен на новую должность в Омск, а Столыпин переведен в Саратов. Отец считался знатоком русского западного пограничья, на границе Гродненской губернии и Восточной Пруссии он ежегодно участвовал в военных маневрах. Когда освободился пост начальника штаба Виленского военного округа, об отце начали говорить как о первом кандидате на этот пост, но на него неожиданного был назначен генерал Рузский, сыгравший во время Первой мировой войны такую подлую роль при отречении Николая II-го. Отец, разумеется, при нас о делах никогда не говорил, но, помню, мать была очень возмущена тем, что отца «обошли» и тем более в пользу человека, которому не верили и не любили в армии.

Это назначение Рузского было поводом к тому, что отец вскоре принял первую появившуюся вакансию начальника штаба округа, а именно в Омске, где был штаб Западно-Сибирского военного округа. «Что же это, Сергей Константинович, ссылка в Сибирь?» – скаламбурил по этому поводу Столыпин. А отец отвечал ему в том же духе, смеясь: «Меня, Петр Аркадьевич, в ссылку, в Сибирь, а вас в глушь, в Саратов».

Наша семья покинула Гродно весной 1903 года. Последние дни нашего пребывания мы жили в гостинице, так как всю мебель из нашего дома еще раньше упаковали и отправили по железной дороге в Омск, в гостинице мы впервые познакомились с электрическим освещением, его давали лишь в сумерки, оно мигало немилосердно, но все же оно было приятнее ламп и свечей, а главное, безопаснее, – незадолго до нашего отъезда мы чуть не учинили пожар, опрокинув керосиновую лампу, и эта опасность, при нашей живости и вечных детских драках, всегда висела над головой. Поезд от Гродно до Омска шел семь дней. У нас был отдельный вагон, кроме нашей семьи, гувернантки, няни, денщика, на площадке вагона вместе с нами ехали любимые наши лошади «Чародей» и «Герольд», везли мы также пару чистокровных ангорских кроликов и десяток наших гродненских кур. Для нас, детей, эта поездка через всю Россию, Уральские горы и степи Западной Сибири была очень увлекательной и поучительной»¹⁴⁸.

«МАРШИРОВАЛИ ОТДЕЛЬНО, БИЛИСЬ ВМЕСТЕ, НО ИМЕЛИ СВОЮ ЦЕЛЬ...»

Еще лет десять тому назад ниже публикуемые материалы могли бы быть сущей находкой для тех, кто видел в революциях панацею от всех земных бед. Что же мешало обратиться к ним тогдашним белорусским историкам? Может быть, принадлежность их автора к лагерю так называемых пилсудчиков? Маловероятно, тем более, что образное признание самого Юзефа Пилсудского о своей поездке в «красном трамвае» и выходе на остановке не «Социализм», а «Неподлежность» (Независимость) уже в те годы повсеместно цитировалось. Пугало, вероятно, иное и, в первую очередь, содержание материалов, свидетельствовавших об активной деятельности ППС (Польской Партии Социалистической) в Гродно и его окрестностях в конце XIX – начале XX веков, а это как бы умаляло значение борьбы РСДРП – предтечи КПСС, за идеалы социализма на территории Белоруссии.

Замалчивание воспоминаний деятеля ППС на Гродненщине было обусловлено еще и тем, что первые белорусские политические партии БРГ (Белорусская Революционная Громада) и БСГ (Белорусская Социалистическая Громада) возникли благодаря инициативе и помощи со стороны польских социалистов¹⁴⁹, а темы этой в те годы боялись пуше огня. Кстати, сам автор воспоминаний являлся одновременно членом ППС и БСГ, правда, об этом факте своей политической биографии он почему-то умалчивает. И вообще, знаем мы о жизни и деятельности мемуариста крайне мало, а человеком он, судя по всему, был незаурядным.

Бронислав Шушкевич родился в 1879 г. в м.Свислочь Волковысского уезда. Учился в знаменитой местной, а затем в Гродненской гимназии, в Львовском политехническом институте. В 1900 – 1910 г. был активным деятелем гродненской организации ППС, членом ее рабочего комитета. Затем, скрываясь от преследований жандармов, жил в центральной России. С началом первой мировой войны вернулся в Польшу, но участия в жизни партии почти не принимал. В 1920-30-е годы работал учителем в ряде учебных заведений г. Гродно. В годы немецкой оккупации служил хранителем в местном историко-археологическом музее. В 1943 г. по подозрению в связях с подпольем Армии Крайовой арестован и отправлен в концлагерь, там и затерялись его следы.

Воспоминания Б.Шушкевича впервые были опубликованы в 1937 году в Варшаве¹⁵⁰. Настоящий их текст дается в нашем переводе с незначительными сокращениями, не искажающими их первоначального текста.

Бронислав Шушкевич **Гродненская организация ППС в 1898-1910 годах.** **Воспоминания**

О начале социалистического движения а Гродно известно немного. У истоков его находились небольшие группы молодежи и интеллигенции с университетским образованием, которые на своих сходках обсуждали общественно-политические проблемы, преимущественно русские. В 1880-е годы к одной из таких групп принадлежали доктор Вольский, адвокат Каленкевич, сестры Бонди и др. Летом 1894 г. на квартире военного врача Сергея Галюна собрались несколько представителей старшей молодежи с тем, чтобы обсудить состояние революционных дел в тогдашнем тишайшем Гродно. О мерах предосторожности никто из них, разумеется, не думал. Окна квартиры были открыты, и жандармы с дерева, что росло напротив, слышали все, о чем говорили молодые люди. После окончания нелетельноэ собрания все его участники, включая хозяина квартиры, а также студента Петра Шумова, поручика Метелица, чиновника Демьяновича. Баара и др., были арестованы.

Все члены этого противоправительственного кружка были подвергнуты различным наказаниям. Шумову после выхода из заключения в 1895 г. был запрещен выезд из Гродно для продолжения учебы на три года. Судя по всему, власти не предвидели всех последствий этого продуманного решения. За короткий промежуток времени Шумов всю свою некротимую энергию направил на организацию кружка революционно настроенной молодежи. В него входили Давид Вайс, Саша Викар, Ольга Ковенская, Раиса Фейнгенберг, Лиза Липник, Кейла Лапин и др. С этой группой поддерживали связи и некоторые представители польской общественности города – чиновники Юзефат Шимкевич и Людвик Белицкий, студент Владислав Адольф, Вскоре Шумов завязал отношения с рабочими, в результате чего образовалось несколько рабочих еврейских кружков, чтои понятно, так как в группе его преобладали евреи.

Положение рабочих было тяжелым, эксплуатация процветала, работали по 15-16 часов в сутки, плата была мизерной, о профсоюзах понятия никто не

имел, всякие собрания запрещались. Поэтому 12-часовой рабочий день здесь считали пределом желаний. Общее число рабочих в Гродно и окрестностях не превышало четырех тысяч. На самой большой в городе табачной фабрике работали 1200 – 1500 мужчин и женщин. На фабрике печатных изделий Харина было занято чуть более 200 человек, столько же было на «Неманской» фабрике ЛангБорга. В местечке Фолюш, что в трех километрах от города, в прядильне работали 130 – 150 женщин. другие фабрики имели лишь по несколько десятков рабочих.

В этой трудящейся массе преобладали евреи, меньшую часть составляли христиане, преимущественно католики. Христиане имели очень слаборазвитое национальное чувство или совсем его не имели, с точки зрения этнической это были типичные «тутэйшья».

Вначале движение рабочих носило характер чисто экономического и культурно-просветительской, но потом начали вместе читать политическую литературу, знакомиться ближе друг с другом, солидарнее выступать против работодателей, добиваясь улучшения условий труда, и т.д.

В городе чувствовался большой голод на печатное слово: журналы, газеты, брошюры после долгого путешествия по рукам возвращались грязными и растрепанными. Эта, литература, приходившая из Питера, Москвы и Киева, доставлялась студентами из местных. Благодаря близкому знакомству Шумова с Михаилом Сулкевичем начали появляться «нелегальные» издания и из Варшавы- Это были сочинения К-Маркса. Я. Млота «Кто с чего живет», А. Туна «История революционного движения» и др. Появление этих изданий в Гродно способствовало политизации рабочих и укреплению связей кружка Шумова с деятелями ППС (Польской Партии Социалистической).

Географическая близость такого центра, как Варшава, все сильнее воздействовала на гродненских социалистов. Появилась мысль о слиянии с ППС. Правда, эта мысль пробивала себе дорогу достаточно тяжело. С одной стороны, еврейская интеллигенция чувствовала неохоту к польскости, так как имела о польских делах упрощенное понятие: для них все поляки польские паны, которые в 1863 г. «не сдали экзамена», а «панская Польша» была синонимом гнета, как это вбивалось им в голову в русской школе. Это порождало такие мысли-как можно идти в одном строю с людьми, не имеющими будущего: независимость Польши- это недостижимо. Противовесом таким представлениям было молодое польское рабочее движение, близость Гродно и Варшавы, отдаленность от Петербурга и Москвы. Выразителем этих противоположных взглядов был Шумов, аргументы и убежденность выступлений которого скоротили в конце концов длительной борьбы и дискуссий всю группу.

Не меньшей преградой в объединении гродненских социалистических сфер с ППС было отношение самой ППС к работе среди непольского населения. ЦРК ППС полагал, что представители непольской национальности могут входить в состав какой-нибудь другой партии, дружественной (или сочувствующей) ППС, однако такой партии в то время в Литве не было. Тогда ППС решила создать подобную организацию и посоветовала революционерам Гродно к ней присоединиться. И действительно, вскоре такая партия была

создана. Называлась она «русская социально-демократическая партия,» во главе ее стояли пэпэсовцы Татаров и Мойша Лурье (бывший наборщик в лондонской типографии ППС). Организация эта временно размещалась в типографии ППС, которая находилась в Белостоке; в типографии работали Голда Ковенская из Гродно и Михаил Лурье, брат Мойши. Издавали там газету «Рабочее знамя», от названия которой сторонники этого объединения получили прозвище «рабочезнаменцы». Своих адептов эта партия имела в Белостоке, Гродно, Вильно, Петербурге. В Гродно из «рабочезнаменцев» следует отметить Вольфа Менкеса («Макс»), который был первым организатором кружка этого направления в Гродно, одно из собраний которого проходило «на горке» в доме Типографа по ул. Городничанской, где несколько раз Менкес рассказывал о чарттистском движении в Англии. Менкес затем был послан в Лондон за «транспатртом», но при возвращении был на границе арестован, год сидел в гродненской тюрьме, а затем был сослан в Сибирь. После выпуска трех номеров газеты, нескольких брошюр и листовок типография была в июне 1898 г. раскрыта.

В связи с раскрытием типографии были арестованы почти все интеллигенты «рабочезнаменцы» за исключением Татарова и Лурье. Несмотря на малый период существования, эта организация имела некоторый успех, объединяя сторонников политической борьбы, в то время как РСДРП пропагандировала лишь экономическую борьбу.

После этого в Гродно старались воссоздать названную партию. Шумов с этой целью ездил в Харьков и Петербург, однако эти попытки результатов не дали. В это же время на гродненской почве появились эмиссары только что созданного «Бунда». В Гродно они не нашли для себя благоприятных условий. Состояние разброда в социалистическом движении не могло не беспокоить группу Шумова, находившуюся в контексте с ППС.

1898 – 1899

Осенью 1898 г. на кирпичном заводе в Гродно состоялась нелегальная учредительная конференция. Всего в ней участвовали около 20 рабочих: Б.Гец, М.Соболь, Ф.Сольц, Л.Фарбер и другие. Из интеллигентов были Шумов и Вате. Рабочие в один голос утверждали, что считают «Бунд» организацией для еврейского пролетариата вредной. Собравшиеся постановили присоединиться к ППС. Это решение и стало началом деятельности Гродненской организации ППС. В это время в самом руководстве ППС произошли важные перемены по отношению к работе среди местных евреев. V съезд ППС, состоявшийся в 1898 г. в Варшаве, постановил издавать журналы и брошюры на жаргоне и проводить работу среди евреев, находившихся в оппозиции к «Бунду».

В эти годы организация состояла из 50–60 сознательных и хорошо подготовленных еврейских рабочих, которые были поделены на 8–10 групп, преимущественно по профессиям. Тогда же в состав организации вошел чиновник Василий Фрейман — русский из центральной России, человек начитанный и образованный, который быстро освоил и еврейский, и польский. В это время во главе гродненского рабочего комитета ППС находились Шумов и Фрейман, членами были Гец, Капульский. Вайнер, Лимони, Сольц, Фар-бар, Хируг и Штам.

В еврейской массе забурлило. Забастовали 514 рабочих фабрики Шешевского, рабочие фабрики Харина, дорожники, прачки, столяры, портные. Организация выпустила напечатанное на гектографе воззвание. Тогда же произошли первые аресты среди интеллигенции. Были схвачены КЛапин, Р.Маркус, Е.Кранц. Арестовали и Шумова, однако через шесть дней его выпустили «из-за отсутствия улики». Количество политической литературы, доставляемой из Варшавы в 1899-1900 г., доходило до 10 тыс. экземпляров. Здесь необходимо посвятить несколько слов главной фигуре социалистического движения в Гродно П.Шумову.

Петр Шумов родился 25 марта 1872 г. в Гродно, русский. Гимназию окончил в родном городе, после чего поступил в 1892 г. в Петербургский технологический институт. Там познакомился с русским революционным движением. По возвращении в Гродно в 1894 г. был арестован вместе с 10 участниками нелегального собрания и посажен в тюрьму. После освобождения он вынужден был остаться в Гродно, где как профессиональный революционер стал во главе местного социально-революционного движения.

Как случилось, что этот русский, перед которым лежала открытая дорога к успеху, должностям и богатству, сын чиновника-русификатора стал в один ряд с теми, кто стремился удалить русское правительство из края, чтобы добиться независимости Польши? Что его привело в ППС? Сантименты или амбиции, сердце или разум? Загадка. Но смело могут подтвердить все те, кто его знал от трех до десятка лет, что все особенности и качества его помыслов и души в нем было гармонично соединены.

Историю Польши, приправленную российско-муравьевским соусом, он, должно быть, знал со школьных лет. Однако критическое мышление позволило ему отделить зерна от плевел. Родившийся и выросший в Литве, Шумов жил, встречался с друзьями-поляками, видел, что ничем не отличается от них.

В Петербурге он познакомился с четырьмя братьями Янковскими, которые принимали участие в польском освободительном движении, и многими другими поляками. Благодаря этому, взгляды Шумова на польскость приобрели свою законченность. Польскость никогда не мирилась с неволей, несмотря на неудавшиеся попытки освободиться, новые поколения продолжали пестовать мысль о восстании и ликвидации ярма.

Когда в 1893 г. возникла ППС и написала на своем знамени лозунг независимости, под это знамя начали собираться массы польского пролетариата. Уничтожение капитализма и уничтожение политической неволи здесь как бы слились воедино. Польский пролетариат начал героическую борьбу не только за свои классовые, но и национальные интересы. Для Шумова этого было вполне достаточно. Свое решение он принял без колебаний: «мое место только в ППС». Но он не стал рядовой, обычной пешкой, ибо имел волю и решимость, чтобы стать руководителем. Достаточно образно высказался о нем на одном из конспиративных собраний в Гродно Андрей Немоевский, назвавший Шумова «белой вороной» среди русских, проживавших в Литве.

Условия жизни Шумова были нелегкими. Не имея еще своей семьи, он должен был содержать старую мать и вдовую сестру с четырьмя детьми. Зара-

батывал частными уроками и репетиторством, но эта работа не отражалась на уровне его идейности. Всем казалось, что этот человек не спал по ночам. - Организация рабочих и ученических кружков, профессиональные собрания, конференции, заседания, доклады, написание статей, воззваний и корреспонденций – вот круг занятий Шумова. Бывали не раз в Гродно ораторы не хуже его, но с силой его темперамента никто не мог сравниться: строго логичный и лаконичный в выступлениях, в дискуссии он был опасным по отношению к своим оппонентам. В товарищеском же кругу он был человеком милым, любимым, что отмечали даже его противники. Благодаря этим чертам характера Шумов объединял в интересах партии многих людей. В конспиративной деятельности был очень осторожный, но ответственный и решительный. Его псевдонимы «Перец», «Пейсах», «Болеслав», «Литовский», и «Петр Иванович» уже сами свидетельствовали об активной деятельности в самых различных кругах и местах. Арестовывали этого деятеля шесть раз и просидел он в тюрьмах в общей сложности четыре года.

Вот несколько зарисовок, характеризующих Шумова. В сентябре 1904 г., когда началась русско-японская война и русский флот в результате внезапного нападения японцев понес значительные потери, Шумов давал уроки у какого-то крупного чиновника. По получении этого известия, Шумов, войдя в квартиру этого чиновника, голосом, полным радости, выпалил: «Читали ли господа? Начало конца! Какую трепку задали нам японцы!», при этих словах, чиновник как бы остолбенел...

Вот такой человек стоял во главе движения в Гродно и руководил им с перерывами до 1906 года. Вынужденный перейти на нелегальное положение, он работал после выезда из Гродно в еврейской среде Варшавы и других городах Польши. В 1906 г. Шумов был вынужден выехать за границу, долго жил в Париже, где работал фотографом, доведя уровень своей работы до артистизма. В 1933 г. он вернулся в Польшу и осел на жительство в Лодзи. По возвращении был награжден правительством Крестом Независимости.

До 1901 г. Гродненская организация ППС состояла в основном из еврейских рабочих, христиан представляли только Шумов и Фрейман. С середины 1900 г. Шумов начал привлекать к нелегальной работе одного из своих учеников – Франца Игнатовича, а осенью того же года – выпускника Гродненской гимназии Бронислава Шушкевича, который оказался весьма податливым на «новинки» Шумова. Сначала эти двое брали у него для чтения социалистическую литературу, а потом приобщились и к настоящей работе. Квартира Игнатовича в доме №7 по улице Ботанической вскоре превратилась в конспиративную. Кроме того, Игнатович как человек свежий, еще неизвестный полиции, был связным между членами организации. Шумов и Игнатович руководили также двумя еврейскими кружками по изучению польского языка, так как там говорили и читали по-русски, ибо вся еврейская интеллигенция принадлежала к русской культуре.

1901

В 1901 г. вернулся в Гродно после окончания Варшавского университета и осел здесь адвокат Николай Ключевский; его квартира сразу же стала другим

центром партийной работы в городе. Все приезжавшие в Гродно члены ЦК ППС останавливались у него. Он сам начал действовать среди польской интеллигенции и учащейся молодежи. Тогда же приехал и интеллигентный ремесленник Ян Сивек, который был членом ППС еще в Варшаве; в Гродно он нашел работу и остался тут навсегда. Сивек пытался развернуть деятельность среди рабочих христиан, но безуспешно. М. Хирург познакомил его с Шумовым, а затем с Шушкевичем.

В том же году на гродненском горизонте появились две личности, которым было суждено сыграть видную роль в гродненской организации. Им были Франтишек Эйдукевич («Эдмуншд» «Марцилей») и Янина Михновская («Пани»). Эйдукевич был литовцем, слесарем, высланным административно из Риги в Гродно под надзор полиции. Некоторое время он проживал в имении Михновской Миневичи, затем немного работал на храхмальном заводе Владычанского в Волковыске, после чего опять в 1903 г. возвратился в Гродно, где начал работать на фабрике по производству папиросных гильз. Михновская – уроженка Гродненского уезда, приобщившаяся к освободительным идеям еще со студенческих лет, со всей душой и энтузиазмом взялась за партийную работу. Их этих нескольких человек возникла группа, начавшая активную работу среди польских рабочих.

Росла еврейская группа. В 1801 г. она заложила в квартире портнихи Юды Зингер партийную типографию, еврейский шрифт для которой доставали в Белостоке и Вильно, а русский принес наборщик губернской типографии Франтишек Грабовский («Онуфрий»), один из первых польских рабочих, вступивших в организацию.

В 1901 г. стали периодически приезжать в Гродно и другие члены ЦРК – Феликс Сакс («Ян»), Руткевич («Вицек») и Чарковский, которые выступали с докладами о целях и задачах ППС. Увеличилось число транспартов с литературой ППС на польском, еврейском и русском языках.

1902

После поступления в 1902 г. Эйдукевича на работу на фабрику папиросных гильз там образовался кружок. Члены его изучали основы социализма, программу ППС, а также повышали свое образование в других направлениях. В этот кружок входили слесари Болеслав Зеняева, Исидор Фиалковский, Адам Пушкевич, Станислав Иванишкевский, какое-то время Ян Войско, затем наборщик губернской типографии Франтишек Грабовский. Собрания проходили преимущественно у Зенявы (ул. Фабричная), иногда у Пушкевича (ул. Виленская). Работа в кружке основывалась на чтении и комментировании брошюр, оговаривались также текущие дела, общие экономические и политические вопросы, читались газетные статьи из рабочей и общей печати. После этого обсуждались вопросы из области природы. Рабочие отличались огромной жадностью знаний, стремились, чтобы собрания проходили как можно чаще. Скоро начали собираться по два раза в неделю. Пропагандистскую работу проводил Шумов («Болеслав»), общеобразовательную – Шушкевич («Стефан»). Вскоре, благодаря стараниям Эйдукевича и при помощи членов кружка, был образован новый кружок, который собирался на квартире Алексейчика

по Иерусалимскому переулку. В его состав входили Григорий Алексейчик («Ян») с фабрики Харина, Петр Алексейчик, кафельщик; Михаил Станиславович с фабрики Харина; Эдвард Кондрасюк («Монтек»), столяр из мастерской Баума; Иосиф Петельчиц, наборщик; Сенкевич и Адам Алексейчик.

Через месяц образовался третий кружок, который собирался у братьев Игнатовичей (Казимира и Юзефа) по ул. Подольной над Неманом. В этом кружке пропаганда проводилась также как и в первых кружках. Частые отъезды Шумова, разнородность и масса другой партийной работы, включая и отражение атак «Бунда» и, наконец, его арест в 1902 г. не позволили ему систематически участвовать в этих собраниях. Поэтому его проведения занятий часто заменял Шушкевич.

Благодаря этим кружкам идеи ППС стали пропагандироваться и на других предприятиях. Странников ее было не так уж много, но зато это были люди надежные, поэтому вплоть до 1914 г. удавалось избегать внутренних провокаций. В это время в его состав ППС вошли рабочие из кафельной мастерской «Станиславо» (Гуго и Александр Ковальцы, Антон Рутковский), фабрики Харина (Мартин Бальцер, Г. Алексейчик, М. Станиславчик); губернской типографии (Вацлав рутковский, Роман Квитко), присоединялись и ремесленники (каменщики, портные, рыбаки и др.).

В 1902 г. прибыли в Гродно под надзор полиции два еврейских товарища Давид Перльмутер («Лялька») и Юцель Коренблит («Игнат»). Они сразу же внесли в организацию новый настрой. Благодаря им у нас стали популярными песни «Красное знамя», «Варшавянка» и др. Не раз «Лялька» декламировал стихи Конопницкой, он быстро завязал знакомство с Элизой Ожешко и начал получать из ее библиотеки книги для еврейских рабочих, стремящихся познать польскую литературу.

Конспиративных квартир для работы было уже несколько. Одна из них принадлежала сочувствующему ППС Людвигу Белецкому, жившему в конце Саперной улице (сейчас угол Нарutowича), где на собраниях бывало от 15 до 20 рабочих, и к которым приходили Шумов и Ева Хвилицкая. В этой же квартире осенью 1902 и 1903 г. был склад белорусской и польской нелегальной литературы, а также бланки и печати. Затем склад этот перекочевал к Яну Немеро в дом у железнодорожного моста.

В этом же году на квартире учителя Пушкинской школы, эстонца Владимира Томассона (ул. Бригитская, дом №42) проходил съезд еврейской организации ППС со всей Польши, при участии представителей ЦРК Ф. Сакса («Ян») и Макса Горвица. Итогом работы этого съезда явилась организация партийной типографии сначала в Люблине, а затем в Бресте и Минске. Между двумя частями организации (еврейской и польской) существовало единство.

1903

Темп партийной жизни все возрастал. Множились стачки. Рабочие стали понимать значение солидарности. Появилась потребность в организации какого-нибудь массового выступления. Пробой такой манифестации были похороны 2 марта доктора Бенецкого, который хотя и не был социалистом, но все в городе его уважали и чтли за сердечность и внимание к бедным. В

похоронах приняли участие тысячи горожан не взирая на взгляды и национальности, в том числе несколько сот рабочих. После погребения Казимир Игнатович по знаку Эйдукевича выкрикнул: «Долой царизм!», что явилось сигналом к шествию по улицам города.

Настоящая манифестация в конце марта состоялась у стен городской тюрьмы в знак протеста против издевательств над заключенными. В ней участвовало около сотни рабочих, которые выкрикивали лозунги и пели революционные песни. Хотя демонстрация и длилась несколько минут, для Гродно это было впечатляющее событие, с другой стороны, она подняла на ноги весь жандармско-политический аппарат. Начались аресты.

1 мая организация отмечала в лесу за д.Пышки. Это было первое своего рода рабочее празднество. Лодками или пешком прибывали люди сюда со всего города. Состоялось несколько выступлений о путях достижения независимости, о рабочей солидарности. Выступали Эйдукевич и Шумов, затем были декламации и пение революционных песен. Сразу после маевки Эйдукевич был арестован. В тюрьме он пробыл до поздней осени, а затем был выслан административно в Олонецкую губернию.

В 1903 г. Гродно состоялся II съезд еврейских рабочих – членов ППС. На нем присутствовали около 60 делегатов из Королевства Польского и Литвы. Тогда же начинается распространение партий своего влияния и на околицы города – Индуру и Крынки. Развивается работа среди интеллигенции и учащейся молодежи. Ее характер, подобно работе среди рабочих, был пропагандистско-образовательным, однако не более высокого уровне. Руководили этим кружком адвокаты Николай Ключевский, Казимир Гедройць и Петр Шумов.

Названные адвокаты занимались также сбором средств на партийные цели, предоставляли свои квартиры для конспиративных встреч, здесь часто выступали А.Номоевский, Перль, Каятэк, Серожевский и др. Для таких же собраний свои помещения предоставляли гродненцы Загорские, Врублевский, Матушевекая, Кузьмицкая, Сорока.

1904

Начало русско-японской войны придало нашей работе большой подъем, началась пора «тоски и радости», в ожидании ненавистной России. Рабочие скрывали афиши и плакаты, призывавшие к сбору пожертвований (Зенява, Фиялковский, Пушкиевич). Свой протест против спаивания призывников выражали битьем окон «монополек», оставляя там записки, поясняющие, кто и для чего это делает.

К этому времени появляются в организации новые члены из университетской и гимназической молодежи – Станислав Нелюбович, братья Трусовские, Владислав Матушевский, Александр Дьяконов и Михаил Панкевич. Станислав Нелюбович и Станислав Трусовский – студенты Варшавского ветеринарного института – организовали кружки среди наборщиков, прачек и мелких чиновников, среди гимназистов. Дьяконов («Саша») – ученик гимназии, сын русского чиновника, под влиянием Шумова и Фреймана сначала работал среди коллег – русских евреев, а потом выступал и на рабочих собраниях (еврейско-христианских), где можно было выступать по-русски. Владис-

лав Матушевский – студент-юрист и Михаил Панкевич – сын помещика из-под Гродно, ученик 5 кл. гимназии (1904 г.) проводили занятия с подростками в губернской типографии. Они же занимались доставкой «бибул» (нелегальных изданий) из Белостока, от сестер Никольских, а также из Вильно и Ковно.

1 мая было торжественно отмечено во всем городе. Огромное агитационное значение имела маевка в Пышках. Силы организации росли, а еврейская часть ППС в Гродно была значительно сильнее «Бунда». Участились приезды партийных функционеров из Варшавы.

В это же время организация начала издавать газету «Звястун Вольности», которая выходила также и по-русски («Вестник Свободы) для не умеющих читать по-польски горожан и для населения в околицах города. Целью «Вестника» было информирование о революционном движении, преимущественно российском. Здесь же помещались вести из социалистических газет «Искра», «Революционная Россия», «Освобождение» и др. Газета выходила по мере накопления интересного материала. Она имела размер писчего листа и печаталась на гектографе, так как типография в это время функционировала слабо, а в 1905 г. была раскрыта жандармерией. «Вестник» выходил в 1904-1905 г., последний номер увидел свет 18 октября 1905 г.

В связи с открытием в Вильно памятника Екатерине II, ученики мужской гимназии, находившиеся под влиянием ППС, сорвали собрание пот случая этого «патриотического торжества», разбив окна и пустив в помещение гимназии сероводород, за что шесть учеников были исключены из гимназии.

В 1904 г. в стенах гродненской тюрьмы «гостило» много «политических» как из Гродно, так и с других мест – Белостока, Крынок, Слонима и др. Против злоупотреблений тюремных властей (вести об этом проходили через стены) организация решила в знак протеста провести демонстрацию. В один из дней второй половины августа по сигналу трубы рабочего Голуба у тюрьмы собрались около 300-400 рабочих, был поднят над толпой флаг ППС, подброшено вверх несколько листовок, зазвучала песня «Красное знамя». После чего колонна двинулась, однако перед Ивановской улицей ее остановила полиция. Были арестованы Шушкевич не принимавший участие в деятельности ППС студент Вольский. Последнего выпустили на третий день, а Шушкевича – через 4 месяца.

В конце весны, а может быть, летом, была создана нелегальная типография в квартире Михновской («Грани») по ул. Песочной (ныне ул. Рыдз-Смиган). Здесь должны были выпускать брошюры и воззвания по-белорусски. Для крестьян-католиков в организации имели польскую литературу, которую последние охотно брали и читали, а тут речь шла о православных в селах, находившихся под влиянием попов и народных школ и не умевших читать по-польски Михновская перевела три наших брошюры на «простой» язык. К организации этой типографии были причастны такие выдающиеся деятели, как Прыстор и Славек. В качестве хозяйки типографии находилась «Резниковская» (Перль), жена бывшего редактора «Работника». В ночь под Рождество типография была раскрыта, Михновская арестована, но через несколько месяцев выпущена по амнистии. К сожалению, сразу же она и умерла в июле 1906 г. Похоронили ее в Лунно Гродненского уезда.

1905

Наступил 1905 г. Расстрел рабочих в Петербурге взбудоражил весь гродненский пролетариат. Возращение студенческой молодежи подлило масло в огонь, возросло число агитаторов, что позволило расширить деятельность организации на селе, в ближайших местечках, а также в армии и среди чиновников.

Весь период 1905 г. до весны был заполнен стачками. Длились они день-два и обычно заканчивались победой. Только на фабрике Харина растянулась на целую неделю, но и там она закончилась победой рабочих. Большую роль в этой акции сыграла Хвилицкая, которая все время находилась среди бастующих. Наши «акции» проводились на ул. Ожешко, напротив почты, а также за городом, где среди других ораторов часто выступал Дьяконов («Саша»).

Внезапно, накануне 1 мая, были арестованы Хвилицкая, Шушкевич, К. Лапин, Капульский. Жандармы в ходе арестов также наткнулись на конспиративную квартиру Франца Игнатовича, где как раз печатали на гектографе воззвание (Трусковские, Липник, Кранс). Чудом успел уйти делегат ЦРК «Юлиан» (Станислав Колецкий), приехавший с инструкциями из Варшавы. Ослабление арестами наших сил, казалось бы, должно было повлиять на проведение праздника, но организация оказалась еще достаточно сильной. К утру было готово воззвание, посвященное событиям последней ночи и призывающие к выступлению.

1 мая по ул. Доминиканской пробывали начать шествие. Сигнал к выступлениям дали Дьяконов и Глинский, ими были разбросаны воззвания, поднят над головами флаг ППС, однако внезапно появилась полиция. Толпа демонстрантов вначале растерялась, но затем вновь собралась. В это же время собралась толпа бундонцев, которая двинулась в сторону ул. Ожешко, мы пошли за ними отдельной группой. Выехавшие из Виленского переулка казаки остановили демонстрантов. Из группы «Бунда» было дано несколько выстрелов, все начали разбегаться. Несколько человек было арестовано.

Заключенные в тюрьме «политики» также отмечали этот праздник, пели революционные песни, переключались на разных языках.

На место арестованных прибывали новые силы. Это были Ипполит Петрашкевич («Амброзы») и Александр Ярошевич – мелкие чиновники; Вицент Ган – столяр и Франтишек Ковальский – портной. Особенно с большой пользой для партии работал Ган, получивший до прихода к нам хорошую подготовку в рядах российской демократической партии. В организацию так же вошел Владислав Ящольт из Сувалок, а из местных Антон Королевич – выпускник гимназии. Семен Ианас – ученик сельской хозяйственной школы в Горы-Горках, Янина Виленчик («Анна») – швея, которая благодаря самообразованию получила через два года аттестат; Михаил Рудзинский – наборщик; Канцлер – органист из м. Озеры; два брата Рутковских, Вацлав и Болеслав – типографские рабочие; Андрей Новацкий – маляр, Говоровский – ученик и Сенкевич – чиновник окружного суда.

После 1 мая партийная работа еще более активизировалась. Движением руководил гродненский рабочий комитет ППС, в состав которого входили:

К.Лапин, Е.Хвилищкая, Я. Михневская, Шушкевич, Клошевский и Гец.Шумова в начале года в Гродно не было, в это время Комитет принял решение создать из лучших рабочих группу, которая бы входила в непосредственный контакт с массами рабочих, крестьян и солдат. Группа получила название «Централка». В нее входили Грабовский, Б. Рутковский, Бальцер, Ковальчук, М.Станиславчик, (Митька), Панкевич, Ган. Руководителем ее до октября был Шушкевич, а затем – Шумов.

В декабре или в начале 1906 г. состав «Централки» изменился, из нее вышли Грабовский, Рутковский, Станиславчик, а вошли Петрашкевич и Радзинский. «Централка» оказалось ценным инструментом в руках Гродненского Комитета: ею организовывались стачки, распространялась нелегальная литература.

«Центр» собирался в квартире Вероники Мазетис (ул.Подзамье), а затем в старинном маентке отца В.Гана. Собрания проходили часто, по два раза в неделю.

Где-то в апреле, по примеру других городов, у нас была создана боевая группа. В нее входили 15 рабочих и один интеллигент Панкевич. Задачи ее были те же, что и у остальных подобных групп: организация покушений, изыскание денежных средств на нужды организации, поддержание боевой готовности на случай погромов и т.д. Оружия имелось достаточно: 20 браунингов и много револьверов других систем. Оружие было доставлено еще раньше из Пруссии при большой помощи Геца. Не было бомб, но их произвел затем «Стефан», два года изучавший химию. С помощью рабочих с фабрики папиросных гильз уже через месяц первая партия была готова. Испытания в Пышках прошли успешно.

Группа сделала две попытки покушения на полицмейстера Генисаретского, первый раз после проводов на вокзале новобранцев, но безрезультатно. При этом был ранен полицейский Грико и убит Вильчинский. Мстя за покушение на полицию и жандармов в Королевстве Польском, правительство устроило в июне на улицах Лодзи кровавый погром среди рабочих. В ответ на это всю страну охватили стачки, имели место они и в Гродно. Вначале провели собрание в лесу, где вфыступали С.Нелюбович («Казимир») и один приезжий агитатор («Бурчим»). Удалось и стачка: фабрики и мастерские были закрыты, а рабочие заставили торговцев закрыть и магазины. Но до манифесатаций, однако, не дошло.

В это время среди еврейских рабочих Гродно не было ни одного, который бы не принадлежал к ППС или к «Бунду». Иначе обстояло с польским или христианским рабочим движением. Работу затрудняло наличие среди них православных, хотя последних было и немного. Привить им лозунги независимости Польши было значительно труднее, чем евреям. В Литве польскость и католицизм всегда были среди низших классов (а когда-то и среди средних) понятиями тождественными. Только благодаря интеллигенции, а также факту нахождения в наших рядах нескольких рабочих, русских по происхождению, нам удалось в конце концов сдвинуть это дело с места.

В августе в Лососно походило большое собрание, на котором выступал Ф.Кон с речью о независимости Польши. В сентябре, в связи с оглашением

царского манифеста о созыве т.н. «Булыгинской думы», социалистические организации ППС и «Бунд» собрали большой митинг во рву, около старого форта за Неманом, недалеко от лососянской дороги. Пришли более тысячи человек, выступали среди других Станислав Валишевский (недавно прибывший в Гродно рабочий, прекрасный оратор) и М. Вайнер, а от РСДРП – Александр Коротков, который учился в Петербурге, был там активным партийным деятелем, но никакой работы в Гродно не проводил. Было принято решение бойкотировать выборы.

Еще во второй половине 1904 г. гродненская организация завязала тесные контакты с дер. Лососно. Местность эта со времени Тизенгауза была фабричным центром, к нашему времени от него ничего не осталось. Мелкие клочки земли и мельница – вот в чем и жили ее жители. В 1,5 км на юг от Лососно расположено местечко Фолюш, где было прядельное предприятие, на котором работали около 80 рабочих. С другой стороны от Лососно, в 1,5 километрах на север за Неманом, находилось небольшое рыбацкое селение Пышки. В нескольких километрах на запад от Пышек была расположена шляхетская околица Адамовичи, а рядом деревни: Мицкевичи, Наумовичи, Соловыи и др. Здесь и далее до м. Сопочкин живет население, употребляющее между собой в повседневной жизни белорусский язык, а в городе на рынке и около костела – польский. В большинстве своем это переведенные в православные униаты, из-за чего эта около 35-тысячная масса была в молчаливой оппозиции к церкви и правительству. И считали себя поляками. Вообще все это население было прекрасным материалом для агитации и антиросийской пропаганды.

В 1904 г. в Лососно возник кружок, в который входили Леон Саросек, Ян Скарбинский, Франтишек Масловский, Александр Пухальский и другие. Занятия там поочередно проводили Матушевский, Шушкевич, Панкевич, Королевич, а с 1906 г. – Глинский, Радзишевский и Петрашевич. В Фолюше, начиная с 1905 г., работал Панкевич. С Пышками у нас были очень тесные контакты благодаря тому, что родом из тех мест в нашей организации был слесарь С. Иванишевский. В Адомовичах мы опирались в основном на Бронислава Корейво.

Главное внимание мы уделяли Лососно и Адомовичам. Лососно стягивало к своей мельнице множество крестьян, и потому сюда доставляли в больших количествах возвания, газеты, брошюру «Отец Шьмон» и др. В Адомовичах же был костел, куда также собирался люд из окрестных деревень.

Организация имела большое количество агитационных брошюр, переведенных на белорусский язык Миневской («Гутарка аб тым, куды мужыцкия грошы идуць», «Царская гаспадарка», «Настау час» и др.) Попытки распространения их среди католического и основной массы униатского населения, употреблявшего в домашних условиях белорусский язык, натолкнулись на решительное неприятие по двум причинам: были изданы на белорусском и, кроме того, набраны русским шрифтом. Хотели же литературы польской. Белорусские брошюры с удовольствием распространял Петрашевич. В базарные дни с запасом их он выходил за город, ожидал там возвращения домой крестьян, затем начинал с ними разговор, после чего давал брошюры, и крестьяне охотно их брали. Эта процедура в основном употреблялась на Скидель-

ском и Озерском гостинцах, по которым больше, чем где бы то ни было, перемещалось православных крестьян.

С начала 1905 г. организация начала работу в армии. Гродненский гарнизон в то время состоял из четырех полков пехоты (101-й Пермский, 102-й Вятский, 103-й Петрозаводской, 171-й Кобринский), крепостного батальона, обозного, 4-го саперного, 26-й артиллерейский бригады, двух сотен казаков-всего около 20 тыс. солдат. Рекрутировались они в основном из северных губерний России.

Гродненская организация ППС имела несколько интеллигентных молодых русских, которые буквально рвались к пропагандистской работе, но ввиду языковых трудностей не всегда и не везде могли быть использованы. Армия оказалось для них самым «удобным» местом работы. Одним из первых начал завязывать контакты с армейской средой Петрашкевич. В конце зимы 1904 г. он познакомился с солдатом 4-го саперного батальона Варенком. Это был интеллигентный человек, выпускник Горы-Горещкой сельскохозяйственной школы, российский социал-демократ. Он попросил Петрашкевича, чтобы тот познакомил его слюдьми из ППС, достал «литературы», а также договорился с кем-либо о квартире для детских собраний.

Недавно принятый в организацию Петрашкевич обратился, в связи с просьбами солдат, к Дьяконову и Матушевскому. У последней просьба Варенка вызвала подозрение, хотя «литература» была доставлена в значительном количестве. Варенок рассказывал Петрашкевичу, что и ранее вокруг казарм кто-то разбрасывал литературу. Варенок «подозревал» в этом поручика Манассейна, но так ли это было, неизвестно. Контакты саперами продолжались до мая, т.е. до выезда батальона в летние лагеря под Ораны.

В других частях также шла работа. Явные заслуги в этом имел какой-то мобилизованный, приезжий врач, который вовлек в эту работу Дьяконова. Так началась агитация в 73-й артиллерейский бригаде, которая сменила 26-ю бригаду, ушедшую на войну.

Дьяконов вовлек в политику двух толковых артиллеристов: Николая Судакова и Павла Алексеева, оба были из Вологодской губернии. Оба стали в конце концов членами ППС и уже по окончании военной службы, прибывая в Гродно, они оказывали организации большие услуги в работе с солдатами. Живой и компанейский Судаков имел хороший голос, на маевках и других собраниях своим голосом и игрой на трубе он сполсобствовал созданию революционного настроения. Солидный, немногословный Алексеев умел действовать еще на более высоком уровне. При их помощи Дьяконов организовал несколько пропагандистских солдатских кружков, которые распространяли русскую нелегальную литературу в других подразделениях, в частности, в 102-м Вятском полку и крепостном батальоне. Иногда собирались общие солдатские собрания, которые проходили в доме за пожарной каланчой и на школьном дворе главной синагоги. На таких собраниях бывало по 40-50 солдат, преимущественно саперов и артиллеристов.

Говорили солдатам о злоупотреблениях правительства и властей, о нужной рабочим и солдатам войне, об экономическом положении в селах и

на предприятиях, о угнетении царским правительством нерусских народов, о необходимости справедливого разрешения национального вопроса, о политических целях ППС.

Практиковалось проведение смешанных рабоче-солдатских собраний. На одном из них, проходившем за городом, выступили Дьяконов, Хвелицкая, Матушевский. На солдат оно произвело огромное впечатление. Выступление прервалось революционными лозунгами собравшихся. После окончания рабочие и солдаты общей толпой с революционными песнями двинулись в сторону города. В это же время Матушевский удачно организовал стачку батраков в Августовском уезде. Через день после манифестации в Гродно по поводу Манифеста царя 17 октября Матушевский осуществил свою акцию после окончания службы в Адомовическом костеле. В тот день в костеле и у костела было многолюдно. Ксендз читал проповедь на тему «Отгадайте Божье Богу, а Цесарское – Цесарю» и увязывал это с продолжающимися в стране бунтами. После этого как люди начали расходиться, Матушевский влез на воз и, как бы продолжая тему ксендза сказал, что «пускай царь берет себе тюрьмы, гнет и расстрелы, а народу дает Божье – свободу».

Все важнейшие события, происходившие в России, находили в гродненской организации ППС живой отклик. Однако, будучи частью ППС, мечтая только о независимости, мы все понимали, что первоначально надо разбить и уничтожить ненавистный царизм, чтобы затем, используя социалистическую солидарность рабочих, добыть то, чего хотели. Следовательно, мы маршировали отдельно, с пролетариатом России вместе, но имели свою цель.

Наступили «октябрьские дни». Весть о царском манифесте наэлектризовала всех без исключения, невзирая на партийные взгляды и общественное положение. Все вышли на улицы, а затем на площадь Батория. На митинге выступали все, кто мог. Было высказано предложение: «Идти к губернатору и потребовать от него освобождения политзаключенных». Когда шествие дошло до Европейской гостиницы, дорогу перегородили казаки и полиция, несмотря на попытки договориться с ними через специальную делегацию, из этого ничего не выходило. Тогда полицмейстер сам съездил к губернатору Блоку, который вскоре подъехал к гостинице. Губернатор призвал к порядку и ненарушению праздника, обещал дать телеграмму в Петербург, и если на то будет разрешено, то заключенных выпустят.

Толпа повернула опять к площади Батория, разделившись там на несколько частей. Одна подошла к тюрьме, но там уже был военный патруль. За стенами слышны были крики и пение. На улице уже чуть не дошло до пролития крови. Один из манифестов, человек, видимо, недалекий, подбежал к солдату и ударил его, тот выстрелил вверх. Разгневанная толпа двинулась дальше.

Другая толпа двинулась к улице Мостовой, где находилась гауптвахта и казармы крепостного батальона, который был достаточно револлюционизированным. Был создан митинг, на котором выступили Дьяконов и Гай. Солдаты на гауптвахте повыбивали окна и рамы. Только к вечеру улицы опустели.

На другой день по городу кружили армейские и казацкие патрули, манифестация была невозможна, но митинг был проведен у синагоги, где между

многими другими ораторами выступили Дьяконов и Матушевский. Подобные митинги проводились в течение еще нескольких дней.

4 ноября губернатор, получив ответ из Петербурга, приказал выпустить политзавключенных. Вечером, в честь их освобождения, был дан вечер в танцзале Аркина у Сенного рынка.

Вскоре после этих событий приехал в Гродно после 8-месячного отсутствия Шумов, которого все члены ППС приветствовали овациями. Преследуемый в течение всего 1904 года гродненскими шпиками, он был вынужден выехать на партийную работу в Конгресовку, работал в Варшаве, Лодзи, Калише, Сельдцах. После манифеста его освободили, и он сразу же приехал в Гродно. С его приездом работа пошла вглубь. Начались читаться для молодежи и рабочих доклады на различные темы: «О независимости», «О демократическом устройстве», «Об основах научного социализма», проводились собрания, активизировался сбор средств на нужды партии.

Наше движение охватывало в то время лишь Гродно и его ближайшие окрестности. В других же городах Литвы, таких, как Белосток, Брест, Слоним, Крынки, оно было или очень слабым, или совсем его не было. Шумов решил изменить это положение, начав работу здесь с двух концов: со стороны интеллигенции и рабочих. Если первых было достаточно, то вторые, будучи вполне подготовленными для работы в городе, «на выезде» терялись, сталкиваясь не только с темнотой и равнодушием народа, но и, что самое главное, с противодействиями «Бунда» или начинающими появляться российскими социал-демократами, эсерами и др.

С целью подготовки рабочих кадров ППС «на экспорт» Шумов создал «школу агитаторов», которой сам руководил, все время опасаясь нового ареста. Занятия охватывали вопросы теории марксизма и истории социалистического движения. В школу были рекомендованы лучшие наши люди: Петрашкевич, Ярошевич, Ган, Сенкевич, Ковальчук, Рутковские, Грабовский, Юхневич, а из евреев- Капульский, Анна Гурвич и др. Школа находилась в картине рыбака Белявского.

В ноябре в России начались еврейские погромы. В Гродно этого не случилось из-за дежурств вооруженных рабочих, не допустивших разгула черносотенцев.

Акции школьной молодежи в Королевстве против русской школы нашли живой отклик в гродненских гимназиях и Пушкинской городской школе. ППС влияла на молодежь так, чтобы и она вышла на манифестацию под лозунгом: «Гродно – город польский». Подготовка была серьезной, вырабатывался текст резолюции для принятия его на общем собрании всех учеников без разницы в национальности. Наконец, молодежь собралась на ул. Бригитской и двинулась к Народному Дому (сейчас Дом солдата) и заняла его. Полицмейстер, приехавший с 40 казаками, потребовал очищения помещения. В ответ – отказ, тогда полицмейстер приказал казакам войти вовнутрь. Несколько учеников (Эдвард Беганский, Болеслав Лесовский, Яковлев, Глинский и Александр Дьяконов) бросились к двери и закрыли ее, а Борис Дьяконов, брат Александра, подбежав к Генисаретскому с браунингом, сказал, что если хоть один казак

войдет в помещение, то он убьет его. То ли с испуга, то ли оттого, что среди учеников он увидел двух братьев – сыновей губернатора Изоргина, полицмейстер уступил, предупредив, чтобы выступления были только по-русски и только учащейся молодежи. Однако пришел Шумов, и это придало уверенности. По-русски выступали Александр Дьяконов, И. Ивановский, Б. Дьяконов, Яков Вейденбаум и Софья Эмштейн, по-польски – Глинский. Собрание приняло резолюцию, которую затем отпечатали на гектографе и расклеили на стенах всех школ. Это было в последних числах ноября. Посредником в переговорах между учениками и школьным начальством был губернатор. Он вызвал делегацию учеников в свой дворец (б.Тизенгауза, сгоревший в 1915 г.) для беседы. Ее результатом было решение о введении в гимназии преподавания польского языка (только для поляков и то по желанию).

Работа в армии в ноябре дошла до высокого напряжения, особенно когда в ней стал принимать участие Матушевский, вступивший для отбытия военной службы в 4-й саперный батальон. В конце месяца начались беспорядки в 26-й артиллерийской бригаде по причине плохого питания. В знак протеста солдаты отказались от обеда. Собрались все офицеры, а командир бригады построил солдат и начал их оскорблять, тогда солдаты его арестовали, разобрали оружие и амуницию, приготовили пушки. Командование дивизии хотело разоружить артиллеристов с помощью соседнего 102-го Вятского полка, который окружил артиллеристов (на углу улиц Скидельской и Собеской), но артиллеристам удалось склонить их на свою сторону. С трудом офицеры 102 полка уговорили своих солдат вернуться в казармы. В это время к артиллеристам и пехотинцам подошли агитаторы, в том числе А. Дьяконов. Вместе с ним были составлены солдатские требования, а через день планировались провести солдатскую демонстрацию. Однако этого не случилось. Артиллеристы, ослабив бдительность, в ту ночь не выставили охрану. Воспользовавшись этим, верный правительству (в нем не велось агитации) 163 Петрозаводский полк окружил их казармы, ворвался вовнутрь и без единого выстрела разоружил солдат, затем были произведены аресты. Несколько артиллеристов было отдано под военный суд.:

12 лет каторги получил Цветков, хотя главный военный суд требовал для него смертной казни. Менес был направлен на три года в арестанские роты. При помощи «Бунда» и ППС Цветкову удалось бежать из тюрьмы, а затем его переправили в Америку. Убежал из арестанских рот и Менес.

После ликвидации нелегальной типографии решили использовать легальную, частную типографию Крамского. Забрали у него ключи, отпечатали на ночь возвания, а потом инсценировали нападение на «склады», ликвидировали все следы своей работы, а ключи вернули хозяину.

В связи с событиями в Москве на Красной Пресне в Гродно с 25 по 29 декабря была проведена всеобщая стачка. Начались репрессии. Шумов чудом остался на свободе, но были в городе арестованы Хвельцкая, Клошевский, Головач, Левицкий, Судаков (уже после окончания военной службы). В Лососно арестовали Скарбинского и Вержоловского. Выехать из города вынуждены были (кроме Шумова) А.Дьяконов, К.Глинский, Б.Рутковский.

В ответ на репрессии властей начала действовать боевая дружина. Кроме того, надо было поднять дух товарищей. Дружина совершила нападение на водочный магазин в Лососоно, а 180 рублей были отданы в Комитет.

К концу года после октябрьских событий в Гродно появились представители различных российских партий, в частности, социал-демократы и эсеры. Опирались они на неместных горожан. Эсеры сдали несколько удачных покушений, но конфликт с нами не входили.

1906

В начале года организация была сильно ослаблена не только арестами и выездом людей из-за спасения новых арестов. Часть людей выехала по распоряжению партийного руководства: Ган в Брест, Грабовский и В. Рутковский в Вильно для работы в тайной типографии, где печаталась газета «Валька». В сентябре эта типография была обнаружена. За участие в ее работе оба они были сосланы в Сибирь, хозяин квартиры Владимир Томассон (из Гродно) и Петкевич («Факир») – на 4 года каторги. Глинский был направлен на партийную работу в Белосток. В связи с перемещением в Варшаву фабрики Харина мы лишились поддержки 200 рабочих.

«Централка» – правая рука Комитета, тоже стала анемичной. Несмотря на присылку из Варшавы ЦРК «Теодора» (Чернявского – старшего) и «Богета» (Сильвановича) в качестве опытных инструкторов – дела на поправку не шли. Успокоилась на достигнутом и школьная молодежь.

В период I Государственной думы организация жила нормальной жизнью, так как в ожидании политических перемен власти полиция притихли.

В июле в Вильно состоялось конференция организацией ППС в Литве. Из Гродно представителем на ней был Л. Куликовский. Было решено переименовать ППС на Литве в «Социал-демократическую партию Литвы». Главной целью этой удивительной комбинации должно было стать слияние в будущем ППС с «Литовской социал- демократической партией», настороженной националистически и даже агрессивно по отношению к рабочим – полякам. После объединения согласия все равно не наступило, до особого значения это и не имело. Организация в Гродно даже названия своего не меняла, сохранив старое – ППС.

С осени пошла на спад и активность рабочих. На конференции, когда решался вопрос принимать или не принимать участие выборах во II Думу, мнения разделились. Шумов, Шушкевич, Радишевский выступали за бойкот выборов (это предлагал и ЦРК ППС). Эта же конференция решила распустить боевые группы. Протестовал против этого решения не только Эйдукевич из Вильно. Все это могло отрицательно не отразиться на жизни организации.

Попытка учителя частной гимназии (Хныкина) русского, симпатизировавшего ППС Дмитрия Кропотова оживлять деятельность ученических кружков была безрезультатной. В этот сложный период появилась новая форма организации работы- конференция представителей разных фабрик и заводов. Они во многом помогли заполнить то пространство, которое отделяло руководство организации от жизни рабочих. Первая такая конференция состоялась в январе. Рабочие высказывали накопившиеся недовольство работой руководства организации, хотя и понимали, что виной всему были только сло-

жившиеся обстоятельства. С целью поправить положение возобновилась деятельность боевой группы, которая осуществила несколько нападений на магазины и склады, организовала ряд покушений на полицейских и жандармов. Этим же в городе занимались и эсеры.

Зато в армии работа шла хорошо. Солдатские собрания проводились на квартире сестер Косовских по ул.Замковой, а также в лесу и оврагах за городом. Чего хотела здесь организация? Первое – это сделать из солдат сплоченную массу, оппозиционную к правительству, отказавшуюся стрелять в рабочих и крестьян, подчиняющиеся приказам организации и с полным доверием к ней. Работа облегалась еще тем, что в гродненский гарнизон стали присылать рекрутов из Подолии, было много среди них и рабочих из Петербурга.

В 1906 году во главе солдатского движения шел 4-й саперный батальон. Работа, начатая Варенком и Петрашкевичем, была успешно продолжена военоопределяющимся В.Матушевским. Он пользовался такой популярностью среди людей, что когда его выкрикнули командиром, он готов был возглавить вооруженное восстание даже без согласия организации.

Матушевский был человеком очень увлекающимся, но преданным революционному делу до конца.

Другим выдающимся деятелем ППС в войсках был А.Дьяконов – рожденный оратор. Наиболее плодотворной была его работа в 1905 – 1906 г. в 26 арт. Бригаде, 102 полку, крепостном и саперном батальонах. Основная заслуга Саши состояла в том, что солдатские массы в 1906-1907 г. оказались вне царско-правительственной линии, поняли цели революции, перестали быть противниками возрождения Польши. Благодаря ему выросли солдатские агитаторы Судаков и Алексеев, распространялись брошюры, воззвания, а также газету «Революционная Армия».

Летом 1906 г. во время учений между Вильно и Гродно 4 саперный батальон стал инициатором митинга, на котором собралось около 800 человек. Среди солдат был и член нашей организации солдат Адам Пушкевич. Митинг прошел под лозунгом «Долой царя», «Да здравствует революция». Пушкевич был арестован, затем еще около 300 человек привлеклись к следствию. Трех участников митинга (Зайцева, Ракушева и еще одного – фамилия неизвестна) приговорили к смерти, но потом этот приговор был заменен каторгой от 4 до 12 лет. Все трое благополучно бежали, в чем им помог поляк поручик Залевский, командир 16 пехотного батальона.

В работе с крестьянами мы сталкивались с примерами безуспешной деятельности там НД (эндеков). На наши собрания в Адамовичах иногда приходили и несколько эндеков из богатых хозяев. Под нашим влиянием на сельских и волостных собраниях крестьяне требовали открытия польских школ и введения польского языка в учреждениях Суваловской губернии. Войты лично приезжали в эти отдаленные волости и пытались им доказать, что они не поляки, а белорусы, так как главным его аргументом был язык народа: «Ведь между собой вы говорите по-белорусски», на что крестьяне отвечали: «А если господин губернатор разговаривает дома с семьей по-французски, значит ли то, что господин – француз!».

В других деревнях, в частности, в Грандичах, работал Глинский, а в Привалках и Кожевниках – Петрашкевич. Работа в деревни имела другой характер, нежели в городе. Сознательные рабочие вели двойную борьбу: экономическую и политическую, имели двух врагов: капиталистов и чуждую им власть, а в деревни хозяева не знали экономической борьбы и, кроме того, были настроены против правительства, которое требовало платить налоги, не открывало польских школ, заставляло быть белорусами.

1907

Раскол ППС на две функции, углубление этого процесса, давление со стороны Вильно на Гродненскую организацию (предложение войти в состав СДПЛ, а затем в ЛСД), – слабая ориентация в этих пошедших и происходящих переменах плохо влияли на молодых, недостаточно теоретически подготовленных руководителей, что отражалось и на ней партийной работе.

Деморализующее воздействие оказывала также и агитация умеренной фракции во время выборов во II Думу. Важной причиной снижения уровня работы было также ослабление руководящих сил партии в 1907 г. В городе находились лишь остатки «старой гвардии». Усилились репрессии и со стороны жандармов. Труднее стало вести кружковую работу. Под руководством Петрашкевича и Глинского иногда проходили городские конференции, преимущественно они и несли на себе главную тяжесть организации и не давали ей погибнуть. Часть рабочих по влиянию социал-демократов и «левицы» приняла участие в выборах в Государственную думу.

Первмай прошел тихо, было организовано несколько сходок за городом, а также на фабрике «Неманской», никаких маевек не было, а некоторых мелких предприятиях втихую работали.

Снабжение нелегальной литературой из Варшавы ослабло, а то, что приходило из Вильно, гродненским рабочим было неинтересно. Возникла идея о создании собственной типографии для перепечатки из разных газет хроники революционного движения в Польше и России и для выпуска местных воззваний. Машины и шрифт уже были, а помещения не было, и пришлось от этой идеи отказаться.

А тем временем местная военная организация стала издавать свою газету «Солдатский вестник». Редактором ее был Дмитрий Кропотков. Печатанием ее на гектографе были заняты Элиаш Рефес, Янина Виленчик (позднее по мужу Петрашкевич), Ревака Бородицкая, Эдвард Беганский. Газета эта имела большой успех у солдат. Вышло ее 12 номеров.

В июне вышел из виленской тьюобы Шумов. Своей энергией он несколько оживил работу, но вскоре и он вынужден был оставить Гродно и выехать в Париж насовсем. Так сошел со сцены этот неопределимый за выдающиеся заслуги для революционного Гродно человек.

В 1907 году в Гродненский комитет ППС входили в различные периоды Петрашкевич, Глинский, Дьяконов, Радзишевский, Кейла Лапина (в будущем жена Шумова), Е.Кондрасюк, Гец и др. В том же году уехал из Гродно А. Дьяконов, вначале в Белосток, а затем в Москву на учебу. В начале августа были арестованы Петрашкевич и его приятель Ярошевич, в мае 1909 г. оба были

сосланы в Сибирь. Остался один лишь Глинский, который что мог, то и делал с помощью молодого и тихого Кондратюка. Работа оживлялась лишь только тогда, когда приезжали на каникулы студенты высших учебных заведений.

По сравнению с расцветом партийной работы в 1905-1906 г. рабочее движение в Гродно накануне мировой войны выглядело мизерным. Надежды на русскую революцию не оправдали надежд. Пробуждение могло наступить под влиянием нового мощного удара. Этим ударом стала большая мировая война.

Bronislaw Szuszkiewicz. Organizacja
grodzińska PPS w latach 1898-1910// Niepoległość,
1937, t.16, z.44, s. 513-564

«СХВАТКА РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА...» О КОНФЛИКТЕ В СЕЛЕ ЯТРА НА НОВОГРУДЧИНЕ (1934-1938 гг.)

Выявленные в текущем архиве Управления Комитета государственной безопасности (УКГБ) по Гродненской области следственные дела ряда православных священников, ставших жертвой необоснованных репрессий в 1939–1941 годах, позволяют значительно расширить представления общественности о том, какое место в социальном конфликте, охватившем западно-белорусскую деревню в указанный период, занимали вопросы религии и атеизма. Будучи важным фактором в восприятии белорусским крестьянством советской власти, эти аспекты, несомненно, заслуживают большего внимания к себе со стороны исследователей.

В основу данной публикации документов положены т.н. вещественные доказательства из следственного дела священника Ятранской православной церкви Киприана (Климуть), арестованного органами НКВД 10 октября 1939 г., незаслуженно осужденного и посмертно реабилитированного в 1989 г., спустя полвека после ареста.

Иерей Киприан (Климуть) родился в 1897 г. в деревне Ольхово Гудевичской волости Гродненского уезда в крестьянской семье, русский. Учился в Литовской духовной семинарии. В связи с первой мировой войной заканчивал курс в Саратовской и Московской семинариях. После ускоренного обучения (июнь – октябрь 1917 г.) в Московском Александровском пехотном училище несколько месяцев в чине прапорщика служил в армии Временного правительства, а с марта 1918 по июль 1919 года – в должности командира роты в Красной Армии, а затем в железнодорожной милиции. В июне 1921 г. в связи с реэвакуацией беженцев из Польши и Западной Белоруссии вернулся на Гродненщину. В том же году Гродненским архиепископом Владимиром (Тихоницким) он был рукоположен в священники, служил в разных приходах, а последние до ареста десять лет в Ятранской церкви. Стойкий в вопросах церковного служения пастырь делал все для поддержания у жителей деревни веры своих предков. Будучи председателем «Православного

Народного Братства», учрежденного им в своем приходе в 1934 г. по благословению епископа Антония (Марценко), отец Киприан всю его деятельность направлял к «...искоренению всякой партийности и политики, воспитанию молодого поколения в духе Православной Веры». Такого рода деятельность братства во главе с названным иереем пришлось не по душе местным деятелям КПЗБ, которые никакими силами не могли удержать односельчан от посещения церкви (следует заметить, что члены подпольной партиячейки сами ходили в церковь, чтобы послушать содержательные проповеди отца Киприана – В. Ч.), а потому они постоянно провоцировали конфликты со священником, писали на него доносы церковному начальству. Когда в сентябре 1939 г. в Западную Белоруссию пришла Красная Армия, оппоненты Киприана Климутя в борьбе за умы и души односельчан тотчас же организовали собрания партиячейки по обвинению его как «бывшего офицера Балаховича» в антикоммунистической деятельности. «Обвинение», похожее больше на донос, получилось объемное, священника вскоре арестовали, и хотя в ходе следствия полного подтверждения оно не получило, «антисоветская пропаганда» (и это в условиях юрисдикции Польского государства – В.Ч.) со стороны отца Киприана органами НКВД и его Особого совещания была установлена в достаточном объеме. Не признав себя виновным в деяниях, наносивших вред народу, священник в своем последнем слове на суде отметил, что вся его деятельность, как глубоко верующего человека была подчинена единственной цели – процветанию Православной Церкви, а поскольку в 30-е годы ее жизнь подвергалась смертельным испытаниям как со стороны польских властей, так и со стороны богоборческой КПЗБ, то он «не мог находиться в стороне от этой схватки религии и атеизма...». Осужденный 4 сентября 1940 г. «как социально опасный элемент» на 8 лет исправительно-трудовых лагерей священник Киприан (Климуть) погиб в застенках Гулага 9 сентября 1942 г. в возрасте 45 лет от болезни, вызванной истощением.

При несомненной источниковой ценности всего следственного дела Киприана (Климутя) признано целесообразным опубликовать лишь тех его документальных материалов, которые напрямую связаны с конфликтом, который «раскол» жителей села Ятры на сторонников и недругов местного священника. Тексты документов даны в современной транскрипции с заменой вышедших из употребления букв, по орфографии подлинников, с сохранением всех стилистических особенностей текста. Пунктуация – в соответствии с современными правилами, за исключением тех мест, которые передают колорит документов в первоизданном виде.

Протокол № 1

1934 года, 8/21 сентября. Мы, нижеподписавшиеся прихожане Ятранской Церкви Кореличского Благочиния Новогрудского уезда Гродненской Епархии, собравшись сего числа в своей приходской церкви по случаю храмового праздника, после Божественной литургии заслушали предложение Новогрудского уездного миссионера, митрофорного протоиерея отца Алексия Русец-

кого о необходимости открытия при нашей приходской церкви «Кружка Ревнителю Православия (Братства)» под руководством отца настоятеля для внутренней и внешней самозащиты от врагов Церкви.

После достаточного обсуждения поступившего предложения и принямая во внимание общую опасность от надвигающегося на православных христиан безбожия, мы единогласно постановили: открыть сего числа при нашей приходской церкви в селе Ятра «Кружок Ревнителю Православия во имя Рождества Пресвятой Богородицы» для: 1) защиты Православной Церкви и Веры; 2) насаждения в приходе нравственной и трезвой жизни; 3) примирения враждующих; 4) оказания благотворительности; 5) воспитания наших детей в чисто христианском духе; 6) для борьбы с неверием, сектантством, неуважением родителей и старших, сутяжничеством, сквернословием, распутством, хулиганством, другими пороками и заблуждениями.

Протокол сей в копии представить через отца местного благочинного на архипастырское благоусмотрение Его Преосвященства Антония, епископа Гродненского и Новогрудского и сыновне просить Благодного Владыку принять на себя звания почетного председателя и покровителя «Кружка».

В Совет «Кружка» единогласно избранными оказались: председателем – настоятель Ятранской Церкви о. Киприан Климутъ; товарищем его – Николай Сапега; казначеем – Владимир Лаврушик; секретарем – Антоний Лаврушик; членами Совета – матушка священника Елена Климутъ, а также Екатерина Гонсеровская, Иулиан Анисим, Пелагея Юшкевич, Екатерина Бортник, Александр Карпач, Антонина Тумашик, Константин Коршун, Ольга Артимова, Анастасия Бортник, Апалония Концевич, Константин Болбат, Игнатий Лис, Геннадий Юшкевич, священники Харитон Беляй и Архип Рабцевич¹⁵¹.

Устав

Православного Народного Братства при Ятранской церкви, Новогрудского уезда, Гродненской Епархии, во имя Рождества Пресвятой Богородицы, открытого 8/21 сентября 1934 года

§1.

Православное Народное Братство во имя Рождества Пресвятой Богородицы при Рождество-Богородичной церкви Ятранского прихода есть организация преимущественно просветительно-благотворительная.

§2.

Цели Братства

Братство учреждается с исключительной целью объединения всех православных прихожан Ятранской церкви: богатых и бедных, знатных и простых, мужчин и женщин, стариков и детей в одну дружную братскую семью для блага Православной Церкви. Братство учреждается для: 1) насаждения в

приходе нравственной и трезвой жизни; 2) примирения враждующих и искоренения всякой партийности и политиканства; 3) оказания благотворительности; 4) воспитания молодого поколения в духе Православной Веры; 5) борьбы с сектантством, унией, хулиганством, сквернословием, распутством, безбожием и другими пороками и заблуждениями.

§3.

Братство должно быть чуждо всякой партийности и политиканства, а лишь исповедывать и разрешать поставленные в программу Братства вопросы на основе чисто Евангельских истин.

§4.

Члены Братства при вступлении в Братство дают обещание не упиваться вином и не произносить бранных и кощунственных слов.

§5.

Братство отстаивает обязательное и основательное преподавание Закона Божия во всех школах своего прихода, причем особое внимание должно быть обращено на воспитание детей в чисто христианском духе.

§ 6.

В целях просветительных Братство заботится и принимает участие в устройстве чтений, лекций, духовных концертов, библиотек, книжных лавок и проч.

§7.

Управление делами Братства

Управление делами Братства сосредоточивается в Совете Братства, в состав которого входят: Председатель – Настоятель прихода, товарищ его, казначей, секретарь и десять членов Совета.

§8.

Почетным Председателем и Покровителем Братства считается Епархиальный Архиерей.

§9.

Все члены Совета кроме о. Настоятеля прихода, который по должности считается Председателем и руководителем Братства, избираются на общем Братском Собрании закрытой баллотировкой на три года.

§10.

На общем Братском годичном собрании заслушивается отчет о деятельности Братства за истекший год. Общее собрание Братства бывает не менее одного раза в год, а в экстренных случаях и чаще. Совет Братства собирается не менее одного раза в месяц, а в экстренных случаях и чаще.

§11.

Совет Братства имеет свою печать, бланки. Каждому действительному члену Братства выделяется свидетельство о его принадлежности к Братству за подписью Председателя и секретаря Совета Братства.

§12.

Братство открывается при церкви с благословения и утверждения Епархиального Архиерея.

§13.

Средства Братства

Средства Братства состояются: из членских взносов, добровольных пожертвований, от устройства лекций, концертов благотворительных вечеров и пр. Размер членского взноса определяется Общим Собранием Братства.

§14.

Братство составляет юридическое лицо, имеет право всеми законными способами приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество.

§15.

О Братском знамени

Братство имеет свою братскую хоругвь (знамя) с изображением с одной стороны иконы небесного покровителя Братства, а с другой – Честного и Животворящего Креста Господня с надписью: «сим победише». Знамя стоит пред Братской иконою и носится во время крестных ходов и при погребении братчины.

§16.

О Братской иконе и братской свече

Братство имеет икону небесного Покровителя Братства и общую братскую свечу из чистого пчелиного воска, которая всегда стоит и зажигается при братской иконе за Богослужениями.

§17.

О Братском празднике

Братский праздник в честь небесного Православия Братства совершается с особой торжественностью в присутствии всех членов Братства, которые стоят за Богослужениями с возженными свечами. Накануне совершается заупокойная служба по парастасу с поминовением всех усопших членов Братства и служитя заупокойная литургия, после которой идет панихида. Вечером, накануне Братского Праздника совершается торжественная Всенощная с крестным ходом вокруг храма. В самый праздник после торжественной Литургии служитя пред братской иконой молебен с чтением молитвы небесному Покровителю Братства и каждому члену Братства дается братская просфора с вынутой частицей о его здоровье. По окончании Литургии, молебного и крестного хода вокруг храма устраивается Общее годовичное Собрание Братства с заслушиванием годовичного отчета о деятельности Братства за истекший год, после чего устраивается общая братская трапеза.

§18.

Члены Учредители Братства

Членами учредителями Братства считаются лица, записанные в первом протоколе при открытии Братства.

§19.

Ревизионная комиссия

Для проверки денежных сумм и капиталов Братства Общее собрание Братства избирает ревизионную Комиссию из членов Братства сроком на три года из трех лиц. Председатель Комиссии избирается членами из своей среды.

§20.

Ликвидация Братства

В случае ликвидации Братства все документы и суммы, а также движимое и недвижимое имущество Братства передаются Епархиальному Архиерею для христианского благотворения.

Проект устава составил Новогрудский Уездный Миссионер, Протоиерей Алексей Русецкий.

Протокол
по обвинению в антикоммунистической деятельности
священника Ятранской церкви Киприана Климута,
бывшего офицера Булак-Балаховича¹⁵²

17 сентября 1939 года, в 12 часов дня, к дому священника Киприана Климута подъехал автомобиль с польским солдатом и графом Баранцевичем, который увез двух дочерей его и ценное имущество, а в 18.30 по московскому времени, когда по радио было официально объявлено, что доблестная Красная Армия вступила в пределы Западной Белоруссии и Украины для защиты своих братьев, он, Климут, с женой поспешно удрали на велосипедах, чтобы не быть захваченными Сов. властью, а для него она была наизлейшим врагом, против которой он боролся самыми подлейшими методами [...].

1. Священник Киприан Климут оставил свой дом и имущество как злейший враг Сов. власти, чтобы присоединиться к своим единомышленникам для борьбы с Красной Армией, а подтверждает этот факт, что его видели в лесу, откуда сыпались выстрелы по частям нашей доблестной Красной Армии [...]. Ночью этого же дня священником был послан с тремя сообщниками его человек Иван Тимошко, чтобы на подводах забрать свое домашнее имущество, но благодаря бдительности бывших подпольных работников-коммунистов подводы были перехвачены, а Тимошко Иван с сообщниками пойманы и посажены в доме священника под охраной с оружием [...].

2. Для борьбы с Сов. властью и коммунистами Киприаном Климутом было заложено «Народное Братство», устав которого ясно выражает свою антикоммунистическую деятельность в словах «искоренение всякой партийности и политиканства». Нам известно также было, что члены этого братства были его информаторами, а он сам сотрудничал с полицейским управлением [...]. Для этой же цели, т.е. раскрытия нелегальной КПЗБ, он являлся организатором и сотрудником организации польского фашизма ОЗН [...].

3. Мечом для гнусной борьбы свящ. Киприана Климута против Сов. Союза была церковная трибуна, а для того чтобы вырвать у несведомых масс стремление к Сов. власти, он распускал самые подлые слухи о том, что в Сов. Союзе нет людей, нет машин, а все то, что передают по радио, есть неправда [...]. Он внушал прихожанам и всем, кто вступал с ним в разговор, что в Сов. Союзе голод, крестьяне волнуются, а за то, что они хотят есть, их расстреливают [...], самых «идейных коммунистов» Бухарина, Рыкова и др. тоже расстреляли, а оставшаяся кучка бандитов добывает духовенство и верующих. Исходя из этого он призывал всех не допустить к нам большевистской заразы [...].

4. Будучи тайным полицейским агентом¹⁵³, имея штаб доносчиков, Климут еще и во время исповеди выведывал у взрослых и детей, кто есть в деревне коммунисты. Он составил стих, пропитанный наиподлейшими цинизмом против Сов. Союза¹⁵⁴, и распространял его по деревне [...]. Мы, преданные Сов. власти люди, гнившие в тюрьмах после прочтения этого стиха, не могли без возмущения смотреть на нашего наиподлейшего врага [...].

5. Народ, находясь в отчаянии, не мог переносить зверского насилия со стороны священника Климуля, а потому выступал с просьбами о его переводе в другой приход, но никто не обращал внимания на голос народа [...]. Каждый шаг его движения был направлен на борьбу с Сов. Союзом и подпольной КПЗБ, а потому, когда пришла сюда Сов. власть, он должен был бежать из деревни, чтобы товарищи коммунисты не убили его, но через 10 дней, узнав, что Сов. власть не позволяет самосудов, он опять явился в деревню, понимая, что нет такой щели, где бы не был он выкрыт. Но нет места ему и его семье – наиподлейшим врагам народа и Сов. Союза – между нами.

Мы – коммунисты, были в тюрьмах, наши семьи дома – голодные и холодные, а он, предатель, напившись нашей крови, торжествовал: так пусть же теперь он перенесет те же муки, а мы и наши дети будем торжествовать [...]»¹⁵⁵.

«ИЮНЯ 23 ДНЯ В Г.ГРОДНО ВСТУПИЛИ НЕМЕЦКИЕ ВОЙСКА...»

В текущем архиве Управления Комитета государственной безопасности (УКГБ) по Гродненской области (г.Гродно) хранится ряд следственных дел православных священников, ставших жертвами необоснованных репрессий в 40–60-е годы. В одном из них, касающемся настоятеля Свято-Владимирской (Занеманской) церкви г.Гродно, протоиерея Юлиана (Миллера), имеются материалы в форме его отдельных рапортов епископу Гродненскому и Вилейскому, а затем митрополиту Пантелеймону, датированные апрелем – июнем 1941 г. и приобщенные к следственному делу в качестве вещественных доказательств антисоветских настроений подследственного. Публикация названных рапортов – не только дань памяти одному из многих незаслуженно осужденных служителей культа, но и интереснейший исторический источник об кануне и первых днях Великой Отечественной войны на Гродненщине, о положении церкви и отношении к начавшейся войне со стороны одного из ее представителей.

Тексты документов даны в современной транскрипции с заменой вышедших из употребления букв, по орфографии подлинников, с сохранением всех стилистических особенностей. Пунктуация – в соответствии с современными правилами.

Краткая биографическая справка: Протоиерей Юлиан (Миллер) родился в 1891 г. в г.Житомире в семье старшего унтер-офицера. Окончил Житомирскую учительско-духовную семинарию. Служил псаломщиком в городском соборе. Добровольцем-санитаром участвовал в первой мировой войне. В 20-е годы подвергался репрессиям со стороны польских властей. С 1926 по 1939 г. служил псаломщиком в Гродненском кафедральном соборе, с 1939 по 1943 г. – настоятелем Свято-Владимирской церкви, с 1943 по 1944 г. – священником села Лаша Гродненского района. После освобождения Гродно от немецких оккупантов вновь служил в Свято-Владимирской церкви. Арестован 19 декабря 1944 г. за антисоветскую и пособническую немцам деятельность. Был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества.

Возвратился из заключения в Гродно в 1954 г. С начала 60-х г. проживал на Украине. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в 1991 г.

Митрополит Минский и всей Беларуси Пантелеимон (Рожновский) родился в 1867 г. в Костроме в дворянской семье белорусского происхождения. Окончил военно-инженерное училище. В 1897 г. был пострижен в монашество. Был настоятелем Свято-Троицкого монастыря в Витебской епархии. С 1913 г. – епископ Двинский, викарий Витебской епархии. В 1920-1922 г. – епископ Пинско-Новогрудский. С 1925 г. – архиепископ. В 1939 г. – управляющий Гродненской и части Вилейской епархий. С 1940г. – архиепископ Гродненский и Вилейский. В 1941-1944 г. – предстоятель Православной Церкви в Белоруссии. Умер 30.12. 1950 г. в Мюнхене.

**Рапорты Протоиерея Юлиана (Миллера)
Высокопреосвященнейшему пантелеимону
(Рожновскому)**

I

**Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему
Пантелеимону, архиепископу
Гродненскому и Вилейскому**

**Настоятеля Занеманской церкви
гор. Гродно протоиерея
Юлиана Миллера**

Рапорт

Занеманской церкви церковный староста Самуил Калоша как помощник начальника станции за преступления, предусмотренные советским законодательством и за связь с церковниками получил 5 лет заключения с лишением всех прав. Приговор обжалован.

От 23.03. до 30.03 в школах были весенние каникулы, и я предложил родителям использовать эту Крестопоклонную неделю для говения всех детей-школьников. С воскресения 3-й недели Великого поста дети стали дружно посещать ежедневные службы. По моей инициативе среди них были избраны: прислужники, церковный староста, его помощник: кто держал миску перед причастником, другой наливал заливку, кто раздавал просфоры, девочка ходила с блюдом и т.д. Одним словом, в субботу был сплошной детский праздник. И как было не радоваться, когда около 200 детей чувствовали себя хозяевами положения; они пели и читали, что могли, вели себя сознательно, скромно и прилично. Приятно, что среди них были мои воспитанники, обучающиеся Закону Божию. За одну неделю провел с ними 12 назидательных беседований, а вообще закончил с ними историю Ветхого и Нового завета и Историю церкви, кончая Крещением Руси. К сожалению, этот момент не использован

нашим городским духовенством, а в то же время в костелах переполнено и дети подготавливались к первой исповеди по широкой программе [...]. С налогами вообще в этом году не так тяжело, ставка осталась мало что изменена, а соборьям уменьшена на 50 %, а что перебрано в 1940 г., переложено на 1941 год, и они теперь благодушествуют.

Со свечным делом обстоятельства складываются неважно. Правда, с большими усилиями удалось добиться уменьшения налога на 12 тыс., каковой переложено на 1941 г. Но зато духовенство положительно не берет свечей, и в марте месяце их продано лишь 26 кило. Если теперь перед Пасхой такой малый спрос на свечи, то летом и этого не будет, а в июле уже нужно будет платить первый податок в 2400 руб. и для этого нужно продавать минимум 100 кило свечей. Нам известно, что духовенство поголовно занимается самостоятельно выделкой свечей, трудно их судить за это, и я нахожу, что священники не осведомлены о делах свечного завода, быть может, и плачут, но делают сами свечи, или покупают их у спекулянтов, а в монастырь не обращаются, так как в прошлом году было дважды предписано приобретать свечи только за обмен на воск и огарки, и было много случаев, когда духовенство, приезжая в Гродно за свечами без материала, уезжало без свечей или же, получив вместо 10 кило – 1 или 2 кило, уезжало восвояси, и свечи тогда обходились им дороже 100 – 150 руб. Есть еще и такие, которые неосознанно ведут свечной завод к гибели, и тем самым к ликвидации женского монастыря [...]. Сейчас, благодаря Жировицкому монастырю и г. Львову в женском монастыре есть материал и свечи, но при таком обороте монастырь продаст за целый год не более 200 – 250 свечей, и им нет смысла платить налог от 650 кило, а нужно до июля обсудить этот вопрос и что-либо предпринять. С отцом Боришкевичем¹⁵⁶ дела не важны. Ему советовали было уехать на Вольнь, но он и там боится показаться, так как своими интригами вооружил там против себя много духовенства.

Советские женщины поголовно крестят детей и все это стараются делать под секретом, боясь не повредить по службе своим мужьям, а между тем само духовенство треплет языком и часто называет по фамилии крестившихся. Есть уже жалобы и просьбы обратить на это внимание Епархиального Управления и не подводить верующих. В Советах¹⁵⁷ во многих местах нет церквей и люди там не имели возможности получить брак в церкви, а наше духовенство порой не принимает женщин к исповеди. Бывают разные случаи, верующая сходится с иудеем, атеистом, которые в церковь не пойдут, а женщина страдает, и одна из них, отойдя от аналая без исповеди, упрекнула священника, что Христос простил блудницу, «а Вы бросили в меня камнем». Такое же положение и с крещением младенцев. Как записывать? У нас есть документ из загса, родители часто требуют документ о крещении младенца и уезжают в Россию, а нам известно, что родители не венчаны. Но все же должна быть какая-либо общая форма записи, а не та, что кому влезет в голову. И снова хорошо было бы воспользоваться Жировицкими майскими торжествами и пригласить отцов благочинных для обсуждения многих вопросов из пастырской деятельности. Духовенство и так жалуется, что одиноко, благочинного не видит у себя и ничего не знает, не с кем посоветоваться и Дух падает у

многих. Прихожане тянутся, стараются и любят церковь, но своего священника видят всегда одиноким. Конечно, хорошо было бы соседним священникам сговариваться и изредка меняться в воскресные дни богослужениями, и это даст возможность священнику как гостю поговорить, попросить верующих о поддержке своего пастыря и храма в податках и иных нуждах. Слово чужого человека иногда более влияет, его оборот речи, умение подойти к людям смогут повлиять и принести пользу. Слышал я просьбы многих и сам присоединяюсь к тому, что очень желательно было бы видеть Его Высокопреосвященство в Гродно в страстные дни Святой Пасхи. В Гродно много есть хороших и достойных, стойких верующих, и ради их хорошо было бы вдохновить паству. Приезд игумена Серафима¹⁵⁸ и то уже торжество, многие идут в монастырь и ищут угодника Божия, а приезд Владыки будет торжеством из торжеств. Прошу и этот вопрос обсудить и пожаловать в Гродно. У меня вы будите представлены для всего персонала. Прибыть в Жировицы, как обещал, не смог из-за отсутствия денег, времени и материала.

Сейчас имеется в городе вино разливное «Кагор» из Бессарабии по 8 р. 35 к. за литр. Нужно сказать, что это виноградное вино – хорошее и приятное на вкус. Но снова беда, средств нет. Нет венчиков и молитв разрешительных, и снова отобьются священники от покупки и будут приобретать свои.

В Озерах прихожане недовольны своим бритым священником и его распущенностью. «Батюшка, зачем вы бриты?» – «Чтобы Вам нравиться». Прихожане особенно стали теперь чутки и требовательны и страшно обижаются на кавалерский вид своего отца духовного. Батюшке же из Грибова не хватает еще прицепить к кожаной тужурке красную звезду, и не отличить от комиссара. Игуменья и все монашенки ужаснулись его виду, а он доволен собой. До сего времени еще ни один из священников не откликнулся и не пришел с поддержкой женского монастыря.

Во многих местах священников посылают заготавливать лес, копать канавы, и чувствуется, что сельская власть превышает свои права, давая священнику 2-3 нормы.

К сожалению, видимо, не смогу пожаловать в Жировицы до Пасхи.

Прошу благословений Ваших всему моему дому и верным прихожанам.

Испрашивая Ваши Святительские молитвы, пребываю смиренный послушник протоиерей Ю. Миллер.

4.04.41 г.

II
Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Пантелеймону Митрополиту Гродненскому

**Настоятеля Занеманской церкви
гор. Гродно протоиерея Юлиана
Миллера**

Рапорт

Июня 23 дня в гор. Гродно вступили немецкие войска. Целый день 22 числа, с 3 часов утра город подвергался воздушной бомбардировке германской авиацией, и тотчас же начались пожары. Особенно пострадала Занеманская часть, где были сосредоточены: арсенал, военные склады, мосты, узел железных и шоссейных дорог. Большой частью тяжелые авиабомбы падали около Занеманской церкви, и вскоре железнодорожный мост рухнул, разъезд разрушен, а на складах поднялся пожар. Самое страшное зрелище и переживания были в ночь с 22 на 23-е, когда против церкви загорелись арсенал и склад бензина. С 10 часов вечера и чуть ли не до 10 часов утра земля и, казалось, небо дрожали от взрывов снарядов. Железные бочки с бензином выбрасывались на сотни метров в высоту и, взрываясь, разливали море огня. Осколки снарядов разлетались на несколько километров в окружности, и 23 июня к вечеру среди моря огня, развалин и торчащих труб высоко красовался крест Занеманской церкви. Правда, стекла и рамы все были уничтожены взрывами, двери поломаны и вырваны с петель, но Бог по молитвам св. князя Владимира сохранил святыни и при ней церковный дом. Вся площадь, сад и двор были усеяны железом, целыми снарядами, бомбами и прочим, но церковь осталась цела. Один тяжелый снаряд, пробив потолок и пол церкви, улегся на земле и не взорвался. Другой снаряд, пробив потолок церковного дома, «улегся» на полу в комнате, где жили семьи командиров Красной Армии и не разорвался, а под этой комнатой, в подвале, сидели люди с детьми и молились Богу. Дня 4 были страшные бои под городом. Советские снаряды и воздушный флот обстреливали город из мести и, усеяв поля и леса трупами, отошли, частью сдаваясь в плен или укрываясь в лесах. Моего прихода села Малаховичи, Гнойницы, Солы, Кошевники уничтожены огнем, много жителей убито и перекалечено: село Ольшанка выгорело наполовину, село Погораны – тоже. Советские войска бились только под прикрытием домов в селах, где ставили танки и орудия, выгоняли жителей с детьми в поле, а сами, смешиваясь с толпой, стреляли по немцам, чем и были вызваны жертвы мирного населения. Если можете себе припомнить, то все дома кругом церкви, фабрики, заводы и так далее, проходя через неманский мост в женский монастырь и еще далее до Красного бывшего Собора¹⁵⁹, Фарного костела и до кладбища – все это уничтожено огнем, так что одна треть города уничтожена. Женский монастырь сохранился, сгорел лишь дом матушки игумении со всеми ее вещами от взорвавшейся бомбы. Ничего не успели спасти: воска пудов 8, свечей очень много, ее 2 креста с украшениями, одежда и т.п. Далее в городе бомбами или снарядами разруше-

ны или сожжены части улиц. Кафедральный Собор уцелел, но часть стекол высыпалась. Костелы все пострадали. Доминиканский сгорел, Францисканский разбит, Гарнизонный – бывший православный Собор потерял всю крышу, бывший мужской монастырь – сгорел¹⁶⁰. Все духовенство осталось на местах, хотя, по найденному списку, оно должно было быть вывезено вместе с около 20 тыс. жителей города в период с 22.06 – по 7.07¹⁶¹. В настоящее время город успокоился, и жители начали приходить в чувство. Все магазины, государственные, военные склады подверглись дележу мирным населением. Носили мешками сахар, рис, муку, мануфактуру и ювелирные изделия. Люди радовались, что дождались свободы и делят народное добро.

Настроение изменилось. Католики подняли носы в гору, евреи их страшно опустили, а православные притихли. Власти ввели строгую дисциплину и стали заботиться о голодных¹⁶². Всем евреям предписали одеть на правую руку большую повязку со звездой. В селах забирают активистов и всех коммунистических деятелей, очищают жителей от крайних элементов.

Военный комендант призвал к себе старших духовных лиц всех исповеданий и передал им свои инструкции¹⁶³. Все имущество, земли и частная собственность возвращаются бывшим хозяевам. Архиепископский дом возвращен полностью, и для Владыки обеспечено большое помещение, а остальное временно оставлено под госпиталь.

Все жены командиров Красной Армии остались в городе и поголовно крестят своих детей, сами же приступают к Св. Тайнам. Колхозники осаждают нас требованием крестиков. Духовенство воспрянуло. Одно есть печальное явление – произвол и слабая дисциплина среди нашего духовенства. Кучка православных поляков¹⁶⁴, как была заразой, так и осталась. Вообще весь наш соборный причт все время был гнездом вражды против Патриархии и даже против своего епископа. Немецкие власти заинтересованы в укреплении высшей духовной власти, и я как знающий немецкий язык, проинформировал коменданта о временном ее пребывании в Жировицах. Сейчас всему духовенству будут выдавать жалованье, для чего уже составили списки.

Католическое духовенство набросилось снова на православных с целью отобрать некоторые церкви. Так, католические монашки, пришедшие в село Пригодичи, попытались отобрать мою приписную церковь. Власти позволили им получить обратно бывшее имение, а они напали на старосту Сороку, но тот при поддержке женщин не побоялся трех военных, и хотя открыл им церковь, но ключей не передал. Сегодня моя матушка ходила к военному коменданту и передала ему мой рапорт, клировую ведомость, а также прошение с 493-я подписями, и он выдал бумагу о том, что церковь в Пригодичах должна остаться за православными.

Наша церковь в июне была отремонтирована, мной собрано до 3 тыс. руб. пожертвований на эту цель; воздвигнут купол новый, крест вызолочен, а теперь прибавилось еще много работы, одних стекол 240 шт., рамы и почти вся жесть на крыше требуют замены...¹⁶⁵

«О СВОИХ БЛИЖНИХ И НЕМНОЖКО О СЕБЕ...»

Семейные архивы рядовых гродненцев (фотоальбомы, письма, записные книжки, книги с автографами, подшивки старых газет и журналов, а то и вырезки из них, удостоверения личности, членские билеты, всевозможные наградные документы и прочее) – исторический источник необычайно богатый, но в то же время и практически недоступный для исследовательской работы. Личный семейный архив зарождается, пополняется, а частью, и погибает по причине достаточно банальной: есть в семье человек, интересующийся историей, своей родословной, он все делает, чтобы архив сохранялся, передавался из поколения в поколение. Нет такого человека, не будет и такового архива. Основой же его благополучия чаще всего является высокая общая культура семьи, способность домашних поэтизировать прошлое, жизнь своих родных и близких. Как правило, подобная атмосфера возникает тогда, когда жизнь кого-то из членов семьи несет в себе элементы сказочного, интригующего. Не случайно младшие так часто обращаются к старшим «расскажи, как ты был маленьким». Рассказы про войну, про оккупацию, тяжелые послевоенные годы дети слушают со сладким ужасом, не менее захватывающим, чем светлые воспоминания о детских шалостях и приключениях старших.

Из рассказов о прошлом, каким бы оно ни было – дурным или хорошим, – извлекается опыт. Семейные бумаги, фотографии, другие предметы и реликвии необычайно способствуют его укреплению и развитию. В семьях, где формируется благоговейное, уважительное отношение к тому, что осталось на память от предков, чаще всего царят лад и покой. Здесь даже при потере тех, кто стоял у истоков семейного архива, еще долгое время живет традиция обращения к старому опыту, но не как к отказу от нового, а как новое понимание того, что было в жизни членов семьи прежде.

Обидно, когда семейные архивы гибнут, расплываются по случайным рукам. Судьбой их мало интересуется государственная архивная служба. Редкое исключение составляют бумаги людей поистине выдающихся – героев войны, передовиков производства, деятелей науки и искусства. А ведь источники личного происхождения позволяют исследователю проникнуть в неповторимую атмосферу изучаемых событий, что называется, изнутри; понять и почувствовать то, что Л.Н.Толстой называл «духом и цветом» времени. Особенно это касается воспоминаний (в любой форме фиксации) представителей старших поколений. Нередко в их рассказах, случайно оброненной фразе, в пояснениях к фотографиям (где, кто и когда?) разъясняется то, что остается неясным в целых фолиантах официальных документов. Как никакой другой источник, семейные архивы передают колорит времени, проливают свет на цели и побуждения людей. Сама личность повествователя может рассматриваться, как «история в человеке», как незаменимый источник для изучения умственного и нравственного строя людей известного времени и общества, для понимания психологии эпохи.

Для чего люди пишут мемуары? Вероятно, в этом процессе с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется историческое самосозна-

ние личности автора воспоминаний. Если же человек не пишет, а рассказывает о своей жизни, то независимо от формы передачи пережитого и увиденного в его душе происходит что-то подобное. Особой оценки заслуживают те, кто не только проявляет интерес к летам минувшим автора воспоминаний, но и выступает в качестве инициатора их сохранения на бумаге, магнитофонной записи, киноплёнке, видео.

Случаю было угодно, чтобы он свел меня с семьей, в которой сложился не только семейный архив, но и где была сделана попытка записать воспоминания своей бабушки Любви Михайловны Яцкевич о своих близких и немножко о себе. Бабушка рассказывала, а внучка фиксировала услышанное в тетради. Делалось это в последние годы жизни Л.М. Яцкевич, частью с перерывами, но то, что осталось на бумаге, несомненно, представляет интерес. Я ознакомился с этими записями, когда автора воспоминаний уже не было в живых.

Знакомство же с этой семьей произошло после выхода в свет моих «Очерков истории Православной церкви на Гродненщине». Внучка Любви Михайловны Татьяна Владимировна, работница Гродненской областной библиотеки, нашла в этой книге имя своего деда – священника Матвея (Яцкевича), затем поделилась прочитанным со своей матерью, Анастасией Матвеевной, а та сразу же позвонила ко мне по телефону в университет: «Приходите к нам и мы многое расскажем вам о нашем отце Матвее». Я пришел в гости к Яцкевичам, и эта встреча оправдала мои ожидания. Она одарила меня радостью общения с интеллигентными людьми, знакомством с интересными эпизодами из жизни семьи Яцкевичей и их семейным архивом, в котором, кроме всего прочего, были и воспоминания Любви Михайловны Яцкевич, нашедшей успокоение на одном из гродненских кладбищ в 1989 году.

Большая часть воспоминаний – это повествование о большом священническом роде, отдельные представители которого оказались в гуще судьбоносных для страны событий начала XX века: революция, первая мировая война, беженство. Одна часть воспоминаний связана с Рязанской губернией, откуда была родом Л.М. Яцкевич (Морозова), а вторая – с Виленщиной и Гродненщиной, в церковных приходах которых с 1921 по 1962 годы служил ее муж, священник Матвей (Яцкевич). Короткий рассказ о нем я дополнил, с согласия его родных, материалами из семейного архива.

При описании быта православного духовенства в России и Белоруссии конца XIX – середины XX веков иногда попадают сюжеты поистине увлекательные. Оживляют воспоминания неоднократные упоминания имен известных и малоизвестных исторических деятелей: бояр Скопиных-Шуйских, грузинского полководца Георгия Саакадзе, помощника обер-прокурора Святейшего Синода Василия Скворцова, славянофилов Хомяковых, помещиков Муровцевых, княжны Барятинской, загадочного Григория Распутина, кремлевского телеграфиста В.И. Ленина – Фёдора Дёжкина, архиепископа Виленского Елевферия, патриарха Московского Алексия, сенатора, педагога и богослова Вячеслава Богдановича, президента БНР Радислава Островского, преподавательницы Виленской белорусской гимназии Елены Соколовой-Леконт и др.

Воспоминания Л.М.Яцкевич (Морозовой) оживляют и обогащают наше представление о далеком и не совсем далеком прошлом.

Из воспоминаний Л.М. Яцкевич (1897-1989)

Родилась я 27 августа 1897 года (по новому) в селе Князево-Займище Скопинского уезда Рязанской губернии. Места эти знаменитые. Некогда здесь находилось владение боярина Василия Скопина-Шуйского. Сын его Михаил был талантливым полководцем – бил и шведов, и поляков, но его популярность оказалась ему недоброю услугою: из-за опасений царя и бояр за судьбу трона его отравили. Люди рассказывали, что когда князь Дмитрий Донской шел на татар, то делал остановку в нашем селе. На том месте, где когда-то стояла его палатка, помнится, была часовенка: не знаю, сохранилась ли она до этой поры.

Отец мой Михаил Александрович Морозов, как и отец его, был православным священником. Дед служил в церкви села Пупки Скопинского уезда. Не знаю, как он рос, где учился, как оказался в этом селе. Но здесь была большая гончарная мастерская. Александру Морозову понравилась, работавшая в ней горшечница Пелагея. Познакомились, а потом, как положено, чтобы стать священником, надо было жениться. Его отец, мой прадед, был женат на поволжской немке Стелле Мюллер. Их семья приехала в Россию во времена Екатерины II-й.

Мать моя Анна Ивановна Перехвальская была родом из села Покровского Тобольской губернии. Её отец имел там имение во много десятин. Служил он дьяком; священником не хотел быть из-за лишних хлопот. Потом его все-таки соблазнили богатым приходом в той же губернии. Мать её – моя бабушка – Евдокия Некрасова была дочерью местного помещика, обедневшего дворянина, который пропил и проиграл в карты все свое состояние. Так что выход её замуж за моего деда был спасением из её безвыходного положения.

У мамы моей было три сестры – Поля (по мужу Скворцова), Надя и Мария. Как и мама, они в молодости закончили епархиальное училище и работали в церковных школах соседних сел. Надя потом, правда, переехала в Тюмень. Сестер отца моего Михаила Александровича я знала больше по фамилиям их мужей – Орлова, Боголюбова, Обновленская. Все они были духовного звания двоюродный брат Константин Обновленский был женат на грузинке-вдове. Первый её муж поляк (белорус) Слинко рано ушел из жизни, оставив жену с двумя детьми. Константин в ту пору служил в чине полковника по ветеринарной части. Был он как-то в театре, увидел в ложе красавицу-грузинку. Как навел на нее бинокль, так весь спектакль и не отводил. Кроме писаной красоты, она (звали её Евгения) была княжной по происхождению из рода Тархан-Мурави. Её первый муж Слинко служил в царской армии, а затем в белой гвардии. Погиб он от красных, по-видимому, в Крыму. Дочка Евгении – Лёка вышла замуж за крупного продовольственного магната в Грузии. Он попался на своих крупных аферах и угодил на 25 лет в тюрьму. Говорили, что он взял все на себя, за что его друзья-подельники обещали смотреть семью.

Слово свое сдержали: княжна и ее дети ни в чем не знали нужды. Род Тархан-Мурави идет от великого грузинского деятеля и полководца Георгия Саакадзе (Великий Мурави). У него был сын Тархан, от него и пошел новый княжеский род.

Константину Обновленскому как-то пришлось лечить собаку Берии. У пса была ангина. Вылечил. В подарок получил велосипед. Это было еще до того, как Берия переехал в Москву.

Да, у отца моего, кроме сестер, был еще и брат Петр Морозов. Он пошел по технической линии, был железнодорожником – помощником начальника станции Павелецкая. Далось ему это место в Москве нелегко, но зато за пост ему полагалась хорошая многокомнатная квартира. В этом его привлекательном положении не оставалось ничего иного, как влюбиться в московскую купчиху, да ещё и староверку. Её родители говорили, что если выйдешь замуж за православного – лишим наследства. Петр знал про это, но решил, что обойдется и без него. Повенчались в церкви. Родители невесты им этого не простили. Вначале молодые жили хорошо, но затем купчиха стала вести себя страшно легкомысленно. Вырвавшись из староверческих скитов, она стала гулять налево и направо. Как-то приехала в Москву на гастроли группа известных артистов. Она уговорила мужа взять артиста на квартиру: будет лишнее мне платье. А затем взяла и удрала с этим артистом. Он с ней побыл года три и выставил вон. Вернулась, просила мужа простить её, но он не простил. В первую мировую войну Петра забрали на военную службу.

Интересным человеком был дядя моего отца – полковой священник – отец Евдоким. Он содействовал тому, чтобы Петра Морозова определили не на строевую службу, а санитаром в госпитале. Был его полк в Польше, под крепостью Новогорьевской (Новогеоргиевской): и вдруг не успели отступить. Всех наших немцы забрали в плен, но дядю (отца Евдокима), ему было 80 лет и он считался заслуженным чиновником, немцы из плена отпустили, хотя он стремился быть со своей паствой. В Петрограде его встретили с почестями, дали хороший приход под столицей, но он вскоре умер. В войну походная церковь отца Евдокима имела чаши позолоченные, кресты серебряные, ложки, вилки, ножи, подстаканники – вся посуда была чудесная; иконки в красивых окладах с камнями – все это спаковали перед приходом немцев в гроб, инсценировали похороны. Это было за Варшавой у крепости Модлин. Перед самым-самым приходом немцев это сделали. Инсценировку эту предложил комендант крепости. Были схема, план...

А Петр Морозов три года просидел в плену. Родители все время посылали ему посылки, он же просил не присылать ничего, кроме сухарей, т.к. немцы все отберут. Вернулся худой, больной; уже была революция. Попросился побыть у Морозовых – моих родителей – просто работником, отдохнуть. Вскоре отец мой умер, и он остался помогать Анне Ивановне. Правда, когда захотел уехать, стал просить о разделе имущества. Его делили через суд; поделили пополам, но он половины не взял. Но все равно так повести себя – с его стороны было некрасиво.

Сын отца Евдокима – Андрей решил идти в архиереи, окончил духовную академию, готовился к пострижению в монахи. Но его товарищ по академии, узнав, что безнадежно болен, попросил Андрея о помощи: снимать квартиру было тяжело, жена не работала, ждала ребенка. И он взял слово с Андрея, что тот не оставит их. Умирает друг, Андрей приводит в порядок его дела и влюбляется в эту женщину. Он мог бы быть ректором Киевской духовной академии, но теперь уже побоку духовный сан. Получает должность инспектора народных училищ, забирает с собой неожиданно обретенную семью и едет к новому месту службы. Это было в 1916 году. Когда я, после окончания Рязанского епархиального женского училища, надумала учительствовать и отец мой написал письмо Андрею с просьбой помочь мне устроиться на работу, то он любезно пригласил меня к себе, но мама не пустила. К этому времени отец получил новый приход в селе Круглое, а рядом, в 6 км, было сельцо Хрущево. Вот туда-то, ближе к дому, меня и устроили. Примерно в 30 км от нас находилась узловая станция Рязанско-Уральской железной дороги Астапово, там умер Лев Толстой.

Сестра моей мамы Пелагея Перехвальская совсем молоденькой вышла замуж за священника Тихона Михайловича Скворцова. Его старший брат Василий Михайлович Скворцов служил помощником обер-прокурора Святейшего Синода. Человеком был знаменитым, как в духовной, так и в государственной сферах. Он имел непосредственное отношение к отлучению Льва Толстого от церкви, организовывал проведение миссионерских съездов, полагая, что русское государство, православие и самодержавие – это одно целое, и что все вопросы веры и церкви у нас – есть суть вопросы государственные. Одним словом, державный был человек и, говорят, книги писал, воспоминания. Я их, правда, не читала. Жил он в Петрограде. У отца же Тихона и матушки Пелагеи было другое богатство – 16 детей. И вот Василий Михайлович решил одного из них – Колю взять к себе в семью. Отец Тихон с матушкой, да и Василий Михайлович думали, что Колин переезд пойдет всем на пользу. Но жена Василия Михайловича (дочь московского протоиерея) сразу же невзлюбила мальчика. Она решила, что в комнате двух родных сыновей нет места для третьей кровати. И ему поставили ее у лакеев. А они все пьяницы и спаивали Колю (в ту пору ему было 14-15 лет). Однажды, когда в доме были гости, жена Василия Скворцова решила похвастаться, что у них в семье есть воспитанник, послала за ним, а его уже лакеи накачали. В сердцах она выгнала паренька вон к родителям. Там Колю определили в духовное училище, после чего он по просьбе отца Тихона стал служить псаломщиком у моего отца. Нашли ему жилье, тетка Пелагея привезла мебель, моя мама нашла старушку, которая бы убирала, стирала, корову ему привели, чтобы было молоко. У родителей моих Коля иметь стол не захотел, хотел быть сам. А сам пьянствовал. Однажды весной он свалился в грязь. Хозяйка прибежала – нет Коли. Пошли его искать, нашли в канаве. Это лежание обернулось тяжелейшим воспалением легких. Лечили-лечили, но организм был слаб, и Коля умер.

Другой сын Скворцовых – Митя (не скрою, он был влюблен в меня, но я же ему приходилась хотя и двоюродной, но сестрой) в отличие от Коли понра-

вился жене Василия Михайловича Скворцова, то он не поехал к ним в Петроград: дескать, с лакеями под лестницей жить не буду. Он поступил в Лесной институт в Выборге. Неподалеку, в Вирице, у его тетки Анны Михайловны Скворцовой (в замужестве Чучкиной) была дача, и Митя там поселился. Чучкин был товарищем моего отца. Он долго был одинок, но отцу удалось сосватать Чучкину родственницу Анну Скворцову, а ей было уже за тридцать. Они были бездетны. Анна была скупа и племянника слабо кормила. Чучкин это видел и иногда для подначки сварливой супруги, обращаясь к племяннику, говорил: «Митя, поедем после обеда пообедаем в ресторане...»

После окончания Лесного института Митя получил место в Саратовской губернии (1914-1915 г.), но заболел. Со стороны Скворцовых почти все болели чахоткой. Врачи посоветовали Мите пожить в Крыму. А у его дяди Василия Михайловича, крупного синодального чиновника, была дача в Крыму, в Гурзуфе. Тетя Пелагея попросила у него пожить там какое-то время вместе с с Митей, и он разрешил. Крым пошел на пользу, Митя пожил здесь около года и поправился. После чего он приехал в Спешнево, это рядом с Хрущево, где я учительствовала. Хрущево и Спешнево находились по прямой линии. Один раз Митя шел, а у дороги вырыты были бурты (ямы) для картошки, и неизвестно, как он попал в эту яму. Выбраться из нее выбрался, но мокрым шел полторы версты. А дело было осенью, вскоре у него открылось легочное заболевание. Когда Митя подлечился, он поехал в Саратовскую губернию, к своему месту службы.

Что же касается Василия Михайловича Скворцова, то он после революции удрал в Сербию, в Сараево. Здесь он преподавал в духовной семинарии богословские науки, церковнославянский язык, а жена его открыла шляпную мастерскую. Как сложилась их дальнейшая судьба на чужбине, я не знаю, но в Сербию к беженцам из России относились хорошо.

Старший брат моего отца – дядя Алексей – служил священником в селе Захаровка Михайловского уезда Рязанской губернии. Второй брат – дядя Николай – был диаконом в селе Долгомосты Рязанского уезда той же губернии. Третий брат Георгий – диаконил в селе Березняки Скопинского уезда. Как пришла советская власть, его сослали в Соловецкий монастырь, где он и умер. Брат Василий служил псаломщиком в Скопинском уезде. Так что все мои дядья по отцу являлись церковными служителями. Три его сестры – мои тетки – Мария, Евгения и Олимпиада тоже были замужем за священниками. Мамин брат – дядя Николай служил священником в г.Данкове (ул.Пушкарская). Второй ее брат тоже был священником в Оренбурге. В советское время им и их деткам за свое поповское происхождение пришлось немало всякого пережить.

Как я уже говорила, мой отец Михаил Александрович в 1902 году переехал из Скопинского уезда в Данковский, в село Круглое. В его истории было немало связанного с войной 1812 года. Неподалеку находилось имение Хомяковых. Один из них был писатель-славянофил Алексей Степанович Хомяков. В этом имении останавливался во время войны фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. В память о нем главную аллею в имении называли Кутузовка.

Помню, что хозяева его гордились аллеей и присматривали за ней. Родственники Хомяковых построили в этом селе храм во избавление от французов. Храм – точная, только уменьшенная копия Храма Христа Спасителя, что был в Москве.

К 1912 году (юбилейному) Михаил Александрович Морозов попросил у сына писателя Н.А.Хомякова – долгое время был председателем Государственной Думы – помочь с ремонтом храма, своей историей связанного с Отечественной войной. Хомяков откликнулся на эту просьбу, прислал для ремонта и реставрации целую артель рабочих, и они все быстро обновили. Сам Михаил Александрович окончил Рязанскую духовную семинарию, очень любил историю, а потому все работы осуществлялись под его тщательным присмотром.

В трех верстах от Круглого, под Рязанью, находилось имение помещика Владимира Ценирова, генерала от инфантерии, выбившегося из низов. Имел свою контору, через нее получал почту. Дом был красивый, окна разноцветные. Ценировы сами жили в Петрограде, имели двух сыновей и четырех дочек. Жена Ценирова – Любовь Викторовна – дочь столичного профессора, воспитанница Смольного института – не умела лошадь от коровы или овес от ячменя отличить, но была женщиной очень доброй, и крестьяне этим пользовались: барыня, у меня коровка пала; барыня сразу же управляющему (Николаю Герасимовичу Немцеву): «Дайте ей корову». Или телега у крестьянина растряслась, барыня сразу же и говорит: «Снимите у нас колеса и отдайте нуждающемуся». После таких поступков жены генерал Цениров не раз грозил управляющему расчетом.

Старший из сыновей генерала дослужился до полковника и, судя по всему, был человеком гордым. Когда уже после революции он наотрез отказался снять офицерские погоны, то его расстреляли на месте. Помню, в 1917 году мы справляли Новый год у генерала Ценирова в имении. Сын управляющего Немцева Николай ухаживал за мной, его брат Миша – за моей сестрой Таней, а брат наш Ваня – за дочкой управляющего Валею. Веселились, как могли, таз с водой, воск, топили его, а затем смотрели, что получается при выливании растопленного воска из кастрюли в таз с водой. Или брали блюдечки: в одно насыпали пшеницу, в другое лили воду, в третье клали хлеб, в четвертое – зеркальце и т.п. Ловили кур, каждый приносил свою курицу и смотрел, куда она клюнет: если в воду – значит, муж будет пьяница, если пшеницу клонет – богатый муж будет, а если в зеркало – то франт. Или набирали во дворе поленья дров, бросали их на землю и считали: если парное число – будет тебе пара, а если нет – одна останешься.

Занимались и модным тогда спиритизмом. Стол брали гладкий, чтобы не было гвоздей, ставили блюдце и с одной стороны линейчку рисовали, а кругом – алфавит. Все играющие свои пальцы вместе сводят, держат над блюдцем и вызывают духа какого-нибудь усопшего. Например, Наполеона или Македонского. У Вани Морозова вышло: поступит учиться в Казань; Немцева Ваню спрашивала: «За кого замуж выйду?», а в ответ: «за Павла Пальмина». Мне же вышло – за Матвея Яцкевича (о том, что я недавно познакомилась с ним, знал

один лишь Ваня); Тане – долго не выйдет замуж, А Миша Немцев будет военным. Он действительно вскоре поступил в юнкера, а затем был дружен с красным наркомом военных дел Николаем Крыленко. Катя Пальмина училась со мной в епархиальном училище в параллельном классе. Как-то она зашла к нам в гости с братом, а в это время у нас была Валя Немцева – дочь управляющего. Увидела она Павла Пальмина, влюбилась в него и бросила нашего Ваню. Тогда же гадала я с Анютой Скворцовой. Перед 12-ю часами поставили зажженные свечи у зеркала, да так, чтобы в нем отражался коридор. В 12 часов ночи надо было пристально вглядываться в зеркало, дескать, тогда можно узреть свою судьбу. Смотрели мы, смотрели, но ничего не увидели. Гадали также: когда разграбят имение (по соседству их вовсе разносили по частям). Получили ответ: завтра, в 12.00. Испугались, сказали об этом управляющему, а он ответил, что все припрятал. И действительно, как в воду глядели, где-то около 12-ти примчался к нам домой верховой: «Не приезжайте в имение, приехали люди громить его». Генерал Цениров, говорят, умер своей смертью.

Неподалеку от нас жили родовые помещики Муромцевы. Жена Муромцева – урожденная княжна Барятинская. Детей им бог не дал, и Муромцева хотела посвятить в монашки. В имении Барятино она устроила при тамошней церкви кельи для монашек и т.п. Говорили люди, что в Барятино останавливалась императрица Екатерина II, когда ей Григорий Потемкин образцовые деревни показывал. Род Муромцевых был известным. Один из Муромцевых служил русским послом во Франции, когда там казнили Людовика XVI с женой Марией-Антуанеттой. Во время этой казни звонили колокола, так Муромцев в память об этой исторической трагедии вывез эти колокола из Парижа к себе в имение. Среди привезенного тогда была и полная французская энциклопедия с золотым тиснением. В 1918 году стали повсеместно разорять имения. Дошла очередь до Муромцевых, тем более у них при имении находился винокурный завод. Парадная лестница в имении была мраморная, так ее били неизвестно зачем на куски, шикарную мебель тоже разносили кто куда, а энциклопедию за ненадобностью изорвали и сожгли, а в свое время за эту энциклопедию приезжавшие французы предлагали Муромцеву миллионы, но он не согласился. Еще в давние времена дед этого Муромцева привлекал на строительство своего имения беглых крестьян, хотя этого нельзя было делать. Один раз ему сообщили, что из губернии едут ревизоры, он долго не думал, дал мужикам-рабам своим воды и еды на 3-4 дня да и запер их всех в подвалы дворца. А ревизоры взяли да и просидели у Муромцева при хорошем приеме целый месяц, а за это время люди-то в подвалах и погибли.

Имение это находилось в восьми верстах от нашего села. Комнаты в нем были меблированы в японском и китайском стиле. Задолго до разгрома родового гнезда княгиня Барятинская-Муромцева ушла в монахини, отреклась от имения в пользу племянника Волкова. В монастыре она взяла себе на воспитание девочку, думая, наверное, сделать ее после себя настоятельницей обители. Этой девочке было в 1918 году лет 16-17. Когда красные стали разорять монастырь и выгонять монашек из него, княжна Барятинская, по-видимому, что-то припрятала у себя в келье и тайну эту поведала наследнице, то когда

последнюю красные стали допрашивать с пристрастием, она все и рассказала. Игумень не дали на существование. После закрытия монастыря она ходила по людям, побиралась.

В 35-ти верстах от Круглого было прекрасное имение Нечаевых-Мальцевых. Дворец – загляденье, хотя сами они вышли из крепостных крестьян. В революцию управляющий имением все наиболее ценное из того, что можно было спрятать (посуду, драгоценности и т.д.) опустил в пруд. Новые хозяева устроили здесь коммуны – все общим сделали. Все было общее, но в один момент стали пропадать тарелки, ложки, поварешки... В общем, ничего из коммуны не вышло, за месяц-два все порастаскали, да и сами разбежались. Здесь учительствовали в это время брат моего будущего мужа Леонтий Алексеевич Яцкевич с женой Эмилией. Все это они также видели своими глазами.

Кроме Тани и Вани, был у меня еще брат Александр. Умер он в 15 лет. Если бы остался жить, то был бы, наверное, писателем. Добрый, умный и веселый имел он нрав. Издавал дома рукописную газету «День», в которой подобно настоящим были все рубрики, включая и корреспонденции, главными героями которых, естественно, были все домашние, а также близкие и дальние родственники. Я помогала ему в этом деле.

Как сложилась моя судьба? Семь лет отработала в церковноприходской школе учительницей, а как вышла замуж, стала домохозяйкой, матушкой. Брат мой Иван Морозов, как и нагадали ему, окончил Казанский ветеринарный институт. Работал по специальности. В сталинское время при Ежове, был репрессирован за то, что в Горьковской области, где он в то время работал, сталидохнуть кролики. Через три года за неимением вины он был освобожден из заключения. В Отечественную войну воевал на фронте, был контужен, в чине капитана закончил войну. У него было три дочери, и у каждой из них свой жизненный путь. Сестра Татьяна окончила МГУ, работала на Урале, в железнодорожной школе при станции Златоуст, а по возвращении в Москву – в одной из школ рабочей молодежи. Жила на Арбате, в Калошином переулке, напротив театра Вахтангова. Затем в Староконюшенном переулке, рядом с домом Хрущева. Сестра Валя окончила лесной техникум. Умерла рано. Ее муж впоследствии женился на Татьяне, он погиб в годы войны. Брат Сергей долгое время заведовал хозяйственной частью в МГУ. Был дружен с самим А.Я.Вышинским, когда последний был еще ректором МГУ. Сергей любил все красивое. Картина, что висит у нас, обменена им в гражданскую войну на буханку хлеба. Сам голодал, но упустить ее не мог, а затем нам подарил. Как и Иван, Сергей воевал, погиб 25 марта 1944 года на Южном Буге. Брат Николай работал инженером Харьковского тракторного завода, во время войны был с заводом эвакуирован на Урал.

Ну а теперь будем смотреть фотографии. Видите, трое на фото: священник – это мой дед Перехвальский, а рядом его дочери: мама и ее сестра Надя. Это когда они жили в селе Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии. Село это было вначале просто огромным, а потом стало и знаменитым, так как отсюда был родом Григорий Распутин – загадочный человек. Дед Иоанн Перехвальский много раз видел Григория, когда тот приезжал на родину, но

всякий раз побаивался на него смотреть в упор. Говорят, у него были страшно пронзительные глаза и редко кто осмеливался встретиться с ним взглядом.

Фото рядом – священник с бородой – это дядя моей мамы протоиерей Замин; сестра моего отца была за ним замужем, Большого ума человек, деловой, благовоспитанный. Под его опекой было несколько приходов. Отца моего он любил и уважал, а Тихона Скворцова он терпеть не мог. На следующем фото – двоюродная сестра моей мамы (имени ее не помню). Она вышла замуж за Тихвинского – инспектора народных училищ в Нижнем Новгороде.

В белой форме епархиального училища – родная сестра моей мамы – Мария. Она была замужем за священником Александровичем, служившем в Оренбурге. А здесь в нарядном белом платье еще одна сестра моей мамы Надежда.

А вот это я, когда училась в Рязанском епархиальном училище. Рядом фото – во весь рост с цветами, моя подруга Варя Патрикеева. Мы вместе учились в Рязани. Потом она учительствовала в Ряжске, прекрасно играла на скрипке. Там она вышла замуж. Брат Нюры Скворцовой Гаврюша еще в годы нашего ученичества ухаживал за Варей, хотел жениться на ней, но отец Гаврюши ни в какую, (дескать, дочь псаломщика, ни за что!). А Варя сказала ухажеру так: раз родители не дают согласия, не пойду. А Гаврюша между тем репетировал у одной вдовой мещанки мальчика. Не знаю, лучше ли стал учиться последний, но мамаша взяла и женила Гаврюшу на себе. Отец его потом волосы рвал на себе.

Молодой человек в пенсне – это Митя Скворцов – мой двоюродный брат, а это мой последний ухажер накануне замужества – псаломщик Смирнов, – голос имел чудный, но пьяница необыкновенный, говаривал моей маме: «Анна Иванова, как вы полощите зубы водкой, не выплевывайте, я выпью». У него было много братьев: Павел был влюблен в Таню, но безответно. Окончил Тимирязевскую академию, работал где-то на юге страны директором крупного совхоза. Алексей за всеми ухаживал сестрами. Их дядя был профессором Тимирязевской академии, хотел, чтобы Таня шла туда учиться, но она не захотела.

А вот Анюта Скворцова. За ней слегка ухаживал Николай Гумилев (как-то поцеловал в щечку). Была она очень веселой, остроумной, красивой; всегда много ухажеров крутилось вокруг нее.

После революции все телеграммы, шедшие на имя В.И.Ленина, принимал Федор Дёжкин. Знал он девять языков, а женат был на моей двоюродной сестре Зине Перехвальской, очень красивой женщине. В Москве у них была роскошная квартира с окнами на Кремль. Дёжкин с друзьями предлагали моему мужу (Матвею Алексеевичу) идти к ним, в Наркомпрос, заведовать каким-то отделом. Дёжкин ему говорил: «Матвей Алексеевич, идите к нам, лет через пять здесь будет рай». А он ему в ответ: «Никакого рая у вас не будет, дай бог, чтобы продержались тут лет 25». Спустя какое-то время Дёжкин рассказал в компании трех друзей политический анекдот. Наутро его забрали, жестоко избили, что-то отбили, полуживого доставили опять в квартиру – умирать. И он действительно умер через какое-то время, будучи высланным из Москвы.

Жена его, красавица Зина, любила оперу, водила знакомство со многими знаменитыми артистами, бывала в гостях у Ивана Семеновича Козловского. После чего любила потом похвастаться перед подругами: «Козловский так на меня смотрел, ох-ох!» Женщины есть женщины.

Про себя и своих родных рассказывать много проще, чем о других. Поведать же о своем муже – это мой долг. Сам он этого уже не сможет сделать, да и при жизни не очень любил о себе говорить.

Матвей Алексеевич Яцкевич родился 5 (по новому 17) августа 1886 года в деревне Еськовке Вилейского уезда Витебской губернии в бедной крестьянской семье. Его отец (родом из деревни Яцкевичи) был грамотным человеком. Так случилось, что в Еськовку он пришел, что называется, в примаки. Жили молодые небогато, но все для жизни имели. Мать Матвея – Терезия окончила в городе школу повитух, и это тоже помогала ставить на ноги большую семью. Многие дети (сыновья) у Яцкевичей в младенчестве умирали, а дочки (Елизавета, Пелагея, Соня, Аня), как и сыновья Матвей и Леонтий остались жить. Родители очень хотели, чтобы сыновья учились. Первым стал учиться Матвей. Он успешно окончил народную школу, ремесленное училище, а в 1908 году – Молодечнскую учительскую семинарию. Перейдя на свои хлеба, т. е. став учительствовать, он отправил вслед за собой учиться и младшего брата Леонтия. Когда и тот освоился в городе, Матвей поступил в Витебский учительский институт. Учиться одновременно двум братьям материально было очень накладно, но Матвею сразу же повезло устроиться репетитором у одного ветеринарного врача. У того было пятеро ребят, один другого глупее. Вот Матвей и взялся их подтягивать. За это имел завтрак, обед, ужин и полтора рубля (золотых) в месяц. Кроме этого, в другой семье он получал за уроки по математике за один час рубль. На то время это были неплохие деньги: за пять рублей можно было приобрести хороший костюм, а за полтора – сапоги. Разумеется, что Матвею было не до франтовства: главное – учиться. В 1914 году он с отличием окончил учительский институт и параллельно продолжал там же в Витебске курс археологического института (бывшего отделения Московского археологического института).

Не успевшего порадовать родителей своими аттестатами, Матвея в связи с началом войны призвали в царскую армию. За полгода обучения в военном училище он успел сдать экзамены за первый офицерский чин и вскоре оказался на фронте. Как он воевал, что пережил, рассказывать он не любил, но господь его миловал. А тут началась одна революция, другая. Война, явно шла на убыль...

К этому времени семья Яцкевичей на положении беженцев оказалась на Рязанщине, в одной из деревень, в которой находилась ферма помещика Стаховича. Управляющий его Вашкевич, как знавший еще до войны Леонтия, принял все семейство Яцкевичей на квартиру. Уже сюда подпоручик Матвей приезжал к своим родным на побывку. Здесь, на Рязанщине, мы и познакомились.

Когда в 1918 году был подписан с немцами мир, Матвея уволили из армии, и он поступил в Петроградский агрономический институт. Проучился в нем всего лишь два года, были голод, разруха. Жил он в рабочем поселке при Царскосельском вокзале. Чтобы продержаться, учил там ребят; пообедает шелухой мороженой с крохами военного хлеба и едет в институт. Иногда опоздает на поезд и шлепает в Петроград пешком.

29 января 1919 года мы с ним в Петрограде повенчались. Жениху было 32 года, а мне – 21, но разницу лет мы не ощущали. На третий курс Матвей уже не поехал, а устроился учителем в деревне Кобиково, а я рядом учительствовала в Хрущево. Хорошее это было время, хотя и зыбкое. Осенью 1920 года Матвея взяли преподавателем 2-го Советского Надеждинского училища, но проработал он там немного.

3 марта 1920 года у нас родилась Анастасия. Дочке мы радовались, но жизнь как и в материальном, так и в духовном отношении становилась все тяжелее. Весной 1921 года стали поляки приглашать вернуться беженцев под польское подданство, многие вернулись. Появилась такая возможность и у Яцкевичей. Я не знаю, что думал каждый из них об этом, но раз Матвей решил ехать домой, то и у меня не возникало других мнений. Конечно, как всегда перед отъездом были у нас свои тревоги и переживания: кто и что нас там ожидает. Жили мы тогда с семьей брата Матвея – Леонтия в запущенном барском доме, его венецианские окна я вижу, как сегодня. Собрали свои скромные пожитки на подводу и поехали. На железнодорожной станции в Рязани таких, как мы, ждал товарный эшелон. Когда сели в вагон, приехал мой брат Иван, привез нам мешок пшена и денег (20 рублей серебром). Из Рязани поехали на Москву, а потом уже на запад.

Когда приехали в Вилейку, то польские власти сказали Матвею, что если он по своему образованию хочет работать, т.е. учителем, то ему надо ехать на какие-то курсы по переподготовке в Краков, говорили о каких-то льготах (общеежитие, питание и др.). Но он оставлять семью не хотел, так как знал, что мы без него не прокормимся. Узнав о нашей беде, священник местного прихода Матвею посоветовал: «Сейчас здесь будет Виленский архиерей Елевферий, я ему вас представлю, может будете у меня псаломщиком». Владыка побеседовал хорошо с Матвеем, а когда увидел его документы, то тоном, не терпящим возражений, заявил: «Собирайтесь тотчас же на три месяца в Виленский Святодухов монастырь». Поехал он туда, стал изучать богословские науки, устав, как проводить службу в церкви, и т.д.

7 октября 1921 года архиепископ Елевферий рукоположил Матвея в иерея (священника) Сватковской церкви (возле Вилейки). Это был наш первый приход. Земля была далеко, километров пять от дома. Но дом священника был хороший, на пригорке: веранда, прихожая, гостиная, кабинет, затем с другой стороны – две спальни, домашняя столовая, крестильная комната, кухня; из нее был вход в подвал и на чердак. Кругом еще не старый сад.

Через три года появилась возможность у отца Матвея переехать служить в церковь на станции Уша, но кто-то перебил. Весной 1923 года согласно прошению он был перемещен на вакансию второго священника в село Черес-

сы Друйского благочиния. Все это было прежде Виленское воеводство. Пожили в Черессах лет пять, а в мае 1928 года отец Матвей резолюцией архиепископа Феодосия Виленского был перемещен на настоятельское место к Лебедской Свято-Николаевской церкви Лидского благочиния. В 1931 году за церковные заслуги отец Матвей был награжден архиепископом Виленским и Лидским Феодосием Камилавкою. В Лебеде мы прожили до 1959 года – это 30 лет на одном месте, и оно стало нам родным. К своим священническим обязанностям отец Матвей относился добросовестно. В 1930-е годы состоял Щучинским благочинным, а затем духовником благочиния. Духовенство его уважало, прихожане любили, и он платил им за это сторицей.

Когда Настя подросла, стали водить ее в начальную школу в соседней деревне Дмитровцы. В 10 лет решили отвезти её учиться в Виленскую русскую гимназию. По нашему мнению, да так думали и все наши друзья, это заведение было для людей нашего круга самым идеальным.

В школе и в гимназии Настя училась хорошо, была девочкой живой и любознательной. В Вильно она жила на квартире у нашей знакомой Елены Кирилловны Соколовой-Леконт – преподавательницы белорусского языка и литературы в Виленской белорусской гимназии. Родом Елена Кирилловна (урожденная Залеская) была из Трок (Трокай). Со своим первым мужем – царским полковником Соколовым и страшно ревнивым человеком, она была в разводе. От этого брака у нее родились сыновья – Анатолий и Николай. Когда началась первая мировая война, Елена Кирилловна со старшим сыном выехала в Минск. Потом муж не захотел ехать обратно, уже в Польшу, а у нее – мать здесь с младшим сыном Колей осталась. Мать её была полькой-католичкой. Елена Кирилловна подумала-подумала, взяла с собой старшего Толю и возвратилась в Вильно. Отсюда мужу написала: «Хочешь, едь сюда». Но он не поехал. Дядя Елены Кирилловны по отцу тоже был полковником, он в свое время отдал её в институт благородных девиц, и она его успешно закончила. Старший брат её также имел образование, а младший не хотел учиться и работал санитаром в госпитале Святого Якуба.

Елена Кирилловна с детьми и родней очень любили гостить у нас. Приезжали на целое лето в Лебеду и за это держали Настю у себя на квартире в Вильно. У Леконтов мы с отцом Матвеем познакомимся с тогдашним директором белорусской гимназии Радиславом Казимировичем Островским. Рыжий, с усами, в очках. Держался он с нами с чувством личного превосходства. В Вильно все его знали, в первую очередь, как белорусского деятеля. Был он одним из вождей «Грамадь», все деньги на неё из СССР (вроде бы) шли через него. Под Вильно имел прекрасную дачу. Жена его – Антонина Иосифовна (Осиповна) была довольно приятной женщиной.

В этом смысле нам с отцом Матвеем значительно ближе был Вячеслав Васильевич Богданович, учитель Виленской русской гимназии (в последние годы обучения наша Настя жила у него на квартире). Он тоже любил все белорусское, но оно для него заключалось прежде всего в православии, т.е. в том, что объединяет восточных славян, делает их крепкими духовно и телесно.

Когда поляки почувствовали, что Островский и от Советов деньги получает, и к ним подлаживается, выкинули его с директорства и отправили простым учителем куда-то в Сувалки. Потом он перебрался в Лодзь. Дочь Островских Галя работала врачом в Скрибовцах, а сын Вика (Виктор) учился в Виленском университете Стефана Батория. Он дружил с сыновьями Елены Кирилловны. Островский несколько раз наезжал к нам в Лебеду, в гости. В церковь заходил, как на экскурсию. О вере разговоров он с отцом Матвеем никогда не вел, наверное, потому что был католиком, но зато все уговаривал его перейти с русского языка на белорусский. На что батюшка с улыбкой говорил: «Раз я белорус, следовательно, русский». Островскому это не нравилось, но вида не подавал. Был он, несомненно, умен, эрудирован. Выражалось это и внешне, в голосе, осанке. Роста он был выше среднего. В войну он стал президентом БЦР.

Когда фронт приблизился к Белоруссии, Островский удрал вместе с немцами. Жену его и сына арестовали. За дочь Галей ухаживал один врач, но ущербный, морфинист. Она ему наркотики выписывала, видно, любила его и даже перешла из-за него в католичество, вышла замуж, но потом раскусила и разошлась. Гале каким-то образом удалось узнать, где находятся в заключении мать и брат Вика, вот она и стала просить меня послать им посылку, так как из Литвы, говорят, их не принимали. Мы с отцом Матвеем не могли ей в этой просьбе отказать. Не знаю только, дошла ли она до них. Позже стало известно, что баржа, на которой перевозили арестованных к месту заключения (там были и Островские), перевернулась посредине реки и все бывшие на ней люди утонули.

Александра Лаврентьевича Леконта – мужа Елены Кирилловны (он был при Керенском то ли помощником губернатора, то ли вице-губернатором) посадили тоже в тюрьму. Сидел он в Вилейке. Елена Кирилловна, как стало известно, где он сидел, послала ему посылку, но посылка вскоре пришла обратно. Забеспокоилась она, но в чем дело, не знает. А в Вилейке, у нашего знакомого священника Белявского, сестра жены работала в тюремной больнице медсестрой. Она мне и написала, что Леконт умер на ее глазах. Я не осмеливалась сказать об этом Елене Кирилловне. И только тогда, когда один его товарищ по камере вернулся после реабилитации домой и все, что было с Леконтом, рассказал, то и я показала Елене Кирилловне то печальное письмо из Вилейки.

Четверть века педагогической деятельности Соколовой-Леконт выпало на время, когда были немцы. Островский к этой дате наградил её крестом, что и стало главной причиной ее ареста. Выходило, раз наградил при немцах, то им и служила, хотя это было не так. Был такой случай. В первые дни войны, когда немцы все подряд бомбили, неподалеку от их дома проезжали на машине члены семьи одного политрука, а тут воздушный налет, они выскочили из нее (мальчик, девочка и мать) – мать накрыла детей своим телом. Старший сын Елены Кирилловны Анатолий находился неподалеку. Подбежал к ним, видит – мать мертва. Мальчик встал и говорит: «Дяденька, не бейте меня, я не немец». Было ему лет шесть, а девочке – восемь. Толику их жалко стало, и он их взял

собой. Женщину похоронили на ближайшем кладбище, а детей перекрестили и оставили у себя жить. После войны отец-политрук их разыскал. И все этому радовались. Детей, правда, допрашивали потом органы безопасности – не относились ли к ним здесь плохо? Когда после ареста Соколову-Леконт отправили куда-то за Горький, отец этих детей хлопотал за нее, как мог. А бабушка их все время молилась за Елену Кирилловну. Потом ее перевели в Киевскую область, в Чернобыль. Там в лагере она была кастеляншей, т.е. заведовала бельем.

Не получалось жить в ладу с Советской властью и старшему сыну Анатолию. Первый раз его арестовали где-то в 1939 или в 1940-м году, когда его приняли за польского, а может быть, за немецкого перебежчика. До этого он жил и работал адвокатом в Сувалках (они были польские), когда добирался домой, по дороге простудил позвоночник. Пришел со своей подругой в Лебеду. Мы подкормили, подлечили его. После чего отец Матвей отвез их в Лиду, а оттуда они поехали в Литву.

В начальный период войны Островский вызвал Анатолия в Минск и сказал: «Будешь бургомистром Борисова!». Толик, насмотревшись за полгода на зверства немцев, от этого назначения отказался. Знакомый Елене Кирилловне отставной генерал-литовец, владевший в Вильно ликерной фабрикой, предложил ему должность управляющего по рекламе и сбыту продукции. Там, на фабрике, он всю войну и проработал. Так что неисповедимы пути господни. В свое время вместе с отцом Матвеем в Витебске учился некий Иосиф Балай. При Керенском он пошел в гору, где-то был одно время губернатором, а Александр Лаврентьевич Леконт – у него, вероятно, был помощником. Когда все рухнуло, Балай пошел в священники, а Леконт – в Виленскую консисторию. На нем лежала вся отчетность – какой приход, сколько свадеб, похорон и т.д.

Балай ненавидел большевиков, и потому удрал с семьей вслед за немцами. Остановились в Бреслау, там что-то его сын сказал немцу, а тому это не понравилось и он пристрелил молодого человека. От пережитого Иосиф Балай получил инфаркт. Жена осталась одна. Собралась группа таких же – поедем в Америку. Поехали. И там ей повезло, она попала на ферму, владелицей которой была дочь Льва Толстого – Александра Львовна. Она старалась помочь всем эмигрантам-землякам, а жену Балая она устроила работать в швейную мастерскую...

... Как мы жили в Лебеду с отцом Матвеем – всего не перескажешь. Война – она и есть война, а под оккупацией жить особенно страшно, не знаешь, что завтра будет, кто тебе друг, а кто – враг. Заходили к нам разные люди и днем, и ночью. И каждый требовал попить и поесть. Дескать, поп – он не бедный. Все то ничего, да не знаешь, чем этот хлеб-соль обернется. Когда немцы отступали, у нас сидели на кухне партизаны. Вдруг они заметили через окно немца, схватили его – убьем. Батюшка просил их этого не делать, но они сняли с немца кольцо, ремень, повели к гумну и застрелили. «Если отпустим, найдет своих и приведет, покажет, где у нас стоянка...», – говорили они. Пережили немало и грабейей. Осенью 1946 года нас ограбили. Обидно, что вместе

со всем добром грабители унесли в сундуке и священническую грамоту, из-за чего у батюшки были с властями неприятности.

Но нас господь миловал, да и прихожане в обиду не давали, защищали, как могли. В 1946 году Святейший Патриарх Московский Алексей наградил отца Матвея палицей. Приятна нам была высокая награда, но батюшка говорил: «Погоди радоваться, завистников накличешь». Во время власти в духовенстве усиленно искали врагов, но как только тучи над нами сгущались, прихожане нас один на один с бедой никогда не оставляли. . .

Вот читайте:

«Настоятельно Лебедской церкви Мало-Можейковского сельсовета Желудокского района Гродненской области Матвеем Алексеевичу
от прихожан Лебедской церкви
Благодарность

Когда немцы в июне 1941 года ворвались в наши белорусские деревни и начали расстреливать людей по первому подозрению в причастности к советской службе, наш батюшка Матвей Алексеевич Яцкевич, рискуя собственной жизнью, ходил, ездил по деревням, чтобы спасти своих людей. В один из таких обходов в деревне Феликсове немцы едва не убили его; уже немец направил на него автомат, и только, когда деревенские женщины бросились к немцу со словами «нам батюшка», он что-то сообразил и опустил оружие.

Своей неутомимой энергией и самоотверженностью наш батюшка спас от немецкого расстрела: 1) гр-на деревни Феликсова, депутата Николая Поварго; 2) гр-на деревни Игнатковцы депутата Иустина Гомза; 3) председателя Голдовского сельсовета Антония Лелявко; 4) гр-на деревни Оленковцы, депутата Михаила Мاسя; 5) гр-на деревни Кирели, учителя Осипа Табенко; 6) гр-на деревни Оленковцы, милиционера Ювеналия Каминского; 7) председателя Хомчинского сельсовета Владимира Фияся; 8) секретаря Гордеевского сельсовета Беганского; 9) секретаря Мало-Можейковского сельсовета Гумбара; 10) оставшемуся по случаю ранения младшему лейтенанту советских войск – впоследствии партизану Григорию Киричику он выработал паспорт, зачислив его к своим прихожанам, и тем укрыл его от немцев; 11) когда немцы арестовали нашего врача Остроумова, оставшегося у нас вследствие ранения, наш батюшка пошел к коменданту полиции и предложил себя арестовать, а Остроумова выпустить, Остроумова выпустили.

Наш батюшка многих людей вырвал из немецкой тюрьмы, многих не дал вывезти на работы в Германию; скрывавшимся от немцев помогал деньгами и продовольствием. Вообще всюду и везде он проявлял и проявляет доброе и участливое отношение к людям, хороший хозяин. За все это мы – прихожане – и решили подписать настоящий лист в знак глубокой благодарности нашему батюшке протоиерею Матвеем Алексеевичу Яцкевичу в день его двадцатилетнего служения в Лебедь.

Прихожане:

Ниже следуют восемьдесят девять подписей, заверенных: 1) 29.V. 48 г.

председателем с/с Мало-Можейково Баклага; 2) председателем Голдовского с/с Лелявко; 3) 29.V. 48 г. председателем Гордеевского с/с».

В день 25-летия своего священства отец Матвей был награжден епископом Гродненским и Лидским Варсонофием благословенной грамотой. В 1952 году Святейший Патриарх Алексий наградил батюшку крестом с украшениями. Летом 1956 года отец Матвей указом митрополита Питирима был назначен благочинным Лидского округа. А через три года, осенью 1959 года, мы были вынуждены распрощаться со своей Лебедой и переехать в Молодечненскую область. Указом митрополита Минского и Белорусского Гурия отец Матвей был назначен настоятелем Свято-Николаевской церкви местечка Новый Погост Шарковщинского благочиния с возложением на него обязанностей местного благочинного.

А эта справка, выданная как «защитная грамота» отцу Матвею упомянутым выше врачом Остроумовым уже в начале 1960-х годов, когда опять начали усиливаться гонения против Церкви и верующих:

«Справка

Я, врач-пенсионер Евгений Васильевич Остроумов, настоящей справкой подтверждаю, что в мою бытность врачом в Скрибовцах Желудокского района, где я был оставлен в оккупации, будучи тяжело раненным в голову и колено, хорошо знал священника из Лебеды о. Матвея Яцкевича. Знал его жизнь и деятельность. Он действительно многих людей вызволил из рук фашистов, смело ходил к немцам и просил защиты арестованных и выдавал справки на немецком языке комендантам и по его справкам и личным ходатайствам много женщин и девушек было спасено и не вывезено в Германию, а многие арестованные были освобождены из-под ареста. У него неоднократно находили приют наши раненые при переходе к партизанам. Я сам при оказании помощи в лесу партизанам иногда задерживался и находил ночной приют в его доме. Он сильно негодовал и укорял фашиствующего бурмистра Тохтя за сожжение немцами деревни Феспихи Желудокского района, за что получал угрозы. Но Тохть вскоре был убит партизанами.

Деятельность священника Матвея Яцкевича во время оккупации нашего края немцами была для народа очень плодотворна. Подпись: врач Остроумов 30/1-62 г. Гродно».

Подпись врача Остроумова Евгения Васильевича была заверена подписью домоуправа, поставлена печать «Городского отдела коммунального хозяйства г. Гродно, домоуправление №2».

Что и говорить, отец Матвей во всем был на своем месте. Но годы – есть годы. Пришла пора и ему идти на покой. . . Вот некоторые фрагменты из характеристик, что давались ему в разные годы его благочиния: «Тверд в вере и глубоко предан Церкви Православной. Поведения безукоризненного, жизни примерной. Пастырский долг исполняет усердно; весьма деятелен и трудолюбив. Хороший проповедник. 28.XII-1949 г. Лидский благочинный протоиерей Борис Жебровский».

«Протоиерей Матвей Яцкевич – человек высокообразованный, скромный, аккуратный, справедливый, и трудолюбивый. С вниманием относится к

своим собратьям. Длительное время пробыл в должности благочинного. Окружающие его соседи по должности снисходили к нему с особым уважением, а священники вверенного ему благочиния видели в отце Матвее своего опытного, умудренного жизнью отца. В приходе пользуется уважением всех жителей. Где бы ни священствовал в приходах, везде любил уют и благолепие храмов, много потрудился по проведению в них ремонтов. Неустанно служит в священном сане 41 год, украшая богослужение своей проникновенной службой и доступным всем произнесением внушительных поучений.

Протоиерей Яцкевич Матвей Алексеевич вполне удостоивается награждения высокой наградой – Митрой. 3.I 1962 года. Браславский благочинный протоиерей Анатолий Ивановский».

Как и всем людям, отцу Матвею были приятны добрые слова в свой адрес, но он никогда на сей счет ничего не говорил ни мне, ни другим, если только что улыбнется. Грех гордыни его никогда не касался. . .

Справедливость слов об аккуратности отца Матвея при ведении всех дел подтверждает сохранившаяся в его бумагах как память о былом «Клировая ведомость Лебедской Св. Николаевской церкви Желудокско-Лидского благочиния за 1949 год», заполненная его рукою и имеющая пометки тогдашнего нашего благочинного, протоиерея Бориса Жебровского. В ней имеются краткие сведения о нашей церкви:

«Церковь построена в 1899 году тщанием русского правительства и освящена в 1900 году. Зданием каменная, колокольня помещается в одном из куполов. Престол один во имя Святителя и Чудотворца Николая. Утварью достаточна. По штату в ней положен причт – священник и псаломщик. Источник содержания причта – добротные даяния прихожан за требоисправления. Церковная земля в 1949 году отошла под совхоз, при усадьбе священника и псаломщика оставлено 0,60 га. Дома и холодные постройки для хозяйственных надобностей священно-церковнослужителей, возведенные тщанием Святейшего Синода в 1903 году на церковной усадебной земле, требуют ремонта.

Расстояние от местного благочинного в Дикишках – 14 км, от района – 17 км. Ближайшие церкви: Радивонишская в 6 км, Голдовская – в 8 км. Приписных церквей нет. Опись церковного имущества заведена в 1946 году и хранится при церкви. Приходо-расходные книги и метрические книги забраны правительством. Посемейная книга заведена в 1937 году. Богослужебные книги имеются. Почтовый адрес: ст.Скрибово Желудокского района, Мало-Можейковского сельсовета, дер.Лебеда».

Тут же и послужной список псаломщика: «Константин Константинович Коцило – псаломщик Лебедской церкви Св. Николаевской. Родился 4 марта 1894 года в дер.Ольговцы, ныне Желудокского района, белорус, гражданин СССР, из крестьян. Окончил народное училище, 15 сентября 1936 года выдержал экзамен на звание псаломщика при экзаменационной комиссии Виленской духовной консистории. Женат вторым браком, бракосочетался в Лебедской церкви 12 июня 1946 года с девицей Софией Климентьевной Позняк. Награжден Благословенной грамотой в 1948 году Варсонофием. Судим не был: ни церковным, ни гражданским судом. На занимаемую должность назна-

чен в 1939 году митрополитом Пантелеимоном. В обновленческом расколе не был. Особых обязанностей по церковной службе не имеет». Внизу благочинный протоиерей Борис Жебровский в форме дополнения к послужному списку написал свою характеристику на нашего псаломщика: «Церковное пение и устав знает; обязанности свои исполняет вполне удовлетворительно. Поведения хорошего. 28.XII.1949 г.».

А вот кто был у нас в церковном активе: «1) церковный староста – гр-н дер.Феликсово Осип Викентьевич Гойко. Родился в 1983 году, окончил Лебедское 2-классное училище; 2) помощник церковного старосты, гр-н дер.Кирели Стефан Иванович Зенкевич, родился в 1892 году, окончил Скрибовское церковно-приходское училище; 3) казначей – гр-н дер.Семашки Дмитрий Михайлович Емельянчик, родился в 1982 году, окончил народное училище. Ревизионная комиссия: 1) гр-н дер.Феликсово Фадей Васильевич Цыбрук, родился в 1888 году, окончил народное имущество; 2) член комиссии – гр-н дер.Гостилловцы Яков Иванович Филипович, родился в 1890 году, окончил народное училище; 3) член комиссии – гр-н дер.Игнатковцы Елена Даниловна Боварго, родилась в 1907 году, окончила 4 класса гимназии».

Приход Лебедской церкви был средним. Он включал в свой состав в 1949 году 23 населенных пункта. Самыми большими из них были деревни Олекшицы, Феликсово, Гостилловцы, Игнатковцы, Семашки, Скрибовцы, Шпильки, Олимпианово. В каждой из них было от 30 до 60 дворов. Были в приходе небольшие деревни: Гвоздовщина, Огородники, Кирели, Ковчики, Долговцы, Матвеевка, Розняточи, Гамковщина, Губенки, Климовичи, включая и три хутора, в которых было от 1 до 30 дворов. Всего в приходе насчитывалось 578 дворов, среди прихожан числилось душ: 1624 мужского и 1602 женского пола. Вел учет отец Матвей и находившихся в районе прихода католиков: 99 дворов, 209 мужского пола и 223 женского». Вот такая статистика. Отец Матвей душой болел за православие, и это было основой его трудолюбия и аккуратности.

Выйдя на покой, мы с отцом Матвеем переехали в Гродно, где жила уже давно наша дочка Настя с семьей. Здесь сейчас и живем, уповая на Всевышнего¹⁶⁶.

КАК ЭТО БЫЛО: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ 1949 ГОДА В г.ГРОДНО

Вторая четверть XX столетия была временем небывалого по своему размаху археологического изучения древнего Гродно. В 1931 – 1939 годах, т.е. в ту пору, когда город входил в состав Польского государства, археологические раскопки на Замковой горе проводили археологи И.Иодковский и З.Дурчевский. Как писал Н.И.Воронин, начало этих раскопок было обязано отнюдь не постановке научных задач, имеющих отношение к освещению вопроса о возникновении и древней истории города: «Замковая гора была дорога этим специалистам совершенно в иной связи. Гродно некоторое время было столицей Великого княжества Литовского – памятником этой поры являются руины стен крепости князя Витовта. Около 1580 года польский король Стефан Бато-

рий реконструировал этот замок и отстроил здесь свой пышный дворец, сохранившийся в неузнаваемом виде до наших дней (старое здание музея). Наконец, в Гродно происходил «молчаливый сейм» 1793 года, принявший условия второго раздела Польши, а в 1794-1795 здесь жил последний польский король Станислав-Август Понятовский». Имелись и другие аспекты повышенного интереса правящих кругов тогдашней Польши и ее историков к древнейшему периоду гродненской истории. Проводимые под наблюдением директора тогдашнего музея И.Иодковского раскопки открыли взору землекопов и археологов две монументальные постройки (Нижняя и Верхняя церкви), не вызывавшие сомнений в их принадлежности древнерусскому Гродно. Эти выдающиеся открытия явились едва ли приятной неожиданностью для И.Иодковского, стремившегося отыскать польские корни происхождения города. Особая комиссия, рассмотревшая в 1934 году итоги его «раскопок», отстранила его от их продолжения, а руководителем дальнейших работ был назначен варшавский археолог З.Дурчевский. Несравненно более объективный, нежели его предшественник, Дурчевский в полный голос сказал о мощных отложениях русского Гродно на горе Старого замка и подверг критике как методику раскопок, так и фантастические выводы Иодковского, включая и тот, что Гродно было основано «варягами» в IX веке. Однако и материалу раскопок З.Дурчевского не суждено было стать прочной основой для изучения истории древнего города. Во время немецкой оккупации Гродно музей был разгромлен, коллекции были разрознены и расхищены, а документация раскопок почти полностью погибла.

В конце 1945 – начале 1946 годов материалами раскопок в Гродно по поручению Института истории АН БССР занимались археологи В.И.Голубович и Е.А.Цегак-Голубович, которые проделали большую работу по приведению в порядок вещей из раскопочной коллекции Иодковского и Дурчевского. И тем не менее собранного ими было недостаточно для комплексного представления о находках 1930-х годов, хотя их незавершенность в сочетании с известной тенденциозностью суждений о древнем Гродно были вполне очевидными. В 1947 году Гродненский государственный историко-археологический музей (ГГИАМ) (и.о.директора О.Г.Розенталь) поставил перед Институтом истории, другими заинтересованными учреждениями и ведомствами вопрос о завершении начатых ранее раскопок на Замковой горе. Сразу же был определен и руководитель предполагаемых раскопок – известный советский археолог Н.Н.Воронин. Между гродненским музеем и столичными учеными и архитекторами завязалась интенсивная переписка, касающаяся как сроков проведения раскопок, так и состава экспедиции. В 1947 году Н.Н.Воронин, П.А.Раппопорт и Ф.Д.Гуревич провели предварительное ознакомление с наличием в ГГИАМ материалом и местом предстоящих раскопок, тогда же было разработано серьезное научное их обоснование. Перед экспедицией 1948 года, перенесенной затем по ряду причин на 1949 год, стояли следующие задачи: 1) исследование оставшихся не вскрытыми участков культурного слоя в пределах охваченной раскопками 30-х годов с целью выяснения стратиграфии памятника и 2) полного раскрытия центрального объекта Старого замка –

Нижней церкви. В состав экспедиции, организованной ИИМК АН СССР и ГГИАМ, вошли: начальник экспедиции Н.Н.Воронин, его заместитель – А.В.Никитин; научные сотрудники – археологи В.Л.Янин и В.В.Седов, архитектор В.К.Буч; консерватор Л.Б.Артишевская, чертежник Ю.В.Панков, фотограф Костин, техник-строитель Ф.С.Новиков. Одновременно по консервации архитектурных фрагментов работала по особому договору с музеем бригада республиканских мастерских РСФСР по консервации и реставрации архитектурных памятников под руководством архитектора-художника И.В.Трофимова. К работам экспедиции привлекались сотрудники ГГИАМ Л.В.Алексеев, О.Г.-Вульф, К.Ф.Кармилина, А.В.Ртищева, Е.В.Мясникова, Н.Е.Улейчик. Разборкой и описанием керамики из раскопок 30-х годов занимался В.Л.Янин. Костный материал готовил к изучению В.В.Седов. Определение зерен злаков проводил А.В.Кириянов. Бусы изучала Ф.Д.Гуревич. Определение скелетов из погребений в руинах Нижней церкви делал М.М.Герасимов. В определении вещей этнографического характера экспедиция пользовалась советами А.А.Улейчик из д.Новоселки Берестовицкого района. Экспедиция работала с 31 августа по 28 октября 1949 года. Большую инициативу в проведении раскопочных работ проявил весь коллектив музея во главе с тогдашним его директором Н.Н.Соболем. В итоге все задачи, поставленные перед экспедицией, были выполнены. Материалы исследования после тщательного изучения нашли свое воплощение в капитальном труде Н.Н.Воронина «Древнее Гродно», изданном в 1954 году ИИМК АН СССР. Это академическое издание и на современном этапе не потеряло своего научного значения.

В Государственном архиве Гродненской области (ГАГО) хранятся уникальные документы, повествующие о том, как шла подготовка к грандиозным раскопкам. Большой интерес представляет переписка между руководством ГГИАМ (О.Г.Розенталь, Н.Н.Соболь, Мартынов) и директором ИИМК АН СССР Н.Я.Тихомировым, учеными-археологами Н.Н.Ворониным, П.А.-Рапопортом, Ф.Д.Гуревич, архитекторами П.Д.Барановским, Н.С.Вальднером и др. Значительную ценность для уяснения цели и задач раскопок дают такие документы, как «Акт о состоянии памятников архитектуры, находящихся на Замковой горе в г.Гродно» от 26 мая 1947 года; «Заключение о состоянии площади раскопок на горе Старого замка от 14 июля 1947 года»; «Докладная записка о мероприятиях по охране территории раскопок в Старом замке Гродно и подготовке к возобновлению археологических исследований» от 16 июля 1947 года; «Заключение комиссии в составе зав. сектором Древней Руси ИИМК АН СССР профессора – доктора Н.Н.Воронина, и.о. директора ГГИАМ т.Розенталь О.Г., Главного архитектора г.Гродно т.Клименко А.Н., начальника строй-архитектурного контроля инженера Филатовича Н.С.» от 17 июля 1947 года; «Краткий отчет о подготовительных работах и раскопках в Гродно от 22 сентября 1948 года». Об итогах завершения подготовительного этапа раскопок свидетельствуют: письма руководства ГГИАМ к секретарю Гродненского обкома КП(б)Б тов.Притьцкому С.О., директору Института истории АН БССР академику М.Н.Никольскому, а также переписка с Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров, с начальником Гродненского городского уп-

правления Госбанка, редакцией «Гродненской правды» и участниками экспедиции 1949 года.

Все публикуемые документы помещаются в данном издании без купюр, в хронологической последовательности, что позволяет глубже понять содержание и динамику подготовки к работе археологической экспедиции.

Москва, Волынка, 14, Институт материальной культуры
АН СССР. Директору.

Гродненский государственный историко-археологический музей временно откомандировать в город Гродно квалифицированного археолога, желательно профессора т.Воронина Н.Н., для ознакомления с комплексом остатков сооружений XII-XIV в. и консультаций.

В период 1932 – 1939 годов на территории Замковой горы в городе Гродно производились археологические раскопки, в результате которых, на глубине пяти метров, были обнаружены остатки сооружений церкви XII, XIII вв., княжеского терема XII-XIII вв. русско-византийской архитектуры. Начатые археологические работы по исследованию Замковой горы в гродненской своей части не окончены и продолжение их представляет большой историко-культурный и политический интерес.

31.III.47.

Директор музея Розенталь¹⁶⁸

Москва-2, Сенной переулок, д.16, кв.3
Проф. Воронину Н.Н.

Николай Николаевич,

хотели бы получить от Вас весточку с сообщением о времени Вашего выезда в г.Гродно для ознакомления с комплексом архитектурных сооружений, имеющихся на нашей Замковой горе и уяснения возможностей продолжения раскопок.

Письмо на имя директора Института материальной культуры АН СССР я послала и выразила пожелание, чтобы Вас сюда откомандировали.

Прошу Вас поддержать наше ходатайство и не отказать в приезде в г.Гродно.

С уважением О.Г. Розенталь

Москва, Арбат, Ст.Конюшенный переулок, д.5, кв.46
Тихомирову М.Н.¹⁶⁹

Многоуважаемый тов.Тихомиров. (Простите меня, не помню Вашего имени и отчества).

Во время моего пребывания в Москве я беседовала с Вами о сотрудничестве с Гродненским музеем по вопросу создания проекта реставрации левой части здания Старого замка.

Вы считали, что данное сотрудничество может быть осуществимо только в апреле месяце, когда наступит более благоприятная и теплая погода.

У нас уже стоят хорошие теплые весенние дни.

Приглашаю Вас, уважаемый тов. Тихомиров, приехать к нам, в г.Гродно, ул.Замковая, Ст.Замок, музей, для реализации всех наших переговоров о сотрудничестве. Жду Вашего ответа.

При встрече прошу передать привет архитектору П.Д.Барановскому. Всего наилучшего. Уваж. Вас Розенталь

Москва, Ветошный пер., здание ГУМа,
Управление охраны памятников архитектуры Комитета по
делам архитектуры при Совете Министров СССР
П.Д.Барановскому

Уважаемый Петр Дмитриевич!

Не пришлось мне с Вами больше встретиться. Заходила дважды и все неудачно. Отношение на имя т.Ратия, об оказании нам помощи силами квалифицированных специалистов, как договаривались, я высылаю. Очень прошу Вас, окажите содействие, чтобы необходимая нам помощь была включена в планы работ Вашего Управления.

Также очень прошу Вас, не откажите в любезности, сообщить мне пути разрешения вопроса об архитектурных заповедниках.

Уважающая Вас Розенталь

г.Гродно, ул.Замковая, Музей
О.Г.Розенталь

Многоуважаемая Ольга Григорьевна!

Только что получил Ваше письмо. Жаль, что Вы не написали к 1-му апреля, как обещали. Отношение, посланное Вами в Главное управление по

охране памятников, затерялось у них среди бумаг, и его обнаружили в самом конце месяца – 25 апреля.

Не получая от Вас письма, я был уверен, что Вы решили обойтись местными силами, и заключил договор с Академией архитектуры на литературную работу, срок окончания которой не позволит мне выехать к Вам.

Если ГУОП (Главное управление по охране памятников – В.Ч.) не сумеет еще кого-либо порекомендовать, я думаю, что Вы и местными силами справитесь – ведь не «боги горшки обжигают». А хитрого ничего у Вас нет. Если Вы сумели поставить вопросы, то уже наверное сумеете и ответить на них.

При встрече с Барановским, который вот уже три недели, как болен, передам Ваш привет и поговорим о Вашем деле. Спасибо за внимание, которое Вы мне оказали.

С совершенным уважением Н. Тихомиров. 2. V.47 г.

Ленинград, 101, Кировский проспект, д.26/28,
кв.25 Ф.О.Гуревич¹⁷⁰

Уважаемая Фрида Давыдовна,

во время пребывания в Москве я познакомилась с профессором Ворониным Николаем Николаевичем, который и дал мне Ваш адрес и рекомендовал обратиться к Вам.

Дело в следующем: в г.Гродно, на Замковой горе проводились в 1937 – 39 гг. раскопки, давшие исключительно ценные и интереснейшие результаты. Найдены остатки сооружений двух церквей XII и XIII-XIV вв. и княжеского терема XII-XIII вв. Во время производства раскопок найдены интереснейшие вещи, материалы и документы, ныне хранящиеся в фондах Гродненского государственного историко-археологического музея.

Раскопки не закончены, и продолжение их предстоит в самое ближайшее время, возможно, в 1948 г.

Я приглашаю Вас дать согласие на соучастие и на сотрудничество.

Полагаю, что Вы не посчитаете за труд сообщить мне по адресу г.Гродно, ул.Замковая, Гос. историко-археологический музей свое мнение о возможности принятия моего приглашения.

Директор Гродненского государственного
историко-археологического музея Розенталь

/Розенталь/

г.Гродно, ул.Замковая, Музей
Директору

Глубокоуважаемая т.Розенталь.

Благодарю Вас за любезное предложение участвовать в работе Вашей экспедиции. О раскопках в Гродно, проводившихся в конце 30-х годов нашего столетия мне уже приходилось кое-что читать в зарубежной литературе. Институт, в котором работаю (по-видимому, проф.Н.Н.Воронин сообщил Вам, что я являюсь сотрудником ИИМК Академии наук), с большим интересом отнесся к возможности установить через Вас и Ваше учреждение связь с памятниками Гродно.

Для планирования своей работы мне хотелось бы через Вас уточнить некоторые вопросы:

1. Когда и кем будут осуществляться раскопочные работы на Замковой горе г.Гродно. В Вашем письме Вы пишете, что ближайшая возможная дата 1948 г. Таким образом речь идет о будущем лете или я Вас неправильно поняла? Весьма интересно, кто возглавит экспедицию, в каком составе она комплектуется и т.д.

2. Входят ли в планы музея раскопочные работы могильных памятников районов, прилегающих к Гродно?

Таким образом, мне хотелось бы подробнее познакомиться с планируемой музеем археологической работы с тем, чтобы я могла определить свою степень участия в ней и принести пользу Вашей работе.

Принципиально же я с удовольствием принимаю Ваше предложение, ибо Гродно и его памятники – это область моих научных интересов. Речь идет о моем конкретном участии в развертываемой Вами работе.

Уважающая Вас Ф.Гуревич. 12.V.47 г.

г.Гродно, ул.Замковая, Музей

Директору

Глубокоуважаемая Ольга Григорьевна!

Ваши письма получены. П.А.Раппорт¹⁷¹ сообщил, что и с моими ленинградцами Вы установили связь. Я предполагаю, что я и он сможем приехать между 11 и 15 июня, если, конечно, не произойдет каких-либо неожиданных событий. Основные – это финансовая сторона дела, т.к. ИИМК, кажется? нам не поможет оплатить поездку. Поэтому просьба к Вам – по моей телеграмме или письму в конце мая перевести на мое имя под отчет деньги на меня и Раппорта. К концу мая, думаю, будет уже точно известна ситуация с кален-

дарем июня. Мне очень неудобно писать Вам об этом, но таково наше почтенное учреждение, что даже на мои раскопки этого года отпущено всего 5.000 р.! Будьте здоровы.

Уважающий Вас Н.Воронин. 12.V.47г.

г.Ленинград, 101, Кировский просп., д.26/28, кв.25
Гуревич Ф.Т.

Уважаемая Фрида Давыдовна!

Получила Ваше письмо от 12.V.47 г. Спешу ответить Вам на поставленные мне вопросы. Вы правильно меня поняли, что ближайшей датой проведения раскопочных работ на Замковой горе в г.Гродно может быть 1948 год. Кто возглавит эту экспедицию, мне еще трудно Вам сказать. Николай Николаевич Воронин обещает в июне месяце 1947 г. подъехать в Гродно и тогда, пожалуй, будет разрешен этот вопрос. В планы музея на ближайшие пару лет не входят раскопочные работы могильных памятников районов, прилегающих к Гродно. Проведение раскопочных исследовательских работ на Замковой горе может поглотить энергию и время большого комплекса специалистов на длительный отрезок времени. При этом подтверждаю, что, кроме Замковой горы, в г.Гродно и его окрестностях имеется много памятников, требующих серьезных исследователей.

С удовольствием принимаю Ваше согласие на участие в археологических раскопках по изучению истории Белоруссии.

Еще более конкретно я сумею Вам написать после посещения Ник.Ник.Воронина.

Уважающая Вас О.Розенталь. 28.V.47г.

г.Ленинград, Лермонтовский просп., д.55, кв.17
Раппопорту П.А.

Уважаемый Павел Александрович,

во время пребывания в Москве я познакомилась с профессором Ворониным Николаем Николаевичем, который и дал мне Ваш адрес и рекомендовал обратиться к Вам. Дело в следующем: в г.Гродно, на Замковой горе проводились в 1933-39 гг. раскопки, давшие исключительно ценные и интереснейшие

результаты. Найдены остатки сооружений двух церквей XII и XIII-XIV вв. и княжеского терема XII-XIII вв. Во время производства раскопок найдены интереснейшие вещи, материалы и документы, ныне хранящиеся в фондах Гродненского государственного историко-археологического музея.

Раскопки не закончены, и продолжение их предстоит в самое ближайшее время, возможно, в 1948 г.

Я приглашаю Вас дать согласие на соучастие и на сотрудничество.

Полагаю, что Вы не посчитаете за труд сообщить мне по адресу г.Гродно, ул.Замковая, Гос. историко-археологический музей свое мнение о возможности принятия моего приглашения.

Директор Гродненского
историко-археологического музея О.Розенталь. 12.V.47г.

г.Гродно, ул.Замковая, Музей
Директору

Уважаемый тов.Розенталь!

Вы предполагаете производить раскопки летом, то я, к сожалению, не смогу в них участвовать, т.к. я уже дал согласие на работу в другой археологической экспедиции. Но если работы начнутся в 1948 году, то я, возможно, приму в них участие. Воронин писал мне об открытых в Гродно архитектурных памятниках, меня это очень заинтересовало. Так что, если Вам не обязательно мое участие в работах этим летом, то в дальнейшем я согласен в них участвовать. Если это Вас устраивает, то напишите мне, и я постараюсь заехать в Гродно этим летом, чтобы на месте ознакомиться с имеющимся масштабом и перспективами дальнейших исследований.

30.V.47 г. П.Раппопорт

Москва-2, Сеннов пер., д.10, кв.3
Воронину Н.Н.

Уважаемый Николай Николаевич!

Получила Ваше письмо от 30 мая 1947 года.

Сожалею, что так изменились обстоятельства, но, может быть, это не к худому.

Сегодня от нас уехал ст.архитектор т.Вальднер Н.С. В Москве он будет после 11.VI.47 г. На Ученом совете Главного упр. охр. памятников Комитета

при архитектуре СССР состоится его очередной доклад о наших памятниках. Т.Вальднер обещал мне повидаться с Вами.

Получив Вашу телеграмму о перенесении срока выезда в г.Гродно, мы не выслали Вам аванса, но обязательно вышлем 1.VI.47г. В случае, если Вам представится возможность выехать еще в июне 1947 г., то прошу сообщить – и средства будут пересланы в Ваш адрес. Связано это с окончанием квартала. Не обижайтесь, пожалуйста. Ждем Вашего приезда вместе с тов.Раппопортом П.А.

Уважающая Вас О.Розенталь 15.V.47 г.

г.Гродно, ул.Замковая, Музей
Директору

Глубокоуважаемая Ольга Григорьевна!

Обстоятельства изменились, т.к. дирекция перенесла командировку на начало июля. Я не предполагал осуществить ее с 6 по 11.VI, но выяснилось, что неизбежна задержка с билетами, и я не уложусь с осмотром до 11.VI, а 12-го – Ученый совет, где я обязан быть. Т.о. план таков: сейчас буду весь жить в Коломне с выездами в Москву, а потом, освободившись от календарных тисков, приеду вместе с П.А.Раппопортом к Вам, чтобы спокойно все осмотреть и обсудить. М.б., удастся покончить с Коломной раньше, тогда увижу Вас соответственно раньше.

Простите за независящую от меня передвижку.

Уважающий Вас Н.Воронин 30.V.47 г.

Москва, Сенной.пер., д.10, кв.3
Проф.Воронину Н.Н.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Ваше письмо получила. Благодарю за память. Получила письма от П.А.Раппопорта и Ф.Д.Гуревич. Оба товарища изъявляют согласие принять участие в экспедиции 1948 года. Фрида Давыдовна интересуется, кто возглавит ее. Мне трудно ответить ей на этот вопрос. Полагаю, что после Вашего посещения можно будет разговаривать на эту тему. Расходы, связанные с приездом в Гродно, пускай Вас не смущают. По получении от Вас телеграм-

мы или письма о возможности Вашего выезда вместе с тов. Раппопорт к нам, средства будут пересланы по указанному адресу.

16. V.47 г. от Главного упр. охраны памятников комитета к нам приехал архитектор Вальднер Н.С. (ст. научн. сотр. института истории и теории архитектуры Академии архитектуры). По заявлению т. Вальднера, то, что он увидел, превзошло все его ожидания.

Возвратившись в Москву, т. Вальднер будет докладывать о наших памятниках и считает, что Академия архитектуры СССР, безусловно, тоже будет участвовать в дальнейших исследовательских работах на Замковой горе в г. Гродно.

Мне кажется, что для организации у нас исследовательских работ необходима комплексная экспедиция: археологи, архитекторы и искусствоведы.

Каково Ваше мнение?

Уважающая Вас О. Розенталь. Без даты.

А К Т

г. Гродно, 1947 г., мая 26 дня.

Мы, нижеподписавшиеся, и.о. директора Гродненского государственного историко-археологического музея тов. Розенталь Э.Г., уполномоченный Главного управления Охраны Памятников Комитета п/д Архитектуры СССР, научный сотрудник Академии Архитектуры старший архитектор Вальднер Н.О., главный архитектор г. Гродно архитектор Клименко А.Н. произвели осмотр состояния памятников архитектуры, находящихся на Замковой горе в г. Гродно.

В результате осмотра обнаружено следующее:

1. а) Нижняя церковь XII в.

Западная стена церкви отошла в местах примыкания от северной и нижней стены, где имеются вертикальные трещины по всей высоте стены. Наличие трещин является показателем возможного обвала стены на запад, так как уровень земли с западной стороны ниже уровня пола церкви на высоту около метра, что может повлечь за собой выпирание земли из-под фундамента, сделанного из мелких круглых валунов насухо.

б) Кирпичная стена XII в., расположенная в юго-западном углу котлована, имеет ряд вертикальных трещин и отклонения от вертикали к середине котлована, равные 66 мм. по отношению вертикали.

Маяк в правой части стены наверху, поставленный в 1938 г., лопнул и разошелся на 9 мм. Все это показывает, что эта стена тоже находится под угрозой обвала, тем более, что в настоящее время она работает как подпорная стена для вышележащей земли и стены замка XIV-XVI вв.

в) Диагональная стена XVIII в. (по польским источникам) у места пересечения с северной стеной церкви, около обрушенной арки, имеет трещину

шириной поверху в 26 мм, что указывает на угрозу обрушения части стены. Актом от 26 июля 1946 г. обвал здесь уже был зарегистрирован.

г) Часть стены XIV в. находящаяся в северной части котлована, на которую опирается стойка шатра, поставленная в 1932 – 1937 г., разрушается у опоры.

д) Стена XIV в., проходящая у северо-восточного угла нижней церкви и расположенная на деревянных лежнях, грозит обрушением ввиду высыпания грунта из под фундамента стены, и что усугубляется наличием внизу слоя пепла, толщиной местами до 50 сантиметров.

Все указанные деформации памятников, кроме перечисленных причин, являются также следствием того, что сделанный над раскопками шатер в 1932 – 39 гг. пришел в ветхость. Ввиду этого открытые при раскопках остатки зданий и сооружений подвергаются воздействию осадков, изменениям температуры и выветриванию, что в большей степени активизирует процессы разрушения и само по себе уже ставит под угрозу сохранение таких уникальных памятников архитектуры. Если даже будут приняты предохранительные меры против возможных разрушений и обвалов на раскопках благодаря указанным выше причинам, но не будут в срочном порядке отремонтированы и приведены в исправное состояние шатры, то сохранность уникальных памятников на Замковой горе в г.Гродно не может быть обеспечена. То же самое относится и к системе отвода дождевых и грунтовых вод.

Необходимо срочно в продолжение июня месяца 1947 года провести и окончить ремонтно-восстановительные работы над всеми шатрами, предохраняющими памятники от разрушения.

II. Старый Замок XIV-XV-XVIII-XIX вв.

В результате военных действий 1944 года Старый замок, являющийся редким памятником архитектуры, получил повреждения. Пострадала крыша здания, водосточные трубы, чердачные перекрытия, оконные проемы, в результате чего замок подвергается разрушительному воздействию атмосферных осадков.

Необходимо срочное окончание ремонтно-восстановительных кровельных, столярных и стекольных работ, так как настоящее положение создает угрозу сохранности стен и междуэтажных перекрытий Старого замка.

III. Проводившиеся ремонтно-восстановительные работы по всему комплексу памятников на Замковой горе Гродненским облстройтрестом в течение 1945 и 1946 годов в большей своей части не закончены и остались переходящим строительством на 1947 год.

Заключенный дирекцией Гродненского государственного историко-археологического музея 28.III.1947 года договор с Гродненским облстройтрестом на проведение ремонтно-восстановительных работ в 1947 году до сих пор не выполняется.

Дальнейшее промедление с выполнением этого договора грозит разрушением уникальных памятников архитектуры, имеющих всеобщее значение.

ние и находящихся в списке особого учета памятников архитектуры в Комитете п/д Архитектуры СССР.

И.о. директора
Гродн. ист.-археолог. музея Розенталь

Уполномоченный
Главного управления охраны
Памятников комитета п/д архитектуры СССР
ст.архитектор Вальднер

Глав.архитектор г.Гродно
архитектор Клименко

Заключение
о состоянии площади раскопок на горе Старого замка.

Направленный в Гродно Академией Наук СССР для ознакомления с материалами раскопок, проведенных польским правительством в 1932 – 1939 гг., и выяснением возможности продолжения раскопок в 1948 г., я должен констатировать совершенно недопустимое состояние площади раскопок, покрытой деревянной кровлей. С 1939 г. кровля почти не ремонтировалась; работы по ремонту, начатые в 1946 году, были не доведены до конца производителем работ облстройтрестом. Обязанный закончить ремонтно-восстановительные работы облстройтрест в 1947 г. еще не начинал их. Тем временем покрытие ветшает, осадки сильно проникают внутрь, разрушая стены единственного в своем роде памятника-храма XI-XII в., известного ныне всему миру; осыпается и размывается грунт, подлежащий дальнейшим исследованиям. Разрушение этого ценнейшего научного комплекса особенно недопустимо, т.к. нельзя снижать того высокого уровня, на котором поддерживало охрану памятника польское правительство. Разрушение памятников Старого замка может получить значение международного порядка. Необходимо обязать облстройтрест немедленно восстановить покрытие и обеспечить сохранность раскопок.

Зав. сектором славяно-русской
археологии ИИМК АН СССР,
профессор-доктор Н.Воронин

14.VII.47г.

Указания по текущей обработке фондов
Гродненского музея и надзору за раскопом.

К ремонту:

Выдающиеся фрагменты нижней церкви, начатые сборкой около северной стены, поставить на извести в прочные рамы. Ящики из-под шатра перенести в Музей. Работу провести под руководством архитектора (желательно Р.А.Румянцева).

При ремонте не допускать хождения рабочих по открытому раскопу слоя древних строений к югу и северу от нижней церкви и внутри храма.

При чистке территории раскопа от щебня и осыпей проследить за случайными находками вещей и керамики, а также просматривать весь кирпич как XII, так и XIV в. и сохранять все фрагменты со знаками.

По обработке фондов:

Реконструировать, согласно указаниям, стеллажи, снабдив их выдвижными фанерными ящиками или щитами.

Перенести в инвентарную опись все польские данные о глубине и квадрате находок.

Разлистить весь фонд раскопок согласно слоям: песок-дерево, дерево 1 – 12 и по отдельным стратиграфическим определениям («уровень нижний ц.», «по полу ниж.ц.») и пр., внутри послойного размещения придерживаться инвентарного номера. (Отдельные коллекции (Сурож, Волковскийск и др.), а также случайные находки выделить и расположить особо).

Перенести №№ инв. описи на самые вещи (за исключ. мелких обломков железа и др. групповых материалов).

Фото-архив. Перенести в инвент. опись все автографические записи на пакетах, сделанные Иодковским и Дурчевским. Инвентарный № проставить мелко и аккуратно тушью на эмульсии в углу негатива. Сделать отпечатки со всех негативов раскопов Старого замка и проставить на оборотах инвентарные №№.

Желательно приглашение химика-консерватора для обработки фрагментов тканей и очистки металла (работа может быть проведена аккордно).

18.VII.47 г.

Н.Воронин

Докладная записка
О мероприятиях по охране территории раскопок в Старом замке г.Гродно и подготовке к возобновлению археологических исследований.

Работы, проведенные в 1932 – 38 гг. Польским правительством на горе Старого замка в Гродно под руководством сначала И.Иодовского, а потом проф. В.Дурчевского, привели к ряду выдающихся научных открытий. Важнейшими являются: вскрытие мощного слоя русского города XII–XIV вв. с остатками кирпичных построек – большого храма, остатков «княжеского терема», куска крепостной стены города на углу горы; остатков густой жилой деревянной постройки с прекрасно сохранившимися деревянными мостовыми, срубами и обильным вещевым материалом. Указанные работы должны быть возобновлены в том же масштабе и на том же высоком научно-техническом уровне, как работы 1937-1938 гг. К этому обязывает не только научный интерес открытого памятника, но и политическое значение этих исследований.

Они должны, в противовес тенденциозной позиции старой польской науки, дать: 1) объективное освещение истории и культуры древнейшего русского форпоста на Немане – почти неосвещенного источниками; 2) показать роль русской культуры в культуре литовско-русского государства, теснейшую связь литовского и русского народа.

Широкий размах археологических исследований в Гродно диктуется также тем, что Гродненский музей решением Совнаркома БССР от 2.VIII.45 г. признан музеем центрального для БССР значения. Он должен, следовательно, стать крупным научным и политико-просветительным центром республиканского масштаба.

Нужно признать, что названные памятники и вся археологическая территория Старого замка были получены нами в превосходном состоянии. В 1938 г. были сделаны хорошие деревянные кровли над огромной площадью раскопок. С тех пор эти покрытия не ремонтировались и находятся ныне в недопустимо запущенном состоянии, грозя гибелью памятникам крупнейшего значения.

Это положение позорно и нетерпимо.

Первой и неотложной задачей являются ремонт и реконструкция деревянного покрытия над территорией раскопок и обеспечение открытых памятников от разрушения обильно проникающими через кровлю и стоки с дневной поверхности двора осадками.

1) В особенно катастрофическом положении находится кусок кладки XII в. (вероятный остаток угловой каменной башни русского Гродно) в юго-западном углу раскопок. Он не только разрушается водой, но и сползанием вышележащего грунта. Полагаю, что продолжение раскопок в этом направлении не целесообразно, и поэтому надлежит укрепить вертикальный обрез раскопа по всей западной линии, оставив выступающие кладки замка, а также участок самого слоя (в целях экспозиционных), обработав его жидким стеклом. Стенку перекрытия надлежит отодвинуть от края раскопа на 6 – 10 м к западу. Весь оставшийся грунт нужно убрать (с просмотром вещей) и может быть, использовать его для планировки всего законченного раскопкой участка между западной стеной церкви и краем котлована. Весь этот участок нужно замостить, обеспечив отвод воды его уклоном к склону горы в сторону Нема-

на. Этот участок в дальнейшем может быть использован для экспозиции архитектурных фрагментов, а также для обработки материалов в процессе раскопок.

Во время описанной работы надлежит выпрямить и законсервировать драгоценный остаток каменной кладки XII в.

2) Нижняя церковь разрушается не только от осадков, промерзания и выветривания, но и от деформации фундамента. В итоге раскопок 1937-38 гг. весь западный фас храма оказался лишенным поддержки окружающего грунта: фундамент фактически лишь «присыпан» небольшой полосой сохраненного слоя. Он начал оползать, и камень фундамента юго-западного угла выпячивается наружу. Отсюда угрожающие трещины, расширение которых форсируется давлением опертых на стену храма конструкций перекрытия.

Необходимо: а) укрепить кирпичной стенкой западный край грунта около храма, сохранив лежащие у стен валуны и предусмотрев, что эта подпорная стенка – «щоколь» – в дальнейшем должна охватить храм со всех четырех сторон, так что он, по завершении раскопа, окажется поднятым над окружающим уровнем материала на своей платформе – «бандаже»;

б) при ремонте кровли в текущем сезоне освободить стены храма от давления опор перекрытия;

в) можно применить временные деревянные крепления, связывающие трещины юго-западного угла храма.

3) В целях продолжения раскопок участка между южной стеной храма и крепостной стеной замка с юга необходимо освободить его полностью от опор перекрытия, так как весь культурный слой здесь будет вынут, образован котлован глубиной примерно равный западному.

4) Особенно разрушается от течи и неудачной конструкции кровли, образующей лоток над самим зданием, – уникальный памятник русской каменной гражданской архитектуры XII в., так называемый «терем». Необходимо поднять один край кровли, обеспечив крутой спуск осадков и их отвод от периметра стен постройки. В настоящее время стены ее буквально разрезаны капелью и быстро деформируются.

Всю кровлю и стены перекрытия надлежит прочно вычинить, застеклить окна в фонарях, закрыть и сплотить все щели. Все наклонные стенки и щиты выпрямить.

Реконструкция эта должна обеспечить полную целость памятников на ближайшие 5-6 лет, на протяжении которых нужно закончить раскопки вскрытой территории. Было бы крайне желательно заменить систему стоек конструкции подвесных ферм по крайней мере над восточной частью раскопа, где остались не вскрытые площади. Стойки крайне осложняют, а может быть, и сделают невозможной работу археологов.

В дальнейшем, по окончании раскопок, общее перекрытие всего котлована станет излишним и сменится двумя застекленными и архитектурно продуманными павильонами над храмом: вся остальная площадь будет замощена, обрезы почвы забраны капитальной стеной с устройством лестниц, панелей

вымосток, желобов и пр. Таким образом, часть территории Старого замка станет историко-архитектурным музеем на открытом воздухе.

5) Особой задачей является завершение работы по сборке изъятых из раскопа блоков стен верхней церкви XIV в. Ее один столб еще находится вне связи с остальными частями. Нужно определить место, где этот памятник будет оставлен и закончить его монтаж. Я бы рекомендовал собрать его в одном из нижних зал дворца и ввести в экспозицию XIV в.

6) В перспективном плане работ по Старому замку нужно предусмотреть также работы по реставрации развалин стен замка по северо-западному краю горы, избежав, конечно, того чисто декоративного и фальшивого оформления, которое придано стене над Неманом.

II. Мероприятия по подготовке к продолжению археологических исследований.

Оставшийся в Гродненском музее материал раскопок 1932–38 гг., равно как и документация его, находятся в очень дефектном состоянии. Нет научной описи коллекции, а полевые дневники, отчетность, чертежи (планы и профили) раскопа – отсутствуют. Это положение требует производства до начала раскопок ряда серьезных работ.

1. Прежде всего необходимо привести в порядок, научно обработать и оформить в виде большой экспозиции весь оставленный польскими раскопками материал: качество предварительной инвентарной описи, проведенной командированными АН БССР В.И.Голубовичем и Е.А.Цегак-Голубович для предстоящих исследовательских работ недостаточно. Фонды раскопок нужно научно описать по слоям, установив понятно принятую Дурчевским систему снятия слоев и их последовательности.

2. Особой задачей является освоение огромного (около 170 больших ящиков) керамического материала, выделение паспортизованных комплектов и их статистическая обработка; выделение ценных фрагментов из непаспортизованного материала.

3. Организация экспозиции полученного материала.

4. Научное описание и определение всего фотоматериала с занесением в опись всех автографических определений Иодковского и Дурчевского, а также хронологического порядка фото-документаций; последнее позволит многое понять в условиях отсутствия дневников и чертежей работ 1932–38 гг. Все фото надлежит также сопоставить с натурой.

III. Мероприятия по подготовке территории раскопок и памятников к продолжению исследований.

1) Помимо строительных мероприятий, изложенных в разделе I, необходимо очистить всю территорию от осыпей, обвалов и оставленного щебня и отработанного слоя.

2) Собрать и снести в музей фрагменты нижней церкви, находящиеся ныне у северного фасада храма.

3) Произвести точную геодезическую съемку территории раскопок со всеми архитектурными остатками. Восстановить и геодезически наметить сетку квадратов по данным схемы на чертежах Дурчевского (№№ 114 и 178).

4) Произвести точный археологический обмер «терема» и открытой части нижнего храма.

5) Начать работу по исполнению аксонометрического большого чертежа всего ансамбля и макета его.

Полагаю, что эта совокупность работ займет значительную часть лета 1948 г. т.е. во второй половине его можно будет лишь начать раскопку слоя деревянных строений к югу от церкви.

Зав. сектором Древней Руси ИИМК АН СССР
профессор-доктор Н.Н.Воронин
16.VII.47 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

комиссии в составе зав. сектором Древней Руси ИИМК АН СССР профессора-доктора Н.Н.Воронина, и.о.директора Гродненского государственного историко-археологического музея т.Розенталь Э.Г., главного архитектора г.Гродно т.Клименко А.Н., начальника строй-архитектурного контроля инженера Филитовича Н.С.

Описанное в докладной записке зав.сектором Древней Руси ИИМК АН СССР профессора-доктора Н.Н.Воронина катастрофическое состояние памятников в значительной мере определяется безответственным отношением облстройтреста, который не выполнил распоряжения зам. Председателя Совета Министров БССР тов.Эльмана А.П. о срочном производстве с 15.VI по 15.VII.1947 г. ремонта и реконструкции покрытия территории раскопок.

Виду изложенного считать необходимым:

1) Немедленное проведение облстройтрестом аварийных работ по объектам Музея, предусмотренных титульным списком строительных работ на 1947 г. и соответственным договором от 28.III.47 г.

В связи с происшедшими новыми деформациями покрытия над теремом – изменить конструкцию его кровли с расчетом полного отвода вод за пределы горы.

2) Вслед за указанными аварийными неотложными работами должна последовать значительно более сложная работа по консервации и укреплению самих памятников, обреза раскопа и текущим профилактическим мероприятиям по перекрытиям. Эти задачи, как показал трехлетний опыт отношений с облстройтрестом, никоим образом не могут осуществляться аккордным путем, но требуют создания при Музее небольшой ремонтно-

реставрационной бригады под руководством опытного инженера и при консультации органов охраны памятников.

3) В связи с этим просить комитет по делам Культурно-Просветительных учреждений при Совете Министров БССР войти с ходатайством в Совет Министров БССР со следующими предложениями:

а) объявить территорию Старого замка в Гродно со всеми входящими в нее памятниками историческим заповедником союзного значения.

б) Включить заповедник в систему Гродненского государственного историко-археологического музея.

в) для производства ремонтно-реставрационных работ по памятникам заповедника ввести в штат дополнительную 1 ставку высококвалифицированного инженера специалиста по реставрационно-консервационным работам, 1 техника конструктора, и 2-х постоянных мастеров реставраторов.

г) содержание заповедника утвердить согласно прилагаемой смете.

д) обеспечить на продолжение раскопок Замковой горы ежегодные ассигнования в сумме 150000 руб. в течение 1948 ? 1955 гг.

Зав. сектором Древней Руси ИИМК АН СССР
профессор-доктор Н.Н.Воронин

Комиссия: И.О. директора Гродненского Государственного
Историко-археологического Музея Э.Г.Розенталь

Главный архитектор г.Гродно А.Н.Клименко
Начальник строй-архитектурного
контроля инженер Н.С.Филотович

ПРОЕКТ СМЕТЫ

археологических раскопок в Гродно на территории Старого замка в 1948 г.

Научный состав экспедиции на 2 месяца:

Начальник экспедиции	1	2500 x 2 = 5.000
Зам.начальника	1	2000 x 2 = 4.000
Научн. сотр.	3 (по 1.800)	5.400 x 2 = 10.800
Фотограф	1	1500 x 2 = 3.000
Чертежник	1	1500 x 2 = 3.000
Художник	1	1500 x 2 = 3.000
Реставратор	1	1800 x 2 = 3.600
Бухг.-хоз.	1	1600 x 2 = 12.000

ИТОГО: 34.400

Рабочих 40 чел. на 2 месяца по 30 руб. х 2400 р.д. = 72.000 руб.	
Материально-техническое оборудование	10.000 руб.
Реставрационно-консервационные работы	10.000 руб.
Камеральная обработка	10.000 руб
Проезды Москва-Гродно и обратно на 6 человек	1.500 руб.
В С Е Г О.....	137.900 руб.

17.VII.1947г. Н.Воронин

У К А З А Н И Я

о подготовке оборудования к раскопкам 1948 года.

- Две чертежные доски в лист ватмана большого формата.
 Две чертежные доски в ? листа ватмана большого формата.
 Реек по 2,5 м. длиной в сечении 2 х 5 см, окраш. эмалевой белой и черной краской через 10 см $\frac{1}{2}$ 5 штук.
 Реек по 1 м того же сечения – 3 штуки.
 Прутьев чугунных, заостренных длиной 1,25 для разметки квадр. – 100 шт.
 Мешков коллекционных с завязками 40 х 30 – 100
 30 х 20 – 100
 7. Картонных коробок по форматам фонда мал. – 400
 сред. – 400
 больш. – 200
 8. Мастерков штукатурных малых – 10
 9. Ножей кухонных средних – 10
 10. Кистей флейсовых щетинных (по 8–10 см.шир.) – 10
 11. Кистей щетинных малярных круглых разного форм. – 10
 12. Щеток щетинных (для мытья рук и черенков) – 20
 13. Ватерпасов столярных – 5
 14. Ватерпасов резиновых в сечении 7,5 мм – 10 мм,
 длиной 3 м 3
 Виков со шнуром – 5
 15. Парафина 10 кило

16. Пластилина	10 кило
17. Цапон-лака	2 литра
18. Рулеток по 10 м	2
19. Рулеток по 20 м	2
20. Пылесосов электрических	2

18.VII.47 г.

Н.Воронин

г.Гродно, ул.Замковая, Музей
Директору

Глубокоуважаемая Ольга Григорьевна!

Извините, что мое письмо так задержалось. Я был у Ратио и сделал ему подробный доклад о положении с памятниками архитектуры Гродно, а также передал ему копии Ваших решений и акт, который мы составили о Гродненском замке, особо говорил также о Каложской церкви. Кроме того, я послал письмо Кацери в Минск и тоже подчеркнул значительность памятников Гродно, необходимость их сохранения и исследования.

От себя в Академии я тоже приложил к моему труду описание памятников и состояния их в данный момент.

Повидать Грабаря и Щусева мне пока не удалось из-за летнего времени, они все время в разъездах, как и Брунов, хотя с последним (он только что вернулся из Новгорода) я надеюсь в ближайшее время поговорить.

Что же Вы не приехали, Ольга Григорьевна, в Вильнюс, когда мы с Вами условливались? Я ждал Вас у гл. выхода с вокзала. Приезжали ли Вы потом в Вильнюс? Мои гродненские фото вышли неважно, о них Вы можете судить по вложенным в это письмо.

Как Вы поживаете и как Ваше здоровье?

Н.Н.Воронин перед отъездом спросил меня, желаю ли я принять участие по исследованию Гродненского замка, на что я ответил утвердительно. Я думаю, что это очень интересная и нужная работа.

Передайте, пожалуйста, мой искренний привет Инночке, Анне Григорьевне и всем знакомым.

Желаю Вам всего доброго.

Жму крепко руку.

2.VIII.47 г.

Н.Вальднер

25.VIII.47г.

Уважаемая Ольга Григорьевна!

Уже три дня в Москве. От Бологого ехал «на перекладных», т.е. двух местных поездках. Словом, испытал полностью все транспортные «возможности». Сегодня удалось увидеться с директором, к которому передал нашу докладную записку и коротко познакомил с результатами командировки и перспективами. Осенью буду докладывать на Ученом совете директоров. Очень заинтересовался и настроен положительно. Не ослабьте нажима у себя по ремонту, освобождению раскопа от стен, консервации фрагментов к северу от церкви. Было бы хорошо, если бы Лена попробовала посмотреть костный материал; нельзя ли выделить паспортизованные ящики и сложить отдельно безличный лом. Я, может быть, сумею Вам направить для определений зоолога. ФДГур. И ПА Рап., по сведениям, сейчас в экспедициях. Передайте мой сердечный привет Леночке, Вар. Григ., обоим Улейчикам и всему Музену. Я пока еще сижу над Гродно, дела еще не завалены.

Желаю Вам всего лучшего. Н.Воронин

28.X.47г.

Уважаемая Ольга Григорьевна!

Простите, что запоздал сопроводить с письмом перевод на фото-работы, сделанный бухгалтерией ИИМК по почте. Поручено сделать по 1 отпечатку (13 x 18) негативов, отобранных мною, по цене 1.50, как и было указано Вашим мастером. Не откажите сделать это возможно быстро, выслать отпечатки мне на мой адрес с приложением счета на имя ИИМК и распиской в получении денег (кажется это официальная фотография?). От Вас нет вестей. Не изменились ли планы на летние работы, т.к. я уже собираю «рять» и надеюсь включить Раппопорт и Гуревич «гродненские» темы как подготовку к раскопкам. Сообщите мне о положении дел незамедлительно. Простите краткость письма, дел много? до зареза. Сердечный привет дорогим товарищам, а особенно Леночке и Вар.Григ. Поклон Анне Григ. и Улейчикам

Уваж. Вас Н.Воронин

Краткий отчет
о подготовительных работах к раскопкам в Гродно.
(1948г.)

Проведенные в текущем году работы являлись продолжением моих занятий над материалами польских раскопок 1933 ? 39 гг. и к этой работе прим-

кнули кандидаты исторических наук – Ф.Д.Гуревич (археолог. материал) и П.А.Раппопорт (архитектура). Можно подвести следующие итоги:

В результате изучения вещевого материала (керамика ранних слоев X-XII в.; бусы, браслеты, металл) можно утверждать, что поселение на Замковой горе возникло в начале XII в., как результатный пункт русской колонизации из Вольни; лепной керамики нет, к типичной русской керамике курганного типа присоединяется в незначительном количестве (5-6 %); керамика западного (возможно ятвяжского) облика.

Датировка слоев Замковой горы, установленная польскими археологами, в дальнейшем подлежит коренному исправлению. Сделанные подсчеты типично-русских вещей (напр., пряслица, стекла, браслеты) показывают, что слои русского города XII-XIII века идут значительно выше (слои IV или V).

Коллекция из этих нижних слоев документирует разнообразные отрасли местного ремесла и освещает прочную связь Гродно XII-XIII в. с остальной Русью.

Особый интерес представляют архитектурные памятники, открытые раскопками. Старые датировки их и оценка как «варяжско-русских» или «византийских» сооружений X-XI в. в. должны быть оставлены. Все они принадлежат XII веку и прочно связаны с русской строительной традицией, образуя в то же время особую весьма своеобразную школу. Предварительно памятники датируются следующим образом:

А) Нижняя церковь – первая половина XII в.

Б) «терем» и западный фрагмент стены ? середина XII в, а может быть и XII-XIII в.

В) Каложская церковь – третья четверть XII в.

Разведочный шурф в «тереме» показал, что под ним действительно лежит культурный слой в 2 м со следами предшествовавшего строительства (нижней церкви) и сгоревших деревянных строений. Можно полагать, что так называемый «терем» и западный фрагмент стены являются остатками кирпичных крепостных башен русской крепости XII-XIII вв.

Верхняя церковь принадлежит литовскому строительству XIV в., в ней, однако, не только использован кирпич из руин башен (как и в крепостной стене Витовта), но явно ощутима русская архитектурная традиция (тип бесстольной капеллы).

В порядке изучения материала полностью изучены бусы, нижние комплексы керамики (XII-IX слои). Детально изучены и обмерены «терем» и западный фрагмент стены, фасады нижней церкви и угловая лестница на ее хоры, верхняя церковь; по нашим указаниям раскопчная коллекция систематизирована послойно. Учен и пересмотрен весь фотографический и чертежный материал раскопок.

Есть все основания полагать, что последующее изучение коллекций и отрывочно сохранившейся документации позволит осветить проблему литовско-русской культуры XII-XIV веков и конкретно определить роль русской культуры в этот период жизни Западной Белоруссии. В целях подготовки к раскопчным работам остаются в силе почти все предложения, сделанные

мною в докладной записке музею в 1947 году и почти неосуществленные и по сей день; отсылая к подробностям в этой записке, здесь повторю лишь главнейшее с добавлением новых предложений.

По охране территории раскопа:

- а) Срочно покрыть крышу «терема», его западная стена уже рухнула, остальные разрушаются буквально на глазах после каждого дождя;
- б) Очистить территорию большого шатра от мусора, обеспечить отвод вод, стекающих по земле с южной стороны;
- в) Тщательно собрать и очистить, укрепить созданные польскими реставраторами фрагменты нижней церкви;
- г) Очистить все памятники (особенно верхнюю церковь от безобразных загрязнений кровельным варом;
- д) Превратить территорию раскопа в культурную экспозиционную площадку, обеспечить ее этикетажем;
- ж) Предусмотреть при устройстве кровли над «теремом» его надежное укрытие бумагами и рогожами от загрязнений кровельным варом, тщательно перебрать старый кирпич, сложенный в павильоне «терема», выделить в Фонды образцы лекального и фасонного кирпича со знаками;
- з) Оградить дощатым ограждением юго-западный угол нижнего храма с остатками круглой лестницы;
- и) Застеклить фонари покрытия.

При подготовке территории раскопок:

- а) Желательно сделать макро-съемку территории под большим шатром с нанесением в плане и высотных отметках всего рельефа и здания (план, исполненный в 1948 году, вопреки моим указаниям в докладной записке, охватил всю гору и не решил поставленной задачи);
- б) Обязательно освободить от столбов, согласно указаниям на прилагаемом плане (фонд №142), участки к югу от нижней церкви и самой церкви, для того пригласить авторитетного конструктора для расчета и проекта ферм (фермы не должны быть спущены низко, что помешает движению на раскопе);
- в) Сделать электропроводку над южным участком раскопа между нижней церковью и стеной 1670 г.

Работа по коллекциям и документации раскопок 1933 ? 1937 гг.:

Кроме изложенного в разделе П.А. моей докладной записки 1947 года и неисполненного, добавлю следующее:

- а) Сохранить в неприкосновенности расположение ящиков керамики в нижнем этаже дворца, начатых обработкой Ф.Д.Гуревич, привести эту комнату в рабочий вид с тем, чтобы продолжить обработку материала – освободить ее от мусора, сделать стеллажи и остеклить;

- б) Окончить разборку депаспортизированной керамики во II этаже;
- в) Свалку костных остатков разобрать, выделить сохранившиеся в депортированных ящиках для обработки;
- г) Продолжить работу по уточнению паспортизации основной коллекции (выделение комплексов, если это возможно);
- д) Тщательно наклеить на холст чертежи раскопок, исполненные на обветшавшей миллиметровке, наклеенные хранить в фондах в развернутом виде.

Зав. сектором слав.-русской
археологии ИИМК АН СССР
профессор-доктор Воронин

21 июля 1949 г.
№15

Секретарю Гродненского обкома КП(б)Б
Тов. Притыцкому С.О.

Гродненский государственный историко-археологический музей в 1949 году развертывает большую работу по изучению древнего Гродно и Гродненской области.

В этих целях Музей проводит раскопки на Замковой горе в Гродно. Раскопки будут проводиться с 1 сентября по 1-е октября. До начала раскопок Музей проводит подготовительные работы:

- а) приобретение технического инвентаря,
- б) консервацию фрагментов и
- в) снятие опорных точек на территории раскопа.

Для указанных мероприятий и самих работ по раскопкам Музеею необходимо получать из банка наличные деньги до 80 % суммы, утвержденной по ст.5 сметы на раскоп.

Городская контора Госбанка лимитирует выдачу наличных денег, поэтому для бесперебойного производства работ по раскопкам Музей просит Вас дать указание управляющему Городской конторой Госбанка о выдаче Музеею наличных денег по ст.5 сметы без задержки по заявкам последнего.

Директор Гродненского государственного
историко-археологического музея Соболев¹⁷²

Ученый секретарь Мартянов

13 августа 1949 г.
№128

Директору института истории
Белорусской Академии Наук
академику т. Никольскому

Гродненскому государственному историко-археологическому музею в 1949 году отпущены средства на проведение раскопок на территории Старого замка в г.Гродно.

Раскопки намечено произвести за время с 1 сентября по 30-е октября 1949 года.

Руководство раскопами Музей поручил доктору исторических наук, профессору Воронину Николаю Николаевичу, который в конце августа месяца 1949 года выезжает в Гродно.

Музей просит выдать открытый лист на право проведения указанных раскопок на имя профессора Воронина Н.Н. на время 1.IX – 30.X – 1949г.

Открытый лист просим направить в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР для регистрации.

Директор Гродненского государственного
историко-археологического музея Соболев

Ученый секретарь Мартыянов

19 августа 1949 г.
№132

В редакцию газеты «ГРОДНЕНСКАЯ ПРАВДА»

Гродненский государственный историко-археологический музей просит поместить в газете один раз следующее объявление:

«Гродненскому государственному историко-археологическому музею на время археологических раскопок сентябрь-октябрь месяцы требуются:

рабочие землекопы.

Раскопки производятся на территории Старого замка в г.Гродно в закрытом помещении. На работу принимаются подростки и взрослые рабочие.

Обращаться: г.Гродно., Замковая ул., Старый замок, Музей.
Тел.2-53.

Директор Гродненского государственного
историко-археологического музея Соболев

Ученый секретарь Мартыянов

23 августа 1947 года

№138

Ленинград, Лермонтовский пр., д. 55, кв. 17

Раппопорту Павлу Александровичу

Гродненский государственный историко-археологический музей по указанию профессора Воронина перевел Вам аванс 400 руб. 18 августа т.г. на проезд в Гродно.

Ввиду того, что Вы, по сообщению Воронина, на раскопки в Гродно не поедете, Музей просит срочно возвратить этот аванс.

Адрес: Гродно, Замковая ул., Старый замок, Музей.

Ученый секретарь Мартьянов

23.VIII.49г.

№140

Москва, профессору Воронину Н.Н

Уважаемый профессор!

Гродненский музей получил Вашу телеграмму от 22.VIII.49 г. Деньги (аванс) мы перевели 18.VIII.49г. – Вам рб.2000 – т.т. Никитину и Артишевской по 400 руб. и т.т. Раппопорт и Гуревич в Ленинград по 400 руб.

После Вашей телеграммы мы послали в Ленинград письмо о возврате авансов.

Вы телеграфируете о высылке денег «московским четырьмя сотрудниками», но мы знаем только двух.

Просим сообщить, кому, кроме Никитина и Артишевской, выслать деньги.

Николай Исаакович сейчас в командировке по линии Обкома, вернется 28 августа.

Вам мы перевели 2000 руб., в надежде, что Вы купите в Москве наиболее дефицитные материалы, которых здесь нет. Желательно там купить парафин, пластилин, сапан-лак, восковку и миллиметровку.

Тов.Трофимову деньги рб. 2000 – мы также перевели. Ожидаем сообщения о Вашем выезде.

Уважающий Вас Ученый секретарь Мартьянов

23 августа 1949 года
№139
Ленинград-11, Садовая, 9, кв.9
Гуревич Фриде Давыдовне

Гродненский государственный историко-археологический музей по указанию профессора Воронина перевел Вам аванс 400 руб. 18 августа т.г. на проезд в Гродно.

Ввиду того, что Вы по сообщению проф. Воронина на раскопки в Гродно не поедете, музей просит срочно возвратить этот аванс.

Адрес: Гродно, Замковая ул., Старый Замок, Музей.

Ученый секретарь Мартьянов

№7-9Б
4.IX.49г.
Начальнику Гродненского горуправления
Госбанка

Согласно плану научно-исследовательских работ на 1949 год в Гродненском государственном историко-археологическом музее на территории Замковой горы с 1-го сентября ведет раскопки научная экспедиция под руководством доктора исторических наук, профессора Н.Н.Воронина, организованная Институтом истории материальной культуры имени Марра Академии наук СССР.

Соответствующее финансирование на раскопки Музей получает через Комитет по делам культпросветучреждений при Совете Министров БССР по ст.5 сметы «Научно-исследовательская работа».

На раскопках, помимо состава научной экспедиции, занято свыше 40 человек рабочих.

Ввиду сезонности работы (раскопки ограничены временем сентябрь-октябрь месяцы) оплата рабочих по раскопкам производится согласно трудовым соглашениям два раза в месяц, каждого 18-го и 3-го числа.

Во избежание срыва работ Музей просит Вас учесть нашу потребность на эту цель на сентябрь и октябрь месяцы по штатному фонду зарплаты и обеспечить Музею выдачу денег 18-го сентября, 3-го октября, 13-го октября и 3-го ноября по 20.000 рублей.

Соответствующие заявки Музеем будут даны своевременно.

Директор Гродненского государственного
историко-археологического музея Соболев

Ученый секретарь Мартьянов

18 ноября 1949 г.
№188
Москва, профессору Воронину Н.Н.

Уважаемый Николай Николаевич!

Посылаем Вам следующие материалы по раскопкам:

1. Фото-снимки по 2 экземпляра ? 68 шт.
Три негатива из отобранных Вами оказались повторными, поэтому снимки с них не посылаем.
Остальные семь снимков вышлем на днях.

Описи в двух экземплярах:

- А) коллекции северного раскопа;
- Б) коллекции из раскопа Нижней церкви;
- В) индивидуальных находок;
- Г) негативов Гродненской экспедиции 1949 г.

Пять экземпляров газеты «Гродненская правда» с Вашей статьей.

Сообщаем, что на Ваш адрес мы отправили посылку с металлическими экспонатами из раскопок 1949 года. Кости еще не отправили, т.к. Комитет неожиданно закрыл нам финансирование, и мы без денег. Мы просим Комитет дооткрыть нам нужные кредиты и есть надежды, что в конце ноября мы сможем кости отправить. Работы по укреплению места раскопа и его благоустройству по Вашему указанию идут к концу. Об окончании работ и о том, что сделано мы дополнительно сообщим подробно.

Примите от нас и коллектива привет.

Директор Гродненского государственного
историко-археологического музея Соболев
Ученый секретарь Мартьянов

г.Москва,

Председателю комитета по делам архитектуры
при Совете Министров Союза ССР

В Гродно на горе Старого замка в текущем году закончены раскопки, проводимые Гродненским государственным историко-археологическим музеем совместно с Институтом истории материальной культуры им.Н.Я.Марра Академии наук СССР.

В период раскопок найдено большое количество вещей, позволяющих составить представление о жизни древнерусского Гродно XI-XIII вв.

В итоге раскопок полностью раскрыт древний храм, т.н. «Нижняя церковь» XII века. Сохранились стены и столбы на высоте до 4-х метров, а также «паркет» из майоликовых плиток – томного, зеленого и коричневого цвета. В средней части храма мастерами сделан поразительный по красоте и сложности узора, своего рода «каменный ковер», соперничающий по качеству с лучшими образцами и монументального декоративного искусства Руси того времени.

Для сохранения памятника русского зодчества XII века, дирекция Гродненского Музея планирует провести нижеследующие работы:

- А) Полную консервацию храма XII века, т.н. «Нижней церкви».
- Б) Благоустройство всей территории раскопа.
- В) Устройство продуманного, архитектурного сооружения над храмом XII века, а может быть и над боевыми башнями в целях создания своеобразного подземного музея.

Исходя из вышеизложенного, дирекция Гродненского государственного историко-археологического музея просит Вас командировать в музей своего представителя для осмотра памятника, определения необходимых консервационных работ и устройства архитектурного сооружения для строительства «подземного Музея», центральным экспонатом которого будет древний храм.

Расходы по командировке Вашего представителя могут быть оплачены Музеем путем перечисления против Вашего счета.

Директор Гродненского государственного Соболь
историко-археологического музея
Ученый секретарь Мартьянов

Государственный архив Гродненской области
(ГАГО). Ф. 1269. Оп. 1. Д. 8, 13, 20.

... Книгу о наших благословенных принеманских краях трудно, да, наверное, и невозможно, когда-то полностью закончить. Ибо нельзя возвратить, как это не грустно, раз и навсегда ушедшее. Но прошлое, чаще всего, когда нам нелегко, стучится в наши сердца, вызывает к нашей памяти тысячами больших и малых событий, миллионами простых и наобывновенно загадочных судеб. А поэтому даже спорадическое соприкосновение с отдельными событиями и лицами истории Гродненщины XIX – XX столетий делает нас чище и духовно богаче, вызывает преклонения перед творениями наших предков. Пусть никогда не прерывается связь времен и поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: Ключевский В.О. Сочинения 9-ти томах. Том I. Курс русской истории. – М., Мысль, 1987. – с.33-40
2. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Том I. М., Наука, 1989. – с.17.
3. Лепешко Б.М. Номо Historikus. – Брест, ОАО «Брестская Типография», 2001. – с.8-9.
4. Черепица В.Н. П.А. Столыпин – гродненский губернатор // Правда Столыпина. Альманах I. – Саратов, Соотечественник, 1999. – с.210-236.
5. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния, т. XI.- СПб., 1903.– с.564.
6. Черепица В.Н. П.А. Столыпин- гродненский губернатор, – с.213-215;
7. Труды местных комитетов, – с.2-3.
8. Труды местных комитетов, – с.9-10
9. Труды местных комитетов, – с.182
10. Труды местных комитетов, – с.19, 183.
11. Труды местных комитетов, – с. 20-23; Черепица В.Н. П.А. Столыпин-гродненский губернатор, – с.213; Черепица В.Н. Очерки истории православной церкви на Гродненщине. Часть. I. – Гродно; ГрГУ,2000. – с.33
12. Труды местных комитетов, – с.24-34.
13. Кузнецов И. Великий реформатор. Петр Столыпин в начале века возглавлял Гродненскую губернию // Белорусская деловая газета. – 18 февраля 2000 года. – с.7.
14. Труды местных комитетов, – с.181
15. Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Сборник статей под ред. П.Н. Милюкова. Т.I. – СПб., 1904, – с.3-4.
16. Нужды деревни, – с.423-427.
17. П.А. Столыпин. Думские речи. – М., 1990. – с.11.
18. Падліпскі А.М. Летапісец Віцебшчыны. – Мн., 1993. – с.119.
19. Цит.по: С.П. Сахаров. Торжественное заседание Витебской Ученой Архивной Комиссии 24 сентября 1911г., посвященное памяти П.А. Столыпина.-Витебск, Губернская Типография, 1911. – с.3-9.
20. Падліпскі А.М. Кадыгробаў Усевалод Антонавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т.3.-Мн., Беларуская Энцыклапедыя, 1996. – с.523.
21. Цит.по: С.П. Сахаров. Торжественное заседание Витебской Ученой Архивной Комиссии 24 сентября 1911., – с.9-16.
22. Бок (Столыпина) М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпин. – М., 1991. – с. 225.
23. Полный текст данной «Летописи» дается в разделе «Документы, материалы и комментарии к ним».
24. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. Ф.92, Оп.1, Д.67.
25. НИАБ в г.Гродно. Ф.92. Оп.1. Д.67. Л.36.
26. НИАБ в г. Гродно. Ф.92. Оп. 1. Д.67. Л.38.

27. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. 25. Д. 880. Лл. 1.- 24. Данное дело, озаглавленное «О сборе денежных средств на учреждение стипендии имени О.Б. Столыпина и П.А. Столыпина, бывшего губернатора и его супруги», было начато 21 мая 1903 года и окончено 14 декабря 1903 года.

28. НИАБ в г. Гродно. Ф. 92. Оп. 1. Д. 67. Л. 44.

29. НИАБ в г. Гродно. Ф. 92. Оп. 1. Д. 67. Лл. 46-124.

30. 30. См.: Б.Г. Федоров, Петр Столыпин: «Я верю в Россию», Биография П.А. Столыпина в 2-х томах. Т.2. – СПб; Лимбус Пресс, 2002. – с. 139. По поводу снимка памятника Столыпину, помещенного в газете «Искры» я написал Б.Г. Федорову. Он в короткое время любезно откликнулся на мою просьбу и прислал ксерокопию этого снимка, извинившись при этом за низкое качество фотоснимка и ксерокопии с него. Тем не менее, по полученному можно судить, что памятник представлял из себя небольшой постамент, который венчал бюст П.А. Столыпина. Снимок был сделан в день открытия памятника, так как от самого подножия до бюста он украшен венками и цветами. Текст под фотоснимком следующий: «Памятник П.А. Столыпину, открытый на днях в Гродне, в месте его службы».

31. Stołypin Arkadiusz przy współpracy Stołyпина Dymitra. Cesarstwo i wygnanie. Przed i po roku 1917. Pamietniki. – Warszawa, Prószyński i S-Ka, 1998. – s. 21-24.

32. «Вестник Западной России»(Вильна), 1862, т.2. – с.234-241.

33. Шилов Л.А. Столыпин Дмитрий Аркадьевич (1846-1899)// Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т.1. Императорская Публичная библиотека. 1795-1917. – СПб., Изд-во РЦБ, 1995. – с.504-506.

34. «Вестник Западной России», 1862, т.2. – с.239.

35. Stołypin Arkadiusz przy współpracy Stołyпина Dymitra. Cesarstwo i wygnanie, – ŋ.25

36. См. подробнее: Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. – М., Наука, 1989, – с.45-47, 58-59, 88-90.

37. Цит. по: Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников», – с.24.

38. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1502 Лл. 1-12.

39. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1016. Лл. 1-27.

40. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 11. Д. 839. Лл. 1-24.

41. Карамзин Н.М. Сочинения в двух томах. Т.2.-Ленинград, Художественная литература, 1984. – с.232.

42. Все публикуемые письма и фрагменты их хранятся в Российской Национальной Библиотеке в Санкт-Петербурге (Отдел рукописей фонд М.П. Погодина).

43. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 22. Д. 1572. Лл. 1-3.

44. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 31. Д. 186. Лл. 10-11.

45. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 24. Д. 446. Лл. 1-7.

46. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 310. Лл. 1-6.

47. Орловский Е.Ф. Гродненский старшина. Часть I. – Гродно, 1910. – с. 325.

48. Орловский Е.Ф. Исторический очерк Гродненской гимназии. – Гродно, 1901. – с. 110-111.
49. НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп. 8. Д. 2480. Лл.1-3.
50. Молева Н., Белютин, Русская художественная школа половины XIX века. – М., Искусство, 1967. – с.150-151, 348, Дробов Л.Н. Живопись Белоруссии XIX – начало XX в. – М., Высшая школа, 1974. – с.136-140, 164-168). Дробов Л.Н. Живопись Белоруссии XIX – начало XX в. – М., Высшая школа, 1974. – с. 136-140, 164-168.
51. Циркуляры по управлению Виленским учебным округом.-Вильна, 1865. – с.37.
52. Воронин Н.Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932-1949гг.) – М., Изд-во АН СССР, 1954. – с.83.
53. «Нива», 1913, №13. – с.258.
54. См.: НИАБ в г. Гродно. Ф. 97. Оп.2. О.28. В этом огромном деле на 553 листах речь идет о постройке и ремонте православных церквей в Гродненской губернии в период с 1868 по 1886 годы. Среди прочего в них говорится об отпуске средств на роспись церквей виленскими художниками.
55. «Нива», 1913, №13. – с.258.
56. Е.Р. Предисловие// Материалы по этнографии Гродненской губернии. Выпуск второй. Издание: Управления Виленского Учебного Округа под редакцией Е.Р. Романова. – Вильна, 1912. – с.7-8.
57. Цит.по: Бандарчык В.К. Гісторыя беларускай этнаграфіі. – Мн., Навука і тэхніка, 1970. – с.40-42.
58. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Выпуск второй, – с.186-195, 321.
59. См. подробнее: Шмурло Е.Ф. Курс русской истории в 4-х томах. – СПб., Алетейя, 1999.
60. Циолковский К.Э. Впереди своего века. – М., 1970. – с.3.
61. Голованов Л.В. Сродство сердец и дум// Вступительная статья к книге воспоминаний А.Л. Чижевского «На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским.— М., Мысли, 1995. – с.5-11; Манакин А., Энгельгард Л. «Леонардо Да Винчи XX века» // Наш Современник, 2002, № 11. – с. 250-258.
62. Чижевский А.Л. Солнце и мы. – М., 1963 – с.48
63. Чижевский А.Л. На берегу Вселенной, – с.491-543.
64. В основу очерка положено следственные дела №80 и 4653, хранящиеся в архиве УКГБ по Гродненской области, воспоминание Ларисы Рейснер, а также работы о ней, указанные в тексте повествования.
65. Арефьева И. Владелица «Пушкинского гнезда» // Литовский курьер, 2000, №45. – с.4-5.
66. Цит.по: Савченко Б.Париж 20-30-е годы. Конкурс «Мисс Россия» // Домашний очаг, 2001, №3. – с.138-139.
67. Савченко Б. Париж 20-30-е-годы, – с.141.
68. И.Л. Карьеры мисс красоты // Искусство кино, 1994, №6. – 160-161; Серов К. Княжна Голицына – «Мисс Россия»//Комсомольская правда, 4 января 1993г. – с.4.

69. В данном очерке использованы материалы семейного архива семейства Макаровых-Рей.

70. См. подробнее: Черепица В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине. Часть I. – Гродно, ГрГУ, 2000. – с.231-246.

71. См.: «Прибавления к «Церковным ведомостям», 1912, №38. – с.1524-1528.

72. Лабынцев Ю.А. Литературное наследие В.В. Богдановича- белорусского сенатора II Речи Пасполитой // Славяноведение, 1997, №3. – с.42.

73. Беларускія рэлігійныя дзеячы. Жыццярысы.- Мінск-Мюнхен, 1999. – с.22

74. Попов А. Тонение на православных и русских в Польше в XIX веке.- Белград, 1937. – с.44,59.

75. Светич А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917-1950гг. Сборник. – М., Общество любителей церковной истории, 1997. – с.119.

76. Papierzyńska –Turek. M. Między tradycją, i rzeczewistoscia. Państwo wobec prawosławia 1918-1939. – Warszawa, PWN, 1989. – с.228,281.

77. Лавринец. Русская литература Литвы (XIX-первая половина XX века). Учебно-методическое пособие. – Вильнюс. Petro Ofsetas, 1999. – с.143-146, 156; «Воскресное Чтение», 1930, №13. – с. 204-205.

78. Богданович В.В. Церковно-Славянский Язык как религиозно-культурная ценность. Ко дню 950-летия Крещения Руси. 988-1938. – Гродно, Издание Русского Общества Молодежи в Польше, Отдел в Гродне. (РОМ), 1938. – с.27-28.

79. Цит. по: Лабынцев Ю.А. Литературное наследие В.В. Богдановича, – с.45; жизнь и деятельность священника гродненской епархии Луки Голода, одного из сподвижников В.В. Богдановича, автора многочисленных литературно-публицистических произведений, несомненно нуждается в более глубоком исследовании. Последнее подтверждают и строки воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского) о нем: «В Лионе образовалась большая колония русских эмигрантов. В 1924 году из Константинополя в Лион приехал генерал Максимович с семьей, – который в одной из комнат своей квартиры открыл домовую церковь и выписал из Константинополя священника Андрея Мишина. . . Поначалу я поддерживал его, но потом убедился, что он пастырь не по приходу. На место о. Мишина я назначил о. Луку Голода из Польши. Он был в числе духовенства, не принявшего конкордата с польской государственности властью. За свою непримиримость он посидел в тюрьме и был запрещен в служении; потом бежал за границу. О.Лука повел приход прекрасно, сумел сплотить прихожан, привить им чувство единства, стойкости, преданности своей вере и Церкви. . . К сожалению, о. Голод вновь отправился в Польшу бороться за непримиримость с польской властью». (Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского). – М., Московский рабочий, ВПМД; 1994. - с.461,477). Примечательно, что в 1921 году священник Лука Голод заведовал приходом Гродненской Рождество-Богородичной церкви («Гродненский Епархиальных Вестник», №11, 1 ноября 1921 года, с.1).

80. Цит.по: Лабынцев Ю.А. Литературное наследие В.В. Богдановича, – с.46

81. Лавринец Русская литература Литвы, – с.144.

82. Цит.по: Лабынцев Ю.А. Литературное наследие В.В. Богдановича, – с.49.

83. Лавринец . Русская литература Литвы, – с.144.
84. «Родное слово» (Вильно), 1934, №3. – с. 17.
85. Строки из стихотворения П.Вейнберга «Молодость» (Родное слово), 1934, №3. – с. 1)
86. Арефьева И. Владелица «Пушкинского гнезда», – с.4-5.
87. Платонов О.А. Русская цивилизация. – М., Роман-газета, 1995. – с.17-18.
88. Ульянов Н. Куда ведет самостийничество // Русский вестник, 1993, №10.
89. Лабынцев Ю.А. Народная литература православной Польши // Славяноведения, 1996, №2 – с.64.
90. Тумилович Николай. Возрождение забытого имени... Жизнь и деятельность Софии Прорвич (1860-ок.1937), православной писательницы // Альманах «Лунинецкая муза» №5, - Лунинец,2001. – с.4.
91. «Воскресное Чтение», №18 5 мая 1929 г. – с.288-290.
92. Машинописный текст открытого письма С. Белайца находится на хранении в следственном деле автора (Архив УКГБ по Гродненской области).
93. См.подробнее: Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 года // Вопросы истории, 1974, №3. – 129-137.
94. НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп. 1. Д.1769. Лл. 11,21, 26.
95. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 328. Л.1; Ф.1.Оп.1. Д.471. Лл.36-37.
96. НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп. 328. Л.2.
97. НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп.1. Д. 279. Л.1.
98. НИАБ в г. Гродно, Ф.1. Оп.1. Д.288. Лл. 5-8.
99. НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп.1. Д.471. Лл. 8-9. 18, 30, 37; Ф.1.Оп.1. Д.458. Лл.12,20,25.
100. См. подробнее: Иванов К.В. Система финансирования военнопленных 1812-1814 г. // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники.Проблемы» 1995-1996гг.» – Бородино, 1997. – с.198-207; Бессонов В.А. Потери великой армии в период малой войны // Материалы VI международной научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники Проблемы», посвященная 185 летию Бородинского сражения – Бородинского сражения. – Бородино, 1998. – с.11-24.
101. НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп.1. Д.287. Л.2; д.210, л. 2-3.
102. НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп.1. Д. 347. Л.1.
103. НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп.1. Д.215; 2; Д.297, л.1.
104. НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп.1. Д.297. Лл.5-6.
105. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп.1. Д.297. Лл. 13-15.
106. НИАБ в г. Гродно. Ф.1. Оп.1. Д.297. Л.16
107. НИАБ в г. Гродно. ф.1, оп. 1, д.297, лл.18, 21, 32-33; при отправке пленных французов в глубь России в их партии иногда попадали и уроженцы Гродненской губернии, некогда служившие в армии Наполеона, но, как правило, затем следовало их возвращение обратно на родину (НИАБ в г.Гродно, ф. 1, оп.-1, д.305, л.1-2).
108. НИАБ в г. Гродно, ф.1, оп.1, д.296 лл.3-6,10-15, 30-51.
109. НИАБ в г. Гродно ф.1., оп. 1., д.294, лл.2, 6-7, 27, 30-35.
110. НИАБ в г. Гродно ф 1, оп. 27, д.364, л.2.
111. НИАБ в г. Гродно, ф.1, оп. 1, д.355, л.1.

112. НИАБ в г. Гродно, ф.1, оп. 1, д. 213, лл. 1-2.
113. НИАБ в г. Гродно, ф. 1, оп.1, д.457, л.1.
114. Иванов К.В. Система финансирования военнопленных 1812-1814 гг. // , – с. 205-206; НИАБ г. Гродно , ф.1, оп.1, д.1769, лл. 11, 21, 26, 27, 34-35; д.386, л.1,
115. НИАБ в г. Гродно, ф.1, оп.1, д.598, лл. 1-2.
116. НИАБ в г. Гродно, ф.1, оп. 1, д.1103, лл. 1-7.
117. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф.409, оп.2., д.52-59, лл.26-27; Русско-турецкая война 1877-1878. Под редакцией И.И. Ростунова.-М., Воениздат, 1977. – с.96-100, 148-149.
118. Основу очерка положены материалы следственного дела А.М. Ярошевича, №28034, хранящегося в архиве УКГБ по Гродненской области.
119. При написании очерка использованы материалы архивного дела «О сборе сведений о легковых и других автомобилях в г. Гродне и о приобретении номеров для велосипедов» (НИАБ в г. Гродно, ф.125, оп.1, д.78, лл. 1-4, 13-16, 20-21, 23, 26, 28, 35-36, 47-48.
120. НИАБ в г. Гродно, ф.2, оп.38, о.626, лл. 354-359.
121. «Пожарное дело», №10, 1897 – с.17.
122. См.: Орловский Е.Ф. Гродненская старина. Часть I. Гродна. – Гродна, 1910 – с. 316-320.
123. «Пожарное дело», 1897, №10. – с.18-19.
124. См.: подробнее: Черепица В.Н. «... Дай нам руку в непогоду»: Деятели русской культуры XIX- начала XX веков на Гродненщине . – Гродно, ГрГУ, 1997. – с.65–71.
125. «Гродненские губернские ведомости», 18 октября 1889г. – с.2-3.
126. Черепица В.Н. «... Дай нам руку в непогоду», – с.67.
127. Известные нам публикации этого документа (см. сборник: Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Т.128, СПб, 1909, с.433-451; Белоруссия в эпоху феодализма Т.4. Мн., 1979 – с. 54-71) имеют целый ряд искажений первоначального текста и необоснованных сокращений, авторство документу также указывается неверно.
128. Борисов Т. «...И поклонился ему царь» // Литературная Россия, №37, 14 сентября 1990 года. – с.15.
129. НИАБ в г. Гродно, ф.1, оп.19, д.1141, л.10.
130. Цит по: Яроменка К.І. Аўтар «Запісак якіх адносяцца да гісторыі аб вайне 1812 года» // Памяць. Гісторыка – дакументальная хроніка г. Гродна. – Мн., Энцыклапедыя, 1999. – с.177.
131. НИАБ в г. Гродно, ф.33, оп.3, д.2., л.23 об.
132. НИАБ в г. Гродно, ф.1, оп.27, д.365, лл. 24, 27-28, 30.
133. Орловский Е.Ф. Исторический очерк Гродненской гимназии. – Гродно, 1901. – с.32–34.
134. Цит по: Яроменка К.І. Спадчына вучонага // Гарадзенскія запісы. Вып.І. – Гародна, 1993. – с.85-86.
135. См.: подробнее: Черепица В.Н. «... Дай нам руку в непогоду», с.41-43.
136. Орловский Е.Ф. Исторический очерк Гродненской гимназии, – с.33.

137. НИАБ в г. Гродно, ф. 1, оп. 19, д. 1141, л. 121-140.
138. Орловский Е. Ф. Исторический очерк Гродненской гимназии, – с. 94.
139. «Воскресное Чтение», 1938, №18-19. – с. 211-212.
140. «Летопись Софийского собора в городе Гродне» находится на хранении в библиотеке Жировицкого Свято-Успенского монастыря.
141. Снытко Т. Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865-1881 гг. – М., 1969. – с. 45.
142. Orzesko Eliza. Listy. t. I. – Warszawa, 1937 – с. 16.
143. Ивановский В. Идущая за голосом души // Вечерний Гродно, №23, 6-13 июня 2001 г. – с. 3.
144. См. подробнее: Czerepica Walery. Związki rewolucjonistów Białorusi i Polski w latach 70-80 XIX wieku – Warszawa, 1985. – с. 56-59, 88-92; Черепица В. Н. Истоки (очерки из истории русско-белорусско—польских революционных и культурных связей XIX – начало XX веков). – Гродно, 1991. – с. 57-60.
145. В полицейском комментарии к письму есть указания на то, что в издании «Виленского Календаря» были заинтересованы многие лица, включая и писательницу Элизу Ожешко, о чем свидетельствовало ее письмо к Эвелине Бодовской, в деле отсутствующее.
146. Результат названной переписки: цензору было сделано внушение, а дело приостановлено. В этом же письме имеется указание на то, что один экземпляр «Литовского Календаря» к нему прилагается, однако действительный документ в деле отсутствует.
147. Дата документов не указана.
148. Машинописная рукопись воспоминаний Александра Гершельмана хранится в домашнем архиве автора книги.
149. См. подробнее: Черепица В. Н. Истоки (Очерки из истории русско-белорусско-польских революционных и культурных связей XIX – начало XX веков). – с. 91-100.
150. Bronisław Szuszkiewicz. Organizacja grodzińska PPS w latach 1898-1910 // Niepodległość, 1937, t. 16. Z. 44. – с. 513-564.
151. Протокол подписали более 50-ти прихожан Ятранской церкви из числа жителей Ятры и ближайших деревень: Заполье, Косичи, Гончары и др.
152. Указание авторов обвинительного протокола на якобы имевшую место службу К. Климута в отряде С. Н. Булак-Булаховича было заведомой ложью, призванной причислить священника к «врагам народа и Сов. власти». Это сразу же обнаружилось и следствие.
153. Связь священника с полицией состояла по показаниям свидетелей лишь в том, что его видели однажды компании с подвыпившим полицейским.
154. В этом стихотворении подвергались осмеянию антиалкогольные мероприятия в СССР, в частности, налоговая политика в этой области.
155. Обвинения в адрес Киприана Климута подписали всего 5 жителей села Ятры.
156. Протоирей Георгий (Боришкевич) настоятель Гродненского Свято-Покровского собора. В годы немецкой оккупации – епископ Гомельский и Мозырский (под именем Григорий). Летом 1944 г. бежал из Гродно с немцами.

157. В СССР.

158. Из Жировицкого Свято-Успенского монастыря.

159. Имеется в виду католический Фарный костел Витовта, перестроенный в 1804 г. (после пожара) в православный Софийский собор. В 1920-1939 гг. – Гарнизонный католический костел Войска Польского.

160. Имеется ввиду Гродненский мужской Борисо-Глебский монастырь.

161. По некоторым данным такие списки были обнаружены протоиереем Филиппом (Рубаном) в разрушенном немцами здании Гродненского ГПУ сразу же после ухода из города советских войск.

162. Речь идет о деятельности в г. Гродно основанного с разрешения оккупационных властей «Гражданского комитета помощи жертвам войны» во главе с представителями городского католического и православного духовенства.

163. Они сводились к закрытию «Гражданского комитета» и запрещению духовенству заниматься политикой.

164. Это движение было инициировано польскими властями в Гродно в середине 30-х годов с целью колонизации местного населения.

165. Судя по всему, данный рапорт протоиерея Юлиана (Миллера) по роду причин не был закончен, а потому и не попал по назначению.

166. Рукопись воспоминаний Л.М.Яцкевич (1897-1989) хранится в домашнем архиве А.М.Яцкевич.

167. Воронин Н.Н. (1904 – 1976) – архитектор и археолог, выпускник Ленинградского университета, доктор исторических наук. Автор ряда трудов по истории и архитектуре древнерусских городов, в их числе – монографии «Древнее Гродно» (М., 1954), написанной по материалам археологических раскопок 1932 – 1949 годов.

168. Выпускница Витебского пединститута (1939 г.) Розенталь Элька Геселевна (Ольга Григорьевна) в 1944 – 1948 годах исполняла обязанности директора ГГИАМ, а затем до февраля 1951 года являлась зам. директора музея по научной работе.

169. Тихомиров М.Н. (1893 – 1965) – крупный советский историк, академик АН СССР. Основные труды его были посвящены истории России, общеславянским проблемам, источниковедению, археологии и историографии.

170. Гуревич Ф.Д. (1912 – 1988) – археолог, выпускница Ленинградского пединститута им. Герцена, кандидат исторических наук. Основные труды посвящены истории древнего Новогрудка и памятникам археологии Принеманья.

171. Рапопорт П.А. (1913 – 1988) – археолог, историк архитектуры. Окончил Ленинградский инженерно-строительный институт, доктор исторических наук. Исследовал проблемы истории и археологии монументальной архитектуры времен Киевской Руси и Московского государства, изучал памятники архитектуры средневековья в Гродно, Волковыске, Полоцке и др. городов.

172. Соболев Н.И. (1913 – 1990) – выпускник Белгосуниверситета, с 16 марта 1948 года – директор ГГИАМ.

Часть примечаний и ссылок на использованные источники в отдельных случаях даны как в тексте монографии, так и в подстрочках.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

П.А.Столыпин. 1903 г. Гродно.

**УКАЗ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, имъ Правительствующаго Совета,**

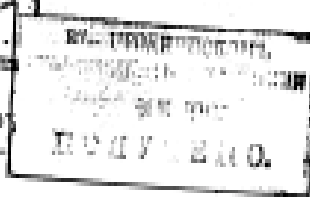
Гродненскому Губернскому Правленію.

На Высказаніе КТО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Высказаннаго указа, даннаго Правительствующаго Совету *Всѣмъ Императорскимъ Высказаніемъ* 21-го Октября 1902 года, о возведеніи въ должность ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА означеннаго, съ означеннаго избраннаго "Исполнителя" Губернскому Председателю Дворцоваго, Дворянина НАМУГО въ званіи Коммерсера, Статскому Свѣтлану Столыпину **ВЕРНУТЬСЯ** означеннаго быть Исправляющимъ должность Гродненскаго Губернатора, съ означеніемъ его въ предворномъ званіи? Правительствующаго Совета **ПРИКАЗАЛО:** О семъ **ВЫСОЧАЙШЕМЪ** ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Указѣ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Исправляющаго должность Гродненскаго Губернатора Статскаго Свѣтлана Столыпина и Гродненское Губернское Правленіе уведомить указавши, а данъ уведомленіи Министру ИМПЕРАТОРСКАГО Двора въ дѣлахъ Оберъ-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Совета передать капію съ сего опредѣленія имъ приложеннаго въ означенномъ порядкѣ. Іюль * 19 * денъ 1902 года.

Въ Оберъ-Секретѣ

Императорский Указ о возведении П.А.Столыпина в должность исправляющего обязанности гродненского губернатора .

Исключительный Государь,

Петръ Аркадьевичъ.

Исключительный ВЪСОЧАШНИКЪ, указавъ, динишь Правительствующему Совету въ 15-й день сего Февраля, **ВСКЛЮЧИТЕЛЬНО** повелѣно Вамъ быть Саратовскимъ Губернаторомъ, съ оставленіемъ въ придворномъ званіи.

О посылкѣ ВЪСОЧАШЕНЬ повелѣніи иже чести уведомить Вамъ Пренесодетельство.

Принято заборонѣ въ совѣршенномъ званіи увольненіи и преданности.

В. Плева

Письмо министра внутренних дел В.К.Плева в связи с государевым повелением П.А.Столыпину быть саратовским губернатором.

П. А. Столыпинъ. Последній
портретъ, снятый за не-
сколько часовъ до ужаснаго
злодѣянія.

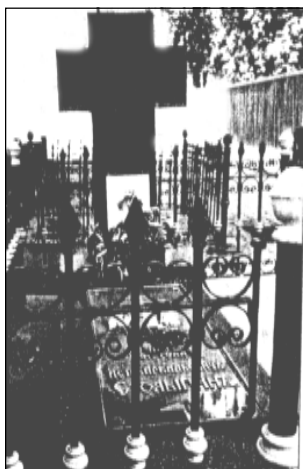
Крестъ св. Владиміра, бывшій на груди
у П. А. Столыпина, протрѣленный пулей.

Памятник П.А.Столыпину открытый в Киеве 5 сентября 1913 г.

Памятник П.А.Столыпину в Саратове. Его открытие здесь состоялось 17 апреля 2002 г.

Могила П.А.Столыпина в Киево-Печорской Лавре

Дворец Столыпиных в Среднiveкове под Москвой.

Переходим к делу. 20.01.19

Уважаемый Валерий Николаевич!

Прежде всего, хочу поприветствовать друзей и в мыслях, и Вашей скорби и в Ваших молитвах за упокой души Валентины Ивановны.

А мне хочу вернуться к теме о моей поездке в Гродно / это вопрос даже приезда, по официальному программе приезд предвиден в плане, тогда нам и хотел бы приехать к Вам по Дитен /горизонтным путем/.

Надеясь приехать. Я подыскал повозку где ездил мой дед, кроме -Гродно. Точку Вам показываю и размечиваюсь в левый, в которых мы говорили. Но пока-что, мне еще трудно представить дату моего приезда. Например, я еще не знаю, что точно предвидено в Казани, где находится могила моего деда.

Будем поддерживать контакт, в том увидим... Во всяком случае, я от своей души надеюсь, что не будет никаких разочарований!

Сердечно благодарю Вас за Вашу помощь. В частности, то что Вы пишите о моей семье и о моем деле очень ценно, т.е. журнал Гродно несомненно заслуживает большой известности. Надеюсь, что Ваша статья будет скоро опубликована и попадет Вам в работу.

А Вас поздравляю с Новым годом
искренне
Викторий Сидорович

Одно из писем Д.А.Столыпина автору данной книги.

Генералъ Копелевъ.

МАТЕРИАЛЫ
по
ЭТНОГРАФИИ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Издано Управленіем Вилненскаго Учебнаго Округа

подъ редакціей

Е. П. Романова.

ВИЛЬНА.

1912.

**КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
(862–1462)**

Издание второе, исправленное

Ответственный редактор: академик РАО
Корольков А. А.

Допущено учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации по педагогическому образованию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших и средних специальных учебных заведений.

Издательство
«АЛТЕЙ»
Санкт-Петербург
1999

Титульный лист переизданного труда Е.Ф.Шмурло.

А.Л.Чижевский. 1918 г.

К.Э.Циолковский.

Юрий Мазуркевич. 1960-е годы.

22.11.67.

Дорогая Раиса Леонова!

Это письмо Вам пишуся под впечатле-
нием восторженной встречи с Мазуркевичем
Юрием Мазуркевичем, обаявающим весной своим
теплым контрастом ко холодной осени.

Поблизости, со Мазуркевичем соединены не-
посредственно теснотой в 2. Клад и Гибера
с ними в короткое расстояние все Вам
уже известно в Уфе. Работает в Москве
сестра Юлиановна в Катании в Советском Союзе,
мать Валерия Мазуркевич, Советом с центром,
Уфа, Уфа и т.д.

Интересная французская картина, которую
Мазуркевичем, передает звук, передает
визуально собой на странице, полный
и разносторонний рисунок, очень интересный
улица и пейзажи и т.д. и т.д. и т.д.
в работе - картина которая называется
То. Мазуркевич.

К радости в том, что Вам много интересных
вопросы дополнили былью, очень приятно,
которая и есть сейчас в Уфе.

Пожалуйста всегда передайте Ваш мой
сердечный привет и лучшие пожелания.

Искренне Вам

Давид Ойстрах.

Давид Ойстрах о Юрии Мазуркевиче.

В. В. БОГДАНОВИЧЪ

Сорокой урешу

Церковно-Славянскии

Анастасия Яцкевич

ЯЗЫКЪ

От автора - уро-

какъ религіозно-культурная цѣнность.

мат.

1938

14/38

КО ДНЮ 950-ти ЛѢТІА

КРЕЩЕНІЯ РУСИ

988 — 1938

— ИЗДАНИЕ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА МОЛОДЕЖИ ВЪ ПОЛЬШѢ
ОТДѢЛЪ ВЪ ГРОДНѢ
(Р. О. М.)

Гродно 1938 годъ

Титульный лист одной из работ В.В.Богдановича с дарственной надписью Анастасии Яцкевич, 1938 год.

Анастасия Яцкевич. 1938 год.

Группа учителей Виленской русской гимназии.
В.В.Богданович – третий справа.

Opisła państwowa uiszczona ryczałtem.

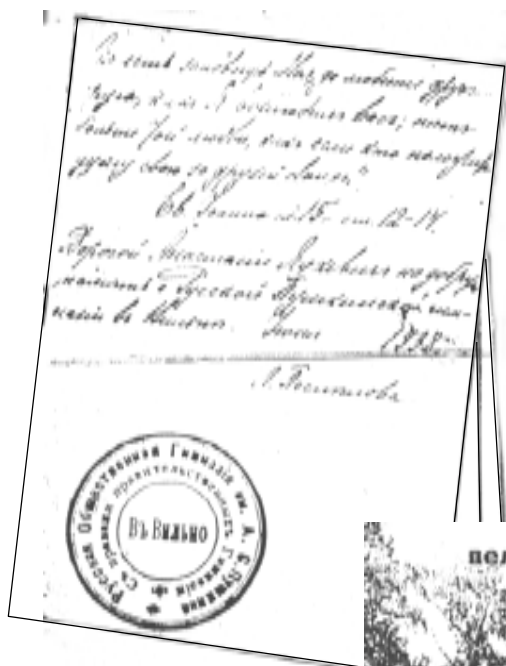
РОДНОЕ -СЛОВО-

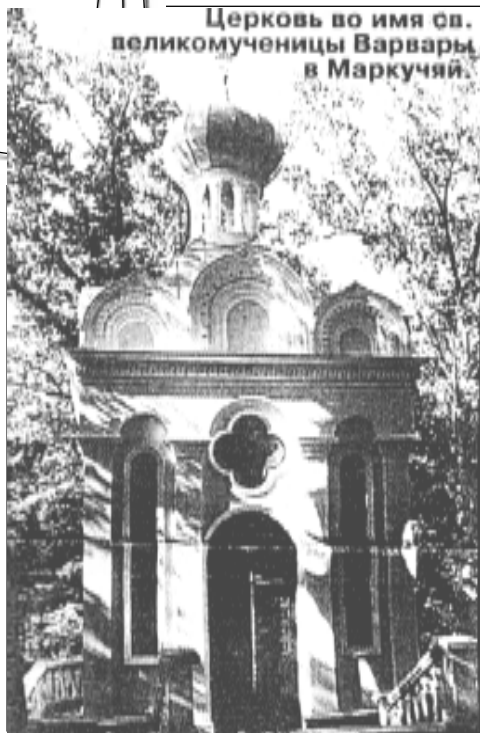
ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ С.Р.М.О. В ПОЛЬШЕ.

№ 3 МАРТ-АПРЕЛЬ 1934

Титульный лист журнала, с которым сотрудничал
В.В.Богданович.

Печать русской
гимназии с автографом
Л.Поспеловой. 1938 год.

Татьяна Маслова после спектакля. Сидит от центра справа.

Воспитанницы русской гимназии на торжественном построении. 1936 г.

В.В.Богданович среди гимназистов. 1939 год.

Гимназисты после спектакля по пьесе А.Н.Островского. 1938 год.

Генерал В.А.Гейман.

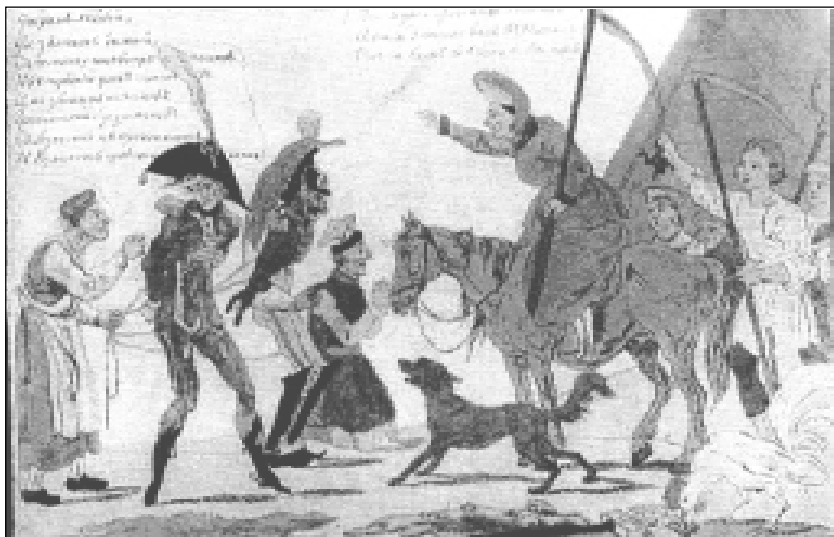
Надгробие на могиле генерала Г.А.Зметнова. 2002 год.

Протоиерей Сергей Белаиц (1908-1985) с матушкой в последние годы жизни. Село Голдово Лидского района.

Фото из следственного дела А.А.Яновицкого.

Карикатура на пленных солдат и офицеров наполеоновской армии.
Москва. Начало XIX века.

Юные гродненские патриоты у могилы генерала Г.А.Зметнова. 2002 год.

УПРАВЛЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ИЗВЕЩЕНИЕ ОБЪЕДИНЕННОГО.

3 октября 1947г.

Сысденскому отделу
господину Промышлену Алейну
в Гродно.

На основании проведенной операции с вами-беседы и записки от
всех вы сообщали, что я уведомил Суромского г. Гродно, провести
однажды сбор денег в пользу пострадавшим жителям г. Гродно,
которые они получают в виде материальной помощи отсюда и т.д.

Что не означает, что я считал дальнейшую деятельность Комитета
та необходимая. Помощь деятельности Комитета не может быть достаточной,
так как у него нет для этого достаточных мер. Для этого
существует государственная служба, который должен устранить все нед
разумия. В первую очередь нужно обеспечить местом работы, чтобы
создать необходимые условия для работы описанно пострадавшим семья
им, я уведомил Суромского провести материальный сбор.

Я прошу вас распустить Комитет.

Я всегда в своем распоряжении, как и в распоряжении остальных
ответственных руководителю других религиозных обществ.

В мероприятии, не будучи в числе церковный круг действия,
прошу как до сих пор, так и в дальнейшем не вмешиваться.

Свои заявления в адрес Прошу представлять мне лично.

Исполнение: Федя П I / Главный Комиссар г. Гродно, д. В П, л. 61.

Исполнение: Ст. Научный сотрудник - Г.
Облагодарила ГОДИО.

ИЗВЕЩЕНИЕ:

Документ о прекращении деятельности Гражданского комитета.

Один из первых российских междугородних автобусов марки «Gageman». Начало XX в.

Автобус, курсирующий от Гродно в Скидель и обратно. В центре – владелец фирмы, слева – кондуктор, справа – водитель автобуса.

ГРОДНЕНСКОЕ
 ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 * 16 АВГУСТА *
 ПОЛУЧЕНО
 17

Во Гродненскую Городскую Управу
 20 н. кав. ст. Б.Б. Гордо

Александр Александрович Бронников
 Бронников Александр Александрович
 Александрович Бронников
 Александрович Бронников

Заявление

Александр Александрович Бронников
 Александрович Бронников Александрович
 Александрович Бронников Александрович
 Александрович Бронников Александрович

Заявление первого гродненского таксиста Б.Б.Гордо
 в городскую управу. 1913 год.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Автомобиль

А 1574

20 сентября 1920г
Всем гражданам
на А. Б. Городко

Дано мне владению автомобилем из
г. Гродно Брониславу Брониславовичу
Городко на право езды по городу авто-
мобилем А. Б.

Информация состоит сама владения.

Удостоверение это не подлежит пред-
ставлению в Исполнительные учрежде-
ния.

Член Урядов

Директор

Удостоверение Б.Б.Городко на право езды по городу.

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Н. Анд. М. Воево
№ 5938

Канц. опис. влад. опису автомобиля на п.
Гродн. доктору Александру Карловичу -
Фоме-Дальскому в том, что принадле-
жит ему двухцилиндровый автомобиль марк
K I, для частного пользования, по свиде-
тельству инженера является удовлетвори-
тельным и не нуждается в таковом для вадн
по поводу пропущенной со стороны Управл.
не встречавшейся.

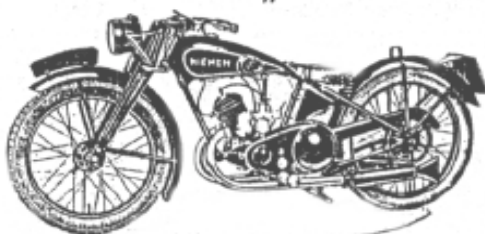
Городской Голова

Дьялпроизводитель

Удостоверение первого гродненского автолюбителя. 1913 год.

KRESÓWA FABRYKA
ROWERÓW I MOTOCYKLI

„NIEMEN“

TEL. 334 i 204 N. STAROWOLSKI i S-KA, GRODNO P.K.O. 11.246.
poleca rowery, rowery motorowe i motocykle.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Гродненская Городская Упра-
ва объявляетъ, что установлен-
ные обязательнымъ постановлені-
емъ Городской Думы, изданнымъ
5 іюля 1900 года, номера для вело-
ципедовъ, на текущій 1913 годъ, за-
готовлены Управою, гдѣ и должны
быть приобретаемы велосипедистами.

Означенные номера должны прикрѣпляться къ вело-
ципеду на видномъ мѣстѣ, но отнюдь не на колесахъ

Членъ Управы А. Восинскій.

Директоръ Саванчукъ.

Государственная автомобильная инспекция
РК милиции гор. Гродно.

**ВЫДЕРЖКИ
ИЗ ПРАВИЛ
ДВИЖЕНИЯ**
по улицам гор. Гродно

ГРОДНО

— 1940

ГУГО ГЕРМАНЪ МЕЙЕРЪ

Р И Г А.

Фабрика и Складъ

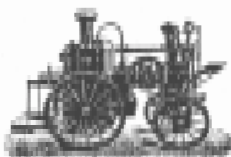
полнѣею собраніе, совершеннѣе и болье изобрѣтеній новой техники, механическихъ машинъ, двигателей и принадлежностей для пожарной команды.

Коски, топоры, пилы, спашивальные бороны, фанелы, фонари, знаки, рукава и т. д.

Паровыя пожарныя трубы

самой лучшей конструкции и лучшей конструкции

1. Какъ лучшей паровыя пожарныя трубы производительности въ 40 силъ.
2. Какъ лучшей въ 3 силъ, силъ.
3. Какъ лучшей паровыя насосы.
4. Какъ лучшей насосы.

Цѣна каждой 1) Рубль 2,500 — въ Ригѣ.

Пожарныя трубы

на двухколесной водѣ, силъ 5. Руб. 300 и выше.

Пожарныя трубы

на четырехколесной водѣ.

Полныя пожарныя обоны

для городовъ, деревень, фабрикъ, заводовъ и мѣстцъ.

На 5. Руб. 375 — и выше.

Пожарныя трубы безъ колесовъ.

На 5. Руб. 120 — и выше.

Фирма существуетъ съ 1873 года

и находится въ совершеннѣйшей изъ всѣхъ пожарныхъ командъ нашей обширной Имперіи.

Патентовъ изобрѣтателя выданы на изобрѣтательство.

Рекламный проспект пожарной техники.

Карикатура на пѣниц. Начало XX века.

ЛѢТОПИСЬ.

СОФІЙСКІЙ СОБОРЪ

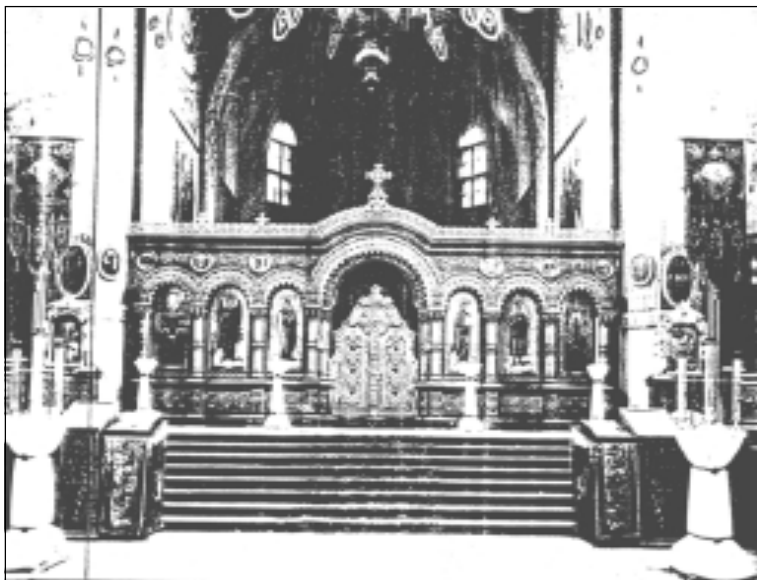
въ гор. Гроднѣ.

Составлена лѣтопись въ мѣсяцъ январь 1914 года.

Титульный лист «Летописи Софийского собора»

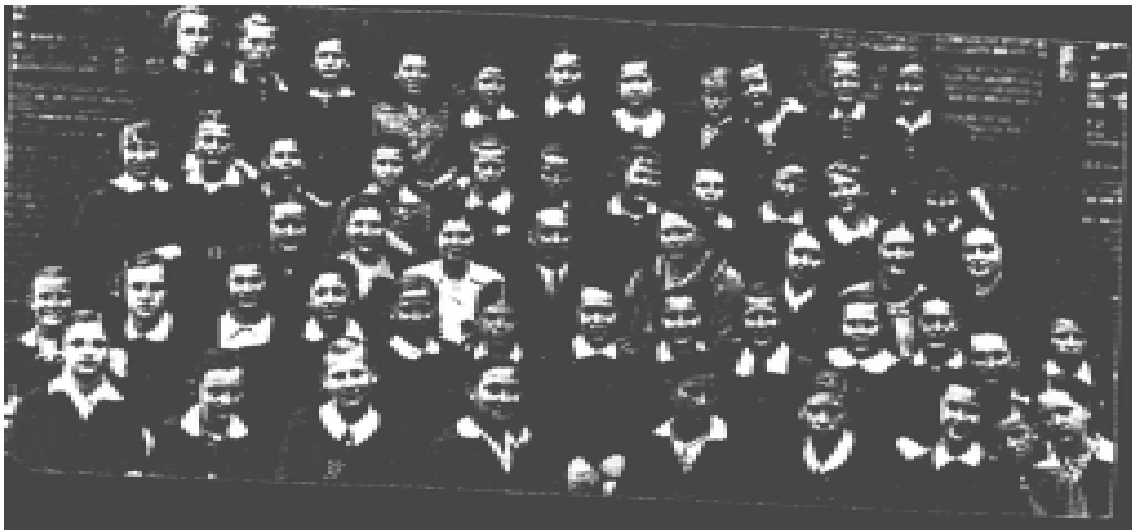
Софийский собор. Гродно, 1914 г.

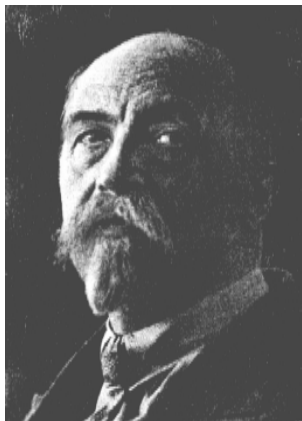
Главный алтарь и иконостас Гродненского Софийского 1907 год.
Публикуется впервые.

Объявления вывешиваемые в Софийском соборе. 1905-1907 годы.

Бронислав Шушкевич (в центре)
с гродненскими учащимися 1930-е годы.

Петр Шумов

Кейла Лапин (жена Петра Шумова)

Шлема Капульский

Янкель Лимони

Менахим Вайнер

Борис Гец

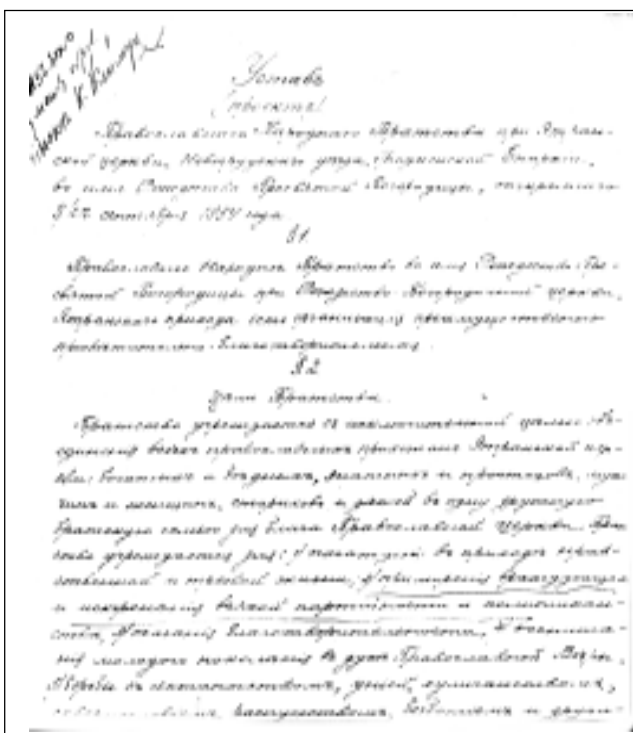
Файвель Солц

Александр Дьконов

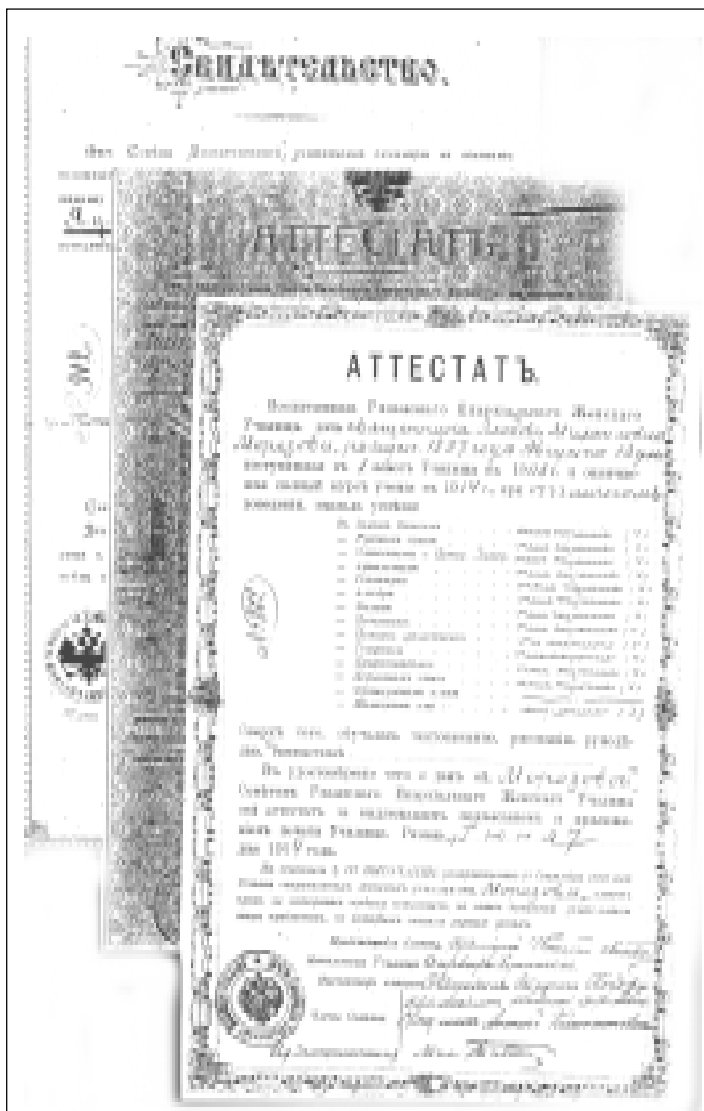
Иерей Киприан Климур сразу после ареста. 10 октября 1939 г.

Титульный лист устава православного братства, организованного священником Киприанов Климуром

Супруги Яцкевичи. Начало XX века.

Аттестаты и свидетельства об образовании супругов Ячкевич.

Матвей Яцкевич в годы первой мировой войны.

Священник Матфей Яцкевич 1930-е годы.

С П Р А В К А.

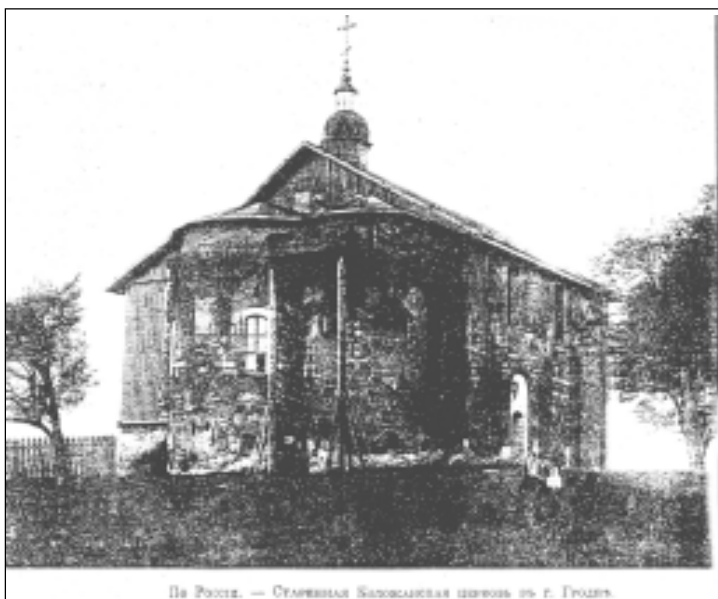
Я врач, психолог, настоящей справкой подтверждаю, что в мое бытность арестом в Сарыарке, Залузовского района, где я был оставлен в оккупации, Судуча тяжело раненная в Голову и плечо, горюха была сменена на Лесиде О. Натане Елизавича. Знаю его личность и деятельность. Действительно он много вымогал людей из рук фашистов, он смело ходил в нацизм в противе смысле арестованным и выдала справку на немецком языке командиром в по его справкам в личном его господстве много человек и девушек было спасено и не вывезено в Германию и многие арестованные были освобождены из под ареста. У него неоднократно выданы ли арест свои раненные при партизане и партизаны.

Я сам при оказании помощи в лесу партизанам много содерживался и выдала ночью арест в его доме. Он сильно выгодами и смело укорял фашистского буржестра по фамилии Тойтль за оказание помощи деревне "Соснаки" Залузовского района, за что получил угрозы. Но Тойтль вскоре был убит партизанами. Действительность сменена Натане Елизавича по време оккупации этого края немцами была очень плодотворна.

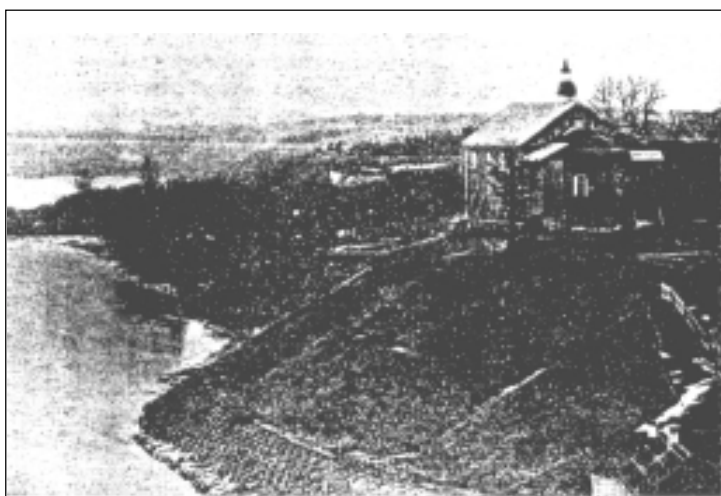
Подпись: врач Остроумов,

30/1-42 г.
Г. Гродно.

Подпись врача Остроумова Евгения Васильевича заверена Подписью Доктора, поставленной печатью Гродненского областного комитета Г. Гродно. Коммунистическая № 2 К/11-42 г.

Па Роуце. — Священнае Каполацкае царква ў с. Гродзе.

Колоніцкая царква (з яго-восточнай стороны) пасля
ремонта ў 1897 году.

сентябрь 1989 г.
7138

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ "ТРОИЦЕНСКАЯ ПРАВДА"

Грекокатолической Государственным Историко-Археологический Музей просит поместить в газете один раз следующее объявление:

"Грекокатолическому Государственному Историко-Археологическому Музею на время археологические раскопки совхоза - октября поселка городского района-госхоза.

Работы проводятся на территории Старого Замка в г.Троице в закрытом помещении.

На работу принимаются подростки и взрослые рабочие.

Обращаются: г.Троице, Савицкая ул.,
Старый замок, Музей. Тел.-2-93.

ДИРЕКТОР ТРОИЦЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

УЧЕБНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

/СОВАЛЬ/

/МАРТЫНОВ/

УВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ!

Посылаю Вам следующие материалы по раскопкам:

1. Фото-снимки по 2 экземпляра - 68 шт.
Три негатива из отобранных Вами оказались повторными, поэтому снимки с них не посылаю.
Остальные семь снимков вышлю на днях.
2. Опись в двух экземплярах:
 - а/ коллекции северного раскопа;
 - б/ коллекции из раскопа Нижней церкви;
 - в/ индивидуальных находок;
 - г/ негативов Гродненской экспедиции 1949 г.
3. Пять экземпляров газеты "Гродненская правда" с Вашей статьей.

Сообщаю, что на Ваш адрес мы отправили посылку с металлическими экспонатами из раскопок 1949 года.

Кости еще не отправили, т.к. Комитет неожиданно закрыл нам финансирование, и мы без денег.

Мы просим Комитет дооткрыть нам нужные кредиты и есть надежды, что в конце ноября мы сможем кости отправить.
Работы по укреплению места раскопа и его благоустройству по Вашему указанию идут к концу.

Об окончании работ и о том, что сделано мы дополнительно сообщим подробно.

Примите от нас и коллектива привет.

ДИРЕКТОР ГРОДНЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н.С. Своболь
/МАРТЬЯНОВ/

Участники археологических раскопок 1949 года в г.Гродно.
Слева направо: Ю.В.Панков, В.В.Седов, А.В.Никитин, Л.В.Артишевская, В.Л.Янин,
Н.Н.Воронин (рук. экспедиции), Л.В.Алексеев, В.К.Буч.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Раздел I. Исторические очерки.....	6
Глава I. П.А. Столыпин (1862-1911) – гродненский губернатор и великий реформатор России.....	6
«Счастлив был задушевному привету из родной Гродненской губернии...». П.А. Столыпин и гродненское духовенство.....	6
«Разрешить этот вопрос нельзя, его надо решать...» П.А. Столыпин о нуждах и перспективах сельского хозяйства Гродненской губернии.....	24
«Впечатление от встреч со Столыпиным было неизгладимым»...» Великий реформатор в воспоминания гродненцев.....	31
«Нет весь я не умру...» История о том, как гродненцы увековечивали память о П.А. Столыпине.....	35
«Всякое искажение науки есть святотатство...» А.Д. Столыпин (1860-1899) отец реформатора.....	39
Глава II. Гродненщина в жизни деятелей науки и культуры XIX – XX в. «История» как средство против забвения...».....	48
Н.М. Карамзин (1766-1826) и Гродненщина.....	48
«Прошу не отказать в своем содействии...» О жертвованиях гродненцев в пользу известных российских деятели во второй половине XIX века.....	56
Мастер исторического жанра...» Академик живописи И.П.Трупнев (1827-1913).....	61
Творения души народной. К юбилею выхода в свет «Материалов по этнографии «Гродненской губернии» (1911-1912).....	64
«Быть верным своему прошлому...» По страницам «Курса русской истории» Е.Ф. Шмурло.....	68
«Рядом с Циолковским...» Из биографии А.Л. Чижевского (1897-1964).....	73
«Феномен Ларисы Рейснер: гродненский ракурс одной из легенд...».....	77
«В 1933 ей рукоплескала вся Европа...» Татьяну Маслову по сей день помнят в Гродно.....	82
«Служение высокой музе...» О гродненской родословной скрипача Юрия Мазуркевича.....	86

Глава III. На ниве православной духовности.....	90
Как спасали Коложу во второй половине XIX – начале XX века.....	90
«Первая в России...» Из истории Свято-Ольгинской общины сестер просвещения (1912-1914).....	99
«Православная вера на Беларуси всегда была крепка любовью к ней ее сынов...» В.В. Богданович (1878-1939) – возвращение после долгой разлуки.....	106
«Был и остаюсь страстным защитником Церкви и религии...» Протоирей Сергей Белаец (1908-1985) – литератор и публицист.....	130
Глава IV. Страницы военной истории.....	152
«Если он жив, то позволить ему возвратиться домой...» Французские военнопленные в Гродненской губернии после 1812 года.....	152
Герой Шипки. Прах генерала Г.А. Зметнова (1859-1913) покоится на гродненской земле.....	164
«Его блистательные атаки содействовали полному разгрому турецких войск...» Генерал – лейтенант В.А. Гейман (1820-1878) – наш земляк.....	167
«Во имя добра и справедливости...» Гродненский «Гражданский комитет помощи жертвам войны». Лето – осень 1941 года.....	174
Глава V. Из истории технического прогресса и быта.....	180
С ветерком на «Мерседесе» и на «Немане»... Первые гродненские автомобили и мотоциклы.....	180
«Под сенью «Голубого Креста». Из истории пожарного дела на Гродненщине.....	186
«Положить конец безудержному пьянству...» Как зарождалось трезвенное движение на Гродненщине.....	189
Раздел II. Документы, материалы, комментарии.....	192
«Собирал из официальных бумаг учитель Гродненской гимназии Федор Гартц...» Сведения [Записки], относящиеся к истории о войне 1812 года.....	192
«Во имя Софии – премудрости Божией...».....	215
Летопись. Софийский собор в городе Гродне.....	221
«Это может посеять в умах молодежи несбыточные мечты...»	

Новое об Элизе Ожешко.....	256
«В Гродно я впервые увидел автомобиль, услышал граммофон и познакомился с электрическим освещением...».....	265
Александр Гершельман. Из детских воспоминаний 1898-1910 годов.....	265
«Маршировали отдельно, бились вместе, но имели свою цель...».....	268
Бронислав Шушкевич. Гродненская организация ППС в 1898-1910 годах. Воспоминания.....	269
«Схватка религии и атеизма...» О конфликте в селе Ятра на Новогрудчине (1934-1938).....	286
«Июня 23 дня в г. Гродно вступили немецкие войска...».....	295
Рапорты протоиерея Юлиана (Миллера) выспреосвященнейшему Пантелеимону Рожновскому).....	296
«О своих ближних и немного о себе...».....	301
Из воспоминаний Л.М. Яцкевич (1897- 1989).....	303
Как это было: археологические раскопки 1949 года в г. Гродно.....	319
Примечания.....	349
Иллюстрации.....	357

Научное издание

Черепица Валерий Николаевич

**... НЕ ПОТЕРЯТЬ СВЯЗУЮЩУЮ НИТЬ: ИСТОРИЯ ГРОДНЕНЩИНЫ
XIX –XX СТОЛЕТИЙ В СОБЫТИЯХ И ЛИЦАХ
(исследования, документы, комментарии)**

Монография

Ответственный за выпуск С.И. Тягушина

Редактор Н.Н.Красницкая

Компьютерная верстка: Т.А.Коваленко

Сдано в набор 06.01.2003. Подписано в печать 17.06.2003.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 36,31.

Тираж 500 экз. Заказ .

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы». ЛВ №96 от 02.12.2002.

Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.